

**«АДАМ ҚҰҚЫҚТАРЫ ЖӘНЕ ОЛАРДЫ ҚОРҒАУ:
ТЕОРИЯСЫ, БОЛМЫСЫ ЖӘНЕ ДАМУ ТЕНДЕНЦИЯЛАРЫ»**

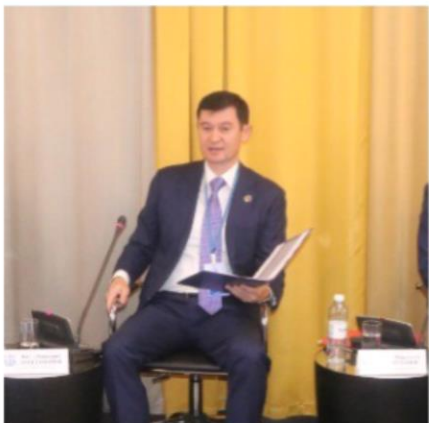
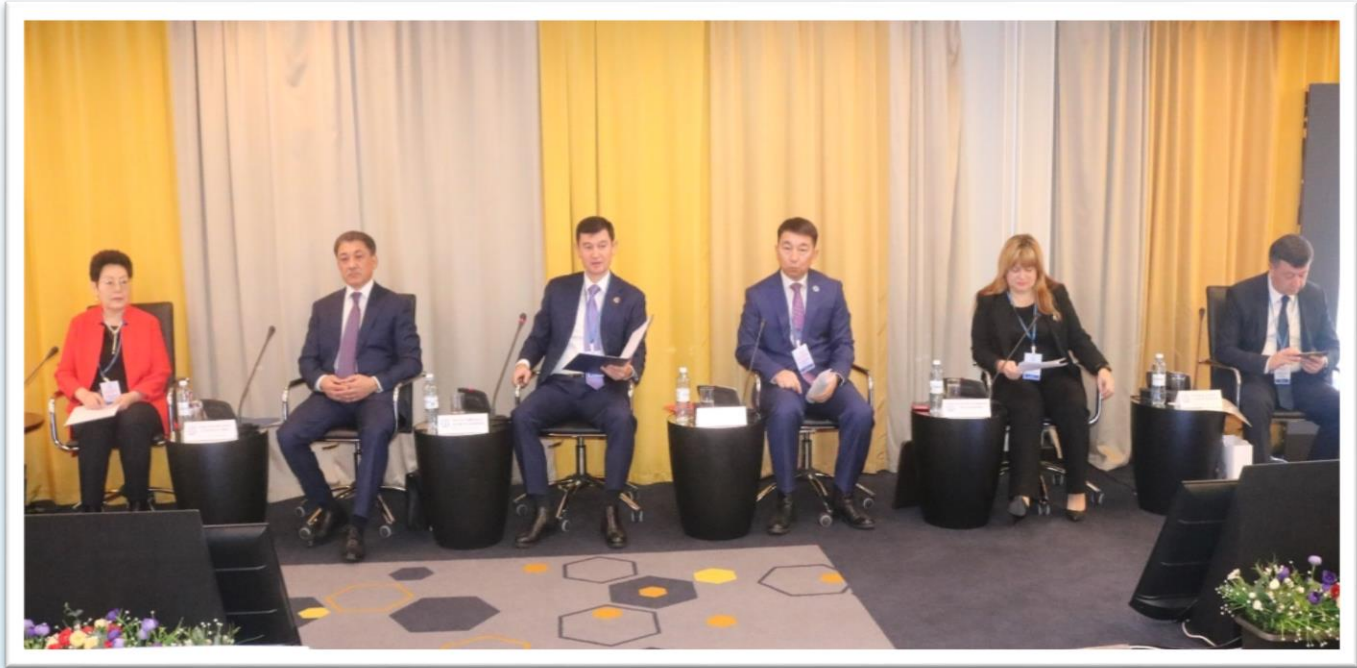
Адам құқықтары жөніндегі
V Еуразиялық форумның материалдар жинағы
(2023 ж. 1 желтоқсан, Астана қ.)

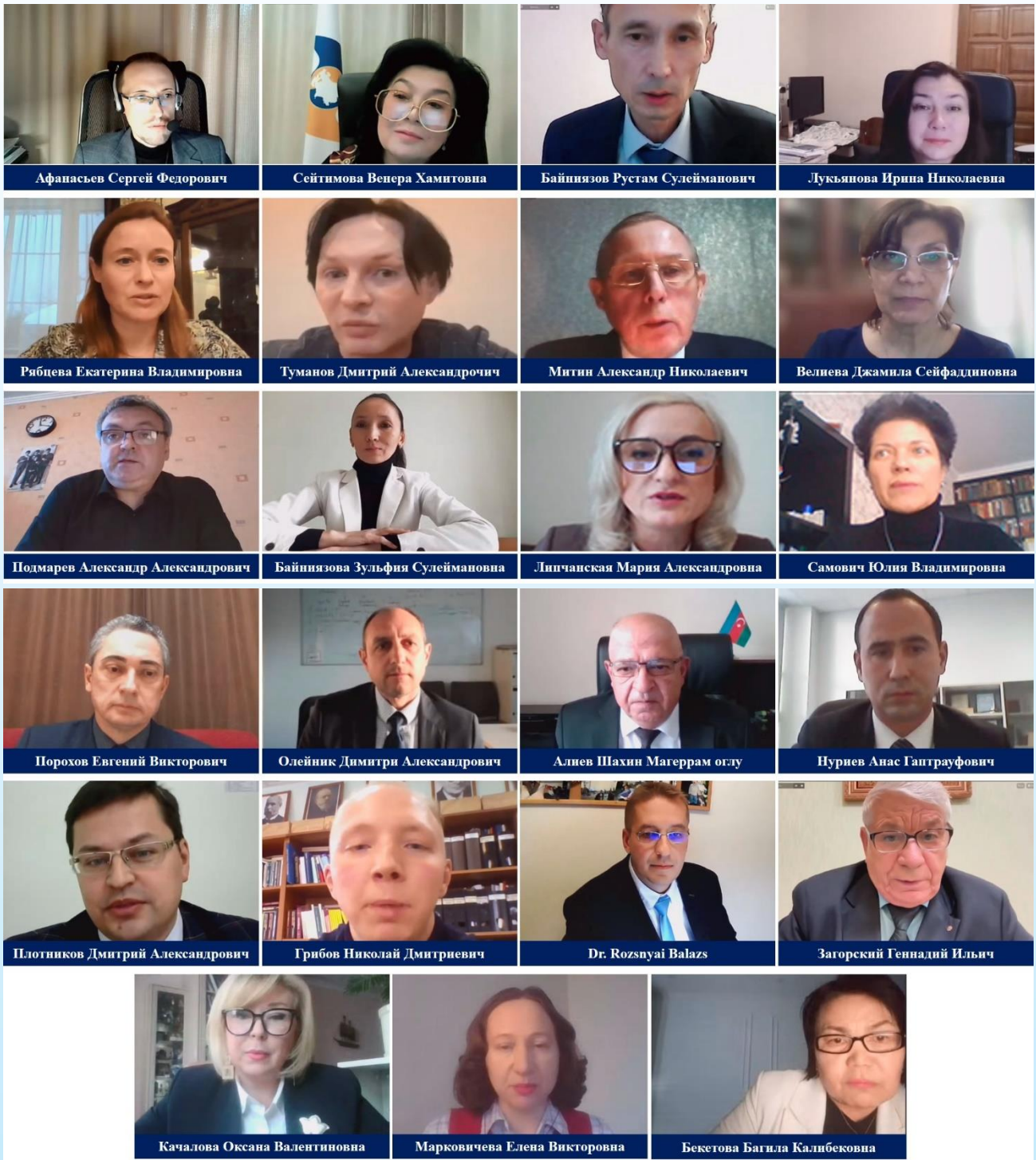
**«ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ИХ ЗАЩИТА:
ТЕОРИЯ, РЕАЛЬНОСТЬ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ»**

Сборник материалов
V Евразийского форума по правам человека
(1 декабря 2023 г., г. Астана)

**«HUMAN RIGHTS AND THEIR PROTECTION:
THEORY, REALITY AND DEVELOPMENT TRENDS»**

Collection of materials of the
V Eurasian Forum on Human Rights
(December 1, 2023, Astana)

ӘОЖ 341.231.14
КБЖ 67.400.7
А24

Заң ғылымдарының кандидаты, Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының жанындағы
Сот төрелігі академиясының ректоры **З.Х. Баймолдинаның** редакциялық етуімен

Под редакцией кандидата юридических наук, ректора Академии правосудия при
Верховном Суде Республики Казахстан **З.Х. Баймолдиной**

Edited by candidate of legal sciences, rector of the Academy of Justice under the
Supreme Court of the Republic of Kazakhstan **Z.H. Baimoldina**

Редакциялық алқа — Редакционная коллегия — Editorial Board

Р.М. Абдрашев, Е.О. Егембердиев, Т.С. Нұрышева, А.М. Атагулова-Хан
R.M. Abdrashev, E.O. Egemberdiev, T.S. Nurysheva, A.M. Atagulova-Khan

А24 **Адам құқықтары және оларды қорғау: теориясы, болмысы және даму тенденциялары:** Адам құқықтары жөніндегі V Еуразиялық форумның материалдар жинағы (Астана қ., 2023 ж. 1 желтоқсан) / З.Х. Баймолдинаның редакциялық етуімен. - Астана: «Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі академиясы» РММ баспасы, 2024. – 603 б.

Права человека и их защита: теория, реальность и тенденции развития: Сборник материалов V Евразийского форума по правам человека (г. Астана, 1 декабря 2023 г.) / Под ред. З.Х. Баймолдиной. - Астана: Издательство РГУ «Академия правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан», 2024. – 603 с.

Human Rights and their protection: theory, reality and development trends:

Compilation of the V Eurasian Forum on Human Rights (Astana, 1 December 2023) / Edited by Z.H. Baimoldina. - Astana: Republican state institution «Academy of Justice under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan», 2024. – 603 с.

ISBN 978-601-08-3849-9

Жинаққа Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі академиясы 2023 жылғы 1 желтоқсанда ұйымдастырған адам құқықтары жөніндегі «Адам құқықтары және оларды қорғау: теориясы, болмысы және даму тенденциялары» атты V Еуразиялық форумға қатысушылардың баяндамалары енгізілді. Форумға Азербайжан, Венгрия, Германия, Қазақстан, Ресей және Өзбекстан ғалымдары, сарапшылары қатысты.

Заң ЖОО-лар мен факультеттерінің оқытушыларына, магистранттарына, докторанттарына, сондай-ақ адам құқықтары проблематикасына қызығушылық танытатындардың барлығына арналған.

В сборник включены доклады участников V Евразийского форума по правам человека «Права человека и их защита: теория, реальность и тенденции развития», организованного Академией правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан 1 декабря 2023 года. В Форуме приняли участие ученые, эксперты из Азербайджана, Венгрии, Германии, Казахстана, России, Узбекистана.

Предназначено преподавателям, магистрантам, докторантам юридических ВУЗов и факультетов, а также всем, интересующимся проблематикой прав человека.

The collection includes reports of participants of the V Eurasian Forum on Human Rights «Human Rights and their Protection: Theory, Reality and Development Trends», organized by the Academy of Justice under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan on December 1, 2023.

The Forum was attended by scientists and experts from Azerbaijan, Hungary, Germany, Kazakhstan, Russia and Uzbekistan.

Intended for teachers, undergraduates, doctoral students of law universities and faculties, as well as for everyone interested in human rights issues.

© Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі академиясы / Академия правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан/ Academy of Justice under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan. 2024.

Барлық материалдар авторлық нұсқада жарияланған. Материалдардың мазмұнына олардың авторлары жауапты. Все материалы публикуются в авторской редакции. За содержание материалов ответственность несут их авторы. All materials are published in the author's editorial office. Their authors are responsible for the content of the materials.

Құрметті форум қатысушылары мен қонақтары!
Уважаемые участники и гости мероприятия!

Разрешите от имени Верховного Суда, Судебной администрации Республики Казахстан и от себя лично поприветствовать Вас на 5^м Евразийском форуме и поблагодарить Академию правосудия за его организацию.

Символично, что проведение юбилейного форума совпало с 75-летием Всеобщей декларации прав человека.

Форум стал ежегодной площадкой, на которой традиционно обсуждаются теоретические и практические аспекты защиты прав человека.

Казахстан был и остается твердым приверженцем этих ценностей, являясь полноправным участником более 70^{ти} многосторонних договоров в этой сфере.

В 2020 году наша страна присоединилась ко Второму Факультативному протоколу о гражданских и политических правах, предусматривающему отмену смертной казни.

Утверждены планы, направленные на долгосрочное и комплексное укрепление защиты фундаментальных прав человека и верховенства закона.

Глава государства постоянно уделяет внимание необходимости установления справедливости и порядка в обществе, в котором эффективное правосудие и защита прав граждан занимают особое место.

Это основные векторы судебных реформ.

В целях демократизации судебной системы и расширения гражданского участия в отправлении правосудия по поручению Президента поэтапно расширены категории дел, подлежащих рассмотрению судами присяжных (*до 2022 года 14 составов, с 2023 г. – 31, с 2024 г. – 44*).

С 1 июля 2021 года внедрена административная юстиция. За это время она показала свою эффективность в защите прав и законных интересов граждан от незаконных действий госорганов.

Раньше процент выигрыша граждан у государства составлял 15%. Сегодня он превышает 60%.

В целях усиления защиты прав и интересов несовершеннолетних с 1 сентября т.г. расширена подсудность ювенальных судов.

В их юрисдикцию переданы брачно-семейные дела, где затрагиваются интересы и права несовершеннолетних.

Усилена роль апеллиационной инстанции, которая должна принять решение по существу, без возврата в первую инстанцию. Этот механизм:

- снизит количество судебных ошибок;
- повысит качество судебных актов;
- обеспечит единообразие практики судов;
- позволит быстрее восстановить нарушенные права граждан и предпринимателей.

Внедрено электронное судопроизводство, оптимизированы судебные процедуры, снижена бюрократия в судопроизводстве.

Эти и другие меры позволили Казахстану подняться в Индексе верховенства права на 65^е место из 142 стран.

По региону «Восточная Европа и Центральная Азия» занимаем 4^е место после Грузии (48), Черногории (59) и Косово (58).

По отдельным факторам Казахстан входит в ТОП-50:

«Гражданское правосудие» - 36^е место;

«Порядок и безопасность» - 44^е.

Свою востребованность доказали следственные суды.

Ежегодно растет число обращений и удовлетворенных ими жалоб. Стало меньше арестованных.

Если ранее отказывалось в санкционировании ареста всего в 8% случаев, то в этом году суды отказали уже по каждому четвертому такому ходатайству (24% или 2385 за 9 мес. т.г.).

Ещё 30 лет назад 60% лиц осуждалось к реальному лишению свободы.

После гуманизации законодательства доля таких уголовных наказаний уменьшилась до 32%. Остальные две трети предусматривают альтернативные меры, не связанные с изоляцией от общества.

Чаще стали выноситься оправдательные приговоры (за 9 мес. т.г. - 177).

В результате тюремное население сократилось и Казахстан в «тюремном индексе» переместился на 99^е место (157 на 100 тыс. населения).

На заре независимости мы были 3^{ие} в мире.

Уверен, что происходящие в судебной системе положительные изменения заметны не только профессиональным юристам, но и простым гражданам.

С учетом современных запросов общества работа в этом направлении продолжается.

В этом контексте не могу не отметить роль Судебной администрации, на которую Указом Главы государства одной из задач возложена разработка системных реформ, направленных на совершенствование судебной системы и деятельности судов.

Поэтому в тесном взаимодействии с судейским сообществом работаем по новым актуальным вопросам.

Для усиления состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе предлагаем исключить положения, которые обязывают суд восполнять пробелы следствия, подменяя обвинение и защиту.

Прорабатываем вопросы расширения полномочий следственных судей путём наделения их правом проверять правильность квалификации органов следствия.

Большую критику у юридического сообщества вызывает существующий порядок доступа в кассацию.

В зависимости от вида судопроизводства здесь применяются абсолютно разные подходы.

Адмюстиция уже имеет «сплошную» кассацию.

По гражданским и уголовным делам сохраняется предварительное рассмотрение кассационных ходатайств. При этом протест ГенПрокурора рассматривается сразу на заседании судебной коллегии.

В этой связи по поручению Главы государства провели консультации с предпринимательским и юридическим сообществами по вопросу создания самостоятельных кассационных судов.

Мнения совпали: по всем видам судопроизводства ввести единые правила обращения и пересмотра.

Полагаем, что реализация этих судебных реформ положительно скажется на обеспечении прав граждан.

В целом, постоянно меняющаяся мировая повестка диктует нам новые вызовы в защите прав человека.

В этой связи определение возникающих тенденций имеет большое значение для развития законодательного обеспечения прав человека.

Уверен, что у участников форума есть много интересных и значимых идей, которые можно обсудить.

Желаю успешной и результативной работы!

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Нурмуханов Бакыт Маратович,
к.ю.н., заместитель Председателя
Конституционного Суда
Республики Казахстан

ПРАВозащитный потенциал Конституционного Суда Казахстана

Согласно статье 1 Конституции Республики Казахстан человек, его жизнь, права и свободы являются высшими ценностями государства. Как неоднократно разъяснялось в итоговых решениях органа конституционного контроля, данные положения свидетельствуют о приоритете общечеловеческих ценностей и означают, что государство не имеет более важной задачи, чем забота о человеке. Основной Закон содержит не просто каталог прав и свобод, но и предусматривает механизмы их защиты, а также компетенцию государственных органов в этой сфере.

Глубоко символично, что настоящая конференция проходит в преддверии 75-летнего юбилея эпохального международного документа – Всеобщей декларации прав человека, закрепившей неотъемлемые права, присущие каждой личности. Многие ее положения легли в основу конституций современных государств, вставших на путь цивилизованного развития, и стали основой для формирования национальных законодательств. Тем самым они во взаимодействии и системном единстве с конституционными нормами и принципами призваны обеспечить верховенство права, неприкосновенность человеческого достоинства и соблюдение фундаментальных прав человека.

В системе органов и должностных лиц, на которых возложены полномочия по контролю за соблюдением гарантий прав человека, особая роль принадлежит органам конституционного контроля.

В результате конституционной реформы 2022 года, предложенной Президентом Республики и одобренной на всенародном референдуме, в правоохранительной системе Казахстана произошли серьезные изменения. Одним из них является трансформация Конституционного Совета в Конституционный Суд с расширением перечня субъектов обращения. В него дополнительно включены граждане, Генеральный Прокурор и Уполномоченный по правам человека. Все они наделены правом постановки вопроса о проверке конституционности нормативного правового акта с отдельными особенностями.

Наиболее характерным полномочием Конституционного Суда в сфере защиты прав человека является рассмотрение конституционности нормативных правовых актов. Теперь инициаторами в этом вопросе могут быть граждане, Президент, Генеральный Прокурор, Уполномоченный по правам человека и суды Республики. Кроме того, правозащитная миссия присутствует при реализации и других полномочий КС. При осуществлении им проверки соответствия законов конституционным требованиям в порядке предварительного конституционного контроля одним из критериев оценки

также является состояние реализации в них тех или иных прав человека, уважение и соблюдение их гарантий, пределов ограничений, отсутствие дискриминации по различным мотивам и другие.

С начала 2023 года Конституционный Суд вынес 35 нормативных постановлений. Субъектами обращения были Глава государства, группа депутатов Парламента, Генеральный Прокурор и граждане, от которых поступило около 5000 обращений.

Анализ показывает, что практически каждое обращение касается прав человека. В них поднимаются вопросы реализации социальных прав, прав на личную свободу, неприкосновенность достоинства, частной жизни, жилища, свободу слова, труда и выбор профессии, судебную защиту, имущественных прав, соблюдения конституционных целей и пределов ограничения прав и свобод и другие проблемы.

Правозащитный потенциал Конституционного Суда выражается в его итоговых решениях и реализуется в различных формах.

Во-первых, Конституционный Суд исключает из действующего права дефектные нормы права, которые не согласуются с положениями Основного Закона.

По результатам рассмотрения признаны неконституционными отдельные положения Налогового кодекса, УПК, УИК, законов о госслужбе, правоохранительной службе, воинской службе и статусе военнослужащих, о противодействии коррупции и нормативного постановления Верховного Суда.

Следует отметить, что решение о неконституционности нормативного правового акта (его отдельной нормы) распространяется на все правоотношения и неопределенный круг лиц. Оно способствует восстановлению нарушенных прав всех индивидов, интересы которых были затронуты данным правовым актом, на основе которого также были приняты неконституционные правоприменительные акты.

Во-вторых, решения КС создают условия для правильной интерпретации и применения рассмотренной нормы в соответствии с конституционными положениями.

Важной новеллой Конституционного закона о Конституционном Суде является возможность принятия им нормативного постановления о признании закона соответствующим Конституции в данном истолковании. До настоящего времени таких решений принято 8. Конституционным Судом истолкованы положения Конституционного закона «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан», УК, УПК, КоАП, Трудового кодекса, АППК и Закона «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан».

В-третьих, признание закона (нормы) неконституционным или его истолкование влечет пересмотр судебных и иных актов, изданных на основе неконституционного закона или его толкования. Соответствующий порядок предусмотрен в процессуальных кодексах.

В-четвертых, нередко правовые позиции органов конституционного контроля влекут необходимость принятия дополнительных законодательных мер. В Конституционном законе для этой цели отведен шестимесячный срок.

В настоящее время с учетом двух решений Конституционного Суда Парламент принял поправки в законы, на основе пяти итоговых решений Правительство уже внесло в Мажилис Парламента проекты законов.

В-пятых, решения Конституционного Суда обуславливают и создают основу для дальнейшего совершенствования правозащитного законодательства и дополнения его новыми механизмами, в том числе международного характера.

Тем самым повышается эффективность взаимодействия и взаимовлияния национального и международного права в этой сфере, которые опираются на схожие ценности и принципы.

В-шестых, официальное толкование норм Конституции, даваемое Конституционным Судом, служит предупреждению или устранению нарушений правового положения личности. Правовые позиции КС формируют понимание сути тех или иных прав и должны учитываться на этапе законопроектной работы.

В процессе совершенствования законодательства следует обращать должное внимание рекомендациям КС. Многие из них касаются прав человека. Они внесены в адрес Правительства, Верховного Суда, Высшего Судебного Совета и иных государственных органов. Для полного уяснения их сути следует подвергнуть тщательному анализу положения, содержащиеся не только в постановляющей части, но и в описательно-мотивировочной части нормативного постановления.

Важный правозащитный потенциал содержат ежегодные послания органа конституционного контроля. В этом году Конституционный Суд направил в Парламент первое послание о состоянии конституционной законности в стране.

Конституционный контроль нацелен на устранение причин и условий, способствующих нарушению прав человека. По итогам конституционных производств корректируется законодательство, пересматриваются и отменяются незаконные правоприменительные акты. Тем самым правовая система страны ориентируется в направлении соответствия современному пониманию прав и свобод, заложенному в Конституции и общепризнанных международных актах.

Рахметулин Абай Джамбулович,
Судья Верховного Суда
Республики Казахстан

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Согласно статье 1 Конституции Республики Казахстан человек, его жизнь, права и свободы являются высшими ценностями государства. Как неоднократно разъяснялось в итоговых решениях органа конституционного контроля, данные положения свидетельствуют о приоритете общечеловеческих ценностей и означают, что государство не имеет более важной задачи, чем забота о человеке. Основной Закон содержит не просто каталог прав и свобод, но и предусматривает механизмы их защиты, а также компетенцию государственных органов в этой сфере.

Глубоко символично, что настоящая конференция проходит в преддверии 75-летнего юбилея эпохального международного документа – Всеобщей декларации прав человека, закрепившей неотъемлемые права, присущие каждой личности. Многие ее положения легли в основу конституций современных государств, вставших на путь цивилизованного развития, и стали основой для формирования национальных законодательств. Тем самым они во взаимодействии и системном единстве с конституционными нормами и принципами призваны обеспечить верховенство права, неприкосновенность человеческого достоинства и соблюдение фундаментальных прав человека.

В системе органов и должностных лиц, на которых возложены полномочия по контролю за соблюдением гарантий прав человека, особая роль принадлежит органам конституционного контроля.

В результате конституционной реформы 2022 года, предложенной Президентом Республики и одобренной на всенародном референдуме, в правоохранительной системе Казахстана произошли серьезные изменения. Одним из них является трансформация Конституционного Совета в Конституционный Суд с расширением перечня субъектов обращения. В него дополнительно включены граждане, Генеральный Прокурор и Уполномоченный по правам человека. Все они наделены правом постановки вопроса о проверке конституционности нормативного правового акта с отдельными особенностями.

Наиболее характерным полномочием Конституционного Суда в сфере защиты прав человека является рассмотрение конституционности нормативных правовых актов. Теперь инициаторами в этом вопросе могут быть граждане, Президент, Генеральный Прокурор, Уполномоченный по правам человека и суды Республики. Кроме того, правозащитная миссия присутствует при реализации и других полномочий КС. При осуществлении им проверки соответствия законов конституционным требованиям в порядке предварительного конституционного контроля одним из критериев оценки также является состояние реализации в них тех или иных прав человека, уважение и соблюдение их гарантий, пределов ограничений, отсутствие дискриминации по различным мотивам и другие.

С начала 2023 года Конституционный Суд вынес 35 нормативных постановлений. Субъектами обращения были Глава государства, группа депутатов Парламента, Генеральный Прокурор и граждане, от которых поступило около 5000 обращений.

Анализ показывает, что практически каждое обращение касается прав человека. В них поднимаются вопросы реализации социальных прав, прав на личную свободу, неприкосновенность достоинства, частной жизни, жилища, свободу слова, труда и выбор профессии, судебную защиту, имущественных прав, соблюдения конституционных целей и пределов ограничения прав и свобод и другие проблемы.

Правозащитный потенциал Конституционного Суда выражается в его итоговых решениях и реализуется в различных формах.

Во-первых, Конституционный Суд исключает из действующего права дефектные нормы права, которые не согласуются с положениями Основного Закона.

По результатам рассмотрения признаны неконституционными отдельные положения Налогового кодекса, УПК, УИК, законов о госслужбе, правоохранительной службе, воинской службе и статусе военнослужащих, о противодействии коррупции и нормативного постановления Верховного Суда.

Следует отметить, что решение о неконституционности нормативного правового акта (его отдельной нормы) распространяется на все правоотношения и неопределенный круг лиц. Оно способствует восстановлению нарушенных прав всех индивидов, интересы которых были затронуты данным правовым актом, на основе которого также были приняты неконституционные правоприменительные акты.

Во-вторых, решения КС создают условия для правильной интерпретации и применения рассмотренной нормы в соответствии с конституционными положениями.

Важной новеллой Конституционного закона о Конституционном Суде является возможность принятия им нормативного постановления о признании закона соответствующим Конституции в данном истолковании. До настоящего времени таких решений принято 8. Конституционным Судом истолкованы положения Конституционного закона «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан», УК, УПК, КоАП, Трудового кодекса, АППК и Закона «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан».

В-третьих, признание закона (нормы) неконституционным или его истолкование влечет пересмотр судебных и иных актов, изданных на основе неконституционных закона или его толкования. Соответствующий порядок предусмотрен в процессуальных кодексах.

В-четвертых, нередко правовые позиции органов конституционного контроля влекут необходимость принятия дополнительных законодательных мер. В Конституционном законе для этой цели отведен шестимесячный срок.

В настоящее время с учетом двух решений Конституционного Суда Парламент принял поправки в законы, на основе пяти итоговых решений Правительство уже внесло в Мажилис Парламента проекты законов.

В-пятых, решения Конституционного Суда обуславливают и создают основу для дальнейшего совершенствования правозащитного законодательства и дополнения его новыми механизмами, в том числе международного характера.

Тем самым повышается эффективность взаимодействия и взаимовлияния национального и международного права в этой сфере, которые опираются на схожие ценности и принципы.

В-шестых, официальное толкование норм Конституции, даваемое Конституционным Судом, служит предупреждению или устранению нарушений правового положения личности. Правовые позиции КС формируют понимание сути тех или иных прав и должны учитываться на этапе законопроектной работы.

В процессе совершенствования законодательства следует обращать должное внимание рекомендациям КС. Многие из них касаются прав человека. Они внесены в адрес Правительства, Верховного Суда, Высшего Судебного

Совета и иных государственных органов. Для полного уяснения их сути следует подвергнуть тщательному анализу положения, содержащиеся не только в постановляющей части, но и в описательно-мотивировочной части нормативного постановления.

Важный правозащитный потенциал содержат ежегодные послания органа конституционного контроля. В этом году Конституционный Суд направил в Парламент первое послание о состоянии конституционной законности в стране.

Конституционный контроль нацелен на устранение причин и условий, способствующих нарушению прав человека. По итогам конституционных производств корректируется законодательство, пересматриваются и отменяются незаконные правоприменительные акты. Тем самым правовая система страны ориентируется в направлении соответствия современному пониманию прав и свобод, заложенному в Конституции и общепризнанных международных актах.

Исаенкова Оксана Владимировна,

д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой
гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»,
Российская Федерация

ТРЕПЕТНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ГРАЖДАНСКОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЕ – ФИЛЬТР НЕДАВНИХ И ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Прежде всего, позволю начать свои тезисы с выражения радости от того, что 1 декабря 2023 года получила возможность лично принять участие в знаковом мероприятии - V Евразийском форуме по правам человека «Права человека и их защита: теория, реальность и тенденции развития», и благодарность всем его организаторам и особенно ректору Академии правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан профессору Зауреш Хамитовне Баймолдиной, с которой нас познакомила судьба в лице нашего общего научного руководителя, «научной мамы» Маргариты Андреевны Викут. К сожалению, Маргариты Андреевны уже нет с нами, но наша научная дружба, зародившаяся много лет назад в городе Саратове на конференции, посвященной ее юбилею и перспективам развития гражданского процессуального права, продолжается сегодня в славной стране - Республике Казахстан.

М.А. Викут всегда очень трепетно относилась к терминологии вообще и гражданской процессуальной форме, юридическим терминам и правовым понятиям [1; 315-319 стр.], в частности, поэтому свое сегодняшнее выступление мне бы хотелось посвятить форме нашего процесса, которая, как представляется, должна стать фильтром его реформирования.

Выбранная организаторами V Евразийского форума по правам человека тематика не только актуальна в самом что ни на есть трендовом значении, но и весьма полезна: защита прав человека в теоретическом понимании, в реальности и определение тенденций развития, очевидно, на основе определения

практических проблем и разработки научно-обоснованных способов их решения. При этом я бы несколько изменила этапность, поставив на первый план современную правовую реальность в странах участников Форума, затем ее теоретический анализ (без сомнения, с использованием традиционных и новаторских методов), и затем уже (как это и определено в предоставленной нам программе) - тенденции развития.

Мне в силу научного интереса близок предмет второй секции, где будут обсуждаться вопросы защиты прав человека сквозь призму цивилистических механизмов, но и для третьей секции вполне возможно экстраполировать призыв считать форму процесса тем фильтром, при прохождении сквозь который должны отсеиваться отдельные новаторские идеи.

Итак, гражданская процессуальная форма всегда занимала особое, более того, основное место среди других форм защиты гражданских прав в странах постсоветского пространства, так как предоставляла и продолжает предоставлять заинтересованным в защите лицам достаточный уровень эффективности для достижения истины (хотя этот термин, к нашему сожалению, из российского гражданского процессуального законодательства был исключен в 1995 году) и справедливости, гарантирует применение мер государственного принуждения при восстановлении нарушенных или оспоренных прав. Действительно, «процессуальное право, воплощая в себе возможность защиты и принудительной реализации субъективных прав и интересов, приобретает все большее значение как в масштабе государства, так и на мировой арене» [2; 5 стр.] и «с психологической точки зрения заявитель, как правило, рассматривает судебный процесс как единственную оставшуюся возможность восстановить справедливость» [2; 50 стр.]. Именно гражданский процесс демонстрирует «один из лидирующих компонентов модернизации правовой системы России» [4; 5 стр.]. Так исторически сложилось, что реформирование цивилистического процесса (как, впрочем, и реформирование многих других процессов в нашей стране) носит перманентный характер, при этом при достаточно четко определенном моменте начала реформы обозначить даже приблизительно окончание процесса реформирования обычно либо невозможно, либо сильно затруднено. Возможно, именно поэтому почти всегда представители науки истории права и государства приводят лишь даты начала процесса реформирования, большинство реформ так и не были закончены, по крайней мере, не достигали той цели, для которой проводилась – обеспечение действительно эффективного судопроизводства, т.е. своевременного вынесения судами законных и обоснованных решений, полная и действенная защита прав, свобод и охраняемых законом интересов всех субъектов – от государства до отдельных граждан.

Вместе с тем, никакие преобразования не смогли изменить нашего представления о гражданской процессуальной форме, и об основной задаче нормотворчества в гражданском судопроизводстве, каковой, по нашему мнению, является создание идеальной модели механизма правосудия по гражданским делам. При этом эффективность гражданской процессуальной формы зависит от того, насколько разумен, своевременен, целесообразен и экономически обеспечен сам процессуальный закон, что мы неоднократно обосновывали [5; 57-

58 стр.]. Современная действительность добавила к указанным качественным признакам процессуального закона возможность реализации его положений при наличии чрезвычайных ситуаций во время его действия, способность гарантировать надлежащую судебную защиту в период эпидемий, пандемий, иных чрезвычайных ситуаций и связанных с ними ограничений.

Представляется, что пределами коррекции гражданской процессуальной формы должны стать отдельные гражданские процессуальные принципы, так как признанные и оправдавшие себя основы судопроизводства возможно трансформировать только с учетом их значения для обеспечения правильного и своевременного правосудия, и, следовательно, трепетного к ним отношения. Многие принципы гражданского судопроизводства существовали столетия, но сейчас меняются, а потому особую важность приобретает необходимость исследования степени влияния технологических новелл на гражданские процессуальные принципы.

Как известно, фундамент судебного разбирательства по гражданским делам составляет особая гражданская процессуальная форма, предполагающая нормативность, обязательность, системность, всеобщность (универсальность) всех процессуальных действий суда и других участников гражданского судопроизводства, основанная на принципах законности, равенства всех перед законом и судом, равноправия сторон, независимости судей и подчинения их только закону, состязательности, открытости (обозначаемой также как публичность, гласность, транспарентность и т.п.), непосредственности и устности судебного разбирательства и т.п. И именно этим принципам приходится потесниться в угоду цифровизации судопроизводства, которую в недавних исследованиях также стали обозначить в качестве принципа не только судебного разбирательства, но всего гражданского судопроизводства. Под принципом информатизации судопроизводства предлагается понимать «совокупность взаимосвязанных элементов, выраженных в дистанционности судопроизводства и информационной открытости правосудия, позволяющих осуществлять электронное судопроизводство с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и автоматизированных баз данных» [6; 15 стр.]. Оставляя право молодым представителям цивилистической науки на такое передовое мнение, представляется правильным пока все-таки говорить об информатизации не как о принципе гражданского судопроизводства, а как о приоритетном на данный момент тренде развития гражданского процессуального законодательства и практики его применения, ограничениями которого принципы как основы гражданского судопроизводства, и выступают, вследствие чего законодательные новеллы и предложения практической направленности в рамках такого развития должны проходить фильтрацию гражданской процессуальной формы.

Социальным ограничением гражданской процессуальной формы (как и многих сфер общественной жизни), вышедшим сейчас на первый план, стал современный тренд сохранения здоровья населения. Ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации допускает ограничение федеральным законом прав и свобод человека и гражданина в той мере, в какой это необходимо, в том числе, в целях защиты здоровья. Констатируя отсутствие былой стабильности законодательства о гражданском судопроизводстве, считаем необходимым

указать на недопустимость сохранения сегодня ограничений, отрицательно влияющих на доступность правосудия, которая для наших граждан является одним из главных критериев оценки соответствия реального положения законодательного регулирования гражданского судопроизводства идеалам судебной защиты гражданских прав и охраняемых законом интересов. Достижению таких идеалов должны способствовать все процессуальные нововведения, включая процессуальное оформление технологий.

Последние изменения гражданской процессуальной формы зачастую упрощают судебную деятельность, но, к сожалению, иногда это происходит за счет отступления от привычных процессуальных гарантий доступности правосудия по гражданским делам, состязательности гражданского судопроизводства, равенства его участников, и даже разумности и т.п. Это вызывает довольно резкую критику со стороны ученых-правоведов, так как развитие гражданской процессуальной формы не предполагает ее коррекцию за счет уменьшения привычных и обязательных гарантий правосудия. Как ярко указал А.Т. Боннер еще до пандемийных ограничений, критикуя один из законопроектов: он «направлен исключительно на то, чтобы облегчить и в самом деле не слишком легкую жизнь приблизительно 30 000 действующих в России судей об интересах более чем 146 миллионов граждан Российской Федерации, очевидно, никто подумать не хотел» [7; с. 66-67].

Если сравнить гражданское процессуальное право не с неким механизмом, а с живым организмом (что мне ближе), то гражданскую процессуальную форму следует считать его «геномом». Замечу, что данный термин был мною услышан от представителя московской научной цивилистической школы Д.А. Туманова на одной из конференций, но его понимание генома гражданского процесса предполагает несколько иное содержание, озвученное в дискуссии на данном форуме. Надеюсь на скорейшую публикацию материалов настоящего мероприятия, включая материал Дмитрия Александровича (откуда смогу уже в рамках цитирования сравнить собственное понимание генома гражданского процесса с его представлением), обращусь пока к общепринятому, более относящемуся к биологии и медицине, нежели чем к праву. Геном определяется как совокупность наследственного материала, кодирующего белки, клетки всего нашего организма (т.е. нормы права – для отрасли).

Таким образом, получаем, что «здоровые» нормы, как и гены, дают правильное развитие отрасли гражданского процессуального права, а ошибки в их системе влекут наиболее опасные последствия.

Такое восприятие гражданской процессуальной формы (как и уголовной процессуальной, административной процессуальной), по нашему мнению, поможет правоведом в определении неизбежного и перспективного в предполагаемых изменениях гражданского процессуального и иных отраслей права.

Список использованных источников:

1. Викут М.А. Эволюция некоторых правовых понятий и юридических терминов в гражданском процессуальном праве и правоведении // Избранные научные труды (с 1950 по 2011 год) / М. А. Викут; [ред.-сост. С. Ф. Афанасьев, В. Ф. Борисова]. – М.: Статут, 2023.

2. Талыкин Е.А. Теоретико-правовые проблемы арбитражной процессуальной формы: монография. Луганск: Изд-во «Ноулидж», 2015.
3. Синцов Г.В. Проблемы реализации конституционного права на судебную защиту в арбитражном процесс// Арбитражный и гражданский процесс. 2015. №7.
4. Чекмарева А.В. Проблемы подготовительных процедур в гражданском процессе и возможные пути их решения: монография / под ред. д.ю.н., проф. Исаенковой О.В. Саратов: «Наука», 2015.
5. Исаенкова О.В. Эффективность нормотворчества в гражданском судопроизводстве // Актуальные проблемы нормотворчества: сб. ст. (по материалам Всерос. научно – практ. конф., посвящ. 10-летию Института законотворчества ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», Саратов, 6 октября 2009 г.) / отв. ред. А.С. Ландо; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010.
6. Миронова Ю.В. Реализация принципов гражданского процессуального права при использовании систем видеоконференц-связи. Дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 2021.
7. Боннер А.Т., Громошина Н.А., Кудрявцева Е.В. и др. Законопроект: оптимизация судопроизводства или отказ от правосудия? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. №2.

Самарходжаев Ботир Билолович,

д.ю.н., профессор,
заведующий кафедрой административного
права Высшей школы судей при Высшем
судейском совете Республики Узбекистан

Адхамов Азизхон Авазович,

главный специалист отдела
международного сотрудничества Высшей
школы судей при Высшем судейском совете
Республики Узбекистан

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СВЕТЕ НОВОЙ РЕДАКЦИИ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Уважаемые участники 5-го Евразийского форума по правам человека!

В первую очередь, я хочу выразить благодарность Академии правосудия при Верховном суде Республики Казахстан за организацию и приглашение на сегодняшнее мероприятие. Я уверен, что этот форум послужит платформой для диалога, обмена знаниями и опытом, а также для разработки стратегий, направленных на улучшение соблюдения и защиты прав человека.

I. Как нам всем известно, права человека – это универсальные, неотъемлемые и неделимые ценности, которые являются основой для устойчивого развития, справедливости и мира. Вне зависимости от нашего географического положения,

культурных различий и исторических контекстов, мы все разделяем обязанность защищать и уважать эти права.

Сегодня я хотел бы обратить ваше внимание на важный вопрос, который касается судебной защиты прав человека в нашем государстве в свете новой редакции Конституции Узбекистана.

В декабре 2020 года, Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев в своем Послании Олий Мажлису и народу Узбекистана заявил: «Нам необходимо разработать современную Конституцию, проникнутую целью обеспечения интересов человека, уважения его чести и достоинства как высшей ценности, такой Основной закон, который будет полностью соответствовать задачам построения Нового Узбекистана, послужит будущим поколениям».

Я хочу отдельно подчеркнуть, что текст Конституции разрабатывался не только экспертами в кабинетах. Раньше, при принятии Конституции, изначально разрабатывался проект, а затем выносился на общественное обсуждение. Однако в этот раз, сначала, в два этапа, были изучены мнение и предложения нашего народа, после чего был подготовлен проект Конституции.

На первом этапе наши граждане внесли **более 60 тысяч предложений** по формированию проекта Конституции. Примерно каждый четвертый из них был отражен в проекте;

А на втором этапе проект Конституции был вынесен на общее обсуждение. Пять миллионов жителей ознакомились с проектом, поступило более **150 000 предложений** и комментариев через средства массовой информации и сеть интернет.

Активное участие народа в конституционной реформе Узбекистана представляет собой исторически важный момент в развитии страны. Конституция в новой редакции является жизненной необходимостью, вытекающей из эволюционного развития общества Узбекистана.

Впервые в истории Республики Узбекистан Конституция была принята на основе всенародного референдума. Референдум стал убедительным проявлением единства и сплоченности нашего многонационального великого народа, его твердого решения построить суверенное, демократическое, правовое, социальное и светское государство.

По итогу, количество статей увеличилось с **128** в предыдущей редакции до **155** в новой редакции, а количество норм - с **275** до **434**. То есть текст основного закона увеличился почти **на 65 процентов** и был обновлен на основе предложений нашего народа.

II. В новой редакции Конституции указано, что Узбекистан является **правовым государством**. В частности, заявлено, что обеспечение прав и свобод человека является высшей целью государства и в результате нормы по правам человека в Конституции возросли **более чем в 3 раза**.

Одно из важных изменений, которое было внесено в Конституцию, является то, что Основной закон имеет высшую юридическую силу, **прямое действие** и образует основу единого правового пространства на всей территории страны. Это создало основу для использования ее положений непосредственно судами и в жизни граждан, без необходимости дополнительных законодательных актов, что еще раз подчеркивает значение Конституции как основного закона страны.

Также, в Конституции закреплено, что сомнения относительно виновности, если возможности для их устранения были исчерпаны, должны разрешаться в пользу подозреваемого, обвиняемого, подсудимого или осужденного лица, что является **нормой прямого действия** и предусматривает использование только надежных и законных доказательств в ходе расследования и судебного разбирательства, а также защищает человека от необоснованного судебного преследования.

Еще одним нововведением явилось то, что международные договоры Республики Узбекистан наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права являются **составной частью правовой системы** Республики Узбекистан, то есть нормы и принципы международных договоров имеют ту же юридическую силу, что и законы страны.

Впервые в истории, было закреплено на конституционном **уровне право каждого человека обращаться в международные органы** по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Это гарантирует, что защита прав и свобод граждан обеспечивается не только на основе норм, установленных национальным законодательством, но и на основе международного права.

Кроме того, в соответствии с Конституцией, установлен запрет на **смертную казнь**. Запрет на смертную казнь, установленный на конституционном уровне, обеспечивает недопустимость лишения жизни любым лицом, включая государство, и подчеркивает неприкосновенность права на жизнь каждого человека.

Вместе с тем, установлено, что лицо не может содержаться под стражей более 48 часов без решения суда. То есть любое действие, связанное с ограничением свободы личности, обязано осуществляться только **на основании решения суда**. Это положение направлено на предотвращение незаконного задержания, необоснованного тюремного заключения и задержания людей следственными органами. Благодаря этому сфера применения международно-признанного института «Хабеас Корпус» еще больше расширилась.

Впервые было установлено, что подозреваемый, обвиняемый или подсудимый, в любое время может воспользоваться **правом на молчание**. Кроме того, в Конституции нашло свое отражение **право не давать показания против самого себя** и близких родственников (международно-признанное «**правило Миранды**»).

В Конституции также закреплено, что каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, электронных и иных сообщений и ограничение этого права может быть допущено только в соответствии с **законом и на основании решения суда**.

Установлено, что каждый вправе **защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом**. Суть этого правила заключается в том, что граждане имеют право самостоятельно защищать свои нарушенные права и свободы, не нарушая прав других лиц. Единственным условием является то, что методы или меры, используемые гражданами в целях защиты своих прав и свобод, не были запрещены законодательными актами.

Афанасьев Сергей Федорович,

д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой арбитражного процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», судья в отставке, Российская Федерация

Токарева Анна Алексеевна,

к.ю.н., старший преподаватель кафедры арбитражного процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Российская Федерация

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА СУДЕБНЫЙ ПОРЯДОК ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Небезызвестно, что в связи с развитием информационных технологий происходит трансформация процессуального законодательства, к примеру в части внедрения в судебное производство новых способов коммуникации суда и иных участников процесса. Так, уместно обратить внимание на то, что в целях противодействия распространению коронавирусной инфекции (COVID-19) Верховный Суд Российской Федерации рекомендовал нижестоящим судам использовать в своей работе наряду с видеоконференц-связью систему веб-конференции, несмотря на отсутствие в процессуальном законодательстве упоминания о такой системе как самостоятельном средстве связи [1].

Ввиду этого можно сказать, что совершенствование правового регулирования в области процессуальных прав и обязанностей участников гражданского судопроизводства непосредственно связана в том числе с правовой цифровизацией. В первую очередь речь идет о модернизации судебной защиты гражданских прав, принадлежащих сторонам, чьи материально-правовые требования подлежат рассмотрению и разрешению в судах общей и арбитражной юрисдикции.

Как правило, судебный порядок защиты нарушенных прав и законных интересов выделяется в рамках юрисдикционной формы защиты, отражающей реализацию субъективного права на защиту путем обращения лица к государственным или иным компетентным юрисдикционным органам в целях восстановления нарушенного права и пресечения правонарушения [2; 336–338 стр.; 3, 419 стр., 424 стр.; 4; стр. 52–55]. Отсюда вытекает, что реализация права на судебную защиту неразрывно связано с правом заинтересованного лица на обращение в суд.

Рассматривая право на обращение в суд в двух плоскостях, М.К. Треушников видел в нем, главным образом, абстрактное право, которое при наличии у лица заинтересованности в защите своего права с помощью судебной власти перерастает в право персонифицированное. Являясь неотчуждаемым элементом правового статуса граждан и юридических лиц, абстрактное право на обращение в суд обеспечивает потенциальную возможность обращения в юрисдикционный орган за защитой субъективных прав и охраняемых законом интересов [5; 23 стр.].

Небезызвестно, что право на обращение в суд проявляется в различных формах и в качестве универсальной почитается исковая форма защиты прав. С учетом этого можно сказать, что некорректно отождествлять категорию права на обращение в суд с понятием иска и правом на его предъявление. В противном случае право на обращение в суд сводилось бы только к одной форме защиты нарушенных прав и законных интересов, в то время как оно обладает более объемным значением.

Помимо этого, по справедливому замечанию Т.В. Сахновой, право на предъявление иска исторически соотносится с правом на иск, имеющим иные онтологические и гносеологические корни [6; 445 стр.]. Право на иск, имеющее своим методологическим истоком парадигму *jus-actio*, не является производным от материального права [7; 11, 14, 19 стр.]. В праве на иск переплетаются процессуальное и материальное в их взаимодействии и взаимосвязи. Однако, что следует понимать под правом на иск при конкуренции исков?

Прежде всего рационально подчеркнуть, что конкуренция исков зарождается на уровне спорного материального правоотношения, а приобретает конечную форму после обращения истца в суд за защитой своего нарушенного права или законного интереса. В этом есть некая закономерность в формировании конструкции конкуренции исков и взаимосвязь с правом на иск, без которого немислимо использование истцом для защиты своего права или интереса одного из конкурирующих исков и в дальнейшем разрешение правового спора судом. Право на иск дает возможность истцу обратиться в суд за защитой субъективного права или интереса с выбранным иском.

Осуществляя право на иск при конкуренции исков, лицо производит выбор должного по его разумению способа защиты своих прав, нарушенных или оспариваемых, и охраняемых законом интересов. Реализация права на иск тесно связана с построением истцом эффективной стратегии и тактики защиты, что в ситуации конкуренции исков чрезвычайно важно, так как от выбора конкурирующего иска зависит положительный для истца результат дела. Поэтому актуальным можно найти не только познание сущности права на иск, но и определение критериев выбора иска.

Целесообразно отметить, что понятие иска подразумевает единство его процессуальной и материально-правовой составляющих. В конкуренции исков как сложном явлении также сочетаются процессуальные и материально-правовые признаки. Под таким углом зрения можно уловить тонкую грань между цивилистическим процессуальным и материальным правом.

Можно согласиться с М.А. Рожковой, что при обращении за судебной защитой лицо, будучи уже связанным материальными правоотношениями, вступает в процессуальные правоотношения [8; 78 стр.]. Такой синхронизм процессуальных и материальных правоотношений накладывает отпечаток на понимание правовой природы права на иск, хотя в науке цивилистического права и процесса можно обнаружить принципиальные расхождения по этому вопросу.

Причем некоторыми учеными, к примеру В.Г. Даевым, полностью отрицается категория права на иск, которое обосновывается как имманентное свойство субъективного права, исключаящее необходимость генерирование каких-либо специальных правомочий на защиту права [9; 7 стр.]. Конечно, эта

идея крайне неприемлема хотя бы по той причине, что принадлежность управомоченному лицу права на иск прямо закреплена нормами законов (п. 3 ст. 61, абз. 3 п. 6 ст. 178, ст. 195 Гражданского кодекса Российской Федерации [10]; ст. 3 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [11]; ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [12] и т.д.).

В заключение немаловажно отметить, что цифровые технологии могут быть весьма полезны в том числе в аспекте решения вопросов, связанных с конкуренцией исков по гражданским делам, поскольку сама по себе конкуренция является весьма алгоритмичной с точки зрения сопоставления того или иного гипотетического способа судебной защиты.

Список использованных источников:

1. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации от 29 апреля 2020 г. № 822 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351604/ (дата обращения: 20.10.2023).

2. Гражданское право: учебник. В 3 т. Т. 1 / под. ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Проспект, 2005. 784 с.

3. Российское гражданское право: учебник. В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. 958 с.

4. Борисова Е.А. Реформирование цивилистического процесса: европейский и российский опыт // Закон. 2012. № 1. С. 52–55.

5. Треушников М.К. Право на обращение в арбитражный суд (§ 4 гл. 1) // Арбитражный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. М.К. Треушников. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Городец, 2017. 736 с.

6. Сахнова Т.В. Право на судебную защиту и процессуальный механизм его реализации // Право на судебную защиту и практические аспекты его реализации: сборник по материалам Международной научно-практической конференции (Вильнюс, 14-15 августа 2006 г.). Вильнюс: Mykolo Romerio universitetas, 2006. С. 432–450.

7. Сахнова Т.В. О разделенности и взаимосвязи права и процесса // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 6. С. 11–26.

8. Рожкова М.А. К вопросу об иске, изменении его предмета и основания // Хозяйство и право. 2002. № 11. С. 78–91.

9. Даев В.Г. Применение исковой формы защиты права в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1967. 18 с.

10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 24 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5765.

11. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 24 июня 2023 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2023. № 26. Ст. 4687.

12. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 18 марта 2023 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2023. № 12. Ст. 1893.

Сейтимова Венера Хамитовна,
к.ю.н. (PhD in Law), судья Суда
Евразийского экономического союза,
Республика Беларусь

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ПРОЕКЦИИ ПРАВА ЕАЭС

Благодарю за приглашение быть участником, ставшего уже традиционным, постоянно действующего форума Академии правосудия.

Необходимость обсуждения и реализация объявленной тематики чрезвычайно востребована, с каждым днем нарастает уже абсолютно во всех сферах, на всех уровнях, во всех аспектах.

Справедливости ради, признаем аксиому, что всеобщее понимание характера прав и свобод, объявленных Всеобщей Декларацией прав человека, имеет огромное значение для полного выполнения обязательств, принятых мировым сообществом. Положения Всеобщей декларации инкорпорированы в национальные правовые порядки, общепризнаны на международном, в том числе интеграционном уровнях.

Не будет преувеличением, что формирование правового порядка Евразийского экономического союза, начавшееся почти 10 лет назад, происходило в парадигме соблюдения и защиты прав человека.

В преамбуле Договора о Евразийском экономическом союзе договаривающиеся государства прямо заложили, что Союз формируется с осознанием необходимости безусловного соблюдения принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина, Договор подтвердил приверженность государств-членов целям и принципам Устава ООН, общепризнанным принципам и нормам международного права, что позволило еще в большей степени обеспечивать взятые государствами-членами обязательства по содействию реализации не только гражданских и политических, но и экономических, социальных и культурных прав и свобод человека посредством обеспечения свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы в рамках Евразийского сообщества.

Да, фундаментом Союза послужила концепция экономической интеграции, но при этом право прав человека органично вписалось в правовую систему ЕАЭС. Отражение этого - в правовом регулировании широкого спектра экономических и социальных прав, включая защиту экономических прав и законных интересов хозяйствующих субъектов, в том числе индивидуальных предпринимателей – физических лиц, которые наряду с юридическими лицами обладают правосубъектностью в контексте права Союза, а так же в обеспечении трудовых и пенсионных прав международных служащих.

Стабильность и эффективность Евразийского правового порядка была бы невозможна без единообразного применения государствами-членами и органами Союза общего правового регулирования – права Союза, источниками которого являются в том числе общепризнанные принципы и нормы международного права. Поддержание такого единообразия было возложено государствами-основателями на Суд ЕАЭС.

Именно Суд в своих правовых позициях в максимально возможных случаях неоднократно подчеркивал чрезвычайную важность обеспечения гарантии

защиты прав и законных интересов, судебной защиты и доступа к правосудию, препятствие в реализации которых является нарушением одного из фундаментальных прав человека.

Несмотря на экономический интеграционный статус Союза, а также ограниченный субъектный состав для обращения в Суд, (в качестве субъектов, уполномоченных на обращение в Суд в пункте 39 Статута названы государства-члены и хозяйствующие субъекты), не стало препятствием Суду при формировании правовой позиции по делу о пенсионном обеспечении должностных лиц органов Союза следовать принципам верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина, Суд указал, что уровень таких прав и свобод, гарантированный Союзом, не может быть ниже, чем он обеспечивается в государствах-членах [1].

Так был установлен универсальный стандарт защиты прав и свобод в рамках единого экономического пространства на территории пяти государств, к этому стандарту Суд не раз обращался в судебных актах по спорам, а также в контексте толкования норм права Союза при даче консультативных заключений по заявлениям государств и органов Союза.

Даже на стадии проверки приемлемости заявления Суд, следуя правовой определенности, учитывал фундаментальные принципы права человека, оценивая влияние оспариваемого акта, действия или бездействия на права, свободы и законные интересы конкретного хозяйствующего субъекта [2].

В Консультативном заключении от 12 сентября 2017 года по делу о прекращении трудовых отношений Суд обратился к принципу недискриминации, провозглашенному в Конвенции МОТ № 111 о дискриминации в области труда и занятий от 25 июня 1958 года, указав что данный принцип тесным образом связан с принципом равенства перед законом и правом на равную, без всякого различия, защиту закона, равную защиту от дискриминации, закрепленным Всеобщей декларацией прав человека [3].

В Консультативном заключении по делу о применении принципа *non bis in idem* в сфере конкурентного права прямо указано, что при вынесении судебного акта Суд основывается на международных соглашениях о защите прав человека [4].

Зачастую разъяснение положений права Союза и его толкование посредством консультативных заключений, имеющих рекомендательный характер, имеет не менее, а порой, более эффективное правовое воздействие и значение для формирования правоприменительной практики, чем обязательные к исполнению субъектами права Союза решения Суда.

Как видится, несмотря на отсутствие прямого допуска граждан к юрисдикционному механизму разрешения споров в Суде Союза, концепция защиты прав человека прочно укоренилась в Евразийском правовом порядке, развивая судебную практику в этом направлении, содействуя преодолению пробелов в правовом регулировании и реализации фундаментального права человека на судебную защиту.

В течение всего периода деятельности Союза его институциональные органы, включая Суд, находятся в орбите непрекращающихся дискуссий по вопросу расширения компетенции Суда с акцентом на прямую защиту не только прав международных гражданских служащих как субъектов, формирующих коллективы

международной организации, но и возможности предоставления правовой защиты правам граждан вне зависимости от их юридического статуса и регистрации в качестве хозяйствующего субъекта. Этот аспект расширения компетенции Суда Союза за счет увеличения круга субъектов, уполномоченных на обращение в Суд, наряду с предложениями о расширении сферы защиты прав в контексте защиты прав человека, стал еще более актуален. Не последнюю роль в этом сыграло обсуждение создания в рамках Евразийского союза единого института (суда) по защите прав человека как необходимого механизма урегулирования споров, существующего параллельно с судебными механизмами экономической интеграции. Эффективность функционирования подобных параллельных механизмов подтверждается продуктивной практикой сосуществования Суда Европейского союза и Европейского суда по правам человека. И при этом следует отметить, что интеграционные объединения постсоветского пространства стремятся к созданию органов по правам человека, примером служит Комиссия по правам человека в рамках Содружества Независимых Государств [5], воссозданная и переформатированная в 2022 году [6].

Однако с нашей точки зрения приоритетным механизмом защиты прав человека должна оставаться прямая судебная защита независимым, беспристрастным и компетентным судебным институтом, что обусловлено фундаментальностью права каждого на судебную защиту и подтверждается многолетней положительной практикой международных судебных органов, включая ЕСПЧ.

Представляется, что с учетом стратегического планирования развития интеграции в ближайшей перспективе в праве Союза могут появиться новые юридические инструменты, позволяющие субъектам интеграционных правоотношений реализовывать права, предоставленные наднациональным союзным регулированием, в том числе в проекции, охватываемой регулированием правом прав человека.

Указанное в очередной раз продемонстрирует стремление государств – членов ЕАЭС обеспечить соблюдение прав и основных свобод не только на национальном, но и на международном, интеграционном уровнях, будет способствовать укреплению всеобщего уважения и соблюдения права прав человека и его основных свобод.

В завершение обратимся к доктрине. Правоведы-международники сходятся во мнении, что будущее ЕАЭС во многом зависит от решения вопроса о восприятии интеграционным проектом идеалов прав человека [7], и нам такая точка зрения кажется весьма обоснованной.

Лукьянова Ирина Николаевна

к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой
процессуального права Всероссийской
академии внешней торговли Министерства
экономического развития РФ,
Российская Федерация

СУДЕБНАЯ ФОРМА ЗАЩИТЫ КАК ОСНОВНАЯ ГАРАНТИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Судебная форма защиты является главной гарантией, предоставляемой государством каждому гражданину, такой гарантией, которая позволяет гражданину чувствовать себя защищенным от нарушений его прав другими лицами. Такая защита подкреплена, прежде всего, авторитетом государства в лице суда, а также, естественно, государственным аппаратом принуждения.

Современное правовое государство предоставляет такую гарантию защиты не только от нарушения прав другими частными лицами, но также от нарушений прав со стороны самого государства в лице его органов и должностных лиц. В Российской Федерации гарантия судебной защиты закреплена на самом высоком – конституционном уровне. Согласно ч.1 ст. 46 Конституции РФ каждому гарантирована судебная защита. Кроме того, в суд в соответствии с ч.2 той же статьи Конституции РФ могут быть обжалованы решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц.

Указанные положения Конституции РФ расположены в ее главе второй «Права и свободы человека и гражданина». Такие права, включая право на судебную защиту, согласно статье 17 Конституции РФ, являются непосредственно действующими и определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Таким образом, значение судебной формы защиты как основной гарантии прав и свобод, закрепленных во второй главе Конституции РФ, также закреплено в самой Конституции РФ. Из этого следует, что право на судебную защиту определяет смысл, содержание и применение, прежде всего, конечно, процессуальных законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления. Кроме того, конституционное право каждого на судебную защиту обеспечивается правосудием.

Правосудие как специальный вид деятельности, особая функция государства, обладает специфическими чертами, без которых судебная форма защиты права не может считаться судебной по существу. Судебная форма защиты должна обладать определенными чертами, которые позволяют обществу принимать деятельность судебной власти в качестве правосудия и подчиняться ее актам. Подчиняться, прежде всего, добровольно.

Сущностный результат деятельности судебной власти выражается, в первую очередь, в судебных решениях, которыми в особом, гарантирующем

право быть заслушанным и право быть услышанным судом¹, порядке разрешаются споры между частными лицами или споры между частным лицом и государством, его органами и должностными лицами.

Следует согласиться с Д.А. Тумановым, который обращает внимание на ценность процессуальной формы для общества и ее сущность как системы базовых правил осуществления правосудия, которые появились в результате «развития права и учета в нём прав человека», которые «представляют собой особую систему гарантий, всецело направленных на обеспечение безопасности от произвола со стороны как суда, так и любых других лиц, установление действительных обстоятельств дела и реальную (максимально качественную) защиту различных прав и интересов»². Н.Н. Ефремова в своих исследованиях истории правосудия в России немногим ранее отмечала, что правосудие является одной из ценностей, обуславливающих обеспеченность прав и свобод личности, и в ретроспективе отражает рост в развитии человеческой свободы от древности до современности³.

Защита прав решением суда означает, что в силу его обязательности одно лицо получит защиту своего материального права, а другое – получит неблагоприятное для себя решение и должно будет ему подчиниться. Бумага со словами «решение» и указанием на суд, его вынесший, действующий от имени государства должна получить по сути «магическое» действие – заставить свободного человека к своему неудовольствию действовать или прекратить действие либо признать правоотношение существующим или несуществующим в исках о признании. То есть признать, принять в своем сознании то, что написано в решении, как правильное и руководствоваться этим «правильным» в своих действиях.

В спорах частного лица с государством или делах, в которых осуществляется контроль над действиями наделенного публичными функциями лица, способными повлечь ущемление прав или личной свободы частного лица (например, в связи с недобровольным помещением в психиатрическое или иное медицинское учреждение), очень важно для государства продемонстрировать справедливость своего решения, которое частное лицо должно принять и подчиниться ему. Еще важнее, чем в делах по спорам между частными лицами, так как судебному решению добровольно граждане подчиняются тогда, когда оно воспринимается ими как справедливое, даже лицом проигравшим спор, а в спорах с публичными образованиями принятие частным лицом невыгодного для себя решения демонстрирует и укрепляет авторитет в целом государства.

Справедливость решения важна не только для участников спора, но и для остальных членов общества, которые потенциально рассматривают себя как

¹ Профессор Шерстюк В.М. впервые выявил принцип права быть заслушанным в современной российской доктрине цивилистического процесса в статьях: Шерстюк В.М. Тенденции развития принципов гражданского процессуального права. [Законодательство](#). 2019. N 2. С.; Шерстюк В.М. Современные проблемы гражданского и арбитражного судопроизводства: Сборник статей. М., 2015. С. 136; Шерстюк В.М. «Право быть заслушанным и быть услышанным» - принцип гражданского процессуального права./ Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: теория и практика: сб.науч. ст. Краснодар; СПб., 2004. С.84-91.

² Туманов Д.А. Защита общественных интересов в гражданском судопроизводстве. Дисс. на соиск.уч.степ. доктора юрид.наук. М., 2023.

³ Ефремова Н.Н. Судебные реформы в России: преемственность и обновление// Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М.: ИГП РАН. 1996. С.226-252.

сторону в споре и которые в обычных, «стандартных» судебных делах хотят видеть подтверждение того, что правосудие государство вершит должным образом и что их права в случае необходимости будут защищены судом. К делам, в которых суд сталкивается с необходимостью разрешить дело в отсутствие применимой нормы права или истолковать существующую норму права, иногда возникает пристальное внимание общества, ожидающего решения, которому придется в будущем подчиняться и которое поэтому также должно быть справедливым.

Кроме справедливости с точки зрения материального права, для лица, проигравшего дело, как и для общества в целом, важен вопрос процессуальной справедливости. Именно для восприятия проигравшей стороной решения, которое его обязывает к чему-то нежелаемому, ограничивает как-то его права, свободы, интересы или доступность благ, необходима процессуальная форма, так как только образующие ее правила позволяют ему примириться с таким решением как с справедливым. Только процессуальная форма устанавливает границу, за пределами которой действия суда воспринимаются стороной, а в значимых для общества делах – обществом в целом как несправедливые или даже как произвол.

Такой взгляд на процессуальную форму ставит вопрос о том, какие ее специфические особенности позволяют стороне и обществу проводить границу между справедливой процедурой разрешения дела судом и несправедливой. Идеи, определяющие основные правила разрешения дела и их содержание, известные как принципы гражданского процессуального права, заслуживают оценки с точки зрения их связи, их влияния на восприятие решения как справедливого проигравшей стороной, и обществом в целом.

Д.А. Туманов вводит в научный оборот категорию «процессуальных универсалий» - совокупность правовых принципов уважения прав человека и основных свобод, демократии, верховенства права, гуманизма, юридического равенства, обеспечения судебной защиты нарушенных прав, справедливости, а также определяемый в соответствии с юриспруденцией интересов баланс обнаруживаемых в процессе жизни общества интересов, нуждающихся в правовой регламентации и защите⁴.

Такой взгляд на сущность процессуальной формы вполне коррелирует тому, как более двадцати лет назад академик Б.Н. Топорниным обозначил задачу судебной власти, которая «должна обеспечивать реализацию конституционного принципа, согласно которому человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства (ст.2 Конституции РФ)»⁵.

В современной доктрине российской теории права А.В. Поляков в поисках основного принципа права акцентирует внимание на том, что правовая коммуникация составляет не просто передачу информации, а представляет собой взаимодействие на основе признания равной правосубъектности, и предлагает подходить к проблеме сочетания свободы человека и принудительной силы государства с позиций «коммуникативного принципа», который для такого

⁴ Туманов Д.А. Защита общественных интересов в гражданском судопроизводстве. Дисс. на соиск.уч.степ. доктора юрид.наук. М., 2023.

⁵ Топорнин Б.Н. Развитие судебной реформы: проблемы и перспективы. М., 2001. С.14.

баланса делает необходимым обязательное признание человека и его прав первичной основополагающей ценностью⁶.

Возникает вопрос: как такой баланс обеспечить в гражданском процессе, при отправлении правосудия по гражданским делам и в целом по спорам с участием частных лиц? Представляется, что такие принципы как диспозитивность, состязательность имеют важное значение, как и принцип независимости, или даже шире, беспристрастности суда. Однако известный на международном уровне ученый-процессуалист XX века Мауро Каппеллетти среди фундаментальных положений судебного процесса (как гражданского, так и уголовного), наряду с беспристрастностью суда, выделял право быть выслушанным⁷.

В получившем в последние два десятилетия распространение в российской науке теории права подход к праву как к правовой коммуникации⁸ дает новый толчок к исследованию значения права быть выслушанным в системе основополагающих идей гражданского процессуального права. Представляется, что именно принцип права быть выслушанным и быть услышанным отражает в пространстве науки гражданского процессуального права такую характерную черту коммуникации, как способность процесса создания и интерпретации сообщений вызывать определенную реакцию⁹.

Подход к исследованиям в сфере гражданского процессуального права с учетом отношений между судом и человеком как правового общения¹⁰, как правовой судебной коммуникации¹¹ требует учитывать цель обращения за судебной защитой, которая предоставляется специальным субъектом – судом от имени государства, и которая обладает специфичной формой (процессуальной формой).

В коммуникации вообще обращение как сигнал, адресованный определенному субъекту, предполагает ожидание ответа. Это совершенно очевидное свойство обращения в бытовом общении действует даже в общении между незнакомыми людьми: если в вашем присутствии кто-то что-то сказал, вы воспринимаете фразу как адресованную вам и требующую вашей реакции (хотя в некоторых случаях вы можете счесть за лучшее не отвечать, но все же это исключение, а не правило. Вежливый человек, как ожидается, что-то ответит). Если вы что-то произносите, вы ожидаете, что вас кто-то слышит и, как правило, что-то надеетесь услышать в ответ. Обратное, то есть если человек «сам с собой»

⁶ Поляков А.В. Конституция России, традиционные ценности и основной принцип прав./ Теоретические и историко-правовые исследования проблем конституционного развития. Вторые Прокопьевские чтения. Материалы международной научно-практической конференции. Отв. ред. М. С. Саликов, О. А. Заячковский. СПб., 2019. С.20

⁷ Fundamental guarantees of the parties in civil litigation. Studies in National, International and Comparative Law Prepared at the Request of UNESCO Under the Auspices of the International Association of Legal Studies. Edited by Mauro Cappelletti & Denis Tallon. – Milano – Dott. A. Giuffrè Editore. Dobbs Ferry, New York – Oceana Publications, inc., 1973. (General Report - Pp. 742-743). В российскую доктрину гражданского процессуального права фундаментальные положения гражданского процессуального права были введены Е.А.Виноградовой и М.А. Филатовой. См.: Виноградова Е.А. Фундаментальные положения гражданского процессуального права. Сб.науч.статей «Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства. Теория и практика»./Краснодар - Санкт-Петербург, 2004. С.39; Филатова М.А. Фундаментальные гарантии сторон в гражданском процессе: способы закрепления и тенденции развития. / Журнал российского права. 2007. N 5.

⁸ Поляков А.В. Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций: Учеб.для студентов ун-тов. СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004.

⁹ Гриффин Э. Коммуникация: теории и практики. Харьков, 2015. С.36.

¹⁰ Мамут Л.С. Правовое общение: очерк теории. М., 2014

¹¹ Понятие судебной коммуникации введено в научный оборот Сухоруковой О.В.: Сухорукова О.А. Эффективность гражданского судопроизводства: коммуникативный аспект. Дисс... канд.юрид. наук. Воронеж, 2017

разговаривает, без визави, как известно, воспринимается окружающими как признак душевного расстройства.

Таким образом, если в парадигме правового общения, правовой коммуникации рассматривать обращение человека в суд как сигнал к общению, то его неотъемлемым качеством следует признать желание, намерение обратившегося частного лица быть услышанным и быть выслушанным судом. В равной степени это относится к ответчику. И если государство принимает на себя обязательство создать гарантии права на судебную защиту, то, прежде всего, это должны быть такие гарантии, которые позволяют обратившемуся за судебной защитой получить ответный сигнал, демонстрирующий готовность государства в лице суда услышать обращение и предоставить возможность быть выслушанным в широком смысле.

Возможность реализовать право быть выслушанным должна быть предоставлена государством в том смысле, который вкладывается обществом в него для того, чтобы процедура и выносимое судом решение воспринимались им как справедливые и принимались как акты, которым необходимо подчиняться и следовать.

Рябцева Екатерина Владимировна,

к.ю.н., доцент кафедры теории права, государства и судебной власти ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
Российская Федерация

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ

Судебная система России прошла длительный путь становления и развития. Начало современного этапа судебной реформы в России принято связывать с объединением Верховного и Высшего арбитражного судов в 2014 году. Однако одним из нормативных актов, определившим направление дальнейшего реформирования судебной системы стала федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013 - 2024 годы», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации № 1406 от 27 декабря 2012 г.¹² В ней в качестве основных задач судебной реформы определены:

- 1) обеспечение открытости и доступности правосудия;
- 2) создание необходимых условий для осуществления правосудия;
- 3) обеспечение независимости судебной власти и т.д.

После объединения Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда Пленум Верховного Суда России принял 39 постановлений, содержащих правовые позиции, которые учитываются судами как в гражданском, так и в арбитражном судопроизводстве. В результате этой работы исключены противоречия в толковании и применении положений законодательства судами общей и арбитражной юрисдикции, созданы необходимые правовые условия для

¹² Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 - 2024 годы» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: -<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102088054&backlink=1> &nd= 102162740 (дата обращения: 14.12.2021)

стабильного осуществления в Российской Федерации инвестиционной и коммерческой деятельности¹³.

Второй этап развития судебной реформы связан с созданием новых апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции (2019 год).

Новые апелляционные суды пересматривают дела, которые по первой инстанции разрешают суды субъектов — верховные суды республик, областные, краевые суды. В их же ведении оказались споры по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Новые апелляционные суды стали вышестоящими судебными инстанциями по отношению к действующим на территории верховным судам республик, областным судам и прочим.

Кассационные суды общей юрисдикции по аналогии рассматривают дела в качестве суда кассационной инстанции и по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Они являются вышестоящей судебной инстанцией по отношению к действующим на территории соответствующего судебного кассационного округа федеральным судам общей юрисдикции и мировым судьям.

Третий этап современной судебной реформы получил название «процессуальная революция». Данный этап связан с реформой процессуального законодательства (2019 год).

Больше всего изменений было внесено в Гражданский процессуальный кодекс. Главное изменение — представителями в суде общей юрисдикции, за исключением дел, рассматриваемых мировыми судьями и районными судами, могут быть только адвокаты и лица с высшим юридическим образованием или ученой степенью. Кроме того, теперь заявителю иска необходимо указывать дополнительные сведения об ответчике. Если ответчиком выступает гражданин, то в иске нужно указать один из его идентификаторов: СНИЛС, ИНН, серию и номер удостоверяющего личность документа, регистрационный номер ИП, серию и номер водительского удостоверения или свидетельства о регистрации транспортного средства.

Кодекс административного судопроизводства получил меньше всего изменений. В нем дополнили перечень дел, подлежащих рассмотрению в порядке административного судопроизводства — делами о признании запрещенной информации, размещенной в интернете и делами о признании информационных материалов экстремистскими. Поскольку административные и гражданские дела рассматриваются в одних и тех же судах общей юрисдикции, в КАС прописали новое правило для судов: когда заявлен иск с административными и гражданскими требованиями, если разделение требований невозможно, судья должен перейти к рассмотрению дела в порядке гражданского судопроизводства. Такое же право предусмотрено и для случаев, когда заявитель ошибся, и его административный иск на самом деле был гражданским — тогда судья выносит определение о переходе к рассмотрению дела по правилам ГПК.

Главное изменение для уголовного процесса и Уголовно-процессуального кодекса — сплошная кассация. Если раньше кассационные суды могли отказаться передать дело на рассмотрение суда, то теперь такой возможности у них нет — если соблюдены все процессуальные нормы, то будет рассмотрена

¹³ Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева на X Всероссийском съезде судей//<https://vsrf.ru/files/31800/>

каждая кассационная жалоба. При этом процесс апелляционного обжалования решений по уголовным делам практически не изменился. Все промежуточные судебные решения и приговоры мировых судей нужно обжаловать в районном или равном ему суде, а решения и приговоры районных или приравненных к ним судов – в городской/областной или равный им суд.

Верховным Судом реализуются меры, направленные на дифференциацию преступлений и индивидуализацию уголовных наказаний, более широкое применение мер пресечения, не связанных с заключением под стражу. Результатом гуманизации уголовного законодательства и правоприменительной практики стало сокращение судимости более чем в два раза за последнее время.

Важным направлением совершенствования уголовного судопроизводства выступает исключение негативных социальных последствий судимости в отношении лиц, впервые совершивших преступление, не представляющих большой общественной опасности¹⁴.

Цели современного совершенствования и развития судебной власти – это равномерная нагрузка в судах, превенция коррупции, экономия ресурсов и доступность правосудия.

Развитие новых цифровых технологий на глазах меняет способы реализации механизмов государственной власти, это непосредственно касается и власти судебной. Уже сейчас, как отмечают органы судейского сообщества, необходимо предметно заняться вопросами наращивания высоко технологичных цифровых мощностей для судебной системы РФ и увеличения объема каналов для пропуска информации, для формирования новых контуров пространства судебной власти. Нужны программные аналитические комплексы, способные работать с большими объемами данных судебной практики с условием безопасности персональных данных и прозрачности алгоритмов принимаемых решений. Необходимо создать прозрачную единую систему мониторинга в режиме реального времени с отслеживанием тысячи показателей работы судов. Программные комплексы помогут организовать автоматическое распределение дел между судьями по соответствующим критериям, таким как опыт, специализация, нагрузка, отсутствие конфликта интересов.

Одновременно нужно также создавать удобные электронные сервисы для граждан. Цель нововведений – повышение доступности правосудия без ущерба правам и свободам граждан на менее затратной основе.

Учитывая возрастающий объем работы, одним из актуальных направлений совершенствования правосудия является оптимизация судебной нагрузки, исключение избыточных судебных процедур. Реализованы законодательные инициативы Верховного Суда Российской Федерации о расширении сферы применения приказного и упрощенного производства по гражданским, административным делам и экономическим спорам. Конституционная гарантия судебной защиты граждан и организаций обеспечивается соблюдением разумных сроков судопроизводства, за нарушение которых, а также за нарушение разумных сроков исполнения судебных актов присуждается компенсация. Демократические основы правосудия предусматривают

¹⁴ Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева на X Всероссийском съезде судей//<https://vsrf.ru/files/31800/>

открытость судебных процедур, открытый доступ общества к информации о деятельности судебной системы Российской Федерации.

За последние 30 лет Пленум Верховного Суда Российской Федерации 17 раз обращался к вопросам соблюдения судами принципа открытости судебного разбирательства. Обязательное размещение судами в сети Интернет без какого-либо предварительного отбора судебных актов выступает условием прозрачности судебной деятельности, в целях совершенствования которой зарегистрировано единое сетевое издание судебной системы Российской Федерации – мультимедийный ресурс «Правосудие». Результатом законотворческой и правоприменительной деятельности Верховного Суда стало широкое обсуждение обществом вопросов совершенствования судопроизводства, за последний год средства массовой информации опубликовали свыше 80 тысяч материалов о законодательных инициативах и правовых позициях Верховного Суда.

Принцип открытости судебного разбирательства органично связан с доступностью правосудия, ускорением процедур обращения в суд, расширением возможностей дистанционного участия в судебном заседании с использованием цифровых технологий. Во всех видах судопроизводства реализуется возможность подачи процессуальных документов в электронном виде, проведения судебных заседаний с использованием видео-конференцсвязи, веб-конференций. Расширение суперсервиса «Правосудие онлайн» предусматривает использование судами технологий искусственного интеллекта. Ему поручают составлять проекты судебных актов. Для этого ИИ будет анализировать материалы дела. Технологию могут использовать и для расшифровки аудиопrotocolов. Но использование ИИ тоже несет риски. Важно предусмотреть механизмы защиты от несанкционированного доступа и внесения изменений в электронные документы.

В период пандемии Президиум Верховного Суда Российской Федерации и Президиум Совета судей России приняли три совместных постановления по вопросам осуществления правосудия с соблюдением права граждан на охрану здоровья, в которых особое внимание уделялось использованию судами электронных технологий. Соблюдением этих процедур обеспечивался свободный доступ к правосудию, его осуществление не прекращалось и не приостанавливалось.

Результатом конструктивного взаимодействия судебной системы с Правительством Российской Федерации стало официальное закрепление возможности обращения в суды через многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг в соответствии с принципом «одного окна». Кроме того, Верховным Судом Российской Федерации внесены в Государственную Думу законопроекты о расширении сферы применения современных технологий в судопроизводстве.

Хотелось бы кратко рассказать об опыте внедрения современных технологий в работу столичных судов. За последнее время СОЮ Москвы удачно реализовали сразу несколько онлайн-проектов, которые позволяют автоматизировать процесс — от подачи иска до направления электронного исполлиста в ФССП и получения вознаграждения адвоката.

В прошлом году столичные суды общей юрисдикции рассмотрели более 3 млн. дел и материалов. С такой нагрузкой помогают справиться специальные цифровые инструменты. Например, комплексная информационная система судов общей юрисдикции (КИС СОЮ). Она полностью автоматизировала судебное делопроизводство, сейчас к ней подключены все районные суды столицы и Московский городской суд.

Через КИС СОЮ можно смотреть видеозаписи заседаний со своим участием или знакомиться с материалами дела, подавать иски в режиме онлайн и получать исполлисты в электронном виде. В этом году организована работа с МФЦ, чтобы граждане могли использовать сервис из этих центров. Услугой за три месяца воспользовались больше 500 москвичей.

Еще один цифровой проект связан с автоматизацией обмена документами с Адвокатской палатой Москвы. Благодаря интеграции системы учета и контроля процессуальных издержек (УКОП) с автоматизированной информационной системой АП Москвы (АИС АПМ), судьи могут онлайн формировать и направлять заявки на вызов адвоката. Юристы уже через свою платформу могут принять дело в работу, а после его завершения — оформить заявление о выплате вознаграждения. Судья получает документ в электронном виде и уже через УКОП составляет постановление на оплату. Все делается онлайн с помощью готовых шаблонов.

Сейчас система работает не только в Москве, но еще в Самарской области и Татарстане.

Но внедрение современных технологий привело не только к доступности правосудия, но и к увеличению числа угроз, заметил председатель Совета судей Виктор Момотов. Сейчас важно искать баланс между информационной открытостью деятельности судов и защитой в информационной сфере. В настоящее время осуществляется информационная безопасность ГАС «Правосудие». Ее обеспечивают не только антивирусное ПО, но и специализированное оборудование по разделению каналов связи, специальная защита от взлома.

Спасибо за внимание!

Туманов Дмитрий Александрович,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры процессуального
права Всероссийской академии внешней торговли
Минэкономразвития
Российской Федерации

ЗНАЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ И ИХ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ

Зачастую общественные интересы и права человека противопоставляют друг другу. Утверждается, что если первые – это вариант интересов коллективов, в которых незаметно и даже «растворено» отдельное лицо, а соответственно, правовая охрана и судебная защита таких интересов, очевидно, не носит индивидуалистического характера, то права человека обеспечивают интересы

отдельных лиц. Исключением считают разве что права человека третьего поколения, которые являются коллективными (в классификации прав человека, предложенной Карелом Васаком).

Однако на самом деле, несмотря на то что права человека первых двух поколений в значительной мере обеспечивают охрану отдельных лиц от «поглощения», порабощения, угнетения их обществом и государством, тем не менее именно за счёт таких прав обеспечиваются многие общественные интересы.

Дело в том, что в действительности общественными интересами должны признаваться не только интересы глобального общества, обществ-населений отдельных государств, но, конечно же, и интересы отдельных социальных общностей (вне зависимости от того, состоят они лишь из части населения отдельного государства или же включают в себя представителей населения разных стран).

Несомненно, нельзя считать общественными исключительно интересы некоего большинства. То обстоятельство, что ему противостоит меньшинство, не означает, что интересы меньшинства не общественные. В жизни общественные интересы чрезвычайно многообразны, нередко противоречивы, и их возникновение, существование и исчезновение обусловлено множеством факторов. Более того, наличие социальных общностей и их интересов не зависит от того, признаны они остальным обществом или нет, обеспечиваются или, напротив, запрещаются их интересы позитивным правом того или иного государства. Необходимо понимать, что общности сами определяют, что считать благом и в чём заключается его положительный эффект. При этом для одних общностей интерес может заключаться в том явлении (для них оно будет благом), которое для других общностей безразлично, ненужно, непонятно или неприемлемо (т. е. благом не является). Так, например, очевидно, что у рабов как группы населения имелись свои интересы вне зависимости от того, признавали эти интересы свободные люди или нет.

Признание значимости отдельных членов общества и их права на индивидуальность и свободу (что происходит именно за счёт прав человека первых двух поколений) во многом предопределило выход из тени и открытое существование тех социальных групп, которые образовывались на основании индивидуальностей отдельных членов общества, но ранее не понимались остальным обществом, а из-за этого отторгались или даже запрещались правом.

Подчёркнутая возможность быть самим собой в контексте прав человека служит прочной основой для реализации не только индивидуальных, но и различных групповых общественных интересов.

Так, свобода вероисповедания предопределила равную возможность в реализации общих – общественных интересов различных общностей, образованных по религиозному признаку, а также атеистов. Признание права женщин на образование предопределяет, что их общий интерес в равных с мужчинами условиях поступления в учебные заведения и в дальнейшем запрете дискриминации при трудоустройстве теперь может быть реализован и защищён в случае его нарушения.

По нашему мнению, основная задача права – обеспечение сосуществования различных общностей и отдельных лиц.

При этом сосуществование должно основываться на постулате, согласно которому наличие чего-то иного, не похожего на то, что привычно и близко само по себе, не служит основанием для отторжения, запрещения или угнетения такого иного. При этом реализация интересов одних лиц и их групп может ограничиваться или запрещаться только в случае, если она способна причинить очевидный и существенный вред другим лицам и их группам, в первую очередь при условии невозможности компромиссного решения.

Но выполнение указанной задачи права возможно, только если в качестве обязательного элемента и даже основы права признаются права человека.

Соответственно, суды в правовом государстве призваны обеспечивать, кроме прочих, защиту разнообразных общественных интересов. Они должны выявлять такие интересы, а также контролировать, что их реализация не приведёт к существенному нарушению иных интересов, непременно опираясь при разрешении дела на права человека¹⁵.

В рамках конкретного дела и на основании прав человека первых двух поколений общественные интересы могут защищаться как непосредственно, так и опосредованно.

О непосредственной их защите речь идёт тогда, когда суд выносит решение по иску, направленному на изменение правового положения целой социальной общности. Например, это происходит, если судебным решением запрещается ее дискриминация в целом. При этом недопустимость дискриминации, ее противоправность суд обосновывает правами человека, которыми обладает каждый и, следовательно, также и члены соответствующей общности.

Опосредованная защита происходит тогда, когда суд выносит решение о защите конкретного человека. Например, если суд запрещает дискриминацию отдельного гражданина, которая возникла в связи с его принадлежностью к определённой реальной социальной общности или даже признаком (полом, возрастом и пр.), определяющим его вхождение в номинальную общность, то это также опосредованно влияет на искоренение дискриминации в целом, поскольку демонстрирует всем и каждому, что она недопустима. Решение суда по конкретному делу в таких случаях также может определять практику судов по другим аналогичным делам в будущем.

В заключение обратим внимание еще на один безусловно важный момент. В настоящее время определённое распространение получил подход, согласно которому в действительности права человека не должны лежать в основе любого правопорядка. По мнению сторонников этого подхода, права человека несут определённую опасность для общества, поскольку на них подчас пытаются опираться с целью реализации интересов, не понимаемых обществами некоторых государств.

Однако людям, придерживающимся подобных взглядов, как будто не приходит в голову, что отказ от прав человека с целью недопущения реализации не понимаемых ими интересов не просто мог бы привести, а несомненно приводил бы к куда более плачевным для всего общества последствиям, нежели те, которые могут возникнуть в случае реализации определённых интересов.

¹⁵ По данным Международной комиссии юристов, правительствам многих стран были направлены обращения с просьбой обратить внимание на необходимость соблюдения прав человека в том числе путём обеспечения невзаимного правосудия.

Речь как минимум идёт о том, что при отказе от указанных прав вновь станет возможным (как это уже было в истории человечества) абсолютно ничем не сдерживаемый диктат тех, кто осуществляет власть над любыми лицами (слабыми общностями), включая их изничтожение.

Подчеркнем: ратующие за отказ от прав человека лица, как правило, не допускают мысли, что неблагоприятные последствия их инициатив могут коснуться и их самих. Такое впечатление, что предлагающие подобное пребывают в уверенности, будто бы нивелирование прав человека приведёт лишь к недопущению реализации интересов, которые только в данный момент отрицаются, но ни к чему более. Однако при этом забывают, что прочность собственных прав каждого ровно такая же, как и прочность прав любых других лиц, вне зависимости от того, нравятся они им или нет. Очевидно, что если право любого лица в силу его неприятия другими лицами может не признаваться, то точно так же в любое время по разным причинам может быть не признано и право того, кто сегодня отказывается другим в их правах.

И наоборот, признание и уважение прав каждого – в соответствии с запретом дискриминации по любым основаниям – предопределяет реальность, прочность, непоколебимость права в целом.

Тем не менее сказанное не означает, что мы не понимаем, что вполне возможны ситуации, когда реализация отдельных интересов может вызывать неприятие этого некоторыми общностями, тем более если они сохраняют иные представления о традиционных ценностях. По нашему мнению, минимизация вероятного противопоставления таких ценностей должна происходить в первую очередь в отыскании пути реализации соответствующих интересов, по возможности не задевающей других общественных и личных интересов.

В свою очередь в случае, если в силу тех или иных причин это невозможно и при этом окажется, что реализация не принимаемых общественным большинством интересов способна привести к причинению очевидного вреда многим лицам, например, в результате непредотвратимых массовых беспорядков, то в защите таких интересов может быть отказано. Отказ будет обоснован тем, что даже сама попытка реализации интересов грозит тяжёлыми неблагоприятными последствиями, в недопущении которых как раз и состоит наиболее жизненно важный общественный интерес.

Митин Александр Николаевич,
д.э.н, профессор, заведующий кафедрой
социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО
«Уральский государственный юридический
университет им. В.Ф. Яковлева»,
Российская Федерация

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВА «ЦИФРОВЫХ ЛЮДЕЙ»

Цифровая революция является одной из главных глобальных проблем в области прав человека. Её неоспоримые преимущества не отменяют её

несомненных рисков, отмечал М. Бачелет, верховный комиссар ООН по правам человека. Следует заметить, что речь может идти в том числе о распространение «fakenews», рисках утечки персональных данных граждан и киберпреступности в целом. За период до 2023 года число преступлений в этой сфере в России возросло в 25 раз (в 2019 г. – 294 тыс.). Научный ландшафт таков, что количество публикаций по тематике нарушений прав человека в связи с цифровизацией велико и продолжает увеличиваться (в некоторых случаях в кратном выражении: например, по ключевому слову «Fakenews» - с 571 в 2018 до 1214 в 2020г.).

Цифровые угрозы правам граждан имеют множество источников: алгоритмическая обработка данных цифровыми платформами и государством приводит при определенных технологиях к нарушению права на неприкосновенность частной жизни; цифровая дискриминация граждан государством и частными корпорациями на основе злоупотребления персональными данными и накопления больших данных о гражданах влияет на вынужденное принятие решений гражданами; кибератаки и компьютерное мошенничество, направленные против человека, государства и предпринимательства нарушают частную жизнь и экономику; кибербуллинг, троллинг, преследование детей и взрослых в информационном пространстве вызывает психологические расстройства и суициды; рост числа «фейковых новостей» и спланированных кампаний по дезинформации в Интернете, в том числе с использованием современных технологий синтеза медиаконтента (DeepFake) и голоса известного для гражданина человека, увеличивают виды мошенничества, особенно при попытках изъятия материальных ресурсов; многие люди, пользуясь интернетом, понимают, что их личные данные становятся доступны другим физическим и юридическим лицам.

В последние 10-12 лет человечество обнаружило новый технологический тренд, к обсуждению последствий внедрения которого подключаются все специалистов по информационным технологиям, представители органов государственной власти, юристы и экономисты. Речь идет о метавселенной (параллельной цифровой вселенной) – виртуальном мире будущего, который лет через 15-20 будет существовать наряду с физическим миром. По существу – это мир, «населенный» цифровыми аватарами реальных людей. Концепция метавселенной тесно связана с цифровыми технологиями: виртуальной и дополненной реальностью (VR/AR-технологиями), искусственным интеллектом, беспроводной связью, технологиями распределенного реестра (блокчейн) и т. д. В этом случае мы можем рассуждать о «цифровых людях». Уже сегодня многие люди, особенно молодежь, начинают проводить большую часть времени в виртуальной реальности, делая покупки в виртуальных торговых центрах, заказывая еду и вещи через интернет-ресурсы, общаясь на виртуальных форумах и выполняя онлайн-задания по работе. Эти действия производятся с помощью цифровых аватаров – тех личных виртуальных воплощений, что отражают образ конкретного человека и его индивидуальные потребности. После первого заказа компании «цепляют» человека в свою социальную паутину, продолжая делать ему свои дальнейшие предложения постоянно и настойчиво, в надежде закрепить его модель поведения.

Процесс создания метавселенной – часть эволюции интернета: интернет-технологии непрерывно развиваются, а вместе с ними развивается и взаимодействие людей с Сетью. В этом процессе можно выделить три стадии развития онлайн-сообществ: прошедшую стадию Web 1.0 (объединение пользователей на основе виртуальных сетей), текущую стадию Web 2.0 (создание онлайн-сообществ) и будущую или уже начинающуюся – Web 3.0 (формирование виртуального мира, принадлежащего сообществам) [2; 13 стр.]. Таким образом, в замыслах исследователей метавселенная, как следующая версия интернета, будет представлять собой коллаборативную открытую среду смешанной реальности, в которой взаимодействуют люди и интеллектуальные вещи в рамках многих виртуальных миров, создаваемых разными корпорациями на общей технологической, экономической и этической платформе [3]. Современное общество уже раздвинуло пределы реального мира, с удовольствием вошло «в искусственно созданное виртуальное пространство и превратилось в гибридный социум» [4; 208 стр.].

При этих и других обстоятельствах возникает потребность в конституционализации новых прав человека. При анализе научных публикаций выясняется, что еще в 2013 г., исследуя влияние игровых виртуальных миров, В. В. Архипов пришел к выводу, что виртуальные миры заслуживают пристального внимания юристов, являясь «принципиально новым и социально значимым явлением», они «могут использоваться как модели реального мира и как пространство для социального эксперимента» [5; 106 стр.]. Позднее в другой статье он отмечает, что «в условиях цифровой трансформации общества актуализируется круг юридических проблем, связанных с пределами вмешательства реального права в виртуальное пространство [6; 8 стр.]».

Сформированный в Российской Федерации правовой механизм защиты прав человека в сети Интернет обеспечен как гражданско-правовыми способами, применяемыми к средствам массовой информации и средствами массовой информации в качестве обеспечения защиты нарушенных прав и свобод (ст.152 ГК РФ), так и посредством воздействия за запрещенный контент сети Интернет, как средства массовой информации, и уполномоченного органа (Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Министерством внутренних дел РФ, Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека). Подобная защита прав и свобод осуществляется посредством удаления и блокировки доступа к сети Интернет.

Вместе с тем документов, регламентирующих деятельность в цифровой сфере в контексте метавселенной, пока не обнаруживается применительно к этому названию. Однако следует признать, что на международном уровне наличествует общая озабоченность по поводу метавселенческих построений, рисков технологий воздействия информации на индивидуальное, коллективное и массовое сознание, негативного воздействия информации, нарушающей права человека и нормы общественной морали. Однако, кроме постановки самой проблематики, пока еще не выработаны единые подходы и механизмы противодействия, что более всего очевидно в контексте информационных прав человека.

В резолюции Совета ООН по правам человека 47/22 от 07.07.2021 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» [7], хотя прямо и говорится об информационных рисках недостоверности и опасности для человека информации, но только в контексте озабоченности по поводу практики установления ограничений в Интернете. В резолюции осуждаются блокировка Интернета, онлайн-цензура, ограничения информационных прав лиц в Интернете. В силу этого в вопросе о принятии правительствами мер против дезинформации, дискриминации, вражды и насилия прежде всего указывается на то, что «не следует упускать из внимания международные обязательства по правам человека. Доступ в Интернет должен быть открытым, надёжным и безопасным». Но изменения в цифровой сфере и сети Интернет стремительны, обладают всеобщим глобальным действием, зачастую содержат информационное «зомбирование», внедрение идеологических конструктов, внушение чужой воли и точки зрения, рост давления на психику индивида, воздействия на его личность, индивидуальность и процесс формирования поведения. Несомненно, что появление интернета запустило процесс формирования новых прав, в том числе на информационную безопасность, защиту персональных данных, конфиденциальность, свободу самовыражения в сети, право на онлайн- образование. Одновременно возникло и огромное количество правонарушений и преступлений, связанных с киберпространством. В этом плане заслуживает внимания предложение ученых принять Декларацию цифровых прав человека» [8].

Как отмечает М.Б. Напсо, перспективным направлением должно стать развитие права на удаление, именуемое правом быть забытым или правом на забвение [9].

В России оно появилось с введением в 2015 г. в ФЗ № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» ст. 10.3. Она закрепляет обязанность «оператора поисковой системы, распространяющей в сети Интернет рекламу, ... по требованию гражданина ... прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети Интернет ..., позволяющих получить доступ к информации о заявителе, распространяемой с нарушением законодательства Российской Федерации, являющейся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя...» [10]. Это право распространяется и на информацию из баз данных, установленных законом, в частности, государственных информационных системах (ГИС). У лица есть право потребовать удаления недостоверной информации и связанное с этим право оспорить законность деяний государственного органа, допустившего внесение недостоверной информации или не обеспечившего ее актуальность. Таким образом, речь идет о праве на удаление недостоверной, неактуальной информации либо незаконно распространяемой. Но процесс реализации права на забвение с требованием индивида по удалению информации о себе по собственному усмотрению в своем развитии зависит от уровня правосознания и правовой культуры граждан.

В условиях информационного общества государство тоже становится информационным. Государственные органы переходят на оказание услуг в электронной форме, расширяется использование электронного документооборота, работает электронное правительство. Все эти процессы

непосредственным образом влияют на права человека, который становится «цифровым человеком», у которого интенсивно формируются новые компетенции за счет формируемых технологий и преимуществ в образовании, медицинском обслуживании, социальной сфере, науке, экономике, технике, юриспруденции, в функционировании систем государственного управления и местного самоуправления. Он стремится к информационному равенству, к получению права на информацию, на информационную безопасность, защиту сферы частной жизни, ее неприкосновенность, права на тайну переписки. От ответа на этот вопрос зависят и перспективы каких-либо улучшений в соблюдении прав и свобод человека и гражданина. От этого зависят перспективы каких-либо улучшений в соблюдении прав и свобод человека и гражданина.

В докладе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека в 2021 году «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве» отражена принципиальная позиция: личность гражданина России, его суверенитет, достоинство и неприкосновенность частной жизни обеспечивают и оберегают указанные в Конституции Российской Федерации, а также в ратифицированных Российской Федерацией международно-правовых актах, положения об основных правах и свободах человека и гражданина. В цифровом пространстве эти основные права и свободы имеют соответствующие цифровые «преломления»: право на защиту цифровой идентичности, право на доступ или отказ от доступа к цифровым технологиям, право на защиту ментальной неприкосновенности личности и защиту от манипуляции, право на защиту биометрических и других персональных данных, право на забвение... и так далее. В своей совокупности «цифровые» права формируют «цифровой суверенитет» личности, в основе которого лежит понимание, что человек не равен «цифровому вектору», то есть набору цифровых коэффициентов, вычисленных цифровыми платформами и помещённых в тот или иной реестр. Вышеперечисленные права и свободы, суверенитет личности, включая их цифровые аспекты, сейчас находятся в зоне прямых рисков, связанных с неконтролируемым и сверхбыстрым развитием цифровой среды.

К числу специфических прав и свобод человека и гражданина, подлежащих защите в цифровом пространстве Российской Федерации, относятся: право на защиту цифровой идентичности; право на обеспечение цифрового суверенитета человека; право на защиту от ментальной (информационно-психологической) манипуляции; право на защиту от цифровой дискриминации; право на защиту биометрических и иных персональных данных; право на отзыв данных, право на забвение в цифровом пространстве; право на защиту от противоправных деяний в цифровом пространстве; право на оспаривание решений и действий цифровых систем в отношении себя; право на использование традиционных форм взаимодействия граждан, бизнеса и государства; право на защиту от негативных социальных последствий цифровизации. Особое значение имеет защита прав и свобод несовершеннолетних граждан в цифровом пространстве, в том числе: от противоправного контента в цифровом пространстве; от сетевого манипулирования; от цифровой дискриминации; от передачи образовательной функции от учителя автономным системам искусственного интеллекта; от

замены традиционных образовательных и воспитательных функций педагога автономными системами искусственного интеллекта; от цифровой зависимости; от причинения вреда их здоровью при использовании цифровых технологий. В свою очередь, право родителей, воспитателей, преподавателей регламентировать или ограничивать присутствие несовершеннолетних в цифровом пространстве является важным условием обеспечения защиты прав несовершеннолетних [11].

В свою очередь для законодателя появляются новые задачи для последующего решения.

- Останутся ли цифровые аватары только проекцией личности человека, контролирующего их, или им понадобится собственная правовая идентичность?

- Если искусственный интеллект сможет не только создавать, но и контролировать действия аватара, потребуются ли правовые нормы с требованием обязательного отличия искусственных агентов в метавселенной от реальных людей?

- Будут ли цифровые аватары признаваться субъектами права?

- Нужно ли уже сейчас обсуждать о признании правосубъектности искусственного интеллекта?

- Насколько важно в условиях современности нарабатывать опыт раскрытия виртуальных преступлений, особенно при хищении биометрической информации, которая уже требуется, например, при оформлении заграничного паспорта?

- Возможно ли оценить тяжесть преступления при уничтожении, краже цифрового тела (цифрового аватара), созданного кем-то?

- Уже сегодня повсеместно нарушаются авторские права при создании новых контентов (особенно студентами) с использованием виртуального пространства. Возможно ли отследить эти неправомерные колоссальные заимствования?

- Должно ли быть установлено правовое регулирование по трудовому праву при найме работника через виртуальную реальность?

- По каким причинам правовые методы регулирования, а значит и щиты прав граждан в информационном пространстве, имеют догоняющий, а не опережающий характер?

Есть основания утверждать, что прежде, чем формировать право метавселенной или нормы киберправа, следует договориться по сложнейшим аспектам международной информационной безопасности. Но эта работа однозначно требует межотраслевого взаимодействия с привлечением многих отраслей права.

Таким образом, защита прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве становится в государствах, и в Российской Федерации в том числе, целевым и ценностным ориентиром развития информационно-коммуникационной отрасли, разработки современных технологий обработки больших данных и искусственного интеллекта.

Список использованных источников:

1. Ревякин С.А. Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. Цифровизация и права человека: амбивалентный характер технологий. М.2021.

2. Shkarupeta, E. V. (2022). The Web 3.0 metaverse concept in strategic management of digital potential: theory, tools and practical applications. Цифровая экономика и Индустрия 5.0: развитие в новой реальности (pp. 10–31) (in Russ.). Saint Petersburg, Politekh-press.

3. Гопка А. Следующая версия интернета: как изменится жизнь в метавселенной. 14 сентября 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/439893-sleduusaa-versia-interneta-kakizmenitsa-zizn-v-metavselennoj> (дата обращения 17.11.2023).

4. Nedzvetskaya, N. P., Prostakov, I. I. (2022). Виртуальная реальность цифрового социума. *Philosophy of Economy*, 3 (141), 208–217 (in Russ.).

5. Arkhipov, V. V. (2013). Virtual law: main problems of the new direction of legal studies. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 2, 93–114 (in Russ.).

6. Arkhipov, V. V. (2019). The effect of legal norms in the digital media space and the semantic limits of law. *Pravovedenie*, 63 (1), 8–27 (in Russ.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.21638/spbu> (дата обращения 17.11.2023).

7. Резолюция Совета ООН по правам человека 32/14 от 07.07.2021 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G21/173/56/PDF/G2117356.pdf?OpenElement> (дата обращения — 20.11.2023).

8. Алферова Е.В. Защита прав человека в Интернете // Государство и право в новой информационной реальности: Сборник научных трудов. 2018. С. 143–157. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-cheloveka-v-internete>. (дата обращения 18.11.2023).

9. Напсо, М. Б. Индивид в пространстве информации: информационная безопасность, информационные права в реалиях цифровой эпохи / М. Б. Напсо // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2023. — Т. 14. — № 2. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/01SCSK223.pdf> (дата обращения 20.11.2023).

10. Федеральный закон от 13.07.2015 N 264-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации" // СЗ, 2015, N 1, ст. 84. [Электронный ресурс.] Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182637/9 Дата обращения 16.11.2023).

11. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве. Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Москва, 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: права человека - в инф. сфере-доклад.pdf (дата обращения 10.10.2023).

І СЕССИЯ
ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Мусин Канат Калкаманович,
к.ю.н., профессор,
вице-ректор РГУ «Академия правосудия при
Верховном Суде Республики Казахстан»

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ
СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
(1995 – 2023 ГОДЫ)

Формирование современной избирательной системы Казахстана, действующей в отношении выборов депутатов Мажилиса Парламента (далее - Мажилис) и маслихатов, тесно связано с Конституцией Республики Казахстан 1995 года [1]. С момента своего принятия Основной закон страны повлек за собой коренное изменение политической системы и органично привел к реорганизации прежнего избирательного законодательства.

Так, 28 сентября 1995 года взамен Кодекса о выборах 1993 года [2] был принят новый Указ Президента, имеющий силу Конституционного закона «О выборах в Республике Казахстан» (далее - Закон о выборах) [3].

Дальнейшие изменения в действующем выборном законодательстве были направлены на практическое воплощение принципа нейтральности органов исполнительной власти, укрепления гласности и объективности стадий избирательного процесса. В частности, результатом длительного процесса демократизации выборного законодательства явилось изменение ряда норм, касающихся участия политических партий в формировании региональных избирательных комиссий; детализации всех стадий избирательного процесса; конкретизации правового статуса наблюдателей и доверенных лиц; установления оснований правовой ответственности за нарушение избирательного законодательства.

Но, несмотря на отмеченные выше достижения выборного законодательства, одним из наиболее актуальных правовых проблем остается вопрос о применении избирательных систем.

Как известно, именно избирательная система способна дать определенный импульс политическим преобразованиям в государственном управлении.

В Казахстане усилия по реформированию избирательной системы прилагались не один раз, и каждый раз такие попытки не приносили желаемого результата. Условно можно выделить четыре пройденных этапа.

1 этап (1995 – 1997 годы) – связан с закреплением мажоритарной системы выборов в Законе о выборах. В соответствии с указанным законом для всех категорий кандидатов была установлена двухтуровая мажоритарная система абсолютного большинства [4].

Результатом парламентских выборов в 1995 году, проведенных по одномандатным округам, стала победа Партии народного единства Казахстана, которая получила 25 из 67 мест, остальные 42 места распределились между 9

общественными организациями и партиями, а также отданы 7 независимым кандидатам. Итоги выборов показали, что мажоритарная система абсолютного большинства при участии большего числа партий и организации не способствовала формированию новых партий парламентского типа.

2 этап (1998 – 2006 годы) – можно охарактеризовать как этап перехода на смешанный мажоритарно-пропорциональный формат избирательной системы.

В октябре 1998 года в Основной закон страны были внесены изменения, в соответствии с которыми была увеличена численность депутатов Мажилиса с 67 до 77, из которых 10 депутатов – стали впервые избраться по пропорциональной системе выборов.

Это был первый и важный шаг в сторону усиления роли политических партий в нижней палате Парламента. Но, как показали итоги парламентских выборов в 1999 году, 4 партии из 10 участвовавших смогли преодолеть 7 - процентный барьер и получили доступ к законодательной работе в Мажилисе. Применение данной системы актуализировало вопрос снижения семипроцентного избирательного порога.

3 этап (2007 - 2021) – ознаменован переходом от смешанной на пропорциональную систему выборов сначала в Мажилисе, затем в маслихатах.

В 2007 году произошли новые изменения в избирательной системе, которые были вызваны конституционной реформой в стране. Принципиальным новшеством стал переход к выборам в нижнюю палату Парламента на основе партийных списков. Для этого было увеличен количественный состав Мажилиса с 77 до 107 депутатских мест, из которых 98 стали избираться прямым голосованием по пропорциональной системе и девять – от Ассамблеи народа Казахстана.

Обновленная избирательная система была применена в августе 2007 года на выборах в Мажилис четвертого созыва. В избирательной кампании участвовало семь политических партий. По итогам выборов 7-процентный барьер преодолела только одна партия - Народно-демократическая партия «Нур Отан», получив 88,41% голосов, депутаты от которой заняли все 98 мест в Мажилисе. Как видим, переход на пропорциональную систему выборов не дал должного эффекта для увеличения представительства партий в Мажилисе. По результатам выборов, все мандаты достались одной партии, так как остальные партии не смогли преодолеть 7-процентный барьер. Таким образом, по итогам голосования избирателей остались неучтенными политические предпочтения 11,59% голосов, отданных за другие шесть партий. Это говорило о несовершенстве механизма пропорционального распределения депутатских мандатов. В этой связи в феврале 2009 года в выборное законодательство были сделаны необходимые поправки. Новый механизм позволил формировать Мажилис с участием не менее двух политических партий, даже если вторая партия не пройдет установленный законом 7-процентный барьер.

С учетом этих изменений в 2012 и 2016 гг. были проведены выборы депутатов Мажилиса. По их результатам выборов 7-ми процентный барьер дважды преодолевали три партии – Nur Otan, Ak Jol и КНПК [4], при участии на выборах 7 и 6 партий соответственно по годам.

В 2018 году были внесены новые поправки в Конституционный закон «О выборах», которые закрепили за политическими партиями исключительное право выдвигать кандидатов в депутаты маслихатов. Однако итоги последовавших по новым правилам в 2021 году выборов маслихатов всех уровней не дали ожидаемого эффекта в плане объективного отражения в новых составах местных представительных органов всего спектра политических взглядов населения.

Принято полагать, что система пропорционального представительства позволяет каждой политической партии получить число мест пропорционально числу голосов. В этой связи эту систему считают более справедливой, чем мажоритарная система. Вместе с тем, применение в Казахстане пропорциональной системы выборов с 2007 года не способствовало развитию политического многообразия в представительных органах страны.

Более того, данная система в определенной степени отделила кандидата от избирателя, выборы стали носить «обезличенный» характер. В представительные органы стали нередко проходить по партийным спискам лица, незнакомые избирателям, не имеющие какой либо электоральной поддержки. Требовались новые реформы, которые бы были направлены на повышение доверия избирателей к выборам.

4 этап (2022 год – по настоящее время) – можно определить как этап перехода к более сбалансированной смешанной пропорционально-мажоритарной избирательной системе.

В июне 2022 года были приняты конституционные поправки, в соответствии с которыми был сделан возврат к смешанной и мажоритарной системам выборов. Количество депутатов Мажилиса снизили до 98 человек, которые стали избираться по смешанной избирательной системе в следующем соотношении: 69 депутатов (70%) – по партийным спискам, 29 депутатов (30%) – по одномандатным округам.

Еще один важный результат проведенной конституционной реформы – снижен избирательный барьер для прохождения партий в Мажилис с 7 % до 5 %. Ожидается, что такой порог послужит существенным стимулом для развития многопартийности и активного включения партий в избирательную борьбу. Также, по смешанной избирательной системе, в соотношении 50 на 50, установили выборы в областные маслихаты. На выборах в районные маслихаты депутаты теперь выбираются только по мажоритарной системе.

В результате проведенных в марте 2023 года выборов по смешанной избирательной системе в Мажилис прошли шесть из семи принимавших участие в выборах партий. Этими итогами мы приблизились к показателям выборов 1995 года.

Необходимы дальнейшие реформы выборов по системе пропорционального представительства политических партий. Депутат, избранный от партии также должен быть узнаваем, иметь поддержку в обществе, здесь нужны изменения в части формирования партийных списков,

Согласно используемой в Казахстане системе «жестких списков», избиратель должен проголосовать за список в целом или вообще не голосовать, то есть он не имеет права вносить какие - либо изменения в партийный список. В некоторых странах распространение получила система «гибких списков», при

которой воля избирателя, вопреки воле партий, оказывает заметное влияние на результаты выборов, поскольку очередь кандидатов в партийном списке может быть изменена голосованием избирателей. Внедрение системы «гибких списков» в перспективе позволило бы придать выборам в Казахстане более персонализированный характер.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года//Ведомости Парламента Республики Казахстан, 1996 г., N 4, ст. 217

2. Кодекс Республики Казахстан «О выборах в Республике Казахстан» от 9 декабря 1993 года//Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан, 1993 г., N 23-24, ст. 510

3. Указ Президента Республики Казахстан, имеющий силу конституционного закона, "О выборах в Республике Казахстан" от 28 сентября 1995 г. № 2464//Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан, 1995 г., № 17-18, ст.114

4. https://www.inform.kz/ru/evolyuciya-izbiratel-noy-sistemy-v-rk-otrazhaet-sut-politicheskikh-izmeneniy-v-sovremennyu-period_a3712848

Турсынбекова Салтанат Пархатовна,
Руководитель Национального центра по
правам человека Республика Казахстан

РОЛЬ ОМБУДСМЕНА В ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Құрметті форум қатысушылары!

Адам құқықтары мен бостандықтары мемлекеттің ерекше құндылықтары ретінде танылады. Оларды мойындау демократиялық қоғам мен құқықтық мемлекеттің қалыптасуы мен дамуының негізі болып табылады.

С глубоким вниманием мы воспринимаем опыт коллег по защите и продвижению на евразийском пространстве общечеловеческих ценностей. Это особенно актуально в год 75-летия Всеобщей декларации прав человека, ставшей одним из ключевых документов в системе правовых гарантий.

В Казахстане защита прав человека основывается на конституционных нормах и международных договорах, которыми гарантированы основные права и свободы граждан. Казахстаном ратифицированы практически все основные конвенции, затрагивающие защиту прав человека и свобод.

Однако, как в любой стране, существует необходимость в постоянном улучшении механизмов защиты прав человека и их эффективной реализации на практике.

Сегодняшние реалии еще более актуализируют усиление роли правозащитных институтов, обуславливают потребность в новых правозащитных инструментах, и Казахстан не является исключением.

В этом контексте, важное значение придается развитию института Уполномоченного по правам человека, который призван оказывать содействие в

восстановлении нарушенных прав и свобод человека и гражданина, способствовать их продвижению.

Нужно отметить, что институт Омбудсмана действует в правовом поле Казахстана всего 20 лет. За это время проделана колоссальная работа.

Одним из ключевых событий стало образование при Омбудсмене 10 лет назад национального превентивного механизма. На сегодня он стал неотъемлемой частью системы профилактики правонарушений в уголовно-исполнительных, детских и медико-социальных учреждениях.

Этот правовой институт расширил компетенцию правозащитного учреждения, при Уполномоченном был создан Координационный Совет для согласованной деятельности участников НППМ.

Колоссальные изменения по усилению правозащитных начал приняты в нашей стране в ходе конституционной реформы 22 года.

В первую очередь, это полное исключение смертной казни.

Создание Конституционного Суда и закрепление в Конституции правового статуса Уполномоченного по правам человека.

Сегодня, Омбудсмен – это независимое должностное лицо, избираемое Сенатом Парламента. Он обладает иммунитетом от преследования, неподотчетен и независим от государственных органов и должностных лиц.

Компетенция и вопросы организации деятельности УПЧ урегулированы специальным Конституционным законом, полномочия значительно расширены.

Уполномоченный вправе участвовать в работе обеих палат Парламента, обращаться с заявлениями о неконституционности законов и нормативных правовых актов в Конституционный Суд, с исковыми требованиями в интересах неограниченного круга лиц в суды общей юрисдикции, а также за разъяснениями судебной практики в Верховный Суд.

Особое значение для эффективности Омбудсмана имеет право направлять в государственные органы рекомендации и ходатайства по вопросам защиты и устранения нарушений прав и свобод человека и гражданина.

Важно и то, что в регионах сейчас работают представители Уполномоченного по правам человека. Это помогает оперативно реагировать на случаи несоблюдения прав человека и принимать меры по их восстановлению.

Реформа уже дает измеримые результаты.

В Казахстане сделаны серьезные шаги, демонстрирующие уважение к правам и свободам человека и гражданина и намерение повышать стандарты их защиты.

Растет доверие граждан, повышается их интерес к участию в общественно-значимых мероприятиях. Только число обращений о защите личных и гражданских прав за последние три года увеличилось практически в три раза.

На личном приеме Уполномоченного и его представителей на местах только в 2023 году уже побывали около 2 тыс. человек. Это позволяет на местах, особенно в самых отдаленных населенных пунктах, своевременно решать проблемы людей.

Реализация новых, ранее не имевших место конституционных полномочий, осуществляется планомерно и системно с вовлечением представителей государственных органов и неправительственных организаций.

Так, в текущем году в фокусе внимания находились вопросы, связанные с правовой защитой иностранных граждан. К примеру, по нашему предложению уполномоченные органы пересматривают сейчас подходы к применению мер пресечения при экстрадиции иностранных граждан и лиц без гражданства, инициированы и прорабатываются вопросы соблюдения конституционного принципа презумпции невиновности, международного принципа невысылки, совершенствования доступа к юридической помощи адвокатов по делам, содержащим государственные секреты.

В сфере постоянного внимания находятся вопросы недискриминации, равноправия, в том числе по гендерному признаку, защиты прав детей, снижения уровня насилия в обществе. Так, нами инициированы поправки в законодательство о введении ответственности за сексуальное домогательство, за похищение лица с целью принудительного заключения брака, о криминализации причинения легкого вреда здоровью и мерах по профилактике семейно-бытового насилия.

Исключен список запрещенных профессий для женщин, которые сегодня могут работать наравне с мужчинами в отраслях, где ранее действовал законодательный запрет.

Уже в текущем году в правительственные органы внесены предложения об устранении дискриминационных норм в законодательстве, регламентирующем прием на работу в органы внутренних дел, в специальные государственные органы и на воинскую службу.

В сфере постоянного мониторинга, реагирования и принятия мер, и вопросы трудовых, социальных прав.

Буквально **23-24 ноября** т.г., в преддверии международной акции «16 дней активных действий против насилия», Омбудсменом и Национальным центром по правам человека, при поддержке Комиссии по правам человека, МИДа и зарубежных партнеров, организована международная научно-практическая конференция, посвященная вопросам противодействия семейно-бытовому насилию.

Результаты проведенного Национальным центром по правам человека анализа текущей ситуации и рекомендации участников конференции планируется рассмотреть на заседании Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека и представить на рассмотрение депутатского корпуса и государственных органов.

Исходя из характера поступающих в Национальный центр по правам человека обращений, особого внимания требуют уровень обеспечения прав человека правоохранительными органами и доступа к судебной защите. Здесь немало делается и предстоит еще сделать.

В Казахстане 10 лет действует Национальный превентивный механизм, по модели «Омбудсмен+». Его роль заключается в обеспечении превентивных и специальных посещений спецучреждений, для профилактики нарушений прав человека.

Функция медицинского обеспечения тюремного населения передана в гражданский сектор, введен электронный клинический протокол.

Теперь, гражданские медики при малейшем подозрении на насильственные действия в отношении осужденных фиксируют первичные доказательства, в

соответствии с Руководством Управления Верховного комиссара ООН по правам человека и рекомендациями ВОЗ.

Поставили 243 электронных терминала в тюрьмах. Завершается 100%-ное покрытие «слепых зон» в закрытых учреждениях.

Расследования по заявлениям о пытках переданы в эксклюзивную подследственность органов прокуратуры для объективности и непредвзятости.

Увеличен срок лишения свободы за пытки до 12 лет; введена уголовная ответственность за жестокое обращение. За пытки теперь не применяется условное осуждение или амнистия, не прекращается преследование по сроку давности или за примирением с потерпевшим.

Правительство серьезно усилило Планы первоочередных и дальнейших мер в области прав человека и верховенства закона.

Совершенствуем НПМ и методологию спецпосещений.

Защита от пыток и жестокого обращения – важный, но не единственный приоритет нашей работы. Сейчас мы все больше стараемся уделять внимания социальной поддержке, вопросам адаптации и ресоциализации, юридического просвещения и образования.

К примеру, по результатам посещения детской колонии в Алматы, несовершеннолетним осужденным предоставлена возможность участия в Едином национальном тестировании, для последующего допуска к конкурсам на обучение. Сейчас прорабатываем вопросы расширения доступа осужденных к образовательным программам, получению новых специальностей и высшего образования.

Учитывая, что право на судебную защиту является одним из фундаментальных прав человека, обеспечивающим защиту и реализацию других прав, эти вопросы вынесены на обсуждение с участием государственных органов, неправительственного сектора, научного и экспертного сообщества, а также Омбудсменов ряда зарубежных стран.

Суды, защищая права граждан, способствуют верховенству права и обеспечивают справедливость. Безусловно, здесь нельзя не отметить роль Академии правосудия, которая занимается подготовкой и повышением квалификации кадров для судебной системы Казахстана, вооружая их профессиональными знаниями и этическими принципами.

Еще одной важной темой являются вопросы взаимодействия с гражданским обществом.

Работа с населением, наращивание участия правозащитных организаций в выработке государственных решений, консолидации усилий общественных и государственных институтов, объявлена на сегодня одной из ключевых задач государственного развития. Это ставит новые задачи перед правозащитными институтами.

Обеспечение верховенства закона и защита прав человека являются главной ценностью в построении Справедливого Казахстана.

В целом можно констатировать, что благодаря политической воле руководства страны, в стране есть все возможности и условия для продвижения общепризнанных стандартов в области защиты прав человека.

В августе текущего года Президент нашей страны на встрече с представителями правозащитных институтов поручил акимам обеспечить участие представителей Уполномоченного по правам человека в выработке всех значимых решений на местах, по вопросам, связанным с защитой прав граждан.

Важно обеспечить согласованность действий и соответствие принимаемых мер общечеловеческим ценностям. Конечной целью наших усилий является повышение благополучия и правовой защищенности наших сограждан.

Завершая свое выступление, хочу еще раз поблагодарить организаторов сегодняшнего мероприятия, **уважаемую Зауреш Хамитовну**, за приглашение к участию в совместной работе и пожелать всем плодотворной дискуссии!

Благодарю за внимание!

Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович,
з.ғ.д., Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық
университетінің конституциялық және
азаматтық құқық кафедрасының профессоры,
Қазақстан Республикасы

ҚҰҚЫҚ ҮСТЕМДІГІ АДАМ ҚҰҚЫҚТАРЫН ҚОРҒАУДЫҢ ТЕТІГІ

Қазіргі заманғы замандағы құқық үстемдігі адам қорғаудағы басты қағидат болып табылады. Өйткені жаһандық сын-қатерлерге қарсы тұру үшін мемлекеттік қызметті сапалы түрде көрсететін лауазымды адамдар болуы қажет. Олардың құқықтық санасы мен құқықтық мәдениетті қалыптастыру мен жетілдіруде негізгі темірқазық ретінде заң шеңберінде қызмет етуді көрсетеміз. Құқық үстемдігі бүгінгі таңда мемлекеттік саясаттың басты басымдықтарының бірі. Өйткені құқық үстемдігі сақталмай реформалардың жүзеге асырылуы қиынға соғады. Осы орайда бұл мәселені жан-жақты талдау, зерделеу заң ғылымындғы өзекті мәселелердің бірі болып табылады. Бұл қағидатты ең алдымен ұстанатын мемлекеттік қызметшілер. Сондықтан да бұл принциптің жүзеге асырылуына да мемлекеттік қызметшілердің құқықтық санасы мен құқықтық мәдениеті үлкен роль атқарады.

Мемлекет қызметінің бағыты адам құқығының басымдылығынан туындауы тиісті. Себебі мемлекет өкімет органдарының басты міндеті – адамның қадір-қасиетін, ар-намысын, құқықтары мен бостандықтарын тануын, сақтау және қорғау болып табылады. Сондықтан адамға байланысты оның құқықтық жағдайын анықтайтын құқықтық нормалардың маңызы өте зор [1,1].

Адам мен адамзаттың құқықтық жағдайы (құқықтық мәртебесі) дегеніміз, әдеттегінен оның құқықтары мен міндеттерінің жиынтығы. Шын мәнінде, бұл адам мен азаматтың құқықтық мәртебесінің басты мазмұны болып табылады. Бірақ та оған өзгеше құқықтық факторлар әсер ететінін әрдайым естен шығармауымыз керек. Олар – азаматтық қағидалар, құқық пен бостандық кепілдіктері. Адамның құқықтары мен міндеттері көптеген құқық салаларында тұжырымдалған. Солардың ішінде адамның қоғамдық жағдайын дәріптеуде мемлекеттік құқық саласының атқаратын рөлі ерекше. Әсіресе, адамның, азаматтың құқықтық мәртебесінің негізгі Қазақстан Республикасының

Конституциясында белгіленген. Оған мыналар кіреді: азаматтылық, адам мен азаматтың құқықтық жағдайының конституциялық принциптері, олардың негізгі құқықтары мен бостандықтары (азаматтық, саяси, экономикалық, әлеуметтік және мәдени), конституциялық міндеттер. Бұл адамның құқықтық жағдайының басты элементі, ядросы. Құқықтық мәртебесінің негіздері адамның қоғамдағы жағдайын анықтауда басты шешуші рөл атқарады, өмірлік маңызы бар, мазмұны Қазақстан Республикасы Конституциясының 2-тарауында берілген (10-39-баптар) [2,3].

Адамның құқықтық жағдайы мұнымен шектелінбейді. Азаматтардың өзге құқықтары мен міндеттері көптеген әр түрлі құқық салаларында тұжырымдалады, бірақ бұлар негізгі құқықтарға бостандықтар мен міндеттерге бағынышты, оларды одан әрі дамытуға және нақтылана түсуіне бағытталған. Адам мен азаматтық құқықтық жағдайына мінездеме беру үшін, алдымен, адам, тұлға, азамат ұғымдарының арақатынасын ажыратуымыз, олардың конституциядағы құқықтық мәртебесінің принциптерін және негізгі белгілерін анықтауымыз қажет. Осы мәселеге талдау жасамастан бұрын «адам», «тұлға» және «азамат» ұғымдарын айқындап алу керек. Кейбір еңбектерде адам, тұлға, азамат ұғымдары олардың арасында белгілі бір айырмашылық бар болса да, бірқатар жағдайда бір мәндес сөздер ретінде қолданылады. «Адам» ұғымы жеке адамның биологиялық әлеуметтік табиғатын білдіреді. Оны тірі жәндіктің өкілі ретінде қарауға тиіспіз. Биологиялық жаратылыс ретінде «саналы адам» (*homo sapiens*) деңгейіне жеткен адам дамуы өте баяу өтеді. Мындағы жылдар бойы адам денесінің анатомиялық құрылысы, оның ағзалары өзгерген жоқ десе де болады. Ал әлеуметтік яки тұлға сипатындағы тұрғыдан алғанда адам дамуының орасан зор өрлеу жолынан өтті. Кез-келген нақтылы адам тұлға болып саналады, және ол табиғи және әлеуметтік ерекшеліктерге ие бола алады.

Тұлға дегеніміз-нақтылы қоғамдық-экономикалық құрылымның мүшесі ретінде адамды сипаттайтын ерекшеліктердің жиынтығын білдіреді. Тұлғаның қайталанбас даралығы адамдардың белгілі бір әлеуметтік тобының өкілі ретінде адамға тән кейбір ортақ белгілерді де қамтиды: оларға ұлты, кәсібі, әлеуметтік жағдайы және оның қоғамда алатын орны, жауаптылығы тағысын тағы жатады. Тұлғаның осындай жалпы сипаттарының жиынтығы оның әлеуметтік бейнесін айқындайды. Дәлірек айтсақ, жұмысшының, ғалымның, саясаткердің, зейнеткердің, қылмыскердің тұлғасы туралы айтуға болады [3, 26].

Қазақстан Республикасында тұлға нарықтық қатынастарға өту жағдайында материалдық игіліктер өндірісі саласында, оны бөлу мен айырбастау жоғары деңгейдегі еркіндікті иеленеді. Қазіргі уақытта әрбір азамат өнеркәсіп кәсіпорнының, сауда мен өзге қызмет көрсету салаларындағы кәсіпорындардың жеке немесе ұжымдық меншік иесі яки орташа немесе ірі бизнесмен бола алады. Бірақ өмірде кездесетін белгілі бір объективтік, не субъективтік жағдайларға байланысты адам өзін тұлға ретінде сезінбеуі де мүмкін. Оған мысал ретінде адамның жүйке жүйесінің ауруына байланысты оны сот іс-әрекетке қабілетсіз деп тануын алсақ та жеткілікті [3, 34].

Азамат ұғымы публистикалық мағынасында жиі қолданылады, ол адам - өз Отанының ұлы немесе қызы деген ұғымды білдіреді. Басқаша мағынасында бұл ұғымы адамның кез-келген мемлекетпен емес, тек өз елімен ғана құқықтық

байланыста екендігін аңғартады. (мәселен адамның монархиялық мемлекетпен құқықтық байланысы «бодан» ұғымымен сипатталады). Оның тығыз байланыстылығын мынадан көруге болады: мемлекет азаматтарға толық құқықтар мен бостандықтарын белгілеп берсе, ал азаматтар заңды түрде белгіленген сыйлықтарды, алымдарды және өзге де міндетті төлемдерді төлеу, т.с.с. жүзеге асырады.

Қолданыстағы Конституцияда «азамат» термині қолданылған кезде Қазақстан Республикасының азаматы жиі айтылады. Мәселе мынада: басқа мемлекеттерде тұратындар сияқты Қазақстан аумағында тұрып жатқандардың бәрі бірдей оның азаматы болып табылады. Олардың арасында шетелдік азаматтар немесе азаматтың жоқ адамдар болуы мүмкін. Олардың құқықтары мен бостандықтарының сол мемлекет азаматтарына қарағанда аздығы – мысалы, кейбір саяси және әлеуметтік экономикалық құқықтардың, соның ішінде сайлауға не сайлануға, әскер қатарына алынуға, жоғары лауазымды қызметке көтерілуіне болмайтындығы. Жалпы алғанда, Конституцияда, заңдарда және халықаралық шарттарда өзгеше көзделмесе, шетелдіктер мен азаматтығы жоқ адамдар Республика азаматтары үшін белгіленген құқықтар мен бостандықтарды пайдаланады, сондай-ақ міндеттер атқарады [4, 25].

Адамның өмір сүру құқығын іс жүзіне асырған кезде оның туу фактісі ғана қажет, ал оның азамат пен тұлға қасиеттеріне ие болу міндетті емес. Бұдан басқа құқықтарды іс жүзіне асырған кезде адамның тұлға, азамат болуы шарт.

Адамның жиынтық заңдық атауы түрінде «азамат» ұғымы Аристотель заманынан бері белгілі. Ежелгі орыс тілінде «азамат» сөзі қалалық тұрғынын айқындау үшін қолданылады. XVII ғасырлардың аяғынан бастап бұл сөз қалалық тұрғындардан жөнінде ғана емес, осы мемлекеттің кез келген тұрғынына қолданылатын болады [5, 69-75].

Қазіргі қазақ, орыс тілдерінде азамат сөзі осы мемлекеттің тұрақты халқына жататын, заңда белгіленген құқықтарды пайдаланатын, сондай-ақ барлық міндеттерді орындайтын адамға қатысты айтылады. Сөздің осы аталған мәні Қазақстан Республикасының азаматтығы туралы (1991 жылғы желтоқсанның 20-сы) Заңның негізінде алынады. Сөйтіп, адам мен азаматтың конституциялық-құқықтық мәртебесі дегеніміз бұл жеке тұлғаның құқықтары, бостандықтары мен міндеттерінің жиынтығы, сонымен қатар оларды іс жүзіне асырудағы құқық нормаларында бекітілген заңды кепілдіктер.

Құқық пен бостандықтың тарихи дамуында үш толқын айқын бөлінеді. Оның біріншісі-конституционализм ағымнан көрінеді. Ол кезде конституциялық актілерде құқық пен бостандықтардың екі тобы бекітілген болатын. Олар азаматтық (өзіндік) құқықтар мен бостандықтар (мәселен, жеке адамға ешкімнің тиіспеуі, тұрғын үйге қол сұғылмауы, т.б.) және саяси құқықтар мен бостандықтар – сайлау құқығы, сөз, баспасөз еркіндігі, т.с.с. [6, 9].

XX ғасырдың бірінші тоқсанында, әсіресе ортасында конституцияларда әлеуметтік-экономикалық құқықтар мен бостандықтар блогі дүниеге келді (еңбек ету құқығы, білім алу құқығы, ғылым мен мәдени жетістіктерін пайдалану және т.с.с.). Бұл екінші толқын болатын.

XX ғасырдың екінші жартысында пайда болған кең ауқымды проблемаларды шешуде үшінші толқынның әсері күшті болды. Соның

салдарынан адамның өмір сүруі мен денсаулығына қолайлы ортаны қорғау құқығы, ақпаратқұралдарын пайдалану құқығы және т.б.

Құқықтар мен бостандықтардың сонымен бірге міндеттердің дамуы, олардың шеңберінің тұрақты кеңеюі нақтылы топтастыруды қажетсінді. Әуел бастан-ақ құқықтарды, бостандықтарды адам құқығына және азамат құқығына бөлу керек деген болатын. Артынан бұларды басқаша да бөлуге – адамның, азаматтың, жеке және ұжымдық құқықтары, бостандықтары мен міндеттеріне болатындығы дәлелденді. әрине, адамның және азаматтың көптеген құқықтары, бостандықтары мен міндеттері өзіндік сипаттарына қарағанда жекешелеу болатындығы белгілі, бірақ, мысалы ереуілге шығу құқығы жекешеден гөрі ұжымдық болатыны сөзсіз. Өйткені, жеке адамның ереуілге шығуы – бұл жұмыстан бас тарту, дәлелсіз себептермен жұмысқа шықпай қалу дегенді білдіреді [7, 302].

Құқықтарды, бостандықтарды және міндеттерді *негізгі және қосымша* деп ажыратуға болады. Әрине, соңғы біріншісіне тәуелді. Мысалы: негізгі құқыққа азаматтың мемлекет ісін басқаруға қатысуы жатса, ал оның сайлауға құқығы, алдыңғылардан туындайды.

Құқықтарды, бостандықтарды және міндеттерді топтастырған уақытта ең бастысы оларды мәніне, мазмұнына қарай бөлу. Осыларды негізгі үш топқа бөлу принципі теорияда өз орнын тапты. Бірінші топ – бұл өзіндік немесе азаматтық құқықтар бостандықтар мен міндеттер. Екіншісі – саяси. Үшіншісі – экономикалық, әлеуметтік және мәдени құқықтар, бостандықтар мен міндеттер.

Бұлардың әрқайсысына тоқталмастан бұрын Қазақстан Республикасындағы тұлғаның, жеке адамның құқықтық мәртебесіне көңіл аударған жөн.

Адамның қоғамдағы алатын орны анықтауда мынадай принциптер ерекше рөл атқарады:

1. *Заң мен сот алдында жұрттың бәрінің теңдігі* (ҚР Конституциясының 14-бап, 1-тармақ). Құқық пен бостандықтың теңдігіне кепілдіктер адамның тегіне, әлеуметтік, лауазымдық және мүліктік жағдайына, нәсіліне, ұлтына, тіліне, дінге көзқарасына, нанымына, тұрғылықты жеріне байланысты немесе кез келген өзге жағдайларға қарамастан іске асырылады. Және де тең құқықтықты сақтауға кепілдіктер беріледі. Азаматтардың құқықтары мен бостандықтарын қандай да бір түрде әлеуметтік, нәсілдік, ұлттық тіл немесе діни нанымдары белгілері бойынша шектеуге жол берілмейді. Құқықтың теңдігі (яғни тең құқықтық) экономикалық, саяси, әлеуметтік және мәдени өмірдің барлық салаларында қамтамасыз етіледі. Мемлекеттің заңдарында әйел мен еркектің тең құқықтығын ерекше атап көрсетеді. Мысалы, әйелдерге білімге, қандай да болсын мамандыққа, олардың денсаулығына зиянды еңбектен басқасының бәріне еркектермен бірдей жол ашық. Қазақстанда тепе-тең еңбекақысын бірдей төлеу принципі дәйекті түрде жүзеге асырылуда. Қоғамдық өмірдің түрлі салаларында ерлермен бірдей жағдайға ие болып, әйелдер мемлекеттік басқару ісіне белсене араласуда.

2. Конституциялық құрылыс негіздеріндегі принциптің бірі - *Қазақстан Республикасы азаматтарының құқықтары мен бостандықтарының толықтылығы*. Жоғарыда сөз етілген бойынша, Қазақстан төңірегінде әрбір азамат барлық құқықтар мен бостандықтарға ие (және тең конституциялық

міндеттер атқарады). Ал шетел азаматтары мен азаматтығы жоқ адамдардың сондай құқықтары мен бостандықтары шектеулі.

3. *Негізгі құқықтар мен бостандықтардың ажыратылмайтындығы және олардың заңсыз шектеуіне тыйым салынуы* – бұл адам мәртебесі негіздерінің конституциялық бекітілуінің тағы да бір бастылығы. Қазақстан Республикасының Конституциясында «Адам құқықтары мен бостандықтары әркімге тумысынан жазылған, олар абсолютті деп танылады, олардан ешкім айыра алмайды», - делінген (12-бабының 2-тармағында). Бұл Республика Конституциясының және соған сәйкес келетін өзге де нормативтік құқықтық құжаттардың нормаларымен белгіленген шеңберінде адам құқықтары мен бостандықтарының тізбегіне мемлекет кепілдік береді деген сөз.

Адамның бұл аталған құқықтары мен бостандықтарын абсолютті деп тану – олар Қазақстан Республикасында тұратын әрбір адамға оның Республика азаматтығында болу-болмауына қарамастан, қолданылады дегенді білдіреді. Бұл құқықтар мен бостандықтардың ажырағысыздығы Конституция белгілеген құқықтар мен бостандықтардан Конституцияда және соған сәйкес қабылданған заңдарда көзделген жайлардан басқа реттерде адамды ешкім де, соның ішінде мемлекет те айыра алмайтындығын танытады. Біздің елімізде заңдар мен нормативтік құқықтық актілердің мазмұны мен қолданылуы осыларға қарай анықталады. Демек, қандай да болмасын заңдардың адам мен адамзаттардың құқықтары мен бостандықтарын тежеуге немесе жойып жіберуге бағытталған кері әсері болмайды. Осыған байланысты мемлекет билігі үш тармағының жұмысында азаматтардың құқықтарын, бостандықтары және заңды мүдделерін конституциялық негізде бекітуге (заң шығару), нақты іске асыруға (атқару) және тиісінше қорғауға (сот) айрықша мән беріледі [8, 125].

Жаңа уақыт адамның құқығы мен бостандығы дүниеге өзімен бірге келетінін негіздейтін табиғи құқық идеяларының пайда болуымен сипатталды. Өртүрлі теориялық құрылымдар тұлға мен мемлекет қайшылығын еңсеру қажеттігін негіздеді. Адамның құқықтары мен бостандықтарына артықшылық беру қағидаларын жария ету «адам-мемлекет» мәселесіне құрсаулық жүйе тұрғысынан түсінік беруден үзілді-кесілді бас тартуды білдіреді. Тоталитарлық жүйе кезінде адам орасан зор мемлекеттік машинаның титімдей бір бөлігіне айналады (бұл әсіресе Сталиннің жеке басына табыну жылдарында айрықша байқалды). Адам мемлекет үшін емес, мемлекет адам үшін жаратылған, олардың қатынастарының ендігі басты қағидаты (1995 жылғы Қазақстан Республикасы Конституцияда негізі қаланған) осындай. «Қымбат қазына» ұғымы конституциялық мәтінге енгеннен кейін іс жүзінде адамгершілік санат бола отырып, құқықтық санатқа да айналады және қоғам мүшелерінің баршасы үшін – мемлекет билігі қолында барларға да, жоқтарға да міндетті ереже болып табылады.

Адамның және азаматтың құқықтар мен бостандықтары конституциялық құрылысты қорғау, қоғамдық тәртіпті, адамның құқықтары мен бостандықтарын, халықтың денсаулығы мен имандылығын сақтау мақсатына қажетті шамада ғана және тек заңмен шектелуі мүмкін. Құқық үстемдігі нақты жүзеге асырылған кезде адам және азаматтың құқықтырының сақталуына кепілдік беріледі. Бұл принципті мемлекет те азаматтарда бұлжытпай орындауы

қажет. Әсіресе мемлекеттік органдардың қызметшілерінің кәсіби құқықтық мәдениеті осы қағидатты орындауға үлкен қосады деп ойлаймыз. Құқықтық мәдениет пен құқықтық сананың негізі болып табылатын құқық үстемдігі барлық салаларды маңызды басымдық болып қалыптасуы қажет. Мемлекетіміздің қатарына қосылуды мақсат қылып отырған отыз озық елдердің кәсіби құқықтық мәдениетті дамытудағы басты ұстанымдараның бірі де заңдылық принципі.

Пайдаланылған қайнар көздерінің тізімі:

1. Қазақстан Республикасының Конституциясы. Алматы, Жеті Жарғы.,1995.32б.
2. Кенжалиев. З.Ж. Конституция және қоғамдық сана// Егемен Қазақстан 25 тамыз, 2005, 12б.
3. Әбсаттаров М. Еуропалық сот-адамның құқығының қорғаушысы// Ақиқат, №8, 2006, 26б.
4. Тасболатов А.. Бостандық пен құқық кепілі // Егемен Қазақстан, 2007, 12б
5. Жоламан. Қ.Д. Мемлекет және құқық теориясы. Оқулық. Алматы, 2004, 279б.
6. Қосекеев К.. Адам құқығы мен бостандығы – жедел іздестіру қызметінің басты қағидасы // Егемен Қазақстан, 2006, 9-б
7. Табанов. С.А. Салыстырмалы құқықтану негіздері. -Алматы, 2003,302 б.
8. Табанов. С.А. Құқық теориясы мен сот жүйесінің конституциялық негіздері. - Алматы, 2003,125б.

Велиева Джамиля Сейфаддиновна,
д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой
конституционного и международного права
Поволжского института управления
им. П.А.Столыпина (филиал РАНХиГС),
Российская Федерация

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА И ЗАЩИТА СЕМЬИ, МАТЕРИНСТВА, ОТЦОВСТВА И ДЕТСТВА: КОНСТИТУЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Поправки, внесенные в Конституцию РФ в 2020 году, вызвали очередную волну интересов к правам человека (в том числе к правам детей), поскольку на конституционном уровне нашли отражение гарантии государственной поддержки семьи, материнства и детства. В числе таких гарантий конституционная новелла, согласно которой дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России, а государство создает условия, способствующие их всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию (ч. 4 ст. 67.).

Принятию поправок к Конституции России предшествовало Послание Президента РФ, которое начинается с признания комплекса серьезных детских проблем и огромной важности их решения: «Судьба России, ее историческая перспектива зависит от того... сколько детей родится в российских семьях через

год, через пять, десять лет, какими они вырастут, кем станут, что сделают для развития страны и какие ценности будут для них опорой в жизни... Каждый наш шаг, новый закон, государственную программу мы должны оценивать прежде всего с точки зрения высшего национального приоритета - сбережения и приумножения народа России» [1].

В современных условиях семья рассматривается не только как социальный институт, но также как объект социально-правовой защиты государства. Такой подход предполагает удовлетворение базовых потребностей семьи, связанных с ее материальным благосостоянием, охраной здоровья, получением образования, обеспечением безопасности и др.

Поддержка семьи, материнства, отцовства и детства провозглашена одним из приоритетных направлений современной социальной политики в России.

Конституционное провозглашение Российской Федерации социальным государством, обязывает публичную власть надлежащим образом осуществлять охрану здоровья людей, государственную поддержку и защиту семьи, материнства, отцовства и детства.

Социально-правовая защита семьи обусловлена семейной политикой государства и опирается на теоретические представления о семье и ее взаимодействии с государством как в правовом, так и в социальном аспектах.

Однако все изложенное возможно только в рамках эффективной семейной политики, призванной обеспечивать полноценное функционирование семьи. Социально-правовая защита с этой точки зрения сложный процесс. Она предполагает формирование нормативно-правовой основы и принятия политических, экономических, нравственных, иных норм и мер. Иными словами, социально-правовая защита требует комплексного подхода на государственном уровне.

Конституция Российской Федерации гарантирует государственную поддержку семьи, материнства и детства. Исходя из содержания Конституции РФ государственная поддержка предполагает наличие правовых механизмов, которые обеспечивали бы социально-правовую защиту, адекватную целям социальной и экономической политики Российской Федерации, позволяющую создавать условия для реализации гражданами их прав и обязанностей в сфере семейных отношений, включая оказание помощи молодым семьям в решении жилищной проблемы, предоставление дополнительных мер [2.].

Следовательно, защита семьи, материнства и детства - одна из приоритетных задач Российского государства. На выполнение данной задачи направлены нормы Конституции Российской Федерации, находящие конкретное выражение и развитие в семейном законодательстве, законодательстве об охране здоровья, о труде, о социальном обеспечении и др. Обязанность защищать семью предусматривает активную деятельность самого государства

Можно назвать следующие приоритетные направления государственной семейной политики на современном этапе: утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия,

ответственного родительства, повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи.

Особая роль семьи в развитии личности, удовлетворении ее духовных потребностей и обусловленная этим конституционная ценность института семьи требуют со стороны государства уважения и защиты семейных отношений, одним из принципов регулирования которых является приоритет семейного воспитания детей. Соответственно, федеральный законодатель, осуществляя правовое регулирование в той или иной сфере общественных отношений, должен принимать во внимание необходимость укрепления семьи, ее построения на чувствах взаимной любви и уважения, началах взаимопомощи и ответственности друг перед другом всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления ее членами своих прав [3].

Исходя из особой значимости семьи в развитии общества и государства Указом Президента РФ от 22.11.2023 «О проведении в Российской Федерации Года семьи», 2024 год был объявлен Годом семьи [4].

В рамках преобразований были реализованы многочисленные приоритетные национальные проекты, направленные на защиту и обеспечение конституционных прав участников семейных отношений. Например, целью предоставления государственной поддержки в решении жилищной проблемы молодым семьям, признанным в установленном порядке нуждающимися в улучшении жилищных условий была принята федеральная целевая программа «Жилище» на 2011–2015 г.г. [5].

Государственная поддержка семьи была выражена и ранее в указах Президента РФ: от 1 июля 2012 г. № 761 «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [6], от 7 мая 2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» [7], Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [8] и т. д.

Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы призвана обеспечить достижение существующих международных стандартов в области прав ребенка, формирование единого подхода органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и граждан к определению целей, задач, направлений деятельности и первоочередных мер по решению наиболее актуальных проблем детства.

Национальная стратегия была разработана с учетом Стратегии Совета Европы по защите прав ребенка на 2012 - 2015 годы, которая включает следующие основные цели: способствование появлению дружественных к ребенку услуг и систем; искоренение всех форм насилия в отношении детей; гарантирование прав детей в ситуациях, когда дети особо уязвимы. В разделе «Первоочередные меры» предусмотрены меры, которые остались не реализованными и по сей день. В их числе разработка и принятие федерального закона, определяющего основы государственной семейной политики; разработка и утверждение стандартов минимальных гарантий доступа к доходам и социальным услугам, определяющих основные показатели качества жизни

детей, включая минимальный гарантированный доход, гарантированное социальное жилье, семейный отдых и качество питания.

Вместе с тем названные меры так и остались нереализованными. Официальная информация о работе по принятию обозначенных нормативных актов не отражена на сайте Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей Федерального Собрания Российской Федерации.

В 2014 году была принята Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [9]. Государственная семейная политика, согласно Концепции, представляет собой целостную систему принципов, задач и приоритетных мер, направленных на поддержку, укрепление и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества, сохранение традиционных семейных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества, повышение авторитета родительства в семье и обществе, профилактику и преодоление семейного неблагополучия, улучшение условий и повышение качества жизни семей.

Сама Концепция называет субъектов реализации государственной семейной политики: федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, работодатели, некоммерческие организации, в том числе общественные объединения, политические партии, профессиональные союзы, религиозные организации, средства массовой информации, а также граждане.

Концепция содержит множество разносторонних предложений и пожеланий, направленных на привлечение внимания к положению женщин, повышение благосостояния семей с детьми, однако предлагаемые меры требуют значительных финансовых, организационных и кадровых ресурсов, а также разработки механизмов их реализации. Видимо, поэтому реализацию Концепции предлагается осуществлять в два этапа. На первом этапе (2015 - 2018 гг.) предусматривается создание механизмов реализации Концепции и системы управления ее реализацией, а также механизмов финансирования, информационно-аналитического и кадрового обеспечения государственной семейной политики, системы ее правового обеспечения, т.е. фактически, на наш взгляд, речь идет лишь о теоретических подходах к реализации Концепции, к решению организационных и методологических вопросов. Говорится также о проведении работы по совершенствованию семейного законодательства и системы статистических показателей, о совершенствовании региональных программ, направленных на улучшение положения семей с учетом специфики региона.

Вместе с тем, в целом в Российской Федерации, к сожалению, нет эффективной семейной политики как стройной системы, как конституционной стратегии государства. Выделяются финансовые средства на социальные программы на поддержку молодых семей, на семей, имеющих детей, на социальное обеспечение, на решение жилищных вопросов, но это не выстроено в комплексную систему.

Решением всех существующих проблем могло бы стать принятие Федерального закона «Об основах поддержки семьи в Российской Федерации»,

который бы четко определял цели, приоритеты и социальные гарантии государственной защиты семьи и детей.

Несмотря на наличие законодательных актов в сфере социальной защиты семьи, необходимо принять и иные меры, направленные на повышение эффективности социально-правовой защиты семьи. В их числе можно предложить современные компенсационные выплаты семьям с детьми не возмещают последствий социальных рисков, а только сглаживают их. Законодателю необходимо учитывать особую природу этих пособий для адекватного восстановления имущественного положения семей. В основе расчета размера государственных пособий должна быть их компенсаторная функция.

Поскольку в неблагополучных семьях денежные средства в виде социальных пособий не всегда расходуются на удовлетворение потребностей несовершеннолетних детей, представляется, что наибольшую эффективность социальной поддержки семьям с детьми можно достичь только путем сочетания денежной и натуральной форм обеспечения.

В заключении следует отметить, что конституционное закрепление защиты семьи свидетельствует значимости ее роли в российском обществе, о заинтересованности государства в ее поддержке, сохранении и качественном развитии. В связи с этим важно отметить особую роль принципа социальной преемственности поколений, который предусматривает ориентацию государства и общества на сохранение и поддержание взаимосвязи поколений, соблюдение и воспроизводство в молодой семье традиций семейного воспитания, передачу и преемственность российских социокультурных ценностей.

Список использованных источников:

1. Послание Президента РФ Владимира Владимировича Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 г. // Российская газета. 2020. 16 января.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.07.2014 N 21-П «По делу о проверке конституционности подпункта «г» пункта 18 Правил предоставления молодым семьям социальных выплат на приобретение (строительство) жилья и их использования (утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2010 года N 1050) в связи с жалобой гражданки Е.А. Дурягиной» // СЗ РФ. 2014. N 29. Ст. 4201.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2015 N 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной» // СЗ РФ. 2015. N 26. Ст. 3944.
4. СЗ РФ. 2023. N 48. Ст. 8560.
5. Постановление Правительства РФ от 17.12.2010 N 1050 «О федеральной целевой программе «Жилище» на 2015 - 2020 годы» // СЗ РФ. 2011. N 5. Ст. 739. 2015. N 36. Ст. 5030.
6. Указ Президента РФ от 01.06.2012 N 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы» // СЗ РФ. 2012. N 23. Ст. 2994.

7. Указ Президента РФ от 07.05.2012 N 606 (ред. от 13.01.2023) «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. N 19. Ст. 2343.

8. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») // СЗ РФ. 2008. N 47. Ст. 5489.

9. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 N 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014. N 35. Ст. 4811.

Жатканбаева Айжан Ержановна,
д.ю.н., судья Конституционного
Суда Республики Казахстан

КРИТЕРИИ ДОПУСТИМОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОБРАЩЕНИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН О КОНСТИТУЦИОННОМ КОНТРОЛЕ

Конституционный контроль, главным образом, рассматривается учеными как «характерный вид охраны и защиты конституций, который заключается в соотношении основного закона с другими нормативными правовыми актами, решениями и действиями субъектов права» [1, с.], а если быть более конкретными, что это вид деятельности, направленный на сохранение закрепленных в Конституции норм и обеспечение конституционных гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина.

За последний год внимание общественности было приковано к вновь воссозданному органу конституционного контроля – Конституционному Суду Республики Казахстан [2], от которого, как отмечал Глава государства, ожидания очень велики.

Это подтверждает статистика обращений, поступивших в Конституционный Суд страны: на 29 ноября 2023 года статистика на официальном сайте Конституционного Суда, показала 4862 обращения за неполные 11 месяцев, что означает, что у населения имеются существенные проблемы с защитой конституционных прав. Это требует соответствующей реакции со стороны государства.

Конституционный закон РК от 5 ноября 2023 года «О Конституционном Суде Республики Казахстан», основываясь на нормах Основного закона в статье 23 закрепил компетенцию Конституционного Суда по предварительному и последующему конституционному контролю.

За 11 месяцев в Конституционный Суд поступили обращения практически от всех субъектов, полномочных обращаться в орган конституционного контроля, за исключением Уполномоченного по правам человека и судов Республики. Более 95% обращения физических лиц.

Индивидуальное обращение является важнейшим элементом конституционного контроля.

Мировая практика показывает огромное разнообразие критериев допустимости к индивидуальным обращениям. Но суть всего этого опыта заключается в том, что именно эти обращения указывают на наличие проблем, которые выявляются уже непосредственно в правоприменительной деятельности.

Установленные законодателем требования к критериям допустимости определяют какие обращения могут быть допущены до конституционного производства.

Наличие критериев допустимости – это важнейший фактор, который по сути определяет требования к содержанию и форме обращений.

Конституционный Суд – это высший орган конституционного контроля в работе которого задействован мощный интеллектуальный и организационный потенциал государства и соответственно, обращения в него должны соответствовать определенным требованиям.

Обращающийся в Конституционный Суд несет определенную ответственность перед государством, чей аппарат он пытается задействовать в целях защиты своих конституционных прав. Политика солидарной ответственности и государства и гражданина в данном аспекте, по сути, направлена на обеспечение качества и эффективности защиты конституционных прав граждан и надлежащего качества правосудия.

Обращающийся должен осознавать, что его обращение – это перспектива защиты прав и законных интересов и других лиц. Его обращение рассматривается органом конституционного контроля как сигнал на наличие проблемы и итоговое решение Конституционного Суда затронет права и свободы других лиц. Так, например, по делу о пенсионном обеспечении сотрудников правоохранительных органов, уволенных со службы свои заработанные пенсии, восстановили более 40 полицейских. А число уволенных за три часа прогула и не имеющих пожизненный доступ к государственной службе составляло 6 600 человек.

Законодатель в статье 44 Конституционного закона устанавливает требования к форме и содержанию обращений.

Качество обращения носит важное значение. Так, по статистике из 4862 обращений было возвращено 4541 обращения в связи с несоблюдением требований по форме и содержанию. Аппарат и судьи Конституционного Суда обязаны придерживаться и руководствоваться этими требованиями.

Проведем анализ критериев допустимости по действующему законодательству о конституционном контроле Республики Казахстан.

Первый критерий – критерий надлежащего субъекта. Надлежащим субъектом законодатель понимает гражданина, чьи конституционные права и свободы непосредственно затронуты оспариваемым нормативным правовым актом, конституционность которого он просит проверить (подпункт 3 статьи 72 Конституции РК) [3]. Обращения юридических лиц, либо в интересах юридических лиц или предпринимателей не соответствуют критериям допустимости.

Ситуации, когда граждане подают обращения от своего имени, но при этом пытаются анонсировать права коммерческого сектора – предпринимательства или юридического лица принятию не подлежат. Такие обращения возвращаются.

Важно, и это закреплено непосредственно в Конституции страны – должны быть:

1. нарушены права, непосредственно принадлежащие лицу в конкретном деле. Ситуации, когда человек проектирует возможное нарушение права человека тем или иным законом, но эти нормы не затронули его лично, то такое обращение не соответствует критериям допустимости. О.О. Небратенко назвал такие ситуации «мнимой неопределенностью» [4; 110 стр.];

2. оспариваемый нормативно-правовой акт применен судом и по делу вынесен судебный акт, вступивший в законную силу (подпункт 2 пункта 2 статьи 45 Конституционного закона);

3. срок подачи обращения – это 1 год с момента вынесения судебного решения.

Ряд юристов и граждан обращают внимание на столь короткий срок, но статистика и сами обращения показывают, что обращения все же подаются и по ситуациям существенной давности. Например, по делу о увольнении с военизированной службы с последующим запретом поступления на государственную службу обращение было принято к производству, когда само событие произошло в 2013 году, но определяющим было наличие недавнего судебного решения.

Но следует обратить внимание и на то, что мировая практика оперирует более короткими сроками, так, например, Европейский суд по правам человека установил срок подачи обращения 1 месяц.

4. принцип исчерпаемости, то есть, должны быть исчерпаны все доступные индивиду средства правовой защиты. В частности, закон требует наличие судебного решения по делу, где обжалуемая норма была непосредственно применена судом и по делу вынесен судебный акт, вступивший в законную силу.

Исчерпаемость — это важное требование и для самого гражданина.

В случае, когда человек обращается в Конституционный Суд, но при этом имеет в своем арсенале иные возможности обжалования, принятого в отношении него судебного решения в вышестоящие суды, административные органы, в прокуратуру и прочее он может упустить процессуальные сроки и соответственно теряет такие возможности.

Поэтому в ответе на такие обращения указывается о наличии неисчерпанных возможностей. В этих ситуациях явно прослеживается вопрос о качестве юридической помощи и юридического сопровождения.

Особо следует отметить, еще один важный критерий допустимости – критерий императивной нормы.

Казахстанский законодатель предусмотрел помимо классической формулы наличия судебного решения по конкретному делу в реальной жизненной ситуации еще и возможность обращения по императивной норме, то есть норме, которая не может быть применена иначе как прописано в ней. Так, пункт 4 статьи 45 закрепляет, что обращение гражданина допустимо, если предварительное обращение гражданина в суд не приведет к иному применению закона,

непосредственно затрагивающего его права и свободы, закрепленные Конституцией Республики Казахстан, в конкретной ситуации ввиду императивности соответствующих положений закона.

Следует отметить, что ряд обращений принят именно по этому пункту. Например, это все дела по обращениям судей или по обращения государственных служащих и другие.

Наличие императивной нормы – это прогрессивный момент в вопросе допустимости конституционной жалобы (обращения), который по сути существенно увеличивает шансы на конституционное производство и действительно позволяет усмотреть нарушения норм Основного закона.

Еще одни не маловажным фактором доступности обращения в Конституционный суд является отсутствие требований об обязательном юридическом сопровождении обращении.

Целый ряд стран, например, Южная Корея, требуют, что обращение может подаваться только через адвоката. Таких требований Казахстане не установил, что позволяет гражданам непосредственно подавать жалобы как во фронт-офис Конституционного Суда, так и дистанционно. В настоящее время идет разработка собственной электронной платформы Конституционного Суда республики.

Кроме того, очень хотелось бы обратить внимание на таком вопросе как перспективность обращения.

По целому ряду ситуации Конституционный суд выработал уже свои позиции, как например, по вопросам мер противодействия коррупции или по вопросам должностных ограничений.

Очень важно, чтобы обращающиеся были знакомы с такими позициями, чтобы в определенной степени прогнозировать исход решения. С этой целью все нормативные постановления Конституционного Суда размещаются на сайте и публикуются в официальной прессе на казахском и русском языках (подпункт 2 пункта 2 статьи 65 Конституционного закона).

Говоря о результатах рассмотрения обращений граждан в Конституционный Суд Казахстана следует указать, на то, что принимается одно из следующих решений: соответствует Конституции, не соответствует Конституции и соответствует в данном Конституционном Судом истолковании. При этом закон составлен таким образом, что и при признании норм неконституционной и при признании конституционной в истолковании Конституционного Суда последствия одинаковые. Законодатель обязан руководствоваться правовыми позициями Конституционного Суда Республики.

Порядка 50% Нормативных постановлении вынесены с признанием норм неконституционными или с указанием на позицию Конституционного Суда, что означает наличие проблем и обязательному пересмотру норму законодателем.

Высказывание позиции Конституционного Суда является важным фактором, формирующим казахстанское законодательство на современном этапе. Они отражают не только правовые аспекты, но и сделаны с учетом анализа иных аспектов и современных реалии.

Вопрос правовых позиций Конституционного Суда - это отдельный вопрос глубокого научного анализа. Необходимость обеспечения верховенства Конституции, защиты прав и свобод человека как высшей конституционной

ценности, а также дух основного Закона который заточен на обеспечении баланса интересов личности, общества и государства требует выработки правовых позиций, которых Конституционный Суд будет придерживаться в процессе всей своей деятельности. Кроме того, эти позиции будут формировать законодательство страны и устранять тем самым противоречия основному закону государства. Об этом было заявлено в первом послании Конституционного Суда.

Список использованных источников:

1. Витрук Н.В. Конституционное правосудие судебное конституционное право и процесс: учебник / Н.В. Витрук. - Изд. 2-е, доп. и пе-рераб.- М.: «Закон и право», 2010. - С.100.
2. Глава государства провел встречу с судьями Конституционного Суда // <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-provel-vstrechu-s-sudyami-konstitucionnogo-suda-405948>
3. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029
4. Небратенко О.О. Особенности обращения граждан в Конституционный суд Российской Федерации и конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации // Юрист-Правовед, № 2, 2015, № 2 (69)
5. Конституционный закон Республики Казахстан от 5 ноября 2023 года «О Конституционном Суде Республики Казахстан» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39441762&pos=610;-58#pos=610;-58&sdoc_params=text

Подмарев Александр Александрович,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры
конституционного права имени профессора
И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»,
Российская Федерация

РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИИ И КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ОТ НЕКОНСТИТУЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Одной из основных задач конституционного регулирования в любом современном государстве является закрепление основ правового положения личности, к которым можно отнести: концепцию статуса индивида; основные права, свободы, обязанности человека и гражданина; принципы реализации прав и свобод; основы ограничения прав и свобод; исходные начала гражданства и правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства. На основе этих базовых конституционных норм должны разрабатываться законы и все остальные нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы, обязанности личности, а также устанавливающие юридическую ответственность физических лиц.

Неотъемлемым элементом конституционного регулирования положения

личности является закрепление основ ограничения прав и свобод человека и гражданина. В конституциях, как правило, есть следующие нормы, касающиеся ограничений прав и свобод: 1) принципиальная допустимость ограничения прав и свобод личности государством; 2) общие условия (принципы, требования) ограничения всех прав и свобод человека и гражданина (цели ограничений, правовая форма закрепления ограничений, соразмерность ограничений); 3) способы, формы, процедуры, условия ограничения отдельных основных прав и свобод человека и гражданина; 4) условия ограничения прав и свобод при чрезвычайных режимах. Необходимость закрепления на конституционном уровне принципиальной возможности и общих условий ограничения всех прав и свобод человека и гражданина объясняется тем, что правила введения и действия необходимых в обществе ограничений должны иметь твердую и ясную конституционную основу, чтобы избежать произвольных ограничений, то есть нарушений прав и свобод.

Согласно части 3 статьи 55 Конституции РФ 1993 г. (с изм. на 2022 г.) права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Часть 2 статьи 19 запрещает любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. В статьях 20, 22, 23, 25, 29, 32 и некоторых других указаны способы, формы, процедуры, условия ограничения отдельных прав и свобод личности. Статья 56 устанавливает, что в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия; не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные статьями 20, 21, 23 (часть 1), 24, 28, 34 (часть 1), 40 (часть 1), 46 - 54 Конституции РФ [1].

Конституция Республики Казахстан 1995 г. (с изм. на 2022 г.) в части 1 и части 3 статьи 39 закрепляет общие условия ограничения прав и свобод индивида: права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только законами и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения; не допускается ни в какой форме ограничение прав и свобод граждан по политическим мотивам; ни в каких случаях не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные статьями 11, 13-15, пунктом 1 статьи 16, статьей 17, статьей 19, статьей 22, пунктом 2 статьи 26 Конституции. В статьях 16, 18, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 32, 33 указаны ограничения конкретных прав и свобод, либо дается отсылка к законам, в которых должны устанавливаться ограничения [2].

Таким образом, Основные законы России и Казахстана содержат сходные положения, регламентирующие на высшем правовом уровне возможность и рамки ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Конституционные нормы об ограничениях прав и свобод устанавливают определенные границы государственной правотворческой деятельности, прежде

всего законодательной, поскольку законы являются основным способом развития и конкретизации конституционных положений о правах и свободах личности. Если законодательные ограничения прав и свобод будут вводиться без учета конституционных требований к ним, то содержание прав и свобод будет постоянно сужаться и исчезать. Без четких конституционных правил установления и действия ограничений любое конституционное право (свобода) личности будет сведено на «нет» произвольными ограничениями и будет существовать только в конституционном тексте. В.Д. Зорькин по этому поводу отмечает: «...на практике решение вопроса о мере свободы индивида в его взаимоотношениях с государством в значительной мере зависит не столько от того, как тщательно прописан в конституции каталог основных прав и свобод, сколько от интерпретации законодателем и правоприменителем положения ч. 3 ст. 55 Конституции» [3]. То есть для обеспечения полноценного пользования правами и свободами необходима защита от возможных неконституционных ограничений.

Полномочиями по определению неконституционности ограничений прав и свобод личности обладает в России и в Казахстане Конституционный Суд. В многолетней практике и Конституционного Суда России, и Конституционного Суда Казахстана (ранее – Конституционного Совета) эта категория дел является очень значительной. За январь-ноябрь 2023 года из 53 постановлений Конституционного Суда России в 39 затрагивались проблемы ограничений; из 35 нормативных постановлений Конституционного Суда Казахстана 21 касалось ограничений прав и свобод.

В своих решениях по делам, затрагивающим проблемы конституционности ограничений прав и свобод личности (имеется в виду практика за все годы деятельности органов конституционного контроля), Конституционный Суд России и Конституционный Суд (ранее Конституционный Совет) Казахстана сформулировали определенные правовые позиции по вопросам ограничений (подтвержденные в отдельных решениях 2023 года). В этих правовых позициях выражено мнение органов конституционного контроля о целях, форме закрепления, соразмерности ограничений прав и свобод личности, о значении международных стандартов ограничений для национального законодательства.

Например, в отношении целей ограничений Конституционный Суд России считает, что: вводимые законодателем ограничения должны обеспечивать достижение указанных в Конституции РФ целей [4]; законодатель не может вводить такие ограничения, которые не согласовывались бы с конституционно значимыми целями [5]; только конституционно значимые цели оправдывают ограничения прав и свобод человека и гражданина [6]; некоторые права и свободы ни в каком случае не могут вступить в противоречие с конституционными целями ограничений и, следовательно, не подлежат ограничению ни при каких обстоятельствах (эти права называют абсолютными) [7].

Относительно правовой формы закрепления ограничений Конституционный Суд России однозначно подтверждает конституционное требование – ограничение прав и свобод требует единого регулирования на территории РФ, то есть может осуществляться только федеральным законодателем [8].

Принцип соразмерности трактуется Конституционным Судом России следующим образом: ограничение является соразмерным, когда его характер соответствует тем конституционно защищаемым целям, ради которых оно вводится [9]; при допустимости ограничения того или иного конституционного права государство, обеспечивая баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов, должно использовать не чрезмерные, а только строго обусловленные конституционно одобряемыми целями меры [10].

Конституционный Суд России также неоднократно подчеркивал, внутреннее законодательство не должно выходить за пределы допускаемых международными актами ограничений [11].

В целом, Конституционный Суд России считает, что «как сама возможность ограничений, так и их характер определяются законодателем не произвольно, а в соответствии с Конституцией РФ, провозгласившей в статье 55 (часть 3), что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены лишь федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [12].

Конституционный Суд Республики Казахстан, рассматривая дела, касающиеся ограничений прав и свобод личности, опираясь на нормативные постановления Конституционного Совета, пришел к следующим выводам: 1) законодатель, принимая законы об ограничениях прав, обязан исходить из конституционных пределов допустимого ограничения прав и свобод человека и гражданина, не искажая существа конституционных прав и свобод и не вводя таких ограничений, которые не согласуются с конституционно определенными целями; любые законодательные ограничения прав и свобод человека должны быть адекватными законно обоснованным целям и отвечать требованиям справедливости, пропорциональности и соразмерности; обозначенные подходы корреспондируются с положениями международных договоров, участницей которых является Республика Казахстан [13]; 2) любые законодательные ограничения прав и свобод человека должны быть адекватны законно обоснованным целям и отвечать требованиям справедливости, пропорциональности и соразмерности [14]; 3) право на судебную защиту является абсолютным и неотчуждаемым и не подлежит ограничению ни в каких случаях [15]; 4) парламент вправе вводить, изменять либо отменять законом ограничения [16]; 5) ограничение прав и свобод актами меньшей юридической силы, чем законы, не согласуется с пунктом 1 статьи 39 Конституции [17].

Выработанные Конституционным Судом России и Конституционным Судом Республики Казахстан правовые позиции по вопросам ограничения прав и свобод индивида, сформулированные в решениях по конкретным делам, в которых решался вопрос о конституционности действующих ограничений, являются элементом системы защиты прав и свобод человека и гражданина от неконституционных ограничений, поскольку разъясняют и конкретизируют конституционные требования к ограничениям прав и свобод и тем самым делают более понятными, четкими рамки полномочий нормотворческих и правоприменительных центральных, региональных и местных органов

публичной власти в отношении граждан. Признавая положения нормативных правовых актов не соответствующими Основному закону по причине закрепления в них неконституционных ограничений прав и свобод, и Конституционный Суд России, и Конституционный Суд Республики Казахстан не только защищают права обратившегося в Суд человека, но и одновременно защищают права многих других граждан, которые в будущем могли бы попасть под действие неконституционных актов.

Список использованных источников:

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (в редакции от 04.10.2022 г.) / Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) (дата обращения 30.11.2023).

2. Конституция Республики Казахстан (принята на референдуме 30.08.1995 г.) (в редакции от 17.09.2022 г.) / Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан (URL: <https://adilet.zan.kz/rus>) (дата обращения 30.11.2023).

3. Зорькин В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. Конституционный Суд Российской Федерации. Санкт-Петербург. 2021. С. 45. / <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=91> (дата обращения: 30.11.2023).

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.10.2000 г. № 13-П по делу о проверке конституционности положений пункта 13 статьи 39 Закона РФ «Об образовании», статьи 1 Федерального закона «О сохранении статуса государственных и муниципальных образовательных учреждений и моратории на их приватизацию» и пункта 7 статьи 27 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в связи с запросом Майнского районного суда Ульяновской области, а также жалобами граждан Е.Е. Насоновой и Н.П. Ярушиной // Собрание законодательства РФ. 2000. № 44. Ст. 4399.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.10.2001 г. № 14-П по делу о проверке конституционности положений, содержащихся в статьях 47 и 51 УПК РСФСР и пункте 15 части второй статьи 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», в связи с жалобами граждан А.П. Голомидова, В.Г. Кислицина и И.В. Москвичева // Собрание законодательства РФ. 2001. № 48. Ст. 4551.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2009 г. № 16-П по делу о проверке конституционности пункта 32 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», подпункта «к» пункта 2 статьи 21 Федерального закона «О политических партиях», части 3 статьи 30 Закона Краснодарского края «О выборах депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края» и части первой статьи 259 ГПК РФ в связи с жалобой гражданина В.З. Измайлова // Собрание законодательства РФ. 2009. № 47. Ст. 5709.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 г. № 4-П по делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна // Собрание законодательства РФ. 1995 г. № 19. Ст. 1764.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2003 г. № 19-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Ивановской области «О муниципальной службе Ивановской области» в связи с запросом Законодательного Собрания Ивановской области // Собрание законодательства РФ. 2003. № 52 (ч. 2). Ст. 5101.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.11.2000 г. № 14-П по делу о проверке конституционности части третьей статьи 5 Федерального закона «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания РФ» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 49. Ст. 4861.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.07.2023 г. № 38-П по делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 14, пункта 4 части 4 статьи 17, пункта 7 части 3 статьи 80 и статьи 92 Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» в связи с жалобой гражданина Р.М. Пахомова // Собрание законодательства РФ. 2023. № 29. Ст. 5499.

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.05.1995 г. № 5-П по делу о проверке конституционности статьи 12 Закона СССР от 9 октября 1989 года «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» (в редакции от 20 мая 1991 года) в части, запрещающей проведение забастовок работниками гражданской авиации, в связи с жалобой Профсоюза летного состава РФ // Собрание законодательства РФ. 1995. №21. Ст.1976.

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.06.2023 г. № 29-П по делу о проверке конституционности части 12 статьи 30 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Руссо Индастриал» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 24. Ст. 4389.

13. Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 06.03.2023 г. № 4 о рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан подпункта б) пункта 3 статьи 16 Закона Республики Казахстан «О государственной службе Республики Казахстан» / <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2300000004> (дата обращения 30.11.2023).

14. Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 27.03.2023 г. № 6 о рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан положений частей третьей и пятой, подпунктов 1) и 3) части шестой статьи 141 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан от 5 июля 2014 года / <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2300000006> (дата обращения 30.11.2023).

15. Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 22.02.2023 г. № 3 о рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан подпункта 1) пункта 1 и пункта 2 статьи 610 Кодекса Республики Казахстан от 25 декабря 2017 года «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс) / <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2300000003> (дата обращения 30.11.2023).

16. Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 31.08.2023 г. № 26-НП о рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан подпункта 2) пункта 2 статьи 26 Трудового

кодекса Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года и подпункта 8) пункта 3 статьи 16 Закона Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года «О государственной службе Республики Казахстан»/
<https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2300000026> (дата обращения 30.11.2023).

17. Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 21.04.2023 г. № 11 о рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан подпункта 3) пункта 1-1 статьи 14 Закона Республики Казахстан от 23 июля 1999 года «О средствах массовой информации» /
<https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2300000011> (дата обращения 30.11.2023).

Липчанская Мария Александровна,
д.ю.н., профессор, профессор кафедры конституционного права имени Н.В. Витрука ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
Российская Федерация

ПРАВО НА МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА

Конституция Российской Федерации как документ, обладающий высшей юридической силой, возглавляющий иерархию нормативно-правовых актов, закрепляет социальные, экономические, политико-правовые ценности, определяет стратегические ориентиры и приоритеты развития страны. Закон о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» конституировал ряд новых положений в сфере цифровизации, роли и места местного самоуправления в конституционной системе власти. Нельзя не замечать, что цифровая трансформация провоцирует перед системой публичного управления и обществом в целом серьезные вызовы, среди которых цифровое неравенство граждан, муниципальных образований, субъектов Российской Федерации занимает одну из ведущих позиций. Объективной научной проработки требует не только понятие «цифровое неравенство», его критерии, но и выявление комплекса причин и последствий различного уровня готовности населения и органов публичной власти к внедрению и использованию новых цифровых технологий.

Теоретический анализ

Следует отметить, что проблема цифрового неравенства находится в фокусе внимания исследователей уже свыше 20 лет и не теряет своей актуальности. В англоязычных публикациях используются более жесткие термины, такие как «цифровой разрыв», «цифровой раскол» (digital divide, digital inequality, digital gap). Тем не менее, как отмечают авторы статьи «Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения», за два десятилетия подходы к пониманию цифрового разрыва претерпели видимые изменения [1; 41 стр.], с чем нельзя не согласиться.

В своей статье А. А. Гладкова, В. З. Гарифуллин и Рагнедда Массимо представляют подробный анализ эволюционирования понимания и интерпретации цифрового неравенства: от преимущественно географического характера, когда «идея раскола фокусировалась в основном вокруг неравномерного доступа к Интернету и цифровым технологиям в разных странах и регионах мира», до трактования цифрового неравенства не только как проблемы технологического, но и социального характера, когда «акцент сместился на многомерный характер цифрового неравенства, имеющего сложную природу и оказывающего непосредственное влияние на развитие общества» [1; 43 стр.]. Ссылаясь на классический труд П. Норриса «Цифровое неравенство: гражданское участие, информационная бедность и Интернет», авторы доказывают, что с начала XX в. цифровизация приобретает новые смыслы, проявляется ее амбивалентность, поскольку поднимался вопрос о том, «будет ли Интернет ... увеличивать или уменьшать расколы социального характера...» [2; 192 стр.].

Действительно, в современных условиях цифровое неравенство не ограничивается доступом к информационно-коммуникативным технологиям. Важно научно обосновать взаимообусловленность цифрового неравенства и различных индивидуальных и специальных статусов личности. Эта мысль не претендует на уникальность. Подобные исследования уже проводились. Например, в научных работах выявлены и доказаны корреляции между возрастным, гендерным факторами [3; 8 стр.; 4; 237 стр.], уровнем образования и доходов, личной мотивации пользователей, с одной стороны, и уровнем доступа к цифровым технологиям, а также спецификой их использования для профессиональных и личных целей – с другой [5; 19-21 стр.; 6; 116 стр.; 7; 11 стр.]. Приведенные данные смещают фокус проблемы цифрового неравенства исключительно с технологической и финансовой основы на социальный фарватер [8; 168 стр.]. Это означает, что при условии наличия примерно равного доступа граждан к информационным технологиям востребованность последних может существенно отличаться.

Именно в этой связи актуализируется проблема выявления причин цифрового неравенства не только на уровне субъектов Российской Федерации, но и на более приближенном к населению уровне – в муниципальных образованиях [9; 176 стр.]. Конечно, цифровая дифференциация российских субъектов детерминирована цифровым неравенством входящих в их состав муниципальных образований, но для более ясной картины не только масштабов цифрового разрыва, но и степени вовлеченности и мотивированности органов местного самоуправления и проживающего там населения, целесообразно выявлять и обосновывать, критериально измерять цифровое неравенство муниципальных образований, цифровые компетенции муниципальных служащих, наличие и доступ к ИКТ жителей муниципалитетов и, что не менее важно, навыки пользования этими технологиями.

Эмпирический анализ

Как ранее отмечалось, конституционные поправки 2020 года предусмотрели дополнение пп. «и», ст. 71 Конституции РФ положением о том, что к предметам исключительного ведения РФ относятся информационные технологии. С одной

стороны, есть позиция, что «оптимальный баланс в разграничении предметов ведения и полномочий в данной области может быть достигнут только в случае федерального приоритета в решении принципиальных вопросов регулирования искусственного интеллекта и цифровых технологий» [10; 77–97 стр.]. Несомненно, определенные основания для такого вывода имеются. С другой стороны, федеративный характер государственного устройства, дополненный различиями экономического, социокультурного и этнического характера, заставляет задуматься об адекватном разграничении полномочий и, соответственно, правовом регулировании использования цифровых технологий.

В настоящее время преобладает гибкое или «мягкое» правовое регулирование цифровизации публичного управления и иных сфер общественной жизни. Следует обратить внимание на то, что специального федерального закона, регламентирующего процесс цифровой трансформации, в системе публичного управления в Российской Федерации не принято. Да и, наверное, в нем нет необходимости. Хотя среди отечественных ученых бытует мнение, что «отвечая на вызовы современного мира, законодатель продуцирует все новое количество нормативных правовых актов, что приводит к сложности (а то и невозможности) отслеживания всех связей внутри массива правовой информации, непониманию смысла норм даже самими законотворцами, снижению качества законодательных актов» [11; 27 стр.]. С одной стороны, с этим сложно не согласиться, но с другой – цифровизация является трансграничным явлением и непроизвольно детерминирует «проникновение цифровых норм» во все большее количество отраслевых нормативных правовых актов. В этом заключается глобальная сложность правового нормирования цифровизации и/или цифровой трансформации привычных экономических, социальных, политических, управленческих и иных процессов.

Спецификой Российской Федерации является регламентирование цифровизации управления актами государственного стратегического планирования и правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, иными словами, доминирует гибкое правовое регулирование процессов цифровизации, в том числе и в сфере управления. Как известно, отдельных программных документов, посвященных формированию цифрового муниципалитета, в настоящее время также не принято. Правовое регламентирование цифровой трансформации в России в настоящее время осуществляется по следующему сценарию. Основным программным документом является Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», в развитие которого принята национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [12]. Данная программа в своей структуре содержит направление «Цифровое государственное управление», в рамках которого запланирована работа по созданию комплекса системных мер, нацеленных на ускорение цифровой трансформации муниципалитетов по ключевым позициям, в том числе в сфере предоставления муниципальных услуг, развития информационной инфраструктуры в муниципальных учреждениях, внедрения цифровых платформ инвентаризации, учета и контроля энергоресурсов и имущественных комплексов муниципалитетов.

Представляется, что «осторожность» и «мягкость» нормирования цифровой трансформации местного самоуправления во многом обусловлена цифровым неравенством муниципальных образований, а также проживающего в них населения.

В настоящее время проводятся достаточно серьезные исследования по выявлению и оцениванию цифрового неравенства российских субъектов [13, 14]. Обратимся к некоторым из них.

Интересным представляются исследования способов измерения цифровой трансформации регионов и критерии, на основе которых осуществляется их рейтингование. Нельзя не сказать, что измерение цифрой трансформации регионов началось не так давно и было спровоцировано пандемией, повлекшей вынужденное стремительное увеличение числа государственных и муниципальных услуг, предоставляемых дистанционно, а также цифровых каналов коммуникации в сфере публичного управления, реализации прав и свобод человека и гражданина.

Первый рейтинг цифровой трансформации был представлен Правительством РФ в конце 2021 г. [15]. Через год обновленный рейтинг показал серьезные отличия от предыдущего [16]. Весьма интересно, что подсчету подвергается и деятельность так называемых руководителей цифровой трансформации регионов [17].

Совершенствуются и критерии, по которым ранжируются субъекты Российской Федерации и руководители органов власти в сфере развития цифровизации публичного управления и экономики. Так, до 2023 г. данная методика аккумулировала семь критериев: уровень цифровой зрелости региона, наличие платформы обратной связи с гражданами и бизнесом, эффективность мер поддержки IT-отрасли, уровни информационной безопасности, эксплуатации системы межведомственного электронного взаимодействия, импортонезависимости ПО, перевода массовых социально значимых услуг в электронный вид.

С 2023 г. расчет такого рейтинга усложнился и будет рассчитываться по 12 количественно оцениваемым показателям:

- цифровая зрелость по пяти отраслям (здравоохранение, образование, городское хозяйство и строительство, общественный транспорт, государственное управление);
- группа из шести показателей, характеризующих цифровизацию госуслуг;
- оценка количества исполнительных документов, направляемых мировыми судьями субъекта РФ в ФССП России в электронном виде;
- доля оформления медицинских свидетельств о рождении в форме электронного документа в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения;
- уровень импортонезависимости программного обеспечения;
- эксплуатация СМЭВ;
- меры поддержки IT-отрасли, в том числе льготная ипотека для IT-специалистов;
- «госпаблики»;
- внедрение платформы обратной связи;

- качество обращений в службу технической поддержки Единой информационной системы управления кадровым составом государственной гражданской службы РФ;
- информационная безопасность;
- размещение кадастровых номеров объектов недвижимости, являющихся объектами адресации, в привязке к их адресам в государственном адресном реестре [18].

Признавая мотивационную важность введения рейтинга, не будем более подробно оценивать методику его определения, а обратимся к проблеме цифровизации муниципальных образований с иной стороны – с позиции населения. Проведенные социологические исследования показывают, что цифровой разрыв в муниципальных образованиях связан с потребностями и запросами жителей. Представляется обоснованным вывод, сделанный исследователями «Сколково» в 2020 г.: «...органам управления и лидерам регионов нужно формировать цифровой спрос у населения и навыки грамотного использования достижений цифровизации. Отдельное направление – создание инновационной среды с творческой составляющей и улучшение качества человеческого капитала» [19]. Действительно, проблема цифровизации местного самоуправления и преодоление цифрового неравенства на муниципальном уровне нельзя ограничивать технологическими причинами, необходимо формировать общество, готовое пользоваться этими ресурсами. Поскольку цифровое неравенство на муниципальном уровне – многомерное и многофакторное явление, представляется обоснованным разработка специального программного подхода и правового регулирования, отличных от аналогичных программ и норм, направленных на цифровизацию государственного управления.

Результаты

1. Несмотря на широкий спектр мер федерального и регионального характера по преодолению цифрового неравенства как на уровне субъектов Российской Федерации, так и на уровне местного самоуправления, цифровое неравенство по-прежнему является для России актуальной проблемой, имеющей комплексный технологический, социально-экономический, социокультурный и правовой характер. Произошла трансформация сути и понимания цифрового неравенства: от проблемы доступа к цифровым технологиям до обеспечения равных условий реализации гражданами своих конституционных прав посредством таких технологий.

2. Федеративный характер российского государства, обусловленный масштабом территории, мультинациональным и полиэтническим составом российского общества и другими факторами, дифференциация субъектов Российской Федерации по экономическим, инфраструктурным и кадровым ресурсам, по сути, стали объективными причинами цифрового неравенства муниципальных образований, которое следует признать многомерным и многофакторным явлением, требующим специального программного подхода и правового регулирования, отличных от аналогичных программ и норм, направленных на цифровизацию государственного управления.

Список использованных источников:

1. *Гладкова А. А., Гарифуллин В. З., Рагнетта Массимо.* Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере Республики Татарстан) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2019. № 4. С. 41–45. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2019.4172>
2. *Norris P.* The digital divide: Civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2001. 304 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139164887>
3. *Жеребин В. М., Махрова О. Н.* Цифровой раскол между поколениями // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. Серия «Инновационная экономика: человеческое измерение». 2015. № 4. С. 5–9. EDN: [UHYAUD](https://doi.org/10.30547/estn.4.2015.5-9)
4. *Смирнова О. В.* Цифровое неравенство в национальном контексте стран СНГ // Век информации. 2017. № 2. С. 237–238.
5. *Nieminen H.* Digital divide and beyond: What do we know of information and communications technology's long-term social effects? Some uncomfortable questions // European Journal of Communication. 2016. Vol. 31, iss 11. P. 19–32. <https://doi.org/10.1177/0267323115614198>;
6. *Park S.* Digital capital. London, UK : Palgrave Macmillan, 2017. 247 p. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-59332-0>
7. *Вартанова Е. Л.* Концептуализация цифрового неравенства: основные этапы // МедиаАльманах. 2018. № 5. С. 8–12. <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.5.2018.812>
8. *Волченко О. В.* Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163–182.
9. *Липчанская М. А., Шиндина А. В.* Правовое регулирование цифровой трансформации местного самоуправления в Российской Федерации и странах Азии: сравнительное исследование // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 3. С. 174–189. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2023-3-13>
10. *Липчанская М. А., Заметина Т. В.* Социальные права граждан в условиях использования искусственного интеллекта: правовые основы и пробелы законодательного регулирования в России // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 78–96. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.134>
11. Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов. Ч. 1 / под ред. С. Ф. Афанасьева, В. Ф. Борисовой. М. : Русайнс, 2022. 198 с.
12. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 05.07.2023).
13. *Брагина Е. М., Орлова Д. С.* Преодоление цифрового неравенства в условиях Крайнего Севера (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2017. № 3 (51). URL: <https://eee-region.ru/article/5107/> (дата обращения: 05.07.2023).

14. Дронов В. Н., Махрова О. Н. Цифровое неравенство Рязанской области. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та управления и экономики, 2015. 148 с.

15. В России в 2021 году появится рейтинг цифровой трансформации федеральных ведомств. URL: <https://iz.ru/1098931/2020-12-11/v-rossii-v-2021-godu-poiavitsia-reiting-tcifrovoi-transformacii-federalnykh-vedomstv> (дата обращения: 05.07.2023);

16. Подготовлен рейтинг цифровой трансформации федеральных министерств. URL: <https://rg.ru/2021/01/26/podgotovlen-rejting-cifrovoj-transformacii-federalnyh-ministerstv.html> (дата обращения: 05.07.2023).

17. Рейтинг руководителей цифровой трансформации федеральных ведомств. URL: https://digital.gov.ru/ru/events/41694/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyaandex.ru%2f (дата обращения: 05.07.2023).

18. Стала известна методика оценки деятельности РЦТ субъектов РФ в 2023 году. URL: <https://d-russia.ru/stala-izvestna-metodika-ocenki-deyatelnosti-rct-subektov-rf-v-2023-godu.html> (дата обращения: 05.07.2023).

19. Цифровая жизнь российских регионов. URL: <https://www.skolkovo.ru/researches/digital-life-of-russian-cities/> (дата обращения: 05.07.2023).

Самович Юлия Владимировна,

д.ю.н., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, профессор ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (Казанский филиал), Российская Федерация

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРИНУЖДЕНИЯ (САНКЦИИ) И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Меры экономического принуждения применяются Советом Безопасности (СБ) ООН в соответствии с главой VII Устава. В соответствии со ст. 41 «Совет Безопасности уполномочен решать, какие меры, не связанные с использованием вооруженных сил, должны применяться для осуществления его решений, и он может потребовать от Членов Организации применения этих мер. Эти меры могут включать полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений». Однако и в этом случае он действует «в соответствии с Целями и Принципами Объединенных Наций» (ст. 24 (2) [1].

Термин «санкции» был взят на вооружение самим Советом Безопасности и употребляется в смысле тождественном термину «меры принуждения». При этом подчеркивается, что санкции – система невоенных мер, применяемых в отношении государства – нарушителя международного мира и безопасности.

Правовым основанием применения принудительных мер (санкций) со стороны СБ ООН является установление последним факта существования «любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии», хотя Устав

ООН не содержит уточняющих пояснений, в каких случаях ситуация может быть признана угрожающей миру и безопасности. Соответственно, Совет Безопасности имеет право квалифицировать ситуацию как угрожающую миру и безопасности руководствуясь исключительно своими соображениями, риск непродуманных решений относительно смягчается только требованием консенсуса постоянных членов, предусмотренном ст. 27 (3) Устава.

В Справочнике по практике Совета Безопасности в число ситуаций, которые способствуют созданию угрозы миру, входит положение в конкретных странах, в частности межгосударственные и внутригосударственные конфликты или внутренние конфликты регионального или субрегионального масштаба; потенциальные угрозы и угрозы общего характера, такие как террористические акты, распространение оружия массового уничтожения или распространение стрелкового оружия и легких вооружений и незаконную торговлю ими; последствия для гражданского населения и соседних государств [2].

Односторонние ограничительные меры не аутентичны санкциям Совета Безопасности. Последние все же носят вертикальный характер, так как юридически решение принимается от имени международного сообщества. Односторонние же ограничительные меры имеют горизонтальный характер, т.е. применяются одним суверенным субъектом международного права против другого – юридически равного ему по статусу [3].

Почему же односторонние «санкции»? Действительно, большинство государств, применяя односторонние меры именуется их «санкциями» [4, 5] и это вполне целенаправленная позиция. Ганс Колер подчеркивает, что концептуальное различие между многосторонними и односторонними санкциями не следует семантически путать с различием между индивидуальной и коллективной самообороной в соответствии с Уставом ООН: «Односторонний» означает, что одно государство или группа (коллектив) государств, действуя как организация (например, ЕС) или как специальная коалиция, но не от имени Организации Объединенных Наций, вводит санкции в качестве мер экономического принуждения» [6]. Аналогичного мнения придерживается и Майкл Боте: «Если санкции подразумеваются как таковые, они включают как принудительные меры, налагаемые СБ, так и автономные санкции, принимаемые отдельными государствами, группами государств или региональными организациями. Согласно этому определению, автономные санкции не обязательно являются незаконными, даже без учета общих правил, касающихся контрмер» [7].

Индокринация отождествления санкций с односторонними ограничительными мерами приводит к устоявшемуся мнению о равнозначности этих мер, а значит и правомерности санкционной деятельности со стороны отдельных стран или их объединений. За все «санкционное» время ни одна из стран не задалась вопросом – на каком основании мы говорим о нарушениях международного права, если они не подтверждены ни одним судебным органом, хотя в Уставе ООН отсутствуют положения, которые могут быть истолкованы как санкционирующие каким-либо образом односторонние принудительные меры, несовместимые с общими принципами международного права, нарушающие запрет на вмешательство во внутренние дела других государств и

нарушают их суверенитет. Такая ситуация, по мнению Маргарет Докси, неправильна: «Неизбирательное использование термина «санкция» для обозначения любой или всех этих форм поведения вызывает сожаление и имеет тенденцию размывать его значение» [8].

За последние более чем шестьдесят лет односторонние экономические меры только со стороны США были применены против Кубы [9], Чили [10], Ирана [11], Северной Кореи [12, 13], Сирии [14], среди прочих жертв. По мнению Альфреда де Зайаса, цель таких «санкций» состояла в том, чтобы привести экономику этих государств к краху, способствовать смене режима и навязать неолиберальную социально-экономическую модель без «неудобств» победы на демократических выборах. Свержение Сальвадора Альенде в Чили в сентябре 1973 года привело к 17 годам диктатуры и пыток при генерале Аугусто Пиночете [15].

Вопрос о том, можно ли в свете Устава ООН считать принудительные меры совместимыми с современным международным правом достаточно парадоксален (в конце концов, и СБ ООН, и масса государств использует эти меры в практике), но периодически возникает, так как правомерность и реальная эффективность санкций Совета Безопасности ООН и односторонних мер государств действительно вызывает сомнения. Ортодоксальный ответ заключается в том, что правомерными являются те санкции, которые вводятся Советом Безопасности в соответствии с главой VII: «Совет Безопасности может решать, какие меры, не связанные с применением вооруженной силы, должны быть применены для выполнения его решений» (ст. 41 Устава ООН).

Но при анализе правомерности экономического принуждения мы сталкиваемся, как минимум со следующими проблемами: во-первых, обоснованность принятия экономических мер (решения СБ ООН не обжалуются, в отношении односторонних мер его в принципе не обсуждают); во-вторых, соотношение позиций «односторонние ограничительные меры» и «контрмеры» (и здесь происходит явное столкновение); в-третьих, трактовка термина «применение силы» в соответствии со ст. 2 (4) Устава, скорее подчеркивает его неправомочность, поскольку именно эти действия являются запрещенными по отношению ко всем; наконец, основной вопрос нашего исследования – это совместимость подобных акций с основополагающими нормами международного права в отношении прав человека.

Последняя проблема, казалось бы, получила однозначные отзывы с различных позиций и это подчеркивалось уже неоднократно.

Так, в 1990-х годах два помощника Генерального секретаря Организации Объединенных Наций, Денис Холлидей и Ханс-Кристоф фон Шпонек отказались от своих функций координаторов гуманитарной помощи в Ираке в знак протеста против санкций ООН, которые привели к гибели более миллиона иракцев, особенно детей, и которые они квалифицировали как форму геноцида [16], о чем Ханс-Кристоф фон Шпонек рассказал в своей книге «Другой вид войны: режим санкций ООН в Ираке». Из-за права вето отменить санкции было невозможно, а окончательность решений Совета в рамках вопросах главы VII сделали невозможным и оспаривание в суде. Карательные меры для населения всей страны продолжались 10 лет.

Как отмечает К. Франко, роль Комитетов по санкциям, специально созданных вспомогательных органов СБ ООН для обслуживания определенного режима санкций, претерпела изменения. За прошедшие годы растущая обеспокоенность последствиями целенаправленных и продуманных санкций для прав человека способствовала переходу от эффективности к справедливости, то есть от простого администрирования к управлению, основанному на верховенстве закона. Более того, по ее наблюдению, национальные суды не подвергали тщательной проверке правомерность санкций СБ ООН, а среди ученых по-прежнему преобладают мнения, что в соответствии со статьей 103 обязательство осуществлять Резолюции Совета Безопасности имеют приоритет над обязательствами в области прав человека [7].

26 сентября 2014 года Совет по правам человека принял резолюцию 27/21 о правах человека в контексте односторонних принудительных мер, Генеральная Ассамблея, ссылаясь и на предыдущие резолюции, в очередной раз поддержала ее 19 декабря 2016 года [17] в Резолюции «Права человека и односторонние принудительные меры», где «призывает государства воздерживаться от введения в действие и применения любых односторонних экономических, финансовых или торговых мер, которые противоречат нормам международного права и Уставу и препятствуют полному достижению целей устойчивого социально-экономического развития, особенно в развивающихся странах; и осуждает противоречащую нормам международного права и Уставу практику включения государств-членов в перечни, составляемые в одностороннем порядке и под надуманными предлогами, в частности на основании ложных утверждений о поддержке ими терроризма, квалифицируя такие перечни как средства политического или экономического давления на государства-члены, особенно на развивающиеся страны». На 46-й сессии в Женеве Совет по правам человека принял резолюцию, призывающую государства прекратить практику односторонних санкций в качестве «средства политического и экономического давления» [18].

2 ноября 2023 года Генеральная Ассамблея приняла резолюцию с призывом отменить блокаду Кубы 31 год подряд. В 1992 году ее поддержали 59 государств, в 2017 – уже 191, в прошлом году – 185, а в том - 187. В 2016 году США единственный раз не проголосовали «против», а воздержались. Однако затем Вашингтон вернулся к прежней позиции. Резолюция по-прежнему осуждает применение государствами-членами законов и положений, таких как принятый 12 марта 1996 года в США закон, известный как «закон Хелмса-Бертон», экстерриториальные последствия которых затрагивают суверенитет других государств, законные интересы юридических или физических лиц, подпадающих под их юрисдикцию, а также свободу торговли и судоходства» и призывает все государства «воздерживаться от принятия и применения» таких мер и законов [19]. Примеры, касающиеся нарушений прав человека с помощью экономических принудительных мер можно продолжать...

Кроме того, существует достаточное число универсальных и региональных договоров и деклараций, в принципе запрещающих экономическое давление: Декларация о принципах международного права 1970 г.: «вооруженное вмешательство и все другие формы вмешательства или всякие угрозы,

направленные против правосубъектности государства или против его политических, экономических и культурных основ являются нарушением международного права» [20]; Резолюция ГА «Односторонние экономические меры как средство политического и экономического принуждения развивающихся стран» 2013 г.: «осудить и отвергнуть навязывание применения таких мер как средства политического и экономического принуждения» [21]; ст. 19 Устава ОАГ [22] содержит положение, запрещающее экономическое принуждение: «Никакое государство не может предпринимать или способствовать применению принудительных мер экономического или политического характера в целях оказания давления на суверенную волю другого государства с тем, чтобы извлечь из этого какие-либо выгоды» и др. С позиции оценки правовых норм, система реагирования в виде невооруженных принудительных мер выглядит неубедительно. Если эмбарго на продажу оружия *ipso facto* может считать оправданным в отношении некоторых стран, то «экономические санкции, от которых страдает ни в чем не повинное население, противоречат духу и букве Устава Организации Объединенных Наций».

Альфред де Зайас, с мая 2012 по апрель 2018 года первый независимый эксперт по продвижению демократического и справедливого международного правопорядка, подготовивший 14 докладов для Совета по правам человека и Генеральной Ассамблеи ООН, считает, что особенно актуально и безотлагательно, так это рассмотреть вопрос о том, могут ли санкции быть приравнены к преступлениям против человечности в соответствии со статьей 7 Римского статута Международного уголовного суда. По его мнению, сегодняшние экономические санкции и финансовые блокады сравнимы со средневековыми осадами городов с намерением заставить их сдаться. Санкции двадцать первого века пытаются поставить на колени не просто город, но и суверенные страны, и сопровождаются манипуляцией общественным мнением с помощью «фейковых новостей», агрессивных связей с общественностью и псевдочеловеческой риторики, чтобы создать впечатление, что «цель» в области прав человека оправдывает преступные средства [15].

Приходится признать, что принудительные меры Совета Безопасности, а с его не идеального примера и абсолютной невозможности влияния и односторонние принудительные меры государств, давно перестали соответствовать не только нормам международного права, но и самой идее принуждения.

Принудительные меры, действительно стали возмездием, а не ответом на совершенные нарушения международно-правовых норм в виде угрозы или нарушения международного мира и безопасности. В настоящее время внешнеполитические цели государств разошлись, глубокие разногласия между членами ООН по линии Восток-Запад и линии Север-Юг серьезно ограничивают любую вероятность достижения соглашения, соответствующего нормам международного права. В результате, вопрос о нарушении прав человека в процессе принятия решений о применении принудительных мер, не рассматривается принципе - не оценивается ни длительность, ни последствия этих мер, в результате чего тяжесть ограничений целиком ложится на население; существует множество препятствий для своевременного и полного поступления

в такие страны гуманитарной помощи; эффект в виде прекращения «нарушения» ожидаемо не наступает и сложно сказать, когда и какие способы, в отсутствие средств правовой защиты для государств и населения, смогут стать противоядиями от произвольного применения принудительных мер отдельными государствами и в рамках системы коллективной безопасности ООН.

Список использованных источников:

1. Устав ООН 1945 г. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>
2. Справочник по практике Совета Безопасности // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/repertoire/actions#rel3>
3. *Крутский К.В.* Термины «международные санкции» и «односторонние ограничительные меры» // Московский журнал международного права. 2016. № 2 (102). С. 204-213
4. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act 2017 (in English). URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-115publ44/pdf/PLAW-115publ44.pdf>;
5. Council of the European Union, Basic Principles on the Use of Restrictive Measures (Sanctions) (2004). para 3 (in English). URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-10198-2004-REV-1/en/pdf>
6. *Kochler H.* Sanctions and International Law // International Organisations Research Journal. 2019. Vol. 14. № 3. Pp. 27–47 (in English). URL: http://www.hanskoechler.com/Koechler-Sanctions-and-International_Law-IORJ-03-14-2019.pdf
7. *Franco Ch.* Coercive Diplomacy, Sanctions and International Law (in English) // Report of the international conference on «Coercive Diplomacy in Global Governance: The Role of Sanctions». Istituto Affari Internazionali (IAI): Rome, 2015 (in English). URL: <https://css.ethz.ch/en/services/digital-library/publications/publication.html/189592>
8. *Doxey M.* International Sanctions in Theory and Practice // Case Western Reserve Journal of International Law. Vol. 15, Issue 2 (1983) (in English). URL: <https://scholarlycommons.law.case.edu/jil/vol15/iss2/5>
9. Генассамблея ООН в 31-й раз призвала США отменить санкции против Кубы // Официальный сайт ООН. 11.02.2023. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/11/1446452>
10. Жизнь под санкциями США против Чили: как это было // Афишадaily. 17.11.2014. URL: <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/art/ssha-protiv-chili-kak-eto-bylo/>
11. *Ёлков И.* Иран находится под санкциями уже 43 года. За счет чего выживает страна // RG.RU. 04.06.2022. URL: <https://rg.ru/2022/06/01/iran-nahoditsia-pod-sankciiami-uzhe-43-goda-za-schet-chego-vyzhivaet-strana.html>
12. История санкций США в отношении КНДР // ТАСС. 13.09.2018. URL: <https://tass.ru/info/5562915>;
13. В конгресс США внесли резолюцию о санкциях против КНДР за связи с Россией // РИА Новости. 20.09.2023. URL: <https://ria.ru/20230920/sanktsii-1897649436.html>
14. Вашингтон ужесточит и расширит санкции в отношении Сирии // RG.RU. 27.09.2023. URL: <https://rg.ru/2023/09/27/vashington-uzhestochit-i-rasshirit-sankcii-v-otnoshenii-sirii.html>
15. *De Zayas A.* Unilateral sanctions and International law // Alfred de Zayas Human rights corner. Blog (in English). URL: <https://dezayasalfred.wordpress.com/2019/06/30/unilateral-sanctions-and-international-law/>

16. *Hans-C. von Sponeck A Different Kind of War: The UN Sanctions Regime in Iraq*, Oxford, 2006 (in English). URL: <https://joinmedianow.com/media.php?asin=1845452224>
17. Резолюция ГА от 19.12.2016 г. A/Res/71/193. URL: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/588b4d594.pdf>
18. Совет ООН по правам человека осудил практику односторонних санкций // RG.RU. 23.01.2021. URL: <https://rg.ru/2021/03/23/sovet-oon-po-pravam-cheloveka-osudil-praktiku-odnostoronnih-sankcij.html>
19. Генассамблея ООН в 31-й раз призвала США отменить санкции против Кубы // Официальный сайт ООН. Новости ООН. 2 ноября 2023. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/11/1446452>
20. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml
21. Резолюция Генеральной Ассамблеи от 15 января 2014, A/RES/68/200 «Односторонние экономические меры как средство политического и экономического принуждения развивающихся стран». URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/55f2839e4.html>
22. Устав Организации Американских государств. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902051>

Шугуров Марк Владимирович,

д.ю.н., профессор кафедры международного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
Российская Федерация

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И САНКЦИИ В ОТНОШЕНИИ НАУЧНОГО СЕКТОРА

Реальность современных геополитических процессов характеризуется расширением использования санкций (односторонних ограничительных мер), представляющих собой средства оказания давления в отношении тех или иных государств в целях изменения их политического курса. Данные меры не только затрагивают политическую и торгово-экономическую сферу международных отношений, но и сферу прав человека в тех государствах, в отношении которых они применяются. В принципе, происходит также деформация международного правопорядка в сфере прав человека в глобальном масштабе. Следует понимать, что в большинстве случаев торгово-экономические и связанные с ними технологические санкции не преследуют своей целью ухудшение положения с правами человека в государствах-мишенях. Подобного рода ухудшение становится их побочными последствиями, о которых инициаторы введения ограничительных мер стремятся умалчивать.

Однако есть и еще один негативный фактор ухудшения положения дел в сфере прав человека. Он представляет собой ограничительные меры в отношении научного сектора того или иного государства-мишени и его

вовлеченности в международное научное сотрудничество. Данная категория односторонних ограничительных мер, зачастую именуемых научными санкциями, вводилась в отношении ряда стран, таких как Ирак, Судан, Венесуэла, Северная Корея, Иран. В 2022 году небывалый объем научных санкций был введен в отношении России. В связи с этим произошла актуализация изучения феномена научных санкций. В целом можно выделить два наиболее перспективных направления такой актуализации.

В первом случае это проведение анализа как собственно научных санкций, так и функционального перетекания торгово-экономических санкций в научную сферу [1]. Выделение научных санкций в качестве разновидности секторальных ограничительных мер вполне вписывается в общую логику воздействия экономических и политических санкций как таковых на разные сферы жизнедеятельности целевых государств, в частности, на сферу образования, здравоохранения, культуру [2–4], а также на общий уровень благосостояния населения [5]. В дополнение к этому в экспертной среде обосновывается, что экономические и торговые санкции имеют неблагоприятное воздействие на окружающую среду [6]. Это создает препятствия на пути полного и эффективного осуществления права человека на благоприятную окружающую среду. В итоге констатируются негативные гуманитарные последствия экономических санкций [7]. Сферой, которая подвергается санкционному воздействию, становится наука, которая теснейшим образом связана не только с экономикой, но и со сферой образования, здравоохранения и т.д.

Во втором случае это правочеловеческое измерение односторонних ограничительных мер, которое имеется у торгово-экономических и технологических санкций, а также у научных санкций.

В результате возникает достаточно сложная картина негативных последствий указанных секторальных санкций применительно к сфере прав человека. В частности, торгово-экономические и технологические санкции, негативно воздействующие на научный сектор, а также собственно научные санкции создают затруднения для реализации комплекса прав и свобод, которые нередко обозначаются как право человека на науку.

Право на науку – это комплексное правовое явление, которое представлено двумя нормативными подсистемами, а именно правом человека на участие в научно-техническом прогрессе, пользование его результатами и их практическое применение (далее – REBSP) (п. 1 *b*) ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах) (далее – МПЭСКП) [8], а также право на свободу научных исследований, которая предусмотрена в формулировке п. 3. ст. 15 МПЭСКП об обязательстве государств «уважать свободу, безусловно необходимую для научных исследований и творческой деятельности» [9]. Свобода научных исследований составляет ядро правового статуса научных работников, тогда как REBSP неотъемлемо принадлежит всем индивидам, не исключая при этом самих исследователей [10].

В п. 25 широко известного доклада Специального докладчика по культурным правам, который посвящен праву на науку, выделены следующие элементы последнего: а) доступ к благам науки для каждого человека, без какой-либо дискриминации; б) реализация возможности для всех вносить свой вклад в

научную деятельность и свобода, безусловно необходимая для научных исследований; с) участие отдельных лиц и сообществ в принятии решений; d) создание благоприятных условий, содействующих сохранению, развитию и распространению науки и технологий [11].

При этом не следует забывать о связанности и взаимозависимости всех прав и свобод человека. Выскажем подход, согласно которому ухудшение положения дел с соблюдением и осуществлением права на науку приводит к ухудшению положения дел в сфере других прав и свобод человека. Это можно объяснить тем, что такие права, как право на доступ к современным лекарственным средствам и высокотехнологичным методам лечения, право на достаточное питание, право на образование, право на благоприятную окружающую среду и т.д., во многом обеспечиваются использованием разработок, созданных в секторе НИОКР. Поэтому в случае секторальных санкций страдают сами исследователи, а также граждане, которые в различных случаях являются по-своему бенефициарами права на науку. Из данных обобщений следует вывод о сетевом характере санкций, в орбиту которых вовлечен научный сектор.

Ввиду признания коллизии между санкциями и правам человека возникает вполне обоснованное сомнение в легитимности односторонних ограничительных мер. Более того, вполне заметным становится нарушение основных принципов международного права *jus cogens*, в том числе принципа всеобщего уважения и соблюдения прав человека. Заметим, что данный принцип, как, впрочем, и принцип сотрудничества, составляет основу международного правопорядка в сфере международного научно-технического сотрудничества. Таким образом, в процессе реализации разнообразных санкций страдают не только научные учреждения и отдельные исследователи, а также граждане, но и достигнутый уровень интернационализации российской науки. В последнем случае это является следствием того, что санкции сокращают вовлеченность исследователей и учреждений из санкционированных государств в международное сотрудничество, осуществляющееся в форме программ и проектов.

Согласно выводам Мирового совета по науке, в XXI веке учреждения, которые финансируют или проводят научные исследования, столкнулись с целым рядом затруднений, включая финансовые ограничения, сложности транснационального сотрудничества, политическое вмешательство, а также в некоторых случаях и с последствиями вооруженных конфликтов и гуманитарных катастроф [12]. С нашей точки зрения, секторальные санкции следует отнести к наиболее интенсивным стрессам, которые оказывают воздействие на состояние мировой науки, в рамках которой в последнее время проявляются тренды, связанные с фрагментацией международного научного сотрудничества.

В условиях, когда с научно-техническим прогрессом связывается решение насущных проблем человечества, мировая наука в условиях санкций вряд ли может полностью реализовать свой потенциал, тем более что разрывы в международном научном сотрудничестве беспрецедентны по историческим меркам и болезненно переживаются с обеих сторон.

В случае антироссийских научных санкций не представляется возможным усматривать массовые нарушения права на науку, т.к. интернационализация российской науки в ее западном векторе не является единственной, хотя и

является главной. Вместе с тем, массированное введение санкций в отношении российской науки дает почву для рассмотрения происходящих процессов в рамках дискурса прав человека. Так, в своем исследовании А. Боджио анализирует обоснованность научных санкций ЕС в отношении российского научного сектора, в том числе обоснованность введения санкций в отношении исследователей, работающих в сфере ОПК [13]. Суть проблемы состоит в том, что введенные научные санкции не представляют собой меры воздействия вследствие неисполнения, либо ненадлежащего исполнения и тем более нарушения Россией своих обязательств в сфере международного научного сотрудничества. Санкции имеют другие цели, а именно нанесение ущерба российской науке, которая на сегодняшний день существенным образом интегрирована в мировую науку.

Несмотря на нацеленность санкций на научные учреждения, финансируемые государством, их реальной мишенью оказались сами исследователи, являющиеся бенефициарами права на науку в целом и такой его компоненты, как свобода исследований в частности. Отсюда в измерении прав человека санкционные меры утрачивают свою легитимность, одновременно актуализируя проблему обоснованности вмешательства в осуществление данного права. Зарубежные исследователи отмечают, что «академические бойкоты нарушают свободу исследователей и сдерживают прогресс. Свободный обмен идеями независимо от вероисповедания необходим для оптимизации глобального научного прогресса» [14; 6 стр.]. Представляется, что научные, а вместе с ними и экономические санкции в силу своих негативных результатов не только нарушают право на науку, но и тормозят научный прогресс и усиливают глобальный научно-технический разрыв.

Всемирная медицинская ассоциация (WMA) описывает академические санкции или бойкоты как «дискриминационные ограничения академических, профессиональных и научных свобод, которые лишают или исключают врачей и других лиц из образовательных, культурных и научных встреч и других возможностей для обмена информацией и знаниями» [15; 151 стр.]. В данной констатации вполне заметно стремление дать определение академических бойкотов через указание на ущемление прав лиц, участвующих в соответствующем международном научном сотрудничестве. Обеспокоенность по поводу распространения односторонних санкций на области научных и академических исследований и публикаций высказывают эксперты ООН по правам человека [16]. Вполне очевидно, что отказ в опубликовании результатов научных исследований чреват нарушением права пользователей на доступ к научной информации и научным знаниям. А это уже вполне можно рассматривать в качестве нарушения одного из нормативных элементов права науку.

Результаты негативного воздействия ограничительных мер в отношении права на науку затрагивают, прежде всего, свободу научных исследований и отдельные ее компоненты. В Замечании общего порядка № 25 о науке и экономических, социальных и культурных правах (далее – ЗОП № 25), выпущенного Комитетом ООН по экономическим, социальным и культурным правам (далее – Комитет) в 2020 г. [17], были выделены следующие аспекты рассматриваемой свободы: защищенность исследователей от неправомерного влияния на их независимое

суждение; возможность для исследователей свободно сотрудничать с другими исследователями как на национальном, так и на международном уровне; осуществление обмена научными данными и результатами анализа с директивными органами и с общественностью, где это возможно, и т.д.

Важное значение для рассматриваемой темы имеет раздел «Общие обязательства» ЗОП № 25, в п. 42 которого поясняется, что обязательство уважать требует от государств-участников Пакта воздерживаться от прямого или косвенного посягательства на осуществление этого права. В позитивном плане это должно быть дополнено мерами по устранению разнообразных барьеров. В нашем случае конкретизацией таких мер может стать такое действие, как недопущение создания и/или устранение препятствий для международного сотрудничества между учеными. Но, как показывает практика, создание таких препятствий исходит подчас не только от правительств, но и от научных учреждений и структур.

В продолжение сказанного обратимся к характеристике «обязательства защищать». В п. 42 ЗОП № 25 это обязательство истолковывается как требование к государствам принимать меры по недопущению посягательства со стороны любого лица или субъекта на осуществление REBSP, например, путем воспрепятствования доступу к знаниям или дискриминации по признаку пола, сексуальной ориентации или гендерной идентичности или в силу других обстоятельств. Поэтому, когда правительства рекомендуют соответствующим университетам и научным центрам активным образом осуществлять данную дискриминацию, в том числе по политическим мотивам, в форме прекращения и разрыва сотрудничества на уровне программ проектов или договоров, то это представляет собой нарушение указанного обязательства.

Если иметь в виду обязанность «осуществлять», то согласно п. 45 ЗОП № 25 оно требует от государств, помимо прочего, принятия законодательных, административных, бюджетных и других мер и установления эффективных средств правовой защиты, направленных на полное осуществление права на участие в научном прогрессе и его практическом применении и на пользование их результатами. К таким мерам относится проведение политики в области образования, присуждения грантов, использования инструментов участия в научной жизни, предоставления доступа к Интернету и другим источникам знаний, а также обеспечение участия исследователей в программах международного сотрудничества и их надлежащего финансирования. В случае же с научными санкциями, напротив, создаются условия, делающих невозможным участие того или иного государства-мишени в международном сотрудничестве с другими государствами и находящимися под их юрисдикцией учреждениями.

Еще раз напомним, что научные санкции противоречат не только принципу всеобщего уважения и соблюдения права человека, а также принципу сотрудничества, но и отраслевым принципам самого международного научного сотрудничества, таким как недискриминация, равноправие, взаимная выгода. Более того, ущерб наносится и другому основному международно-правовому принципу, который одновременно входит в число международно-правовых принципов международного научного сотрудничества, таких как принцип добросовестного выполнения обязательств по международному праву. В том

случае, если происходит одностороннее расторжение межправительственных соглашений в сфере международного научно-технического сотрудничества по политическим мотивам, то это вполне может быть квалифицировано в качестве нарушения международного права прав человека, предполагающего сотрудничество в научной сфере.

Так, в п. 2 ст. 15 МПЭСКП предусматривается обязательство государств принимать меры для охраны, развития и распространения достижений науки. А в п. 4 ст. 15 закреплено обязательство поощрять международные контакты и сотрудничество в научной области. Кроме этого, напомним об обязанности сотрудничать на международном уровне в целях осуществления всех экономических, социальных и культурных прав (ст. 2 МПЭСКП, ст. 55 и 56 Устава ООН). Данные обязательства следует рассматривать в качестве подкрепления обязанности осуществлять право на науку. В основе отмеченных обязанностей сотрудничать находится императивный принцип сотрудничества государств.

В контексте сформулированных обобщений, государства, вводящие научные санкции, осуществляют вмешательство в реализацию права на науку. Такое обобщение созвучно содержанию пункта 83 ЗОП № 25, согласно которому государства несут экстерриториальные обязательства в отношении полной реализации права на науку. Необходимо иметь в виду и то, что нарушителями являются не только государства, но и находящиеся под их юрисдикцией научные учреждения, которые, как известно, располагают высокой степенью автономии.

Как отмечается в п. 13 ЗОП № 25, для процветания и развития науки необходима надежная защита свободы исследований. Но при этом одновременно подчеркивается, что свобода научных исследований не является абсолютной: возможны ее некоторые ограничения. Однако во всех случаях эти ограничения должны соответствовать требованиям ст. 4 МПЭСКП. Это означает, что, во-первых, ограничения должны применяться на основе закона и преследовать законную цель. Во-вторых, они должны способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе и быть необходимыми. И, наконец, в-третьих, любые ограничения должны быть совместимы с самой природой ограничиваемого права, т.е. они должны быть соразмерным. Из этого также следует, что легитимные ограничения должны находиться в соответствии с минимальными основными обязательствами государств применительно к праву на науку, а также должны быть соразмерны преследуемой цели. При этом бремя, налагаемое на осуществление соответствующего права в виде вмешательства в его реализацию, не должно перевешивать выгоды, которые связаны с его ограничением.

Ссылаясь на п. 32 ЗОП № 14 о праве на наивысший достижимый уровень здоровья (2000 г.), Комитет ООН по социальным, экономическим и культурным правам подчеркнул, что принятие регрессивных мер в отношении права на участие в научном прогрессе и его практическом применении и на пользование их результатами недопустимо. В качестве примера таких мер, помимо прочего, было указано на создание барьеров на пути образования и информации в области науки; создание барьеров для участия граждан в научной деятельности, включая дезинформацию, направленную на подрыв понимания и уважения гражданами науки и научных исследований; принятие правовых и политических мер, уменьшающих масштабы международного научного сотрудничества.

Действие этих мер должно быть обосновано пределами их необходимости и соразмерности, а также должно обеспечивать, чтобы права находящихся в неблагоприятном положении и маргинализированных лиц и групп не затрагивались бы в непропорционально большой степени. В противном случае, внешнего давления на администрацию научных учреждений и исследователей с целью заставить их соответствовать политическим и идеологическим взглядам, отличным от официальной позиции, усиливает поляризацию и изоляционизм в мировых научных кругах. Выдвижение в качестве условия официального заявления о своих оппозиционных взглядах напоминает принуждение, что противоречит самой сущности научной свободы, в том числе предназначенной для защиты ученых от принуждения к размежеванию своей позиции с позицией государства, тем более что стандарты такого размежевания, которые соответствовали бы букве и духу международного права прав человека, не сформированы.

В заключение необходимо сделать вывод о том, что в условиях прекращения институционального и индивидуального международного научного сотрудничества, когда исследователи из государств, подвергшихся торгово-экономическим и технологическим санкциям, действуют вполне добросовестно в рамках правил финансирования и не проводят запрещенных исследований, следует квалифицировать в качестве практики, которая идет в разрез с нормами и принципами международного права прав человека. В связи с этим повышенную актуальность приобретают вопросы защиты права человека на науку в условиях санкционной гипердинамики.

Список использованных источников:

1. Bezuidenhout L., Karrar O. et al. Correction: Economic sanctions and academia. Overlooked impact and long-term consequences // PLOS ONE. 2019. Vol. 14. No. 11: e0225277
2. Hwami M. A comparative scoping review of the impact of international economic sanctions on education // Compare: A Journal of Comparative and International Education. 2021. Vol. 11. No. 3. P. 17–32.
3. Dricoll D.D. Economic sanctions and culture // Defense and Peace Economies. 2010. Vol. 22. No. 3. P. 423–448.
4. Shahabi S., Fazlalizadeh H. et al. The impact of international economic sanctions on Iranian cancer healthcare // Health Policy. 2015. Vol. 119. No. 10. P. 1309–1318.
5. Afesorghor S.K. The impact of economy sanctions on income inequality of target states // World Development. Vol. 83 (July 2016). P. 1–11.
6. Fu Q. et al. The impact of international sanctions on environmental performance // Science in the Total Environment. 2020. Vol. 15. No. 4. P. 38–62.
7. Moret E.S. Humanitarian impacts of economic sanctions on Iran and Syria // European Security. 2015. Vol. 24. No. 1. P. 120–140.
8. Хмелевская С.А., Зименкова Н.Н. Право участия в научном прогрессе и пользование его благами: философско-правовые размышления // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 5. С. 183–188.
9. Шугуров М.В. Международно-признанное право человека на свободу научных исследований и российское законодательство // Современное право. 2015. № 10. С. 149–157.

10. Claude R. Scientists' rights and the human rights to the benefits of science // Chapman. A., Russell S. Core obligations: a framework for economic, social and cultural rights. Antwerp: Intersentia, 2002. P. 247–278.

11. Report of the Special Rapporteur in the Field of Cultural Rights (Farida Shaheed) The Right to Enjoy the Benefits of Scientific Progress and Its Applications // A/HRC/20/26 (14 May 2012). URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G12/134/93/PDF/G1213493.pdf?OpenElement> (дата обращения: 29.11.2023).

12. Современный взгляд на свободную и ответственную научную практику в XXI веке. Краткое изложение дискуссионной статьи Комитета Международного научного совета по свободе и ответственности в науке (декабрь 2021 г.). С. 5. URL: https://council.science/wp-content/uploads/2020/06/2021-12-08-CFRS-executive-summary_RU_final.pdf (дата обращения: 30.11.2023).

13. Boggio A. The EU boycott of Russian scientists and the right to science in the shadow of Ukraine's invasion (February 6, 2023). URL: <https://www.ejiltalk.org/the-eu-boycott-of-russian-scientists-and-the-right-to-science-in-the-shadow-of-ukraines-invasion/> (дата обращения: 12.11.2023).

14. Kokabisaghi F. et al. Impact of United States political sanctions on international collaborations and research in Iran // British Medical Journal of Global Health. 2019. Vol. 4. No. 5. P. 1–7.

15. Mousavi S., Jokar F., Mohammadi A. US Unilateral sanctions against Iran; contradiction in slogan and conduct, extreme politicization of human rights // Public Law Research. 2015. Vol. 16. No. 44. P. 149–173.

16. Unilateral sanctions threaten scientific research and academic freedom: UN experts (07 July 2022). URL: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2022/07/unilateral-sanctions-threaten-scientific-research-and-academic-freedom-un> (дата обращения: 09.11.2023).

17. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 25 (2020) о науке и экономических, социальных и культурных правах (пункты 1 b), 2, 3 и 4 статьи 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах) // E/C.12/GC/25 (30 апреля 2020г.). URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G20/108/14/PDF/G2010814.pdf?OpenElement> (дата обращения: 03.12.2023).

Порохов Евгений Викторович,
д.ю.н., профессор ВШП «Эділет»
Каспийского университета, директор НИИ
финансового и налогового права,
Республика Казахстан

НАЛОГОВО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Казалось бы, каким образом налоговое право может обеспечивать реализацию и защиту прав человека, если его основным предназначением является правовое обеспечение формирования доходов государственного бюджета с помощью налогов за счёт налогоплательщиков. Напротив, в процессе

взимания налогов налогоплательщики лишаются части своего имущества, что лишний раз стесняет их в возможности удовлетворения своих собственных частных интересов и реализации своих личных прав. Но несмотря на ярко выраженный публично-правовой характер налогового права, оно одновременно с реализацией фискальной функции налогообложения призвано также служить защите права частной собственности от необоснованных налоговых притязаний государства и его органов. Именно налоговое право должно определять меру справедливого и разумного изъятия в виде налогов той части собственности налогоплательщиков, которая должна служить удовлетворению публичных интересов. Не случайно в качестве цели налоговой политики государства в ст.11 НК РК провозглашено обеспечение финансовых потребностей государства на основе соблюдения баланса экономических интересов государства и налогоплательщиков. Соответственно, именно налоговое право наряду с бюджетным правом должно обеспечивать на практике баланс публичных и частных интересов в вопросах перераспределения доходов населения страны.

Соотношение публичных и частных интересов в налоговом праве проявляется, прежде всего, в соотношении закреплённого в ст.26 Конституции РК права частной собственности и установленной в ст.35 Конституции РК обязанности каждого уплачивать законно установленные налоги и иные платежи в бюджет. При этом, по императивному требованию нормы п.1 ст.39 Конституции РК, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только законами и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения. Соответственно, ограничение права частной собственности, в том числе посредством взимания налогов, возможно только законами и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях обеспечения финансирования государства для осуществления им возложенных на него Конституцией РК функций защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения.

Таким образом, баланс публичных и частных интересов обеспечивается на законодательном уровне путём принятия в общественно значимых областях (включая налогообложение) законов, ограничивающих частные интересы в целях обеспечения реализации и защиты публичных интересов.

В соответствии со ст.35 Конституции РК долгом и обязанностью каждого является уплата только законно установленных налогов и других обязательных платежей в бюджет. В развитие указанной нормы Конституция РК в пп.2) п.1 ст.54 определяет Парламент РК в качестве единственного компетентного государственного органа, уполномоченного на принятие законов, в том числе устанавливающих и отменяющих государственные налоги и сборы. В другой норме пп.4) п.3 ст.61 Конституция РК наделяет Парламент исключительной компетенцией и соответствующими полномочиями на издание законов, которые регулируют важнейшие общественные отношения, устанавливают основополагающие принципы и нормы, в том числе касающиеся налогообложения, установления сборов и других обязательных платежей.

Соответственно, законность установления налогов и иных платежей в бюджет означает установление их Парламентом в форме законов в законодательном процессе.

Таким образом, ни на кого не может быть возложена обязанность по уплате налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджет, которые не установлены законно или установлены незаконно. Никто не может быть принуждён к исполнению незаконно возложенной на него обязанности по уплате законно не установленных налогов и лишён своего имущества под видом незаконно установленных или незаконно начисленных налогов.

Кроме того, при законном установлении налогов, принятии налоговых законов и определении их ценностного содержания Парламент должен руководствоваться конституционными ценностями и обеспечивать их реализацию в налоговом законодательстве.

Согласно п.1 ст.1 Конституции РК, высшими ценностями Казахстана являются человек, его жизнь, права и свободы. В соответствии с п.2 ст.12 Конституции РК права и свободы человека определяют содержание и применение законов и иных нормативных правовых актов, в том числе и налоговых.

Существование указанных конституционных норм позволяет утверждать о действии принципа приоритета прав также в налоговом праве. Об этом, в частности, в п.1 своего Нормативного постановления от 22.12.2022 г. №9 “О некоторых вопросах применения судами налогового законодательства” впервые указал Верховный Суд РК. Согласно указанному разъяснению, при применении норм налогового законодательства Республики Казахстан судам необходимо исходить из установленных в п.1 ст.1 Конституции ценностей, которые в соответствии с п.2 ст.12 Конституции определяют содержание и применение законов и иных нормативных правовых актов, включая Налоговый кодекс и предусмотренные им нормативные правовые акты.

Закрепленный в Конституции РК принцип приоритета прав также нашёл своё непосредственное отражение в нормах налогового и административного законодательства РК. Согласно п.5 ст.8 НК РК, при рассмотрении жалобы на уведомление о результатах проверки все неопределённости и неурегулированные вопросы налогового законодательства РК толкуются в пользу налогоплательщика (налогового агента). Согласно ст.12 АППК, все сомнения, противоречия и неясности законодательства РК об административных процедурах толкуются в пользу участника административной процедуры.

Таким образом, налоговое право должно также обеспечивать реализацию конституционных прав человека, создавая механизмы и условия для их соблюдения в налоговом правоприменении и не препятствуя их осуществлению.

Прежде всего, это касается конституционного права человека на получение за свой труд оплаты, гарантирующей ему проживание на уровне не ниже прожиточного минимума, и, соответственно, установления в налоговом праве не облагаемого налогами минимума доходов на этом уровне.

По п.1 ст.28 Конституции РК, гражданину РК гарантируется минимальный размер заработной платы. Эта гарантия обеспечивается ежегодным определением в законе о республиканском бюджете минимального размера заработной платы и установлением законодательного требования к

работодателям о назначении работникам ежемесячной заработной платы на уровне не ниже минимального размера месячной заработной платы.

Так, по требованию п.3 ст.104 ТК РК, минимальный размер месячной заработной платы или размер месячной тарифной ставки работника первого разряда, предусмотренный условиями трудового, коллективного договоров и (или) актами работодателя, не может быть ниже минимального размера месячной заработной платы, установленного на соответствующий финансовый год законом РК о республиканском бюджете. В свою очередь, в соответствии с п.1 ст.104 ТК РК минимальный размер месячной заработной платы, устанавливаемый ежегодно на соответствующий финансовый год законом РК о республиканском бюджете, не должен быть ниже прожиточного минимума и не включает в себя доплат и надбавок, компенсационных и социальных выплат, премий и других стимулирующих выплат и выплачивается пропорционально отработанному времени.

Кроме того, гражданам, самостоятельно получающим доходы и имеющим на своём иждивении нетрудоспособных членов семьи, должно быть обеспечено право безналогового получения доходов также в части, направляемой на содержание таких членов семьи в размере не ниже прожиточного минимума. В указанной связи, по примеру других развитых государств (США, ФРГ, Япония) и по собственному историческому опыту РК до 2002 г., в налоговое законодательство РК должно быть возвращено понятие “семья” в качестве консолидированного налогоплательщика для учёта прав и интересов всех членов семьи и, в частности, иждивенцев при налогообложении доходов кормильцев.

Ранее в Казахстане в соответствии с пп. 1) и 2) п.1 ст.152 НК РК от 12.06.2001 г. у налогоплательщика-физического лица при определении его дохода, облагаемого у источника выплаты, за каждый месяц в течение налогового года вычету подлежали как сумма в размере месячного расчётного показателя на самого налогоплательщика, так и сумма в размере месячного расчётного показателя на каждого члена семьи, состоящего на иждивении работника, начиная с месяца появления иждивенца. Указанные вычеты применялись к доходу одного налогоплательщика - члена семьи. Под семьёй при этом понимались совместно проживающие и ведущие общее хозяйство супруги, дети и родители (в том числе временно отсутствующие). А под иждивенцем понимался член семьи налогоплательщика, проживающий за счёт его дохода и не имеющий самостоятельного источника дохода за месяц в размере, превышающем месячный расчётный показатель. Впоследствии норма пп.2) п.1 ст.152 НК РК от 12.06.2001 г., предусматривающая налоговый вычет в размере МРП на каждого члена семьи, состоящего на иждивении работника, была необоснованно исключена из НК РК с 01.01.2007 г. Законом РК от 07.07.2006 г. № 177.

По мнению известного учёного-налоговеда С.Г.Пепеляева, «если оставшейся после уплаты налогов заработной платы не хватает для поддержания достаточного жизненного уровня семьи, регулирование должно осуществляться в первую очередь путём ограничения налогов или полного освобождения от их уплаты и лишь затем путём перераспределения средств с помощью бюджетных механизмов, т.е. в форме социальных выплат...Автор является убеждённым сторонником исчисления налога по среднедушевому доходу семьи» [1; 19 стр.].

Гражданам, которые по возрасту, в случае болезни, инвалидности лишены возможности к труду, а также лишены других источников доходов, в том числе в случае потери кормильца, государство в соответствии с п.1 ст.28 Конституции РК должно уже обеспечить их содержание за счёт бюджета и (или) общественных фондов потребления также на достойном человека уровне жизни, т.е. не ниже прожиточного минимума.

Другими словами, для достойной жизни гражданину должна быть обеспечена возможность получать ежемесячный доход в размере не менее прожиточного минимума на себя и каждого находящегося на его иждивении недееспособного члена семьи (несовершеннолетних, престарелых, инвалидов и иных нетрудоспособных членов семьи). Учитывая тот факт, что размер минимальной заработной платы и социальных пособий рассчитывается исходя из прожиточного минимума, предполагается, что заработная плата и социальные пособия должны, как минимум, покрывать расходы человека на проживание на этом уровне. В свою очередь, реальный прожиточный минимум должен соответствовать реальной рыночной стоимости минимальной потребительской корзины на человека, получающего налогооблагаемый доход, и каждого нетрудоспособного члена его семьи.

Таким образом, налоги не должны приводить граждан к разорению, обнищанию, умалению их человеческого достоинства и лишать их средств к существованию. Кроме того, налоги не должны носить характер конфискации или национализации. Налоги не должны изымать у налогоплательщика все или большую часть его доходов или имущества, независимо от их количества и стоимости. Налоги также не должны подавлять в налогоплательщиках стимул к обладанию имуществом, к предпринимательству и труду [2; 459 стр.].

Соответственно, доход человека на уровне реального прожиточного минимума не должен подвергаться какому-либо подоходному налогообложению со стороны государства, чтобы не лишать человека его конституционного права на достойную человека жизнь и её финансовое обеспечение.

В целях реализации этого положения налогоплательщику-физическому лицу законодателем в НК РК предоставлено право на применение налоговых вычетов, т.е. право на уменьшение совокупного годового дохода до его обложения подоходным налогом на сумму необлагаемых налогами доходов и производимых до налогообложения расходов.

Так, согласно пп.3) п.1 ст.342 НК РК, физическое лицо имеет право на применение стандартных налоговых вычетов, к которым в соответствии с пп.1) п.1 ст.346 НК РК относится, помимо прочего, также 14-кратный размер месячного расчётного показателя, установленного законом о республиканском бюджете и действующего на 1 января соответствующего финансового года. Стандартный вычет применяется за каждый календарный месяц. При этом общая сумма стандартного вычета за календарный год не должна превышать 168-кратный размер месячного расчётного показателя, установленного законом о республиканском бюджете и действующего на 1 января соответствующего финансового года.

Ранее, до внесения в НК РК изменений Законом РК от 20.12.2021 г. № 85-VII, введённым в действие с 01.01.2022 г., стандартным налоговым вычетом в соответствии с пп.1) п.1 ст.346 НК РК являлся один минимальный размер

заработной платы, установленный законом о республиканском бюджете и действующий на 1 января соответствующего финансового года. Указанный стандартный вычет также применялся за каждый календарный месяц. При этом общая сумма стандартного вычета за календарный год не должна была превышать 12-кратный минимальный размер заработной платы.

Отметим лишь, что по состоянию на 01.01.2023 г. один минимальный размер заработной платы составлял 70 000 тенге, а 14-кратный размер месячного расчётного показателя составлял всего лишь 48 300 тенге, что на 21 700 тенге меньше, чем один минимальный размер заработной платы.

Таким образом, с 01.01.2022 г. произошло существенное (почти на треть) уменьшение размера стандартного налогового вычета в виде не облагаемого налогами дохода физического лица, что означает начало обложения государством подоходным налогом доходов физических лиц ниже минимального размера заработной платы, который, в свою очередь, по требованию п.1 ст.104 ТК РК, не должен быть ниже прожиточного минимума. Другими словами, государство не оставляет гражданам без налогообложения их минимальный размер заработной платы для удовлетворения ими своих потребностей, а облагает сумму превышения МЗП над 14-кратным размером МРП ($70000 - 48300 = 21700$ тенге) индивидуальным подоходным налогом по ставке 10% (или в сумме 2170 тенге).

При этом в соответствии с пп.5) ст.8 Закона РК от 01.12.2022 г. «О республиканском бюджете на 2023-2025 годы» с 01.01.2023 г. государством установлена величина прожиточного минимума для исчисления размеров базовых социальных выплат в размере 40 567 тенге. Можно ли одному человеку самостоятельно прожить на 40 567 тенге в Казахстане, финансируя свои расходы на проживание, пропитание, лечение, образование, передвижение, досуг, судить каждому потребителю, кто каждый день тратит свои деньги на эти нужды. Но факт остаётся фактом - государство по-прежнему взимает индивидуальный подоходный налог с части гарантированного Конституцией РК минимального размера заработной платы каждого физического лица. С 10 млн. человек, занятых в Казахстане трудовой деятельностью и получающих за свой труд заработную плату, это 21,7 млрд тенге дополнительных ежемесячных поступлений в государственный бюджет в виде ИПН (или 260,4 млрд в год). Возможно, это и существенная для государства часть его доходов в целях дальнейшего их перераспределения среди более нуждающихся граждан, но достигается она за счёт ущемления конституционного права граждан на гарантированный, в том числе без удержания налогов, минимальный размер заработной платы.

По ст.9 Закона РК от 05.12.2023 г. № 43-VIII «О республиканском бюджете на 2024-2026 годы», с 01.01.2024 г. планируется установление минимальной заработной платы в размере 85 000 тенге (или 185 доллара США по курсу 460 тенге/доллар). В то время как величина прожиточного минимума для исчисления размеров базовых социальных выплат будет составлять с 01.01.2024 г. всего лишь 43 407 тенге. Другими словами, в 2024 году государство по-прежнему будет облагать подоходным налогом доходы граждан ниже минимальной заработной платы.

Таким образом, конституционное право граждан на получение оплаты своего труда в гарантированном государством по п.1 ст.28 Конституции РК

минимальном размере заработной платы не обеспечивается на практике в налоговом законодательстве РК, поскольку гражданин не получает на руки даже минимальной заработной платы, а изначально лишается её части в виде взимаемого с неё государством индивидуального подоходного налога.

Естественные права человека также определяют в содержании налоговых законов состав и нижние пределы стоимости имущества физического лица, не изымаемого в счёт погашения его налоговой задолженности перед государством. Соответственно, в собственности физического лица, независимо от размера его налоговой задолженности, всегда должно оставаться имущество (включая жилище), минимально необходимое ему для реализации им и находящимися на его иждивении членами семьи своих естественных прав [2; 457-458 стр.].

В свою очередь, это ограничение права государства на взимание налогов с физических лиц реализовано путём установления в законодательстве РК об исполнительном производстве перечня имущества, на которое не может быть обращено взыскание, в том числе и по налоговой задолженности.

Так, согласно ст.61 Закона РК «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей», взыскание по исполнительным документам не может быть обращено на указанные в цитируемой норме виды имущества, принадлежащего должнику на праве собственности или являющегося его долей в общей собственности, необходимого для должника и лиц, находящихся на его иждивении. Среди указанного имущества значатся: 1) предметы домашней обстановки, утвари (одежда, обувь, белье, постельные принадлежности, кухонная и столовая утварь, находившиеся в употреблении, мебель, минимально необходимая для должника и членов его семьи, все детские принадлежности); 2) продукты питания в количестве, необходимом для должника и его семьи до нового урожая, хозяйственные постройки и домашний скот в количестве, необходимом для удовлетворения потребностей должника и его семьи, а также корм для скота, если основным занятием должника является сельское хозяйство, а в остальных случаях - продукты питания и деньги на общую сумму в объёме не более величины прожиточного минимума; 3) топливо, предназначенное для приготовления пищи и отопления жилого помещения семьи; 4) инвентарь (в том числе пособия и книги), необходимый для продолжения профессиональных занятий должника; 5) транспортные средства, специально предназначенные для передвижения лиц с инвалидностью, технические вспомогательные (компенсаторные) средства и специальные средства передвижения лиц с инвалидностью; 6) международные, государственные и иные призы, которыми награждён должник; 7) имущество, являющееся взносами в гарантийные или резервные фонды клиринговой организации (центрального контрагента), маржевыми взносами, полным и (или) частичным обеспечением исполнения обязательств по сделкам, заключённым в торговой системе фондовой биржи методом открытых торгов и (или) с участием центрального контрагента.

Однако, в указанном перечне по-прежнему не значится жилье физического лица-должника, что чревато обращением на него взыскания со стороны налоговых органов по налоговой задолженности этого должника. Хотя ранее в соответствии с п.1 приложения 1 к ГПК КазССР от 28.12.1963 г., до 01.07.1999 г. взыскание недоимок по налогам и неналоговым платежам не могло быть

обращено на жилой дом как в городе, так и в сельской местности, если недоимщики и его семья в нем постоянно проживают. В настоящее время, по общему правилу пп.1) п.1 ст.29 Закона РК «О жилищных отношениях», принудительное (помимо воли собственника) прекращение права собственности на жилище допускается в случае обращения взыскания на жилище вместе с земельным участком по долгам собственника без каких-либо исключений.

Таким образом, гарантированное государством своим гражданам по п.1 ст.25 Конституции РК право на жилище и его неприкосновенность, а также невозможность его лишения, иначе как по решению суда, не реализуется в полной мере в жилищном законодательстве РК и не защищается в налоговом законодательстве РК и законодательстве РК об исполнительном производстве.

В настоящее время в рамках Министерства национальной экономики РК ведётся работа по подготовке проекта нового Налогового кодекса, принятие и введение которого планируется с 01.01.2025 г. Хотелось бы верить, что разработчики услышат и внемлют увещаниям правозащитников, а новый Налоговый кодекс РК до конца воплотит в своём содержании конституционные ценности и закрепит соответствующие механизмы обеспечения реализации и защиты конституционных прав человека и гражданина. Ведь в конечном итоге о политике государства в целом в отношении своих граждан судят по его конкретным шагам в защиту или против конституционных прав граждан.

Список использованных источников:

1. Пепеляев С.Г. Гражданин как субъект финансово-правовых отношений. Автореферат дисс. на соискание учёной степени канд.юр.наук. - М., 1991.
2. Порохов Е.В. Налоговое право: учебник для вузов (академический курс). - Алматы: НИИ финансового и налогового права, 2023.

Грибанов Дмитрий Владимирович,
д.ю.н., заведующий кафедрой теории государства и права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева»,
Российская Федерация

Белканов Евгений Александрович,
к.ю.н., доцент кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева»,
Российская Федерация

К ПРОБЛЕМЕ СНИЖЕНИЯ СТАНДАРТА ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ОТДЕЛЬНЫХ ПРАВОПОРЯДКАХ

Проблема поиска минимальной совокупности прав человека, необходимых для достойного человеческого существования, и поэтому обязательных для признания и защиты каждым государством, была поставлена еще в эпоху

Просвещения. Казалось, что её решение было найдено в двадцатом веке с принятием ООН Всеобщей декларации прав человека [1]. Содержащийся в ней перечень, включающий в себя права на жизнь, свободу, личную неприкосновенность, равенство перед законом и судом, неприкосновенность личной и семейной жизни, жилища, корреспонденции, чести, репутации, выбор места жительства, на убежище, на гражданство, на вступление в брак и его расторжение, право собственности, свободу мысли, совести, религии и убеждений, мирных собраний и ассоциаций, избирательные права, право на социальное обеспечение, свободу труда, право на отдых, на образование, право на участие в культурной жизни, представлялся неким стандартом, обязательным для всякого государства – члена ООН.

Разумеется, авторы Всеобщей декларации понимали, что данный стандарт не может быть обеспечен во всех странах одновременно. Тем не менее, казалось, что дальнейшее общественно-политическое развитие будет носить эволюционно-прогрессивный характер, и правовые системы всех государств постепенно будут приближаться к параметрам этого стандарта.

Однако, уже к концу семидесятых годов прошлого века в общественно-политическом развитии ряда стран произошли изменения, следствием которых стало понижение национальных стандартов защиты прав человека (справедливости ради отметим, что и без того не самых высоких). Так, в явное противоречие с идеей поступательного развития политико-правовых средств защиты прав человека вошли и события, связанные с Исламской революцией в Иране, и, тем более, афганские события 1978 – 1990 гг.

Однако, тогда эти процессы казались лишь незначительными исключениями, существующими лишь на относительно коротком историческом этапе развития отдельных стран.

Более того, после краха социализма советского образца, оптимизм в отношении дальнейшего приближения национальных стандартов защиты прав к идеалам Всеобщей декларации прав человека был настолько велик, что отдельные ученые посчитали эту тенденцию необратимой: в 1992 г. Ф. Фукуяма заявил, что «если рассмотреть доступные нам исторические альтернативы..., кажется, что либеральная демократия дает наибольшие возможности Человечество будет казаться не тысячей цветущих побегов на стольких же различных растениях, а длинной цепью фургонов на одной дороге» [2; 259 стр.].

Однако, как выяснилось в течение следующих трех десятилетий, человечество не только не стало «цепью фургонов», движущихся к высотам идеального стандарта защиты прав человека, но, наоборот, именно те страны, которые, как казалось, будут в этой цепи первыми, предприняли шаги, ведущие сначала к снижению международно-правовых, а затем и национальных стандартов защиты прав человека. И если изначально эта тенденция представлялась относящейся исключительно к странам так называемого «третьего мира», то сегодня она касается и большинства государств «коллективного Запада». К сожалению, объём настоящего сообщения позволяет нам остановиться лишь на наиболее ярких её проявлениях в так называемых «демократических» правопорядках.

Так часть пятая статьи 232 эстонского закона «Об иностранцах» отказывает в гражданстве жителям Эстонии, не знающим эстонский язык, но «поселившимся в Эстонии до 1 июля 1990 года, фактически жившим и живущим в Эстонии и не уехавшим отсюда в какую-либо другую страну, если их проживание в Эстонии не вредит интересам Эстонского государства», устанавливая для них статус «долговременного жителя», исключающий возможность участия в выборах, занятие должностей государственной и муниципальной службы и т.д., а статья 232¹ устанавливает такой же статус для детей «долговременных жителей». И это несмотря на то, что указанные лица не состоят и никогда не принимали никакого иного гражданства.

Для отказа в выдаче вида на жительство «долговременного жителя», или признания его недействительным, в соответствии со статьями 237 и 241 того же закона достаточно того, что человек «представляет собой опасность для общественного порядка или государственной безопасности» (то есть любого произвольного мотива) [3].

Аналогичным образом действовал латвийский закон от 12 апреля 1995 года «О статусе граждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или иного государства»

В частности, статьи 2 и 7 этого закона допускали выдворение неграждан из страны во внесудебном порядке, и действовали в течение 10 лет, и лишь благодаря давлению структур Евросоюза решением Конституционного суда Латвии от 7 марта 2005 года по делу № 2004-15-0106 они были признаны не соответствующими Конституции Латвии [4].

Тем не менее, и в этой стране возникло сообщество людей, никогда не имевших иного гражданства и не выезжавших из страны в течение всей жизни, но при этом не имеющих статуса граждан. Так, на сайте омбудсмена Латвийской Республики и сегодня официально разъясняется, что «вместе с принятием закона «О негражданах» возникла новая, до сих пор неизвестная в международном праве категория лиц — неграждане Латвии. Неграждане Латвии не приравниваются ни к одному статусу физического лица, установленному в международных правовых актах, поскольку объем установленных для неграждан прав не соответствует полностью ни одному такому статусу. Неграждане Латвии не считаются ни гражданами, ни иностранцами, ни даже лицами без гражданства, это лица с «особым правовым статусом» [5].

Встречаются и случаи дискриминации по лингвистическому признаку. В качестве наиболее показательного примера рассмотрим закон Украины № 2704-VIII от 25 апреля 2019 г. «Об обеспечении функционирования языка в качестве государственного» [6].

Уже в преамбуле этого акта содержатся утверждения «о преодолении вызванных многовековой ассимиляционной политикой колонизаторов и оккупантов деформаций национального языково-культурного и языково-информационного пространства», о том, что «полноценное функционирование украинского языка во всех сферах общественной жизни на всей территории государства является гарантией сохранения идентичности украинской нации», о том «что украинский язык является определяющим фактором и главным признаком идентичности украинской нации». При этом, судя по тексту

украинская нация явно не идентична украинскому народу. Пункт 8 статьи 1 содержит положение о том, «что украинский язык как единственный государственный язык выполняет функции языка межэтнического общения, является гарантией защиты прав человека для каждого украинского гражданина независимо от его этнического происхождения», статья 6 вообще возлагает на каждого гражданина прямую обязанность владеть государственным языком (хотя родным языком для значительной части населения Закарпатской области является венгерский, не говоря уже о так называемых «русскоязычных», к числу которых относится и нынешний президент этой страны, говорящий по-украински с довольно-таки необычным акцентом). Статья 20 устанавливает обязанность использовать украинский язык при обслуживании всех потребителей за исключением иностранцев и лиц без гражданства, статья 54 вообще запрещает официальную публикацию любых правовых актов на любом ином языке, даже наряду с украинским, а статья 57 устанавливает административную ответственность за неиспользование украинского языка в сфере обслуживания потребителей.

При этом все указанные государства ратифицировали Европейскую конвенцию по правам человека, ст. 14 которой гласит, что «пользование правами и свободами ... должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам» [7; 740 стр.].

Эти тенденции в развитии правовых систем ряда стран не остались незамеченными международными организациями. В частности, Генеральная ассамблея ООН в резолюции № 67/154 «Героизация нацизма: недопустимость определенных видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» от 20 декабря 2012 г. «ссылаясь на Устав Нюрнбергского трибунала и приговор Трибунала», признавая вызывающее тревогу увеличение числа случаев дискриминации, нетерпимости и насильственного экстремизма, мотивируемых предубеждениями против лиц, имеющих иное этническое происхождение, исповедующих иные религии или придерживающихся иных убеждений подтвердила, что всякое подстрекательство к дискриминации, вражде и насилию, должно быть запрещено законом, и что такого рода запреты согласуются с правом на свободу мнений и их свободное выражение», запрещая национальным или местным органам государственной власти или государственным учреждениям поощрять дискриминацию или подстрекать к ней и указывая на то, что караемым по закону преступлением должно быть всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, всякое подстрекательство к расовой дискриминации, а также все акты насилия или подстрекательство к таким актам, направленным против любой расы или группы лиц другого цвета кожи или этнического происхождения [8].

Аналогичные положения содержатся в резолюциях № 68/150 «Борьба с героизацией нацизма и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и

связанной с ними нетерпимости» от 18 декабря 2013 г. [9], № 69/160 «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» от 18 декабря 2014 г. [10], № 70/139 «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» от 17 декабря 2015 г. [11], № 71/179. Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» от 19 декабря 2016 г. [12], № 72/156 «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» от 19 декабря 2017 г. [13].

В резолюции № 73/157 «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» от 17 декабря 2018 г. [14] Генеральная ассамблея ООН, подтверждая ранее высказанную позицию, специально отметила, что «неонацизм не сводится лишь к героизации движения, существовавшего в прошлом, а представляет собой современное явление», отметив, что «даже в тех случаях, когда неонацисты формально не входят в состав правительства, присутствие в нем ультраправых идеологов может вызывать такой же эффект, что и включение в процесс управления и политический дискурс тех же самых идеологических концепций, которые делают неонацизм столь опасным».

Кроме того, Генеральная ассамблея отметила, что «в силу различия национальных стандартов, запрещающих язык ненависти, некоторые страны могут служить убежищем для распространителей неонацистских, экстремистских, агрессивных националистических, ксенофобских или расистских идей».

В дальнейшем эта позиция была подтверждена в резолюциях № 74/136 «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» от 18 декабря 2019 г. [15] и № 75/169 «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» от 16 декабря 2020 г. [16].

В резолюции № 76/149 «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» от 16 декабря 2021 г. [17] Генеральная ассамблея ООН подчеркнул, что «цель борьбы с языком ненависти заключается не в том, чтобы ограничить или запретить свободу слова, а в том, чтобы предотвратить подстрекательство к дискриминации и насилию, которое должно быть запрещено законом», выразила обеспокоенность «тем, что экстремистские и

разжигающие ненависть группы, включая неонацистские группы, используют цифровые технологии, чтобы распространять свою идеологию».

Казалось бы, что такое количество взаимосвязанных между собой положений о недопустимости снижения стандарта защиты прав человека в каком-либо государстве должны создать мощный фундамент для профилактики таких проявлений.

Тем не менее, в августе 2022 г. министр юстиции Латвии Я. Борданс заявил о необходимости разработки закона, ограничивающего использование русского языка на рабочих местах, пояснив, что «нужно установить запрет на использование языка, который не является языком Европейского союза, в дополнение к государственному языку при продаже товаров или оказании услуг», и «обществу нужно знать, что латышский язык должен использоваться для деловых отношений, а также для общения на рабочих местах» [18].

Таким образом, снижение стандарта защиты прав человека и в отношении прав, прямо не упомянутых во Всеобщей декларации прав человека (лингвистические права), и в отношении прав, упомянутых в ней (гражданство), становится вполне обыденным делом для множества правопорядков, характеризующихся в качестве демократических.

Эти процессы свидетельствуют о том, что потенциал Организации Объединенных Наций в отношении установления *всеобщего* стандарта защиты прав человека существенно снижен, если не исчерпан.

Представляется, что дальнейшее развитие реализации прав человека будет связано с развитием *национальных, региональных и межрегиональных* стандартов такой защиты, в том числе и в процессе многополярной сетевой интеграции, основанной на взаимном уважении и равенстве различных государств.

Список использованных источников:

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года) / https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
2. Конец истории и последний человек / Фрэнсис Фукуяма; [пер. с англ. М.Б. Левина]: АСТ; Москва; 2015
3. Цит. по: <https://www.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused/ЗАКОН%20ОБ%20ИНОСТРАНЦАХ%2024.05.2022.pdf>. Отметим, что в отличие от эстонского и латвийского, правопорядки Казахстана и России вообще не предполагают статусов «негражданин» или «долговременный житель», а лишение гражданства возможно лишь в исключительных случаях и при осуществлении судебного контроля. Аргумент же об особых исторических «обстоятельствах» стран Балтии несостоятелен хотя бы потому, что таких статусов нет в правопорядке Литвы.
4. Цит. по: https://web.archive.org/web/20160927171517/http://www.satv.tiesa.gov.lv/wp-content/uploads/2004/07/2004-15-0106_Spriedums_RU.pdf
5. Цит. по: <https://www.tiesibsargs.lv/ru/news/negrazhdane-ili-lica-bez-grazhdanstva-v-chem-raznica/>
6. Цит. по: Закон України Про забезпечення функціонування української мови як державної (<https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2704-19>). Пер. авт.

7. Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Спб.: Издательство «Юридический центр Пресс». 2004

8. <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N12/487/86/PDF/N1248786.pdf?OpenElement>

9. <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/448/47/PDF/N1344847.pdf?OpenElement>

10. <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/706/26/PDF/N1470626.pdf?OpenElement>

11. <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/439/86/PDF/N1543986.pdf?OpenElement>

12. <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/453/96/PDF/N1645396.pdf?OpenElement>

13. <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/454/76/PDF/N1745476.pdf?OpenElement>

14. <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N18/448/46/PDF/N1844846.pdf?OpenElement>

15. <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/426/36/PDF/N1942636.pdf?OpenElement>

16. <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N20/373/70/PDF/N2037370.pdf?OpenElement>

17. <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/402/50/PDF/N2140250.pdf?OpenElement>

18. Цит. по: <https://www.rbc.ru/politics/14/08/2022/62f8e9879a7947751789bcca>

Бурбаев Тулеугали Кайыржанович,
д. филос. н., профессор Научно-образовательного
центра государственно-правовых дисциплин
РГУ «Академия правосудия при Верховном
Суде Республики Казахстан»

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ И ПРАВОВОЙ МЕНТАЛИТЕТ

Говорят, каковы ценности, таково и общество. В этом выражении четко фиксирована важность ценности в жизни человека и их значимость для развития общества. Ценности отражают не только культуру, но и идеологию конкретного социума, определяют траекторию поведения человека, его отношение к жизни. Иначе говоря, ценности лежат в основе развития общества и личности. Отрицая старые ценности, человек вырабатывает определенное отношение к новым ценностям, и тем самым утверждает новый формы жизни. Это в конечном итоге формируют ценностные ориентации личности и общества.

Ценность тесно связана с деятельностью человека. Человек в ходе своей деятельности не только осознает ее важность, значимость, но и оценивает ее полезность, необходимость для своего развития. В древности самыми главными ценностями человека считались добро, красота и истина. Эти ценности до сих пор остаются важными, значимыми для современного человека. Без них человечество перестало бы называться человеческим обществом. Другими

словами, ценности формируют основу общества и служат ориентирами для людей, содействуют утверждению правильного отношения к жизни. Они регулируют и координируют действия человека и выступают мерилем оценки его поступков, а также действия других. Ценности могут стать смыслом жизни, составляют основу духовности и мировоззрения личности.

В античной философии ценности отождествлялись с самим бытием, не отделялись от бытия, они рассматривались как единое целое. Сократ, Платон говорили о благе, справедливости, как высшие ценности, которые необходимо для жизни человека. Кант впервые употребляет ценности в узком смысле, подразделяя их на сущее и должное, реальное и идеальное. Гегель разграничивает ценности на утилитарные и духовные.

После выделения аксиологии в самостоятельный раздел философии сформировалось несколько типов теорий ценностей. Например, натуралистический психологизм Дж. Дьюи. Здесь ценности рассматриваются как объективная реальность, которые могут удовлетворить человеческие потребности. Или же, аксиологический трансцендентализм (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), где ценность рассматривается не как объективная реальность, а идеальное бытие. К ним относятся такие ценности, как истина, красота, добро, любовь. Они, как вечные ценности не могут служить средствами для достижения каких – то иных целей. Они являются самодостаточными и составляют основу духовной деятельности человека. Они как нормы, которые не зависят от человека и образуют основу культуры.

Следующее направление персоналистиченский онтологизм (М. Шелер). По его мнению, ценности являются объективными и образуют онтологическую основу личности. Основателем социологической концепции ценности был М. Вебер. Согласно его мнению, ценность - норма, которая имеет определенную значимость для индивида. В этой связи он указывал важность религиозных ценностей в жизни человека.

Ценности бывают индивидуальные и национальные. Каждый народ имеет свою систему ценностей. Они вырабатываются годами, десятилетиями и составляют основу культуры, человеческого бытия и служат ориентиром для развития общества. Они составляют нравственную основу их мировоззрений.

Отношение к национальным ценностям в конечном итоге проявляется в их менталитете. Каждая нация в ходе своего исторического развития в качестве идеала на историческую арену выдвигает определенные ценности и объединяются вокруг них. Таковыми ценностями в годы независимости для казахского народа были и остаются государство, независимость, земля, знание, религия, язык, свобода и справедливость, семья, обычай и традиции. Эти ценности определяют не только самобытность, но и способ их отношения к жизни и лежат в основе их существования как нации. Благодаря этим ценностям формируется внутренний, духовный мир казахского народа и его ментальный мир и философия в целом.

В современной научной литературе ценности подразделяются на материальные и духовные. К духовным ценностям можно отнести знание, свободу, творчество, нормы морали, нравственности, милосердие, доброту, любовь, традиции и обычаи, религию, культуру и т.д. Духовные ценности играют

важную роль, как в жизни общества, так и в жизни конкретного человека. Без них ни одно общество не может функционировать цивилизованно и достичь прогресса в своем развитии. Также, духовные ценности позволяют человеку понять смысл собственного существования, и они развивают личностные качества человека. Сегодня в обществе доминируют материальные ценности. Человека больше всего интересует деньги, богатство, карьера, положение в обществе. Эти ценности становятся предметом их потребностей и стремлений. Они начинают регулировать их поведение, отношение к жизни, взгляды на мир.

Человек обогащает свой внутренний мир новыми видами знания, развивает профессиональные навыки, вырабатывает определенное отношение к жизни. По мнению, некоторых ученых «в XXI в. сложившаяся на протяжении тысячелетий система ценностей и стереотипов уже не в состоянии в полной мере обеспечить существование и прогресс человеческой цивилизации, претерпевая серьезные изменения в условиях глобализации. Процесс секуляризации, являясь следствием объективных закономерностей развития общества, привел к утрате сознания высшего духовного начала, сконцентрированного в религиозной вере. В качестве доминирующих ценностных ориентаций стали утверждаться чисто утилитарные и прагматические ценности: внимание стало уделяться в основном физическому благополучию и накоплению материальных благ, ушло понимание более тонкого, более высокого смысла жизни, чем накопление материальных благ. На этом делается акцент в концептуальных рамках «общества потребления», нацеленного на удовлетворение самых причудливых материальных запросов, и одновременно, на расширение потребления на основе формирования все новых и новых материальных потребностей» [1]. Несмотря на это в современном обществе все больше появляется спрос на духовные ценности. Постепенно наступает осознание того, что игнорировать морально-нравственные нормы являются опасными и чреватými последствиями для развития самого общества. Об этом свидетельствуют морально психологические отклонения, который ярче стали проявляться во взглядах и поступках современных людей, в виде различных форм радикализма, экстремизма, агрессии и нетерпимости в сферах общественно-политической и духовной жизни общества. Например, крайне радикально настроенные религиозные фанаты стали выступать против традиции казахского народа, указывая на несовместимость их с канонами «чистого ислама», шариата. Как можно понять такое явление, когда играть на национально музыкальном инструменте домбре объявляется харамом, или обряд «Беташар» относят к проявлению ширка (многобожья) или источником гендерного неравенства. При этом сознательно игнорируется его культурно-исторический потенциал, направленный на укрепление традиции уважения в целом в казахском обществе. Это торжественный обряд, как национальная ценность должна быть сохранена и передана последующему поколению, который строит новый Казахстан.

В этих условиях учет во внимание аксиологических аспектов проблем становится ключевым, особенно при решении сложных проблем общественного развития. Например, в менталитете казахов, доминируют толерантное отношение к традициям, культуре, обычаям, языкам этносов, которые проживают в Казахстане. Такое взаимоуважительное отношение друг другу

имеет культурно-историческую предпосылку и составляет фундамент гражданского согласия современного Казахстана, и дальнейшее укрепление этого в менталитете казахстанцев, как ценность отвечает коренным интересам всех казахстанцев. Или же, для большинства казахов, земля, является не только объектом рыночных отношений, она также является символом духовности. В национальной культуре казахов земля рассматривается как мать, как «атамекен» – земли предков, как святое, сакральное место, где он родился и вырос. Поэты и композиторы посвящают стихи и песни, воспевают красоты и величие родной земли, воспитывают чувство привязанности к ней. Все это в менталитете народа закрепляется, укореняется как духовная ценность. Игнорировать или отрицать это просто невозможно. Любая попытка решить этот вопрос насильственным или волонтаристическим способом чревато последствием, как для страны, так и для нации.

Что касается, правовых ценностей, то они требуют отдельного изучения и осмысления. Как известно, правовые ценности долгое время находились вне поля зрения юридической науки. На это были свои причины. Как замечает В. П. Пономарева, «в советское время в юриспруденции специально о правовых ценностях не говорилось. Так как существовал набор хрестоматийных ценностей социалистического общества, сформулированных в моральном кодексе строителей коммунизма. В постсоветский период ситуация кардинально изменилась» [2].

Ученые - юристы стали обращать свое внимание на проблемы правовой ценности после того, когда ученые активно стали исследовать и говорить о демократических преобразованиях, о правах человека и тенденциях развития правового государства в постсоветских странах. В этот период ученые юристы активно проводят научно-теоретические и практические конференции по проблемам правовых ценностей, ценности права и ценностей в праве [3].

Проблемы правовой ценности и предметное изучение их впервые осуществляются в недрах философии права, и на этой основе появляется целое теоретическое направление - правовая аксиология [4].

Предметом правовой аксиологии становятся проблемы понимания и трактовки права как ценности. В нем особое место отводится оценке правового значения закона. Также, правовая аксиология в свой предмет исследования наряду с правом включает государство, как правовое явление, как организующие правоотношения в обществе. Она предметно изучает соотношение права и закона, естественного права и позитивного права, морали и права. При этом естественное право понимается как нравственное явление, и признается как абсолютная ценность, которая составляет сущность человека. В результате естественное право представляет собой как единство принципа права и моральные нормы [5].

Также, следует сказать, что правовая ценность, как фактор влияет на правовое развитие общества и лежит в основе правовой ментальности людей, а также выступает основанием для оценок в сфере права и познания правовой реальности, служат средством передачи значимого опыта в процессе правовой коммуникации [6].

Иначе говоря, правовые ценности формируются в определенных исторических условиях, особенности их развития определяются состоянием развитости демократических институтов власти гражданского общества и правового государства. Если с этой позиции посмотреть на состояние дел правовых ценностей казахстанского общества, то можно констатировать, что они пока не отвечают ожиданиям граждан страны. В их менталитете доминирует неверие к правовым ценностям, как инструмента социального регулирования современного общества. К истокам зарождения такого негативного отношения к правовым ценностям можно отнести 1995 год, когда был упразднен Конституционный Суд в стране. Понятно, такой шаг со стороны действующей власти преследовали определенные цели, а именно надо было быстро провести приватизацию государственной собственности в стране, перевести экономику на рыночные рельсы, формировать класс собственников и национальную буржуазию. Как известно, приватизация государственной собственности шла с нарушением законов и прав человека. Она открыла широкую дорогу коррупции, рейдерскому захвату чужих имуществ и бизнеса. В такой обстановке существование Конституционного Суда могло мешать этому правовому беспределу, названной в народе «прихватизация». Одним словом, все это, в итоге сформировало у казахстанцев негативное отношение к законам и праву, как ценностям. Спустя 30 лет вновь возрождаем Конституционный Суд. Он теперь должен служить гарантом конституционных прав человека, защитить их права и свободу. Например, за пять месяцев 2023 года за конституционной защитой своих прав обратились свыше трёх тысяч граждан. 41% обращений касается несогласия с решениями судов, другие обращения связаны с неисполнением судебных актов, жилищными и трудовыми отношениями, социальной защитой, исполнением наказаний, доступом к информации, банкротством физических лиц, а также проверкой конституционности законов и других нормативных правовых актов [7].

Отсюда можно сделать вывод о том, что Конституционный суд, с одной стороны является важным правовым институтом современного общества, особенно в защите прав человека, в то же время, он играет ключевую роль в институционализации конституционных ценностей, как основы правового менталитета. В этой ситуации к конституционным ценностям можно отнести не только юридическое обеспечение и защиту прав и свобод личности, но и соблюдение и реализацию принципов справедливости, равенство всех перед законом и равную защиту форм собственности, которые в конечном итоге представляют собой конституционные ценности современного государства.

В системе правовых ценностей особое место принадлежит государству. Было время, когда в правовом менталитете казахстанцев государство занимало доминирующее положение, его интересы всегда ставились выше, чем интересы конкретного человека. Укоренение культа государственной власти, порождало этатизм, тоталитарный образ мысли. Сейчас ситуация изменилась, произошел перелом в сознании людей. Маятник поведения качнулся в сторону индивидуализма, на первый план вышли интересы конкретного индивида. Надо сказать, что современное общество постепенно преодолевает этот правовой перекося, деструктивную конструкцию, которая существовало длительное время.

Сегодня правоотношение между государством и гражданином пересматривается, вносятся коррективы в существующие правовые нормы, которые обеспечивают соблюдение прав и обязанности каждого из сторон на основе принципа справедливости. Как замечает, А.Н. Бабенко: «при этом возникает два рода ценностей: ценность государственной деятельности для индивида и ценность поведения личности для государства» [8]. В свою очередь, это процесс по глубине затрагивает систему ценностей связанные с доверием, ответственностью, законопослушностью, а также, соблюдением и поддержанием порядка и законности в стране. Реализация их, как правовые ценности в реальности зависит от того, как укрепляется доверие к законам и права в правовом менталитете. Они, в конечном итоге будут, определяют эффективность деятельности власти и государства, и соответственно поведение человека, которое соответствует правовым нормам. В этой связи есть необходимость глубже взглянуть на реальное состояние дел правового поведения людей в современном обществе. Как известно, правовое поведение гарантируется законом и охраняется государством. Оно должно осуществляться не на основе страха, приказа и принуждения, а на основе внутреннего убеждения и нравственности. Однако, реальность такова, что приходится констатировать, что правовое поведение граждан далеко от совершенства. Оно иногда расходится с требованиями правовых норм, выступает в определенном смысле противоречие с новыми нормами закона. Такое промежуточное, не адаптированное поведение к новым правовым условиям порождает в менталитете казахстанцев страх перед законом. Маргинальное поведение все больше деформирует правосознание, порождает правовой нигилизм и соответственно снижает ценности поведения личности для государства. В тоже время, как замечают В.В. Оксамытный и Н.К. Потоцкий «в правовом плане маргинальность характеризуется особым, “промежуточным”, переходным между правомерным и противоправным состоянием личности, поведение которой вызывается как собственной социально-психологической деформированностью, так и определенным (вольным или невольным) провоцированием со стороны государственных институтов и общества в целом» [9].

Исходя из сказанного, можно сделать следующие выводы:

- во-первых, формирование правовых ценностей на разных исторических этапах развития общества имеет свою специфику. Это специфика обусловлена, прежде всего, морально-нравственным и политико-правовым состоянием развития общества;

- во-вторых, современное научное осмысление ценностно-правовой сферы казахстанского общества отстает от запросов и потребностей современной жизни;

- в-третьих, кризис духовных и морально-нравственных основ общества и личности отрицательно влияет на утверждение правовых ценностей, как фактор развития правового менталитета казахстанцев;

- в-четвертых, государство, обязано не только провозглашать, но и обеспечивать реализацию правовых ценностей как основы строительства правового государства.

Список использованных источников:

1. Кудряшова М.С. Духовные ценности в контексте современности // Вестник РУДН, серия Политология, 2015, № 4, С. 60.

2. Понамарева В.П. Правовые ценности как феномен юридической антропологии // Права: история, теория, практика: Сб. статей и материалов. Вып. 10. Брянск, 2006.
3. Михайлов С. В. Правовые ценности: теоретико -правовой аспект. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ростов-на-Дону – 2011. С.4.
4. Неновски Н. Право и ценности. — М., 1987; Политико-правовые ценности: История и современность / Под ред. В.С. Нерсисянца. — М., 2000.
5. Нерсисянц В. С. Философия права: Учебник для вузов. — М.: Норма, 2005. — 656 с.
6. См.: Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. С. 262;
7. <https://www.zakon.kz/obshestvo/6397455-bolee-trekh-tysyach-kazakhstanstsev-obratilis-v-konstitutsionnyy-sud.html>.
8. Бабенко А.Н. Государство и правовые ценности // Вестник ЮУрГУ, №9, 2007. С.3.
9. Оксамытный В.В., Потоцкий Н.К. Маргинальность как специфический тип правового поведения (опыт межотраслевого подхода // № 9 / 2012 Вестник Московского университета МВД России. С.30.

Олейник Димитри,

научный сотрудник университета
прикладных наук г. Висмара, ФРГ

СУБЪЕКТИВНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО КАК КОНСТИТУЦИОННО-ОБУСЛОВЛЕННАЯ ПРЕДПОСЫЛКА СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ФРГ

Ч. 4 ст. 19 Основного закона ФРГ устанавливает право каждого гражданина на действенный и всесторонний судебный контроль публичной власти, каждый имеет право обращаться в независимые суды с целью оспаривания актов публичной власти. Конкретизация указанной гарантии правовой защиты осуществляется посредством регулирования административного судопроизводства в Законе ФРГ об административных судах (далее: ЗАС) [1]. Закон предоставляет правовую защиту от административных действий посредством регулирования определенных видов судебных исков и ходатайств [9].

Предпосылками удовлетворения иска в судах общей административной юрисдикции являются допустимость иска, т.е. наличие всех необходимых для принятия решения судом по существу предпосылок в момент последнего устного заседания или в момент принятия решения судом, кроме того, отсутствие обстоятельств, препятствующих ведению судопроизводства, а также обоснованность иска, то есть соответствие установленных судом фактических обстоятельств условиям, с наличием которых действующее законодательство

связывает признание заявленного требования [5, Vorb. § 40 Rn. 1, 2], а именно удовлетворение требования по существу.

Помимо подсудности административным судам, соблюдения порядка подачи иска и других общих, а также ряда особых (присущих конкретному виду иска) предпосылок [5, Vorb. § 40 Rn. 17] необходимой предпосылкой допустимости иска является наличие (субъективного публичного) права на предъявление иска (*Klagebefugnis*) [10].

Так, в соответствии с ч. 2 § 42 ЗАС, иски об оспаривании и о принуждении к исполнению обязанности - если законом не предусмотрено иное - являются допустимыми только в том случае, если истец имеет право на предъявление иска, а именно если он заявляет, что административным актом, отказом в издании акта или бездействием были нарушены его права. Хотя согласно текста закона, данное положение прямо применяется только в отношении двух указанных видов иска, судебная практика и научная литература расширили сферу применения ч. 2 § 42 ЗАС по аналогии и на другие формы правовой защиты в административном судопроизводстве [7, § 42 Abs. 2 Rn. 21 ff.].

Целью ч. 2 § 42 ЗАС является исключение так называемых популярных исков, в рамках которых истец действует в общественных интересах или ссылается на права третьих лиц, или в которых истец хотя и ссылается на свои собственные интересы, но которые, как например, лишь идеальные, экономические и иные аналогичные интересы, не защищаются субъективным публичным правом [4, Rn. 113]. Необходимость наличия права на предъявление иска в административном судопроизводстве отражает установленное в ч. 4 ст. 19 Основного закона ФРГ¹⁶ структурное решение в пользу системы защиты индивидуальных прав, в соответствии с которой защита в рамках административной подсудности предоставляется только в той мере, в какой «права какого-либо» лица нарушены публичной властью. Таким образом осуществляется защита ответчика и административных судов от излишних обращений (функция фильтрации) [2, § 9 Rn.11]. В основе этой концепции, утвердившейся в административном судопроизводстве только в конце XIX века [3, § 42 Rn. 109], лежит то, что объективный контроль за соблюдением законности публичной администрацией не является функцией административного судопроизводства, а вместо этого в центре внимания находится субъективное право отдельного человека.

Судебная практика и господствующее мнение в литературе определяют право на предъявление иска на основании так называемой теории возможности (*Möglichkeitstheorie*), согласно которой достаточным является наличие возможности нарушения, о котором заявляет истец [5, § 42 Rn. 66]. Такая возможность имеется, если истец может сослаться на субъективное публичное право, он принадлежит к кругу лиц, которых защищает это право, т.е. право относится лично к нему как индивидууму - а не только к третьим лицам или обществу, и нарушение этого права рассматриваемой мерой в конкретном случае

¹⁶ Согласно правовой позиции Федерального конституционного суда ФРГ, ч. 4 ст. 19 Основного закона ФРГ гарантирует гражданам полную правовую защиту от нарушений в индивидуальной правовой сфере посредством вмешательства органов государственной власти. Гарантируется не только формальное право на обращение в суд, но и эффективность правовой защиты, см. BVerfG, Beschluss v. 10.06.2009, BVerfGK 15, 545, 558.

(например, административным актом) представляется возможным [2, § 9 Rn. 12; 5, § 42 Rn. 71].

Под субъективным публичным правом понимается предоставляемое индивидууму в силу публичного права правомочие требовать в целях преследования собственных интересов от государства совершения определенных действий [6, § 8 Rn. 2ff.]. Субъективное публичное право признает гражданина в качестве субъекта права и, таким образом, наделяет его возможностью действовать самостоятельно по отношению к государству и требовать соблюдения затрагивающих его законов. Без собственных прав человек был бы просто объектом действий государства, что означало бы нарушение гарантированного Конституцией основного права, а именно достоинства человека (ст. 1 Основного закона ФРГ). Таким образом, обеспечение субъективных прав является одним из основных условий свободного, демократического, социального и правового государства.

Установление субъективного публичного права часто бывает проблематичным, поскольку из объективных правовых норм публичного права не обязательно следуют субъективные права индивидуума, так как публичная администрация действует, прежде всего, в общественных интересах. Для установления субъективного публичного права господствующее мнение в литературе [7, § 42 Abs. 2 Rn. 95] применяет теорию защитной нормы (*Schutznormtheorie*), согласно которой субъективное право имеет место, если императивная правовая норма предназначена для обеспечения реализации не только общественных интересов, но и, как минимум, интересов отдельных граждан. Определяющим при этом является, предусматривает ли норма защиту таких интересов¹⁷.

Субъективное право возникает только в том случае, если получение конкретного блага гражданином было предусмотрено законом. Таким образом, при установлении субъективного права всегда необходимо рассматривать два вопроса: а) Имеется ли правовая норма, обязывающая публичную администрацию к определенному действию (правовая обязанность публичной администрации)? б) Предназначена ли данная правовая норма - как минимум также - для защиты интересов отдельных граждан (индивидуальный интерес)? [6, § 8 Rn. 8]

Индивидуальный интерес может быть выведен из индивидуально-защитной цели нормы, выраженной в тексте самого закона, например, «право на социальную помощь» в § 4 Закона о социальной помощи. В случае отсутствия подобной явно выраженной формулировки необходимо устанавливать при помощи обычных способов толкования, предназначена ли соответствующая правовая норма для защиты индивидуальных интересов и, если да, то каких именно. Признаками субъективного публичного права могут быть предоставление права на подачу заявления или упоминание в норме круга лиц, что выделяет их из общности граждан¹⁸.

Защищаемые правовые позиции могут следовать из правовых положений, содержащихся не только в обычных законах, но также в значительной степени

¹⁷ См.: OVG Niedersachsen, Beschluss v. 27.8.2018, BeckRS 2018, 20560.

¹⁸ См.: BVerwG, Urteil vom 19.09.1986, NVwZ 1987, 409.

из конституционного права, прежде всего, из основных прав человека [5, § 42 Rn. 78, 94 f., 117].

К индивидуальной защите, обеспечиваемой предусмотренными в Конституции основными правами, следует, в частности, обращаться, если отсутствует правовая норма на уровне обычного закона. Примером может служить дело, в рамках которого предприниматель обжалует в суде отказ уполномоченного органа в выплате ему беспроцентного кредита, предоставляемого пострадавшим от наводнения из выделенных на основании закона о бюджете средств в соответствии с внутриведомственной директивой, конкретизирующей процедуру. Субъективное право, о нарушении которого истец может заявить, не может вытекать из положений закона о бюджете, предусматривающих выделение средств на ликвидацию последствий катастроф, поскольку этот закон служит исключительно интересам надлежащего управления бюджетом и в силу этой направленности защиты не наделяет гражданина субъективным правом. Субъективное право также не может следовать из внутриведомственной директивы, конкретизирующей процедуру. Директива является всего лишь административным положением, которое как таковое может порождать правовые последствия только внутри публичной администрации и как внутриорганизационный документ не может по общему правилу обосновывать права и обязанности для гражданина. Тем не менее, опосредованное внешнее воздействие в пользу гражданина может быть обосновано осуществляемой вовне административной практикой и принципом равного обращения, закрепленным в ст. 3 Основного закона ФРГ. Публичная администрация нарушает принцип равного обращения, если она в отдельных случаях без объективных причин отклоняется от своей постоянной административной практики, утвержденной в директиве. Директива в этом случае будет служить масштабом для оценки равного/неравного обращения с подавшим иск предпринимателем по сравнению с другими. В этом отношении нарушение субъективного права (ст. 3 Основного закона ФРГ) является возможным, и, таким образом, предприниматель в данном примере имеет право на предъявление иска.

Вышеуказанная теория возможности применяется для оценки наличия права на предъявление иска во всех случаях, не зависимо от вида иска [3, § 42 Rn. 177]. Относительно иска об оспаривании в вертикальных правоотношениях между индивидуумом и публичной администрацией теория возможности, однако, на практике¹⁹ заменяется теорией адресата (*Adressatentheorie*). Согласно этой теории, адресат обременяющего административного акта всегда обладает правом на предъявление иска, поскольку обременяющая мера всегда затрагивает предусмотренные в Конституции основные права адресата (как минимум общую свободу действий согласно ст. 2 Основного закона ФРГ), так что нарушение права в таком случае всегда является возможным.

Список использованных источников:

1. Verwaltungsgerichtsordnung (VwGO) vom 21.1.1960, BGBl. I 1960 S. 17, Neufassung vom 19.3.1991, BGBl. I 1991 S. 686.

¹⁹ BVerwG, Beschluss vom 21.01.1993, NVwZ 1993, 884.

2. Allgemeines Verwaltungsrecht v. W. Erbguth, A. Guckelberger, 10. Aufl. 2020.
3. Beck`scher Online-Kommentar. Verwaltungsgerichtsordnung (BeckOK VwGO). Herausgegeben von Posser H., Wolff H.A., 53. Ed. 1.1.2020, München.
4. Hemmer/Wüst/Grieger, Verwaltungsrecht I, Juristisches Repetitorium Hemmer, 8. Auflage 12/2005.
5. Kopp/Schenke, Verwaltungsgerichtsordnung, Kommentar von W.-R. Schenke, 25. Aufl., München 2019.
6. Maurer H., Allgemeines Verwaltungsrecht, 15. Aufl., München, 2004.
7. Verwaltungsgerichtsordnung. Kommentar. Herausgegeben von F. Schoch, J.-P. Schneider, W. Bier, Beck-Verlag, 37. EL Juli 2019.
8. Verwaltungsverfahrensgesetz. Kommentar. Herausgegeben von P. Stelkens, H.J. Bonk, M. Sachs. Beck-Verlag. 9. Aufl. 2018.
9. Олейник Д. Противоправность административного акта как предпосылка обоснованности административного иска в праве ФРГ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 6. С. 16—28.
10. Олейник Д., (2022), Субъективное публичное право как конституционно-обусловленная предпосылка судебной защиты прав граждан в административном судопроизводстве ФРГ. Социально-политические науки, 3: 69-74. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-3-69-74.

Несмеянова Светлана Эдуардовна,
д.ю.н., профессор, директор Института
дополнительного образования ФГБОУ ВО
«Уральский государственный юридический
университет им. В.Ф. Яковлева»,
Российская Федерация

РОЛЬ ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ В ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В современном мире признанно, что наиболее значимой задачей органов конституционного судебного контроля является защита конституционных прав граждан. При этом следует иметь в виду, что не во всех странах, имеющих конституционный суд, граждане имеют непосредственное право на обращение в суд. Нередко от имени гражданина в конституционный суд может обращаться государственный орган (иной суд, исполнительный орган, прокурор и др.). По Конституции Российской Федерации граждане могут непосредственно обращаться в Конституционный Суд с жалобами на нарушение конституционных прав и свобод. Причем жалобы могут быть индивидуальными и коллективными. Более того, с жалобами могут обращаться и объединения граждан. В результате конституционной реформы 2020 г. перечень субъектов обращения с жалобой был расширен, в частности были названы юридические лица и муниципальные образования в лице органов местного самоуправления. В отношении уполномоченных по правам человека федеральный законодатель уточнил, что субъектами обращения являются лишь те уполномоченные федерального и регионального уровня, которые предусмотрены федеральными законами.

К сожалению, в законе не конкретизированы возможности Генерального прокурора обращаться с жалобой, хотя такое право было признано в одном из решений самим Конституционным Судом РФ. Тем не менее, сегодня предусмотрено право различных органов и должностных лиц, общероссийских организаций, имеющих по закону право представлять интересы граждан и юридических лиц непосредственно обращаться с жалобой в Конституционный Суд РФ (возможно, прокурор учтен в этой группе заявителей).

Изначально, жалоба гражданами и их объединениями могла быть подана только в отношении закона. При этом «закон» понимался в буквальном смысле, т.е. в отношении указов Президента, постановлений Правительства, иных актов жалоба изначально была не допустима. Однако, практика показала, что граждане подчас оспаривают не только законы, но и другие акты. В результате Конституционный Суд РФ вынужден был находить основания для проверок конституционности других нормативных правовых актов.

В связи с этим особый интерес представляют некоторые решения Конституционного Суда, касающиеся расширения перечня актов, которые могут быть рассмотрены по жалобам граждан. Конституционный Суд РФ в постановлении от 5 июля 2001 г. №11-П установил ряд критериев, в случае удовлетворения которым и иные нормативные акты могут быть предметом рассмотрения в органе судебного конституционного контроля. Речь шла о постановлении Государственной Думы об амнистии, которое, не являясь актом, принимаемым в форме закона, тем не менее, было принято к рассмотрению в связи с жалобами граждан. Были названы следующие признаки данного акта, позволившие Конституционному Суду РФ фактически приравнять его к закону: принятие данного постановления предусмотрено самой Конституцией, особый уровень такого постановления, особое материально-правовое содержание.

Не следует забывать, что Конституционный Суд РФ принимает решение по делу, оценивая, как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов. Поэтому критерии допустимости жалобы о проверке иных актов постепенно расширялись:

- нормативный правовой акт определяет содержание самого права, возможности его использования или осуществления его защиты, при условии, что подобные вопросы не урегулированы законом (т.е. подобный акт является первичным);

- правоприменительные органы используют данный акт в качестве основного источника (т.е. когда не представляется возможным использование непосредственно конституционной нормы).

В Постановлении от 27 января 2004 г. № 1-П Судом была сформулирована правовая позиция, о том, что при определенных условиях предметом проверки в связи с жалобой граждан могут быть постановления Правительства (если имеет место прямая нормативная связь подзаконного нормативного акта с федеральным законом). В Определении от 4 марта 2004 г. № 146-О. Суд пришел к выводу, что на предмет конституционности по жалобам граждан могут

проверяться и иные подзаконные акты, если отсутствует федеральный закон, который должен был бы регулировать соответствующие правоотношения.

Благодаря конституционным реформам 2020 г. в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации», с учетом ранее изложенных органом конституционного контроля правовых позиций перечень оспариваемых актов был значительно расширен: федеральные конституционные законы, федеральные законы, нормативные акты Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации, конституции республик, уставы, законы либо иные нормативные акты субъектов Российской Федерации, изданные по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти Российской Федерации и совместному ведению органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу на нарушение конституционных прав и свобод нормативным актом, если установит признаки их нарушения вследствие применения оспариваемого акта в деле с участием гражданина, а также обнаружит неопределенность в вопросе о том, соответствует ли акт Конституции Российской Федерации. В результате рассмотрения дела по существу Конституционный Суд принимает постановление, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых положений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе норм, не будучи связанным основаниями и доводами, изложенными в жалобе (статьи 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Интересно отметить, что в Республике Казахстан граждане также могут непосредственно обращаться в Конституционный Суд по вопросу проверки конституционности нормативных правовых актов Республики. Таким образом, обращения не ограничены перечнем конкретных актов. Как и России, в Казахстане обращения граждан допустимы в течение 1 года после принятия судебного акта, т.е. речь идет о конкретном конституционном контроле. Подобные правила применяются и в Беларуси.

Но в отличие от России и Казахстана, в Республике Беларусь, где понятие конституционной жалобы появилось только в 2023 г., граждане могут оспаривать только нормы закона. Таким образом, граждане и их объединения могут обращаться в орган конституционного судопроизводства если нарушены их конституционные права и защита этих прав другими способами не может быть реализована.

Исходя из практики органов конституционной юстиции названных стран наиболее часто, граждане обращаются в орган конституционного судебного контроля по вопросам:

- нарушения основ, принципов конституционного статуса человека,
- нарушения порядка и содержания ограничения основных прав и свобод,

-неконституционного толкования тех или иных актов правоприменительными органами, чем нарушаются конституционные права и свободы и др.

По видам прав и свобод, более востребованными в рамках конституционной защиты в настоящее время являются экономические и социальные права.

Говоря о роли органов конституционного судопроизводства в защите конституционных прав и свобод, следует признать, что орган конституционной юстиции не просто защищает, не только восстанавливает нарушенные конституционные права и свободы, но всей своей практикой развивает теорию прав человека. Практически в каждом своем решении, органы конституционного судебного контроля проводят мостик от положений, закрепляющих права и свободы человека на международном уровне к национальному законодательству, к правоприменительной практике.

Очень важными представляются выводы органов конституционной юстиции о необходимости такого правового регулирования сферы прав и свобод человека и гражданина, когда сохраняется доверие к государству, к законам и действиям органов государственной власти. Конституционные суды постоянно напоминают, что каждая норма должна быть понятна любому гражданину, закон должен быть четким и определенным. Государство должно создать условия для функционирования стабильного и, одновременно, предсказуемого, правового регулирования.

Таким образом, органы конституционного судебного контроля представляют собой действенный механизм, обеспечивающий судебную защиту прав и свобод человека и гражданина. Право на судебную защиту, являющееся одним из неотчуждаемых прав человека, представляет собой одновременно гарантию обеспечения всех иных прав и свобод.

В одном из своих решений Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что право на судебную защиту служит способом государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, которые определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18 Конституции) и признание, соблюдение и защита которых согласно ст. 2 Конституции - обязанность государства. Кроме того, конституционное право на судебную защиту предполагает и право на доступ к правосудию, которое должно отвечать требованиям справедливости и обеспечивать эффективное восстановление в правах, и право на независимый и беспристрастный суд как необходимое условие справедливого правосудия (Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2002 N 4-П).

Аналогичный подход наблюдается во всех странах, провозгласивших себя правовыми государствами, реализующих на конституционном уровне обязанность создать такую судебную систему, которая обеспечивала бы действенную защиту прав и свобод человека и гражданина, в том числе органами конституционного правосудия.

Жакаева Лейла Султановна,

д.ю.н., профессор Научно-образовательного
центра государственно-правовых
дисциплин РГУ «Академия правосудия при
Верховном Суде Республики Казахстан»

К ВОПРОСУ О ПРАВЕ НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ

С начала функционирования Конституционного Суда Республики Казахстан (*далее – Конституционный Суд*) принято несколько нормативных постановлений на основе рассмотрения обращений субъектов правоотношений, обусловленных вопросами реализации права на судебную защиту. Одно из них - нормативное постановление Конституционного Суда РК от 21 апреля 2023 года № 10 «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан пункта 4 статьи 44, пункта 3 статьи 44-1 Конституционного закона Республики Казахстан от 25 декабря 2000 года «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» и пункта 1 статьи 24 Закона Республики Казахстан от 4 декабря 2015 года «О Высшем Судебном Совете Республики Казахстан»» [1] по обращению гражданина Д.

Решением Судебного жюри при Высшем Судебном Совете Республики Казахстан (*далее – Высший Судебный Совет*) от 14 декабря 2021 года на гражданина Д. (судью) было наложено дисциплинарное взыскание - выговор. В последующем решением Комиссии по качеству правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан (*далее – Комиссия по качеству правосудия*) от 24 декабря 2021 года он признан не соответствующим занимаемой должности в силу профессиональной непригодности. Указанные решения Судебного жюри и Комиссии по качеству правосудия после обжалования гражданином Д. в Высший Судебный Совет были оставлены без изменения. В итоге Указом Президента Республики Казахстан от 2 июня 2022 года он освобожден от занимаемой должности судьи.

Решение Высшего Судебного Совета было обжаловано гражданином Д. в Специализированный межрайонный административный суд г. Астаны, который возвратил иск со ссылкой на подпункт 2) части четвертой статьи 3 Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан от 29 июня 2020 года, согласно которому порядок административных процедур, установленный Кодексом, не распространяется на отношения, регулируемые законодательством о Высшем Судебном Совете.

Конституционный Суд, признав рассматриваемые правовые нормы соответствующими Конституции, в мотивировочной части постановления указал, что ввиду особого порядка освобождения от должности судей установленная Конституционным законом «О статусе судей в Республике Казахстан» и Законом о Высшем Судебном Совете процедура обжалования решений указанных органов в Высший Судебный Совет не ущемляет их право на судебную защиту, закрепленное в пункте 2 статьи 13 Конституции. Одновременно рекомендовано Верховному Суду и Высшему Судебному Совету с целью более полного обеспечения прав судей рассмотреть вопрос о

дальнейшем совершенствовании законодательства о судебной системе и статусе судей в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда.

Право каждого на судебную защиту, предусмотренное пунктом 2 статьи 13 Конституции Республики Казахстан (*далее - Конституция*), ранее разъяснено актами толкования Конституционного Совета Республики Казахстан, действие которых сохраняется до настоящего времени [2].

Из них следует, что, во-первых, содержание конституционной нормы о праве каждого на судебную защиту своих прав и свобод включает и право на судебное обжалование действий и решений, которые повлекли или могут повлечь ущемление прав и свобод человека и гражданина. Это право любого человека и гражданина обратиться в суд за защитой и восстановлением нарушенных прав и свобод, реализация которого осуществляется на основе и в порядке, установленном законом [3].

Во-вторых, реализация конституционного права на судебную защиту осуществляется на основе и в порядке, установленном законом, однако из пункта 2 статьи 13 Конституции не следует, что каждый человек может лично обращаться в суд независимо от возраста, психического состояния, по собственному усмотрению выбирать способ и процедуру судебной защиты [4].

В-третьих, право на судебную защиту является конституционной гарантией прав и свобод человека и гражданина и поэтому согласно пункту 3 статьи 39 Конституции не может быть ограничено ни в каких случаях [5].

Правовые позиции Конституционного Совета и Конституционного Суда относительно права каждого на судебную защиту нуждаются в теоретическом осмыслении прежде всего с точки зрения «абсолютизации» данного права на основе пункта 3 статьи 39 Конституции, гласящего, что право на судебную защиту «не может быть ограничено ни в каких случаях».

Надо сказать, что содержание пункта 3 статьи 39 Конституции ни разу не подвергалось толкованию, несмотря на то, что дискуссии на этот счет периодически возникали в связи с очередным нормотворчеством в сфере определения (уточнения) отраслевых особенностей реализации права на судебную защиту.

Кроме того, в связи с вышеуказанным обращением в Конституционный Суд возникает закономерный вопрос о состоятельности на сегодняшний день положения нормативного постановления Конституционного Совета от 29 марта 1999 года № 7/2 «Об официальном толковании пункта 2 статьи 13, пункта 1 статьи 14, пункта 2 статьи 76 Конституции Республики Казахстан» о том, что право на судебную защиту - «это право любого человека и гражданина обратиться в суд за защитой и восстановлением нарушенных прав и свобод, реализация которого осуществляется на основе и в порядке, установленном законом».

Действительно, реализация права на судебную защиту осуществляется на основе и в порядке установленном законом, но производность здесь, полагаем, иного свойства, поскольку Конституция не позволяет ни при каких условиях ограничивать право на судебную защиту.

Напомним в этой связи формулировку пункта 1 статьи 39 Конституции, согласно которой все иные права и свободы человека и гражданина (кроме

определенных в пункте 3 статьи 39) могут быть ограничены только законами и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения. Отсюда логически следует, что право на судебную защиту не только распространяется на «любого человека и гражданина», но и не может быть ограничено законами.

Согласно пункту 3 статьи 2 Международного пакта о политических и гражданских правах каждое участвующее в настоящем Пакте государство обязуется: обеспечить любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в настоящем Пакте, нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве; обеспечить, чтобы право на правовую защиту для любого лица, требующего такой защиты, устанавливалось компетентными судебными, административными или законодательными властями или любым другим компетентным органом, предусмотренным правовой системой государства, и развивать возможности судебной защиты; обеспечить применение компетентными властями средств правовой защиты, когда они предоставляются [6].

Таким образом, рассматривая судебную защиту в контексте правовой защиты в целом, Пакт предусматривает широкий спектр гарантий (в том числе законодательных) права «любого лица» на правовую защиту, а также указывает на динамику института судебной защиты, выраженную в «развитии ее возможностей», что предполагает создание благоприятных условий для реализации данного права.

В соответствии с пунктом 3 статьи 4 Конституции международные договоры, ратифицированные Республикой, имеют приоритет перед ее законами. С этой точки зрения представляют значительный интерес правовые положения, касающиеся определения права на судебную защиту, которые содержатся в Конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и *доступе к правосудию* по вопросам, касающимся окружающей среды [7].

Указанная Конвенция устанавливает, что каждая сторона в рамках своего национального законодательства обеспечивает, чтобы соответствующие представители общественности, считающие, что произошло нарушение того или иного их права, когда это обусловлено в административных процессуальных нормах соответствующей стороны, имели доступ к процедуре рассмотрения принятых решений в суде и (или) другом независимом и беспристрастном органе, учрежденном в соответствии с законом, с целью оспаривать законность с правовой и процессуальной точки зрения любого решения, действия или бездействия (п. 2 статьи 9).

Отмечая, что с точки зрения казахстанской конституционно-правовой практики право на судебную защиту в значительной мере ассоциируется и нередко отождествляется с правом на доступ к правосудию, то есть с правом обращения в суд и правом отстаивания именно в суде прав, свобод и законных интересов лица, следует обратить внимание на тенденцию расширения спектра правовых вопросов (споров), являющихся предметом обязательного досудебного или внесудебного порядка рассмотрения. Это, безусловно,

порождает дополнительные вопросы, связанные с надлежащим пониманием конституционных норм и актов их толкования, которые определяют «право любого человека и гражданина обратиться в суд за защитой и восстановлением нарушенных прав и свобод, реализация которого осуществляется на основе и в порядке, установленном законом» при условии, что этот закон не может ограничивать право каждого на судебную защиту «ни в каких случаях».

Список использованных источников:

1. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39445900
2. В соответствии с пунктом 2 статьи 99 Конституции Республики Казахстан нормативные постановления Конституционного Совета применяются в части, не противоречащей Конституции, до их пересмотра Конституционным Судом.
3. См. Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 29 марта 1999 года № 7/2 «Об официальном толковании пункта 2 статьи 13, пункта 1 статьи 14, пункта 2 статьи 76 Конституции Республики Казахстан»// https://adilet.zan.kz/rus/docs/S990000007_
4. Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 1 ноября 2000 года №19/2 «О соответствии подпункта 3) части первой статьи 154 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан Конституции Республики Казахстан»// https://adilet.zan.kz/rus/docs/S000000019_.
5. Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 24 января 2007 № 1 «О проверке конституционности части первой статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан по обращению Западно-Казахстанского областного суда»// https://adilet.zan.kz/rus/docs/S070000001_
6. О ратификации Международного пакта о гражданских и политических правах. Закон Республики Казахстан от 28 ноября 2005 года N 91 // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000091_/links
7. О ратификации Конвенции о доступе к информации, участию общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды. Закон Республики Казахстан от 23 октября 2000 года №92-II // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000092_

Михайлова Елена Анатольевна,
судья, 1 квалификационный класс,
Арбитражный суд Челябинской области,
Российская Федерация

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Защиты прав человека в судебной практике арбитражных судов Российской Федерации реализуется в полной мере различными процессуальными инструментами.

За период с 2018 года по настоящее время довольно устойчиво развивается такой процессуальный инструмент как вынесение судом частного определения по ходатайству участника арбитражного дела. Особенно широко указанный

процессуальный инструмент, как форма пресечения недобросовестного поведения участников арбитражных дел, в том числе по ходатайству сторон, получил в делах о несостоятельности (банкротстве).

Так, порядок вынесения частных определений в делах о несостоятельности (банкротстве) в Российской Федерации регламентируется статьей 188.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее - АПК РФ) [1].

В соответствии со статьей 188.1 АПК РФ, при выявлении в ходе рассмотрения дела случаев, требующих устранения нарушения законодательства Российской Федерации государственным органом, органом местного самоуправления, иным органом, организацией, наделенной федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностным лицом, адвокатом, субъектом профессиональной деятельности, арбитражный суд вправе вынести частное определение.

Проведенное автором исследование показывает следующие примеры защиты сторонами своих прав в ходе рассмотрения арбитражных дел с помощью ходатайства о вынесении частного определения.

Так, Арбитражным судом Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по ходатайству кредитора вынесено частное определение от 12.08.2021 по делу №А75-23523/2019 [2], поскольку судом установлено недолжное исполнение возложенных на финансового управляющего обязанностей, и недобросовестное поведение управляющего, в результате которых в конкурсную массу не поступили значительные денежные средства, которые подлежали после погашения соответствующих расходов процедуры банкротства перечислению кредитору.

Другим примером защиты прав кредитора является вынесение по ходатайству кредитора частного определения Арбитражным судом Челябинской области от 26.11.2018 по делу №А76-28566/2015 по факту непредставления арбитражным управляющим в арбитражный суд подлинного протокола собрания кредиторов и иных документов, предусмотренных пунктом 7 статьи 12 Федерального закона о несостоятельности (банкротстве), а также существенного нарушения порядка извещения о предстоящем собрании кредиторов, что ограничило возможность участия в собрании одного из кредиторов должника [3].

Еще примеры:

В 2021 году Арбитражным судом Челябинской области по заявлению одного из кредиторов вынесено частное определение от 04.06.2021 по делу №А76-9979/2019 [4] в отношении заявителя (кредитора) по признакам нарушения положений части 1 статьи 303 УК РФ и направлено в органы дознания и следствия, поскольку факт представления суду сфальсифицированных документов установлен судом в ходе рассмотрения обособленного спора по результатам назначенной судебной экспертизы по сроку давности изготовления документов.

В 2022 году Арбитражным судом Челябинской области по делу №А76-3855/2020 за представление суду сфальсифицированного документа в отношении должника-гражданина вынесено частное определение от 12.01.2022 по признакам нарушения положений части 1 статьи 303, статьи 327 УК РФ и направлено в органы дознания и следствия [5].

В 2023 году Арбитражным судом Челябинской области по ходатайству стороны вынесено частное определение от 08.11.2023 по делу №А76-15582/2023 в отношении органа местного самоуправления за неисполнение определения суда об истребовании доказательств, что повлекло отложение судебного разбирательства и затягивание рассмотрения арбитражного дела [6].

Кроме того, Арбитражным судом Челябинской области в рамках дела №А76-36705/2021 по ходатайству кредиторов вынесено частное определение от 09.11.2023 в отношении органа местного самоуправления за неисполнение органом местного самоуправления полномочий и обязанностей, предусмотренных статьей 132 Закона о банкротстве, статьей 6 Федерального закона от 27.07.2010 №190-ФЗ «О теплоснабжении», статьей 14 Федерального закона от 06.10.2003 №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», что повлекло затягивание рассмотрение дела о несостоятельности (банкротстве) должника (теплоснабжающей организации) на протяжении более трех лет [7].

Полагаю необходимым также акцентировать внимание на том, что автором в 2023 году систематизирована судебная практика Арбитражного суда Челябинской области по вынесению частных определений за период с 2018 по 2023 годы. Так, подготовлена Аналитическая справка «Основные нарушения, допускаемые арбитражными управляющими в процедурах банкротства, и их отражение в практике Арбитражного суда Челябинской области» за период с 2018 года по I полугодие 2023 года, которая утверждена президиумом Арбитражного суда Челябинской области для использования судьями в работе.

Таким образом, анализ судебной практики показывает, что арбитражными судами принимаются меры к защите прав лиц, участвующих в арбитражных спорах, а лица, участвующие в арбитражных спорах, научились защищать свои процессуальные права от недобросовестных действий своих оппонентов.

Список использованных источников:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023, с изм. от 22.06.2023) // Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, N 30, ст. 3012.

2. Частное определение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 12.08.2021 по делу №А75-23523/2019, оставлено без изменений постановлением Восьмого арбитражного апелляционного суда от 22.11.2021.

3. Частное определение Арбитражного суда Челябинской области от 26.11.2018 по делу №А76-28566/2015.

4. Частное определение Арбитражного суда Челябинской области от 04.06.2021 по делу №А76-9979/2019.

5. Частное определение Арбитражного суда Челябинской области от 12.01.2022 по делу №А76-3855/2020.

6. Частное определение Арбитражного суда Челябинской области от 08.11.2023 по делу №А76-15582/2023.

7. Частное определение Арбитражного суда Челябинской области от 09.11.2023 по делу №А76-36705/2021.

Сапаралиева Сауле Мамырбековна,
к.ю.н., директор Института постлевузовского
образования, Академия правоохранительных
органов при Генеральной прокуратуре
Республики Казахстан

ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА: ТЕОРИЯ, РЕАЛЬНОСТЬ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Одной из целей в области устойчивого развития человечества является обеспечение гендерного равенства, которое является не только одной из основных прав человека, но и необходимой основой для достижения мира, процветания и устойчивого развития.

В этой связи, в рамках реализации поставленной цели ООН ставятся следующие задачи:

- повсеместно ликвидировать все формы дискриминации в отношении всех женщин и девочек;
- ликвидировать все формы насилия в отношении всех женщин и девочек в публичной и частной сферах, включая торговлю людьми и сексуальную и иные формы эксплуатации;
- ликвидировать все вредные виды практики, такие как детские, ранние и принудительные браки и калечащие операции на женских половых органах;
- признавать и ценить неоплачиваемый труд по уходу и работу по ведению домашнего хозяйства, предоставляя коммунальные услуги, инфраструктуру и системы социальной защиты и поощряя принцип общей ответственности в ведении хозяйства и в семье, с учетом национальных условий;
- обеспечить всестороннее и реальное участие женщин и равные для них возможности для лидерства на всех уровнях принятия решений в политической, экономической и общественной жизни;
- обеспечить всеобщий доступ к услугам в области охраны сексуального и репродуктивного здоровья и к реализации репродуктивных прав в соответствии с Программой действий Международной конференции по народонаселению и развитию, Пекинской платформой действий и итоговыми документами конференций по рассмотрению хода их выполнения;
- провести реформы в целях предоставления женщинам равных прав на экономические ресурсы, а также доступа к владению и распоряжению землей и другими формами собственности, финансовым услугам, наследуемому имуществу и природным ресурсам в соответствии с национальными законами;
- активнее использовать высокоэффективные технологии, в частности информационно-коммуникационные технологии, для содействия расширению прав и возможностей женщин;
- принимать и совершенствовать разумные стратегии и обязательные для соблюдения законы в целях поощрения гендерного равенства и расширения прав и возможностей всех женщин и девочек на всех уровнях [1].

В целом под «гендерным равенством», на наш взгляд, необходимо понимать, не только вопросы создания для женщин необходимых условий для усиления ее роли и места в обществе, но и создание таких условий, где мужчины

и женщины обладали бы равными возможностями, права и обязательствами во всех сферах жизни.

Гендерное равенство или равенство между мужчинами и женщинами – это когда представители обоих полов могут на равных иметь доступ к образованию и здравоохранению, управлению и власти, имеют равные возможности достичь финансовой независимости, работая на кого-то или управляя собственным бизнесом, реализации своих личностных и профессиональных потребностей и интересов [2].

По информации ООН несмотря на активное участие женщин в политической жизни стран, на долю женщин сегодня приходится 23,7% мест в государственных парламентах. Доля женщин, имеющих права на землю, составляет лишь 13% в глобальном масштабе. Немногим более половины (52%) женщин в возрасте от 15 до 49 лет, состоящих в браке или внебрачном союзе, сами принимают решения относительно вступления в сексуальные отношения по обоюдному согласию, использования контрацептивов и получения медицинских услуг. Наряду с этим, в 18 странах мира муж может официально запретить жене работать, в 39 странах мальчики и девочки имеют разные права на наследство, в 49 странах отсутствуют законы, запрещающие домашнее насилие [1].

В этой связи, актуальным остается вопрос обеспечения гендерного равенства путем наделения женщин полномочиями и более широкими возможностями в различных сферах развития общества.

В целом началом продвижения политики гендерного равенства в Республики Казахстан можно определить 1995 год, когда наша делегация приняла участие в Четвертой всемирной конференции по положению женщин, которая проходила в Китае (Пекин).

Следует отметить, что проведенная конференция приняла глобальное обязательство по повсеместному расширению прав и возможностей женщин во всех сферах жизни.

В рамках реализации рекомендаций Пекинской декларации Республикой Казахстан были сделаны определенные шаги: принят Национальный план по улучшению положения женщин в Казахстане (1999 год); создана Национальная комиссия по делам семьи и женщин при Президенте Республики Казахстан (1998 год, с 2006 года – по делам женщин и семейно-демографической политике); образовано специальное подразделение в органах внутренних дел по защите женщин от насилия (1998 год); реализована Стратегия гендерного равенства на 2006-2016 годы (2005 год).

Одним из ключевых показателей реализации гендерной политики в Казахстане является принятие в 2009 году Закона Республики Казахстан «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей мужчин и женщин» [3], согласно которому гендерное равенство это правовой статус, обеспечивающий мужчинам и женщинам равные права и возможности и реальный доступ к участию в политической, экономической, социальной, общественной и культурной сферах жизни вне зависимости от половой принадлежности.

Принятый Закон впервые стал регулировать общественные отношения в области обеспечения государственных гарантий равных прав и равных возможностей мужчин и женщин, а также установил основные принципы и нормы, касающиеся создания условий для гендерного равенства во всех сферах государственной и общественной жизни.

В целом согласно Закону задачами государственной политики по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин являются:

- 1) обеспечение равных прав и равных возможностей мужчин и женщин во всех сферах государственной и общественной жизни;
- 2) совершенствование и развитие законодательства Республики Казахстан;
- 3) воспитание и пропаганда среди населения страны культуры равноправия мужчин и женщин, недопущение дискриминации по признаку пола;
- 4) выполнение общепризнанных принципов и норм международного права и международных обязательств;
- 5) повышение уровня правовой и политической культуры общества для обеспечения равенства полов во всех сферах жизнедеятельности, включая политику, социально-трудовые и семейные отношения.

Наряду с этим, Законом было определено, что не считаются дискриминационными по признаку пола меры, направленные на:

- 1) защиту материнства, детства и отцовства;
- 2) защиту женщин в связи с беременностью и родами;
- 3) увеличение продолжительности жизни мужчин;
- 4) защиту женщин в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве.

В целом принятый Закон определил сферы обеспечения гарантий равных прав и возможностей мужчин и женщин. Это: гарантии равных прав и равных возможностей в сфере трудовых отношений; гарантии равного доступа мужчин и женщин к государственной службе; обеспечение гендерного равенства прав и обязанностей мужчин и женщин в брачно-семейных отношениях и воспитании детей; гарантии государства по обеспечению гендерного равенства в области охраны здоровья, образования, культуры.

Гарантии государства в рамках равного доступа к государственной службе обеспечиваются равным доступом мужчин и женщин к государственной службе в соответствии с их опытом, способностями и профессиональной подготовкой.

Обеспечение гендерного равенства прав и обязанностей мужчин и женщин в брачно-семейных отношениях и воспитании детей осуществляется путем: 1) повышения престижа семьи, укрепления брачно-семейных отношений, пропаганды ценностей брака и семьи; 2) равного разделения ответственности мужчин и женщин за воспитание детей; 3) реализации социальной политики, направленной на поддержку и повышение качества жизни семьи.

Гарантии государства по обеспечению гендерного равенства в области охраны здоровья, образования, культуры организовываются путем: дальнейшего совершенствования законодательства Республики Казахстан и принятия мер по сохранению репродуктивного здоровья мужчин и женщин, снижению смертности и сокращению разрыва между средней продолжительностью жизни мужчин и женщин; обеспечения равных условий для доступа мужчин и женщин

ко всем видам переподготовки и повышения квалификации; недопущения преимуществ при приеме на учебу, за исключением случаев, предусмотренных законами Республики Казахстан; недопущения рекламы, содержащей текстовую, зрительную, звуковую информацию, нарушающую общепринятые нормы гуманности и морали путем употребления оскорбительных слов, сравнений, образов в отношении пола; гендерного образования в соответствии с реализуемой государственной политикой по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин.

На сегодня доля женщин в Мажилисе Парламента составляет 26,9%, руководящих женщин – 47,9% и работающих на государственной службе – 42% [4]. Если рассматривать гендерную репрезентативность на рынке труда на основе данных по действующим Электронным трудовым договорам (4,3 млн.), то можно увидеть, что женщины составляют основной костяк высококвалифицированных профессионалов в Казахстане [5].

В целом анализ статистических данных показывает, что в 2022 году, согласно данным Всемирного экономического форума, в рейтинге стран по уровню гендерного равенства Казахстан занял лишь 65-е место среди 146 стран-участниц [6].

Наибольшим достижением Казахстана в рамках указанных критериев является отсутствие разрыва или полное равенство по доступу к образованию (27-место), предоставляющее равный доступ к школьному и профессиональному образованию для женщин и мужчин [5].

По показателю охрана здоровья и выживаемость, где учитываются средняя продолжительность здоровой жизни, и половое равенство при рождении Казахстан занял 44-место с высоким индексом в 0,977 [5].

Вместе с тем, несмотря на значимый прогресс в глобальном рейтинге гендерного равенства, в Казахстане все еще есть регионы и профессии, где наблюдается существенный гендерный разрыв в оплате труда и соотношении женщин к мужчинам [5].

Вместе с тем, создание равных возможностей для мужчин и женщин во всех сферах жизнедеятельности общества является важным условием устойчивого развития страны. Об этом неоднократно отмечается Главой государства. В своем поздравлении с Международным женским днем Касым-Жомарт Токаев отметил, что «государство всегда будет уделять особое внимание обеспечению гендерного равенства, защите прав женщин и укреплению семейных ценностей» [7].

В рамках реализации поставленных целей и задач Казахстаном реализуется Концепция семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года.

С 2022 года в рамках исполнения резолюций 1325 (2000), 1820, 1888, 1889, 1960, 2106, 2122, 2242, 2467, принятых Советом Безопасности Организации Объединенных Наций, по равноправному и всестороннему участию женщин в предотвращении и урегулировании конфликтов, обеспечении мира и безопасности, предупреждению насилия против женщин, повышению осведомленности, усилению взаимодействия с гражданским обществом в вопросах предупреждения конфликтов и защиты женщин, реализуется соответствующий правительственный план мероприятия до 2025 года.

Следует отметить, что 9 марта 2023 года казахстанский опыт применения цифровых инноваций для продвижения гендерного равенства и расширения прав

и возможностей женщин представили на параллельном мероприятии Шестьдесят седьмой сессии Комиссии по положению женщин (КПЖ67) в штаб-квартире Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке [8].

В целом международным сообществом дается высокая оценка проводимой Казахстаном политике по развитию гендерного равенства. Как, мы сами и видим, за последние годы нашей страной приняты ряд мер по продвижению женщин во всех сферах жизни общества.

На сегодня реализуется новый План действий в области прав человека и верховенства закона (утвержден Указом Президента Республики Казахстан от 8 декабря 2023 года № 409), которым предусмотрены мероприятия, направленные на продвижение равных прав и возможностей мужчин и женщин, это:

- учреждение должности внештатного советника Акима по вопросам гендерного равенства, в том числе из числа гражданского общества, экспертов и бизнес-сообщества;

- разработка и принятие плана действий Правительства по обеспечению продвижения равных прав и возможностей мужчин и женщин;

- проведение семинаров-тренингов для женщин, в том числе государственных служащих, представителей от политических партий и гражданских активистов в целях повышения их квалификации с возможным привлечением и институтов ООН, ОБСЕ.

В целом полагаем, что принимаемые меры позволят Казахстану продвинуться вперед в решении вопросов гендерного равенства. Вместе с тем, на сегодня мы понимаем, что на практике задача по достижению гендерного равенства в значительной степени рассматривается как женская проблема.

Вместе с тем, на наш взгляд, в реализации гендерной политики необходимо больше также интерес проявлять к роли мужчины в продвижении цели гендерного равенства. Полагаем, перенос акцента с проблем женщин на гендерные взаимоотношения с участием мужчин в этом вопросе, позволит усилить внимание и позволит обоим полам получать равные права и возможности, тем самым достигая цели справедливости и партнерства.

Список использованных источников:

1. 17 целей для преобразования нашего мира. Цель 5: Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек // <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/gender-equality/>

2. Гендерное равенство // <https://belarus.unfpa.org/ru/topics>

3. Закон Республики Казахстан от 8 декабря 2009 года № 223-IV «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей мужчин и женщин» // http://10.61.42.188/rus/docs/Z090000223_

4. Индекс гендерного неравенства в Республике Казахстан // <https://gender.stat.gov.kz/ru/category>

5. Казахстан сокращает разрыв в гендерном равенстве // <https://iac.enbek.kz/sites/default/files/>

6. В рейтинге по уровню гендерного равенства Казахстан занимает лишь 65-ое место среди 146 стран-участниц // <https://ranking.kz/digest/socium-digest/v-reytinge-po-urovnyu-gendernogo-ravenstva-kazahstan-zanimaet-lish-65-e-mesto-sredi-146-stran-uchastnits>.

7. Казахстан всегда будет уделять особое внимание гендерному равенству // <https://vlast.kz/novosti/54196-kazahstan-vsegda-budet-udelat-osoboe-vnimanie-gendernomu-ravenstvu-obesaet-tokaev.html>

8. Инновационный подход Казахстан в продвижении гендерного равенства посредством цифровизации на КПЖ67 // <https://kazakhstan.un.org/ru>

Нұрышева Толқын Серікқалиқызы,
з.ғ.к., Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі академиясы
Мемлекеттік-құқықтық пәндердің ғылыми-білім беру орталығының профессоры

ЖЕКЕ БАСҚА ҚОЛ СҰҒЫЛМАУШЫЛЫҚ ҚАҒИДАТЫ ЖӘНЕ ЖЕКЕ ТҰЛҒАНЫ ӘКІМШІЛІК ҰСТАП АЛУДЫ ҚОЛДАНУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Әркімнің жеке басының бостандығына құқығы адамның негізгі құқықтарының бірі болып табылады. Қазақстан Республикасының Конституциясының 16-бабында әркімнің өзінің жеке басының бостандығына құқығы бар екендігі; заңда көзделген реттерде ғана және тек қана соттың санкциясымен тұтқындауға және қамауда ұстауға болатындығы, тұтқындалған адамға шағымдану құқығы берілгендігі, сондай-ақ ұсталған, тұтқындалған, қылмыс жасады деп айып тағылған әрбір адам сол ұсталған, тұтқындалған немесе айып тағылған кезден бастап адвокаттың (қорғаушының) көмегін пайдалануға құқылы екендігі айқындалған [1]. Дегенмен аталған баптан оның нормаларының қылмыстық бағытқа негізделгенін байқауға болады.

«Конституциялық мерзімдерді есептеу мәселесі бойынша Қазақстан Республикасы Конституциясының нормаларын ресми түсіндіру туралы» ҚР Конституциялық Кеңесінің 2012 жылғы 13 сәуірдегі № 2 Нормативтік қаулыда: «Конституциялық-құқықтық мағынада «ұстау» деп, құқық бұзушылықтың жолын кесу немесе қылмыстық, азаматтық және әкімшілік істер бойынша іс жүргізуді қамтамасыз ету, сондай-ақ мәжбүрлеу сипатындағы өзге де шараларды қолдану мақсатында адамның жеке бас бостандығын жетпіс екі сағаттан аспайтын қысқа уақытқа шектеуден тұратын жеке уәкілетті мемлекеттік органдар, лауазымды және өзге де тұлғалар заңда көзделген негізде және тәртіппен іске асыратын мәжбүрлеу шарасын түсінген жөн» [2] деген түсінік берілсе, БҰҰ Бас Ассамблеясының 1988 ж. 9 желтоқсандағы Қарарында «Қандай да бір түрде ұсталған немесе қамауға алынған барлық тұлғаларды қорғау қағидаларының жинағында» «ұсталған адам» сөзі құқық бұзушылықты жасағаны үшін айыпталмаған бас бостандығынан айырылған кез-келген тұлға мағынасын білдіреді, - делінген [3].

Қазақстан Республикасының Әкімшілік құқық бұзушылықтар туралы кодексінің (бұдан әрі – ӘҚБтК) 14-бабында жеке басқа қол сұғылмаушылық қағидаты бекітілген, яғни ӘҚБтК-де белгіленген негіздер мен тәртіптен өзгеше ретте, ешкімді де әкімшілік ұстап алуға, күштеп әкелуге, ішкі істер органдарына (полицияға) немесе басқа да мемлекеттік органдарға жеткізуге, жеке басын жете тексеруге және жеке тұлғаның заттарын жете тексеруге немесе әкімшілік құқық

бұзушылық туралы іс бойынша іс жүргізуді қамтамасыз етудің өзге де шараларын қолдануға болмайтындығы бекітілген. Сонымен қатар әрбір ұстап алынған, күштеп әкелінген, ішкі істер органдарына (полицияға) немесе басқа да мемлекеттік органға жеткізілген адамға ұстап алудың, күштеп әкелудің, жеткізудің негіздері, сондай-ақ жасалуы оған тағылып отырған әкімшілік құқық бұзушылықтың заңдық саралануы дереу хабарланатындығы және мемлекеттік орган (лауазымды адам) заңсыз ұстап алынған, күштеп әкелінген, жеткізілген немесе судья қаулысында көзделген мерзімнен артық әкімшілік қамаққа алуда болған адамды дереу босатуға міндеттілігі нақтыланған [4].

«Қазақстан Республикасының құқықтық саясатының 2030 жылға дейінгі тұжырымдамасын бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Президентінің 2021 жылғы 15 қазандағы № 674 Жарлығында «Құқық қорғау органдары мен олардың қызметкерлері қызметінің тиімділігінің өзгермейтін түйінді өлшемшарты халықтың сенім дәрежесі болып табылады. Көрсетілген өлшемшартты тұрақты, үздіксіз арттыру үшін олардың қызметін оның салдарымен күресуден және ведомстволық көрсеткіштерге қол жеткізуден құқық бұзушылықтардың алдын алуға, оның ішінде халықтың сенімі мен құрметіне ие қызметкерлерді мансаптық ілгерілету арқылы ауыстыра отырып, трансформациялауды жалғастыру қажет» - делінген [5].

ӘҚБтК-нің 785-бабында «Әкімшілік құқық бұзушылықтың жолын кесу, оны жасауға күдіктінің жеке басын анықтау, әкімшілік құқық бұзушылық жасалған жерде әкімшілік құқық бұзушылық туралы хаттама жасау мүмкін болмағанда, оны жасау, істі уақтылы және дұрыс қарауды және іс бойынша қабылданған қаулыны орындауды қамтамасыз ету, адамдардың өміріне немесе денсаулығына тікелей қатерді, авария немесе техногендік апат қатерін болғызбау мақсатында уәкілетті лауазымды адам өз өкілеттіктері шегінде жеке тұлғаға қатысты әкімшілік құқық бұзушылық туралы іс бойынша іс жүргізуді қамтамасыз етудің шараларын қолдануға құқылы» - деп айқындалған [4].

Қазіргі таңда әкімшілік құқық бұзушылық туралы іс бойынша іс жүргізуді қамтамасыз етудің шараларының бірі ретінде әкімшілік ұстап алу шарасын қолдануда көптеген мәселелер орын алууда.

Әкімшілік ұстап алу – уәкілетті мемлекеттік органдардың маңызды өкілеттіктерінің бірі, себебі бұл шара заңдылықты қамтамасыз етуге, құқықтық тәртіпті, жеке тұлғалардың құқықтары мен мүдделерін қорғауға бағытталған.

Негізінен әкімшілік ұстап алу шарасы құқық бұзушының жеке басын және әкімшілік құқық бұзушылық жасау мән-жайларын анықтау үшін қажетті және заңды жағдайлар жасай отырып, әкімшілік мәжбүрлеу шаралары жүйесінде маңызды орын алады. Сондықтан да әкімшілік ұстап алу шарасын қолдану адамның құқықтарын, бостандықтарын мен заңды мүдделерін қорғаудың құқықтық негізі ретінде әкімшілік заңнама қағидаттарына сәйкес болуды қажет етеді.

Өкінішке орай, әкімшілік ұстап алу тәртіптері құқыққа сай заманауи балама нысандармен немесе шетелдік тәжірибеге сай келмейді. Оның үстіне заңнамалық тәртіптер мен оның практикалық жүзеге асыру жолдарында да бірізділік сақталмайды. Сәйкесінше, әкімшілік ұстап алуды жүзеге асырудың құқықтық тәртіптері мен ережелерін үнемі жетілдіріп отыру маңызды екені анық.

Уәкілетті мемлекеттік органдардың әкімшілік ұстап алу тәртібі мен қолдану мәселелерін реттейтін ведомстволық нормативтік-құқықтық актілердің және

нақты әдістемелік ұсынымдардың (іс-қимыл алгоритмі) болмауы өзекті проблемалардың бірі болып табылады.

Әкімшілік ұстап алуды қолдану негіздері, заңсыз әкімшілік ұстап алуға шағымдану тәртібі, ұстап алуға ұшыраған адамның құқықтары мен міндеттерін айқындау, ұстап алуды хабарлау, сондай-ақ заңсыз ұстау фактілеріне ден қою тетігі заңнамалық тұрғыдан нақтылауды талап етеді.

М.И. Жумагулов өз еңбегінде әкімшілік ұстап алу – нақты әкімшілік құқық бұзушылық туралы іс бойынша іс жүргізудегі әкімшілік бұлтартпау шараларының ерекше жағдайы деп таниды [6].

В.П. Кудрявцев «Әкімшілік ұстап алу – бұл бірнеше мақсаттарға қол жеткізуге қызмет ететін әкімшілік мәжбүрлеудің бірыңғай шарасы. Аталған шара ішкі әмбебаптыққа тән: бір жағынан заңсыз мінез-құлықты тоқтатуға бағытталса, екінші жағынан кінәлілерді жауапқа тартуға жағдай жасайтын құқық қолданушының әрекеттерін қамтиды. Осылайша, бұл әрекеттер материалдық (алдын-алу) және қауіпсіздікті қамтамасыз ету (іс жүргізу) әсерінің бірлігі мен үздіксіздігін көрсетеді» деп тұжырымдаған [7].

Т.Б. Светличнаяның пікірінше «Әкімшілік ұстап алуды қолдану – бұл тиісті мемлекеттік органдардың өте маңызды және өзекті міндеті, өйткені әкімшілік ұстап алу заңдылықты, тәртіпті сақтауды, жеке тұлғалар мен ұйымдардың құқықтары мен мүдделерін, меншікті қорғауды, жалпы мемлекеттік билік аппаратының қызметі үшін оңтайлы жағдайларды қалыптастыруды қамтамасыз етуге арналған» [8].

ӘҚБтК-нің 785-бабының 1-бөлігі уәкілетті лауазымды адамдардың өз өкілеттіктері шегінде жеке тұлғаға қатысты әкімшілік құқық бұзушылық туралы іс бойынша іс жүргізуді қамтамасыз ету шараларын қолдану мүмкіндігін айқындайды [4].

Мұндай шаралардың мақсаты әкімшілік құқық бұзушылықтың жолын кесу, оны жасауға күдіктінің жеке басын анықтау, әкімшілік құқық бұзушылық жасалған жерде әкімшілік құқық бұзушылық туралы хаттама жасау мүмкін болмағанда, оны жасау, істі уақтылы және дұрыс қарауды және іс бойынша қабылданған қаулыны орындауды қамтамасыз ету, адамдардың өміріне немесе денсаулығына тікелей қатерді, авария немесе техногендік апат қатерін болғызбау болып табылады.

Жоғарыда сөзге тиек еткеніміздей мұндай шараға жеке тұлғаны әкімшілік ұстап алу да жатады.

ӘҚБтК-нің 787-бабына сәйкес, әкімшілік ұстап алу деп құқық бұзушылықтың жолын кесу немесе іс жүргізуді қамтамасыз ету мақсатында жеке тұлғаның, заңды тұлға өкілінің, лауазымды адамның жеке бас бостандығын қысқаша мерзімге шектеу түсініледі.

Әкімшілік ұстап алудың заңнамалық анықтамасын талдай отырып, жеке тұлғаларға және заңды тұлғалардың өкілдеріне, сондай-ақ лауазымды адамдарға қатысты жеке бас бостандығын қысқаша мерзімді шектеуді қолдану мүмкін деп қорытынды жасауға болады.

Ескі редакциядағы (*ӘҚБтК-нің 2001 жылғы*) ӘҚБтК-нің нормаларына зер салсақ әкімшілік ұстап алу шарасын анықтау тәсілінің түбегейлі өзгергендігін анық байқаймыз. Онда әкімшілік ұстауды, яғни жеке адамды жеке бас

бостандығынан, атап айтқанда, оның құқыққа қарсы әрекеттерін тыю мақсатында белгілі бір уақыт ішінде арнаулы орында мәжбүрлеп ұстай отырып, *іс-әрекет және жүріп-тұру бостандығынан уақытша айыру* делінсе, қолданыстағы редакцияда әкімшілік ұстап алуды, яғни құқық бұзушылықтың жолын кесу немесе іс жүргізуді қамтамасыз ету мақсатында жеке тұлғаның, *заңды тұлға өкілінің, лауазымды адамның* жеке бас бостандығын *қысқаша мерзімге шектеу* деп белгілеген.

Әкімшілік ұстап алудың жаңа тұжырымдамасынан оның қолданылуы мүмкін субъектілер ауқымының кеңеюін (*заңды тұлғалардың өкілдері және лауазымды адамдар*) де байқауға болады.

ӘҚБтК ерекше бөлігінің 787-789-баптарының нормаларын талдау мынадай тұжырымдар жасауға мүмкіндік береді:

1. Әкімшілік ұстап алу әкімшілік құқық бұзушылық туралы іс жүргізуді қамтамасыз етудің дербес іс жүргізу шарасы болып табылады.

2. Заң әкімшілік ұстап алуды үш сағаттан аспайтын қысқа мерзімді, әкімшілік жауаптылыққа тартуға болатын жасқа толған, жеке тұлғаның жеке бас бостандығын қысқаша мерзімге шектеу ретінде айқындайды.

3. Әкімшілік ұстап алудың негізгі мақсаты – әкімшілік құқық бұзушылық туралы істі уақтылы және дұрыс қарау, сондай-ақ іс бойынша іс жүргізуді қамтамасыз ету болып табылады.

Әкімшілік ұстап алуды қолданудың жекелеген мәселелері Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2012 жылғы 9 сәуірдегі №1 «Әкімшілік құқық бұзушылық туралы істер бойынша іс жүргізуді қамтамасыз ету шараларын қолдану туралы» нормативтік қаулысымен реттелген.

Осы нормативтік қаулыда жеке тұлғаның, заңды тұлға өкілінің, лауазымды адамның жеке бас бостандығынан, атап айтқанда, белгілі бір уақыт ішінде арнаулы орында мәжбүрлеп ұстай отырып, *іс-әрекет және жүріп-тұру бостандығынан қысқаша мерзімге шектеуді* әкімшілік ұстау деп түсіндіреді және аталған қамтамасыз ету шарасын әкімшілік құқық бұзушылық туралы хаттаманы жасау, құжаттарды тексеру, адамның жеке басын анықтау және т.б. мақсатында қолдануға болмайтындығын атап өтеді [9].

Жеке басын анықтау, әкімшілік құқық бұзушылық туралы хаттама жасау сияқты әкімшілік қамтамасыз ету шараларын қолдану мүмкін емес жағдайларда, сондай-ақ құқық бұзушылықтың жолын кесу мақсатында *іс-әрекет жасалған жерде хаттама жасау мүмкін болмаған кезде* әкімшілік ұстап алуға жол беріледі. Сонымен қатар, істердің уақтылы және дұрыс қаралуын және әкімшілік құқық бұзушылық туралы істер бойынша қаулылардың орындалуын қамтамасыз ету үшін әкімшілік ұстап алу қолданылады.

ӘҚБтК-нің ережелерін талдау әкімшілік құқық бұзушылық белгілері бар құқыққа қайшы *іс-әрекет жасау фактісі* әкімшілік ұстап алудың негізі болып табылатынын көрсетеді.

Сондықтан да іс жүзінде құжаттарды тексеру үшін әкімшілік құқық бұзушылық жасады деген күдік туғызбайтын адамдарды ұстау заңсыз деп танылуы мүмкін. Ерекше жағдайларда әскери-патрульдік қызметтер мен полиция қызметкерлері азаматтардың жеке басын куәландыратын құжаттарсыз

өз үйінен тыс жерде болуына тыйым салатын коменданттық сағат сияқты арнайы әкімшілік режим жағдайында ғана адамдарды ұстауға құқылы болып табылады.

Жеке басын анықтау, әкімшілік құқық бұзушылық туралы хаттама жасау сияқты әкімшілік қамтамасыз ету шараларын қолдану мүмкін емес жағдайларда, сондай-ақ құқық бұзушылықтың жолын кесу мақсатында іс-әрекет жасалған жерде хаттама жасау мүмкін болмаған кезде әкімшілік ұстап алуға жол беріледі. Сонымен қатар, істердің уақтылы және дұрыс қаралуын және әкімшілік құқық бұзушылық туралы істер бойынша қаулылардың орындалуын қамтамасыз ету үшін әкімшілік ұстап алу қолданылады.

Статистикалық мәліметтерге сәйкес, республика аумағында әкімшілік құқық бұзушылықтар туралы істер бойынша 2020 жылы – 25 494, 2021 жылы – 48 966, 2022 жылы – 44 555 адам әкімшілік ұстап алуға ұшыраған [10].

Аталған статистикалық деректерден әкімшілік құқық бұзушылық туралы істер бойынша қамтамасыз ету шараларын қолдануда адамдардың құқық кепілдіктерін сақтауға және іс жүргізу шараларының орындылығына мән беру өзекті болып табылады.

Жалпы ҚР ӘҚБтК-нің 788-бабын келесі мазмұнмен толықтыру қажет деп санаймыз. Әкімшілік ұстап алуды қолдануға анық себеп бола алатын негіздер:

- әкімшілік құқыққа қайшы іс-әрекеті құрамы белгілерінің болуы;
- уәкілетті мемлекеттік органдардың лауазымды тұлғаларының қоғамдық тәртіпті бұзушылықтардың немесе қоғамдық қауіпсіздікке қатер төндіретін әрекеттердің жолын кесу жөніндегі заңды талаптарына бағынбауы;
- әкімшілік құқық бұзушылық жасады деп күдіктелген адамның оны жасаған орнынан жасырынуға тырысу әрекеті;
- уәкілетті мемлекеттік органның лауазымды адамдарына қатысты әкімшілік құқық бұзушылық жасады деп күдіктелген адамның агрессивті әрекеттері;
- іс-әрекетінде (әрекетсіздігінде) құқық бұзушылық белгілері байқалатын адамның жеке басын анықтау мүмкіндігінің болмауы;
- жергілікті жерде әкімшілік құқық бұзушылық туралы хаттама жасау мүмкіндігінің болмауы.

Құқық қолдану практикасын талдау нәтижесінде әкімшілік ұстап алу қолданылатын адамдардың кепілдіктері заңнамалық тұрғыдан жеткіліксіз реттелгені, құқықтық мәртебесінің осалдығы анықталды. Қоғамдық тәртіпті қамтамасыз ететін субъектілер тарапынан әкімшілік ұстап алынатын адамның құқықтарын сақтау кепілдіктері, оның ішінде «қоңырау шалу құқығын» беру арқылы айтарлықтай күшейтілуі керек.

ӘҚБтК 788-бабының 4-бөлігінде ұстап алынған адамға осы Кодексте көзделген оның құқықтары мен міндеттері түсіндіріледі, бұл жөнінде әкімшілік ұстап алу туралы хаттамаға тиісті жазба жазылады, - делінген. Дегенмен ӘҚБтК-де ұстап алынған адамға қатысты ешқандай да құқықтар мен міндеттер бекітілмеген. Жалпы алғанда халықаралық құқық қағидаттарының жиынтығына сәйкес, әрбір ұсталған адамға ұстап алудың негіздері, сондай-ақ оған заңда көзделген қандай іс-әрекетті жасады деп күдік келтірілгені туралы дереу хабарланады, ұсталған адамның негізгі құқықтары мен міндеттері түсіндірілетіндігі айқындалған [4].

Сондықтан да ұстап алынған адамға қатысты келесі ұсынымдарды енгізу ұсынылады:

- Адамды әкімшілік құқық бұзушылық жасады деген күдік бойынша ұстап алған кезде уәкілетті органның лауазымды адамы оған қандай әкімшілік құқық бұзушылық жасады деген күдік бойынша ұсталғандығын ауызша хабарлайды, әрі қорғаушыны шақыру құқығын, үндемеу құқығын және оның айтқандары сотта оған қарсы қолданылуы мүмкін екенін түсіндіреді.

- Ұстап алынған адамға өзінің ұсталғаны туралы және жақын туыстарының немесе жақын адамдарының тұрған жері туралы хабарлау мақсатында дереу бір рет телефон арқылы сөйлесу құқығы беріледі.

Сонымен қатар, ұстап алынған адамға оның құқықтары мен міндеттерін түсіндірмеу әкімшілік құқық бұзушылық туралы іс бойынша іс жүргізудегі елеулі бұзушылық болып табылатынын және Қазақстан Республикасының заңнамасында көзделген жауаптылыққа әкеп соғатынын ескеретін болсақ, онда ұстап алынған адамға қатысты құқықтар мен міндеттер заңнамада көрініс табуы қажет деп санаймыз.

Пайдаланылған қайнар көздерінің тізімі:

1. Қазақстан Республикасының Конституциясы 1995 жылы 30 тамызда республикалық референдумда қабылданды /

https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K950001000_

2. «Конституциялық мерзімдерді есептеу мәселесі бойынша Қазақстан Республикасы Конституциясының нормаларын ресми түсіндіру туралы» ҚР Конституциялық Кеңесінің 2012 жылғы 13 сәуірдегі № 2 Нормативтік қаулысы <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/S1200000002>

3. БҰҰ Бас Ассамблеясының 1988 ж. 9 желтоқсандағы 43/173 Қарарымен бекітілген «Қандай да бір түрде ұсталған немесе қамауға алынған барлық тұлғаларды қорғау қағидаларының жинағы» // <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/O8800000001>

4. «Әкімшілік құқық бұзушылық туралы Кодексі» 2014 жылғы 5 шілдеде қабылданған // <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000235>

5. «Қазақстан Республикасының құқықтық саясатының 2030 жылға дейінгі тұжырымдамасын бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Президентінің 2021 жылғы 15 қазандағы № 674 Жарлығы <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/U2100000674>

6. Жумагулов М.И. Система мер административно-правового принуждения // Вестник Института законодательства РК, 2008, №4. – С. 22-24.

7. Кудрявцев В.П. Административное задержание (правовые и тактические аспекты): автореф. дис. канд. юрид. наук. Москва: Юрид. лит., 1983. – С.10-11.

8. Светличная Т.Б. Проблемы правового регулирования административного задержания как меры административно-процессуального принуждения // Гуманитарные и юридические исследования, 2016, С.189-195.

9. Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2012 жылғы 9 сәуірдегі №1 «Әкімшілік құқық бұзушылық туралы істер бойынша іс жүргізуді қамтамасыз ету шараларын қолдану туралы» нормативтік қаулысы <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P120000001S>

Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есепке алу жөніндегі комитеті // <https://pravstat.prokuror.gov.kz/kaz>

Соколова Оксана Владимировна,

к.ю.н., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Центрального филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Воронеж),
Российская Федерация

ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Современный мир представляется нам динамичной, постоянно развивающейся, многообразной системой, источником движущей силы нации, государства и поведенческой активности личности. При многообразии и полярности связей, отношений неизменно значимыми остаются потребности в развитии уровня обеспечения защищенности гражданина, укрепления национального и государственного суверенитета. В сближении данных фундаментальных начал выстраивается аксиома единства личности и государства, определяется мерило и типология человеческих ценностей, поднимается авторитет публичной власти и достигается эффективность правовых институтов.

В нашем сознании, на уровне геофона заложены основы ментально-духовного понимания любви и уважения к предкам, к Отечеству, к ближнему, терпимости и веры в справедливость.

Историческими фактами является и то, что становление, укрепление, возрождение национального государства было сопряжено с судебным реформированием и идейными началами о справедливом суде. «Явно и последовательно данная идея звучит в период исторически значимых судебных реформ: «каждому по их делам суд праведной и беспредельный» (Петр Первый); «суд скорый, правый и милостивый» (Александр II); «... мы все хотим, чтобы наш суд был «скорым, правым и справедливым» (В.В. Путин)» [11; 216 стр.].

Сегодняшние общественные отношения, выстраиваемые на протяжении чуть более четверти века после распада союзного государства, сохраняют историческую преемственность, эволюцию знания и стремления, которую в концентрированном виде можно выразить отдельными тезисными положениями в их системной взаимосвязи:

во-первых, приоритетность судебной защиты возведена в ранг конституционного принципа на основе части 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации [1];

во-вторых, правосудие - это продукт многовекового государственного и правового развития, отражающий особенности этого развития, господствующие идеологические установки и духовные традиции общества [10; 24 стр.];

в-третьих, правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах [2]; право каждого на судебную защиту, на справедливое судебное разбирательство дела в разумный срок относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека, выступает гарантией

всех других прав и свобод и предполагает эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости [3];

в-четвертых, положение суда первой инстанции как суда факта и права определяется правомочиями и долженствованием судьи при условии закрепления правовой основы и культуры судебного процесса, при обеспечении познания гносеологических его основ, при уяснении активной роли суда исходя из деятельностного подхода и в пределах судейского усмотрения.

Поэтому усиление процессуальных гарантий личности являлось приоритетным направлением прошедших преобразований и в период судебного реформирования, и в начале модернизации судебной деятельности.

При достижении позитивных ценностей обращает внимание наличие ряда проблемных вопросов, снижающих степень процессуальной защищенности личности в суде первой инстанции.

Вектор направления развития цивилистической процессуальной формы, ориентирующий на оптимизацию процесса, на разгрузку судей, на ускорение и упрощение, на удешевление затрат на судебную систему сводится к «дистанцированию» органа правосудия от лиц, участвующих в деле, подмене действительности процессуальных институтов оптимизацией, а эффективности отправления правосудия - формализмом.

Современная тенденция прослеживается как на уровне законодательства, так и в деятельности судов.

Так, в течение более двадцати лет соблюдение действующей конституционной нормы: «никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом», предусмотренной частью 1 статьи 47 Конституции Российской Федерации, являлось исключительно прерогативой суда, а ее несоблюдение объективированным поводом для отмены судебного постановления с направлением материалов дела в компетентный суд первой инстанции.

Подобный подход был основан на доктрине процессуального права, поскольку «основным и главным субъектом процессуальной деятельности на всех ее этапах является суд, применяющий нормы права» [9; 10 стр.].

При этом понятие «применение нормы права» включает: анализ фактических обстоятельств дела; выбор соответствующей нормы; удостоверение в правильности текста юридического источника, содержащего нужную норму, и установление его силы; уяснение смысла и содержания нормы; толкование нормы; принятие решения и издание акта, закрепляющее это решение [7; 330 стр.].

Примечательно, что столетие тому назад дореволюционный правовед Е.В. Васильковский на основе комплексного подхода раскрывал процесс применения законов, исходя из следующих умозаключений: «применение законов на практике обнимает четыре операции: 1) юридический анализ конкретных случаев, подлежащих разрешению; 2) критику подлинности норм; 3) толкование норм и 4) логическое их развитие» [8; 5 – 6 стр.].

Целесообразно подчеркнуть, что произошедшие кардинальные изменения в правоприменительной деятельности обусловлены позицией Высшего судебного органа.

Для полноты освещения данного вопроса следует сослаться на разъяснения, изложенные в пункте 56 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 N 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующего производство в суде апелляционной инстанции», согласно которым нарушение судом первой инстанции норм процессуального права, устанавливающих правила подсудности, не является основанием для применения судом апелляционной инстанции пункта 1 части 4 статьи 330 ГПК РФ. Решение суда может быть отменено ввиду нарушения подсудности, если на нарушение правил подсудности указано в апелляционной жалобе, представлении и суд апелляционной инстанции установит, что лицо, подавшее жалобу, или прокурор, принесший представление, заявляли в суде первой инстанции ходатайство о неподсудности дела этому суду и о передаче его по подсудности в соответствующий суд или арбитражный суд либо что у них отсутствовала возможность заявить в суде первой инстанции такое ходатайство по причине их неизвещения о времени и месте судебного заседания или непривлечения к участию в деле либо вследствие невозможности явиться в суд по уважительной причине, а также если нарушены правила подсудности, установленные статьями 26 и 27 ГПК РФ, либо правила об исключительной подсудности» [5].

Таким образом, данная позиция, проявляющаяся в форме субъективности, одновременно выступает как отражение объективности [9; 48 стр.] и определяет иной поворот в судебной практике применения правил подсудности.

Кроме того, анализ многочисленных изменений в процессуальное законодательство умягчает действенность процессуальных механизмов в сравнении с предшествующими редакциями процессуальных кодексов.

К примеру, Федеральным законом РФ от 28.11.2018 N 451-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» заинтересованным лицам при обращении в суд вменено в обязанность прилагать подтверждающие документы о направлении копии искового материала ответчикам и третьим лицам. Несмотря на то, что Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации содержал данную норму с 1992 года, однако в правосознании на стыке вековой формации, сложившейся от советского до российского периодов, интересам граждан отвечали процессуальные нормы о праве граждан на обращение в суд с предоставлением процессуального документа и приложенных к нему копий [4].

Закрепление законодателем в пункте 1 части 1 статьи 126 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации альтернативности порядка подачи в суд административного иска и приложенных к нему документов обогащает принцип диспозитивности и отвечает диалектике развития процессуальной формы.

Правоприменительная деятельность претерпела изменения и в вопросе надлежащего извещения участников процесса.

Анализируя правоприменительную практику в пореформенной России, следует отметить, что поводом для отмены, даже, заочного решения вышестоящей судебной инстанцией являлось ненадлежащее извещение ответчика при возвращении заказного письма с отметкой по истечению срока хранения. Суд второй инстанции отдавал предпочтение защищенности личности

или организации, истолковывая основания для заочного производства, предусмотренные частью 1 статьи 233 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации вне правовой природы и назначения упрощенного производства, без учета дополнительных гарантий по пересмотру и обжалованию судебного акта в угоду ответчика.

Модернизация в части судебного извещения сводится к наступлению неблагоприятных последствий для лица, изначально не получившего судебного извещения при аналогичных ситуациях. Исключение составляют отдельные категории дел. В судебной практике сложился поведенческий стереотип, согласно которому возвращение заказной корреспонденции по причине истечения срока хранения рассматривается как надлежащее уведомление. При этом вовлечение гражданина в спор с лицом, не являющимся участником процессуальных правоотношений, можно рассматривать как преграду к участию в отправлении правосудия.

При этом демократические начала, свойственные гражданской процессуальной форме, в результате законодательных изменений снизили порог защищенности личности в суде первой инстанции в сравнении с арбитражным судопроизводством. Данные отличия проявляются в том, что для арбитражных судов стадия подготовки дела к судебному разбирательству не является фикцией, обязательность проведения закреплена на уровне кодифицированного источника; электронное дело доступно участникам процесса. Для судов общей юрисдикции, рассматриваемых дела в порядке административного или гражданского судопроизводства, к числу правомочий, а не должностования суда относится проведение предварительного судебного заседания. При этом изменения, внесенные законодателем в определение о принятии искового заявления, или административного иска, или заявления позволяют сформировать следующие позиции:

во-первых, в судопроизводстве нарушается порядок, установленный системой норм процессуального права и его источников;

во-вторых, выхолащивается стадия подготовки дела к судебному разбирательству и обязательность принятия определения о подготовке дела к судебному разбирательству с разъяснением предмета и бремени доказывания, раскрытия доказательств и их сроков, права на предъявление встречного иска, на назначение судебной экспертизы и т.д.;

в-третьих, процессуальная информативность определения со стадии возбуждения производства по делу формализует роль судьи, сведя последнюю к заполнению судебного постановления (судебного акта) общими фразами о правах и обязанностях при обязательности включения сведений организационно-правового характера, облеченных в процессуальную форму, например: номера телефонов и факсов суда, его почтовый адрес, адрес официального сайта в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", на котором размещается информация о деятельности суда, адрес электронной почты суда;

в-четвертых, организационно-функциональные аспекты помощника судьи и секретаря судебного разбирательства упрощены до проекта одного судебного акта и одного действия или совершения операции исходя из терминологии психологии, когда в одном заказном письме направляется лицам, участвующим

в деле, и определение о возбуждении производства по делу, и судебное извещение о назначении дела к судебному разбирательству.

Следовательно, правоприменительная деятельность, полнота установления фактических обстоятельств, соблюдение процессуальной формы одинаково важны при реализации принципа судебной защиты.

Конституционное право каждого на судебную защиту подразумевает создание государством необходимых условий для эффективного и справедливого разбирательства дела прежде всего в суде первой инстанции, где подлежат разрешению все существенные для определения прав и обязанностей сторон вопросы.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // Российская газета. – 1993. – N 237; <http://www.pravo.gov.ru> 1(дата обращения 7.11.2023).

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 18 марта 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002 г. – №32. – Ст. 3012; <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 7.11.2023).

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 24 июня 2023 г., с изм. от 20 июля 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532; <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.11.2023).

4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральным законом РФ от 28.11.2018 N 451-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собр. законодательства РФ. – 2018. – N 49. – Часть I. – Ст. 7523.

5. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 N 18-П//Вестник Конституционного Суда РФ. -2004.-№ 1.

6. О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 N 16 //Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2021. – № 7.

7. Алексеев С.С. Общая теория права: Курс лекций: В 2т. – М.: Юрид.лит., 1982. – Т. 2. – 359 с.

8. Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов для начинающих юристов. –М.: издание Бр.Башмаковых, типо-литография товарищества И.Н. Кушнарев и Ко, 1913. – 66 с.

8. Живкович Л. Теория социального отражения. – М.: Прогресс, 1969. – 454 с. 48.

9. Жилин Г.А. Гражданское дело в суде первой инстанции. – М., 2000. – 143.

10. Правосудие в современном мире: монография / В.И. Анишина, В.Ю. ртемов, А.К. Большова и др.; под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. - М.: Норма, Инфра-М, 2012. - 704 с.

11. Соколова О.В. Актуальные проблемы судебной деятельности в преддверии X Всероссийского съезда судей // Вестник Воронежского института ФСИИ. – 2020. - № 3. – С. 216-222.

12. Активная роль суда в цивилистическом процессе и ее пределы в правоприменительной деятельности. Аналитический обзор материалов судебной практики мировых судей и судов проверочной инстанции // Научно-практический юридический журнал «ОБЩЕСТВО. ЗАКОН. ПРАВОСУДИЕ». - 2021. - № 1. – С.

Калинина Екатерина Геннадьевна,
к.ю.н., доцент кафедры конституционного
права ФГБОУ ВО «Уральский
государственный юридический университет
имени В.Ф. Яковлева»,
Российская Федерация

НОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ГРАЖДАНСТВЕ РФ КАК РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В 2023 году в России вступил в силу Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» № 138-ФЗ от 28.04.2023, который заменил одноименный закон 2002 года. Последний, необходимо отметить, претерпевал изменения немалое количество раз, а за последние три года точечные правки вносились в прежний федеральный закон на регулярной основе. В дополнение в период с 2014 года активно издавались подзаконные нормативные акты, регулирующие отдельные вопросы миграционных процессов [1; 22-23 стр.]. Так, возможность получения гражданства в упрощенном порядке отдельными категориями граждан была предусмотрена ныне утратившим силу Указом Президента Российской Федерации от 29 апреля 2019 г. № 187. Упрощение процедур реализации права на постоянное (временное) проживание регулировалось Указом Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. №94 (также утратил силу в 2023 году).

Признавая необходимость систематизации подходов в миграционном регулировании, законодатель счел нужным оформить нормы права не в форме дополнений и изменений, а в виде нового документа, который бы расставил акценты с учетом действующих стратегий государства.

Сегодня Россия столкнулась с двумя влияющими на миграционное регулирование явлениями. С одной стороны, демографический кризис, вызванный сразу несколькими причинами: низкая рождаемость в 90х годах и в настоящее время, высокая смертность, в том числе спровоцированная эпидемией *Covid-19*. Новое законодательство призвано способствовать увеличению численности постоянного населения России [2; 32-33 стр.]. С другой стороны, в мире сложилась достаточно сложная геополитическая обстановка, по причине которой люди меняют место жительства и мигрируют в то государство, которое способно обеспечить индивиду безопасность и стабильное будущее. К примеру,

по данным МВД России за январь – июль 2023 г. свыше 9 миллионов иностранных граждан и лиц без гражданства встали на миграционный учет, решение о приобретении гражданства РФ было принято в отношении 232 655 человек.²⁰

Вместе с тем с притоком населения государство продолжает решать внутренние и внешнеполитические задачи, сохраняя государственный суверенитет. Предоставление гражданства – это тоже проявление государственного суверенитета. Государство самостоятельно определяет, а если необходимо, меняет основания, критерии и условия предоставления гражданства [3; 31 стр.].

Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» № 138-ФЗ от 28.04.2023 (далее – закон «О гражданстве РФ» 2023 г.), принимая во внимание тенденцию к поддержанию демографической ситуации, упрощает порядок приема в гражданство РФ. Увеличилось число категорий лиц, для которых возможен прием в гражданство РФ в упрощенном порядке. В общем порядке исключено требование о предоставлении законного источника средств к существованию.

Теперь в законе «О гражданстве РФ» 2023 г. четко обозначены такие способы приобретения гражданства как признание гражданином РФ и оптация. Хотя восстановление в гражданстве РФ не представлено в качестве самостоятельного основания, в законе представлены льготные основания «возвращения» в гражданство РФ лиц, достигших совершеннолетия. Если ранее лицам, чье гражданство было прекращено, требовалось соблюсти срок для проживания на территории России, то сейчас у тех, кто утратил гражданство в связи с заявлением их законных представителей, появилась возможность подать заявление без соблюдения базовых условий общего порядка. Для таких лиц установлено только два ограничения: заявление должно быть подано в течение пяти лет со дня достижения совершеннолетия, и должны отсутствовать обстоятельства для отклонения заявления о приеме в гражданство РФ.

Также в рамках поддержания демографической ситуации видны изменения в части приобретения гражданства в связи с браком. Ранее требовалось соблюсти критерий о проживании не менее трех лет в браке с гражданином РФ, проживающим на территории страны. Норма препятствовала заключению фиктивных союзов ради гражданства. В новом законе срок совместного проживания не установлен, однако требования к семейной жизни значительно трансформировались. С октября 2023 года факта брака и совместного проживания недостаточно для получения гражданства, необходим как минимум один общий ребенок. Из нормы следует, что ребенок может быть рожден и вне брака с гражданином, приобретающим гражданство, однако на момент подачи заявления лица должны состоять в официально зарегистрированном союзе.

Одновременно, транслируя действующие в стране стратегии государственной политики, закон «О гражданстве РФ» 2023 установил подходы к понятиям «двойное гражданство» и «множественное гражданство», поставив статус индивида в зависимость от наличия или отсутствия заключенного Россией

²⁰ Официальный сайт МВД России. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-июль 2023 года // <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/40830191/> (дата обращения: 15.01.2024).

международного договора с иностранным государством.

Кроме того, желающим приобрести гражданство РФ поставлено новое условие – знание истории России и основ законодательства страны. Это требование явно демонстрирует ожидания государства от будущих граждан, поскольку требование более однозначное и проверяемое, нежели прежнее требование о необходимости соблюдать Конституцию и законодательство РФ. К слову, и данное требование формально сохраняется, только будет работать на этапе привлечения гражданина к уголовной, административной или иной ответственности или же станет основанием для прекращения гражданства РФ.

Самыми обсуждаемыми стали положения, касающиеся оснований о прекращении гражданства РФ в свете принципа равенства гражданства [4].

Согласно части 3 статьи 6 Конституции РФ гражданин РФ не может быть лишен своего гражданства или права изменить его. Закон «О гражданстве РФ» 2023 г. не регулирует вопросы лишения, однако, в отличие от акта-предшественника, однозначно закрепляет возможность прекратить гражданство лица не по его личному решению, а при совершении лицом преступления, в том числе при приготовлении и покушении на преступление, или совершении иных действий, создающих угрозу национальной безопасности РФ. Перечень преступлений является закрытым и определен в законе. Перечень преступлений, за которыми следует прекращение приобретенного гражданства, фактически увеличили с 18 до 64 статей Уголовного кодекса РФ. В настоящее время норма о прекращении гражданства РФ уже применяется на практике.²¹

Важно подчеркнуть, это основание касается не тех, кто является гражданином страны по рождению, а лишь тех, кто был признан гражданином РФ или приобрел гражданство. В эту же категорию попадают те, кто был восстановлен в гражданстве, так как новый закон термины «приобретение» и «восстановление» не разводит. При этом норма не будет распространяться на лиц, приобретших гражданство посредством оптации, ведь это самостоятельное иное основание – выбор гражданства лицом. В этом свете вопрос о принципе равенства гражданства, независимо от оснований его приобретения, остается дискуссионным.

Отрицать роль национальной безопасности, лежащей в основе возможности прекратить гражданство РФ, бессмысленно. В связи с притоком лиц, ранее проживавших в соседних государствах и претендующих на гражданство РФ, но в свете особенностей геополитики на евразийском пространстве, Россия новым правовым регулированием оставила себе возможность защитить свои суверенные интересы, первоначально не отказывая индивидам в реализации права на гражданство. Дополнительно отметим, что утрата или прекращение гражданства предусмотрена в законодательстве Азербайджанской Республики (Закон Азербайджанской Республики от 30 сентября 1998 года № 527-IQ «О гражданстве Азербайджанской Республики»), Республики Беларусь (Закон от 1 августа 2002 года №136-З «О гражданстве Республики Беларусь»), Республики Таджикистан (Конституционный закон от 8 августа 2015 года №1208 «О гражданстве Республики Таджикистан»), Республики Узбекистан (Закон от 13 марта 2020 года №ЗРУ-610 «О гражданстве Республики Узбекистан»).

²¹ В России впервые лишили гражданства за преступление <https://www.kommersant.ru/doc/6396736> (дата обращения: 15.01.2024).

Вместе с тем основания для принудительного прекращения гражданства РФ – это пресловутый ящик Пандоры, который теперь открыт и может дополняться ситуационно.

Впрочем, несмотря на новизну законодательного регулирования, нововведения продолжают в части подзаконного нормативного регулирования. К примеру, в конце 2023 года Минтруда России изменил список и перечень профессий иностранцев, которым можно получить гражданство РФ [5]. Также Указом Президента РФ от 18 декабря 2023 года №962 установлены особенности приема в гражданство РФ для граждан Республики Беларусь, Республики Казахстан и Республики Молдова.

Последнее еще раз убедительно иллюстрирует, что все нововведения во внешней и внутренней миграционной политике РФ ориентированы не только на индивидов, но и на евразийское пространство в целом.

Список использованных источников:

- 1) Марачева, В. А. Вопросы приобретения и прекращения гражданства в связи с принятием в Российскую Федерацию новых субъектов / В. А. Марачева // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 5. – С. 19-26. – DOI 10.18572/1812-3767-2023-5-19-26.
- 2) Нудненко, Л. А. Тенденции правовой регламентации оснований приобретения гражданства в России / Л. А. Нудненко // Конституционное и муниципальное право. - 2023. - №8. - С. 31-39. – DOI 10.18572/1812-3767-2023-8-31-39.
- 3) Никитина, Е. Е. Законодательство о гражданстве и совершенствование миграционной политики Российской Федерации / Е. Е. Никитина // Журнал российского права. – 2019. – № 7. – С. 30-42.
- 4) Игнатушко, И. В. К вопросу о прекращении гражданства Российской Федерации / И. В. Игнатушко, М. А. Дроздова // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 5. – С. 27-31. – DOI 10.18572/1812-3767-2023-5-27-31.
- 5) Шакирова Э. Кто больше не получит гражданство по новому Закону Президента? Нововведения в гражданстве по браку, по детям, по профессии // Жилищное право. 2023. № 8, https://www.consultant.ru/law/podborki/poluchenie_grazhdanstva_rf_brak/
© КонсультантПлюс, 1992-2024.

Юн Лариса Владимировна,

к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин (Казанский филиал) ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»,
Российская Федерация

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ

Модификация общественных отношений в экологической сфере требует постоянного развития правовых отношений. Вопросы, связанные с защитой

конституционных экологических прав, касаются всех субъектов экологических правоотношений, вступающих в них. Степень защиты права на благоприятную окружающую среду будет крайне разнообразной в зависимости от нормативного правового регулирования в Российской Федерации.

В рамках конституционного судопроизводства защита конституционного права на благоприятную окружающую среду охраняется также, как и другие фундаментальные права и свободы человека и гражданина путем проверки норм федерального конституционного, федерального, регионального и местного законодательства Российского государства на предмет их соответствия конституционным нормам.

Современный экологический кризис, возникший на рубеже XXI столетия позволяет говорить об актуальных проблемах, появившихся в сфере экологических прав в т.ч. это касается юридических лиц.

«... В Конституционный Суд Российской Федерации обратилось общество с ограниченной ответственностью «Валмакс» с жалобой о проверке конституционности норм федерального законодательства о гидрометеорологической службе и положения об информационных услугах в области гидрометеорологии и мониторинга загрязнения окружающей природной среды. В ходе рассмотрения материалов дела Конституционный Суд России установил, что Министерство экологии Челябинской области по результатам проверки выдало предписание ООО «Валмакс» заключить договор на получение прогнозов неблагоприятных метеорологических условий и осуществлять мероприятия по уменьшению выбросов в атмосферный воздух загрязняющих веществ в такие периоды. Посчитав, что уполномоченный орган неправомерно понуждает к заключению договора, ООО «Валмакс» оспорило предписание в судебном порядке, однако по итогам рассмотрения дела вынесенные судебные акты предписание признали законным. Суды указали, что ООО «Валмакс» обязано было принять все зависящие от него меры по получению сведений о прогнозируемых метеорологических условиях, в частности путем заключения договора. Изучив материалы рассматриваемого дела Конституционный Суд России отметил, что в обжалуемых нормах Положения содержится неясность в вопросе о критериях определения размера платы за получаемые сведения. Нет определенности в том, надо ли заключать договор, в случае если прогноз о неблагоприятных метеорологических условиях не готовится и не публикуется территориальным органом или подведомственной организацией федерального органа исполнительной власти по каким либо причинам. Обязательность заключения договора производна от понятия специализированной информации, содержание которой тем не менее нуждается в конкретизации для правильного понимания хозяйствующими и иными лицами своих публичных обязанностей в сфере охраны окружающей среды. Исследовав материалы дела Конституционный Суд России пришел к выводу о том, что обжалуемые заявителем нормы не соответствуют Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой они в силу неоднозначности своего нормативного содержания не позволяют определить критерии, исходя из которых на хозяйствующий субъект может быть возложена обязанность заключить с учреждением в области гидрометеорологии и мониторинга окружающей среды возмездный договор на

оказание информационных услуг, связанных с получением прогнозов неблагоприятных метеорологических условий...» [1].

«... В Конституционный Суд России поступила жалоба от ООО «Тополь» ввиду обнаружившейся неопределенности в вопросе о том, соответствуют ли Конституции РФ, оспариваемые заявителем нормативные положения.

В ходе исследования материалов дела установлено, что юридическое лицо на территории одного из субъектов РФ занимается осуществлением сбора, транспортировки и размещения на арендуемом земельном участке твердых бытовых отходов, получаемых от различных организаций. Судебными актами арбитражных судов с нее взыскано 63 402 616, 69 коп. Не согласившись с вышеуказанными решениями, организация обжаловала их в судебном порядке в высший судебный орган конституционного контроля. Заявитель утверждает, что в нормах российского законодательства об охране окружающей среды не определены адресаты, обязанные вносить плату за неблагоприятное влияние на окружающую среду. Помимо этого, отходы появляются в результате деятельности совершенно других лиц.

Изучив материалы дела Конституционный Суд пришел к выводу о том, что в отношении правового регулирования платы за негативное воздействие на окружающую среду требование определенности должно исключать абстрактных формулировок, не позволяющие учитывать особенности объекта обложения. В законодательстве РФ не закреплена обязанность по внесению платы от организации, осуществляющей ее последующее уничтожение. Отсутствие единого подхода относительно того кто из сторон правоотношения осуществляет функцию плательщика породило противоречивую практику административного и судебного истолкования. Взимание со специализированной организации платы не соответствует требованиям справедливости и соразмерности. При этом в федеральном законе об охране окружающей среды относительно органов публичной власти предусмотрены требования при обращении с отходами производства и потребления в качестве исполнения конституционной обязанности...» [2].

Конституционный Суд России признал обжалуемые заявителем нормы не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой - по смыслу, придаваемому этим нормативным положениям в системе действующего правового регулирования сложившейся правоприменительной практикой, - они допускают взимание данного публично-правового платежа со специализированных организаций [3].

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что роль конституционного судопроизводства очень важна в сфере защиты экологических прав юридических лиц. Государства в лице своих органов власти должны создавать максимально комфортные условия для осуществления предпринимательской деятельности, заботиться о сохранении природных ресурсов и богатств, эффективно и в кратчайшие сроки восстанавливать нарушенные права предприятий и учреждений.

Список использованных источников:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.09.2021 N 42-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 17 Федерального закона

«О гидрометеорологической службе», пунктов 3, 4 и 5 Положения об информационных услугах в области гидрометеорологии и мониторинга загрязнения окружающей природной среды в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Валмакс» // Собрание законодательства РФ, 11.10.2021, N 41, ст. 7064

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 N 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 3.3 Федерального закона "О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации", пункта 18 части 1, частей 3 и 4 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации", статей 10 и 51 Федерального закона "Об охране окружающей среды", пункта 1 статьи 22 Федерального закона "О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения", пункта 2 статьи 9 и пунктов 1 и 2 статьи 13 Федерального закона "Об отходах производства и потребления", а также пунктов 16 - 18 Правил обращения с твердыми коммунальными отходами в связи с жалобами муниципального образования "Городское поселение город Козьмодемьянск Калужской области" и администрации Новосибирского района Новосибирской области» // Собрание законодательства РФ, 05.06.2023, N 23 (Часть II), ст. 4273

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.03.2013 N 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 16 Федерального закона "Об охране окружающей среды" и постановления Правительства Российской Федерации "Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия" в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Тополь» // Собрание законодательства РФ, 18.03.2013, N 11, Ст. 1164.

Костылева Елена Дмитриевна,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры конституционного права им. Н.В. Витрука ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
Российская Федерация

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Цифровая революция запустила процессы глобализации и диверсификации, которые превратили весь мир в глобальную информационную сеть. Информационный фактор усилил масштабы медийной цивилизации, создал определённую медиакультуру со своими компонентами, которые активно влияют на формирование современного гражданского общества.

Медиафера глобально влияет на правосознание человека, на формирование его структуры, особенно это проявляется в условиях расширения информационного пространства. Имея безграничный спектр средств коммуникации для передачи информации, влияет на социализацию личности.

Усиление роли медиасферы в правовом пространстве привело к формированию информационного права, расширению прав человека и соответственно их гарантии и защиты. Государство обязано обеспечивать безопасность и реализацию прав и свобод человека в информационной среде.

Конституция РФ в п. «м» ст. 71 отмечает, что в ведении Российской Федерации находится «обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных».

К сожалению цифровая трансформация помимо развития и усовершенствования современных технологий из-за плохой социальной ответственности многих государственных структур усиливает дискриминацию потенциальных пользователей при обороте личных, оцифрованных данных, усугубленных утечкой, продажей информации, что не способствует обеспечению безопасности личности и соблюдению прав человека.

Цифровой суверенитет личности в неконтролируемой информационной среде, которая развивается хаотично, находится в зоне риска, что ставит под угрозу защиту всех прав человека. В связи с этим назревает необходимость защиты на государственном уровне следующих прав: на отказ от доступа к цифровым технологиям, на защиту биометрических и других персональных данных.

Несогласованные программы и проекты наносят вред не только развитию цифровой среды, но и усугубляют отношение граждан к этим новшествам, вселяя панику и страх особенно среди населения старших возрастов.

Интернет способен, с одной стороны, сделать жизнь человека комфортной, с другой стороны могут усложнить. В связи с чем в последнее время большое внимание уделяется такому понятию, как медиабезопасность. Раскрывая содержание этого понятия необходимо отметить, что медиа по сути достаточно широкое понятие, включающее в себя все способы передачи информации, а безопасность – это защита жизненно важных интересов личности и конечно же личных прав человека. Поэтому медиабезопасность – это состояние защищённости человека от реальных информационных угроз.

Каждый человек должен чувствовать четкую грань между миром виртуальным и объективной реальностью, взрослому это осуществить легче, благодаря определённым знаниям и жизненному опыту. Сложнее защитить интересы детей в интернет-пространстве, направить их в нормативное русло. Поэтому, особое внимание вызывает информационная безопасность детей, под которой понимается такое состояние защищенности, когда отсутствует риск причинения вреда их физическому, психическому, духовному, нравственному развитию.

С целью защиты детей от опасной интернет-информации создана нормативная база, содержащая ряд инновационных норм, предусматривающих создание организационно-правовых механизмов защиты детей от распространения в сети Интернет вредной для них информации. В российских школах планируется ввести уроки информационной безопасности и цифровой грамотности, что предусмотрено Концепцией информационной безопасности детей, которую утвердило Правительство РФ.

Главная цель Концепции – защита детей от информационных угроз и рисков в современной цифровой среде, в связи с чем предлагается объединить усилия государства и общества, сформировать и внедрить в образовательный процесс уроки информационной безопасности, научить школьников безопасному поведению в интернете, повысить их цифровую грамотность. Так же планируется проводить на постоянной основе просветительские мероприятия для родителей, учителей, работников библиотек и других специалистов, которые связаны с воспитанием, обучением и организацией досуга детей. На этих мероприятиях расскажут о правилах безопасного поведения детей в цифровом пространстве и средствах защиты детей от доступа к информации, которая может нанести вред их здоровью, а также нравственному и духовному развитию. Кроме того, предполагается развивать социально значимые проекты для детей и подростков в печатных и электронных СМИ.

Среди самых опасных рисков и угроз можно выделить интернетзависимость и целый ряд проблем, связанных с процессом социализации подростков в интернете. Среди них – недостоверная и навязчивая информация, нарушение прав человека, проблема изоляции, девальвация нравственности, снижение культурного уровня, вытеснение и ограничение традиционных форм общения, негативные социальные влияния.

В реальной жизни угрозы, с которыми сталкивается человек, достаточно локализованы – они могут исходить от конкретных людей, в сетевом же пространстве угрозы могут исходить от кого угодно и откуда угодно – без географической или какой-то другой привязки. «Они создают серьёзные риски, среди которых наиболее опасный связан с угрозой самому человеку» [1; 40].

В настоящее время несовершеннолетние составляют около 20 % населения страны и все они являются активными пользователями сети Интернет. Вместе с тем эта аудитория является крайне уязвимой с точки зрения информационной безопасности. В связи с высокой степенью анонимности интернет-пространства и возможностью выстраивания общения с использованием нескольких профилей и псевдонимов риск проявления асоциальных форм поведения в цифровой среде увеличивается.

Нестабильность эмоциональной сферы и низкий уровень критичности восприятия и обработки информационного потока детьми и подростками свидетельствуют о том, что именно дети и подростки находятся в группе потенциального риска для негативного воздействия и интернет-манипуляций с последующим вовлечением в деструктивную деятельность.

Деструктивное информационное воздействие способствует развитию формирования у детей и подростков неправильного восприятия традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Введение определённых ограничений в области виртуальной коммуникации будет способствовать конституционной защите «индивидуальных интересов личности, правопорядка, личной безопасности, внутренней и внешней безопасности общества и государства» [2; 252].

В связи с развитием автоматизированной обработки личных данных наибольшее значение приобретает защита личных прав, в особенности право на неприкосновенность личной жизни. «Меры защиты личных прав преследуют

цель восстановления прав уполномоченного лица, компенсацию нарушенного интереса» [3; 21].

Личные данные в основном вводятся человеком самостоятельно при регистрации, подаче заявок на получение документов, заполнении анкет и т. д., в данных случаях нарушения будут касаться конфиденциальности предоставленной информации. Деятельность организаций иногда влечет ущерб репутации конкретного лица, поэтому в отдельных случаях право на защиту достоинства и репутации в информационной сфере реализовать сложно, особенно когда это выполнено анонимными авторами. От государства в этих случаях требуется создание механизма удаления порочащей информации, после подтверждения её недостоверности.

Медиафера является неотъемлемой составляющей функционирования общества и соответственно влияет на реализацию и защиту личных прав человека. Наиболее значимо информатизация затронула реализацию права на защиту личной и семейной жизни. В связи с этим государству необходимо перейти к формированию новых инструментов защиты и принять все необходимые меры, так как информационные технологии меняют все категории прав человека, включая коллективные.

В интернет-пространстве в последнее время наибольшее значение имеют защита личных данных и защита репутации в широком понимании.

Право на защиту личных данных затрагивается в следующем контексте: сбор данных (отслеживание и включение данных, полученных от самого лица в различных обстоятельствах), обработка информации (аккумуляция данных, их идентификация в отношении конкретных лиц, вторичное использование), распространение информации (нарушение конфиденциальности, раскрытие данных, присвоение, шантаж, уничтожение данных, облегчение возможности доступа к ним) в результате деятельности государства, отдельных лиц или организаций.

Развитие информационных технологий требует передачи больших объемов личной информации, в том числе в гражданско-правовом обороте, что, как следствие, видоизменяет понятие права на личную жизнь.

Защита личных данных должна предусматривать их удаление по первому требованию лица из цифровых баз с момента, когда отпала необходимость таких данных для целей, для которых они собирались.

Гарантия реализации права на неприкосновенность личной жизни в том числе в контексте цифровой коммуникации для предотвращения и пресечения нарушений по перехвату, сбору личных данных, включая массовое слежение, предполагает создание и функционирование независимых контрольных механизмов, закреплённых на законодательном уровне, служащих минимизации случаев вмешательства (например, в связи с расследованием конкретного дела либо конкретной угрозой в конкретный момент времени).

На государство должен распространяться принцип должной осмотрительности, согласно которому они обязаны принять все необходимые меры для предотвращения незаконного вмешательства в личную и семейную жизнь, создания и функционирования необходимых механизмов защиты при осуществлении таких действий физическими лицами и организациями.

Деятельность частных лиц, организаций и государства часто влечет ущерб репутации конкретного лица. Защита репутации является правомерным основанием для ограничения свободы выражения мнения. Обязанность обеспечить эффективные средства правовой защиты от тех, кто осуществляет посягательства на достоинство и репутацию личности, лежит на государстве.

Вместе с тем в отдельных случаях право на защиту достоинства и репутации в Интернете реализовать довольно проблематично, особенно когда речь идет об оскорбительных комментариях, сделанных анонимными авторами, либо об аналогичных анонимных постах. В данном случае возможным представляется лишь требовать от государств создания механизма для удаления такой информации после доказательства ее недостоверности либо ее порочащего характера, а также механизмов идентификации авторов, а в случае таковой, возможности привлечения их к гражданской либо уголовной ответственности.

Право на защиту репутации осложняется в случаях критики в отношении публичных лиц либо определения статуса лица.

Весьма широко в интернет-среде обсуждается и право быть забытым, формирование которого обычно связывают с решением ЕСПЧ от 13 мая 2014 года *Google Spain SL, Google Inc. v Agencia Española de Protección de Datos (AEPD), Mario Costeja González (C-131/12)*.

Рассматриваемая проблема связана с тем, что, в отличие от нецифровой реальности, когда информация быстро забывается, ресурсы поисковых систем способны обнаружить информацию о лице (включая личные данные, новости, посты, фотографии и иные данные в социальных сетях) в любой момент, независимо от сроков давности и независимо от добровольности либо не добровольности ее размещения. Очевидно, что даже информация, размещенная самим лицом в определенный момент в прошлом (посты подростков, информация о личной жизни, фото), может утратить актуальность и даже повредить его репутации, карьере, семейной жизни либо не соответствовать его внутренним потребностям.

Европейский Суд по правам человека приходит к выводу, что лицо, в отношении которого информация размещена, имеет право требовать от оператора поисковой системы ее удаления, за исключением случаев, когда в соответствии с законодательством она должна продолжать там оставаться.

Право быть забытым касается не удаления информации как таковой, а ее исключения из выборки поисковиков. Право быть забытым, несомненно, отличается от права на защиту личной и семейной жизни, защищающего информацию, которую лицо не хочет раскрывать.

Сбор и обработка персональных данных государственными органами и частными компаниями может осуществляться только тогда, когда это необходимо, и эта информация должна удаляться из баз после того, как исчезнет явная необходимость в ее наличии.

Таким образом, закрепление Европейским Судом по правам человека права быть забытым в онлайн-среде представляет собой применение по аналогии права на защиту личной и семейной жизни, с распространением его на данные о реальных событиях из жизни лица, законным образом или самостоятельно

размещенных в сети Интернет, которые данное лицо более не хочет делать доступными.

Этот подход вызывает активные дискуссии в связи с возможной коллизией с реализацией права на свободу слова, а также поскольку часто речь идет о данных, которые могут иметь определенную общественную значимость либо быть запрещены законодательством, например, в отдельных случаях информация об имевшихся судимостях, административных правонарушениях, о возбуждении уголовных дел, банкротстве и других. Поэтому возникает необходимость создать механизмы оценки обоснованности и правомерности каждого запроса. В настоящее время такая оценка осуществляется в отношении каждого запроса непосредственно оператором поисковой системы.

В настоящее время информационные технологии представляют собой неотъемлемую часть функционирования любого общества, оказывая значительное влияние на содержание, реализацию и защиту основополагающих прав человека. Теоретически все реализуемые в офлайне права должны осуществляться и в онлайн. Наиболее значимо информатизация затронула реализацию права на защиту личной и семейной жизни.

В настоящее время имеет место тенденция формирования новых прав человека, характерных исключительно для онлайн-среды. Интернет является онлайн-формой права на доступ к информации и ее распространение и включает обязанность государств обеспечить развитие информационной инфраструктуры и коммуникаций; создать рынок, ценовой порог которого сделает Интернет-ресурсы доступными; обеспечить свободу доступа к информации на Интернет-ресурсах в целом либо на конкретных сайтах.

Формирование права быть забытым вызвано возможностью нахождения в поисковиках информации о лицах в любой момент, независимо от сроков ее размещения. В существующей форме оно означает право потребовать исключения из поисковых механизмов URL, которые были законно размещены в Сети, в том числе лицом самостоятельно, в связи с их небеспристрастностью, устарелостью либо изменением обстоятельств. В данном контексте следует различать право лица удалить информацию, размещенную им самостоятельно, как часть права на защиту личной и семейной жизни и рассмотрение запросов относительно информации, законно собранной и размещенной государственными органами, иными лицами, в случае если ее размещение требуется в соответствии с законодательством, она касается публичных фигур либо представляет общественный интерес.

Список использованных источников:

1. Умнова Конюхова, И. А. Судебная защита личных прав и свобод в Российской Федерации актуальные проблемы теории и практики: учебное пособие / И. А. Умнова Конюхова, Е. Д. Костылева. – Москва: Российский государственный университет правосудия, 2023. – 156 с. – ISBN 978-5-00209-019-8. – EDN VPCKQG. – 156 с.

2. Умнова-Конюхова, И. А. Конституционные ограничения прав и свобод: сравнительно-правовое исследование решений Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и ЕСПЧ / И. А.

Умнова-Конюхова, Е. Д. Костылева; Российский государственный университет правосудия. – Москва: Российский государственный университет правосудия, 2021. – 295 с. – ISBN 978-5-93916-905-9. – EDN ХСКВNX. – 295 с.

3. Костылева, Е. Д. Система защиты личных прав и свобод / Е. Д. Костылева // Современный юрист. – 2021. – № 3(36). – С. 19-28. – EDN SQYRUV.

Шевко Наиля Рашидовна,

к.э.н., доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин (Казанский филиал) ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
Российская Федерация

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Интернет, в современном мире, стал неотъемлемой частью в жизни практически каждого человека. Люди зависят от социальных сетей. Сбой в работе на пару часов Instagram, Facebook и WhatsApp доказали это. Более 70 млн. новых пользователей регистрируются ежедневно только в одной соцсети. Зачастую на своих страничках пользователи выкладывают практически все из своей жизни: где был, когда, с кем, в каком настроении. Даже фото и сканы своих документов. Однако не стоит доверять свои персональные данные социальным сетям.

Нами был проведен опрос, в котором приняли участие 246 человека (студенты и члены их семей, в том числе родители), из них 72% женского пола, 28% мужского. В основном это люди от 18 до 23 лет (74%), от 30 до 45 лет – около 10%, меньше 18 лет – около 10%, от 23 до 30 лет – почти 5%, старше 45 лет – чуть более 1%. Большая часть — это студенты (почти 80%), остальные 20% - работники предприятий.

На вопрос как респонденты относятся к манипуляциям с персональными данными и связанными рисками в интернете считают, что риски кражи персональных данных в интернете растут (60%) и стараются не указывать персональную информацию в интернете (50%), также предпочитают оплачивать сделанные в интернете заказы курьеру при получении или в пункте выдачи (13%). Однако около 10% респондентов не беспокоит, что информация об их действиях в интернете записывается и анализируется. При этом уверены, что могут самостоятельно защитить себя от угроз кражи персональных данных около 8%.

Однако только по официальным данным за последний год произошли утечки данных клиентов крупных страховых компаний, сетей магазинов, бензозаправок, детских оздоровительных лагерей, интернет-магазинов [1]. Причем львиная доля компаний (67%) не афишируют инциденты и избегают публичных высказываний о произошедшей утечке [2, 3].

В качестве надежных мер защиты данных более половины респондентов ограничивали или отказывались предоставлять доступ к данным о

месторасположении (55%), отказывались предоставлять доступ к своим персональным данным для рекламных целей (49%), проверяли безопасность сайта перед тем, как указать на нём свои персональные данные (40%), ограничивали доступ к профилю или постам в социальных сетях (40%), читали текст соглашения о конфиденциальности персональных данных перед тем, как их предоставить (40%), меняли настройки браузера для отключения или запрета на сохранение файлов cookie (15%). Лишь 5% респондентов не совершали никаких действий в целях защиты персональных данных. Осведомлены о способах защиты персональных данных почти 53% респондентов, слабо знакомы о защите – 45%. При этом часто оставляют свои данные в интернете (паспортные данные, номер карты и т. д.) 84% респондентов.

По данным аналитиков крупнейшего в России интернет-портала и аналитического агентства по теме корпоративной информатизации TAdviser 2023 год ознаменовался масштабными утечками конфиденциальной информации. В среднем потери только от одной утечки в крупном бизнесе и государственном сегменте влечет потери (причем только прямые финансовые без потерь репутации и штрафных санкций) в размере 5,5 млн рублей. В тройку лидеров кибератак в отношении персональных данных входят сфера ритейла, финансовый сектор и игровая индустрия (от 37% до 10%) притом, что даже потери 5% конфиденциальных сведений вполне достаточно для утраты ведущих позиций компании на рынке. Растут и расходы на ликвидацию последствий. Примечательно, что более 55% расходов на ликвидацию последствий подобных утечек идет на восстановление репутации.

Взлом защиты происходит как на уровне корпораций, так и на уровне соцсетей. Злоумышленники взламывают информационные ресурсы с целью получения конфиденциальной информации. При атаках на корпорации в 98,8% случаях взлому подвергаются архивы внутренних баз данных сотрудников и клиентов. По данным нашего исследования у 4% респондентов были частые случаи аккаунта и страниц в социальных сетях, у 30% респондентов взламывали 1-2 раза. Кроме того, часто приходят спам-сообщения у 25% респондентов, редко у почти 60% респондентов, у остальных ни разу не приходили. В основном респонденты блокируют такие сообщения, никак не реагируя на них. У 2% респондентов гаджеты заражались вирусом часто, у 43% редко заражались вирусом и у 55% никогда не заражались вирусом.

Исходя из ответов респондентов, можно сделать вывод, что большая часть старается защитить свои персональные данные и предпринимает для этого различные способы и методы. По мнению большинства риск утечек персональных данных в интернете растет. Появляются все более новые способы обхода защиты, которые во многом опережают существующие методы.

В современном мире практически любое деяние рассматривается с точки зрения права и, соответственно, должны регламентироваться законом. Не является исключением и защита персональных данных. В их числе Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»; Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Понятие «Персональные данные» дается в нормативно-правовом акте - ФЗ от 27.07.2006 №152-ФЗ. В Статье 3 закона говорится следующее: Персональные данные – это любая информация, прямо или косвенно относящаяся к физическому лицу, и позволяющая его определить.

К персональным данным можно отнести следующие данные: личное имя, фамилия, отчество, дата рождения, должность, место работы, учебы, адрес проживания, адрес электронной почты, уровень образования и т.д.

К специальным: состояние здоровья, идеологические взгляды, раса, национальность и т.д.

К биометрическим – все сведения, характеризующие физиологические данные человека (Отпечатки пальцев, строение лица, голос, группа крови и т.д.).

Наши персональные данные необходимы прежде всего для идентификации человека при взаимодействии с гаджетами - это связано с работой искусственного интеллекта (ИИ). ИИ использует информацию о нас для создания предложений по товарам и услугам, скорее всего заинтересующих потенциального покупателя (пользователя).

Сбор персональных данных происходит несколькими способами.

1. Самым распространенным методом сбора являются так называемые файлы cookie (небольшой объем данных, сохраняемый браузером на компьютере при посещении сайтов). Существуют файлы cookie для сеансов, они упрощают перемещение по страницам сайта. К примеру, пользователю, после выбора товара в интернет-магазине, при переходе на страницу оплаты, не надо заново заходить в свой аккаунт, потому что данные были сохранены. Также распространены постоянные файлы cookie, которые отслеживают ваше перемещение в интернете, и, в последующем, ИИ подбирает интересующую вас рекламу.

2. Вредоносные или нежелательные программы. Они устанавливаются, как правило, с согласия пользователя. С установкой определённого приложения может быть скачана и нежелательная программа, например, браузер или сомнительный антивирус.

3. Законный сбор - мы добровольно даём согласие на сбор персональной информации, ставя галочку напротив пункта об ознакомлении с политикой конфиденциальности.

4. Кража, утечка персональных данных, несанкционированный доступ к конфиденциальной информации.

В современных условиях появился и новый предмет посягательств - персональных данных людей. Чаще это называют «кража личности», то есть кража личных данных человека. Мошенники чаще всего совершают такие преступления в целях либо причинения морального вреда жертве, либо же в получении материальной выгоды.

К сожалению, полностью обезопасить себя от утечки невозможно. Можно только минимизировать риск. К примеру, удалить все вредоносные программы, установить надёжный антивирус, посещать только надёжные сайты. И одно из самых главных, использовать на всех сайтах разные пароли и, периодически, их изменять.

Список использованных источников:

1. Защита персональных данных [Электронный ресурс] // Официальный сайт TAdviser – Режим доступа: <https://www.tadviser.ru/index.php> (Дата обращения: 02.11.2023).
2. Аналитика утечки персональных данных // Официальный сайт Лаборатории Касперского. URL: <https://www.kaspersky.ru/> (дата обращения: 01.12.2023).
3. Статистика работы ведомства // Официальный сайт Федеральной службы России по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). URL: <https://rkn.gov.ru/> (дата обращения: 02.12.2023).

Ермолаева Юлия Васильевна,

к.ю.н., доцент кафедры конституционного права им. проф. И.Е. Фарбера и проф. В.Т. Кабышева ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
Российская Федерация

ПОНЯТИЕ ПРАВА НА ЗДОРОВЬЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Право на здоровье является базовой потребностью человека. Уже сейчас можно активно пользоваться такими медицинскими трендами как электронные медицинские карты, носимые устройства, мобильные приложения для здоровья, достижениями искусственного интеллекта. Поэтому актуальность темы обусловлена ролью данного права как для реализации других прав человека (на питание, жилье, работу, образование, информацию и участие в разных сферах жизни), а также его зависимостью от реализации этих прав.

В Основном законе российского государства гарантируется и охраняется только право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст.41 Конституции РФ). В теории конституционного права ведутся дебаты о толковании и применении именно права на здоровье, какие минимальные права включены в данное право, что включает понятие «здоровье», какие учреждения несут ответственность за обеспечение права на здоровье.

Обратимся к понятию конституционного права на здоровье. Преамбула Устава ВОЗ 1946 г. содержит формулировку: «Здоровье - это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие недомогания и болезней» [1]. В Замечании общего порядка № 14 [4] разъясняется, что «право на здоровье не следует понимать, как право быть здоровым». Это набор свобод и прав, которые учитывают биологические и социальные условия индивида, а также доступные ресурсы государства, и то, и другое может препятствовать осуществлению права быть здоровым по причинам, не зависящим от влияния или контроля государства. Статья 12 обязывает государство признать, что каждый человек обладает неотъемлемым правом на наилучший возможный уровень здоровья, и перечисляет «свободы от» и «права на», которые сопровождают такое право; однако она не обязывает

государство обеспечивать, чтобы все люди действительно были полностью здоровы или чтобы все люди полностью признавали права и возможности, перечисленные в праве на здоровье [9].

Можно заметить, что право на здоровье определяется и как набор прав и свобод, и как самостоятельное право (например, как право на универсальный минимальный уровень здоровья), на который имеют право все люди. По нашему мнению, верны обе позиции.

Право на здоровье – это комплексное фундаментальное право человека, включающее определенный набор прав и свобод, связанных как с предоставлением медицинской помощи, содействием позитивному самочувствию и профилактике проблем со здоровьем, так и с возможностью реализовывать основополагающие предпосылки здоровья. Его существенное отличие состоит в том, что оно:

1. Личное. Град Ф.П. называет право на здоровье как «фундаментальное, неотъемлемое право человека», которое правительства не могут ограничивать и, скорее, обязаны защищать [5].

2. Основное право, состоящее из дополнительных, таких как: право контролировать свое здоровье и тело (сексуальные и репродуктивные права), право не подвергаться вмешательствам. Кроме того, некоторые гражданские и политические права, призванные защищать человека, связаны со здоровьем, например, право на жизнь и запрет на пытки, право на неприкосновенность личности, право на экологию, право на информацию, право на возмещение причиненного вреда, право на принятие самостоятельного решения и ответственности на сделанный выбор в отношении действий, касающихся вмешательства в организм человека, отдельные права ребенка, права инвалидов и пр.

Если обратиться к международным документам, то можно увидеть, что право на здоровье распространяется также на данные о геноме человека, на использование органов и тканей живых доноров для трансплантации, на запрет на извлечение финансовой выгоды от трансплантации [2]. В Декларации социального прогресса и развития 1969 года, Конвенции об устранении всех форм формами расовой дискриминации 1965 г., Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, Конвенции МОТ № 102 о минимальных нормах социального обеспечения и 103 об охране материнства, Европейской социальной хартии и прочих документах затрагиваются вопросы, прямо или косвенно затрагивающие право на здоровье. Например, право на пользование системой для охраны здоровья, которая предоставляет всем равные возможности для поддержания наивысшего достижимого уровня здоровья.

В конституционных актах зарубежных государств также есть практика закрепления предпосылок здоровья. Так, в ст. 119 Конституции Швейцарской конфедерации закреплено «право на защиту от злоупотреблений при зачатии с медицинской помощью и от генной инженерии...запрещена любая форма клонирования и любое вмешательство в генотипы гамет и человеческих эмбрионов...» [3].

3. Это право пятого поколения, что обуславливается тем, что, во-первых, здоровье и права человека неразрывно связаны: первая взаимосвязь –

политическая (политика, программы и практика в области здравоохранения оказывают влияние на права человека), обратная взаимосвязь – нарушения прав человека оказывают воздействие на здоровье (призыв к экспертным знаниям в области здравоохранения) [6]. Традиционное понимание индивидуального здоровья является только «одним из существенных условий здоровья», медицинских услуг недостаточно для поддержания здоровья, так как существуют внешние факторы, которые оказывают положительное и отрицательное воздействие на здоровье и благополучие населения планеты. Во-вторых, подобный подход характеризуется новым отношением к человеку, как биосоциальному существу, во взаимосвязи с гуманологией, биоэтикой в условиях мировой тотальной цифровизацией. В-третьих, признание права на охрану здоровья только частью права на здоровье каждого гражданина дает понимание целостной картины категории «здоровье», смещая акценты с государства на самого человека. Подобное толкование данного права позволит с младшего возраста прививать культуру самостоятельной заботы о себе, использовать предоставленные со стороны государства механизмы для диагностики и поддержания надлежащего уровня здоровья, формировать ответственное отношение к своему здоровью.

В структуре права на здоровье возможно выделить следующие элементы, которые входят одновременно в сферу действия других прав человека – медицинская помощь и основополагающие предпосылки здоровья [10].

Медицинская помощь предполагает меры по снижению уровня младенческой смертности и увеличению средней продолжительности жизни; доступ к медицинскому лечению в тюрьмах; предотвращение профессиональных заболеваний, их лечение и контроль. Государство обязано обеспечить доступ к своевременной, приемлемой и доступной по стоимости медицинской помощи надлежащего качества, а также соответствующие детерминанты здоровья, такие как безопасная питьевая вода, санитария, пищевые продукты, жилье, связанная со здоровьем, надлежащее просвещение, обязанность сохранения гендерного равенства.

Большинство проблем, с которыми сталкиваются государственные медицинские учреждения, связаны с недостаточным финансированием, отсутствием кадров. Развивающиеся частные клиники недоступны для большинства граждан по причине высокой стоимости. В этой связи положительным примером служит практика общественных организаций. Например, существует Российское общество первой помощи, которое оказывает как платные услуги по обучению на инструктора первой помощи, так и волонтерскую деятельность для просвещения граждан. Или, например, организация «Право на здоровье» – добровольное объединение граждан, созданное для защиты прав и интересов населения в сфере здравоохранения. Ее целью является: реализация проектов, направленных на защиту прав граждан в сфере здравоохранения; содействие в реализации прав граждан на выбор врача и выбор медицинской организации, на получение имеющейся информации о состоянии своего здоровья, на ознакомление с медицинской документацией; рассмотрение жалоб и заявлений граждан, обращение в суды с заявлениями в защиту прав граждан в сфере здравоохранения [7].

Основополагающие предпосылки здоровья – это здоровая окружающая среда, доступ к продовольствию достаточной питательности, достоверная информация на этикетках, доступ к информации, связанной со здоровьем, состоянием окружающей среды, обеспечение гигиены труда в промышленности, лечение и контроль за профессиональными заболеваниями, защита психического здоровья, меры по предотвращению аборт, совершаемых в опасных для здоровья женщины условиях и другие. Их реализации способствует пропаганда здорового образа жизни, культ долголетия, культура потребления и питания, развитие альтернативной медицины. На государственном уровне реализуются национальные проекты, происходит изменение законодательства, связанного с оказанием медицинских или смежных услуг. Возможно стоит рассмотреть идею о ведении в учреждениях среднего специального образования новой дисциплины «Основы здорового образа жизни».

Следует согласиться с Мервин Сассером, который излагает четыре положения, которые, по его мнению, подпадают под право на здоровье [9]: равный доступ к здравоохранению и медицинским услугам; «добросовестные» социальные усилия по содействию равному состоянию здоровья среди различных социальных групп; средства измерения и оценки справедливости в отношении здоровья; равные социально-политические системы, дающие всем сторонам уникальный голос в пропаганде и укреплении здоровья.

Это некоторый минимальный стандарт доступа к ресурсам здравоохранения, который в то же время не гарантирует и не требует равного состояния здоровья для каждого человека из-за присущих ему биологических различий в состоянии здоровья.

В науке отмечаются и отрицательные моменты признания данного права. Например, обсуждается растущий «разрыв в результатах» между группами населения, получающими медицинские вмешательства, и теми, кто их не получает (финансовая составляющая) [8]. Еще одна критика права на здоровье заключается в том, что оно неосуществимо. Вместо этого предполагается, что цели улучшения здоровья населения лучше служит социально-экономическая политика, чем формальное право на здоровье.

Таким образом, о праве на здоровье уже говорят в научной литературе, обсуждается его содержание, структура, наблюдается трансформация в понимании закрепленных прав и свобод в контексте их толкования. Данная тема требует дальнейшего исследования, так как в ее основу положена система конституционных прав и свобод человека, реализация его базовых потребностей.

Список использованных источников:

1. Устав (Конституция) Всемирной Организации Здравоохранения (Нью-Йорк, 22 июля 1946 г.) // URL: <https://base.garant.ru/2540328/> (дата обращения 05.12.2023 г.)
2. Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине ETS N 164 (Принята Комитетом министров Совета Европы 19 ноября 1996 г.) // Московский журнал международного права. июль - сентябрь 1999 г., № 35.

3. Конституция Швейцарии 1999 г. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/switzerland.pdf> (дата обращения: 10.10.2023)
4. Замечание общего порядка № 14 (2000). URL: <https://database.belhelcom.org/docs/zamechanie-obshchego-poryadka-komiteta-po-ekonomicheskim-socialnym-i-kulturnym-pravam-n14-pravo-na-n> (дата обращения 05.12.2023 г.)
5. Град Ф. П. «Преамбула Устава Всемирной организации здравоохранения». Бюллетень Всемирной организации здравоохранения. 80 (12): 981–4. PMC 2567708. PMID 12571728. Архивировано (PDF) с оригинала 17 октября 2013 года // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.d6b8a9cc-65700003-9712f3bd-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Right_to_health#cite_note-4 (дата обращения 01.12.2023)
6. Джонатан Манн «Здоровье и права человека» // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.c8877058-656ffeb-db9d2943-74722d776562/https/www.hhrjournal.org/wp-content/uploads/sites/2469/2014/03/4-Mann.pdf (дата обращения 01.12.2023)
7. Межрегиональная общественная организация «Право на здоровье». URL: <https://www.pravo-na-zdorovie.ru/team-4> (дата обращения: 02.12.2023)
8. Фармер П. «Основные инфекционные заболевания в мире - лечить или не лечить?». URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.591e5848-657001fa-abb50899-74722d776562/https/pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/11463018/ (дата обращения 01.12.2023)
9. Право на здоровье. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.2e29f8d1-656ffeb6-b4ac95ce-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Right_to_health (дата обращения 01.12.2023)
10. Право на здоровье в зарубежных странах. URL: <https://topwork24.ru/articles/poleznoe-dla-studenta/pravo-na-zdorove-v-zarubeznyh-stranah> (дата обращения: 02.12.2023)

Михайлов Анатолий Евгеньевич,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры
государственных и административно-
правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Северо-
Кавказская государственная академия»,
Российская Федерация

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ КАК АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ПРОЦЕДУРЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ В РОССИИ: ТЕОРИЯ, РЕАЛЬНОСТЬ И ТЕНДЕНЦИИ

Недопонимания, перерастающие в спорные и конфликтные ситуации могут возникнуть в жизни любого человека. При развитии конфликта возрастают трудности в понимании между оппонентами. Протест и отрицание противоположной позиции влечёт противоборство между спорящими сторонами, создаёт сложности в понимании цели спора, так как эмоции и субъективная оценка сложившейся ситуации превалируют над истинными интересами. Такие конфликты требуют адекватного разрешения с помощью

незаинтересованного в споре человека, который знает право. Стоит отметить, что в настоящее время в нашей стране существует такая альтернативная форма разрешения конфликта, которая позволяет урегулировать конфликт без обращения в государственные суды. По мере увеличения разрешения конфликтных ситуаций с помощью взаимоприемлемого, добровольного согласия практическую значимость приобретает развитие функционирования и применения медиации. Следует отметить, что медиацию обозначают процедурой и процессом, не разграничивая данные понятия.

Медиация в качестве самостоятельного процесса получила своё развитие в США. Возникновение процедуры медиации приходится на 70-ые годы XX века. Новый подход в работе с конфликтом был предложен представителями Гарвардской школы Р. Фишером и У. Юри. Затем по мере своего развития данная процедура стала интересным объектом для европейских стран и уже в 1980-ых годах рассматривалась в Европе в качестве альтернативного варианта судебному процессу. В России процедура медиации считается новым способом разрешения проблем между спорящими сторонами. Она рассматривается в различных областях научного знания. Как процесс медиация позволяет урегулировать конфликты, возникающие в коммерческой, трудовой, семейной, образовательной, судебной и других сферах. Понятие «медиация» затрагивается в различных работах психологов: А.В. Вишневецкая, Н.М. Романова, О.Б. Кетова, социологов: М.В. Павлова, О.В. Аллахвердова, конфликтологов: О.В. Маврин, А.В. Алешина, В.А. Косовская, юристов: В.В. Лисицын, А.В. Давыденко, Р.А. Шаманова, А.А. Рождествина, Н.И. Минкина и других.

Обратимся к исследователям, которые дают определение данному понятию. В.В. Лисицын, на наш взгляд, наиболее верно определяет медиацию как универсальный способ урегулирования коммерческих споров в России [1]. Н.М. Романова считает, что «медиация — это способ урегулирования конфликтов с участием профессионального посредника (медиатора), помогающего участникам спора разобраться в конфликте и его решить» [2; 6 стр.]. Н.И. Минкина подчеркивает, что «медиация — это самостоятельный внеюрисдикционный способ урегулирования спора при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими в переговорах взаимоприемлемого решения» [3; 25 стр.]. Т.А. Савельева в коллективном исследовании об урегулировании правовых споров с помощью негосударственных процедур отмечает, что под процедурой посредничества следует понимать такой способ разрешения споров, который предполагает нейтральную сторону между сторонами конфликта, способствующую переговорам направленным на выработку и заключение соглашения по вопросу спора [4]. А.А. Рождествина полагает, что медиация — это «способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения» [5; 4 стр.]. В статье 2 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника

(процедуре медиации)»²² присутствует термин «посредник» при определении процедуры медиации, что создаёт путаницу при разграничении данных понятий. Подводя краткий итог вышесказанному, следует отметить, что медиация — это добровольный процесс, зависящий по протяженности и продолжительности лишь от конфликтующих сторон, но не от воли и интересов медиатора. Обращение к соглашению и прекращению процедуры осуществляется в зависимости от желания участников спора. При достижении компромиссного или удовлетворяющего каждую из сторон решения важным остаётся свобода от рамок правового регулирования.

Далее. Любая слаженная деятельность, предполагающая развитие, имеет свои характерные принципы, которые позволяют этой деятельности функционировать. То есть принципы — это то, что составляет основу деятельности и позволяет отличать один вид от другого. Например, Д.С. Кулапов отмечает, что «медиация как процедура разрешения конфликта имеет свои базовые принципы вне зависимости от того, в какой сфере она применяется. Данные принципы выводятся на основе анализа международных документов, предусматривающих применение процедуры медиации, законодательства, а также анализа и обобщения практики медиации, доктринальных разработок в этой области» [6; 48 стр.]. Так как процесс медиации имеет принципы, которые отражены на законодательном уровне, это позволяет их рассматривать как правовые. В статье 3 Федерального закона от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» указаны такие основные принципы, как добровольность, конфиденциальность, сотрудничество и равноправие сторон, беспристрастность и независимость.

Раскроем значение вышеназванных принципов, начиная с принципа добровольности. Некоторые российские исследователи указывают в своих трудах на необходимость обязательного проведения процедуры медиации, то есть являются приверженцами внедрения обязательной медиации. Наш взгляд на этот вопрос совпадает с мнением Т.И. Афанасьевой, которая утверждает, что «обязательной нужно сделать не саму медиацию, а информационную встречу сторон с медиатором» [7; 90 стр.]. Также принцип добровольности включает в себя некоторые аспекты, требующие внимательного отношения обеих сторон к процедуре. Первое — если одна из сторон спора решила обратиться к медиатору, это не обязывает другую сторону принимать участие в процедуре, то есть медиация может быть осуществлена только при взаимном согласии, договорённости. Второе — каждая из сторон вправе прервать процедуру по личному желанию в одностороннем порядке без последствий негативного характера. Третье — к решению проблемы стороны приходят самостоятельно без какого-либо давления со стороны. Четвёртое — результат процедуры медиации согласовывается субъектами добровольно. Пятое — помощь медиатора принимается сторонами добровольно.

²² Цит. по: Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 31. — ст. 4162.

Следующий принцип — принцип беспристрастности и независимости медиатора. Данный принцип предполагает учёт мнений и взглядов сторон конфликта. Говоря о беспристрастности, следует отметить объективность медиатора, которая удовлетворяет конфликтующие стороны и не вызывает у них никаких сомнений. Независимость медиатора заключается в отсутствии личных интересов в конфликте, связей с какой-либо из сторон процедуры. К тому же, «оставаясь беспристрастным, ведущий не должен быть безразличным к факту правонарушения и причинённому правонарушителем злу» [8; 109 стр.]. В рамках данного принципа важно равное оказание услуг обеим сторонам конфликта. А также избежание предубеждений и сомнений.

Принцип конфиденциальности предполагает неразглашение хода процедуры, её результатов. Возможность использования информации вне процедуры аргументируется в случае решения о таковом обеих сторон конфликта или требования закона. Гарантия конфиденциальности должна обеспечиваться медиатором, также следует обсуждать все нюансы со всеми сторонами конфликта. В части 3 статьи 5 Федерального закона № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» перечислены возможные участники процедуры (медиаторы, стороны конфликта, третьи лица, присутствующие при процедуре, а также работники организации), которые также обязуются сохранять в тайне информацию, полученную от сторон конфликта: во-первых, связанную с примирением или готовностью об участии в процедуре; во-вторых, связанную с возможными способами и мыслями сторон об урегулировании конфликта; в-третьих, связанную с признаниями одной из сторон; в-четвёртых, связанную с принятием доводов противоположной стороны и готовностью к урегулированию конфликта.

Принцип сотрудничества и равноправия заключается в отсутствии состязательности и противоборства. Направлен он на содействие при примирении и разрешении спорной ситуации. В процессе медиации сотрудничество является ключевым элементом, так как стороны решают проблему, содействуя и учитывая интересы, потребности, мнения друг друга. При этом стороны конфликта равны, ни одна из сторон не превалирует в вопросе спора над другой. Таким образом, данный принцип указывает на равные возможности, равное выражение позиции, равное определение условий проведения процедуры сторонами конфликта.

Исследователи вопроса выделяют и другие принципы, а также распределяют принципы по группам. Так, стоит отметить мнение С.И. Калашниковой, которая, на взгляд исследователей медиации (Н.И. Минкина, Н.В. Крыланова), внесла значительный вклад в изучение вопроса принципов процедуры. С.И. Калашникова считает, что принципы медиации позволяют отделить медиацию, индивидуализировать её и указать на самостоятельность этого процесса как внеюрисдикционного вида деятельности. Также исследователь в своей работе [9] распределяет принципы по функциональному значению в такие группы: 1) организационная; 2) процедурная. Такое упорядочение позволяет привести принципы в единую систему, в которой каждый из принципов взаимосвязан, но в то же время самостоятелен. Таковую

классификацию поддерживают Д.С. Кулапов, Н.И. Минкина, С.Ф. Афанасьев и другие. К организационной группе относят такие принципы, которые указывают на характер организации: добровольность, беспристрастность и независимость медиатора. К процедурной группе — относят принципы, которые формируют характер проведения процедуры, её порядок: конфиденциальность, сотрудничество и равноправие сторон.

Также следует отметить классификацию, которую предлагает Д.Б. Елисеев. Он представляет не только несколько групп различных принципов, отражённых в Законе о медиации, но и предлагает выделять такие принципы, которые не находят отражение в нём. Первая группа — правовые (а том числе процессуальные) принципы: 1) свобода и информированная добровольность; 2) равенство сторон; 3) самостоятельность; 4) несостязательный характер; 5) упрощение процедуры, заключающееся в неформальности, скорости проведения; 6) предел полномочий, сосредоточенных в руках медиатора; 7) конфиденциальность; 8) избежание причинения вреда; 9) отсутствие нанесения вреда третьим лицам (детям, 10) многопрофильность медиатора; 11) согласие сторон на участие третьих лиц в процедуре. Вторая группа — коммуникативно-психологические принципы: 1) добросовестность медиатора и сторон конфликта 2) нейтральность медиатора 3) личное участие и прямое взаимодействие сторон; 4) стремление к созданию комфортной психологической обстановки, соблюдение этики поведения [10; 14 стр.].

Итак, выделив принципы процедуры медиации, следует отметить, что именно из них, на наш взгляд, формируются преимущества. В качестве основных преимуществ процедуры В.С. Шеянов и М.В. Велькина отмечают: 1) позицию медиатора, которая исключает поддержку интересов одной стороны конфликта без учёта другой; 2) невмешательство в процедуру медиации, отсутствие полномочий для принятия решения спора; 3) способы урегулирования конфликта выбирают исключительно стороны конфликта; 4) нейтральность медиатора увеличивает уровень доверия к процедуре; 5) процедура медиации снижает нагрузку на судебную систему и судей; 6) «Медиация формирует уважительное отношение между сторонами конфликта» [11]; 7) медиатор способствует пониманию своих желаний сторонами и учёту интересов друг друга; 8) направленность медиации на поиск решения конфликта, а не выяснение того, кто прав; 9) процедура медиации является экономичным процессом в финансовом и временном эквиваленте; 10) процедура медиации позволяет сохранить отношения между оппонентами после заключения медиативного соглашения, что позволяет взаимодействовать. Н.М. Романова выделяет преимущества медиации, классифицируя их по группам: психологические, экономические и мировоззренческие [12; 97-103 стр.]. К психологическим исследователь относит гуманизм, сохранение взаимоотношений после урегулирования спора, инициативу и личную заинтересованность сторон конфликта в принятии решений по спору, увеличение опыта и возвращение навыков в разрешении конфликтов, соблюдение конфиденциальности, учёт мнений сторон спора. К экономическим преимуществам относится экономия времени, эмоциональных нагрузок, денежных средств. К мировоззренческим преимуществам относится особенность разрешения спора исключительно

конфликтующими сторонами, так как именно они знают все особенности (его начало, развитие). Также следует дополнить мировоззренческую группу таким рядом преимуществ: особое понимание сторон спора; учёт мнений и интересов, относящихся к разрешению и урегулированию спорной ситуации; учёт отношения сторон спора к понятию «справедливость» [13;19 стр.]. Таким образом, медиация — процедура, которая учит самостоятельно, быстро и без разногласий приходиться к примирению, что является развитием общественных отношений. Данная процедура включает в себя достаточное количество положительных аспектов для развития и использования процедуры в нашей стране [14; 310-313 стр.].

Но, как и любая другая процедура, медиация имеет ряд недостатков. На наш взгляд, одним из недостатков медиативной деятельности следует считать непрофессиональную медиацию. Потому необходимо выделить один из принципов, который следует считать важным для осуществления процедуры медиации — принцип профессионализма. Данный принцип неоднозначно отражён в Законе о медиации статьи 16 части 1 и встречается с проблемой, выражающейся в виде возможности осуществления непрофессионального посредничества. Медиацию непрофессионального характера поддерживают, например, такие исследователи как С.Ф. Афанасьев, О.М. Дементьев, Е.В.Тихонова [15]. Также участие недостаточно осведомленного в проведении процедуры человека может привести к: 1) трудностям при разрешении конфликта и увеличению протяженности времени по разрешению спора; 2) снижению качества и эффективности деятельности; 3) снижению доверия к процедуре медиации; 4) снижению доверия к медиатору и его деятельности. Таким образом, это является одним из недостатков процедуры медиации. Мы же считаем, что для осуществления процедуры необходимы особые знания. Выделение такого принципа как профессионализм стоит подкрепить существующим положением Европейского кодекса поведения медиаторов, которое свидетельствует о наличии данного принципа в сфере медиации. В ст.1 Европейского кодекса поведения медиаторов сказано о необходимом уровне знаний, их обновлении, постоянной осведомлённости о данной сфере, способствующей осуществлению деятельности, удовлетворяющей требованиям сторон конфликта [16].

Кроме того, Ю.А. Вирченко и Н.А. Самохвалов акцентируют внимание на недостатках, которые имеются в законе о медиации. Так, они отмечают неконкретное обозначение сфер, требующих проведения процедуры медиации. Конфликтные ситуации, разрешаемые с помощью процедуры, не обозначены в законе конкретно. «Так, часть 2 статьи 1 закона относит к предмету своего регулирования споры, возникающие из гражданских правоотношений, в том числе, в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также споры, возникающие из трудовых и семейных правоотношений. При этом часть 5 все той же статьи 1 закона исключает применение процедуры медиации к спорам, указанным в части 2 статьи 1, если такие споры затрагивают или могут затронуть права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации, или публичные интересы» [13; 18 стр.]. Исследователи отмечают, что термин «публичные интересы» не имеет

конкретизации, каких-либо уточнений, потому представляет собой категорию оценочную. Про права и законные интересы третьих лиц в законе о медиации также ничего не сказано, то есть, нет никакой конкретизации, касающейся того, как могут быть затронуты интересы третьих лиц, чтобы процедура медиации не применялась. Ещё одним недостатком, который следует отметить, Ю.А. Вирченко и Н.А. Самохвалов видят незафиксированный показатель стоимости процедуры медиации, что предполагает концентрацию права контролировать доступность процедуры организациями, регулировать её дороговизну и давать возможность обращаться к процедуре лишь состоятельной части общества. Таким образом, возможность использования процедуры медиации для широкого круга лиц вызывает сомнения, а о стоимости в части 2 статьи 10 закона № 193-ФЗ сказано лишь, что она «осуществляется сторонами в равных долях, если они не договорились об ином». Это говорит о том, что стороны могут и не договориться о том, чтобы цена услуг отличалась, что может создать проблемы для обращения к процедуре медиации обеих сторон конфликта.

К одному из недостатков развития процедуры в нашей стране Т.И. Афанасьева относит отрицание юристами процедуры медиации как части своей профессиональной деятельности. Это связано с субъективным восприятием процедуры. «Зачастую у практикующих юристов медиация ассоциируется исключительно с психологией, в их представлении она являет собой одно из направлений (течений) в психологии» [7; 89 стр.]. На наш взгляд, важно обеспечить отношение к процедуре медиации как особенному виду урегулирования конфликтных ситуаций, который может быть предоставлен психологами или юристами, прошедшими дополнительные курсы повышения квалификации в сфере медиации. Важно отметить, что психологу необходимы знания в сфере юриспруденции, а юристу в сфере психологии. Таким образом, мы считаем, что проблема заключена не только в субъективно складывающемся мнении среди юристов, но и в отсутствии конкретизации в законе о медиации того, кто из профессионалов может осуществлять деятельность медиатора. Д.Б. Елисеев недостатками медиации видит: — неуверенность в профессионализме медиатора в отличие от судьи; — поверхностность знаний медиатора из-за необходимости погружения в широкий круг областей знаний; — малое количество процессуальных гарантий, что порождает навязывание убеждений одной стороны спора другой; — отсутствие четкого определения структуры действий внутри процедуры вызывает следование тем правилам, которые устанавливаются медиативными организациями, что порождает недоверие к медиации; — отсутствие последствий за нанесённый сторонам спора вред медиатором в результате осуществления деятельности; — сокрытие от общественности споров между сторонами, которые могут иметь социально значимые последствия [10; 14-15 стр.]. Таким образом, медиация включает в себя не только положительные черты, она и не обделена недостатками. Несмотря на то, что мнения исследователей разделяются, положительная точка зрения на применение и развитие медиации в России преобладает, что подтверждает ряд аналитических исследований и обращение к процедуре как альтернативному способу урегулирования споров. Следует отметить, что Саратовские исследователи поддерживают развитие медиации в России. В частности — специалисты Саратовской государственной юридической

академии, Саратовского национального исследовательского университета имени Н.Г. Чернышевского [17].

Исследователями и учёными отмечается, что обращение к моделям медиации позволяет рассматривать процедурные особенности урегулирования споров. Так расчётная модель предполагает урегулирование спора с помощью распределения средств [9; 16 стр.]. Стоит отметить и фасилитативную или содействующую модель [18; 241 стр.]. Таким образом, подводя краткий итог вышесказанному, следует отметить, что в литературе существуют различные взгляды на встречающиеся принципы, преимущества, недостатки и модели процедуры медиации. Принципы медиации различны и специфичны, к тому же представляют основу для осуществления медиативной деятельности. Недостатки и преимущества, которые отмечают исследователи в своих трудах отличаются, что говорит о различных взглядах на реализацию Федерального закона № 193 на практике. Отмеченные в нашей работе недостатки, говорят о необходимости дальнейших доработок со стороны законодателя, а также необходимости со стороны исследователей формировать предложения, которые помогут избавиться от недостатков и улучшить функционирование института медиации в России.

Список использованных источников:

1. Лисицын В.В. Медиация - универсальный способ урегулирования коммерческих споров в России [Текст]: научный очерк: история и современность / В. В. Лисицын. - Москва: МАКС Пресс, 2009. - 134 с.
2. Романова Н.М. Основы медиации. Учебное пособие / Н.М. Романова. — Саратов: Наука, 2017. — С. 6.
3. Минкина Н.И. Медиация как альтернативный способ урегулирования конфликтов. Монография / Н.И. Минкина. - М.; Берлин: Директ-медиа, 2017. - С. 25.
4. Зайцев А.И., Кузнецов И.В., Савельева Т.А. Негосударственные процедуры урегулирования правовых споров / А.И. Зайцев, И.В. Кузнецов, Т.А. Савельева. — Саратов, 2000. — 342 с.
5. Рождествина А.А. Медиация и медиативный подход в работе службы медиации: практикум / А.А. Рождествина. — Саратов: Поволжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017. — С. 4.
6. Кулапов Д.С. Принципы медиации: многообразие подходов к регулированию / Д.С. Кулапов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — № 2 (97). — 2014. — С. 48.
7. Афанасьева Т.И. Проблемы интеграции медиации и медиативных технологий в юридической деятельности / Т.И. Афанасьева // Известия Байкальского государственного университета. — Иркутск, 2017. — Т. 27, № 1. — С. 90.
8. Медиация. Новый подход к разрешению конфликтов (Дайджест) / Под ред. Ю.Б. Нечаева, А.Н. Селищева. — Пермь: Ресурс, 2009. — С. 109.
9. Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции: дис. ...канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2010. — 27 с.
10. Елисеев Д.Б. Роль медиации в разрешении правовых конфликтов (теоретико-правовой анализ): автореф. дис. ...канд. юрид. наук. — М.: 2013. — С.14.

11. Шеянов В.С., Велькина М.В. Преимущества медиации / В.С. Шеянов, М.В. Велькина. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/preimuschestva-mediatsii/viewer>
12. Романова Н.М. Проблемы теории и практики медиации: психологический анализ / Н.М. Романова // Перспективы становления и развития медиации в регионах: сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием (4 декабря 2015 г.). – Саратов: Издательский центр «Наука», 2016. – С. 97–103.
13. Вирченко Ю.А., Самохвалов Н.А. Процедура медиации в Российской Федерации: плюсы и минусы / Ю.А. Вирченко, Н.А. Самохвалов // Актуальные проблемы современности: наука и общество. — 2016. — № 4. — С. 19.
14. Хухрова А.Ю. Содержание понятия «медиация» и её ценностно-правовые основания // Юридическая наука и правоприменение: взгляд молодых ученых: сборник тезисов докладов по материалам VII Международной научно-практической конференции (заочное участие) (апрель 2022) / Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2022. С. 310-313.
15. Афанасьев С.Ф. Гражданское процессуальное право России/ С.Ф. Афанасьев. — М.: Юрайт, 2014. — 879 с.; Дементьев О.М., Тихонова Е.В. Альтернативное разрешение споров: краткий аналитический очерк / О.М. Дементьев, Е.В. Тихонова. — Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2010. — 196 с.
16. Европейский кодекс поведения медиаторов (Брюссель, 2 июня 2004 года). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://base.garant.ru/70515162/>
17. Новости. Саратовская государственная юридическая академия. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://сгюа.рф/ru/info/news-2/item/14221-v-sgyua-sostoyalsya-vserossijskij-kruglyj-stol>
18. Ярошенко Е.И., Киселев К.А. Социально-психологические особенности работы с агрессивными проявлениями сторон в процедуре медиации / Е.И. Ярошенко, К.А. Киселев // Развитие института медиации как инструмента повышения правовой культуры граждан: Сб. материалов VI Международной научно-практической конференции (30 октября 2020). -Саратов: Наука, 2020. -С. 241.

Колесникова Татьяна Васильевна,

к.ю.н., доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
Российская Федерация

О ПРАКТИКЕ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА, СВЯЗАННОГО С ГРАЖДАНСКОЙ, АДМИНИСТРАТИВНОЙ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

О факте: гражданин П. незаконно занял участок дубовой рощи в природоохранной зоне на берегу реки Волга, преградив забором доступ других граждан на захваченные территории. Правонарушение длящееся, факт незаконного захвата территории установлен Управлением Росреестра

(Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии РФ) по Саратовской области в 2019 году. П. был привлечен к административной ответственности. Также имела место преступная вырубка дубов гражданином П. в предыдущие годы, за что он привлекался к уголовной ответственности. В настоящее время территория, о которой идет речь, относится к городу Саратову, некоторое время назад относилась к Саратовской области. После проверки управления Росреестра и установления факта захвата территорий, нарушитель П. уплатил незначительный штраф, но земли не освободил, своих заборов не снес. На протяжении многих предыдущих лет захватывал земли, притесняя членов дачного садового некоммерческого товарищества (СНТ), находящегося рядом. В отсутствие членов СНТ перемещал заборы, двигая их на участки членов СНТ и расширяя свою территорию. П. воздвиг незаконные строения – здания и заборы на захваченной земле, допустил множество других нарушений и самовольных действий по технике безопасности, электрическим коммуникациям, переносу электрических столбов, изменению рельефа местности. С помощью техники – бульдозеров и машин убрал часть склона в сторону берега Волги (почва была вывезена), расширив дорогу шириной более 9 метров вблизи своих ворот, одновременно обрушив вышерасположенный участок члена СНТ. Уничтожил более 100 дубовых деревьев, и оградил своим забором более 150 дубовых деревьев возрастом свыше 50 лет. Продолжает расширять свои территории и вырубать дубы, в последний период сооружает свето- и воздухо непроницаемые заборы, в нарушение требований нормативной документации и Устава СНТ.

Граждане, объединившись, обращались по фактам нарушений в правоохранительные органы на протяжении ряда лет, с целью добиться устранения нарушений, сноса незаконно возведенных заборов, освобождения гражданином П. захваченной территории.

Однако воз, как говорится, и ныне там. Территории в дубовой роще, в природоохранной зоне на берегу реки Волга всё так же заняты, заборы не снесены, и препятствуют входу граждан на государственные земли. Дубы являются ценной породой деревьев, в Саратовской области и в черте города Саратова плохо произрастают. Эта конкретная дубовая роща была посажена около 50 лет назад лесничеством Саратовского района Саратовской области, в то время земли относились к лесному фонду, однако позже они были исключены из лесного фонда. Последнее обстоятельство не уменьшает значения этих деревьев для природы и общества. Дубовая роща служит многим полезным целям, за 50 лет она улучшила рельеф местности и микроклимат, это противооползневое укрепление берега, в роще сосредоточена среда обитания многих птиц и животных – белок, ежей, лис и др., и некоторые виды могут жить только в этой окружающей среде.

Захваченные государственные территории в дубовой роще хорошо заметны для проверяющих лиц, т.к. там растут высокие, массивные деревья, эту местность невозможно перепутать с полем, дачными участками, частями дорог. Однако проверяющие почему-то закрывают глаза на имеющиеся нарушения, не желают применять законодательство Российской Федерации. Возникает вопрос, почему такую позицию занимают государственные органы, и не доводят до конца устранения правонарушений. Либо они плохо знают свои права и законы

РФ, либо допускают халатность, не желают загружать себя работой, либо имеет место коррупционный фактор.

Инициаторами привлечения гражданина П. к ответственности были не органы прокуратуры, в том числе природоохранной, куда много раз направлялась информация, а простые неравнодушные граждане, которые, объединившись, писали об этом нарушении в различные правоохранительные и властные органы, в том числе полицию, прокуратуру, министерство природных ресурсов, региональные органы власти, губернатору, в федеральные средства массовой информации (статьи были опубликованы, общественность возмущалась), в Генеральную прокуратуру РФ. Переписка заняла несколько томов в печатном виде, часть переписки собрана в электронном виде, когда-нибудь она будет опубликована, и наглядно покажет неэффективность действия правоохранительной системы в данном случае, слабую координацию государственных органов.

Большей частью правоохранительные и властные органы допускали формальный подход, переадресовывали заявителей в другие инстанции, давали отписки, при этом все, как правило, ссылались на законодательство РФ. Особо сильный акцент правоохранительные и властные органы делали в своих письмах на то, что граждане имеют право на обращение в суд, если считают, что их права нарушены кем-то, при этом государственные структуры игнорируют вопрос о нарушенных интересах общества и государства в целом.

Следует сказать, что в советский период большая часть граждан были законопослушными, они строго выполняли требования по земельным наделам, дачным участкам, строительным нормам. Связано это было со строгостью правоприменения, неотвратимостью наказания, приоритетом государственной собственности и государственных интересов, авторитетом законов. Относительно конкретного изложенного выше случая, никто не захватывал в советское время участков дорог и других государственных территорий, дубовой рощи, не уничтожались дубы и другие насаждения в природоохранной зоне. Уважался труд лесничих по высадке и выращиванию дубов, а ведь это очень тяжелый многолетний труд.

Затем, в постсоветские годы, произошел распад государства и ослабление государственных функций, частичная утрата контроля государства многих сфер деятельности. На фоне всего этого, в рассматриваемом случае, и появился в те годы предприимчивый и напористый гражданин П., который начал на глазах общественности уничтожать дубовую рощу и захватывать территории. Работы велись им с применением крупной строительной техники, днем и ночью, в разные времена года. Возмущенные граждане обращались, прежде всего, к председателю дачного кооператива, которые обещал принять меры, но ничего не делал. Как потом поняли дачники, он был в сговоре с правонарушителем.

В природоохранной прокуратуре молодые сотрудники в годы перестройки допускали поверхностное отношение к заявлениям граждан о захвате дубовой рощи, смеялись по поводу обращений общественности. Эти сотрудники получили взыскание, когда после вмешательства Генеральной прокуратуры РФ гражданин П. был привлечен к уголовной ответственности за незаконную вырубку дубов. Председателю дачного кооператива удалось уйти от уголовной

ответственности. Гражданин П. заплатил небольшой штраф, и дело было передано в товарищеский суд малого предприятия, где он работал, или числился. На наш взгляд, наказание никак не соответствовало тяжести и общественной опасности совершенного деяния. А безнаказанность, как известно, порождает дальнейшие, более опасные правонарушения и преступления, и практика подтверждает это.

Гражданин П. в последующие годы не освободил захваченные территории, а продолжил свои незаконные действия, притесняя соседей, мстил им за заявления, отхватывая части от их территорий, от дорог общественного пользования, устанавливая заборы на бетонных основаниях. Угрожал соседям убийством и физической расправой, избил одну из соседок. Начиная с самовольного захвата нескольких квадратных метров, расширил пределы своей территории до более 20 соток, включив в пределы своего ограждения свыше 150 растущих дубов на государственной территории в природоохранной зоне, построил дачу и баню на захваченных землях, оградил всё заборами.

При этом неоднократно обманывал проверяющих лиц – электриков, энергетиков, членов правления СНТ, вводя в заблуждение, что захваченные территории – это его личные, оформленные, приватизированные. Размером своего дачного участка гражданин П. стремился произвести впечатление на своих гостей, устраивая им банные процедуры и купание в Волге. Фактически много лет использовал захваченную территорию не для ведения садоводства, как установлено Уставом дачного садового некоммерческого товарищества, а как частную незарегистрированную турбазу, получая прибыль.

Правоохранительные органы не контролировали, что гражданин П. продолжает нарушать законодательство РФ по многим направлениям, в том числе незаконным возведением заборов, бани и др. самовольных построек, пользования ими, не платит налоги в государственный бюджет на протяжении ряда лет за пользование государственной территорией. Государственные органы в приведенном случае это совершенно не волнует. Так же как и другие распространенные факты правонарушений в огромном количестве в нашей местности – например, самовольное занятие склонов и берегов Волги, частей дорог, островов, участков рядом с сельскими кладбищами, работа незарегистрированных ресторанов и кафе. Эти случаи настолько многочисленны, что могли бы существенно пополнять бюджеты за счет штрафов.

Территориальные органы прокуратуры РФ, переправившие в 2019 году заявления граждан в Управление Росреестра, после этого ни разу не поинтересовались итогом завершения проверки. Факт нарушения – незаконного занятия территории установлен Управлением Росреестра по Саратовской области, под контролем центрального аппарата Росреестра России. И что же дальше? До сих пор незаконно захваченные земли не освобождены. Сроки устранения нарушений неоднократно продлевались для нарушителя Управлением Росреестра по Саратовской области на протяжении более двух лет.

Собственник одного из участков, прилегающих к незаконно захваченным территориям, обратился в суд с исковым заявлением о восстановлении своего права пользования государственной роцей, и устранении многочисленных

нарушений, в том числе по поводу захвата части его территории дачного участка нарушителем П. Истец на основе многолетнего опыта понял, что захватчик П. не останавливается, и будет дальше присваивать частные территории, и общественные, государственные, если его не остановят решением суда.

Второй год дело находится в судебных инстанциях. Суд первой инстанции рассматривал это гражданское дело больше года, в своем решении полностью удовлетворил требования истца. Встречные требования ответчика (по надуманным основаниям, с целью затягивания времени) не были удовлетворены. Неоднократно заседания откладывались по заявлению ответчика, проводились комплексные экспертизы, и это заняло значительное время.

В настоящее время по жалобе ответчика дело рассматривается в суде апелляционной инстанции около полугода, также затягивается ответчиком, было более семи заседаний, слушались эксперты, назначена еще одна комплексная экспертиза. Суд в настоящее время очень волнуют вопросы, как дорого будет стоить снос незаконно возведенных гражданином П. построек в государственной дубовой роще, и может ли подъехать туда техника. Подобная постановка вопросов наводит на мысли о сочувствии судом либо иными государственными органами не законопослушным гражданам, а нарушителю П. Истец столкнулся с ситуацией, когда на протяжении многих лет он не может добиться справедливости и законности, и не известно, добьется ли он этого. Что будет не удивительно во время распространенного правового нигилизма и судебных ошибок. Пожилому истцу тяжело осознавать это, трудно участвовать несколько лет в судах физически и морально, затратно по времени и финансам, т.к. необходима помощь юристов и специалистов.

По нашему мнению, раз нарушитель П. деньги на сооружении незаконных построек нашел, изыщет средства и на их снос. Суд как орган государственной власти должен быть на стороне закона, государственных и общественных интересов, и законопослушных граждан, а не нарушителей. А на практике, то, что гражданин П. не платил налогов все прошедшие годы, суд этот факт не волнует. В Конституции РФ, ст. 57 сказано, что каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы [1; 57 стр.].

По законодательству, статье 196 Гражданского процессуального кодекса РФ, суд может выйти за пределы заявленного гражданского иска, в случаях, установленных законодательством [2; 196 стр.]. Истец не обязан поднимать налоговые и иные вопросы, тем более, когда в начале судебного разбирательства еще не были точно установлены масштабы правонарушения. Истец в письменном заявлении просил прокуратуру поддержать в суде общественные и государственные интересы. Потому что на основании п.3 ст.35 Федерального закона «О прокуратуре РФ» прокурор в соответствии с законодательством Российской Федерации вправе обратиться в суд с заявлением или вступить в дело в любой стадии процесса, если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства [3; 35 стр.].

Однако прокуратура отказалась вступить в процесс, как устно пояснили сотрудники прокуратуры, что дело не относится к случаям обязательного участия прокурора в рассмотрении гражданского дела. Видимо речь шла о статье 45 ГПК РФ [3; 45 стр.]. Никакого письменного ответа из органов прокуратуры

по этому поводу не поступило. Прокуратура – орган государственного надзора за исполнением законов, должна следить за соблюдением прав и свобод граждан, государственных и общественных интересов. А на практике этого не делает в конкретном случае. Сочли, что дело не относится к случаям обязательного участия прокуратуры, принято решение прокурором не участвовать в деле. Вот и получается, что граждане годами не могут достичь результатов и восстановления нарушенных интересов.

В связи с тем, что окончательное решение по делу не принято, детальные сведения и фамилии участников процесса не сообщаем. Истец намерен добиваться восстановления своих прав всеми возможными законными средствами, если решение суда апелляционной инстанции будет не в его пользу, он будет обращаться в суд кассационной инстанции, надзорной инстанции - в Верховный Суд РФ, а возможно, и в Конституционный Суд РФ, т.к. нарушаются конституционные права граждан на пользование природными ресурсами. В ст. 42 Конституции РФ сказано, что каждый имеет право на благоприятную окружающую среду. А в ч.2. ст. 36 Конституции РФ сказано, что владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц [1; 42 стр., 36 стр.]. В рассматриваемом гражданском деле наносится ущерб окружающей среде, нарушаются законные интересы граждан со стороны индивида, который вообще не имеет права на участок земли, на владение, пользование и распоряжение землей и природными ресурсами, то есть более грубо нарушается Конституция РФ, а правоохранительные органы на протяжении ряда лет не исправляют ситуацию. В ст. 58 Конституции РФ сказано, что каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам [1; 58 стр.]. И эта статья тоже грубо нарушается. Истец считает своим гражданским долгом довести данное дело до справедливого завершения.

С научной и юридической точки зрения, есть явные пробелы в деятельности правоохранительных и судебных органов РФ. Считаю необходимым внести изменения в Гражданский процессуальный кодекс и иное законодательство РФ. Считаю, что при обнаружении нарушений законодательства РФ, касающихся государственных и общественных интересов, суд обязан информировать правоохранительные органы, органы прокуратуры об этих нарушениях. Считаю необходимым внести дополнения в п.3 ч.4 статьи 45 ГПК РФ (введена в действие в 2022 году), там, где сказано: «В целях обеспечения законности прокурор по своей инициативе или инициативе суда вступает в дело, рассматриваемое судом, на любой стадии процесса для дачи заключения: ...3) в случае выявления обстоятельств, свидетельствующих о том, что являющийся предметом судебного разбирательства спор инициирован в целях уклонения от исполнения обязанностей и процедур, предусмотренных законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, законодательством о налогах и сборах,...» [2; 45 стр.]. После слов «спор инициирован в целях уклонения...» дополнить статью ГПК РФ словами «или связан с уклонением...». Органы

прокуратуры РФ, по нашему мнению, обязаны участвовать в судебных процессах, где спор связан с нарушением государственных и общественных интересов, и принимать законные меры для полного и всестороннего исследования обстоятельств дела, и наказания виновных лиц.

Список использованных источников:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Официальный текст Конституции РФ опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

2. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.11.2023), опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru> - 24.06.2023).

3. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 24.07.2023) «О прокуратуре Российской Федерации», опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru> - 24.07.2023).

Бендюрина Светлана Владимировна,

к.ю.н., доцент кафедры конституционного права
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет им. В.Ф.Яковлева»,
Российская Федерация

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ (COVID-19) В РОССИИ

Моментом начала проявления симптомов коронавирусной инфекции COVID-19 в России и периодом его первой локализации принято считать последние числа января 2020 года. Свое дальнейшее распространение инфекция продолжила в начале марта, а уже 11 марта последовало объявление Всемирной организации здравоохранения о том, что расширение нового коронавируса приобрело масштабы пандемии.

По всему миру, где обнаруживалось заболевание коронавирусной инфекцией, органы власти государств были вынуждены принимать меры, препятствующие его распространению. Россия не стала исключением и на начальном этапе применила ряд ограничительных мер.

Для достижения локализации эпидемии Постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 18.03.2020 г. №7 «Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-2019» был введен карантин (обязательная изоляция) для заболевших и контактировавших с ними с момента выявления первых заболевших коронавирусной инфекцией. Далее последовал перевод школьников, а чуть позже, и студентов на дистанционное обучение, основанием послужили - письмо Министерство просвещения РФ от 17 марта 2020 г. № ДТ-41/06 «Об организации

обучения в дистанционной форме» и Приказ Министерства образования и науки России от 29.01.2020 № 146 «О мерах по предупреждению распространения коронавирусной инфекции». По всей стране учащиеся закончили учебный 2019-2020 год дистанционно, при этом экзамены, сессии сдавались в онлайн-режиме, также проходили празднования выпускных вечеров.

С 30 марта по 11 мая 2020 года в России действовал режим нерабочих дней с сохранением за работниками заработной платы, сотрудники предприятий переводились на удаленную работу, а для тех, кто продолжал работать вводился гибкий график (Указ Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней»; Письмо Минтруда России от 23.04.2020 № 14-2/10/П-3710 «О направлении Рекомендаций по применению гибких форм занятости в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории РФ»). Функционирование значительной части экономики, за исключением непрерывных производств, аптек и торговли продуктами питания в этот период было приостановлено. Для посетителей свои двери закрыли музеи, театры, филармонии, цирки, а также кинотеатры, последовала отмена массовых мероприятий, что было реализовано в соответствии с Приказом Министерства культуры России от 16 марта 2020 г. № 357 «О деятельности находящихся в ведении Минкультуры России организаций в условиях угрозы распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) на территории Российской Федерации». В 2020 году в РФ были перенесены парад Победы на Красной площади 9 мая, голосование о поправках в Конституцию РФ, Петербургский международный экономический форум и другие масштабные мероприятия.

Также «в связи с неблагоприятной эпидемиологической ситуацией в мире, возникновением угроз санитарно-эпидемиологическому благополучию потребовалось принятие дополнительных мер по санитарной охране территории, в том числе по усилению санитарно-карантинного контроля в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации» [5; 4 стр.]. К числу таких мер, введенных Распоряжением Правительства РФ от 30 января 2020 года №140-р «COVID-19. Меры Правительства по борьбе с коронавирусной инфекцией и поддержке экономики», например, можно отнести ограничение транспортного сообщения России с Китаем, а также закрытие границы РФ на Дальнем Востоке. С марта 2020 года прекратилось транспортное сообщение с иностранными государствами, включая страны Европейского Союза, были ограничены въезд в Российскую Федерацию для иностранных граждан и движение через наземные пункты пропуска через государственную границу Российской Федерации.

С февраля по май 2020 года во всех федеральных округах РФ вводилось обязательное ношение защитных масок в общественных местах, за нарушение устанавливались штрафы. В конце марта 2020 года власти 67 субъектов России ввели на подчиненных им территориях режим самоизоляции для жителей. В ряде регионов действовали системы контроля выхода из дома с помощью QR-кодов или цифровых пропусков.

У Президента России и органов исполнительной власти в тот период была одна важная цель: сохранить здоровье населения страны. Именно это и явилось

существенной причиной для того, чтобы ввести дополнительные запреты, ограничения, обязанности для граждан на территории России.

Бесспорно, закрытие границ, остановка туристического потока, введение карантинных мер (обязательная изоляция) для граждан и жестких ограничений на транспортное сообщение и другое в 2020 году явились мерами, позволившими существенно снизить количество заболевших. Но, с другой стороны, предпринятые чрезвычайные меры вызвали дискуссию о соразмерности и правомерности вводимых ограничений прав и свобод человека и гражданина не только в научных кругах, но и в обществе в целом.

Рассуждая о понятиях «прав и свобод человека и гражданина» и порядке их ограничения, следует обратиться к отдельным положениям Конституции РФ, а именно в статье 2 закреплено, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства». Это положение нашло дальнейшее развитие в статьях 17 и 18 Конституции РФ, подчеркивая, что основные права и свободы человека и гражданин признаются и гарантируются настоящей Конституцией, они неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Также, анализ положений статей 2, 17 и 18 Конституции РФ позволяет говорить о том, что права и свободы человека выражают волю общества, предоставляют возможность выбора и их реализация обеспечивается государством.

Проблемы, связанные с определением оснований и пределов ограничения федеральным законом, закрепленных в Конституции РФ основных прав и свобод человека и гражданина, следует рассматривать с позиции статей 55 и 56 Конституции РФ.

Конституция РФ в ч.3.ст.55 предусматривает возможность установления ограничений только федеральным законом, только с целью защиты конституционных ценностей и при этом они должны быть необходимыми. Таким образом, Конституция РФ позволяет ограничивать права и свободы личности, но эта возможность не является неограниченной или беспредельной, ее рамки также установлены Конституцией – ч.2.ст.17, ч.1 и 2 ст.55, ч.3 ст.55, ст.56.

Так, вне зависимости от режима ограничения не подлежат ограничению права и свободы, закрепленные в статье 56 Конституции РФ, такие как: право на неприкосновенность частной жизни, личную семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, право на жилище и др. Эти предписания являются основополагающими для любого нормативного акта, который подразумевает ограничение прав человека.

Позволю не согласиться со Сквозниковым А.Н., который исследуя институт ограничения прав и свобод человека приходит к выводу, что норма об ограничении прав и свобод человека сформулирована широко, расплывчато, некорректно, что может создавать почву различных злоупотреблений при ее применении, в частности, при принятии ограничительных мер, несоизмерных с охраняемыми общественными интересами [9; 228-229 стр.].

Собственно, понимание критериев ограничения прав человека, закрепил в своих правовых позициях Конституционный Суд РФ - в целях защиты конституционно значимых ценностей при справедливом соотношении публичных и частных интересов, при этом устанавливаемые федеральным

законом средства и способы такой защиты должны быть обусловлены ее целями и способны обеспечить их достижение, исключая умаление и несоразмерное ограничение соответствующих прав и свобод (постановления от 18 февраля 2000 года № 3-П, от 14 ноября 2005 года № 10-П, от 26 декабря 2005 года № 14-П, от 16 июля 2008 года № 9-П, от 7 июня 2012 года № 14-П и от 17 февраля 2016 года № 5-П).

Если проанализировать хронологию вводимых ограничений и оценить юридическую силу актов, которыми они вводились, преимущественно это подзаконные, ведомственные акты, то возникает еще один вопрос, насколько правомерными были дополнительные запреты, обязанности для граждан?

Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее по тексту – Закон № 68-ФЗ) и Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (далее по тексту – Закон №52-ФЗ) – акты, регулирующие особые правовые режимы, в, частности, в них определен режим функционирования органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Вышеперечисленные ограничения вводились в российских субъектах на основании положений именно данных федеральных законов, в соответствии с которыми органы исполнительной власти не только федерального, но и регионального уровня были наделены специальными полномочиями в условиях режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации устанавливать «...дополнительные обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения...» (ст. ст. 10, 11 Закона № 68-ФЗ с изменениями от 01.04.2020).

Конституционный Суд РФ допустил возможность участия органов государственной власти субъекта Российской Федерации - с соблюдением иерархической соподчиненности правовых норм - в регулировании вопросов, касающихся защиты прав человека, а также населения и территорий от чрезвычайных и других аналогичных по уровню своей опасности ситуаций природного и иного характера (постановление от 25.12.2020 № 49-П), указывая на необходимость соответствия подзаконных нормативных актов, принятых в экстраординарной ситуации в порядке исполнения Конституции РФ и федерального закона, критериям соразмерности (постановление от 25.12.20 № 49-П).

Ряд авторов характеризуют ограничения, как: лихорадочные, иррациональные и совершенно необоснованные меры со стороны государства [10; 140 стр.]; претерпевшие негативную и вынужденную трансформацию в виде ограничения основных прав, приостановления реализации основных прав, возложения дополнительных обязанностей [1; 101 стр.].

Отдельные ученые допускают возможность вводимых ограничений в условиях пандемии COVID-19 в России и считают их вполне оправданными, полагая, что: безграничная свобода индивида может привести к умалению интересов и прав других лиц, угрожать их безопасности [8; 75 стр.]; масштаб и острота пандемии COVID-19 угрожают общественному здоровью [2; 62 стр.]; в условиях борьбы с коронавирусной инфекцией допускается усиление мер

публично-правового воздействия на человека, в том числе применение механизма административного принуждения [4; 25 стр.]; вынужденная, но необходимая мера, при этом общими принципами при реализации мер против распространения COVID-19 должны стать принципы законности, соразмерности, разумности и срочности [3; 99 стр.].

Поддерживаю выводы исследователей о том, что установленные ограничения соразмерны целям, ради которых данные ограничительные меры были введены, они пропорциональны проблеме и законны [7; 144 стр.].

Правовая позиция Конституционного Суда РФ, сформулированная в Постановлении КС РФ от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области», о том, что введение ограничений прав и свобод человека было продиктовано объективной необходимостью оперативного реагирования на экстраординарную (беспрецедентную) опасность распространения коронавирусной инфекции (COVID-2019), только усиливает этот вывод.

COVID-19 стал для России своеобразным испытанием на соответствие статусу «социального государства», провозглашенного в статье 7 Конституции РФ: «Российская Федерация - социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Далее, в ч.2 указанной статьи Конституции РФ утверждается, что «В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей...». Государство в условиях пандемии COVID-19 доказало, что обеспечение нормы, направленной на охрану здоровья людей является приоритетной конституционной ценностью, что дало свои положительные результаты.

Оценить это можно, обратившись к данным из Государственного доклада Роспотребнадзора «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2020 году»: «В 2020 году пандемия новой коронавирусной инфекции (COVID-19) оказала огромное воздействие на социальную, экономическую, политическую и культурную сферы в стране, это воздействие продолжается по настоящее время. В Российской Федерации в 2020 году выявлено 3 159 297 случаев заболевания (2152,63 на 100 тыс. населения) в 85 регионах страны...» [5; 4 стр.].

Между тем, год спустя в Государственном докладе Роспотребнадзора «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2021 году» сообщается, что «санитарно-эпидемиологическая обстановка по всем субъектам и в целом по Российской Федерации в 2021 году характеризовалась как напряженная, однако управляемая, позволившая с минимальными потерями пройти сложный период пиковых нагрузок в связи с распространением коронавирусной инфекции в

период 2020–2021 гг. При этом, благодаря комплексу принятых и реализованных антикризисных мер и мер по восстановлению экономики, проведению широкой вакцинопрофилактики COVID-19, а также обеспеченной макростабильности в социальной сфере и в экономике, удалось не только сохранить здоровье населения и эпидемиологическое благополучие, но и достаточно быстро восстановить ритм экономической и социальной жизни. В то время как в мире один за другим объявили второй и третий локдауны, России не пришлось идти на такие жесткие меры» [6; 7 стр.].

Таким образом, государство, последовательно реализуя политику социального, в период распространения в России коронавирусной инфекции поспешило обезопасить население страны от масштабного заражения вирусом, применив огромный спектр ограничительных мероприятий во благо россиян, сведя к минимуму нарушение прав человека. Пандемия проверила на прочность правовую систему ценностей в сфере прав и свобод человека и гражданина, а также устойчивость механизмов защиты основных прав и свобод человека. Вводимые меры в рамках борьбы с распространением COVID-19, были решительными, однозначно ведущими к трансформации устоявшейся системы прав, свобод человека и их ограничений, а также появлению нового ковидного законодательства, обеспечивающего реализацию и защиту прав человека.

Хотелось бы подчеркнуть, что в сложившихся в 2020-2021гг. условиях, ограничительные меры оказались единственными, доказавшим свою эффективность. В России, к счастью россиян, не пришлось объявлять второй и третий локдауны.

Список использованных источников:

1. Аничкин Е.С. Конституционный статус человека и гражданина в условиях пандемии коронавирусной инфекции: векторы трансформации в России // Правоприменение. 2021. Том 5. № 3. С. 101–111.

2. Василевич Г.А., Остапович И.Ю., Калинина Е.Г. Пандемия коронавируса как основание ограничения прав и свобод человека // Правоприменение. 2021. № 2. С. 62–76.

3. Латыпова Н.С. «Проблемы защиты прав человека в условиях пандемии COVID-19» // Юридическая наука без границ.-2021.-№ 4.- С.96-100.

4. Липинский Д.А., Макарейко Н.В., Попов И.Е. Юридическая ответственность в механизме противодействия современным угрозам национальной безопасности: новой коронавирусной инфекции. Административное право и практика администрирования. 2021. № 1. С. 25–35.

5. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2020 году: Государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2021. 256 с.

6. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2021 году: Государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2022. 340 с.

7. Попов М.Ю., Самыгин П.С., Самыгин С.И. К дискуссии об ограничении прав и свобод человека в условиях пандемии. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 4. С. 142–147

8. Ромашев Ю. С. Ограничения основных прав и свобод человека в международном праве и новации в российском уголовном законодательстве // Журнал российского права. 2013. №11. С. 75–84.

9. Сквозников А.Н. «Ограничение прав и свобод человека в условиях пандемии COVID-19: международно-правовые аспекты»// Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. - № 3.– С. 222-240.

10. Толстых В.Л. COVID-19 и международное право: специальные вопросы. Московский журнал международного права. 2022. № 1. С. 128–142.

Островская Наталия Борисовна,

к.ю.н., доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Н.И.Химичевой ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
Российская Федерация

УКРЕПЛЕНИЕ ДОВЕРИЯ РОЗНИЧНОГО ИНВЕСТОРА К ФИНАНСОВОМУ РЫНКУ ЧЕРЕЗ УСИЛЕНИЕ ЕГО ЗАЩИЩЕННОСТИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Необходимым условием развития финансового рынка является укрепление доверия к нему его участников.

Для этого важно создать в разных его сегментах качественные продукты и инструменты для долгосрочных сбережений и инвестиций, отвечающих потребностям граждан. Необходимо ориентироваться не только на обеспечение защиты прав и законных интересов розничного инвестора, но и на то, как вернуть его доверие к отечественному рынку, предотвратив уход на фондовые площадки других стран.

В продолжение системной работы и, одновременно, реагируя на новые риски, Банк России уже разработал широкий спектр мер, направленных на совершенствование защиты прав и законных интересов розничных инвесторов, которые излагаются в основных направлениях развития финансового рынка, готовящихся на ежегодной основе. Разработанный в 2023 году проект Основных направлений развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год и период 2025 и 2026 годов сохранил преемственность Основных направлений развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и период 2024 и 2025 годов, которые уже во многом учитывали новые реалии и вызовы, стоящие перед российской экономикой на современном этапе.

В частности, для того чтобы увеличить доверие розничных инвесторов к фондовому рынку, Банком России планируется работа по стимулированию долгосрочных инвестиций, в рамках которой продолжится совершенствование механизма индивидуальных инвестиционных счетов (далее – ИИС), а также будут прорабатываться инструменты, дополняющие продукты

негосударственных пенсионных фондов (далее – НПФ): специальные длинные облигации федерального займа с доходностью, привязанной к инфляции, а также специальные паевые инвестиционные фонды).

ИИС является достаточно популярным финансовым инструментом среди розничных инвесторов, в частности, это связано с возможностью получения налоговых вычетов и увеличения доходов.

До конца 2023 года ИИС можно открыть на три года и на выбор получить одну из этих налоговых льгот:

- Тип А (ИИС-1) – вычет на взнос. Внося на ИИС деньги, можно вернуть со взноса 13%, но не более 52 тысяч рублей в год. Для этого типа ИИС необходимо иметь официальный доход. ИИС типа А подходит консервативным инвесторам – для тех, кто не хочет рисковать. Ежегодный возврат фиксированной суммы при таком типе ИИС гарантирован.

- Тип Б (ИИС-2) – вычет на доход. ИИС типа Б позволяет не платить налог на доход с биржевых сделок и оформляется после закрытия счета и вывода денег.

Реформа ИИС обсуждается давно. Так, в октябре 2020 года Банк России уже предлагал создать новый тип ИИС, однако не в замену действующим ИИС, а в дополнение к ним. Подчеркивалось, что возможность комбинирования позволит инвестору управлять вложениями одновременно на среднесрочном и долгосрочном горизонте [1].

В рамках пресс-конференции по денежно-кредитной политике глава Банка России Э.С. Набиуллина подтвердила планы по замене ИИС-1 и ИИС-2 на новый тип этого инструмента — ИИС-3: «ИИС-3 придет на смену ИИС-1 и ИИС-2. Он будет в себе объединять налоговые вычеты и ИИС-1, и ИИС-2. Мы считаем, что он станет привлекательным» [2].

В октябре 2022 года директор департамента финансовой политики Минфина России И. Чебесков отметил, что ИИС-3 призван привлечь инвестиции в отечественные инструменты, поэтому налоговые льготы для иностранных активов на ИИС-3 не предусмотрены: «Минфин смотрит на механизм налогового вычета как на инструмент привлечения инвестиций в нашу экономику...» [3]. Фактически это решение закрывает для российского инвестора иностранные активы в том числе и «дружественных» стран, которые весьма востребованы. Однако, бесспорно, вложения только в экономику одной страны противоречит принципу диверсификации - портфель становится полностью зависим от ситуации на одном рынке. Это свидетельствует о необходимости проработки вопроса о возможности покупки иностранных ценных бумаг «дружественных» стран.

Важное нововведение, которое планируется в ИИС-3 – это увеличение сроков действия, предположительно, до 10 лет, но при этом средства можно снимать досрочно «в трудной жизненной ситуации», в частности, речь идет о серьезном заболевании, ухудшении жилищных условий. В таком случае требуют урегулирования такие вопросы: как инвестору доказывать, когда причина снятия средств – уважительная, а когда нет, как и кто будет оценивать достаточность медицинских показаний / необходимость улучшения жилищных условий?

Кардинальное реформирование системы ИИС в современных условиях опасно тем, что не все инвесторы согласятся отказаться от вычета по старым правилам. Необходим «плавный» переходный период от ИИС-1 и ИИС-2 к ИИС-

3, в частности, допускающий комбинирование/выбор этих счетов, это позволит инвестору управлять вложениями одновременно при среднесрочном и долгосрочном планировании, а также оценить все возможности нового типа ИИС.

С 1 января 2024 года начнет работу также новый инструмент для инвесторов – программа долгосрочных сбережений, реализуемая через НПФ.

Преимущества новой программы заключаются в следующем:

- предоставление налогового вычета на взносы граждан,
- государственное софинансирование,
- гарантирование сохранности и безубыточности сбережений,
- возможность получения гражданином этих средств в особых жизненных ситуациях и возможность наследования сбережений.

В частности, данный продукт подразумевает софинансирование до 36 000 Р/год от государства для тех, кто делает взносы от 2000 Р в год. Кроме того, есть возможность получить расширенный налоговый вычет для своих взносов в Программу на сумму до 400 000 Р в год (вернуть НДФЛ можно на сумму до 52 000 Р за каждый календарный год).

Данная программа также предусматривает безубыточность инвестиций: если на горизонте от года до пяти лет (в зависимости от условий договора) будет получен убыток от инвестирования, НПФ будет обязан его покрыть за счет специального страхового резерва. Такая система гарантий, бесспорно, подойдет консервативным инвесторам, позволяя быть спокойными за сохранность своих сбережений.

Как следует резюмировать, и ИИС-3, и программа долгосрочных накоплений через НПФ выглядят как примирение интересов государства и граждан в вопросе использования свободных денег, поскольку граждане в условиях геополитических рисков достаточно ограничены в вариантах, куда направить свои накопления, чтобы защитить их от инфляции.

Иными важными направлениями работы также являются: совершенствование имеющихся механизмов защиты прав и законных интересов розничных инвесторов, предоставление полной информации о предлагаемых на финансовом рынке инструментах. Это будет способствовать принятию розничными инвесторами обоснованных финансовых решений, и, в конечном счете, способствовать формированию благоприятных условий для повышения их благосостояния.

Список использованных источников:

1. Банк России предлагает ИИС нового типа для долгосрочного инвестирования | Банк России. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=8237> (дата обращения: 20.11.2023).

2. Глава ЦБ подтвердила планы по замене ИИС-1 и ИИС-2 на ИИС-3 | РБК Инвестиции URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/639c71289a7947c48d4ef510> (дата обращения: 20.11.2023).

3. РБК Инвестиции. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/639c71289a7947c48d4ef510> (дата обращения: 20.11.2023).

Покачалова Анна Сергеевна,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры
финансового, банковского и таможенного
права имени профессора Н.И. Химичевой
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»,
Российская Федерация

СПЕЦИФИКА ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЗАСТРАХОВАННЫХ ЛИЦ БАНКОМ РОССИИ И ФИНАНСОВЫМ УПОЛНОМОЧЕННЫМ

Человек обладает различными правами, которые он реализует в повседневной жизни. При этом на протяжении многих веков человек искал способы минимизировать свои риски при использовании отдельных своих прав, например, при реализации экономических прав. Самым древним из таких способов можно считать страхование. В современных реалиях при недостаточности собственного капитала, человек достаточно часто использует страховую защиту как дополнительный способ обеспечения кредитного обязательства. В этих случаях гражданин взаимодействует со страховой организацией через кредитную организацию, которая выступает страховым агентом, и предлагает услуги по подключению заемщика к коллективному договору страхования. Сотрудники кредитных организаций часто при оформлении различных видов страховок умалчивают существенные условия данного вида страхования, что приводит к нарушению прав и законных интересов граждан, которые в этих отношениях выступают застрахованными лицами.

В Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017-2023 годах [1] отмечается проблема информированности граждан о правах потребителей финансовых услуг и способах их защиты, в связи с тем, что на финансовом рынке отсутствует постоянная практика информирования населения и финансового консультирования клиентов в целях разъяснения рисков, сопутствующих конкретному финансовому продукту, а также имеется нехватка доступа к достоверной и надежной информации по данному направлению. В октябре 2023 года была принята Стратегия повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года, в которой предусматривается формирование эффективной системы защиты прав потребителей и инвесторов при трансграничном оказании финансовых услуг, в том числе путем расширения регуляторного и надзорного взаимодействия Центрального банка Российской Федерации с иностранными регуляторами финансового рынка в дружественных юрисдикциях [2].

Государственная защита прав и законных интересов граждан при реализации своих прав в рамках страховых отношений в России осуществляется Службой по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг Банка России, Роспотребнадзором и Федеральной антимонопольной службой. Также особое место среди субъектов, защищающих граждан в указанной сфере, занимает уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг (финансовый

уполномоченный), задача которого заключается в досудебном урегулировании спора между потребителями финансовых услуг, в том числе страховых, и финансовыми организациями, в том числе страховыми [3].

Как указывалось выше, кредитные организации достаточно часто используют недобросовестные практики при продаже дополнительных услуг при оформлении договоров кредита. Среди этих услуг на первом месте стоит страхование, как имущественное, так и личное. Кредитными организациями при продаже страховых услуг заемщикам часто не сообщалась стоимость страхования и стоимость услуги (банковской комиссии) по подключению к программе коллективного страхования, особенности коллективного договора страхования, порядок расторжения такого договора [4, 5; 189 стр.]. В целях борьбы с мисселингом, т.е. недобросовестной практикой при продаже финансовых услуг, Банк России ввел в 2015 году требование об обязательном установлении в договорах страхования «периода охлаждения», предусматривающего возможность потребителя расторгнуть договор добровольного страхования и вернуть всю страховую премию или ее часть в течение 14 дней [6]. Однако на протяжении нескольких лет судебная практика по вопросам применения «периода охлаждения» к договорам коллективного страхования шла в разрез с правами застрахованных лиц. Суды указывали на невозможность применения Указания Банка России от 20 ноября 2015 г. № 3854-У, поскольку сторонами данного договора выступают банк (страхователь) и страховая организация (страховщик), а заемщики, присоединяющиеся к программе коллективного страхования, признавались застрахованными лицами. Данная коллизия была устранена Верховным Судом Российской Федерации в 2017 году в процессе толкования действующих норм [7]. Верховный Суд Российской Федерации указал на то, что поскольку застрахованное лицо при подключении к программе коллективного страхования уплачивает банку, выступающему страхователем, сумму эквивалентную страховой премии, а также банковскую комиссию за подключение, при этом страхуется имущественный интерес именно заемщика, то фактически заемщик выступает страхователем по данному договору.

Банк России, как орган страхового надзора, осуществляет систематическую деятельность по выявлению и пресечению недобросовестных практик в процессе предоставления страховых услуг, как страховыми организациями, так и страховыми агентами, среди которых особое место занимают банки. За последние 5 лет Банк России принял ряд нормативных актов, которые максимально регламентировали весь процесс оказания данной услуги. Так, были разработаны минимальные (стандартные) требования при заключении договоров добровольного страхования жизни и здоровья заемщика по договору потребительского кредита (займа) [8], договоров добровольного страхования средств наземного транспорта [9], договоров инвестиционного и накопительного страхования жизни [10] и др.

Все это способствовало к уменьшению количества нарушений со стороны страховых организаций и страховых агентов, которые выражались во введении в заблуждение или в не предоставлении информации потребителям страховых услуг. Теперь согласно указанным актам Банка России страхователю

физическому лицу при заключении договоров страхования предоставляется ключевой информационный документ (КИД), где подробно и понятно раскрыта информация о сути оказываемой услуги. В случае возникновения споров между страховой организацией и страхователем, страховая организация должна соблюдать Базовый стандарт защиты прав и интересов физических и юридических лиц - получателей финансовых услуг, оказываемых членами саморегулируемых организаций, объединяющих страховые организации принятый в 2018 году [11], а с 2024 года начнет действовать новый Стандарт в связи с допуском на российский страховой рынок иностранных страховых организаций [12]. Стандарт направлен на минимизацию злоупотреблений со стороны страховых организаций как более юридически подкованному субъекту в процессе урегулирования споров.

В случае же, если спор урегулировать не получилось, то с 2018 года, перед тем как обратиться в суд, потребитель страховых услуг должен обратиться к финансовому уполномоченному. По статистике 88,2 % обращений к финансовому уполномоченному связаны со страхованием, где 69,2 % приходится на обязательное страхование ответственности владельцев транспортных средств [13; 22 стр.]. За последний год увеличилось количество обращений в отношении действий кредитных организаций по взиманию необоснованно высокой банковской комиссии за подключение к программе коллективного страхования, а также отказ от ее возврата при досрочном погашении кредита и расторжении договора страхования [14; 22 стр.]. Так, в своих решениях финансовый уполномоченный указывает, что, несмотря на отсутствие в законодательстве ограничений по установлению размера банковской комиссии, следует признать, что в случае досрочного погашения кредита и возврата части страховой премии, банк должен вернуть и банковскую комиссию за подключение к программе коллективного страхования пропорционально времени ее использования, поскольку данная услуга является длящейся [15; 24 стр.]. Финансовый уполномоченный, находясь на «передовой» по защите прав и законных интересов застрахованных лиц, достаточно часто осуществляет именно толкование действующих норм законодательства и правил их применения. Также важным направлением деятельности финансового уполномоченного является разъяснительная работа на своем официальном сайте по освещению недобросовестных практик применяемых финансовыми организациями, в том числе и страховыми.

Следует констатировать, что Банк России при защите прав застрахованных лиц использует в основном превентивные меры, то есть пытается максимально урегулировать в правовом поле все взаимоотношения между страховой организацией, ее представителями (страховым агентом, страховым брокером) и страхователем, в том числе застрахованным лицом (выгодоприобретателем). Все эти действия призваны уменьшить риск использования финансовой организацией пробелов и коллизий в праве для введения в заблуждение гражданина.

В свою очередь, финансовый уполномоченный, как субъект, который непосредственно разрешает споры между участниками страховых отношений, применяя действующее законодательство, в некоторых случаях осуществляет

толкование норм, что позволяет эффективно защищать интересы слабой стороны. Это свидетельствует о расширении полномочий финансового уполномоченного в рамках правозащитной функции.

Список использованных источников:

1. Распоряжение Правительства РФ от 25 сентября 2017 г. № 2039-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017 - 2023 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 40. Ст. 5894

2. Распоряжение Правительства РФ от 24 октября 2023 г. № 2958-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 45. Ст. 8091

3. Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 24. Ст. 3390.

4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 1 августа 2017 года № 89-КГ17-10 // Документ не опубликован. Содержится в СПС «Консультант Плюс».

5. Покачалова А.С. Публичные и частные аспекты банкострахования // Развитие научных идей профессора Н.И. Химичевой в современной доктрине финансового права: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции в рамках III Саратовских финансово-правовых чтений научной школы Н.И. Химичевой, посвященных 90-летию со дня рождения Нины Ивановны (Саратов, 2 октября 2018 г.) ; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020. -240 с.

6. Указание Банка России от 20 ноября 2015 г. № 3854-У «О минимальных (стандартных) требованиях к условиям и порядку осуществления отдельных видов добровольного страхования» // Вестник Банка России. 2016. № 16. 20 фев.

7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2017 года № 49-КГ17-24// Документ не опубликован. Содержится в СПС «Консультант Плюс».

8. Указание Банка России от 17 мая 2022 г. N 6139-У "О минимальных (стандартных) требованиях к условиям и порядку осуществления добровольного страхования жизни и здоровья заемщика по договору потребительского кредита (займа), к объему и содержанию предоставляемой информации о договоре добровольного страхования жизни и здоровья заемщика по договору потребительского кредита (займа), а также о форме, способах и порядке предоставления указанной информации"// Вестник Банка России. 2022. № 47. 5 окт.

9. Указание Банка России от 10 января 2020 г. № 5385-У "О минимальных (стандартных) требованиях к условиям и порядку осуществления добровольного страхования средств наземного транспорта (за исключением средств железнодорожного транспорта)" // Вестник Банка России. 2020. № 20. 4 марта.

10. Указание Банка России от 5 октября 2021 г. № 5968-У "О минимальных (стандартных) требованиях к условиям и порядку осуществления добровольного страхования жизни с условием периодических страховых выплат (ренты, аннуитетов) и (или) с участием страхователя в инвестиционном доходе страховщика, к объему и содержанию предоставляемой информации о договоре добровольного страхования жизни с условием периодических страховых выплат (ренты, аннуитетов) и (или) с участием страхователя в инвестиционном доходе страховщика, а также о форме, способах и порядке предоставления указанной информации" // Вестник Банка России. 2021. № 92. 30 дек.

11. Базовый стандарт защиты прав и интересов физических и юридических лиц - получателей финансовых услуг, оказываемых членами саморегулируемых организаций, объединяющих страховые организации", утвержден Решением Комитета финансового надзора Банка России, Протокол от 9 августа 2018 г № КФНП-24 // // Документ не опубликован. Содержится в СПС «Консультант Плюс».

12. Базовый стандарт защиты прав и интересов физических и юридических лиц - получателей финансовых услуг, оказываемых членами саморегулируемых организаций, объединяющих страховые организации и иностранные страховые организации, утвержден Банком России, Протокол от 3 августа 2023 г. № КФНП-26 // Документ не опубликован. Содержится в СПС «Консультант Плюс».

13. Официальный сайт финансового уполномоченного. Отчет о деятельности Финансового уполномоченного за 2022 год // URL: <https://finombudsman.ru/about/otchetyi-o-deyatelnosti/otchet-za-2022-god.html> (дата обращения 15 ноября 2023 года).

14. Официальный сайт финансового уполномоченного. Вестник Службы финансового уполномоченного, №02(09), 2023 г. // URL: <https://finombudsman.ru/about/vestnik-sluzhby-finansovogo-upolnomochennogo/> (дата обращения 15 ноября 2023 года).

15. Официальный сайт финансового уполномоченного. Вестник Службы финансового уполномоченного, №01(08), 2023 г. // URL: <https://finombudsman.ru/assets/templates/sodfu/img/news/files/FV-01-2023.pdf>

Фролов Алексей Александрович,
к.ю.н., старший преподаватель кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
Российская Федерация

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Право на жилище относится к основным социально-экономическим правам человека и является общепризнанным международным правом.

К основным международным правовым актам, в которых закреплены международно-правовые гарантии права на жилище, безусловно, относится Всеобщая декларация прав человека (ВДПЧ). Статья 25 ВДПЧ определяет необходимость обеспечения человеку права на такой жизненный уровень, в том числе жилище, который обеспечит здоровье и благосостояние; статья 22 опосредованно указывает на необходимость государства обеспечивать своих граждан условиями, необходимыми для свободного участия в жилищных отношениях через социальное обеспечение; в статье 12 устанавливается запрет произвольного посягательства на неприкосновенность жилища²³.

Право на жилище это не только правомочие – право иметь жилище, право пользоваться и распоряжаться им, право на его защиту, но это также и право иметь достойное жилище, пригодное для достойного проживания [1; 13 стр.].

Анализ генезиса конституционного права на жилище при существовании Союза Советских Социалистических республик (СССР) показывает, что ведущая роль в обеспечении данного права принадлежала государству, отвергались любые виды собственности, кроме государственной, гарантии реализации и защиты данного права были развиты слабо, либо отсутствовали вовсе.

Развал СССР В 1991 году поставил бывшие союзные республики перед выбором конституционно-правовых и иных гарантий конституционного права на жилище, их нормативному закреплению в своих Конституциях, исключением не стали республика Казахстан и Россия. Нужно отметить, что и РФ (ст. 2, ст. 7 Конституции РФ)²⁴, и республика Казахстан (ст. 1, ст. 2 Основного Закона страны)²⁵, утвердили себя социальными государствами, высшими ценностями которых являются человек, его жизнь, права и свободы, и стремятся к тому, чтобы все граждане были обеспечены жильем, бесплатно или за доступную плату.

Для надлежащей реализации прав и свобод человека и гражданина, требуются соответствующие гарантии со стороны государства и общества. В противном случае они приобретают декларативный характер и приводят к нарушению принципа демократизма и правового государства, а также к правовому нигилизму среди населения страны.

И Россия, и Казахстан относятся к тем государствам на постсоветском пространстве, которые закрепили наиболее широкие гарантии исследуемого права.

Переходя, к гарантиям права на жилище, следует отметить, что их объектом следует считать общественные отношения, связанные с реализацией, охраной и защитой этого права (в частности, право иметь жилище, пользоваться и

²³ Всеобщая декларация прав человека (принята третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1995. 5 апр.

²⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993 .25 дек. СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

²⁵ Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. (с изм. и доп. на 17 сентября 2022 г.). Официальный сайт Президента Республики Казахстан. Режим доступа // URL: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 02.12.2023).

распоряжаться им, права на его неприкосновенность и невозможность произвольного лишения) [2; 97 стр.; 3; 140 стр.].

Субъектом гарантий в публично-правовых отношениях, с одной стороны выступает человек, а с другой — государство, что подтверждается ст. 45 Конституции России, где говорится: «Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется»; ст. 11 республики Казахстан: «...гарантирует своим гражданам защиту...». В этом случае государство действует через органы государственной власти и должностных лиц.

Провозглашая право каждого на жилище, Конституция РФ, закрепляет конституционные гарантии реализации данного права. В частности, в ст. 40 ч. 2 и ч. 3 Конституции РФ говорится: что «гарантируя каждому право на жилище, Конституция РФ предусматривает как для органов государственной власти, так и для органов местного самоуправления, корреспондирующие этому праву обязанности поощрять жилищное строительство и создавать условия для осуществления права на жилище, при этом малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, Конституция Российской Федерации гарантирует его предоставление бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами. Тем самым Конституция РФ прямо обязывает органы местного самоуправления совместно с органами государственной власти обеспечивать реализацию права каждого на жилище...»²⁶.

Анализируя Основные Законы исследуемых стран, обнаруживается, что Россия пошла по пути «прямого» закрепления данного права и закрепила его в своей Конституции в качестве самостоятельного права. В Конституции республики Казахстан право на жилище закреплено опосредованно через установление в Конституции принципа неприкосновенности жилища.

Жилищные условия в республике Казахстан являются составной частью социального благополучия общества. Учитывая особую значимость, Основной Закон РК возводит жилище в ранг конституционного блага, устанавливая обязанность государства содействовать приобретению гражданами собственного жилья.

В комментируемой норме статьи 25 части 2 Конституции РК речь идет о создании государством условий для обеспечения граждан жильем. В современных рыночных условиях жилищные вопросы решаются гражданами страны, как правило, самостоятельно путем строительства дома, покупки квартиры и другими способами. Жилищное законодательство не ограничивает размер и количество объектов жилья, которые могут находиться в частной собственности граждан и юридических лиц. Казахстан, утверждающий себя социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы, стремится к тому, чтобы все граждане были обеспечены жильем.

²⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 1 марта 2012 г. № 389-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы администрации города Омска на нарушение конституционных прав и свобод статьей 16 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_127824/ (дата обращения: 02.12.2023).

Таким образом, статья 40 ч.2, 3 РФ и статья ст. 25 ч. 2 РК выражает социальную ответственность государства перед своими гражданами и стремление к обеспечению достойного уровня жизни для всех. Это также соответствует международным нормам и стандартам в области права на жилище, что подчеркивает стремление данных государств к соблюдению прав человека и социальной справедливости.

Важной составляющей в гарантии реализации конституционного права на жилище являются охранительные гарантии данного права. Под гарантиями охраны понимаются нормы, меры предупредительного характера, которые контролируют и устраняют препятствия на пути реализации конституционного права на жилище.

Конституционной гарантией охраны права на жилище выступает положение ч. 1 ст. 40 Конституции РФ, в котором закреплена недопустимость произвольного лишения жилища. Выселение из жилого помещения возможно только в случаях, установленных законом или в судебном порядке. При этом установлено право законных владельцев жилого помещения истребовать их жилое помещение из чужого незаконного владения. Также они могут требовать устранения любых нарушений их права на жилище, даже если они не связаны с лишением права собственности, владения или пользования.

Первая часть статьи 25 Конституции РК подчеркивает, что жилище является неприкосновенным, и лишение жилища допускается только по решению суда. Такой подход гарантирует, что права граждан на свое жилище будут уважаться и защищаться от случайных или произвольных вмешательств со стороны третьих лиц или государственных органов. Также устанавливаются законные процедуры проникновения, осмотра и обыска жилища, что дополнительно обеспечивает соблюдение прав граждан.

Также статья 25 Конституции Казахстана поддерживает принцип верховенства закона и роли судебной системы в защите прав граждан. Путем определения законных процедур и требований для проникновения, осмотра и обыска жилища, а также для лишения жилища, конституция гарантирует соблюдение прав граждан и предотвращение злоупотреблений со стороны государственных органов и частных лиц.

Положения п. 1 ст. 25 Конституции тесно связаны с нормами ст. 26 Основного Закона и взаимодополняют друг друга. Так, в п. 3 ст. 26 сказано, что никто не может быть лишен своего имущества, иначе как по решению суда. В п. 1 ст. 25 Конституции данная гарантия детализируется применительно к одному из важных видов объектов гражданских прав — жилища — «не допускается лишение жилища, иначе как по решению суда».

В качестве важнейшей гарантии реализации права на жилище хотелось бы отметить право на неприкосновенность жилища. Во всех конституциях рассматриваемых республик данное право закреплено напрямую.

Законодатель Российской Федерации указывает на то, что «жилище неприкосновенно» (ст. 25 Конституции РФ) и, что «...никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения». Развивает данное положение и жилищное законодательство России. Ст. 3

Жилищного Кодекса РФ запрещает проникновение в жилище посторонних лиц, без согласия проживающих. Допускается проникновение в жилище только в спасательных целях, аварийных ситуациях, обстоятельствах чрезвычайного характера, либо в целях личной безопасности.

В Республике Казахстан (ст. 25 Конституции РК) установлено, что «неприкосновенность жилища может быть нарушена только в случае осмотра или обыска, осуществляемых в порядке, предусмотренном законом».

В более общем смысле неприкосновенность жилища является одним из проявлений неприкосновенности частной жизни, которая также охраняется Конституцией РК (п. 1 ст. 18). Комментируемый принцип защищает интересы как лиц, являющихся собственниками жилища, так и иных лиц, владеющих и пользующихся жилищем на законном основании (арендаторов, жильцов и др.). Он призван пресекать любое незаконное и произвольное вмешательство в осуществление права на владение и пользование жилищем, как со стороны государственных органов и должностных лиц, так и общественных организаций и граждан.

Важнейшую роль в обеспечении гарантий реализации конституционного права граждан на жилище играют гарантии защиты права на жилище. Конституции стран формулируют право на судебную защиту в качестве конституционной гарантии (ст. 46 Конституции РФ и ст. 13 Основного Закона республики Казахстан), стоит отметить, что и Россия и Казахстан, одни из немногочисленных постсоветских государств, которые закрепляют исследуемое право напрямую в своих конституционных текстах, а не как позитивный способ закрепления.

Защита прав и свобод человека признается одной из главных функций судебной власти всех независимых государств постсоветского пространства. Именно суд в правовом демократическом государстве должен играть главную роль в защите прав и свобод человека.

Граждане РФ имеют право прямого обращения с жалобой в Конституционный Суд, без предварительного обращения в иные инстанции. Граждане республики Казахстан до 2022 года, в соответствии со ст. 72 Конституции и Конституционным Законом Республики Казахстан «О Конституционном Совете Республики Казахстан» правом на обращение в Конституционный Совет не обладали²⁷.

По итогам конституционной реформы в республике Казахстан, 2022 году, все граждане страны стали непосредственными участниками конституционного процесса обеспечения и соблюдения прав и свобод, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека и Конституции Республики Казахстан.

Создание Конституционного суда с наделением граждан правом напрямую обращаться к нему с просьбой о проверке конституционности норм законов и подзаконных актов подтверждает серьезное отношение государства к вопросам совершенствования механизмов защиты граждан и всестороннего обеспечения, соблюдения и исполнения Основного закона.

²⁷ Конституционный закон Республики Казахстан от 29 декабря 1995 г. № 2737 «О Конституционном Совете Республики Казахстан» (в ред. от 22 декабря 2017 г.). Информационная система «Параграф». URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=1004022#pos=100;-47 (дата обращения: 02.12.2023).

В результате конституционных реформ в рассматриваемых странах, разрыв между конституционными нормами о правах и свободах человека и практикой их воплощения целенаправленно сокращается.

Таким образом, модель реализации конституционного права на жилище и его гарантий существенно отличается от советского периода в рассматриваемых странах, государство отказалось от роли монополиста по обеспечению жильем, основная функция в данном вопросе возложена на человека, а государство способствует этому через реализацию различных гарантий. Всеобщая декларация, сформулированная как декларативная модель в области прав человека, стала реализовываться как правовая модель в части конституционных гарантий реализации права на жилище в РФ и республике Казахстан.

Список использованных источников:

1. Фролов, А. А. Конституционное право на жилище в Российской Федерации и странах СНГ: сравнительно-правовое исследование: специальность 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Фролов Алексей Александрович, 2021. – 234 с. – EDN GGFQDC.

2. Сотникова Л.В. Гарантии реализации права граждан на жилище // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2013. № 3. С. 97-100.

3. Соловьева В.В. Гарантии прав и свобод человека и гражданина: понятие, сущность, содержание, классификация // Актуальные теоретические и практические вопросы развития юридической науки: общегосударственный и региональный аспекты. 2014. № 1. С. 137-151.

Құнанбаева Мәйрә Нәмгенқызы,
психол.ғ.к., ҚР Президентінің жанындағы
Мемлекеттік басқару академиясының доценті,
Қазақстан

Серикбаева Баглан Мухамеджановна,
э.ғ.к., ҚР Президентінің жанындағы Мемлекеттік
басқару академиясының доценті, Қазақстан

Сейіткерім Бибиғұл Ерлановна,
магистр, А.Қ.Қусаинов атындағы ЕАГИ
оқытушысы, Қазақстан

МЕМЛЕКЕТТІК БАСҚАРУ ТАРАПЫНАН ЕРЕКШЕ БАЛАЛАРДЫҢ АТА-АНАЛАРЫНЫҢ ӨМІРГЕ ҚҰШТАРЛЫҒЫН НЫҒАЙТУ ЖОЛДАРЫ

Қазіргі уақытта ерекше білім қажет ететін балалар мен солардың ата-аналары туралы көптеген мәселелер бұқаралық ақпарат құралдарында ерекше

өзекті тақырыбына айналып отыр. Себебі қоғамымыздың тірегі және бастамасы ол жанұя. Мемлекет тарапынан бұл мәселе ерекше қарастырылғаны, ол соңғы он жылдықта бір-қатар маңызды заңнамалардың және құқықтық құжаттардың қабылданғанын ескеруіміз қажет. 2002 жылы «Қазақстан Республикасындағы баланың құқықтары туралы» мен «Халық денсаулығы және денсаулық сақтау жүйесі туралы» заңдар қабылданған болатын. 2011 жылы «Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы туралы» кодекс сияқты заңнамаларда артынан қабылданды. Бұл деген, мемлекет үшін бала мен ата-аналар құқығы әр кезде маңызды салаға жататындығына дәдел.

Содан 2015 жылы Біріккен Ұлттар Ұйымының Бас Ассамблеясы 2006 жылғы Нью-Йоркте қабылдаған «Мүгедектердің құқықтары туралы конвенциясын ратификациялау» туралы» заң қабылданды. [1] Сол 2015 жылы сонымен қатар «Ең төмен әлеуметтік стандарттар және олардың кепілдіктері туралы» заң бекітілді. [2] Егемді ел болып құрылғаннан бастап елдің өмірлік жағдайын, тұрмысын және денсаулық деңгейін жақсарту мақсатымен осы реттеу әрекеттері әлі де құрылу мен қалыптасу барысында. Әріне бір күнде барлық қиындықтарды жеңіп кету және бақытты елге айналу мүмкін емес. Бірақ бұл заңдылықтар үстем бағытымыз бен негізгі құндылықтарымызды айқындайды.

Осы негізгі құқықтық заңдар мемлекет тарапынан ерекше білім қажет ететін балалар мен солардың ата-аналарының құқығын қорғауға негіз болды. Сонымен қатар 2007 жылы «Білім туралы» заң бекітілді. [3] Оның соңғы 2024 жылғы редакциясында «19-2) ерекше білім беруді қажет ететін адамдар (балалар) – тиісті деңгейде білім алу және қосымша білім алу үшін арнаулы жағдайларға тұрақты немесе уақытша қажеттілік көріп жүрген адамдар (балалар); және 19-3) ерекше білім беру қажеттіліктерін бағалау – білім алу үшін қажетті арнаулы жағдайларды айқындау» - деген түсініктер бар. Ал инклюзивті білім беру таралы былай делінген – «Инклюзивті білім беру – ерекше білім беру қажеттіліктері мен жеке-дара мүмкіндіктерін ескере отырып, барлық білім алушылар үшін білім алуға тең қолжетімділікті қамтамасыз ететін процесс». [3]

Ерекше баларды атап қана кетпей, соларға көмек, қолдау мен сүйемелдеуді жасауды осы заңда бекітілген. «45-3) мүмкіндігі шектеулі балаларды арнаулы психологиялық-педагогикалық қолдау – қызметтің қандай да бір түрін орындау қабілеттерін қалпына келтіруге немесе оның орнын толтыруға бағытталған көрсетілетін қызметтер мен іс-шаралар кешені» және «50-3) психологиялық-педагогикалық қолдап отыру – білім беру ұйымдарында іске асырылатын, процесінде ерекше білім беру қажеттіліктерін бағалау негізінде ерекше білім беруді қажет ететін адамдарды (балаларды) ойдағыдай оқыту және дамыту үшін әлеуметтік-психологиялық және педагогикалық жағдайлар жасалатын жүйелі-ұйымдастырылған қызмет». [3] сол психологиялық-педагогикалық қызметке кіретін мамандарды, солардың іс-әрекеттері және түрлері осы заңда айтылған.

Соңғы кездерді сонымен қатар түрлі мемлекет тарапынан түрлі ережелер де қабылданып жатыр. Олар:

- 2022 жылғы «Мектепке дейінгі, орта, техникалық және кәсіптік, орта білімнен кейінгі білім беру, қосымша білім беру ұйымдарында психологиялық-педагогикалық қолдап отыру қағидаларын бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрінің № 6 бұйрығы; [4]

- Мүмкіндігі шектеулі балаларды арнаулы психологиялық-педагогикалық қолдауға мемлекеттік білім беру тапсырысын орналастыру қағидаларын бекіту туралы Қазақстан Республикасы Оқу-ағарту министрінің 2022 жылғы 29 желтоқсандағы № 532 бұйрығы; [5]

- Орта білім беру ұйымдарындағы психологиялық қызметтің жұмыс істеу қағидаларын бекіту туралы Қазақстан Республикасы Оқу-ағарту министрінің 2022 жылғы № 377 бұйрығы. [6]

- 2022 жылғы «Ерекше білім беру қажеттіліктерін бағалау қағидаларын бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрінің № 4 бұйрығы. [7]

Осы «Ерекше білім беру қажеттіліктерін бағалау қағидаларын бекіту туралы» бұйрықта 2-тарауда «Ерекше білім беру қажеттіліктерді бағалаудың тәртібі» белгіленеді. Және сол тарауда «психологиялық-педагогикалық қолдау мамандардың ата-аналарының (заңды өкілдерінің) келісімімен оқыту қиындықтары бар балалардың ерекше білім берілуіне қажеттіліктерін тереңдете зерделеуін және бағалауын» қамтамасыз ету туралы айтылған. Бұл жерде ата-аналарының рөлі, солардың рұқсаты болмаса бағалау да, сүйемелдеу де жүрмейтіні айқындалады. Әрине, заң тұрғысынан балаға толық атаналар жауапты. Және ерекше балаға да толық жауапкершілігін өз мойнына алатын атаналар болады. Мамандар мен дәрігерлер емдеу, дамыту мен түзетуге көмек көрсетеді.

Өмірге құштарлық, бейімділік түсінігі «Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі» бойынша «өміршендік», «өмірге икемділік», «қажырлық» ұғымымен бірге кездеседі. [8] Орыс тілінде бұның аудармасы: «жизненность», «жизнестойкость», «живучесть» – дегенді білдіреді. Сонымен қатар сол ұғымға жақын балама сөздер: «өмір сүруге қабылеттілік», «өмірге құштарлық», деп түсінуге болады. Сонда қара-қарсы психологиялық ұғымдарды алатын болсақ: «өмірден түңілу», «өзін жою», «өзін құрту», «өзі өзіне қол жұмсау» - деуге болады.

Жалпы, **өміршендік немесе өмірге құштарлық (жизнестойкость)** - адамның өмірлік қиындықтарды жеңуге, стресске төзімді болуға, дағдарыстарды өтуге, конструктивті бастан кешіруге және өмірге бейімделуге мүмкіндік беретін тұлғалық ерекшелік деп түсініктеме ретінде ұсынамыз.

Қазіргі психология ғылымында «өмірге бейімділік» немесе «өміршендік» жаңа ғылыми-зерттеу парадигмасы ретінде қарастыруға болады. Адам өміршендігі дегеніміз өмір сүруі үшін күресі, стресске төзімділігі, қиыншылықтарға қарсы тұруы. Шешілмейтін мәселемен айналысу немесе агрессия (ашу, ыза, реніштер, күнәләу, қызғаныштар) мен стресс, депрессияға түсіп кету. Адам ашуда, стресте, депрессиядан өзін басқара, реттей алмай қалады. Немесе өзімен деген байланысын жоғалтып алады. Өзінің кім екенін, не істеп жүргенін, қайда бара жатқанын, нені армандайтынын ұмытады. Кейде жастар мәңгі жасайтындай өз өміріне немқұрайлы, жауапкершіліксіз қарайды. Сондықтан салауытты өмір қалпын ұстанбайды. Ерекше білім беруді қажет ететін балалардың ата-аналарына өмірлік қиыншылықтар өскен сайын өмірге деген белсенді көзқарастарды қалыптастыру бойынша жұмыстар атқару қажет екені айқындалып келеді. Бұл іс жүзінде білім беру процесінің сапасының негізгі өлшемі. Өмірлік қиыншылықтарды жеңе алатын, мықты ерік-жігерлі оптимистер

ұрпағын қалыптастыру – бұл жұмыс отбасынан басталуы тиіс. Қасым-Жомарт Тоқаев атқандай: «...балалардың құқықтары мен денсаулығын қорғау жүйесін нығайту өте маңызды. Ол үшін балаларды қорғау саласындағы барлық ұсыныстар мен бастамаларды іс жүзінде жүзеге асырмас бұрын мұқият зерделенуі керек». [9]

Алғашқы өміршеңдік ұғымын ғылыми психология тұрғысынан зерттеген американдық психологтар Сальватор Мадди және Сьюзен Кобейс экзистенциалдық психология бағытының өкілдері болды. Олар өміршеңдікті зерттеп моделін құрастырған. [10] С. Маддидің пікірінше, өміршеңдіктің (hardy coping) арқасында адам стресс жағдайларының мәнін азайтып қабылдайды, нәтижесінде ішкі қысым азайтылады. Өміршеңдік адамның тұлғалық ұстанымдар жүесі ретінде, әр кезде адамға белсенді болып, стресстің жағымсыз, негативті салдарына қарсы тұруға мүмкіндік береді. Өміршеңдіктің негізін құрайтын үш өмірлік ұстаным: Өмірге қатысын сезіну (вовлеченность), өмірлік оқиғаларды бақылай алудың сенімділігі, тәуекелге бару дайындығы. С. Мадди концепциясының жалпы постулат ретінде тұжырымы: өміршеңдіктің негізінде стрессті жоққа шығармай, елестетілген жағдайға сүйенбей, нағыздылықты мойындап ерлікпен сол жағдайды өз пайдана қолдану – деп түсінген. С. Мадди моделі бес механизмдерден тұрады, буфер ретінде ауруға жібермей, іс-әрекеттің тиімді болуына ықпал етеді:

- өмірлік қағидалар – өмірге қатысын сезіну, өмірлік оқиғаларды бақылай алудың сенімділігі және тәуекелге бару дайындығы арқылы сыртқы әсерлерді стресстік емес деп бағалау
- бейімделу копинг-стратегияларды қолданып, жаңа тіжерибелерге ашық болу және стресс жағдайында әрекет етуге дайын болу, трансформациялық мотивация құрастыру
- мобилизация арқылы физическалық және психикалық иммундық реакцияларды күшейту;
- өз денсаулығына жауапкершіліктің арттуы (салаутты өмір қалыпы ұстану техникаларын пайдалану);
- қарым-қатынас дағдыларын дамыту арқылы тиімді әлеуметтік қолдауды іздеу. [10].

Кейіннен С.Мадди салауатты өмір салтын, әлеуметтік қолдауды (топта жұмыс жасау арқылы) және өміршеңдікті дамыту тренингті біріктірді. Нәтижесінде өмірге икемділікті дамытатын бағдарлама пайда болды (HELP - Мадди, 1994 ж.), соның ішінде: релаксация жаттығулары (демді бақылау, қолдың жылынуы, бұлшық етті босаңсыту, ЭЭГ жаттығуы), дұрыс тамақтануды үйрету;

• мінез-құлықты бақылауға алудың (копинг) тәсіліне оқыту (проблемаларды шешу және эмоционалды инсайт техникаларын пайдалану); әлеуметтік қолдауды қолдану (негізінен коммуникативтік дағдыларды оқыту); дене шынықтыру жаттығулары (іс-әрекеттің тиімділігін арттыру мен денсаулықты жақсартудың жаттығулары); жаман әдеттерден арылу (темекі шегу, ішімдік ішу және т.б.),

- рецидивтерді алдын ала ескерту (бір жыл ішінде бақылауға алу).

С. Мадди, айтуынша, HELP үш деңгейде қолдануға болады:

- үшінші көмек - түрлі аурумен ауыратын науқастарға көмек;

- екінші көмек - аурудың қаупі жоғары болған жағдайда жасалады
- негізгі көмек - алдын алу және жалпы білім беру ұйымдары үшін бейімделген бағдарлама түрінде болуы мүмкін.

Мадди моделінің практикалық мәні өміршеңдік тек қана бір қасиет емес, ол өте маңызды ішкі ресурс ретінде қарастырады. Өзінің физикалық, психикалық және әлеуметтік саулығын сақтау үшін, оны адам саналы түсіну арқылы өзгерте алады. Жалпы айтқанда Мадди концепциясы бойынша, қандай жағдайлар болмасын өміршеңдік адам өмірін құнды етіп қабылдап және мән беріп тұрады.

Біз «Өміршеңдік» тесті арқылы өмірлік қиындықтарға қаншалықты төзімділік білдіретіндігін зерттеу үшін ерекше балалардың ата-аналарын тестіледік. Диагностика Сальваторе Мадди әзірлеген «Hardiness Survey» тесті арқылы (психолог, Д.А. Леонтьевпен бейімделген әдіс) жүргізілді.

Диагностиканың мақсаты: Астана қаласындағы әлеуметтік қиындықтар мен стресстік жағдайлар кезінде, ата-аналардың өміршеңдік деңгейін анықтадық. Өміршеңдік (С.Мәди) – адамның күйзеліс жағдайларына төтеп беруге және тиімді женуге мүмкіндік беретін өзіне, әлемге, онымен қарым-қатынасқа деген сенімдер жүйесі. Тест онлайн режимінде өткізілді. Тестілеуге үш ересек топтың ата-аналары (36 адам) қатысты. Бала тәрбиесіне негізінен аналар жауапты болғандықтан, кейбір толық емес отбасылар сияқты, тестілеу кезінде гендерлік құрам бойынша біздің іріктеуіміз негізінен балалардың аналары болды деп айтуға болады. Бұл «Өміршеңдік» нәтижелері тек балалардың аналарының көрсеткіштерін көрсетеді.

«Өміршеңдік» компоненттері бойынша алынған нәтижелердің жалпы ортақ көрсеткіштерінің кестесі

Топтар	Жалпы өміршеңдік	Өмірге қатысты сезіну	Қадағалау	Тәуекелге бару
1 топ	95 орта	43 жоғары	28 орта	14 орта
2 топ	82,5 орта	35,8 орта	30,5 орта	16,1 орта
3 топ	96,2 орта	42 жоғары	35,2 орта	19,4 орта
Ортақ көрсеткіштер	91,2 орта	40,2 жоғары	31,2 орта	16,5 орта

Қорытылай айтқанда, тестілеу нәтижелері бойынша орташа мәндер кестесінде көрсетілген қаттылықтың үш компоненті бойынша нәтижелер алынды. Тестілеу міндетті емес болғандықтан, барлық ата-аналар қатысқан жоқ. Арнайы балабақшадағы барлық ата-аналардың шамамен 35%-ын құрайтын үш топтағы ата-аналардың нәтижелерін қорытындылай келе, мынаны айтуға болады;

- Жалпы «Өміршеңдік» – 91,2 балл (орташа деңгей). Осылайша, қазіргі уақытта карантин жағдайында және коронавирусты жұқтырудың тұрақты қаупі жағдайында олармен күресу деңгейі орташа деңгейде. Ерекше балалардың денсаулығына алаңдап, олар үнемі шиеленіс үстінде. Көптеген аналар да жұмыс істейді, өйткені балаларды емдеу үшін әртүрлі дәрі-дәрмектер мен медициналық процедуралар үнемі қажет. Сондай-ақ, басқа балалар туралы алаңдаушылық оларды әлеуметтік дағдарыстарға осал етеді. Сондықтан оларға әлеуметтік және психологиялық көмек пен қолдау қажет. Екінші жағынан, орташа деңгей дегеніміз балалардың аналары көптеген стресстік әсерлерді маңызды емес деп

қабылдауды үйренгенін білдіреді. Көптеген аналардың орта және жоғары білімі бар, сондықтан оларда «сәйкестік» және «стресске төзімділік» дағдылары бар.

- «Өмірге қатысты сезіну» шкаласы бойынша жоғары деңгейге (40,2) сәйкес көрсеткіштер де алынды. Бұл шкала «болып жатқан оқиғаға қатысу адам үшін құнды және қызықты нәрсені табуға барынша мүмкіндік береді деген сенім» ретінде анықталады. Бұл компонент дамыған жағдайда адам өз іс-әрекетінен күш-қуат алады. Керісінше, мұндай сенімнің жоқтығы өмірден тұңілгендікті тудырады. Көптеген тәрбиеленушілердің аналары балабақшадан балаларын себепсіз қалдырмайды. Балаларын сауықтыру, дамыту және тәрбиелеу үшін олар уақытын да, күш-жігерін де аямайды. Бұл әрекет арқасында олар қажетті және сұранысқа ие екенін сезінеді.

- «Қадағалау» шкаласы бойынша барлық респонденттердің ортақ баллы 31,2 – орташа деңгейді құрады. Бұл шкала, табысқа кепілдік берілмесе де, күрес болып жатқан оқиғаның нәтижесіне әсер етуге мүмкіндік береді деген сенімді білдіреді. Бұған қарама-қарсы – дәрменсіздік сезімі. Бақылау компоненті жоғары дамыған адам өзінің қызметін, өз жолын таңдайтынын сезінеді. Осылайша, алынған нәтиже бойынша үлгідегі ата-аналар өмірдің белгілі бір салаларын ішінара ғана бақылайтынын көрсетеді.

- «Тәуекелге бару» шкаласы бойынша нәтиже де орташа деңгей (16,5) болды. Бұл шкала адамның өзімен болған кез келген жағымды немесе жағымсыз жағдай тәжірибеден алынған білім арқылы оның дамуына ықпал ететініне сенімінің көрсеткіші болып табылады.

Тестілеу кезінде алынған нәтижелер ұйымдастырылған «Аналар мектебі» аясында балабақша педагог-психологының ата-аналармен онлайн кездесуінде негіз болды. Бұл кездесуде өміршендіктің құрамдас бөліктері тұлғаның туа біткен қасиеттері емес екендігі нақтыланды. Өміршендіктің негіздері балалық шақтан және әсіресе жасөспірімдік шақта өмір бойы дамиды. Әр адам өз ісіне, өміріне жауапкершілікпен қарай бастайды. Жасөспірімдер қиын өмірлік жағдайларда адам өзінен күш іздеп, барлық қиыншылықтарды өз күшімен жеңу керектігін түсіне бастайды. Кейде көмек еш жерден табылмайды. Мұндай жағдайларда өміршендік арқылы «әлеуметтік иммунитет» қалыптасады, бұл туралы педагогтар, социологтар және психологтар соңғы уақытта жиі жаза бастады. Әлеуметтік иммунитет – кез келген өмірлік қиындықтарды жеңуге дайын болуды білдіреді.

Балабақшаның педагог-психологтарымен ата-аналардың кездесуінде жиі кездесетін мәселелер талқыланды. Кездесудің әрбір қатысушысы мәселелерді шешуде өз тәжірибесімен бөлісті. Өмірлік қиындықтардан шығудың барлық аталған жолдарының ішінде ең тиімді және пайдалы нұсқаулықтарының бірі: өзіне деген сенімділік; өзін-өзі жоғары қадағалау және өзін-өзі бақылау; көмек сұраудан бастартпау, өйткені әрқашан көмектесуге дайын адамдар балатынын ұмытпау; депрессиядан шығу жолы – басқаларға көмектесу және басқаларға қолдау көрсету. Бұл қарапайым және күнделікті нұсқаулықтар тиімді болады, себебі әркім соған жеке өз бетімен келді, олар өмірлік қиындықтарды бастан кешіру кезінде қалыптасты. Сондай-ақ, кездесу барысында педагог-психологтар «өміршендік» адамның психикалық денсаулығының маңызды құрамдас бөлігі екенін түсіндірді. Ешкім өмірдің барлық қиындықтарынын және дағдарыстан

шығудың дайын жолын көрсетіп бермейді. Сондықтан өзінің ішкі ресурстарды сақтап, өміршеңдікті дамыту және жақсы болашаққа үміттену өте маңызды.

Пайдаланылған қайнар көздерінің тізімі:

1. «Мүгедектердің құқықтары туралы конвенциясын ратификациялау туралы» заң <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P1400001282>
2. «Ең төмен әлеуметтік стандарттар және олардың кепілдіктері туралы» заң отыру қағидаларын бекіту туралы Қазақстан Республикасы Білім және ғылым минис <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1500000314>
3. «Білім туралы» заңы. https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000319_
4. Мектепке дейінгі, орта, техникалық және кәсіптік, орта білімнен кейінгі білім беру, қосымша білім беру ұйымдарында психологиялық-педагогикалық қолдап трінің 2022 жылғы 12 қаңтардағы № 6 бұйрығы. Қазақстан Республикасының Әділет министрлігінде 2022 жылғы 18 қаңтарда № 26513 болып тіркелді. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V2200026513>
5. Мүмкіндігі шектеулі балаларды арнаулы психологиялық-педагогикалық қолдауға мемлекеттік білім беру тапсырысын орналастыру қағидаларын бекіту туралы Қазақстан Республикасы Оқу-ағарту министрінің 2022 жылғы 29 желтоқсандағы № 532 бұйрығы. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V2200031505>
6. Орта білім беру ұйымдарындағы психологиялық қызметтің жұмыс істеу қағидаларын бекіту туралы Қазақстан Республикасы Оқу-ағарту министрінің м.а. 2022 жылғы 25 тамыздағы № 377 бұйрығы. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V2200029288>
7. Ерекше білім беру қажеттіліктерін бағалау қағидаларын бекіту туралы Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрінің 2022 жылғы 12 қаңтардағы № 4 бұйрығы. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V2200026618>
8. Қалиев Б. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Мемлекеттік тілді дамыту. Алматы 2014ж, Абый атындағы пединституты. – 728 б.
9. Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаев пен балалар құқықтары жөніндегі уәкіл Аружан Саинды кездесу. <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-kasym-zhomart-tokaev-prinyal-upolnomochennogo-po-pravam-rebenka-aruzhan-sain-154538>
10. Сальваторе М. Теории личности.сравнительный анализ. S.R.Maddi. Personality theories: a comparative analysis Homewood, Ill: Dorsey Press, 1968 СПб.: Издательство "Речь", 2002 - 142 с.

Грачева Светлана Александровна,
к.ю.н., старший научный сотрудник, Институт
законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ,
Российская Федерация

ЭФФЕКТ SOFT LAW МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ СТАНДАРТОВ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДОГМАТИКИ

Юридический дискурс нередко акцентирует вопросы, требующие осмысления в системной взаимосвязи, что, в частности, показывается следующим

примером. С одной стороны, отмечается тенденция изменения регуляторной роли международно-правовых стандартов (прежде всего, в силу уточнения подхода к действию межгосударственного механизма регулирования в области прав человека в пределах конкретных национальных юрисдикций). С другой стороны, имеет место постановка вопроса о значении прав человека, конституционно рассматриваемых высшей ценностью, в сочетании с иными конституционными правоположениями, имеющими ценностно-утвердительный характер.

Совмещенное рассмотрение этих вопросов позволяет учесть взаимообусловленность правил, гарантий в области прав человека и той сферы международного права, которая определяет круг международно-правовых стандартов [1], что во многом позволяет обосновывать специфику конституционно-ценностных правоположений в сравнении с иными нормами национальной Конституции.

Так, положение о признании и гарантии прав человека согласно Конституции и общепризнанным нормам и принципам международного права (ст. 17 (ч. 1), 55 (ч. 3) Конституции РФ) определяет связь прав человека с характером их непосредственного действия. Тогда наибольшее внимание обозначается вокруг того, что собой представляет такое действие конституционно значимых (конституционного уровня) ценностей, а не того, о каком объеме ценностей идет речь или в какой степени они нормативно определены (в большей мере играющее роль при установлении действия юридических предписаний, их правовых последствий). Тем более, это коррелируется с опытом конституций, имеющих понятийно широкий взгляд на ценности, как Конституция Испании (включающей в число высших ценностей правопорядка свободу, справедливость, равенство, политический плюрализм (ч. 1 ст. 1), также стоит согласиться, несмотря на то что текстуально Конституцией РФ категорией ценности охватывается «человек, его права и свободам» (ст. 2), по существу, изначально в ней предложен широкий перечень ценностей (хотя таковыми не поименованный) [2].

Вместе с тем нельзя не признать, именно специфика действия соответствующих правоположений показывает конституционную аксиологию в проблемном ключе, по отношению к тому, что называется юридической догматикой. При том, конституционная задача аксиологизации (в немалой мере это может быть созвучно термину «конституционализация») правоотношений вряд ли может считаться находящейся в процессе разрешения, без внимания к тому, как ее рассматривать в свете юридической догматики.

Известно, что ценностный аспект догматике не так близок, поскольку она предлагает некую абсолютизацию знаний о формалистической методологии анализа, «очищенной от всего другого», и любые проявления, помимо юридических норм – предписаний, могут рассматриваться как «аксиовывоз».

Одновременно, с определенной регулярностью догматика имеет дело с вопросами - может ли право быть ценностно нейтрально или что означают принципы права, наряду с нормами, как часть догматики.

Надо сказать, проблематика международно-правовых стандартов в области прав человека (далее – стандарты ПЧ) дает определенность при ответе на оба вопроса: говоря о них, вряд ли остается без определения то, нейтрально ли право

к ценностям, или могут ли принципы права не быть методологически значимыми (в этой части, - специфическими, в сравнении с нормами). Благодаря этому акцентируется внимание на субстантивном, нежели формально-юридическом подходе к источникам права, что в основном не измеряется сферой юридической догматики, устанавливаемой через сложившиеся «логико-понятийные формы» и служащей «индикатором завершения становления права как самостоятельного соционормативного регулятора» [3; 7 стр.].

Стоит обратить внимание на характеристику стандартов ПЧ. Прежде всего, их принято рассматривать наиболее качественной (в плане легитимации) формой отражения аксиологических параметров права, учитывая, как уровень их фиксации, так и определенность в требованиях к их установлению. Например, согласно Резолюции ГА ООН «Установление международных стандартов в области прав человека» № 41/120 1986 г., стандарты для признания таковыми (при разработке документов в области прав человека) должны согласовываться с существующим сводом международно-правовых норм в области прав человека, носить фундаментальный характер и основываться на присущих человеческой личности достоинстве и ценности, отвечать критериям четкости, «чтобы служить источником поддающихся определению и осуществлению прав и обязанностей», обладать «широкой международной поддержкой». Можно отметить, стандарты ПЧ также позволяют рассматривать принципы права аксиологически идентифицируемыми, и это выделяет последние в объеме общепризнанных принципов и норм международного права (многие из которых определяются принципами межгосударственного сотрудничества [4]).

Свойством стандартов ПЧ является то, что они акцентируют особую форму - гарантии права в ряду других форм, подходов к их установлению, для целей правовой определенности. Рассмотрение таких стандартов в качестве формы права показывает связь последней с присущей ей методологией воздействия Soft Law («мягкое право»). Воздействие стандартов определено идеей «убеждения в своей силе» на основе обладания ими значительным моральным и политическим авторитетом, а также ориентиром на перспективу их действия как нормативной модели – проекции будущего. Это коррелируется с воплощением таких стандартов в настоящем в качестве ключевого критерия (средства) аксиологизации юридической практики для целей ее развития на основе принципов взаимности и доверия между различными субъектами права. На методологическую ценность стандартов ПЧ указывает регулярное обращение к ним как требующих осуществления на международном и высоком уровне, в рамках международных документов универсального и регионального характера.

Можно признать, что Всеобщая декларация прав человека (75-летие которой отмечается в текущем 2023 году) – наиболее яркий и первостепенный пример проблематики стандартов ПЧ.

Во-первых, она не только служит аксиологически значимым документом (понятийно указывая на «ценность человеческой личности», фиксируя минимальные стандарты установления такой ценности), но и сама целостно признается common standard («общим стандартом») (в русскоязычной версии данное положение имеет перевод – «задача, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства»). Такое субстантивное определение

Декларации во многом придает ей особый конституирующий статус в сравнении с иными стандартами ПЧ, которые должны быть согласованы с положениями Декларации (хотя, как многие стандарты ПЧ, Декларация была принята через документальную форму резолюции ГА ООН – 217А, от 10 декабря 1948 г.).

Во-вторых, Всеобщая декларация прав человека не только имеет форму влияния *Soft Law*, но в настоящее время ее можно вполне признать базовым международно-правовым источником такой методологии. Очевидно, это не обычный т. н. «non-binding instrument» («не совсем обязательный и не совсем неэффективный» [5, 6]), при котором ее положения служат общей рамкой развития в области прав человека по усмотрению, но речь идет об источнике надления стандартов прав человека собственной методологической, функциональной (отличной от регулятивной) ролью в праве. Это показывает и введение благодаря Декларации понятия *rule of law* («верховенство права») в современную юридическую терминологию (отметим, в версии документа на русском языке данный термин определен как «власть закона» [7]). В целом, верховенство права можно связывать с конституционализированной на универсальном уровне доктриной объема обязательств, которые государства готовы на себя принять, учитывая ценностно-целевое значение повышения уровня защиты прав человека [8; 22 стр.].

Подчеркнем, Всеобщая декларация прав человека это важнейшая деклараторная форма признания права в иной его характеристике, нежели с позиции юридического средства принуждения. Последующее универсальное и региональное регулирование, именуемое международным правом прав человека, ссылается на нее как на цель, стандарт, руководство к регулированию. Например, в Европейской Конвенции по правам человека отмечено, что ее действие определено стремлением «сделать первые шаги на пути обеспечения коллективного осуществления некоторых из прав, изложенных во Всеобщей декларации».

Также конституционное регулирование многих государств включало положения о стандартах ПЧ не только *in abstracto* (в свете обращения к соответствующим юридическим категориям), но со ссылкой на конкретные международные акты, начиная со Всеобщей декларации (больше 50 конституций содержат ее упоминание). Подчеркнем, соответствующие формулировки прямо или косвенно определяют значение функции толкования в обеспечении действия таких стандартов: например, согласно ч. 2 ст. 16 Конституции Португалии предписания, содержащиеся в Конституции и законах и касающиеся основных прав, должны толковаться и находиться в полном соответствии с Всеобщей декларацией прав человека.

Стандарты ПЧ в настоящее время – основной фактор выделения *Soft Law* как обладающего спецификой и методологической самостоятельностью в сравнении с *Hard Law* (которое переводится – жесткое, твердое или даже тяжелое право). Между тем, осознание (установление) стандартов ПЧ с учетом признания их методологической специфики, можно считать, стало происходить с недавнего времени, в основном за счет межгосударственной практики применения и толкования на их основе актов различной юридической природы и юрисдикционной сферы. Отметим, и в упомянутой выше Резолюции ГА ООН № 41/120 1986 г. делался акцент на эффективности стандартов ПЧ не только и,

возможно, не столько в связи с их применением, но и при обеспечении широкой ратификации существующих договоров в этой области.

Появление терминологии деления на *soft law* – *hard law* стало своего рода составляющей процесса дуального развития права как обоснованного сочетанием его соответствующих элементов, и закономерно такое деление выражено обозначилось в доктрине международного права. Авторство этой терминологии связывается с именем первого президента Европейского Суда по правам человека А. Макнейра, который предлагал понимать *soft law* охватывающим нормативные положения, определяемые как абстрактные действующие принципы, посредством судебного толкования [5, 9].

Дополнительно заметим, для международного права проблематика *Soft Law*, в целом, более органична (нежели для национального права), и этому есть причины. Во-первых, можно учесть историко-социальный аспект определения понятия международного права, которое усилиями ряда видных ученых, например, дореволюционного правоведения, предлагалось понимать «юридической организацией человечества»: в частности, А. Ященко замечалось, что «признание как существования надгосударственного права, так и необходимости общечеловеческой власти, организованной, однако таким образом, чтобы государствам была гарантирована их автономия, и в основе общей верховной власти лежало не иерархическое, а договорное начало, - это международный федерализм» [10]. Во-вторых, можно говорить об особенностях регуляторной природы международного права. *Soft Law* отвечает свойствам международного права (которые вряд ли проистекают из системы национального регулирования): «кроме запрета ссылаться на внутреннее право в качестве оправдания нарушения норм международного права, в международном праве нет иных механизмов регламентации его осуществления» [11; 47 стр.]. Это находит отражение и в прочтении международно-правового принципа *parata sunt servanda* («договоры должны соблюдаться») – при установлении его как общепризнанного принципа, имеющего «императивный характер не вследствие особой формы выражения, а вследствие особого характера существа вопроса, которого он касается» [12; 50 стр.]. Третьей важной причиной является тенденция т. н. экспансии (распространения) мягкого права в последние десятилетия. Последнее связано не только с практикой международных судов, применения ими стандартов ПЧ, но и с функционированием основных институтов международного права, в рамках которых отдается предпочтение регулированию *Soft Law* как «инструмента компромисса» (применяемого «в определенный момент времени», «со временем», «между слабыми и сильными государствами» [13]).

В заключение подчеркнем, *Soft Law* международно-правового стандарта, во многом созвучное осмыслению значения сферы судебного толкования, представляется, заслуживает особого внимания в настоящее время, и прежде всего, в сопряжении с вопросами *Hard law*.

Последнее, в практике государств традиционно имеет историческое первенство, в то время как *Soft Law* закономерно редко идентифицируется юридической догматикой: правовоположения мягкого права рассматриваются не более как право, которое «не получило оформления», является деклараторным в

значении необязательного [14], или даже фиктивным правом (а реальность права определяется законодательным воплощением, конкретизацией).

Тем не менее, усиление вопросов аксиологии в праве акцентирует мягкое право как фактор развития юридической догматики в координатах реалий эволюции гуманитарно-юридических знаний, что, в свою очередь, позволяет к теме догматики подходить шире, с опорой на «уровень нашего знания и опыта права, организованный для практического использования» (Р. Иеринг).

Список использованных источников.

1. Тиунов О.И. Роль международно-правовых стандартов в регулировании взаимодействия международного и национального права// Журнал российского права. 2012. № 12
2. Чиркин В.Е. К вопросу о ценности российской конституции 1993 г.// Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12 (37).
3. Михайлов А.М. Формирование и эволюция идей юридической догматики в романо-германской традиции (XII – XIX вв.). Автореферат на учен. степень канд. юрид. наук. Специальность 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве М. 2012.
4. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН. Принята резолюцией ГА ООН 2525 от 24 октября 1970 г.
5. Томаш Г. От современного Soft law к античному Soft law// Правоведение. 2016. № 2
6. Марочкин С.Ю., Халафян Р.М. Международное "мягкое" право в правовой системе Российской Федерации// Журнал российского права, N 6. 2013
7. Чиркин В.Е. Верховенство права: современные варианты терминологии // Журнал российского права. - М.: Норма, 2015, № 12.
8. Обеспечение прав человека и осуществление публичной власти в современных условиях: проблемы и решения: монография / под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой. М.: ИГП РАН. 2023.
9. Fabián A. C. Castañeda. A Call for Rethinking the Sources of International Law: Soft Law and the Other Side of the Coin// Anuario mexicano de derecho internacional. 2013. Vol. 13/
https://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1870-46542013000100008#nota.
10. Яценко А. Международный *федерализм*. Идея юридической организации человечества в политических учениях до конца XVIII века. М.: Тип. Имп. ун-та, 1908.
11. Ковалев А.А. Некоторые вопросы взаимодействия международного права и национального права Российской Федерации// Конституционное право и международное право: взаимодействие и развитие в современную эпоху: Сборник научных статей по материалам Вторых конституционных чтений (Москва, 14-17 октября 2009)/ под ред. И.А. Конюховой (Умновой). М. РГУП. 2010.
12. Тиунов О.И. Принцип соблюдения международных обязательств. М. 1979.

13. Abbott K. W., Snidal D.. Hard and Soft Law in International Governance// International Organization. 2000. Vol. 54. 3/
https://www.researchgate.net/publication/4770665_Hard_and_Soft_Law_in_International_Governance

14. Исполинов А.С. Сила и слабость универсальных договоров о защите прав человека// Российский юридический журнал. 2022. № 3

Струсь Константин Александрович,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова в г. Пятигорске,
Российская Федерация

Занозина Дарья Владимировна,
студентка 2 курса, филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова в г. Пятигорске,
Российская Федерация

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВЫХ ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

Развитие современной экономики сложно представить без развития цифровых технологий. Большого успеха в развитии цифровой экономики добились предприятия и организации в странах Европы (Великобритания, Германия, США) и Азии (Япония и Китай). В основе развитие экономик, указанных государств лежит цифровизация различных сфер общественной жизни. Внедрение цифровых технологий стимулирует развитие наукоемких технологий и способствуют проведению научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Кроме этого, обозначилась ещё одна важная тенденция - глобализация цифровой сферы, которая стимулирует появление новых форм сотрудничества в различных сферах инновационной деятельности. Цифровые технологии позволяют решать сложные задачи инвестиционного обеспечения и технологического развития на различных территориях и пространствах.

В России основой инновационного развития является цифровизация актуальных процессов в области экономики и права. По мнению Президента РФ В.В. Путина актуальность процесса цифровизации также подтверждают и вынужденные ограничения в связи с эпидемией Covid-19, которые мотивировали россиян по-другому взглянуть на широкие возможности цифровизации во многих сферах, необходимо развивать эти тенденции. При этом необходимо создать условия для ускоренной разработки и внедрения отечественных технологий в сфере связи и ИТ, которые станут фундаментом для создания качественных, востребованных продуктов и сервисов [2; 2 стр.].

В своём выступлении премьер-министра России М.В. Мишустина, подчеркнул, что сформированный общенациональный план восстановления экономики страны имеет целью, увеличение реальных доходов граждан на основании использования современных технологий, цифровизации, новых возможностей рынка труда [3; 3 стр.].

Основными целями национального проекта «Цифровая экономика на период с 2019 по 2024 г.» является: повышение внутренних затрат на развитие цифровой экономики за счет всех источников; создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных, доступной для всех организаций и домохозяйств; использование преимущественно отечественного программного обеспечения государственными органами, органами местного самоуправления и организациями.

Вместе с предпринятыми шагами стоит отметить отсутствие в отечественном законодательстве единого и четкого понимания цифровых прав человека.

Цифровые права - права людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности к сети интернет. Они, как и любые другие права, нуждаются в правовом регулировании. В этой связи 1 октября 2019 года вступил в силу Федеральный закон от 18.03.2019 №34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». Нововведением стало понятие «цифровых прав». Цифровые права, согласно пункту 2 статьи 1 Федерального закона 34-ФЗ, внесшему изменения в статью 128 ГК РФ, являются разновидностью имущественных прав. Само понятие и его основной правовой статус раскрыты в новой статье 141.1 ГК РФ. Ключевой особенностью цифровых прав по Федеральному закону 34-ФЗ является то, что их осуществление, распоряжение или ограничение распоряжения возможны только в информационной системе и без обращения к третьему лицу. Таким образом, наличие цифровых прав законодатель неразрывно связал с использованием субъектами этих прав информационной системы (в частности, инвестиционной платформы).

Если исходить из того, что экономический и техногенный экономический фактор определяет возникновение и развитие прав человека, то можно отметить, что распространение цифровых технологий способно повлиять на права человека ощутимым образом. Развитие цифровых прав может быть как пессимистичным - глобальная угроза свободе (по Оруэллу), которая возникает в связи с приближением к тому социальному состоянию, которое именуют «электронным обществом», где «размывается граница между «моим» и «не моим». Есть основания думать, что в таком обществе индивидуальная свобода будет все более ограничиваться «в интересах самого же человека» [4; 48 стр.]. Либо оптимистичным, стимулируя всесторонне развитие человека и создание энергоэффективной и экологичной экономики.

Представляется, что система прав человека будет меняться в зависимости от условий их реализации. Например, интернет уже стал новым средством массовой информации, но не только. Поскольку доступ к Интернету - необходимое предварительное условие для использования всех возможностей online, он сегодня может рассматриваться как существенный аспект свободы человека, провозглашенной ст. 1 Всеобщей декларации прав человека, поскольку блокирование доступа человека к Интернету представляет

серьезное вмешательство в его свободу. Причем исследователи усматривают проблему не только, когда использование Интернета для политической критики сталкивается с репрессиями (как в Китае, Северной Африке, на Ближнем Востоке), но и когда отключение от Интернета происходит в качестве санкции за повторное нарушение авторских прав (Франция и Великобритания) [9; 438 стр.].

Свобода выражения мнения и право на доступ к информации, гарантированные ст. 10 Конвенции, определяют необходимость оформления права на доступ к Интернету. В мировой практике это происходит тремя путями: признания Интернета универсальной и общедоступной услугой (Эстония, Испания), закрепления права на доступ к Интернету в качестве конституционного права (Греция, Португалия), признания данного права высшими судами (Франция, Коста-Рика). При этом в праве на доступ к Интернету следует различать, как минимум, (1) право на подключение к Интернету, в рамках которого Интернет рассматривается как услуга, и (2) право на доступ к информации в Интернете, включая право не быть отключенным от Интернета, т.е. запрет на незаконную блокировку сайтов.

В целом же право на информацию посредством Интернета предполагает право на доступ к Интернету, право не быть отключенным, право на свободный поиск информации, право на безопасное использование Интернета, право на защиту от нежелательной информации. Однако в Интернете, так же как и offline, важно провести разграничение между дозволением людям выражать все, что они думают, и мыслями, которые они не могут выражать свободно [6; 73 стр.]; это правило, без которого демократическое общество не могло бы существовать.

Без цифровой коммуникации сейчас трудно говорить о глобальном *ius communications* (праве на общение - *right to communicate*). Человек, не имеющий доступ в Интернет, сегодня не может принимать участия в политической жизни, а значит, не может быть активным гражданином. Поэтому *ius communications* используется для узаконения права современного человека на доступ к Интернету [10; 200 стр.].

Статья 8 Конвенции «Право на уважение частной и семейной жизни» дала рождение праву на защиту персональных данных. Его активное развитие в цифровую эру привело к возникновению права на забвение (права физического лица требовать от оператора поисковой системы прекращения выдачи сведений об указателе страницы сайта в сети Интернет, позволяющих получить доступ к определенной информации о данном физическом лице). Право на забвение закреплено в законодательстве многих стран, в том числе России [1; 22 стр.]. Некоторые государства идут дальше - французский Закон N 2016-1321 от 7 октября 2016 г. о цифровой республике (государстве) [9; 20 стр.] предусмотрел «право на цифровую смерть» (по аналогии с завещанием) - лицо будет иметь право на соблюдение после своей смерти поставщиками online-услуг или доверенными лицами его воли по поводу дальнейшей судьбы персональной информации, опубликованной online.

В Германии, например, модель конституционно-правовой защиты персональных данных состоит из четырех компонентов - право на

информационное самоопределение; право на обеспечение целостности и конфиденциальности информационно-технологических систем (IT-право); право на тайну переписки, почтовых отправлений и телекоммуникаций; право на неприкосновенность жилища.

Признававшееся и ранее право на изображение физического лица, также защищаемое на основе ст. 8 Конвенции, приобрело новые черты в цифровой век, когда нарушить его стало слишком легко. В зарубежных странах право на изображение именуется *right of publicity* (право на публичность). Оно выделяется из *right of privacy* - права на конфиденциальность (но в более широком понимании, чем в России). И если «*right of privacy* представляет собой комплекс неимущественных прав и благ, то, как признается многими, *right of publicity* выделилось из него в качестве комплекса имущественных прав» [4; 61 стр.].

Как видим, основным источником цифровых прав является право на уважение частной жизни, но цифровые технологии оказали влияние и на другие фундаментальные права. Например, свобода выражения мнений, лежащая в основе права на доступ к Интернету, столкнулась с новыми способами борьбы с нелегальным содержанием (контентом), которые реализуются государством при участии частных субъектов. Свобода предпринимательства обогатилась правом на цифровое существование (право на доменное имя, право предоставлять услуги через Интернет, право на использование цифровых инструментов - реклама, криптография, электронные контракты, а теперь и смарт-контракты). Право на репутацию в современных условиях становится правом на цифровую идентичность [7; 104 стр.].

Таким образом, в качестве цифровых прав человека можно назвать право на доступ к Интернету, право на забвение, право на защиту от нежелательной информации, как уже получившие законодательное закрепление в разных странах. На очереди признание и других прав.

Таким образом, в условиях цифровизации разных сторон жизни в России приобретает актуальность вопрос регулирования и защиты различных прав и свобод граждан в Интернете. Появился новый термин «цифровые права», связанный, прежде всего, с экономическими аспектами. Законодательная база, обеспечивающая правовое регулирование в Интернете обширна, но ещё нуждается в очень серьёзной доработке. Данная проблема вызывает общественный интерес, но у многих граждан нет чёткого понимания, что такое цифровые права, как ими пользоваться, как их защищать, что необходимо преодолеть в кратчайшие сроки.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. N 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. N 29 (ч. 1). Ст. 4390.

2. Выступление Президента РФ В.В. Путина // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://tass.ru/ekonomika/8695395..>

3. Выступление премьер министра России М.В. Мишустина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://rg.ru/2020/09/29/pravitelstvo-utverdilo-obshchenacionalnyj-plan-vossta-novleniia-ekonomiki.html>
4. Кротов А.В. Некоторые аспекты и особенности регулирования права на частную жизнь в формате интернет-пространства. - Барнаул: Сфера. -2015.-С. 61.
5. Лекторский В.А. Права человека в контексте глобализации // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. - 2019. - № 3. - С. 48.
6. Dolunay A., Kasap F., Kegeci G. Freedom of Mass Communication in the Digital Age in the Case of the Internet: «Freedom House» and the USA Example // Sustainability. 2017. Vol. 9. Iss. 10. - P. 1739-1760.
7. Etude annuelle 2014 du Conseil d'Etat - Le numerique et les droits fondamentaux. - Paris: La documentation Frangaise, - 2014. - P. 104.
8. LOI n° 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une Republique numerique // Legifrance. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000033202746&categorieLien=id>.
9. Sartor G. Human Rights and Information Technologies // The Oxford Handbook of Law, Regulation and Technology / Ed. by R. Brownsword, E. Scotford, K. Yeung. - New York, - 2017. - P. 438.
10. Thumfart J. Francisco de Vitoria and the Nomos of the Code: The Digital Commons and Natural Law, Digital Communication as a Human Right, Just Cyber-War-fare // At the Origins of Modernity: Francisco de Vitoria and the Discovery of International Law / Ed. by J.M. Beneyto, J.C. Varela. Cham, - 2017. - P. 200.

Акылбекова Асель Батырбаевна,
 Қазақстан Республикасы ІІМ Шрақбек
 Қабылбаев атындағы Қостанай
 академиясының жалпы заң пәндері
 кафедрасы бастығының орынбасары,
 құқыққорғау қызметі магистрі

ҚАЗІРГІ ӘЛЕМДЕГІ АДАМ ҚҰҚЫҚТАРЫ

«Бостандықты ұнатпайтын адам жоқ, бірақ әділ адам оны барлығына талап етеді, ал әділетсіз адам тек өзі үшін талап етеді». Бұл айтылған сөз неміс ойшылы және публицисті, адам бостандығы, барлығының заң алдындағы теңдігі және демократиялық әділетті басқару формасының Доктринасын қорғаушы Карл Людвиг Бернге тиесілі.

Туған кезде әр адам белгілі бір құқықтарға ие болады, олар өз өмірінде басқара алады, бірақ оларды қалай қолданатыны адам өмір сүретін уақыт пен мемлекетке байланысты болады.

Құқықтар планетадағы барлық адамдарға тиесілі және тең, ажырамас. Құқығынан айыру адам болуды тоқтату сияқты мүмкін емес. Адам құқықтары өте күрделі және көп өлшемді құбылыс. «Қазіргі дәуірде құқықтар белгілі бір артықшылықтарға ие және пайдаланады: экономикалық, саяси, әлеуметтік,

мәдени және азаматтық». Құқықтар қажет пе? Әрине, қажет. Олардың әрқайсысы қазіргі қоғамда өз міндетін атқарады. Құқықтардың маңыздылығын әлемдегі адам құқықтарын реттейтін белгілі құжат — Адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясы растайды. Адамдардың құқықтары барлық елдерде әртүрлі заңдарында бекітілген, бірақ ҚР-да азаматтың құқықтарын бекітетін ең маңызды құжат — Конституция.

Адам құқықтары-жалпы әлеуметтік категория. Олар әртүрлі экономикалық, саяси және рухани күштерді пайдаланудың әлеуметтік мүмкіндіктері түрінде қоғамдық өндіріс пен қоғамның саяси жүйесін дамыту мен жетілдіру нәтижесінде объективті түрде қалыптасады және олар мемлекеттік танылғанға дейін де бар [1].

Бостандық пен құқықты жариялау жеткіліксіз, негізінен оларды жүзеге асыру қажет — бірақ бұл қазірдің өзінде күрделі міндет. Іске асыру деп конституциялық ережелер мен идеялардың әлеуетін, оның мазмұнын түсіндіру, нормаларды қолдану, сондай-ақ Конституция мәніне бағалау заңын әзірлеу кезінде пайдалану арқылы салалық заңнамадағы конституциялық ережелердің мағынасын жүзеге асыру процесі түсініледі.

Бостандық-бұл адамның мінез-құлқының нысаның өз бетінше таңдау қабілеті мен мүмкіндігі. Бұл адамның сыртқы жағдайлар мен факторлардан тәуелсіздігін болжайды. Бірақ, өкінішке орай, қазіргі әлемдегі адамдар бостандықтың не екенін ұмытып кетті. Оларда бар мінез-құлықтың белгілі бір үлгісі бар.

Адам құқықтарының әмбебаптығы - олар барлық адамдарға тиесілі. Осылайша, адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясының кіріспесіне сәйкес, «адамзат отбасының барлық мүшелеріне тән қадір-қасиетті және олардың тең, ажырамас құқықтарын тану бостандықтың, әділеттіліктің және жалпыға ортақ бейбітшіліктің негізі болып табылады».

1948 жылғы 10 желтоқсандағы Адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясының 3-бабында «әр адамның өмір сүруге, бостандыққа және жеке басына қол сұғылмаушылыққа құқығы бар» делінген және 4-бапта: «ешкімді құлдықта немесе құлдықта ұстауға болмайды; олардың барлық түрлерінде құлдық пен құл саудасына тыйым салынады» делінген [2].

Тарихи тәжірибе адам құқықтарының дамуы қоғамның экономикалық, әлеуметтік, саяси және мәдени өміріндегі нақты өзгерістермен байланысты екенін көрсетеді. Мысалы, өмір сүру құқығы Екінші дүниежүзілік соғыстан кейін көптеген елдердің халықаралық құқығында және конституцияларында бекітілген.

Біріккен Ұлттар Ұйымының (осыдан кейін БҰҰ) Жарғысына сәйкес Ұйымның мақсаттарының бірі «халықтар арасындағы теңдік пен өзін-өзі анықтау қағидаттарын құрметтеуге негізделген бейбіт және достық қатынастар үшін қажетті тұрақтылық пен әл-ауқат жағдайларын жасау» болып табылады. Осылайша, адам құқықтары бейбітшілікті сүйетін әлемдік қоғамдастықтың ажырамас бөлігі болып табылады.

Мемлекетаралық ынтымақтастық — бұл күрделі және өте даулы процесс, әсіресе адам құқығы сияқты күрделі мәселелерге қатысты. Бұл қазіргі әлемнің алуан түрлілігімен, мемлекеттердің әртүрлі дәрежесі мен даму сипатымен,

олардың заңнамаларының айырмашылығымен, діндердің көптігімен, әдет-ғұрыптардың ерекшелігімен, Мәдениеттер мен дәстүрлердің өзіндік ерекшелігімен түсіндіріледі. Сондықтан әлемдік процестердің барлық қатысушылары адам құқықтарына қатысты мәселелерді қарастырған кезде барынша шыдамдылық пен әдептілік танытуы керек.

Қазіргі уақытта халықаралық аренада мемлекеттер БҰҰ жүйесінде де, әртүрлі аймақтық құрылымдарда да адам құқықтары бойынша әртүрлі бақылау тетіктерін құрды.

Яғни, ұлттық үкіметтер осы саладағы егемендіктен ішінара бас тартып, кейбір өкілеттіктерін халықаралық деңгейге берді. Сондықтан, қазіргі кезде адам құқықтарын бұзу тек мемлекеттердің ішкі дел болып табылмайды, дегенмен адам құқықтарын тікелей қорғау әлі де мемлекетшілік іс болып қала береді, өйткені тек мемлекет ұлттық құқық нормалары мен ішкі тетіктер мен рәсімдердің көмегімен өз азаматтарына өздеріне тиесілі құқықтардың толықтығын бере алады.

Біріккен Ұлттар Ұйымы Адам құқықтары саласындағы принциптер мен нормаларды қалыптастыруда орталық орын алады. Ұйым шеңберінде негізгі бостандықтар мен адам құқықтарын жаппай қамтамасыз етуге бағытталған халықаралық құжаттардың едәуір бөлігі әзірленді. Мемлекеттердің міндеті-БҰҰ-ның көптеген қарарларымен бірнеше рет расталған кез-келген жағдайда осы адам құқықтарын сақтау.

Адам құқықтары мен бостандықтарын тиімді қорғау үшін әділ және тәуелсіз соттар құру маңызды. Сот жүйесі барлық азаматтарға қол жетімді болуы керек және дауларды шешу және құқықтарды қорғау құралдарының толық жиынтығына ие болуы керек. Сонымен қатар, мемлекет адам құқықтарын қорғаумен айналысатын және бұзушылықтарға қарсы күресетін үкіметтік емес ұйымдар мен қоғамдық қозғалыстардың қызметін ынталандыруы және қолдауы керек [3].

Құқықтар мен бостандықтарды қорғаудың маңызды құрамдас бөлігі бұзушылықтарға жауап берудің тиімді тетіктерінің болуы болып табылады. Құқықтардың бұзылуы жазалаушы әсерге және зардап шеккендерге міндетті өтемақыға ұшырауы керек. Осылайша, мемлекет құқықтарды бұзу жазасыз қалмауын қамтамасыз етуі керек.

Сонымен, адамдарды құқықтар мен бостандықтар туралы хабардар ету және тәрбиелеу оларды қорғаудың қажетті шарттары болып табылады. Қоғамдық пікір, азаматтардың қоғамдық өмірге белсенді қатысуы және мемлекет пен оның институттарының қызметін бақылау қазіргі қоғамдағы құқықтар мен бостандықтардың қорғалуын және сақталуын қамтамасыз етуге көмектеседі.

Қазіргі қоғамда адам құқықтары мен бостандықтарын түсіну мен маңыздылығы даму мен прогрестің ажырамас бөлігіне айналды. Адам құқықтары жалпыға ортақ және бөлінбейтін деп танылады, олардың әр адам үшін құндылығын асыра бағалау мүмкін емес.

Адам құқықтары мен бостандықтарының басты мәні-олар әр адамның лайықты және еркін өмір сүруіне негіз болады. Құқықтар мен бостандықтар оның мемлекеттің және басқа адамдардың озбырлығынан қорғалуына кепілдік береді, даму және өзін-өзі көрсету мүмкіндігін қамтамасыз етеді.

Сөз бостандығы мен сөз бостандығы қазіргі қоғамдағы ең маңызды құқықтардың бірі болып табылады.

Осы құқықтар арқылы адамдар еркін сөйлесе алады, өз ойлары мен идеяларын білдіре алады, бұл демократияның дамуы мен еркін ақпарат алмасудың маңызды шарты болып табылады.

Теңдік пен кемсітпеу құқығы да қазіргі қоғамның негізгі принциптері болып табылады. Әр адамның жынысына, нәсіліне, ұлтына, дініне немесе әлеуметтік мәртебесіне қарамастан құрметтелуге және қорғалуға құқығы бар. Бұл құқықтар заң алдында әділеттілік пен тең құқықты қамтамасыз етеді.

Өмір сүру құқығы, бостандық құқығы және жеке басына қол сұғылмау құқығы да қазіргі қоғамда жоғары құндылыққа ие. Олар әр адамға физикалық, психологиялық және эмоционалды қауіпсіздікке кепілдік береді.

Қазіргі қоғамдағы адам құқықтары мен бостандықтарының маңызы сөзсіз орасан зор. Бұл құқықтар жеке бостандықты, озбырлықтан және жеке өмірге жол берілмейтін араласудан қорғауды, теңдік пен әділеттілікті қамтамасыз етеді. Олар демократиялық және еркін қоғамның негізгі принциптері болып табылады, мұнда әр адам бақытты және лайықты өмір сүруге құқылы.

Мемлекет, саяси және құқықтық институттар, сондай-ақ халықаралық ұйымдар адам құқықтары мен бостандықтарын қорғауда маңызды рөл атқарады. Олар заңдар қалыптастырады және олардың орындалуына кепілдік береді, жанжалдарды шешу үшін сот жүйесін құрады және құқық бұзушыларды жазалау үшін тиісті шаралар қолданады.

Пайдаланылған қайнар көздерінің тізімі:

1. Лившиц Р. З. Теория права. — М.: Издательство БЕК, 1994. С. 22
2. Права человека: Учеб. пос. — Алматы: Данекер, 1999. С. 191.
3. Сапарғалиев Г. С. Права и свободы человека в Казахстане. — Алматы: Жеты Жаргы, 1998. — 336 с.

Усенбаева Айнур Еркековна,

магистр юриспруденции, судья Таразского городского суда

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Гражданским законодательством регулируются товарно-денежные и иные основанные на равенстве участников имущественные отношения, а также связанные с имущественными личные неимущественные отношения.

Наследственное право представляет собой самостоятельный институт гражданского права, который включает совокупность правовых норм, регулирующих отношения, возникающие как до момента открытия наследства, так и после смерти наследодателя, порядок наследования прав и обязанностей наследодателя, тесно связанных с правом частной собственности.

В соответствии с положениями статьи 26 Конституции Республики Казахстан граждане республики могут иметь в частной собственности любое

законно приобретенное имущество. Собственность, в том числе право наследования, гарантируется законом.

Наследственные правоотношения регулируются целым рядом нормативно-правовых актов, в том числе Гражданским кодексом Республики Казахстан (далее – ГК), статьей 1040 которого регламентировано, что в состав наследства входят принадлежащие наследодателю имущество, а также права и обязанности, существование которых не прекращается с его смертью.

В состав наследства могут также входить права, необходимые для оформления имущественных прав наследодателя, которые не были оформлены при его жизни, в том числе право на их регистрацию.

Не входят в состав наследства права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя: права членства в организациях, являющихся юридическими лицами, если иное не установлено законодательными актами или договором; право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью; права и обязанности, вытекающие из алиментных обязательств; права на пенсионные выплаты, пособия и другие выплаты на основании трудового законодательства Республики Казахстан и законодательства Республики Казахстан о социальной защите; личные неимущественные права, не связанные с имущественными, за исключением случаев, установленных законодательными актами [1].

Законодателем предусмотрено, что авторские права передаются по авторским договорам и в порядке наследования по закону или по завещанию. Личные неимущественные права автора, как то: - право признаваться автором произведения и требовать такого признания; - право указывать и требовать указание на экземплярах произведения и при любом его публичном использовании вместо подлинного имени автора его вымышленное имя (псевдоним) или отказаться от указания имени, то есть анонимно (право на имя); - право на неприкосновенность произведения, включая его название, право противодействовать любому извращению, искажению или иному изменению произведения, а также любому другому посягательству, способному нанести ущерб чести или репутации автора (право на защиту репутации автора); - право на открытие доступа к произведению неопределенному кругу лиц (право на обнародование), по наследству не переходят. Наследники автора вправе осуществлять охрану личных неимущественных прав [2].

Особенностью рассматриваемых правоотношений является то, что они возникают еще в период жизни наследодателя, который вправе оформить завещание, в котором выразить волю на распоряжение принадлежащим ему имуществом на случай смерти.

Нормы действующего законодательства основаны на международных нормах и принципах.

Так, Законом Республики Казахстан от 10 марта 2004 года N 531 ратифицирована Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, совершенная в Кишиневе 7 октября 2002 года (Закон Республики Казахстан от 10 марта 2004 года N 531 «О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам»), в соответствии с которой

производство по делам о наследовании движимого имущества компетентны вести уполномоченные учреждения Договаривающейся Стороны, на территории которой наследодатель имел место жительства в момент смерти.

Производство по делам о наследовании недвижимого имущества компетентны вести уполномоченные учреждения Договаривающейся Стороны, на территории которой находится имущество.

Такое же положение закреплено и в статье 48 Минской Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года и протокола к ней от 28 марта 1997 года. Эта Конвенция применяется в отношениях между государством-участником Кишиневской Конвенции и государством, являющимся ее участником, но для которого Кишиневская Конвенция не вступила в силу [3]. Гражданское законодательство, Закон Республики Казахстан от 14 июля 1997 года № 155-І «О нотариате», Правила совершения нотариальных действий нотариусами, утвержденные Приказом Министра юстиции Республики Казахстан от 31 января 2012 года № 31 (далее – Правила) регламентирует понятие завещания, форму его составления, порядок удостоверения завещаний.

Завещание составляется завещателем лично в письменной форме либо записывается нотариусом со слов завещателя в присутствии свидетелей, с указанием места и времени его составления и подлежит обязательному нотариальному удостоверению.

Завещание может быть составлено как в пользу одного или нескольких физических лиц, как входящим, так и не входящим в круг наследников по закону, а также в пользу юридических лиц, государства, с указанием размера доли каждого наследника (при наличии нескольких наследников).

Нотариус, в свою очередь, должен разъяснить завещателю о правах несовершеннолетних и нетрудоспособных наследников по закону на получение обязательной доли независимо от содержания завещания.

Пунктом 89 Правил предусмотрено, что если завещатель в силу своих физических недостатков, болезни или неграмотности не в состоянии лично прочитать завещание, его текст оглашается для него свидетелем в присутствии нотариуса, о чем производится соответствующая запись в тексте завещания до удостоверительной надписи с указанием причин, по которым завещатель не смог лично прочитать завещание.

Если завещатель в силу своих физических недостатков, болезни или неграмотности не в состоянии собственноручно подписать завещание, по его просьбе завещание подписывается другим лицом в присутствии нотариуса, завещателя и свидетеля. При этом производится соответствующая запись в тексте завещания и в удостоверительной надписи, с указанием причин, в силу которых завещатель не мог подписать завещание собственноручно [4].

В таких случаях нотариус обязан разъяснить лицам, присутствующим при удостоверении завещания, их обязанность до открытия наследства не разглашать сведения, касающиеся содержания завещания, его составления, отмены или изменения.

Надлежаще оформленными признаются: - нотариально удостоверенные завещания; - завещания, приравняемые к нотариально удостоверенным (статья 1050 ГК).

Сведения об удостоверенных завещаниях подлежат обязательной регистрации нотариусом в реестре учета завещаний.

Наследование осуществляется как по завещанию, так и (или) по закону, которое имеет место в случаях, когда завещание отсутствует либо в завещании не содержатся сведения в отношении конкретной наследственной массы.

Момент открытия наследства законодатель связывает с моментом смерти гражданина или объявления его умершим в судебном порядке.

Местом открытия наследства является последнее место жительства наследодателя, а если оно неизвестно - место нахождения имущества или его основной части.

«Завершением развития наследственного правоотношения является момент, когда наследник становится субъектом тех прав и обязанностей, которые имел наследодатель», отмечает доктор юридических наук, профессор А.Г. Диденко[5].

Обыкновенно этот момент называется «принятие» наследства, но казахстанский ГК вообще не использовал этот термин. Если в прежней редакции [ст. 1072](#) ГК называлась «Общие положения», то теперь она именуется «Принятие наследства». За различной терминологией кроются принципиально иные подходы к наступлению наследственного правопреемства. По прежнему законодательству наследник автоматически приобретал право на причитающееся ему наследство со времени открытия наследства. ГК РК до произведенных изменений не знал приобретения наследства путем совершения специального акта принятия. Новая редакция, подобно законодательству России, Украины, Беларуси, Таджикистана, связывает приобретение права на наследство с принятием наследства.

Принятие наследства – это односторонняя сделка. Следовательно, установление факта принятия наследства означает, что имел место факт совершения такой сделки. До внесения в ГК рассматриваемых изменений в казахстанской судебной практике были широко представлены дела об установлении факта принятия наследства. Но эта практика не соответствовала законодательству, ибо оно не знало такой сделки, как принятие наследства (наследство приобреталось автоматически со дня смерти наследодателя), а признавало лишь один факт: относится ли данное лицо к разряду наследников, призываемых к наследству, или нет, и устанавливаться мог только этот факт. Теперь эта практика приобретает под собой юридическую почву, и решения об установлении факта принятия наследства будут отвечать действующему законодательству.

Несмотря на то, что наследственное право считается стабильным институтом, национальные особенности, изменения в экономической системе страны вносят соответствующие коррективы как в нормы материального и процессуального права, так и в правоприменительную практику.

Судами республики рассматриваются и разрешаются разные категории дел, возникающих из наследственных правоотношений, причем как в исковом, так и особом производстве. Так, в соответствии с действующим законодательством

дела о признании завещания, свидетельства о праве на наследство недействительным, о восстановлении сроков для принятия наследства и признании принявшим наследство, о разделе наследственного имущества, в особом производстве – дела об установлении факта и места открытия наследства, об установлении факта нахождения на иждивении наследодателя и другие.

Анализ судебной практики по наследственным спорам за период 2020-9 месяцев 2023 года показывает, что основную часть наследственных споров составляют иски о восстановлении срока для принятия наследства и признании наследника принявшим наследство.

По статистическим данным Таразского городского суда за период 2020 – 9 месяцев 2023 года статистика выглядит следующим образом: споры о признании завещания недействительным (2020 – 3, 2021– 0, 2022 – 2, 2023 – 0), о признании недействительным свидетельства о праве на наследство (2020-1, 2021-2, 2022 -2, 2023 – 3), о восстановлении срока для принятия наследства (2020- 44,2021-85, 2022-83, 2023-47), о продлении срока для отказа от наследства (2020-2, 2021-11, 2022-7, 2023-3), об устранении от наследования недостойных наследников (2020-1, 2021-2, 2022-1, 2023-1), прочие наследственные споры составляют небольшой процент.

В целях единообразного применения законодательства о наследовании суды при отправлении правосудия руководствуются Нормативным постановлением Верховного Суда Республики Казахстан от 29 июня 2009 года № 5 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о наследовании» (далее-Нормативное постановление), нормы которого в соответствии с положениями статьи 4 Конституции Республики Казахстан отнесены к действующему праву в Республике Казахстан.

Согласно пункту 11 Нормативного постановления суд, рассматривая заявление наследника о восстановлении срока для принятия наследства в соответствии со [статьей 1072-3](#) ГК, может восстановить срок и признать наследника принявшим наследство при наличии следующей совокупности условий:

- отсутствуют доказательства фактического принятия наследства;
- срок пропущен по уважительной причине (болезнь наследника, а также обстоятельства, препятствующие подаче заявления о принятии наследства);
- наследник обратился в суд не позже шести месяцев после того, как причины пропуска этого срока отпали. При этом следует иметь в виду, что шестимесячный срок для обращения в суд с заявлением о восстановлении срока на принятие наследства восстановлению в порядке [статьи 126](#) ГПК не подлежит. Поскольку определение начала течения этого срока связано с моментом окончания обстоятельств, послуживших причиной пропуска срока принятия наследства, то заявление о восстановлении срока для принятия наследства и признании наследника принявшим наследство принимается в производство суда независимо от истечения шестимесячного срока, указанного в [статье 1072-3](#) ГК.

Уважительность причин пропуска срока для принятия наследства и признания наследника принявшим наследство определяется судом в зависимости от конкретных обстоятельств каждого дела.

Представляется правильной позиция С.К.Идрышевой, которая проводит анализ судебной практики некоторых постсоветских стран о принятии наследства и восстановлении пропущенных сроков для принятия наследства.

«Первым юридическим фактом определено условие о том, что «наследник не знал и не должен был знать об открытии наследства» или пропустил указанный срок по другим уважительным причинам...Ведь с позиций законов формальной логики и стилистического изложения правовой нормы если лицо не знало и не могло знать об открытии наследства, то нет ни малейших оснований для признания его принявшим наследство, о котором он и не знал, и не мог знать. Бесспорно, что у такого потенциального наследника отсутствовали не только действия, но даже и мысли о наследстве, а тем более о его принятии...

Общепризнанными в доктрине, комментариях к ГК, актах высших судебных органов являются положения о неотнесении к уважительным причинам восстановления срока таких оснований, как юридическая неграмотность, кратковременное заболевание, незнание информации о составе наследственной массы и др.

Вторым юридическим фактом, необходимым для положительного решения суда о восстановлении срока для принятия наследства, является соблюдение 6-месячного срока после отпадения оснований, по которым был пропущен срок. Причем этот срок является пресекательным, т.е. не подлежит восстановлению.

Третьим фактом, подлежащим установлению в суде при рассмотрении иска о восстановлении срока для принятия наследства, должно быть отсутствие доказательств фактического принятия наследства [6].

Судьями республики с момента законодательного введения института примирительных процедур обсуждалась возможность заключения соглашения, которые для нотариуса будут являться основанием для выдачи свидетельства о праве на наследство в случае пропуска предусмотренного законом срока. Такие соглашения должны заключаться с обязательным участием всех наследников наследодателя, нотариуса, в производстве которого находится наследственное дело, иных заинтересованных лиц. На сегодняшний день эти споры к медиабельным не отнесены, иски о восстановлении срока для принятия наследства и признании принявшим наследство, не поступают к судьям-примирителям, а перераспределяются судьям для рассмотрения по существу.

В судебной практике большое количество споров составляют иски об определении долей умерших супругов, которые к наследственным делам не относятся и классифицируются как споры о праве собственности, об определении долей. При этом данные споры вытекают непосредственно из наследственных правоотношений.

Так, в соответствии с пунктом 153 Правил совершения нотариальных действий нотариусами, утвержденных Приказом Министра юстиции Республики Казахстан от 31 января 2012 года № 31 (Правила) в случае смерти обоих супругов выдел доли супругов решается в судебном порядке.

При вынесении решения по таким искам суды исходят из положений пункта 1 статьи 38 Кодекса о браке (супружестве) и семье - «при разделе общего имущества супругов и определении долей в этом имуществе доли каждого из

супругов признаются равными, если иное не предусмотрено договором между ними».

Требование заинтересованного лица (наследника) об определении долей умерших супругов (наследодателей) можно отнести к бесспорным требованиям, решения судов носят идентичный характер - определение долей по 1/2 каждого.

В этой связи, предлагается передать в подведомственность нотариусам решение указанного вопроса путем внесения соответствующих изменений в Правила (пункт 153 - исключить).

Указанные изменения по нашему мнению будут способствовать снижению нагрузки судов республики, развитию институтов внесудебного урегулирования споров.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Республики Казахстан. Общая часть//<https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000093>.
2. Закон Республики Казахстан от 10 июня 1996 года № 6-І «Об авторском праве и смежных правах» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000097>.
3. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 29 июня 2009 года № 5 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о наследовании» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000099>.
4. Правила совершения нотариальных действий нотариусами, утвержденные Приказом Министра юстиции Республики Казахстан от 31 января 2012 года № 31//<https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000095>.
5. Диденко А.Г. Об изменениях наследственного Республики Казахстан//<http://www.zakon.kz/96090-ob-izmenenijakh-nasledstvennogo>.
6. Идрышева С.К. Законодательство некоторых постсоветских стран и практика его применения // <http://repository.kazguu.kz/bitstream/handle>.

Абилгазина Асылхан Жумабергеновна
Ақтөбе облысының мамандандырылған
әкімшілік сотының судьясы

ӘКІМШІЛІК СОТ ІСІН ЖҮРГІЗУДЕГІ АДАМ ҚҰҚЫҚТАРЫН ҚОРҒАУ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Адам құқығы конституциялық құқықтық маңызды институты болып табылады.

Қазақстан Республикасы Конституциясының 1 - бабында адам және адамның өмірі, құқықтары мен бостандықтары ең қымбат қазына ретінде айқындалған.

Жария –құқықтық дауларда мемлекеттік органдардың шешімдері мен әрекеттерінен дау туындаған кезде азаматтардың дәрмені көп жағдайда мемлекеттік аппараттың күшімен тең емес жағдайда болып жатады. Осы айырмашылықты теңдестіру мақсатында елімізде әкімшілік әділет институтын құру қажеттігі туындады.

Осылайша, 2020 жылғы 20 маусымда Қазақстан Республикасының Әкімшілік рәсімдік - процесік кодексі қабылданып, заңды күшіне 2021 жылғы 1 шілдеден бастап енгізілді.

Осы уақыттан бастап «Әкімшілік рәсімдер туралы» және «Жеке және заңды тұлғалардың өтініштерін қарау тәртібі туралы» Қазақстан Республикасының Заңдарының күші жойылды. Осыған орай, Қазақстан Республикасы Азаматтық процесік кодексінің 27-29 тараулары да қолданыстан шықты.

Жаңа кодекс нормалары мемлекеттік органдардың ішкі әкімшілік рәсімдерін, әкімшілік рәсімдерді жүзеге асыруға байланысты қатынастарды, сондай-ақ әкімшілік сот ісін жүргізу тәртібін ретттеуге бағытталған болатын. Талап қоюшылар - жеке және заңды тұлғалар болса, жауапкерлер мемлекеттік органдар, әкімшілік органдар, лауазымды адамдар болып табылады.

Қазақстан Республикасы Президентінің 2021 жылғы 26 қаңтардағы №500 Жарлығымен жария - құқықтық дауларды қарайтын мамандандырылған әкімшілік соттар құрылды. Әкімшілік соттардың соттылығына салық, жер, тұрғын үй даулары, сот орындаушыларының іс-әрекетін (әрекетсіздігін) даулау жатады.

Әкімшілік әділеттің жаңашылдықтары жеке және заңды тұлғалардың құқықтары мен заңды мүдделерінің тиімді қорғалып, бұзылған құқықтарын қалпына келтірілуіне зор ықпал етіп отыр.

ӘРПК - нің 2 - тарауында әкімшілік сот ісін жүргізудің қағидаттары баяндалған. Әкімшілік рәсімдердің және әкімшілік сот ісін жүргізудің қағидаттарын бұзу оның сипатына және елеулі болуына қарай әкімшілік актілерді, әкімшілік әрекеттерді (әрекетсіздікті) заңсыз деп тануға, сондай-ақ шығарылған сот актілерінің күшін жоюға алып келеді. Адам құқығын қорғаудағы ерекше тетіктердің бірі әкімшілік сот ісін жүргізуде соттың белсенді рөлі болып табылады. Белсенді рөл атқара отырып, судья сотқа қатысушылардың түсініктемелерімен, олар ұсынған дәлелдемелермен шектеліп қана қоймай, әкімшілік істі дұрыс шешу үшін маңызы бар барлық нақты мән-жайды жан-жақты, толық және объективті түрде зерттейді және өз бастамасы бойынша қосымша дәлелдемелерді жинай алады. Көбіне азаматтар құқықтары мен заңды мүдделері бұзылғанын айқын біліп тұрса да, заң нормаларын толық меңгермегендіктен талапты нақты қоймады, талап негізін дұрыс көрсетпейді, қажетті дәлелдемелер ұсына алмайды, немесе іске тиісті емес жауапкерді тартуы мүмкін. Мұндай жағдайда, сот құқықтық салдарды алдын ала түсіндіре отырып, тарапқа талап қою талаптарын тұжырымдауда және (немесе) өзгертуде жәрдем көрсетуге құқылы. Сот процесінің барлық сатыларында формальды қателерді жоюға, түсініксіз сөздерді нақтылауға, әкімшілік істің мәні бойынша өтінішхаттарды беруге, толық емес нақты деректерді толықтыруға, әкімшілік істің мән-жайларын толық айқындау мен объективті бағалау үшін маңызы бар барлық жазбаша түсініктемелерді беруге жәрдем көрсетуге міндетті. Осылайша судья талап қоюшыға оның құқықтарының тиісті дәрежеде қорғалуы үшін құқықтық «көмек» көрсете алады.

Судьяның әкімшілік істің нақты және (немесе) заңды тұстарына жататын құқықтық негіздемелер бойынша өзінің алдын ала құқықтық пікірін айта алу нормасын қолдану барысында, сот әкімшілік процеске қатысушыларға даулы қатынастарды реттейтін заң нормаларын түсіндіре алады және бұл өз кезегінде

тараптарды татуластыруда өте маңызды рөл атқаратынын көрсетіп отыр. Жария құқықтық қатынастардан туындайтын дауды тиімді шешу мақсатында соттың белсенді рөл атқарып, алдын ала пікір білдіргеннен кейін мемлекеттік органдар, лауазымды тұлғалар жіберілген кемшіліктерді өз бетінше түзетеуге тырысады. Мұндай жағдайда, талап қоюшылар арыздарын кері қайтарып алып жатады, себебі мәселе шешілгеннен кейін істі мәні бойынша қарау қажеттілігі болмай қалады.

Қоғамдағы дау-жанжал деңгейін төмендетуде бітімгершілік рәсімінің маңызы өте зор екені белгілі. Бұрын мемлекеттік органдардың сотта талап қоюшымен бейбіт келісімге келуге заң тұрғысынан құқықтары болмаған еді, қазір жаңа кодекс нормалары билік органдарына дауды азаматтармен татуласу арқылы шешуге толық мүмкіндік беріп отыр. Әрине бітімгершілік келісімге жасау үшін жауапкерде әкімшілік қараудың болуы міндетті болып табылады.

Азаматтар мен заңды тұлғалардың бұзылған құқықтарын қалпына келтіретін тетіктердің бірі – сот шешімінің уақытылы орындалуы. Әкімшілік сот ісін жүргізудегі шешімнің орындалуына соттың өзі бақылау жасайды. Әкімшілік істер бойынша сот шешімі заңды күшіне енген күннен бастап бір ай ішінде орындалуға жатады. Егер белгіленген мерзімде сот актісі орындалмаса, жауапкерге елу айлық есептік көрсеткіш көлемінде ақшалай өндіріп алу салу көзделген. Осылайша, сот шешімі алты айға дейін орындалмаса, он айлық есептік көрсеткішке ұлғайтылған мөлшерде ақшалай өндіріп алу салынады. Алты айдан астам уақытта да сот шешімі орындалмаса, шешімді орындауға жауапты тұлға Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 430 - бабына сәйкес қылмыстық жауаптылыққа тартылатын болады. Бұл норманың сот шешімінің уақытылы орындалуына, тиісінше адам құқытары мен заңды мүдделерінің қорғалуына ықпал етері сөзсіз.

Жаңа кодекстің жаңашылдықтары азаматтар пен мемлекет арасындағы теңдікті қалыптастыра отырып, еліміздің құқық жүйесін жаңа бір сатыға жоғарылататынына сенім мол.

Әкімшілік әділет институты құрылғалы көп уақыт өтпесе де, оның қоғамға қажеттілігі мен сұранысқа ие екені бүгінгі күні айқын көрініп отыр.

Костяная Юлия Сергеевна,

м.ю.н., старший научный сотрудник отдела
гражданского, гражданского
процессуального законодательства и
исполнительного производства Института
законодательства и правовой информации
Республики Казахстан

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ускорение темпов развития искусственного интеллекта (далее – ИИ) вызывает одновременно восхищение и тревогу. Одни считают, что ИИ может помочь в решении социальных проблем, в то время как другие опасаются, что он

может превзойти людей и нарушить их права и свободы. Вопросы этики и ответственности при использовании ИИ активно обсуждаются в науке и обществе. Нерешенные проблемы включают ответственность за действия автономных автомобилей и дискриминацию. Также остаются вопросы авторских прав. В настоящее время проблема соотношения развития ИИ и соблюдения прав человека является очень актуальной. Эти вопросы подчеркивают важность тесного взаимодействия между технологическим развитием и общественным сознанием, чтобы обеспечить баланс между инновациями и защитой основных прав и ценностей человека. Он также подчеркивает необходимость постоянного обновления законодательства и нормативов, чтобы адаптироваться к изменениям в технологическом прогрессе.

На международной арене на сегодняшний день отсутствует какой-либо международный договор, посвященный ИИ. Однако существует несколько руководящих принципов и норм, принятых международными организациями, которые направлены на формирование основ международно-правового регулирования в этой области и носят рекомендательный характер.

Под эгидой ООН в 2019 году был разработан документ «Дорожная карта цифрового сотрудничества», в котором Генеральным секретарем ООН предложено создание многостороннего консультативного органа по глобальному сотрудничеству в области ИИ для решения вопросов, связанных с включением, координацией и наращиванием потенциала в этой области [1].

В ноябре 2021 года 193 государства-члена на Генеральной конференции ЮНЕСКО приняли Рекомендации по этике ИИ, который считается первым глобальным нормативным документом по этому вопросу. В документе определены общие ценности и принципы, а также установлены конкретные политические меры в отношении этических аспектов ИИ [2]. Развитие систем на основе ИИ поднимает этические вопросы нового типа, касающиеся, в частности, их влияния на процессы принятия решений, проблему занятости и рынок труда, взаимодействие между людьми в обществе, медицину, образование, средства информации, доступ к информации, цифровое неравенство, защиту персональных данных и потребителей, окружающую среду, демократию, верховенство закона, обеспечение безопасности и правопорядка, двойное использование, а также права человека и основные свободы, включая, свободу выражения мнений, неприкосновенность частной жизни и отсутствие дискриминации [3].

Кроме того, в рамках другой международной организации, Совете Европы, к примеру, в Рекомендациях Комиссара Совета Европы по правам человека «10 шагов для защиты прав человека при использовании искусственного интеллекта» 2019 года отмечаются основные рекомендации [4]. Так, государствам рекомендуется регламентировать процедуры по оценке воздействия на права человека со стороны систем ИИ, содействовать исполнению стандартов в области прав человека частным бизнесом, обеспечить чтобы информация об использовании систем ИИ при принятии решений, существенно влияющих на права конкретного человека, должна быть доступна и понятна. Кроме того отмечается, что необходимо создать нормативно-правовую базу для независимого и эффективного контроля за соблюдением прав

человека при разработке, внедрении и использовании систем ИИ государственными органами и частными субъектами, также она должна обеспечивать надлежащие гарантии в случаях без какой либо дискриминации, когда системы ИИ полагаются на обработку следующих данных: генетических данных; персональных данных, относящихся к правонарушениям, уголовно-процессуальным действиям, обвинительным приговорам и связанным с ними мерам безопасности; биометрических данных; персональных данных о «расовом» и этическом происхождении, политических убеждениях, членстве в профсоюзах, религиозных и прочих взглядах, состоянии здоровья и о сексуальной жизни. Нельзя забывать о том, что системы ИИ должны всегда оставаться под контролем человека, даже если благодаря машинному обучению или аналогичным технологиям они смогут принимать решения самостоятельно, без человеческого вмешательства. В связи с этим, государствам следует четко определить сферы ответственности за нарушения прав человека, которые могут возникать на разных стадиях жизненного цикла систем ИИ, и кроме этого, необходимо повышать информированность об ИИ во всех государственных структурах и в обществе в целом.

В декабре 2020 г. Комитет по искусственному интеллекту Совета Европы опубликовал Обоснование осуществимости правового регулирования проектирования, разработки и применения ИИ, основанное на стандартах Совета Европы [5].

Так, особо отмечается отсутствие единого подхода к определению самого понятия ИИ. Кроме того, проводится анализ рисков, связанных с обработкой данных, статистическими погрешностями, которые могут преумножаться в самообучаемой системе, непрозрачностью систем ИИ. Документ отмечает практику работы различных Комитетов Совета Европы в области кибербезопасности, защиты данных, правосудия, а также практику ЕСПЧ, относящуюся к информационным технологиям.

Кроме того, существуют доклады в рамках ЮНКТАД, ВОИС, Международный союз электросвязи в которых также поднимаются вопросы сотрудничества в этой области, развития ИИ с сохранением прав человека.

Рекомендации по ИИ Организации экономического сотрудничества и развития 2019 года могут быть названы первым межправительственным документом, посвященным непосредственно ИИ. Принципами Организации экономического сотрудничества и развития по развитию ИИ являются, прежде всего то, что ИИ должен приносить глобальную пользу всей планете, а не только отдельным людям. Общими рекомендациями для национальных правительств по вопросу развития ИИ являются поддержка исследований и разработок, развитие законодательства, обучение и поддержка специалистов, сотрудничество в экономике, поддержка цифровой инфраструктуры, прозрачность в информации о современном развитии ИИ, обеспечение его безопасности и надежности

Более того, международные организации проводят многочисленные конференции, форумы по вопросам ИИ, создают специальные комитеты для исследования проблемных вопросов использования ИИ и его возможного правового регулирования. Так, например, в 2017 году были приняты Азиломарские принципы, составляющие этическую основу деятельности в

области ИИ. В числе принципов, непосредственно затрагивающих правовые рамки ИИ, можно назвать: прозрачность правосудия при участии автономных систем в принятии судебных решений; совместимость ИИ-систем с человеческими ценностями в области права; конфиденциальность личных данных: сохранение за людьми права на доступ, управление и контроль; свобода и неприкосновенность частной жизни: использование ИИ-системами персональных данных не должно ограничивать человеческую свободу. Косвенно и иные принципы имеют отсылки к правовому регулированию ИИ в вопросах ответственности, контроля, безопасности и других [6].

Таким образом, вопросы правового регулирования ИИ, определения ИИ являются актуальными на сегодняшний день и вызывают множество дискуссий. Говоря о развитии ИИ и о том, что он постепенно проникает буквально в каждую сферу нашей повседневной жизни, нельзя не затронуть вопрос о том, какое влияние он оказывает на права и свободы человека. Ведь именно эти проблемы касаются каждого.

Прежде всего, хотелось бы отметить положительные стороны данного вопроса. Логично, что ИИ, и в целом вся робототехника, помогают усовершенствовать и улучшить многие области жизни человека, к примеру, при помощи ИИ можно проводить профилактику и диагностику заболеваний, выбор наилучших методов лечения и даже проведение хирургических операций. Робототехника и ИИ используются для обеспечения безопасности, включая защиту границ, предотвращение террористических атак, поиск людей и транспортных средств. Активно ИИ используется в экологических программах, прогнозирования природных явлений. Роботы и системы ИИ обеспечивают безопасность труда, его облегчение и, как следствие, создание новых рабочих мест. ИИ влияет на транспортную безопасность, снижая смертность на дорогах, развивая мобильность и технологии автономного транспорта. ИИ улучшает механизмы государственного управления и взаимодействие государства с обществом. Технологии ИИ также помогают человеку обучаться, расширять границы собственных знаний и навыков [7].

Однако практически каждый названный положительный эффект, можно расценить и с отрицательной точки зрения, с определенных рисков, которые несет в себе развитие и повсеместное внедрение ИИ. В первую очередь, как отмечают многие авторы в своих исследованиях, это возможность применения ИИ в военном деле, что нарушает самое основное естественное и неотъемлемое право человека - право на жизнь. Ведь разработка систем ИИ в военных целях не только уже ведется, но и имеет результаты [8]. Например, вызывает бурные дискуссии возможность ИИ принимать решение о том, должно ли производиться уничтожение людей или объектов, в которых могут находиться люди (даже во время ведения боевых действий). Ни в одном законодательстве мира и ни в одном международном документе на сегодняшний день не установлено кто несет ответственность за действия ИИ: разработчик, владелец или же сам ИИ.

Использование ИИ в государственном управлении противоречит самой идеи управления людей людьми на основе демократических процедур и принципов. Или же, к примеру, применение основанных на ИИ социальных рейтингов, уже используемых на практике в КНР, полностью отвергает принцип

равенства граждан. Как отметила в 2019 году бывший верховный комиссар ООН по правам человека Мишель Бачелет: «составление профиля, «баллы» и «рейтинг» могут использоваться для оценки того, имеют ли люди право на услуги в области здравоохранения, страхования и финансов» [9].

При активном внедрении ИИ в трудовую сферу увеличивается риск потери рабочих мест и рост безработицы и как следствие социальная напряженность в обществе. Зачастую системы ИИ могут как способствовать дискриминации какой-либо одной группы людей в пользу другой в результате заданных алгоритмов программирования, так и прийти к необходимости такой дискриминации на основе собственного решения. То есть, системы ИИ, основанные на машинном обучении, способны самостоятельно обучаться на основе данных. В процессе этого обучения могут формироваться скрытые шаблоны или предвзятости, которые могут привести к неосознанной дискриминации.

Для решения этих проблем необходимо разработать этические стандарты и законы, которые обязывают разработчиков и владельцев ИИ прозрачно объяснять процесс принятия решений, предотвращать дискриминацию и внедрять механизмы контроля за обучением. Для управления рисками в разработке и использовании ИИ также необходимо активное участие общества и соответствующих органов в создании и следящих за соблюдением этических стандартов.

Другой пример успешного использования ИИ в нашем обществе, это использование в процессе судебной деятельности, в том числе для анализа судебной практики и обоснования судебных решений. Из плюсов использования ИИ в судебной деятельности можно отметить в первую очередь большую эффективность, точность и беспристрастность, доступность к правосудию и ряд других. Однако это одновременно может привести к нарушению права граждан на справедливое судебное разбирательство. Ускорение рассмотрения судебных дел в таком случае не всегда приводит к гуманизации судебной деятельности и соблюдению принципа справедливости. Важно учитывать этические, юридические и социальные вопросы, связанные с использованием ИИ в правосудии. Это включает в себя вопросы прозрачности алгоритмов, защиты данных, а также участие человека в принятии окончательных решений.

Другим немаловажной проблемой является конфиденциальности персональных данных и сохранению неприкосновенности частной жизни граждан. Соблюдение конфиденциальности личных данных и защита приватности играют ключевую роль в контексте применения ИИ и технологий обработки информации. Эти вопросы вытекают из основных принципов прав человека, закрепленных в международных документах, таких как право на личную неприкосновенность и защиту персональных данных. Однако, в свете быстрого развития технологий, существует необходимость в постоянном обновлении и укреплении законодательства и механизмов контроля для обеспечения соответствия прав человека в эру цифровых технологий.

Организации и государства также должны активно работать над созданием эффективных систем защиты данных, включая технические, правовые и организационные меры, чтобы минимизировать риски нарушения

конфиденциальности персональных данных и обеспечить уважение прав человека в цифровой среде.

Однако нельзя не согласиться с П.М. Морхатом в том, что «нарушение права человека на приватность (в частности - на конфиденциальность личной информации) при применении ИИ может быть не всегда сопряжено с очевидно ненадлежащими действиями его оператора или с достижением неправомерных целей, оно может быть побочным эффектом при достижении важных целей, отвечающих в целом общественным интересам» [10, 50-52 стр.].

Использование ИИ создает существенные проблемы в правовом регулировании вопросов принадлежности интеллектуальной собственности. Об этом, например, свидетельствует решение Народного суда округа Наньшань, Шэньчжэнь, провинция Гуандун, 2019 года [11]. В данном судебном деле рассматривался вопрос о том, должны ли произведения, созданные искусственным интеллектом, быть защищены авторскими правами. Суд пришел к выводу, что создание и выражение статьи зависит от команд, заданных разработчиком. В обычных случаях автор сам принимает решение о создании произведения и его форме, но при работе с использованием ИИ автор определяет, как создавать произведение, разрабатывает программное обеспечение, а затем уже создает произведение. Таким образом, можно сказать, что ИИ является инструментом, которым человек пользуется для создания произведений, защищаемых авторскими правами. Однако в будущем возможно признание авторских прав исключительно за ИИ.

В сфере здравоохранения использование диагностических цифровых технологий на основе ИИ ведет к сокращению штатов, сбор персональных данных, необходимых для создания инструментов на базе ИИ, создает риск конфиденциальности медицинской информации пациента. В сфере образования имеются серьезные опасения по поводу результатов оценивания, если система не сможет понять написанное, а также есть риск того, что системы могут повлиять на реализацию права свободного выражения мнения.

Обобщая круг проблем, связанных с подходами к правовому регулированию ИИ, робототехники, информационных систем на основе ИИ, нужно отметить следующее. Ряд исследователей считает, что такое регулирование должно осуществляться в рамках специальной отрасли или даже системы отраслей - цифрового права [12]. Другие же отмечают, что необходима интеграция норм, посвященных информационным технологиям, в действующую классическую систему права [13].

Также можно говорить о трех моделях регулирования технологий ИИ [14]. Согласно первой модели, предпочтение отдается документам стратегического планирования, а не нормам права (Франция, Китай, Россия). В соответствии со второй моделью, нормы права преобладают, существует тенденция создания комплексного регулирования технологий ИИ, документы стратегического значения не имеют существенного влияния либо отсутствуют (Южная Корея). И последняя, это гибридная модель, при которой имеют значение и государственные стратегические документы, и нормы права, причем точечное и комплексное регулирование сочетаются (США, ЕС).

Как отметил глава государства Касым-Жомарт Токаев в своем выступлении на международном форуме Digital Bridge 2023 года, существует необходимость обеспечения нормативного регулирования ИИ. По его данным, на сегодняшний день более 120 стран уже приняли различные законодательные акты для решения этой задачи [15]. Также глава государства отметил, что «предстоит принять стратегический документ, определяющий сферу применения, задачи и инструменты развития ИИ. Большое значение также имеет широкое использование возможностей ИИ при оказании государственных услуг». В ряде стран (Канада, Китай, Корея, США, Великобритания, Франция, Дания, Россия, ОАЭ, КНР, Франция, Швеция, Мексика, Сингапур, Япония, Германия и другие) приняты национальные стратегии.

Подводя итог, можно отметить, что ряд концептуальных вопросов, таких как правосубъектность и юридическая ответственность в отношении роботов и ИИ, соотношение повсеместного внедрения ИИ и защиты прав человека, правовое регулирование технологий ИИ, остаются концептуальными и в большей части не разъясненными. Очевидно, что такие базовые принципы права, как баланс интересов участников отношений, защита экономически «слабых» участников отношений, и обеспечение основных прав человека, должны лежать в основе регулирования.

Список использованных источников:

1. Дорожная карта Генерального секретаря ООН по цифровому сотрудничеству. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/content/digital-cooperation-roadmap/> (дата обращения: 29.11.2023)
2. Итоговый документ: Первый проект рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта. [Электронный ресурс]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373434_rus (дата обращения: 29.11.2023)
3. Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта. 2021 г. Цифровая библиотека ЮНЕСКО. [Электронный ресурс]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus (дата обращения: 29.11.2023)
4. Раскрытие искусственного интеллекта: 10 шагов для защиты прав человека. Совет Европы, май 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/10-/16809a42e4> (дата обращения: 29.11.2023)
5. Официальный сайт «Совет Европы и искусственный интеллект». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/cahai> (дата обращения: 29.11.2023)
6. Азиломарские принципы искусственного интеллекта. [Электронный ресурс]. URL: <https://robotrends.ru/pub/1737/azilomarskie-principy-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 29.11.2023)
7. Кашкин С. Ю., Покровский А. В. Искусственный интеллект, робототехника и защита прав человека в Европейском Союзе //Вестник университета имени ОЕ Кутафина. – 2019. – №. 4 (56). – С. 64-90.
8. О применении таких систем в России см., например, интервью с первым заместителем министра обороны РФ Р. Х. Цаликовым на конференции «Искусственный интеллект: проблемы и пути решения». [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20180315/1516469827.html> (дата обращения: 29.11.2023)

9. Выступления Управления Верховного комиссара по правам человека. Права человека в цифровой век. 17 октября 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ohchr.org/ru/2019/10/human-rights-digital-age> (дата обращения: 29.11.2023)
10. Морхат П. В. Искусственный интеллект: правовой взгляд : монография. М., 2017. С. 178.
11. Анастасия Васильева. К вопросу о наличии авторских прав у искусственного интеллекта. 1 февраля 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/article/1605912/> (дата обращения: 29.11.2023)
12. Андреев В.К. Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 58–68
13. Незнамов А.В. О концепции регулирования технологий искусственного интеллекта и робототехники в России // Закон. 2020. № 1. С. 171–185
14. Незнамов А. В. Правовые аспекты реализации Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12. С. 82–88.
15. Официальный сайт Президента Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-prinyal-uchastie-v-mezhdunarodnom-forume-digital-bridge-2023-1294242> (дата обращения: 29.11.2023)

Бузаканова Айжан Бахитхановна,
старший преподаватель кафедры
общеправовых дисциплин
Костанайской Академии МВД РК имени
Ш. Кабылбаева, магистр права

МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ РЕБЕНКА В КАЗАХСТАНЕ

Каждое государство развивается и ставит перед собой определенные приоритеты развития. Не смотря на свое развитие и ситуацию в старне защита прав человека и гражданина стояла на первом месте, а защита прав ребенка - это главный вопрос, который многие государства решают путем принятия норм законов в области защиты прав ребенка принимая на себя обязательства международных актов.

Защита прав ребенка — это взаимосвязанная система действий государства, общества, а также международных и национальных механизмов, неправительственных организаций. Основные проблемы и угрозы, с которыми сталкиваются дети в современном мире это:

- преступность среди несовершеннолетних;
- проживание в асоциальных семьях;
- смертность из-за некачественного медицинского обслуживания;
- беспризорность;
- отсутствие образования;
- угроза жизни и нарушение прав.

Все эти угрозы можно предотвратить путем внесения изменений и дополнений в нормы законодательства и тем самым улучшая жизнь подрастающего поколения.

За годы независимости в Казахстане ратифицированы 16 международных документов. Один из основных – Конвенция о правах ребенка, которая была ратифицирована Постановлением Верховного Совета Республики Казахстан от 8 июня 1994 года, ее основные положения вошли в национальное законодательство.

Согласно статье 44 Конвенции о правах ребенка (далее -Конвенция) Республика неуклонно соблюдает основные направления международной защиты прав ребенка и направляет периодические доклады о выполнении положений Конвенции[1].

Хотелось бы отметить что 7 февраля 2023 года – В штаб-квартире Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке Постоянный представитель Республики Казахстан при ООН подписал от имени Казахстана Факультативный протокол к Конвенции о правах ребёнка, касающийся процедуры сообщений, таким образом Казахстан стал 53-м государством, подписавшим этот важный международный договор в области прав человека.

Документ предоставляет Комитету ООН по правам ребёнка состоящей из 18 независимых экспертов в области прав ребёнка полномочия получать и рассматривать жалобы о нарушениях прав ребёнка, предусмотренных тремя основными документами ООН по правам ребёнка: Конвенции о правах ребёнка и двумя Факультативными протоколами к ней – об участии детей в вооруженных конфликтах и о торговле детьми, детской проституции и детской порнографии.

В соответствии с 3-м Факультативным протоколом, дети либо их представители могут напрямую подавать жалобы о нарушении своих прав в Комитет ООН по правам ребёнка. Комитет, в свою очередь, рассматривает каждое дело и принимает решения, содержащие конкретные рекомендации государствам-участникам[2].

Подтверждая приверженность государства-участника к выполнению Конвенции ООН о правах ребёнка, поддерживая усилия мирового сообщества по формированию среды, комфортной и доброжелательной для жизни детей, в 2016 году в Казахстане был создан институт Уполномоченного по правам ребёнка.

Одной из главных функциональных обязанностей Уполномоченного по правам ребёнка является рассмотрение обращений, касающихся нарушения прав, свобод и законных интересов детей. с 2019 года по 2022 год, уполномоченный рассмотрел 1218 обращений. Больше трети (37%) этих обращений приходится на четыре темы – уголовное судопроизводство, судебные дела, опека и попечительство, образование. Другие основные темы обращений – назначение и взыскание алиментов, лекарственное обеспечение, медицинское обслуживание, вопросы инвалидности, жилищные вопросы, документирование детей, доступность культуры и спорта, жалобы на действия сотрудников госорганов, правовая помощь [3].

По мимо уполномоченного по правам ребенка вопросами обеспечения прав детей занимаются 9 министерств и ведомств, на местном уровне – 1000 организаций образования, здравоохранения, соцзащиты. МОН РК в качестве координирующего и профильного ведомства принимает комплексные меры по защите прав ребенка [3].

Очень много делается нашим государством для улучшения жизни детей, для создания благоприятной среды в обществе, для их безопасности с 2019 года работает телеграмм-чат «Бала көрғау», принимаются меры по обращениям граждан в чат по проблемам и обеспечения прав детей в режиме чрезвычайных ситуациях, при Управлениях образования созданы областные постоянно действующие Call-центры по вопросам сферы образования. Ежедневно ведется работа по оказанию консультационной, психологической, юридической помощи детям и родителям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, по телефону доверия Комитета.

На местном уровне при местных исполнительных органов с 2022 года акимами регионов назначены региональные уполномоченные по правам ребенка. И это все делается нашим государством для лучшей, безопасной жизни наших детей.

Сформирована национальная законодательная база правовой защиты детства. Приняты 14 законов, более 200 постановлений Правительства РК, более 700 приказов в сфере охраны прав детей. Законодательно обеспечены права детей на жизнь, защиту чести и достоинства, образование, социальное обеспечение, медицинскую помощь, отдых, участие в общественной жизни и культурных мероприятиях и др. права детей[4]. Защита прав детей нашли свое отражение в следующих нормативно-правовых актах:

1. Законе Республики Казахстан от 8 августа 2002 года № 345-ІІ «О правах ребенка в Республике Казахстан»-;

2. Законе Республики Казахстан от 13 декабря 2000 года № 113- ІІ «О детских деревнях семейного типа и домах юности»;

3. Законе РК от 8 августа 2002 г. №345; «О правах ребёнка в Республике Казахстан»;

4. Законе РК от 11 июля 2002 г. №343; «О социальной и медико-педагогической коррекционной поддержке детей с ограниченными возможностями»;

5. Минимальных социальных стандартах «Обеспечение защиты прав и интересов детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, переданных на воспитание в семью (усыновление, опеку или попечительство, патронат) — Утверждён приказом Министра образования и науки РК от 10 сентября 2015 г. №557;

6. Законе Республики Казахстан от 4 декабря 2009 года № 214-ІV; «О профилактике бытового насилия»;

7. Законе Республики Казахстан от 27 июля 2007 года № 319-ІІІ. «Об образовании».

Одна из важнейших задач государства как социального института – создание крепкого, стабильного общества, способного к активной жизнедеятельности и безопасной жизни граждан и детей.

Государству необходимо разработать индекс благополучия детей, для того чтобы акцентировать внимание на важных аспектах защиты прав несовершеннолетних. Это будет служить показателем оценивания благосостояния и улучшения положения детей по всем жизненно важным

сферам: здоровье, образование, социализация, семья и общество. Ведь наше будущее в руках наших детей.

Список использованных источников:

1. Конвенция о правах ребенка.
2. Казахстан подписал Факультативный протокол к Конвенции о правах ребёнка, касающийся процедуры сообщений / <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/region-news/details/12189?lang=ru>.
3. Доклад Уполномоченного по правам ребёнка в Республике Казахстан Аружан Саин «Благополучие детей и защита их прав».
- 4.« Защита прав детей»/ <https://www.gov.kz/memleket/entities/qazalem/activities/28180?lang=ru>.

Елеусинов Алмат Алтаевич

з.ғ.м., ҚР ҰҚК Академиясы қызметкері

ЖЕКЕ ТҰЛҒАНЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ МӘРТЕБЕСІНІҢ НЕГІЗДЕРІ

Адам және азаматтардың құқықтары мен бостандықтарын қорғау қай кезеңде болмасын өзекті сұрақтардың қатарында. Адам құқықтары сақталмаған мемлекетті «құқықтық, демократиялық мемлекет» деп айту қиын. Бұзылған құқықтарды қалпына келтіру немесе өз құқығымызды қорғай білу үшін аталған мәселені реттейтін заңнамаларды талдайтын боламыз.

Адам құқығын қорғау саласында маңызды қадамдар жасалынды. Әділдікті және заң үстемдігін орнату үшін ауқымды жұмыс жүргізіліп жатыр. Шешім қабылдау үдерісіне азаматтардың қатысу мүмкіндігі артты. Қоғамның саяси мәдениеті мүлде жаңа сипатқа ие болды [1].

Адам құқықтарының құндылықтарын ұлттық саясатқа тиімді тасымалдауды қамтамасыз ету үшін, оның құқықтық негіздерін қарастыру маңызды. Адам құқықтарының жаңа концепцияларына негізделген тұлғаның құқықтық мәртебесі Қазақстан Республикасының Конституциясында бекітілген. Сонымен қатар, ол адам құқықтары мен бостандықтарының жалпы құқықтық стандарттарын бекітетін халықаралық құқықтық құжаттарда да тірек етілген.

Академик Ғ. Сапарғалиев айтқандай, «Қазақстан Республикасының Конституциясы халықтың, Президенттің, депутаттардың, өкілетті органдардың, азаматтардың, судьялардың, шетел азаматтары мен азаматтығы жоқ адамдардың мәртебесін белгілейді. Халықтың конституциялық мәртебесі – мемлекеттік биліктің бірден-бір қайнар көзі болып табылатындығынан және оны тікелей не жанама жүзеге асыратындығынан көрініс табады. Азаматтардың конституциялық мәртебесі басты әрі негізгі құқықтарынан, бостандықтары мен міндеттерінен көрініс табады» [2; 52-53 б.].

Адам құқықтарының еуразиялық концепциясының негізін қалаған профессор Ж.Д. Бусурмановтың зерттеуі ерекше назар аудартады. Мұндай көзқарас кеңестік кезеңнің тарихи мұрасымен біріктірілген көпконфессионалды және көпұлтты қоғамды ескере отырып, посткеңестік кеңестік аумағында өзіндік

және жеке тұлға мен мемлекет арасындағы қатынастардың өзіндік теориясын қалыптастырудың маңызды шарты болып көрінеді.

Конституция – еліміздің басты нормативтік актісі болғандықтан, конституциялық құқықтар мен бостандықтардың қорғалуы – назардағы басты мәселе болуы қажет. Конституциялық құқықтар қатарына адамның өмір сүру құқығы, жеке адамның өміріне, қадір-қасиетіне қол сұқпаушылық, ар-намыс бостандығы сияқты құқықтар мен бостандықтар жатады [3].

Адам мен азаматтың құқықтық мәртебесі ретінде барлық құқық салаларының нормалары жүзеге асу үдерісінде пайда болатын қоғамдық қатынастардың субъектісі адам мен азамат ие болатын құқықтар мен бостандықтар, міндеттердің жиынтығы қарастырылса, жеке тұлғаның құқықтық мәртебесінің негіздері бұл мемлекет пен жеке тұлғаның өзара қатынасын, байланысын, жеке тұлғаның қоғамдағы жағдайын анықтайтын Қазақстан Республикасының Конституциясында бекітілген құқықтар, бостандықтар және міндеттер жүйесі ретінде анықталады. Яғни қай-қайсысының түсінігін қарастырсақ та, екеуі бір-бірімен пара-пар ұғым болып келеді. Жалпы, жеке тұлғаның конституциялық мәртебесінің құрылысы – азаматтықтан, құқық субъектіліктен, негізгі құқықтар, бостандықтар, заңды мүдделер мен міндеттемелерден, құқықтық принциптерден, сондай-ақ заңды жауапкершілікті білдіретін құқықтық мәртебенің кепілдіктерінен тұрады [4].

Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексі бойынша жеке тұлға – Қазақстан Республикасы немесе басқа мемлекеттің азаматы, сондай-ақ азаматтығы жоқ адам. Яғни «жеке тұлға» ұғымы «азамат» ұғымымен тең мағынада қолданылады. Азамат (жеке тұлға) – құқықтың жеке субъектісі, оның құқықтық қабілеті (құқыққа қабілеттілігі), яғни азаматтық міндетін атқару қабілеті бар. Құқық субъектіліктің негізгі элементтері болып құқық қабілеттілік пен әрекет қабілеттілік табылады, жалпы ол азаматтық құқықтар мен бостандықтарды иелену және оны жүзеге асыру мүмкіндігін қамтиды. Белгілі бір елдің азаматтығын алған адам, сол мемлекеттің құқық субъектісі болады. Сондықтан да, заңдарда жеке тұлғалардың құқық қабілеттіктері туралы емес, азаматтардың құқық қабілеттілігі туралы ғана айтылған [2; 40 б.].

1966 жылғы 16 желтоқсанда қабылданған «Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пактіні» Қазақстан Республикасы 2005 жылы 28 қарашада ратификациялады. 2010 жылғы 23 қыркүйекте ҚР Президенті Жарлығымен «Экономикалық, әлеуметтік және мәдени құқықтар туралы халықаралық пактіге Факультативтік хаттамасына» қол қойылды.

Адам құқықтары туралы халықаралық құқық басқа халықаралық құқық түрлерінен ерекшеленеді, өйткені оған жататын құқықтар адамдарға тиесілі болып табылады. Адам құқықтары ұлттық заңнамада көрініс тапса да, ұлттық құқықтық жүйе арқылы ең тиімді түрде жүзеге асырылуы мүмкін болса да, бұл жүйе құқықтардың қайнар көзі болып табылмайды. Адам құқығы - адамның тұтастығы мен қадір-қасиетінің бір бөлігі және кез-келген ұлттық жүйе арқылы берілуі немесе алынуы мүмкін емес. Басқа құқықтардан айырмашылығы, адам құқықтары әрбір юрисдикцияда бірдей болады және ол халықаралық құқықтық деңгейдегі мәселе болып табылады [5].

Мемлекеттегі құқықтар, бостандықтар мен міндеттер жүйесі қоғамның, мемлекеттің қалыптасуы мен тарихи түрінің заңымен бірге қалыптасады және дамиды. Осы жүйеде адамның жеке құқықтары мен бостандықтары саласында қалыптасқан құқықтар, бостандықтар мен міндеттер шешуші мәнге ие.

Қазақстан Республикасындағы адам құқықтары мен бостандықтарның дамуы Қазақ хандығы құрылған сәттен бастау алады. Ол кезеңде әдет құқығы, билер соты, дала құқығы, хандарымыздың құқықтық заңдары барлық даулы мәселелерге арқау болатын. Тарихтың тереңіне бой тартсақ, қазіргі Қазақ мемлекетінің ел болып еңсе көтерген дәуірден бергі табиғи болмыс-бітімімен бірге қайнасып, бойына сінген әдет ғұрып, салт-санасынан екшеліп шыққан заңдар үлгісі – билер бітімі сот ісін биік беделге жеткізгенін дәлелдейді.

Алтай тауынан Қап тауының баурайындағы Қара теңізге дейінгі аралықтағы ұлан-байтақ далада бірде күшейіп, бірде әлсіреп, сан ғасырды артқа тастаған Сақ, Ғұн, Үйсін, Түрік, Түргеш, Қарлұқ, Қарахан, Оғыз, Алтын Орда, Ақ Орда, Дешті Қыпшақ тәрізді Еуразияда үстемдік құрған ұлыстар мен мемлекеттердің түпнұсқалық жүйелі заңы ел басқаруда, келелі кеңес айтуда өзінен кейінгілерге арқау болды. Бұл жөнінде Еуразия тарихын терең зерттеген ғұлама ғалым Л.Гумилев өте парасатты ойлар айтқан.

Еліміздегі адам құқықтары мен бостандықтарын қарастырған билер сотының осы Майқы биден бастау алатыны – тарихи шындық. Содан бері Қазақ елінде қалыптасқан билер бітімі әр кезеңдегі мемлекеттік құрылым-жүйеге қарай дамып, өркендеп отырды. XVI ғасырдағы Қасым хан шығарған «Қасым ханның қасқа жолы» деген заң жарлығы (1511 – 1523 жылдары билік құрған), Есім хан (1598 – 1628 жылдар аралығында билік құрған) жарлық еткен «Есім ханның ескі жолы» өз дәуіріндегі заң-жарғылардың, мемлекеттік құқықтардың жинақталған озық үлгісіне айналды [6].

Ғасырдан ғасырға жалғасқан осындай дәстүрлі құқықтық әдет-ғұрып, заңдарды мемлекет мүддесіне сай жаңаша жасаған, «хан біткеннің қазығы болған» XVII – XVIII ғасырдағы Әз Тәуке ханның (1680 – 1717 жылдар аралығында билік құрған) «Жеті Жарғы» заңдар ережесінің маңызы зор болды.

Сегіз ғасырдан астам уақыт осындай ерекшелігімен халық мүддесіне, ұлттық салт-дәстүрге қызмет етіп келген көне заңдар ережесі, билер соты 1917 жылғы Қазан төңкерісіне дейін өз күшін жоймай, дәстүрлі қазақ заң құқықтарының нормалық жиынтығы болып келген еді. Жаңа социалистік қоғам үстемдік құрған 1917 – 1922 жылдар аралығында билер соты талай мәрте айтыс-тартысқа түсіп, «ескіліктің қалдығы» есебінде ұлттық, мемлекеттік маңызын жоюға әкеп соқты.

1922 жылдың соңы Кеңестер еліндегі барлық республикалар үшін үлкен жаңалық әкелді. Яғни осы жылдың 31 желтоқсаны күні одақтас республикалар құрылып, Советтік Социалистік Республикалар Одағының салтанат құрған датасы тарихи құжат болып бекіді. Осы негізбен барлық Одақтас республикалар мемлекеттік мәртебелерін белгілеп, қайта құрылды. Соған орай сот, заң шығару орындарын, басқару билігін одақтық саясат негізіне сай қайта жүйелеп, бекітті. Алғашқы Қазақстан Конституциясы 1926 жылы 18 ақпанда КСРО құрылғаннан кейін 1925 жылғы РСФСР Конституциясы ескеріле отырып, ҚазАКСР Орталық

Атқару Комитетінің қауылысымен түпкілікті редакцияда қабылданды, өйткені бұл кезде Қазақстан РСФСР-дың бір бөлігі еді [7].

1937 жылдың 26 наурызында Кеңестердің Бүкілқазақстандық Төтенше X Съезінде қабылданған Қазақ КСР Конституциясымен нығайтылды. Бұл кезде Қазақстанда да мемлекеттік басқару жүйесінде өзгерістер болып жатты. Автономиялық республикадан жеке одақтас республика болып құрылды. Одан кейін республиканың жеке мемлекеттік құрылымы, билік жүргізу, заң шығару, оны орындайтын өз республикасына тән Конституциясы қабылданды. 1937 жылдың Конституциясында азаматтардың негізгі құқықтары мен міндеттері анықталған: еңбек етуге құқылығы (96-бап), демалысқа құқылығы (97-бап), қартаю, ауру болу және еңбекке қабілетсіз болып қалу жағдайларында материалды қамтамасыз етілуге құқылығы (98-бап), денсаулық сақтау, сөз, баспасөз, жиын, митинг, көше шерулері мен демонстрацияларға еркіндік берілуі кепілдігі, тұлғаға, тұрғын-жайға, азаматтардың хат жазысу арқылы жеке хат алысуға дербес құқықтары, шетел азаматтарына саяси баспана беру құқығы [8].

1978 жылы КСРО-да «кемелденген социализм» жолында жеңіске жету үшін қоғамның әл-ауқатын, саяси сипатын одан сайын арттыруда заман талабына сай келетін жаңа Конституция жариялауға тура келді. Дегенмен 1936 жылы (Қазақстанда 1937 жылы) қабылданған Конституция ескірген еді. Жаңа дәуір принциптері мен әлемдік саяси көзқарастарға икемделген жаңа Конституция мемлекет мүддесі үшін қажет-ақ еді. 1978 жылғы 20 сәуірде Қазақ ССР Жоғарғы Кеңесінің кезектен тыс VII-сессиясында қабылданған Қазақ Советтік Социалистік Республикасы Конституциясы "Коммунизмнің биік мұраттарын басшылыққа ала отырып және КСРО-ның қоғамдық құрылымы мен саясатының негіздерін баянды еткен, азаматтардың құқықтарын, бостандықтарын мен міндеттерін, социалистік жалпы халықтық мемлекеттің ұйымдастыру принциптері мен мақсаттарын белгілеп берген КСР Одағының Конституциясына сәйкес шыққан еді. КСРО-да кеңестік азаматтарға және басқаларға құқықтар мен бостандықтардың кең ауқымы берілген деп санайды Ресейлік құқықтанушы И.В.Ротовщиков. Бұл көзқараспен қазақстандық құқықтанушылар көп жағдайда, келіспейді [9].

Кеңес Одағының құрамындағы 15 республиканың бірі Қазақстанның 70 жыл бойы қоғамның қай саласында болмасын дербес саясат жүргізуге мүмкіндігі жоқ болып келгенін тарихтан жақсы білеміз. Қазақ халқы осы жылдары ұлттық салт-дәстүр, рухани құндылықтарынан, адам құқықтары мен бостандықтарының, заңды мүдделерінің қорғалуынан біртіндеп айырыла бастады [10]. Ғасырлар бойы қазақ халқы қаншама қиындықтар көрді, Кеңес үкіметінің езгісінде болды, құқықтары тапталды. Тәуелсіздік таңының атысы – ата-бабамыз кешкен осы ауыртпашылықтардың жемісі әрі жеңісі еді.

Бұл ретте Қазақстан Республикасының қоғамдық сипатын, мемлекеттік жүйесін түпкілікті өзгерткен 1990 жылғы 24 сәуірдегі Қазақ ССР Жоғарғы Кеңесінің Төрағасы Н.Ә.Назарбаевтың «Қазақ КСР Президенті қызметін тағайындау және Қазақ КСР Конституциясына өзгерістер мен толықғырулар енгізу туралы» № 6-ХІІ заңы және Қазақ ССР Жоғарғы Кеңесінің 1990 жылғы 24 сәуірдегі «Қазақ Советтік Социалистік Республикасының Президенті туралы» қаулысының Қазақстан халқы үшін маңызы зор болды. Ал, 1990 жылдың 25

қазаны күні жарияланған «Қазақ Советтік Социалистік Республикасының Мемлекеттік Егемендігі туралы» Декларациясы қазақ халқы ғасырлар бойы армандап келген тәуелсіздікке қол жеткізудің алғышартын жасап берді. 1991 жылдың 16 желтоқсаны күні Қазақстан Республикасы — тәуелсіз мемлекет екендігін дүние жүзіне жариялаған Президент Н.Назарбаевтың «Қазақстан Республикасының Мемлекеттік Тәуелсіздігі туралы» № 1007-ХП Конституциялық Заңы жарияланды. Бұл Қазақ елінің Ұлы мерекесі есебінде тарихи күнге айналып, ұлттық мейрамға ұласты.

1993 жылғы 28 қаңтарда Қазақстан Республикасындағы мемлекеттік өкімет пен басқарудың құрылымын жеңілдендіру барысында және одан бұрынғы шыққан Конституциялық заңдар ережесін жинақтай келе жаңа қоғамға лайықты «Қазақстан Республикасының Конституциясы» жарияланды.

Қазақстан Республикасының барлық азаматтарына теңдей құқық беру қамтамасыз етіліп, адамдардың міндеттері мен құқықтары және бостандықтары бекітілді. Конституция бойынша қазақ тілі — мемлекеттік тіл болып бекітіліп, ал орыс тілі ұлтаралық қатынас тілі мәртебесіне ие болды. Мемлекеттік немесе ұлтаралық қатынас тілін білмеу белгілеріне байланысты азаматтардың құқықтары мен бостандықтары шектелуіне тыйым салынды. Сөйтіп, Қазақстанның толыққанды мемлекеттік тәуелсіздігін конституциялық-құқықтық тұрғыдан рәсімдеу 1993 жылғы 28 қаңтарда Қазақстан Республикасының алғашқы Конституцияның қабылдануымен жүзеге асты [10]. Кеңестік және тәуелсіз Қазақстанның құқықтық жүйелерінің арасында сабақтастық болды. Ол заңды еді. Себебі тәуелсіздіктің бастапқы кезеңінде Қазақстанға кеңестік құқықтық жүйе мұра болып қалды. Алайда елдегі жағдай тез өзгеріп, қазіргі заманның құқықтық институттары мен нормаларына енгізуге жол ашылды. Қазақстан Республикасының 1993 жылғы Конституциясы мемлекеттің тәуелсіздігін заңды түрде рәсімдеді, халықаралық қауымдастыққа Қазақстанды тәуелсіз мемлекет ретінде танытты, біздің қоғамға жаңадан енген кейбір институттарды қоғамдық, саяси және құқықтық салаларда бекітті, сөйтіп сол кезеңдегі үш негізгі міндетті шешті.

Бірақ іс жүзінде 1993 жылғы қабылданған Конституцияның Қазақстандағы шынайы әлеуметтік-экономикалық және саяси үдерістерден алшақтығы мемлекет тұрғындарының тіл мәселесі, меншік нысандары, жерге, азаматтыққа, мемлекеттік сипатына қатысты сәйкессіздіктерін туындатты. Негізгі заңда атқарушы және заң шығарушы биліктердің арасындағы келіспеушіліктерді шешетін тетіктер болмады. Әсіресе, мемлекеттік билік тармақтарының арасындағы қайшылық күшейе түсті. Үкіметтің биліктен кетуімен жалғасқан парламенттік дағдарыс, атқарушы биліктің дәрменсіздігін күшейтіп, мемлекеттік биліктің тұрақтылығына, мемлекетті басқарудың мүдделеріне қауіп төндірді. Осы себептерге байланысты 1993 жылғы Конституцияны қайта қарау және жаңа Конституцияның қажеттілігі туралы пікір туындады. 1993 жылғы Конституцияда жазылған құқықтық мемлекетті құруға бағытталған әрекеттерді жүзеге асыру мақсатында 1994 жылы елімізде құқықтық реформалардың бағдарламасы қабылданды.

1995 жылы 30 тамыздағы ҚР Конституциясының негізін Жалпыға ортақ адам құқықтары жөніндегі декларацияда, Экономикалық, әлеуметтік, және

мәдени құқықтар жөніндегі халықаралық пактіде, Азаматтық және саяси құқықтар жөніндегі халықаралық пактіде бекітілген құқықтық ережелер құрады. Қазақстан Республикасының демократиялық, зайырлы, құқықтық және әлеуметтік мемлекет екендігі, мемлекеттің ең жоғарғы құндылығының адам, оның өмірі, құқықтары мен бостандығы екендігі нақтыланған [11].

Қазақстан Республикасында дамудың осы кезеңіндегі басты міндет - Конституция нормаларын және өзге де нормативтік актілердің, ең алдымен, мемлекеттік органдар тарапынан әртүрлі тәсілдермен орындалуын қамтамасыз ету. Мемлекеттегі өкілеттіктерді бөлудің конституциялық механизміндегі сот билігіне ерекше функционалдық маңыз беріледі - ол адамның және азаматтың құқықтары мен бостандықтарын ең жоғары әлеуметтік құндылық ретінде қорғауды қамтамасыз ету керек. Алайда, Қазақстан Республикасында жеке тұлғаның конституциялық құқықтары мен бостандықтарын бұзатын көптеген мәселелер бар. Өздерінің конституциялық құқықтары, бостандықтары мен міндеттерін білмейтін, оларды қалай қорғайтындығын білмейтін, тіпті кей жағдайда өз құқықтары мен бостандықтарын қорғағысы келмейтін, адам мен азаматтың конституциялық құқықтары мен бостандықтарына лауазымды тұлғалардың ұнамсыз қатынасы сияқты жағдай – халықтың құқықтық мәдениетінің төмен екендігін білдіреді.

Бұл мәселені шешудің бірі – Қазақстан Республикасының аумағында тұратын лауазымды тұлғаларға және барлық адамдарға қолданылатын жеке тұлғаның конституциялық құқықтар мен бостандықтарды зерттеу және насихаттау.

Қазақстан Республикасы Президентінің 2009 жылғы 24 тамыздағы Жарлығымен бекітілген, Қазақстан Республикасының 2010-2020 жылдарға арналған Құқықтық саясат тұжырымдамасында елде құқықтық принциптердің келешекте енгізілуі мақсатында:

– Адам мен азаматтың конституциялық құқықтары мен бостандықтарын жүзеге асырудың барынша мүмкін кепілдіктеріне қол жеткізудің маңыздылығына ерекше назар аударды;

– Барлық мемлекеттік органдар, лауазымды тұлғалар, азаматтар мен ұйымдар тарапынан конституциялық міндеттерді сөзсіз және түпкілікті орындауға қол жеткізу маңыздылығын атап өтті [12].

Жеке тұлғаның құқықтық мәртебесінің қағидаларын келесілер құрайды:

– Тең құқықтық қағидасы. Заң мен сот алдында барлығы тең. Сот адам мен азаматтың құқы мен бостандықтарын қорғау мақсатында оның лауазымдық және мүліктік жағдайына, жынысына, дініне, діліне, ұлтына қарамастан, тек Конституция мен заңға ғана сүйенуі қажет. Сондай-ақ, наным- сеніміне, ұлтына, дініне, діліне, тұрғылықты жеріне және т.б. жағдайына қарап, ешкімнің ешкімді кемсітуге құқы жоқ; [2; 108 б.]. Жалпы, адам құқықтары – бұл барлық адамдар кемсітушіліксіз иеленетін құқықтардың жиынтығы.

– Конституциялық құқықтар мен бостандықтарды заңсыз шектеуге жол берілмейтіндігі. Адамның құқықтары мен бостандықтары тек заңмен ғана шектелетіндігі ҚР Конституциясында бекітілген. Ал, басқа нормативтік құқықтық актілер арқылы адам құқықтары мен бостандықтарын шектеуге жол берілмейді. Тіпті, ол Президенттің нормативтік жарлықтары, Үкіметтің

қаулылары, министрліктердің, жергілікті өкілетті және атқару органдарының нормативтік актілері болсын. Адам мен азаматтың саяси, әлеуметтік және экономикалық жеке құқықтары мен бостандықтарын шектеуге болмайды және олар шексіз болып табылады. Тек заңда көзделген реттерде, қоғамдық тәртіпті, адамдардың денсаулығы мен ізгілігін қамтамасыз ету үшін қажеттілік деңгейінде шектелуі мүмкін;

– Құқықтар мен міндеттерді теріс пайдаланушылыққа тыйым салу. ҚР Конституциясында атап өтілгендей, әр адамның құқықтары мен бостандықтарының қорғалуы конституциялық құрылыс пен қоғамдық ізгілікке зиянын тигізбеуі тиіс. Құқықтар мен міндеттер бұзылған жағдайда, заң кепілдігі күшіне еніп, мүдделері мемлекетпен қорғалады; [2; 105-107 б.].

– Құқықтар мен міндеттердің кепілдендірілуі. Табиғи құқықтар мен бостандықтарды бізге мемлекет сыйға тартпайды. Адамға тумасынан берілетін, абсолютті болып табылатын табиғи құқықтары мен бостандықтары мемлекет тарапынан тек олардың жүзеге асырылуы мен қорғалуының кепілдендірілуін талап етеді;

– Құқықтар мен міндеттердің тікелей әрекет етуі. Әр адам өз құқықтары мен бостандықтарын өзі қорғауға ұмтылуы тиіс. “Әркімнің білікті заң көмегін алуға құқығы бар, және ол көп жағдайларды тегін көрсетіледі” – делінген Конституцияда;

– Халықаралық құқық пен халықаралық шарттардың көпшілік мақұлдаған принциптері мен нормаларын тану. Адам құқықтары мен бостандықтарын қорғау тәртібі, олардың іске асуы, қорғалу механизмі – мұның барлығы заңдарға және өзге де нормативтік құқықтық актілерге негізделеді. [2; 108 б.]

Сонымен, жеке тұлғаның құқықтық мәртебесіне қол сұғылмаушылық, оның мызғымастығын қарастыру барысында, адамдардың құқықтары мен бостандықтары болған ретте, міндеттері де табиғи түрде туындайтындығы нақтыланды. Әр адамның қоғам алдында, мемлекет алдында, тіпті шағын мемлекеті – отбасы алдында міндеттері болады. Құқықтардан конституциялық құқықтар маңыздылығы басым болғандығы сияқты, жай міндеттерден конституциялық міндеттер де ерекшеленеді, оны орындамаудың да зардабы елеулі болып табылады.

Адам құқықтары мемлекеттің негізі, біздің еркіндіктеріміз бен әділдік, теңдік, абырой мен құрметіміздің кепілі болуы тиіс.

Пайдаланылған қайнар көздерінің тізімі:

1. Тоқаев Қ.К. Әділетті Қазақстанның экономикалық бағдары. Қазақстан Республикасының Президентінің халыққа Жолдауы, 1 қыркүйек 2023 ж. // akorda.kz.
2. Brian Tierney. Natural Law and Natural Rights: Old Problems and Recent Approaches. Volume 64, Issue 3 . 2002 , pp. 389-406
3. Отыншиева А., Ибраева А.С. Қазақстан Республикасы мен Ұлыбритания мемлекетінде адам мен азаматтың конституциялық құқықтары мен бостандықтары: салыстармалы зерттеу // Студенттер мен жас ғалымдарының “Фараби әлемі” атты халықаралық ғылыми конференцияның материалдары. – Алматы, 2017. – Б. 32- 33

4. Жарболова А. ҚР Конституциялық құқығы пәнінен семинар сабақтарына қосымша дайындық материалдары // Оқу құралы. – Алматы. – Қазақ университеті. – 2015. – 63 б.

5. <https://www.humanrights.com/request-info/what-are-human-rights-booklet.html>

6. <https://abai.kz/post/39439>

7. <http://www.tarih-begalinka.kz/ru/constitution/>

8. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102010158&backlink=1&&nd=102010143>

9. <http://e-history.kz/kz/books/library/read/37#scontent>

10. http://ehistory.kz/kz/contents/view/konstitutsiyalar_konstitutsiyalik_reformalar_zhane_mlekettilik_kurilisinin_ayaktalui_kazakstan_respublikasinin_1993_zhilgi_konstitutsiyasi_1636

11. http://e-history.kz/kz/project/view/9?type=publications&material_id=721

12. ‘On the concept of the legal policy of the Republic of Kazakhstan for the period from 2010 to 2020: decree of the President of the Republic of Kazakhstan’ (2009) *Kazakstanskaya Pravda*, No. 858

Сарлыбаева Асем Ауезхановна

з.ғ.м., Жалпы құқықтық пәндері кафедрасының оқытушысы, полиция аға лейтенанты

ЦИФРЛЫҚ ТЕХНОЛОГИЯЛАР ДӘУІРІНДЕ АДАМ ҚҰҚЫҚТАРЫНЫҢ ЖАҢА БУЫНЫН ДАМУЫ

Адам құқықтарын сақтау, қамтамасыз ету және қорғау-бұл көптеген факторларға, соның ішінде саяси мазмұнға, құқықтық мазмұнға және дәуірдің әлеуметтік-экономикалық даму деңгейіне, белгілі бір құқықтар мен бостандықтар танылған, нормативтік құқықтық актілерде бекітілген, кепілдендірілген тарихи кезеңге тікелей тәуелді өте күрделі, қарқынды дамып келе жатқан құқық қорғау жүйесі. Сонымен қатар, бүгінгі таңда адам мен азаматтың құқықтары мен бостандықтарын қорғаудың сандық және сапалық көрсеткіштері, индикаторлары көбінесе ақпараттық технологиялардың қол жетімділігіне, мемлекет пен қоғамның ғылыми-техникалық және құқықтық прогресс жолындағы қозғалыс векторына, азаматтардың өз құқықтары мен бостандықтарын сот және соттан тыс қорғаудың барлық тәсілдеріне қол жетімділік дәрежесіне, механизмдер мен технологиялардың даму деңгейі мен қарқынына байланысты. осы құқықтар мен бостандықтарды қорғау технологиялары.

XXI ғасырдың басында Ресейдің саяси-құқықтық теориясында адам құқықтарының жаңа буындары қарастырылды: ақпараттық, коммуникативті, экологиялық, соматикалық, биотехнологиялық.

Мысалы, А.Х. Абашидзе және А.М. Солнцев «Адамның соматикалық талаптарының және оларға негізделген соматикалық құқықтардың толық тізімі жоқ» деп атап өтті және осындай құқықтардың келесі болжамды тізімін ұсынды: 1) өлім құқығы, 2) «Адамның оның мүшелері мен тіндеріне қатысты құқықтары», 3) адамның «жыныстық құқықтары», 4) адамның репродуктивті құқықтары: оң сипаттағы (қолдан ұрықтандыру) және теріс сипаттағы (түсік түсіру,

зарарсыздандыру, контрацепция), 5) жынысты ауыстыру құқығы, 6) «бүкіл ағзаны да, жеке мүшелерді де клондау құқығы», 7) «есірткі және психотроптық заттарды пайдалану құқығы» [1, 260–261 б.].

XXI ғасырдың бірінші ширегінде ғылыми форумдар мен ғылыми басылымдардың беттерінде адам құқықтарының жаңа буыны ретінде виртуалды, цифрлық адам құқықтары белсенді талқылана бастады. Басқа авторлар мұндай жаңа ұрпақты – цифрлық адам құқықтарын дамытуға мүмкіндік береді, ал олардың мақсаты басқалардан айырмашылығы кейбір құқықтарды кемсіту емес және жаңа басымдықтарды белгілеу әрекеті емес, тек бір жағынан адам құқықтарының жаңа ғылымын дамытуға ұмтылу және БҰҰ – ға мүше елдердің қалың жұртшылығы мен үкіметтерінің назарын аудару, екінші жағынан, жаңа халықаралық стандартты (адамның цифрлық құқықтары мен бостандықтарын қорғау туралы декларация немесе Конвенция) әзірлеу.

Интернеттің дамуы жаңа қарым-қатынас ортасының тез қалыптасуына және бірлескен ағымдағы немесе ұзаққа созылған пікірталастар, акциялар (қолдау немесе наразылық үшін), бірлескен іс-шаралар, флешмобтар үшін адамдарды біріктіруге ықпал етті; және бұл ортада пайдаланушылардың жаңа құқықтары мен міндеттері, олардың мінез-құлқы мен тарату ережелері, оған түсініктемелер орналастыру (әрқайсысында тұрақты қолданыстағы интернет-қауымдастықта немесе уақытша құрылған топта олар өздері болуы мүмкін).

Бір жағынан, әлемді немесе қалалық, мектептік, университеттік, кәсіби желілік кеңістікті өзгерткісі келетін әрбір Интернет пайдаланушысы жеке адамдардың ғана емес, бүкіл топтардың, қауымдастықтардың, мемлекеттік органдар мен азаматтық қоғам өкілдерінің санасына, көңіл-күйіне, іс-әрекетіне әсер етудің жаңа жаһандық мүмкіндіктеріне ие болды.

Екінші жағынан, кез-келген жаңа мүмкіндіктер әрдайым жаңа тәуекелдер мен қауіптерді болжайды, ал Интернет желісінде олардың пайдаланушылары көп нәрсені күтеді: қорлау, қудалау, арнайы қызметтерді бақылау, бұғаттау, жеке деректерді заңсыз пайдалану және т. б.

Саясатты, экономиканы, мәдениетті цифрландыру адамның қолданыстағы құқықтарын олардың өзектілігі, толықтығы, қазіргі өмір шындығына сәйкестігі тұрғысынан қайта қарауға ықпал етеді. Бұл мемлекеттің алдына адамның және азаматтың цифрлық құқықтары мен бостандықтарын тану және қорғау міндетін қояды, өйткені құқықтық қорғау және жеке адамның және жалпы қоғамның құқықтық қауіпсіздігін қамтамасыз ету осыған байланысты.

БҰҰ Адам құқықтары жөніндегі Кеңесінің 2011 жылғы 16 мамырдағы отырысында «Адамның барлық құқықтарын, азаматтық, саяси, экономикалық, әлеуметтік және мәдени көзқарастарды, оның ішінде Даму құқығын қолдау және қорғау» мәселелерін талқылау кезінде Фрэнк Ла Рюдін пікір бостандығы мен пікір білдіру құқығын көтермелеу және қорғау мәселелері бойынша арнайы баяндамашының хабарламасы қаралды.

Арнайы баяндамашы жүргізген зерттеудің мәліметтері, оның ішінде интернеттегі адам құқықтарының бұзылуы, Сирияның интернеттен ажыратылуы 2011 жылғы 3 маусымда БҰҰ Бас Ассамблеясының мынадай маңызды ережелерді қамтитын қарарын қабылдауға негіз болды:

1) Интернетке қол жеткізу құқығы адамның ажырамас құқықтарының бірі болып табылады (және шын мәнінде, біздің ойымызша, бұл адамның негізгі, негізгі құқығы, өйткені ресурстарға, оның ішінде ақпараттық, цифрлық ресурстарға қолжетімділікті қамтамасыз ету маңызды болып табылады; тағы бір мәселе-белгілі бір адам осы құқықты, берілген ресурсты (атап айтқанда, интернетті) қолдана ма және қаншалықты толық, жүйелі түрде және қандай мақсаттармен: ақпарат алу үшін және оған анда-санда реакция жасау үшін, өз ақпаратын орналастыру және тарату үшін немесе өз тобын, қауымдастығын құру үшін немесе іс-шараға шақыру үшін);

2) 2011 жылғы маусымнан бастап нақты өңірлерді интернеттен ажырату адам құқықтарын бұзу болып саналады;

3) Интернеттегі ақпараттың таралуы еркін болуы керек, тек мұндай тарату біреудің құқықтарының бұзылуына әкелуі мүмкін фактілермен шектелуі керек (кибершабуылдар салдарынан деректердің ағып кетуіне байланысты).

2013 жылғы 18 желтоқсанда БҰҰ Бас Ассамблеясы (бұдан әрі – БҰҰ БА) Германия мен Бразилия бастамашы болған «Цифрлық ғасырдағы жеке өмірге қол сұғылмаушылық құқығы» қарарын консенсуспен мақұлдады. Қарарда келесі ережелер атап өтілді:

1) БҰҰ БА «Адамның офлайн ортада алатын құқықтары да онлайн режимде қорғалуы тиіс екенін, әсіресе жеке өмірге қол сұғылмаушылық құқығын растайды»;

2) БҰҰ БА мемлекеттерді «Хабарламаларды қадағалауға, оларды ұстап алуға және жеке деректерді жинауға қатысты рәсімдерге, тәжірибелер мен заңнамаларға шолу жасауға» шақырады;

3) БҰҰ БА БҰҰ-ның Адам құқықтары жөніндегі Жоғарғы комиссарына «Цифрлық хабарламаларды ұлттық аумақтан тыс қадағалау және/немесе оларды ұстап алу және жеке деректерді жинау» контекстінде жеке өмірге қол сұғылмаушылық құқығын қорғау туралы есеп дайындауды тапсырады [26].

Бұл тақырыптық баяндаманы – цифрлық дәуірдегі жеке өмірге қол сұғылмаушылық құқығы туралы – БҰҰ Адам құқықтары жөніндегі Жоғарғы комиссары 2014 жылғы 12 қыркүйекте Женевада өткен Адам құқықтары жөніндегі кеңестің отырысында оның орынбасары Флавия Пансиери ұсынды, ол бір жағынан цифрлық дәуірдің жетістіктерін, екінші жағынан цифрлық ғасырға байланысты проблемалар мен тәуекелдерді атап өтті:

1) цифрлық коммуникациялық технологиялар (интернет, мобильді смартфондар, т.б.) бүкіл әлем бойынша миллиондаған адамдардың эмансипациясына жол ашты және, мүмкін, әлемдегі ең үлкен «Азаттық қозғалысына» айналды; сонымен бірге олар «Жеке өмірге қол сұғылмаушылық құқығының бұзылуына байланысты алаңдаушылық туғызды»;

2) «Электрондық бақылау және ақпаратты ұстау үшін әртүрлі елдерде цифрлық коммуникациялық технологияларды жүйелі пайдалану туралы ақпарат үлкен алаңдаушылық тудырады. Бүкіл әлемде цифрлық технологияларды қолдана отырып, ашық немесе жасырын бақылаудың көптеген мысалдары көрсеткендей, мемлекет тарапынан қатаң бақылау ерекше шарадан қауіпті әдетке айналады»;

3) баяндамада «үкіметтер телекоммуникациялық және басқа сымсыз байланыс компанияларын жабамыз деп қорқытып, олардан байланыс трафигіне тікелей қол жеткізуді, талшықты-оптикалық желілерді тыңдауды жүзеге асыру мүмкіндігін және клиенттер туралы жүйелі түрде толық ақпарат алуды талап еткен» бірқатар жағдайлар атап өтілді;

4) БҰҰ-ның Адам құқықтары жөніндегі Жоғарғы комиссарына «Кейбір елдерде телекоммуникациялық жүйелерді бақылау саяси оппозиция өкілдерін немесе кейбір мемлекеттердің ЕО диссиденттерін бақылау үшін қолданылады, барлық телефон қоңырауларын үнемі жазып отырады және оларды талдау үшін сақтайды;

5) қазіргі уақытта Цифрлық қадағалаудың озық құралдарын тіпті жаппай қадағалау технологиялары ЕО-ның мемлекеттік емес субъектілері де әзірлеп жатыр, Бүгінде цифрлық бақылаудың Үкіметтің бақылауынан шығу қаупін арттыра отырып, әлемдік нарыққа шығып жатыр» [27].

Осы баяндама мен басқа материалдардың негізінде адам мен азаматтың өмірінің саяси және жеке салаларындағы цифрлық құқықтар мен бостандықтар бұзушылықтардың ең үлкен қаупіне ұшырайды деген қорытынды жасауға болады.

2018 жылдың 12 шілдесінде Біріккен Ұлттар Ұйымының Бас хатшысы Антонио Гутерриш жоғары деңгейлі цифрлық ынтымақтастық тобын құрды. 2019 жылғы 10 маусымда топ БҰҰ Бас хатшысына «Цифрлық өзара тәуелділік ғасыры» [25] баяндамасын ұсынды, оның негізгі тақырыптары: әркімнің мүдделерін ескеру; адамдар, қауымдастықтар және цифрлық технологиялар; жаһандық цифрлық ынтымақтастық тетіктері. Баяндаманы дайындау мақсаттарының бірі мынадай салаларда ұсынымдар әзірлеу болды: 1) барлығын қамтитын цифрлық экономика және қоғам, 2) кадрлық және институционалдық әлеует, 3) адам құқықтары және адам ұйымы, 4) сенім, қауіпсіздік және тұрақтылық, 5) жаһандық цифрлық ынтымақтастық. Баяндамада мынадай даму тенденциялары мен бағыттары атап өтілді:

1) цифрлық ғасырда әр адамның мүмкіндіктерінің өсуі сонымен бірге айқын теріс пайдалану мен күтпеген салдармен бірге жүреді;

2) «Цифрлық артықшылықтар цифрлық технологиялар саласындағы теңсіздікпен қатар жүреді»;

3) «Біз цифрлық өзара тәуелділік дәуірінде өмір сүріп жатырмыз», онда әрбір елдегі, мемлекеттік және мемлекеттік емес секторлардағы, БҰҰ – ға мүше мемлекеттердегі, әлемнің барлық елдеріндегі мемлекет пен қоғамның ынтымақтастығының негізі болуға тиіс мынадай жалпыадамзаттық құндылықтар туралы ұмытпау маңызды: «Жан-жақты қамтылу, құрмет, адамдарға бағдарлану, адам құқықтары, халықаралық заңнама, ашықтық, орнықты даму»;

4) сондай – ақ, баяндамада жаңа халықаралық стандарт-цифрлық өзара іс-қимыл декларациясын әзірлеу мен қабылдаудың шұғыл қажеттілігі атап өтіледі және біздің ойымызша, мұндай халықаралық бастаманы толығымен қолдауға болады [25].

Осыған байланысты Е.В. Алферованың пікірімен келісу қажет, ол «Ғалымдардың цифрлық адам құқықтары декларациясын қабылдау туралы ұсынысы, сондай-ақ оған Ақпарат және ақпараттандыру саласындағы ұлттық

заңдарды сәйкестендіру назар аударуға тұрарлық» деп атап өтті. Бұл құжат үшін ол «Интернет бостандығы принципін» «Халықаралық-құқықтық актілерде және тиісті ұлттық заңдарда көзделген шектеулерді ескере отырып, әрбір мемлекет үшін» құқықтың негізгі нормасы ретінде қарастыруды ұсынады [2, 157-бет].

«Жұмсақ құқықты» дамытумен және жетілдірумен қатар – халықаралық (БҰҰ) және өңірлік (Еуропа Кеңесі) деңгейлерде қарарларды, декларацияларды, конвенцияларды, ұсынымдарды, сондай-ақ адам құқықтары жөніндегі (БҰҰ), адамның ақпараттық, цифрлық құқықтарын қорғау жөніндегі, сондай-ақ әмбебап құқықтарды қорғау жөніндегі шарттық органдардың жалпы тәртіпті ескертулерін әзірлеу және қабылдау адам құқықтары цифрлық ғасыр жағдайында «тірі құқық» біртіндеп дамып келеді-жаңа цифрлық дәуір жағдайында адам құқықтарын қорғауға байланысты істер бойынша Адам құқықтары жөніндегі Еуропалық соттың тәжірибесі қалыптасуда.

Адам құқықтары жөніндегі Еуропалық соттың (бұдан әрі – БЖТБ) тәжірибесінде цифрлық құқықтардың шектеулері мен бұзылуына байланысты адам құқықтарының қазіргі заманғы сын-қатерлері ескеріледі. Н.В. Кравчук атап өткендей, соңғы істердің өсуі «Коммуникацияларды құпия ұстау арқылы, атап айтқанда, осы саладағы теріс қылықтарға қарсы тиімді кепілдіктердің болуы немесе болмауы арқылы» деректерді жинауға қатысты [13; 186 б.].

XX ғасырдың басынан бастап қазіргі уақытқа дейін ғылыми әдебиеттерде адамның цифрлық құқықтарының жаңа категориялары мен тұжырымдамалары, мемлекеттер мен халықаралық ұйымдардың саясатында интернетке қолжетімділікті кеңейтуге, азаматтардың цифрлық дағдыларын дамытуға, цифрлық тұлғаны қорғауға, цифрлық қауіпсіздікке, цифрлық волонтерлікке, цифрлық теңсіздікке байланысты жаңа ұлттық, өңірлік және Халықаралық бағдарламалар әзірленуде, цифрлық инклюзия, цифрлық әлеуметтену [20]. 1997 жылы БҰҰ қауіпсіздіктің жаңа өлшемі туралы мәлімдеді-ақпараттық, қазіргі уақытта, біздің ойымызша, қауіпсіздіктің инновациялық – цифрлық өлшемі туралы айтуға болады.

Цифрлық құқықтарды жаңа категория ретінде, сондай-ақ оларды қазіргі мемлекет пен қоғамда қорғау тетіктерін қалыптастыру туралы алғашқылардың бірі болып Ресей Федерациясының Конституциялық сотының төрағасы В.Д. Зоркин мәлімдеді. Сонымен, 2018 жылғы мамырда Санкт-Петербург халықаралық заң форумында сөйлеген сөзінде ол пікірталастар мен пікірталастардың тақырыбына айналған келесі тенденциялар мен ережелерді атап өтті:

1) «Біз цифрлық революция кезінде өмір сүріп жатырмыз». Әлем «Экономикада, қоғамда және мемлекетте басқару үшін жасанды интеллектті (AI) және үлкен деректерді (Big Data) белсенді пайдалану» дәуіріне аяқ басты;

2) адвокаттардың «Өз кәсібінде роботтарды пайдалану туралы» пікірталастары бірқатар «заңдық маңызды рәсімдерді» орындау үшін, атап айтқанда әртүрлі құжаттарды дайындау үшін тиімді заң көмекшілері ретінде қызығушылық тудырады. «Ресейде Робот-заңгерлердің жұмыс істеуінің алғашқы әрекеттері бар»;

3) цифрлық құқықтарды тану және қорғау бекітілген маңызды халықаралық құқықтық актілердің бірі жаһандық ақпараттық қоғамның Хартиясы болып

табылады (Окинава, 22.07.2000 ж.), оның негізгі ережелерінің ішінде мыналарды атап өту қажет: тұтынушының жеке өмірін қорғаудың тиімді тетігін дамыту, сондай-ақ электрондық сәйкестендірудің дамуы мен тиімді жұмыс істеуі;

4) қазіргі уақытта «сандар әлемі, үлкен деректер, роботтар, жасанды интеллект контекстінде» саяси, экономикалық және әлеуметтік қатынастарды реттейтін «екінші модерн құқығы» жаңа құқық қалыптасуда;

5) «Адамның цифрлық құқықтары – бұл халықаралық құқық пен мемлекеттердің конституцияларымен кепілдендірілген адам мен азаматтың ақпаратқа негізделген қоғамдағы қажеттіліктеріне қатысты әмбебап адам құқықтарын нақтылау (заң және құқық қолдану, соның ішінде сот актілері арқылы)». Мемлекеттің міндеті-«жеке тұлғаның, қоғамның және мемлекеттің конституциялық-құқықтық қауіпсіздігін қамтамасыз ете отырып, азаматтардың цифрлық құқықтарын барлық бұзушылықтардан тану және қорғау» [10].

Цифрлық құқықтар мен бостандықтардың мазмұнын, оларды сақтау, қамтамасыз ету және қорғау деңгейін талдау келесі сұрақты өзекті етеді: цифрлық дәуірде қалыптасатын құқықтар адам құқықтарының жаңа буыны ма? Бір жағынан, саясатты, экономиканы, мәдениетті цифрландыру процесі адамның түбегейлі жаңа құқықтарының тұтас каталогын қалыптастырмайды. Екінші жағынан, адам құқықтарының ұрпақтары туралы талқылай отырып, Цифрлық құқықтар оларды тану мен реттеудің, сақтаудың, қамтамасыз етудің және қорғаудың түбегейлі жаңа тәсілдерін талап ететінін атап өткен жөн.

Виртуалды, цифрлық салада адам құқықтарын іске асыру мен қорғаудың тетіктері мен технологияларын жаңғырту неғұрлым барабар құқықтық шешімдерді іздеуді, оларды заң шығарушы мемлекеттік деңгейде тануды және бекітуді талап етеді.

Құқық құқықтық қатынастардың тұрақты және серпінді реттеушісі ретінде, адам құқықтары «адам үшін баспана» ретінде (С.С. Алексеев) әр түрлі құқықтық және құқық қорғау инновацияларына оңтайлы және уақтылы жауап бере отырып, олар өмір сүретін шындыққа (соның ішінде қазіргі цифрлық шындыққа) сәйкес дамып, жетілдірілуі керек.

Пайдаланылған қайнар көздерінің тізімі:

1. Абашидзе А. Х., Солнцев А.М. Соматикалық құқықтар шақыру ретінде // Адам құқықтары және ХХІ ғасырдағы қиындықтар: оқу. оқу құралы / ред.А. Х. Абашидзе. – М.: РУДН, 2016. – 336 б.

2. БҰҰ Бас Ассамблеясы цифрлық ғасырда жеке өмірге қол сұғылмаушылық құқығын растады // БҰҰ ресми сайты. – 2013. - 19 желтоқсан. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2013/12/1234451> (өтініш берген күні: 27.10.2020).

3. Жаппай бақылаудың цифрлық технологиялары әлемдік нарыққа шығады // БҰҰ ресми сайты. – 2014. - 12 қыркүйек. - URL: <https://news.un.org/ru/story/2014/09/1249141> (өтініш берген күні: 20.10.2020).

4. Цифрлық өзара тәуелділік ғасыры: цифрлық ынтымақтастық жөніндегі жоғары деңгейдегі топтың баяндамасы // БҰҰ ресми сайты. – 2019. - 10 маусым. - URL: <https://www.un.org/ru/digital-cooperation-panel/> (өтініш берген күні: 29.10.2020).

5. Алферова Е.В. Интернеттегі адам құқықтарын қорғау // Жаңа ақпараттық шындықтағы мемлекет және құқық. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – 143-157 б.б.

6. Кравчук Н.В. жаңа технологияларды қолдануға қатысты істер бойынша Адам құқықтары жөніндегі Еуропалық соттың тәжірибесі (шолу) // жаңа ақпараттық шындықта мемлекет және құқық. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – 184-195 б.б.

7. Плотицкина Н.В., Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. цифрлық технологиялар: Еуропа мен Ресейде қол жетімділікті кеңейту және пайдалану дағдыларын дамыту саясаты // әлемдік экономика және халықаралық қатынастар. – 2020. – Т. 64, № 4. - 70-83 б.

8. Зоркин в.д. Сандық әлемдегі құқық. Санкт-Петербург халықаралық заң форумының өрістеріндегі ойлар / / ресейлік газет. Елордалық шығарылым. – 2018. - 29 мамыр (№ 115 (7578)).

Сурменева Екатерина Анатольевна,
соискатель кандидатской степени кафедры
финансового, банковского и таможенного
права имени профессора Нины Ивановны
Химичевой ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»,
Российская Федерация

ИНСТИТУТ ФИНАНСОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО В МЕХАНИЗМЕ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ

В условиях построения правового государства с развитой финансовой системой защита прав потребителей финансовых услуг приобретает первостепенное значение. О состоянии полной защищенности следует говорить, когда созданы условия для реализации прав и законных интересов потребителей финансовых услуг, своевременно предупреждаются и пресекаются нарушения, в полной мере обеспечивается восстановление нарушенных прав и компенсация ущерба. Достижение данных целевых установок возможно только в механизме публично-правовой защиты, предполагающем согласованную деятельность субъектов с властными полномочиями в пределах установленной законом компетенции. До недавнего времени публично-правовая защита прав и законных интересов потребителей финансовых услуг в России была представлена деятельностью разветвленной системы публичных субъектов общей и специальной компетенции, в которой право рассматривать имущественные и неимущественные требования потребителей в отношении финансовых организаций в целях восстановления нарушенных прав и компенсации ущерба принадлежало суду. Положение изменилось с принятием Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (далее – Закон № 123-ФЗ) [2], в соответствии с которым для рассмотрения обращений потребителей финансовых услуг, содержащих требования имущественного характера и предъявляемых к финансовым организациям, оказавшим им финансовые услуги, была учреждена должность финансового уполномоченного. Принятие указанного закона ознаменовало

появление не только специального должностного лица, но и особого специализированного правозащитного института – института финансового уполномоченного, структура которого помимо финансового уполномоченного представлена также Советом Службы финансового уполномоченного, Экспертным Советом, Службой обеспечения деятельности финансового уполномоченного. Порядок формирования обозначенных структурных элементов позволяет в рамках одного института организовать согласованную работу финансовых уполномоченных, органов исполнительной власти, Банка России, представителей профессиональных сообществ финансовых организаций, общественных объединений потребителей, обеспечивая объективное распределение баланса интересов граждан как получателей услуг, финансовых организаций как поставщиков услуг и государства.

С 1 января 2021 года финансовый уполномоченный рассматривает обращения в отношении всех финансовых организаций, указанных в Законе № 123-ФЗ в качестве субъектов обязательного взаимодействия. За 2022 год финансовому уполномоченному поступило 153 168 обращений в отношении 904 организаций, из которых: страховых организаций – 98; микрофинансовых организаций – 155; кредитных организаций – 138; кредитных потребительских кооперативов – 97; негосударственных пенсионных фондов – 14; ломбардов – 11 [8]. Одним из основных функциональных принципов деятельности института является единство правоприменения, подкрепленное сильной методологической основой и обеспечивающее предсказуемость решений финансовых уполномоченных. Оно позволяет формировать у потребителя понимание особенностей оформления сделок и договоров на получение финансовых услуг, информировать о правах потребителей и основах законодательства, процессе возмещения ущерба. Единые правовые позиции служат ориентиром для финансовых организаций в претензионной работе с потребителями и в совокупности с мерами финансового стимулирования обеспечивают качественное изменение финансовыми организациями своих бизнес-процессов, тем самым приближая момент исполнения финансовой организацией обязательств перед потребителем (момент реального восстановления нарушенного права).

Индикаторами эффективности института финансового уполномоченного в обозначенном направлении выступают наметившиеся тенденции сокращения числа обращений, направляемых финансовому уполномоченному, роста доли отказов в удовлетворении требований потребителей в общей структуре принимаемых решений в динамике по годам, роста исполнительской дисциплины финансовых организаций; снижения числа случаев обжалования решений финансового уполномоченного [6, 7, 8]; сокращения количества судебных споров [5].

Правоприменение, осуществляемое финансовым уполномоченным в условиях узкой специализации, позволяет не только эффективно разрешать конкретные правовые споры, но и выявлять проблемные аспекты во взаимодействии финансовых организаций с потребителями в процессе оказания финансовых услуг, пробелы в законодательстве, препятствующие реализации прав потребителей. Так, практика рассмотрения споров с кредитными

организациями позволила выявить пробелы, связанные с отсутствием в законодательстве обязанности по ведению записи процесса заключения договора, нормативного регулирования проведения анти-fraud процедур, порядка информирования клиента о совершении операций, для устранения которых Службой были выработаны соответствующие предложения по внесению изменений в действующее законодательство [4; 29 стр.].

Рассматривая обращения потребителей в отношении финансовых организаций, финансовый уполномоченный не только применяет нормы права, но и оценивает действия профессиональных участников финансового рынка с точки зрения их соответствия принципу добросовестности. Результатом такой оценки выступает формирование базы обобщенных сведений о недобросовестных практиках, применяемых финансовыми организациями. С 2022 года на официальном сайте финансового уполномоченного ежеквартально публикуются обзоры неприемлемых практик. Для потребителей такая информация важна с точки зрения формирования сознательного отношения к выбору финансовых продуктов, убежденности потребителя в добросовестности конкретной финансовой организации, определяющей ее рейтинг на финансовом рынке, и финансовой осведомленности, позволяющей потребителю ориентироваться, оценивать риски в сфере финансовых продуктов и услуг.

Служба финансового уполномоченного не наделена контрольно-надзорными полномочиями, позволяющими в случае выявления нарушений законодательства и недобросовестного поведения в деятельности финансовых организаций применять соответствующие меры административно-правового принуждения, в связи с чем важное значение для защиты прав потребителей приобретает взаимодействие с контрольно-надзорными органами. В этом аспекте особо следует отметить взаимодействие Службы финансового уполномоченного с Банком России – основным субъектом поведенческого надзора на финансовом рынке. В рамках заключенного соглашения об информационном взаимодействии на ежеквартальной основе Служба предоставляет в Банк России обобщенные сведения об используемых финансовыми организациями неприемлемых практиках, выявленных в ходе рассмотрения обращений. Так, в 2022 году Службой выявлено более 20 видов недобросовестных практик, информация о которых направлена в Банк России для возможного принятия соответствующих мер реагирования [8].

Обмен информацией поведенческого характера и противодействие недобросовестным практикам является предметом соглашений, заключенных с иными контрольно-надзорными органами, среди которых Федеральная антимонопольная служба, региональные управления Роспотребнадзора, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации. Проводимая совместная работа в обозначенном направлении оказывает дестимулирующее влияние на недобросовестных участников рынка, служит сдерживающим фактором для возможного их недобросовестного поведения. Аккумулируя информацию поведенческого характера и доводя ее до соответствующих контрольно-надзорных структур, институт финансового уполномоченного создает своеобразный информационный повод для

проведения уполномоченными субъектами проверок деятельности финансовых организаций и применения соответствующих мер ответственности в целях предотвращения и пресечения нарушений прав и законных интересов потребителей финансовых услуг.

В целях защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг Служба активно взаимодействует с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления. Совместная работа в рамках заключенных соглашений о взаимодействии позволяет более эффективно реализовывать компетенции, способствует правовому просвещению граждан, повышению уровня финансово-правовой культуры, профилактике нарушений прав и законных интересов граждан. В условиях общей направленности правоприменительной деятельности института финансового уполномоченного и суда по восстановлению нарушенных прав потребителей особую значимость приобретает осуществляемое Службой взаимодействие с Верховным Судом Российской Федерации. Институт финансового уполномоченного также активно взаимодействует с высшими учебными заведениями и юридическими клиниками, что обеспечивает получение потребителями доступной, объективной и качественной информации по вопросам защиты прав в соответствии с их возрастной категорией, жизненными ситуациями и потребностями, а также способствует повышению уровня профессиональной деятельности, уровня финансовой грамотности населения.

Вопросы защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг являются предметом международного сотрудничества, которое в настоящее время представлено заключенными соглашениями о сотрудничестве с примирителем финансовой системы Республики Армения, с банковским и страховым омбудсманом Республики Казахстан, а также специально созданной структурой – Консультативным комитетом служб финансовых уполномоченных стран ЕАЭС (государства-участники: Российская Федерация, Армения, Казахстан, Беларусь). В рамках международного сотрудничества организуется, в том числе проведение консультаций по вопросам формирования единых подходов в проведении согласованной политики в части досудебного урегулирования споров между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями; формирование эффективных механизмов досудебного урегулирования споров, принятие мер по пресечению недобросовестных практик, выявленных в ходе реализации функций по досудебному рассмотрению споров на территориях государств-членов ЕАЭС.

Поскольку институт финансового уполномоченного осуществляет социально-значимые функции, важным направлением его деятельности является рассмотрение обращений граждан в порядке Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – Закон № 59-ФЗ) [1]. За 2022 год в соответствии с Законом № 59-ФЗ рассмотрено 6014 обращений. В рамках реализации Закона № 59-ФЗ гражданам, направившим соответствующие обращения по вопросам компетенции финансового уполномоченного, предоставляются консультации, разъясняется порядок направления и оформления обращений, рассматриваются

предложения по совершенствованию деятельности института и принимаются непосредственные меры по повышению эффективности его функционирования. Рассмотрение подобных обращений создает для конкретного потребителя дополнительные возможности для оперативного разрешения вопросов, связанных с процессом рассмотрения обращений в порядке Закона № 123-ФЗ, а также получения иной достоверной информации о деятельности института финансового уполномоченного.

Значительная часть поступающих обращений в порядке Закона № 59-ФЗ связана с вопросами, выходящими за рамки компетенции института финансового уполномоченного (например, содержат требования о проверке финансовых организаций на предмет соблюдения ими отраслевого законодательства, применении к ним мер административного воздействия надзорными органами, сведения о фактах мошенничества в сфере потребительского кредитования, предоставления финансовых услуг нелегальными участниками финансового рынка (нелегальными кредиторами, нелегальными профессиональными участниками рынка ценных бумаг, организациями, имеющими признаки финансовых пирамид и др.)), в связи с чем они перенаправляются по компетенции в соответствующие государственные органы (Банк России, Роспотребнадзор, Роскомнадзор, ФССП, Генеральную прокуратуру Российской Федерации, Росреестр, Минтранс России, Федеральную налоговую службу и др.). В этом направлении деятельности Служба является своеобразным «посредником» между потребителями и государственными органами, выступает в качестве связующего звена между ними в едином процессе реализации права граждан на обращение, запускает действие государственного механизма, обеспечивающего соблюдение, охрану и защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина [9; 12-19 стр.].

Значимым направлением правозащитной деятельности института финансового уполномоченного выступает разработка предложений по совершенствованию действующего законодательства и правоприменительной практики. Показательна в этом аспекте работа над законопроектом в целях принятия дополнительных мер, направленных на минимизацию рисков совершения мошеннических действий в отношении средств обязательного пенсионного страхования в части разработки внесудебных механизмов защиты пенсионных накоплений граждан, совершенствования правового регулирования порядка досудебного урегулирования финансовым уполномоченным споров между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями. Результатом данной работы стал принятый 13 июня 2023 года Федеральный закон № 226-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3], расширивший компетенцию института за счет рассмотрения споров о незаконных переводах пенсионных накоплений, что вовлечет в контур взаимодействия с финансовым уполномоченным потребителей, для которых бесплатная и простая процедура урегулирования спора ранее была недоступна.

Положительное влияние института на эффективность публично-правового механизма защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг

может расширяться за счет новых компетенций, в том числе, вовлечения в контур обязательного взаимодействия с финансовым уполномоченным иных финансовых организаций, не предусмотренных Законом № 123-ФЗ, розничных инвесторов. Перспективной задачей развития института финансового уполномоченного выступает медиация в финансовой сфере (медиация процессов банкротства граждан, иницируемых финансовыми организациями; урегулирование на основе процедуры медиации разногласий между кредитными организациями и заемщиками в кредитных отношениях с множественностью кредиторов, ипотечных сделках, в том числе с государственной поддержкой, при социально-значимой проблемной задолженности по отдельным кредитным договорам). Целесообразным также видится наделение финансового уполномоченного компетенцией по рассмотрению споров, связанных с задолженностью потребителя перед кредитной или микрофинансовой организациями. Финансовый уполномоченный, в отличие от иных правозащитных публичных субъектов (органы прокуратуры, Роспотребнадзор и др.), не наделен правом на обращение в суд с заявлением о прекращении противоправных действий финансовых организаций. Механизм использования исков о защите неопределенного круга потребителей финансовых услуг на данный момент недостаточно разработан на практике. Вместе с тем его правильное использование может оказывать существенное положительное воздействие на состояние защищенности потребителей финансовых услуг. Предоставление соответствующего права финансовому уполномоченному права будет полезно не только для интересов потребителей, но и интересов поставщиков аналогичных услуг, заинтересованных в перераспределении рынка и получения конкурентных преимуществ.

Институт финансового уполномоченного выступает узко специализированным институтом в механизме публично-правовой защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг, который не просто разрешает споры, но и стремится своей деятельностью при активном внутригосударственном и международном взаимодействии с иными публичными субъектами сформировать принципиально новую культуру отношений на рынке финансовых услуг, минимизировать потенциально опасные для правовой безопасности потребителей факторы риска, в числе которых несовершенство действующего законодательства и правоприменительной практики, недобросовестное поведение участников финансового рынка, низкий уровень финансово-правовой грамотности. Дальнейшее развитие института финансового уполномоченного является важнейшим фактором повышения уровня защищенности потребителей финансовых услуг и эффективности функционирования механизма публично-правовой защиты их прав и законных интересов.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 19. Ст. 2060; 2023. № 32 (Часть I). Ст. 6212.

2. Федеральный закон от 04 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2023) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 24. Ст. 3390; 2023. № 12. Ст. 1883.

3. Федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 25. Ст. 4415.

4. Воронин Ю.В. Больше всего споров связано с кредитным страхованием // Вестник Службы финансового уполномоченного. 2023. № 01 (08). С. 22-29.

5. Доклад Председателя Верховного Суда РФ Вячеслава Лебедева на Совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов России (Москва, 9 февраля 2022 года) // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrp.ru/files/30761/> (дата обращения: 30.11.2023).

6. Отчет о деятельности Службы финансового уполномоченного в 2020 году // Официальный сайт финансового уполномоченного. URL: <https://finombudsman.ru/assets/files/528/Otchet-o-deyatelnosti-v-2020-godu.pdf> (дата обращения: 30.11.2023).

7. Отчет о деятельности Службы финансового уполномоченного в 2021 году // Официальный сайт финансового уполномоченного. URL: <https://finombudsman.ru/assets/files/1072/Otchet-o-deyatelnosti-v-2021-godu.pdf> (дата обращения: 30.11.2023.).

8. Отчет о деятельности Службы финансового уполномоченного в 2022 году // Официальный сайт финансового уполномоченного. URL: <https://finombudsman.ru/about/otchetyi-o-deyatelnosti/otchet-za-2022-god.html>. (дата обращения: 30.11.2023).

9. Тюрина С.Ю., Борисов Н.И. Обращения граждан как инструмент повышения эффективности взаимодействия населения и власти: нормативно-правовое регулирование и практика // Административное и муниципальное право. 2012. № 10. С. 12-19.

Павлова Мария Андреевна,

ассистент кафедры конституционного права
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет им. В.Ф. Яковлева,
Российская Федерация

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ В РОССИИ И КАЗАХСТАНЕ КАК ВЕКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Социальная справедливость в силу своей природы является категорией субъективной и оценочной, что затрудняет поиск ее единых критериев и характеристик, однако через анализ ее истоков, ее имплицитного выражения в конституционно-правовых нормах, общественных опросов по ее пониманию и ключевым вопросам и т.д. позволяет говорить о некоторых ее целеполагающих

аспектах, с которыми, думается, согласится большая часть научного сообщества, государственных деятелей и что самое главное – общество.

Социальная справедливость по форме своего существования является ориентиром и идеалом государства и общества. В виду всего вышесказанного, полагаем, что ее сущностное целеполагание направлено на: улучшение жизни граждан, компромиссы в вопросах социального равенства, стремление к высокому уровню социальной защищенности, равномерному распределению социальных благ и т.д. Следовательно, государство, ставя перед собой такую цель, принимает, в частности, программные, стратегические документы и проекты.

По мнению Е.М. Заболотских, исследования социальной справедливости с позиций юриспруденции носят не теоретический, умозрительный характер, а скорее практико-прикладной [1; 188 стр.]. Поэтому надлежит осуществлять ее анализ через призму актов законодательства (существует позиция, согласно которой одной из форм права входящих в структуру законодательства, являются целевые программы. Специфика программ, их отличие от других форм права, в том числе от нормативно-правовых актов, заключается в том, что в них сочетается нормативное и индивидуальное правовое регулирование [2; 67 стр.]), которые обусловлены практическим воплощением прав и свобод человека и гражданина, их гарантиями со стороны государства. В связи с этим предмет настоящей работы состоит в рассмотрении и обосновании роли ряда программных документов России и Казахстана, являющихся собственно одними из детерминантов социальной справедливости.

Согласно п. 1 ст. 28 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации», государственные программы Российской Федерации разрабатываются федеральными органами исполнительной власти для достижения приоритетов и целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, определенных в стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, отраслевых документах стратегического планирования Российской Федерации, стратегии пространственного развития Российской Федерации и основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации [3]. Данным законом определены основные подходы, которые необходимо использовать при разработке Государственных программ в Российской Федерации (Далее – Госпрограмма, программа), а также принципы их реализации.

Главным основанием, в соответствии с которым корректируют утвержденный перечень Госпрограмм, является Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации (в перечень вносятся новые или исключаются неприоритетные Госпрограммы, встречаются случаи объединения Госпрограмм по направлениям (сферам деятельности) или напротив разделения в целях выделения более приоритетного направления) [4; 98-99 стр.].

Важно отметить, что в России присутствует «многоступенчатость» Госпрограмм, включающая в себя федеральные целевые программы и подпрограммы, содержащие, в том числе ведомственные целевые программы и отдельные мероприятия органов государственной власти (подпрограммы).

Деление Госпрограмм на подпрограммы осуществляется исходя из масштабности, и сложности решаемых в рамках Госпрограммы задач [5; 54 стр.]. Большое распространение получили также и национальные проекты [6], «направленные на достижение национальных целей развития Российской Федерации и их целевых показателей, определенных Указами Президента [7], иных общественно значимых результатов и их показателей, а также задач, не являющихся общественно значимыми результатами, и их показателей... [8]».

Очевидно, Госпрограммы федерального и регионального уровня, национальные, федеральные и региональные проекты имеют разные видовые направленности – социально-ориентированные, научно-технические, культурные и т.д.

В вопросах обеспечения социальной справедливости на первый план выходят Госпрограммы социальной сферы. Они реализуются по нескольким траекториям. Например, в составе Госпрограммы «Развитие здравоохранения» [9] имеется национальный проект (Далее – нацпроект) «Здравоохранение», в рамках которого реализуется «Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи», «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами» и др. Кроме того, в структуру данной Госпрограммы включены 2 федеральных проекта, реализующихся в рамках нацпроекта «Демография»: «Укрепление общественного здоровья», «Старшее поколение».

Также в рамках Госпрограммы «Социальная поддержка граждан» [10] реализуются такие подпрограммы, как «Обеспечение мер социальной поддержки отдельных категорий граждан», «Обеспечение государственной поддержки материнства, детства и семьи» и др.

Примечательно, что в Казахстане существует комплексный акт - Концепция социального развития Республики Казахстан до 2030 года [11], в котором содержатся ключевые социальные блоки (здравоохранение, социальная защита и рынок труда, жилищно-коммунальное хозяйство и др.), задачи, промежуточные результаты по ним и т.д. Так, данный акт вбирает в себя те направления социального развития, которые затем получают свое отражение в некоторых отдельных Госпрограммах и нацпроектах Казахстана.

Необходимо отметить, что по итогам исследования запросов населения Казахстана по вопросам социальной справедливости были выделены так называемые «топ-5 жалоб казахстанцев», а именно рост цен; низкий уровень доходов (и социальных пособий в том числе); проблема безработицы; проблемы социальной сферы (например, ухудшающееся качество здравоохранения и образования); коррупция [12]. В целях решения актуальных проблем одним из механизмов, разумеется, являются Госпрограммы, в которых сосредоточены основные направления реализации государственной политики с расчетом на потребности населения. Таким образом, на сегодняшний день в Казахстане функционируют, например, такая Госпрограмма, как развитие здравоохранения Республики Казахстан на 2020-2025 годы [13] и др., а также нацпроекты, например, «Качественное и доступное здравоохранение для каждого гражданина «Здоровая нация»; «Качественное образование «Образованная нация» [14].

Одной из особенностей Госпрограмм в обеих странах является их ориентация на социальную защиту населения и повышение уровня жизни. Данные программы помогают уменьшить социальное неравенство (экономист и философ Дж. С. Милль стоит у истоков современной концепции социальной (распределительной) справедливости. Он использует термин социальной справедливости в том значении, в котором оно преобладает на сегодняшний день. Для него преодоление бедности и незаслуженных имущественных неравенств выступало одной из основных задач всех институтов определенного общества [15; 52 стр.; 154 стр.]), создают возможности для развития граждан, в особенности социально-уязвимых (С точки зрения С.А. Авакьяна, одна из смысловых идей социальной справедливости заключается в том, чтобы малообеспеченные люди, не имеющие по объективным причинам возможности заработать на достойную жизнь, получали бы поддержку со стороны государства [16; 124-125 стр.]), способствуют сокращению безработицы (Всероссийским Центром изучения общественного мнения в 2018 году проводился опрос, в результате которого выяснилось, что для установления социальной справедливости нужно повысить зарплаты и пенсии, ужесточить законодательство и усилить борьбу с безработицей, активнее развивать экономику и социальную политику; Н.Н. Киселева считает, что одним из элементов, которые могут говорить об осуществлении социальной справедливости является защита от безработицы [17; 239-240 стр.]), повышают качество оказываемой медицинской помощи, обеспечивают доступность и качество образования и т.д.

В действительности эффективность Госпрограмм зависит от их реализации и контроля за их исполнением. В связи с этим периодически проводится анализ и оценка эффективности Госпрограмм, составляются аналитические отчеты по их недостаткам (см. например, сводные годовые доклады о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации [18]), которые выявляются при их реализации. Также проводятся опросы граждан по оценке эффективности Госпрограмм с точки зрения показателей достигнутого (например, «Строительная газета» в 2023 году провела опрос «эффекта» от Госпрограмм и нацпроектов, реализуемых в сфере строительства и ЖКХ. По результатам опроса некоторые респонденты указали на увеличение доступности жилья благодаря льготным ипотечным программам, столько же граждан отметили сокращение количества аварийного жилья в стране; в 2020 году исследование Центра стратегических разработок и АНО «Национальные приоритеты» о ценностных ориентирах жителей РФ показало, что 69% россиян назвали доступность медицины ключевой в нацпроекте «Здравоохранение» [19]). Все это является важным и необходимым условием для того, чтобы все объективно выраженные «целеполагающие характеристики» социальной справедливости в действительности обеспечивались.

Те положения Госпрограмм, которые стремится реализовать государство, бесспорно, содержат аспекты социальной справедливости, свидетельствующие о том, что прилагаются значительные усилия для ее фактического претворения в жизнь. Во всяком случае, главным является то, что Госпрограммы направлены

на защиту прав и интересов населения, улучшение качества жизни, снижение неравенства и обеспечение доступа к основным социальным услугам.

Список использованных источников:

1. Заболотских Е.М. Принцип социальной справедливости как конституционная ценность / Е.М. Заболотских // Демократические ценности в международном и национальном конституционном измерении: материалы и доклады XI Международной научно-практической конференции (Самара, 24 – 27 сентября 2015 г.) / под ред. В.В. Полянского, В.Э. Волкова. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. Стр. 188.

2. Токмин, С. А. Программные документы и российское законодательство / С. А. Токмин // Проблемы современного российского законодательства, Иркутск, 24 октября 2013 года / Иркутский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия министерства юстиции Российской Федерации», 2013. Стр. 67.

3. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 26 (часть I). Ст. 3378.

4. Пронин, В. В. Сущность анализа и оценки реализации государственных программ / В. В. Пронин, Е. Е. Родина // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 91-5. Стр. 98-99.

5. Звягинцев, П. С. Государственные программы как инструмент управления социально-экономическим развитием России / П. С. Звягинцев // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник, Москва, 01 января – 01 2018 года / Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук; Ответственный редактор В.И. Герасимов. Том Выпуск 13, часть 1. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. Стр. 54.

6. Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 г. № 204 // СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

7. Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21 июля 2020 г. № 474 // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884; Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204.

8. Постановление Правительства РФ «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» от 31 октября 2018 г. № 1288 // СЗ РФ. 2018. № 45. Ст. 6947.

9. Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения» // URL: <https://minzdrav.gov.ru/ministry/programms/health/info> (дата обращения: 25.11.23).

10. Государственная программа Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» // URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/3/2> (дата обращения: 25.11.23).

11. Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении Концепции социального развития Республики Казахстан до 2030 года и Плана социальной модернизации на период до 2016 года» от 24 апреля 2014 года № 396 // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1400000396> (дата обращения: 26.11.23).

12. Казахстанцы хотят социальной справедливости и диалога с властью // URL: <https://central-asia.institute/kazahstancy-hotyat-soczialnoj-spravedlivosti-i-dialoga-s-vlastyu/> (дата обращения: 26.11.23).
13. Государственная программа развития здравоохранения Республики Казахстан на 2020-2025 годы // URL: <https://primeminister.kz/ru/gosprogrammy/gosudarstvennaya-programma-razvitiya-zdravoohraneniya-respubliki-kazahstan-na-2020-2025-gody-9112319> (дата обращения: 27.11.23).
14. Указ Президента Республики Казахстан «Об утверждении перечня национальных проектов» от 7 октября 2021 года № 670 // URL: <https://www.akorda.kz/ru/ob-utverzhenii-perechnya-nacionalnyh-proektov-1391918> (дата обращения: 27.11.23);
15. Канарш, Г. Ю. Социальная справедливость: современная история идеи / Г. Ю. Канарш // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 1. С. 52; Прокофьев, А. В. Понятие "социальная справедливость" в трудах Дж.С. Милля / А. В. Прокофьев // Историко-философский ежегодник. 2010. № 2009. Стр. 154.
16. Авакьян, С. А. Конституционно-правовой статус политических партий в России: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности и "Юриспруденция" / С. А. Авакьян; С. А. Авакьян. Москва: Норма, 2011. Стр. 124-125.
17. Россияне назвали способы укрепления социальной справедливости // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5bf7b83c9a7947a809fe1073> (дата обращения: 02.12.23); Киселева, Н. Н. Конституция РФ и социальная справедливость: идеи и реальность / Н. Н. Киселева // Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 18 февраля 2015 года / Под общей редакцией Т. А. Сошниковой. Москва: Московский гуманитарный университет, 2015. Стр. 239-240.
18. Сводные годовые доклады о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации // URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d19/otchetnost_o_hode_realizacii_gos_programm_rf/svodnye_godovye_doklady_o_hode_realizacii_i_ocenke_effektivnosti_gos_programm_rf/ (дата обращения: 02.12.23).
19. Опрос «СГ»: россияне считают госпрограммы и нацпроекты эффективными // URL: <https://stroygaz.ru/news/samoe-samoe/opros-sg-rossiyane-schitayut-gosprogrammy-i-natsproekty-effektivnymi/> (дата обращения: 02.12.23); Опрос: 69% россиян назвали доступность медицины ключевой в нацпроекте «Здравоохранение» // URL: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/9143731> (дата обращения: 02.12.23).

II СЕССИЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ

Баймолдина Зауреш Хамитовна,
к.ю.н., академический профессор,
ректор Академии правосудия при
Верховном Суде Республики Казахстан

МОТИВИРОВАННОСТЬ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ – НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Вопрос о мотивированности судебного решения, то есть о наличии убедительной мотивировки судом итогового акта, вынесенного по результатам рассмотрения и разрешения гражданского дела, всегда привлекал внимание как ученых-процессуалистов, так и практиков. Достаточно большое количество научных работ было посвящено проблематике судебных решений и в советский период [1-9], и после обретения независимости республиками постсоветского пространства [10-14]. Сейчас же данный вопрос приобрел остроту и стал далеко не праздным, учитывая тенденцию тех изменений, которые претерпевает казахстанское гражданское процессуальное законодательство, регулирующее порядок вынесения решения и его содержание. Тенденция эта выражается в допущении отхода в определенных случаях от требования мотивированности судебных решений. При этом следует отметить, что сравнительно недавно отмечалось, что в «процессуальном законодательстве последних ста пятидесяти лет право сторон на получение мотивированного судебного решения по рассмотренному и разрешенному судом первой инстанции гражданскому делу сомнению не подвергалось» [15; 50 стр.].

Такое стабильное отношение законодателя к рассматриваемому вопросу было обусловлено несколькими важнейшими аспектами судопроизводства по гражданским делам, связанными с содержанием судебного решения, среди которых важно остановиться на следующих аспектах.

Во-первых, речь идет об обеспечении справедливого отправления правосудия и справедливости судебного акта. Так, в юридической литературе обоснованно утверждается, что мотивированность судебного решения необходимо соотносить с понятием справедливого правосудия [16; 167 стр.].

Неслучайно, определяя сущность подлинного правосудия, еще древнеримские юристы отмечали, что оно «должно быть свободным, ибо нет ничего более несправедливого, чем продажное правосудие; полным, ибо правосудие не должно останавливаться на полпути; скорым, ибо промедление есть вид отказа» [17; 141-142 стр.].

Казахстан признает защиту прав и свобод человека важнейшим условием обеспечения справедливости и благополучия в обществе, ибо без обеспечения прав и свобод человека невозможно построение демократического, правового и социального государства. Об этом провозглашает Конституция Республики Казахстан, согласно которой Казахстан утверждает себя демократическим,

светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы (п. 1 ст. 1).

Поэтому вполне обоснованно Президент страны К. К. Токаев одной из целей проводимых стране реформ неоднократно обозначал построение справедливого и правового государства, для чего требуется обеспечить защиту фундаментальных прав граждан. 15 ноября 2023 года, проводя встречи и консультации с руководителями правоохранительных органов, Глава государства еще раз подчеркнул, что на сотрудников правоохранительных органов и судебных инстанций возложена огромная ответственность за установление справедливости и порядка в обществе [18].

Во-вторых, необходимость мотивированности судебного решения обусловлена назначением самого гражданского судопроизводства и его действенностью. Так, Т. А. Савельева пишет, что критерием эффективности судебной защиты может служить только мотивированное решение суда, содержащее фактическое и правовое обоснование выводов суда по конкретным обстоятельствам дела [16; 165 стр.].

Позиция о том, что суд должен достаточным образом излагать основания, послужившие субстанцией для вынесенного им решения, твердо выражается и в международных актах, что нашло широкое освещение в научной литературе. При этом следует отметить, что п. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года) и п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод не требуют, чтобы на каждый аргумент, предъявленный суду в ходе разбирательства, давался подробный ответ. Европейский суд подчеркнул, что необходимо принимать во внимание тот факт, что обязательство изложить причины решения должно, как минимум, касаться тех доводов и аргументов, которые сыграли решающую роль в исходе данного дела [19; 226 стр.].

Такой подход к мотивированности судебного решения и правомерен, и рационален. Исходя из этого, вполне солидарны с мнением о том, отказ от мотивировки решения – это пусть к произволу, антиправосудию, антиправу [20].

В-третьих, потребность в мотивировании судом выносимого им решения обусловлена теми задачами, выполнение которых возлагается на суд при рассмотрении и разрешении гражданских дел. Задачами гражданского судопроизводства являются не просто защита и восстановление нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, государства и юридических лиц, обеспечение полного, своевременного, справедливого рассмотрения и разрешения дела, но и формирование в обществе уважительного отношения к закону и суду (ст. 4 ГПК РК). Такое отношение может быть сформировано лишь при доверии населения к судам.

К сожалению, в сфере судебной деятельности картина у нас далеко не радужная, что следует из результатов социологического исследования об уровне доверия населения к правоохранительным органам и судебной системе (апрель-май 2023 г.), опубликованным на сайте Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам РК. Согласно этим данным, число граждан, доверяющих судебной системе, составляет 55,2 %,

частично доверяющих – 31,0 %, скорее не доверяющих – 3,7 %, не доверяющих – 4,0 %, а доля тех, кто затруднился ответить, составила 6,1 % [21].

На факты такого рода было обращено внимание Президентом Казахстана К. К. Токаевым во время встречи 29 августа 2023 года с представителями системы защиты прав человека. Он отметил, что статистика показывает рост недовольства граждан решениями судов, надзорных и правоохранных структур [22].

Доверие к суду важно во все времена, но сегодня – в особенности [23; 19 стр.], поскольку сейчас речь идет о постепенной и неуклонной реализации политической трансформации, осуществляемой с учетом интересов и государства, и народа.

Мотивировка судебных решений – важнейшая гарантия, укрепляющая доверие населения к судебной власти. Особое внимание на это обращает Европейский Суд по правам человека. «В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда, чтобы были удовлетворены требования справедливого судебного разбирательства, стороны, участвующие в деле, а также общественность должны быть в состоянии понять вердикт или в более общем смысле решение, которые были вынесены. Это является важной гарантией против произвола. Европейский Суд неоднократно отмечал, что принцип верховенства права и предотвращение произвола власти являются принципами, лежащими в основе Конвенции. В судебной сфере данные принципы служат целям укрепления доверия общественности к объективной и прозрачной системе правосудия, одной из основ демократического общества» [24].

Мотивированное решение, демонстрируя то, что суд выслушал стороны и исследовал приведенные ими аргументы и доказательства, располагает стороны к объективному восприятию данного решения и способствует повышению их доверия к судебной системе.

В-четвертых, только мотивированные решения дают возможность осуществлять надлежащим образом общественный контроль за отправлением правосудия [19; 227 стр.]. Публичность судебных актов побуждает суды Казахстана к вынесению законных, обоснованных и мотивированных решений. Речь идет о внедренной в судебную систему мобильной версии платформы для онлайн-обращений «Судебный кабинет», обеспечивающей доступ к судебным документам, в том числе судебным решениям, причем из любой точки мира. Публичность судебных решений, включая их мотивировку, – это эффективный путь для контроля со стороны общественности. Однако благоприятное восприятие населением судебных решений, объективная научная аналитика и правильное комментирование решений профессиональным сообществом возможны лишь при вынесении судами мотивированных актов.

В-пятых, мотивированность судебного решения непосредственно связана с надлежащей реализацией права на судебную защиту. Общеизвестно, что данное право включает в себя не только право на обращение в суд первой инстанции и справедливое судебное разбирательство, но и право на проверку судебного акта судом вышестоящей инстанции и право на исполнение решения.

Мотивированное судебное решение позволяет сторонам в гражданском деле, во-первых, правильно определить, имеются ли поводы и основания для оспаривания, несогласия с решением суда, а, во-вторых, качественно составить апелляционную жалобу. Согласно заключению Европейского Суда по правам человека полезное и эффективное осуществление права на апелляцию возможно лишь при наличии судебного решения, в котором достаточно четко указаны основания вынесения данного решения [19; 227 стр.]. Иными словами, качество обжалования предопределяется мотивировкой судебного решения, качеством его мотивировочной части.

Вполне справедливо в научной литературе отмечается, что суждение о законности судебного акта в отсутствие мотивов судебного акта, а также проверка немотивированного акта – это уже не проверка [25].

Более того, ученые-процессуалисты обоснованно высказывают мнение о том, что установление факта немотивированности судебного решения должно являться основанием для его отмены в связи фундаментальным нарушением принципа справедливого судопроизводства [15; 25; 26].

Если применять понятийный аппарат теории ценностей к области судопроизводства, то справедливое правосудие можно рассматривать как терминальную или конечную ценность. Справедливое правосудие – ценность-цель, которая должна быть достигнута. Мотивированность же судебного решения представляет собой важнейшую инструментальную ценность для достижения указанной цели. Ведь каждый идет в суд со своей «правдой», убежденный в своей правоте. Суд должен убедить стороны в справедливости, правильности именно вынесенного им решения посредством мотивирования внутреннего убеждения судьи, отражаемого в мотивировочной части судебного решения. В этом суть деятельности суда по рассмотрению и разрешению гражданских дел, суть отправления правосудия.

Достаточно подробно содержание данного права раскрыто профессором С. Ф. Афанасьевым. Он пишет, что право на мотивированное решение внешне проявляется через возможность получения сторонами ответа по заявленным доводам, внутренне – посредством необходимости выявления взаимной связи между предъявленными материально-правовыми требованиями, установленными обстоятельствами и доказательствами, подлежащими оценке с учетом норм процессуального права, на основании которых указанные требования могут быть судом удовлетворены или отвергнуты [15; 18 стр.].

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что упрощенческий подход к вопросам мотивированности судебного решения недопустим. Однако мы наблюдаем следующую тенденцию в правовом регулировании вопросов мотивированности решения: постепенное снижение требований к вынесению мотивированных решений.

Вначале, еще в первые годы становления законодательства суверенного Казахстана, это коснулось решений по делам, в которых ответчик признавал иск. В ГПК РК 1999 года была внесена норма о том, что в случае признания иска ответчиком в мотивировочной части может быть указано лишь на признание иска и принятие его судом (ч. 5 ст. 226). Введение данной нормы в гражданское

процессуальное законодательство объяснено реализацией принципа диспозитивности в гражданском судопроизводстве, с чем можно согласиться.

В действующем ГПК РК 2015 года имеется ряд норм, касающихся мотивировочной части решения, содержание которых свидетельствует об отходе от «классического» понимания мотивированности судебного решения.

Так, ч. 4-1 ст. 223 ГПК РК предусматривает, что при невозможности по уважительным причинам изготовить оглашенное решение в окончательной форме подписанная судьей резолютивная часть решения может быть обжалована в порядке, установленном данным кодексом.

Приведенная гражданско-процессуальная норма дословно повторена в абзаце восьмом п. 3 Нормативного постановления Верховного Суда РК от 11 июля 2003 года № 5 «О судебном решении по гражданским делам» (далее – Нормативное постановление о судебном решении): «Согласно ч. 4-1 ст. 223 ГПК при невозможности по уважительным причинам изготовить оглашенное решение в окончательной форме подписанная судьей резолютивная часть решения может быть обжалована в порядке, установленном ГПК» [27]. Каких-либо разъяснений судам в указанном Нормативном постановлении не содержится.

Это касается не только исковых дел, рассматриваемых в обычном порядке, но и в порядке упрощенного (письменного) производства. Об этом прямо подчеркивается в п. 1-1 Нормативного постановления о судебном решении: «В соответствии с ч. 1 ст. 267-4 ГПК по делу, рассмотренному в порядке упрощенного (письменного) производства, суд выносит решение, состоящее из вводной и резолютивной частей. При невозможности по уважительным причинам изготовить мотивировочную часть решения подписанное судьей решение, состоящее из вводной и резолютивной частей, может быть обжаловано в порядке, установленном ГПК» [27]²⁸.

Нельзя не упомянуть также разъяснение Верховного Суда РК, содержащееся в п. 7 Нормативного постановления о судебном решении: «В мотивировочной части решения доказательства могут быть изложены без раскрытия их полного содержания» [27]. Данное разъяснение, касающееся любых решений по гражданским делам, вызывает большие сомнения, поскольку не дает возможности судам для развернутого толкования в процессе его применения. Сомнения эти вызваны следующими вопросами, возникающими в связи с указанным разъяснением: что значит раскрытие полного содержания доказательства; что значит не раскрывать полное содержание доказательства; в какой мере должно раскрываться содержание доказательства. На эти вопросы ответов в Нормативном постановлении о судебном решении не имеется.

Тенденция упрощенного подхода к содержанию судебного акта проявляется и в отношении мотивировки актов, выносимых судами вышестоящих инстанций.

²⁸ Нормативное постановление Верховного Суда РК от 11 июля 2003 года № 5 «О судебном решении по гражданским делам» (с изм. и доп. по состоянию на 21.04.2022 г.) // Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P03000005S_ (дата обращения: 08.11.2023).

Необходимо отметить следующие гражданско-процессуальные нормы: суд по письменному ходатайству стороны, заявленному до вступления решения суда в законную силу, обязан изготовить решение, состоящее из вводной, мотивировочной и резолютивной частей; суд вправе изготовить такое решение и по своей инициативе (абз. второй ч. 1 ст. 267-4 ГПК РК).

Так, ч. 2 ст. 426 ГПК РК, регулирующая вопросы содержания апелляционного постановления, предусматривает, что при оставлении апелляционной жалобы или апелляционного ходатайства прокурора без удовлетворения в связи с отсутствием новых доводов в мотивировочной части постановления указывается только на отсутствие предусмотренных ГПК РК оснований для внесения изменений в решение суда первой инстанции либо его отмены.

Нормы аналогичного характера имеются и в отношении содержания постановления суда кассационной инстанции. П. 1 ст. 452 ГПК РК предусматривает, что постановление суда кассационной инстанции должно соответствовать требованиям, установленным данным кодексом для постановления суда апелляционной инстанции.

Указанная тенденция является глубоко ошибочной как с доктринальной позиции, так и с практической. Немотивированное судебное решение – это не акт справедливого правосудия.

Представляется, что с учетом конституционных норм об утверждении Казахстана демократическим, правовым и социальным государством, провозглашения политического курса на установление верховенства права и на обеспечение вынесения справедливых решений в целях защиты нарушенных прав и законных интересов граждан и организаций тенденция должна быть обратной. В ГПК РК необходимо ввести нормы о мотивированности судебных актов, также как были введены нормы о справедливости²⁹. В частности, необходимо дополнить ч. 1 ст. 224 ГПК РК, предусмотрев, что решение суда должно быть законным, обоснованным и мотивированным.

Список использованных источников

1. Чечина Н. А. Судебное решение как акт государственной власти // Вопросы советского государства и права. Ученые записки Ленинградского университета. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1954, № 182: Вып. 5. – С. 135-153;
2. Чечина Н. А. Норма права и судебное решение. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1961. – 76 с.;
3. Гурвич М. А. Решение советского суда в исковом производстве. – М.: ВИЮН, 1955. – 128 с.;
4. Гурвич М. А. Судебное решение: Теоретические проблемы. – М.: Юрид. лит-ра, 1976. – 176 с.;
5. Зейдер Н. Б. Судебное заседание и судебное решение в советском гражданском процессе (Учебное пособие). – Саратов: Коммунист, 1959. – 99 с.;
6. Зейдер Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу. – М.: Юрид. лит-ра, 1966. – 192 с.;
7. Авдюков М. Г. Судебное решение. – М.: Госюриздат, 1959. – 192 с.;
8. Полумордвинов Д. И. Законная сила судебного решения. – Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1964. – 191 с.;
9. Ткачев Н. И. Законность и обоснованность судебных постановлений по гражданским делам. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1987. – 108 с.

²⁹ Ст. 4 ГПК РК была дополнена в соответствии с [Законом](#) РК от 27.03.23 г. № 216-VII. Теперь одной из задач гражданского судопроизводства является обеспечение справедливого рассмотрения и разрешения гражданского дела.

10. См., напр.: *Загайнова С. К.* Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 400 с.;

11. Афанасьев С. Ф. Право на получение мотивированного судебного решения по гражданскому делу (международный и национальный аспекты) // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2008. № 12. С. 13-16;

12. Пахомова Л. А. Требования, предъявляемые к форме и содержанию постановлений суда первой инстанции в гражданском судопроизводстве: автореф. ... к.ю.н. – Саратов: Издательство ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. – 23 с.;

13. Султанов А. Р. Мотивированность судебного акта – свойство, без которого судебный акт не является актом правосудия // <https://www.iuaj.net/node/3165>;

14. Правовые институты России и Франции: монография / отв. ред. В. В. Зайцев, О. В. Зайцев. – Москва: Высшая школа правоведения; Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Москва: Статут, 2022. – С. 345-381. -810 с.

15. Афанасьев С. Ф. Право на справедливое судебное разбирательство: теоретико-практическое исследование влияния Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод на российское гражданское судопроизводство: автореф. дис. ... д.ю.н. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. – 67 с.

16. Савельева Т. А. Мотивированность решения арбитражного суда: новеллы законодательства // *Вестник Саратовской государственной юридической академии.* 2020. № 3 (134). – С. 165-170.

17. Латинская юридическая фразеология / Сост. проф. Б. С. Никифоров. – М.: Юрид. лит-ра, 1979. – 264 с..

18. Глава государства провел консультации с руководителями правоохранительных органов // Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-provel-konsultacii-s-rukovoditelyami-pravoohranitelnyh-organov-15105317> (дата обращения: 17.11.2023).

19. Справедливое судебное разбирательство в международном праве: юридический сборник. – БДИПЧ ОБСЕ, 2013. – С. 279 с.

20. Бевзенко Р. С. Есть ли смысл в освобождении судей от обязанности готовить судебные акты с мотивировкой? // Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2017/09/27/est_li_smysl_v_osvobozhdenii_sudej_ot_obyazannosti_gotovit_sudebnye_akty_s_motivirovkoj (дата обращения: 17.11.2023).

21. Об уровне доверия населения к правоохранительным органам и судебной системе (апрель-май 2023 г.) // Режим доступа: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/stat-crime/publications/70710/> (дата обращения: 28.12.2023).

22. Гладкова Я. «Люди жалуются на суды, полицию и прокуратуру», – Токаев // Режим доступа: <https://astanatv.kz/ru/news/91817/> (дата обращения: 27.11.2023).

23. Шахрай С. М. Судебная реформа 1864 г.: история и современность (конституционно-правовой аспект) (вступ. очерк) // В сб.: Судебные уставы Российской империи (в сфере гражданской юрисдикции): Устав гражданского

судопроизводства. Учреждение Коммерческих судов и Устав их судопроизводства. Устав гражданского судопроизводства губерний Царства Польского. Волостной судебный устав Прибалтийских губерний. – М.: Статут, 2018. – С. 19.

24. Судебный семинар 2019 года «Укрепление доверия к судебной власти». Рабочий документ. Европейский суд по правам человека // Режим доступа: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/seminar_background_paper_2019_rus (дата обращения: 16.11.2023).

25. Султанов А. Р. Правосудие не может быть немотивированным! // Режим доступа: <https://m.lawfirm.ru/comments/index.php?id=25036> (дата обращения: 08.11.2023).

26. Пахомова Л. А. Требования, предъявляемые к форме и содержанию постановлений суда первой инстанции в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... к.ю.н. – Саратов: Издательство ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. – С. 20;

27. Нормативное постановление Верховного Суда РК от 11 июля 2003 года № 5 «О судебном решении по гражданским делам» (с изм. и доп. по состоянию на 21.04.2022 г.) // Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P03000005S_ (дата обращения: 08.11.2023).

Нуриев Анас Гаптрауфович,

д.ю.н., заместитель директора по учебной и воспитательной работе ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (Казанский филиал),
Российская Федерация

НОТАРИАЛЬНАЯ ФОРМА ЗАЩИТЫ ПРАВА В МЕХАНИЗМЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Действующая доктрина под формой защиты прав понимает совокупность средств, способов в совокупности образующих механизм восстановления нарушенного права. От эффективности форм защиты права зависит претворение в жизнь установленных правил поведения и эффективность правовых регуляторов в целом. Анализ реализации определенных правил поведения в силу наличия субъективного фактора свидетельствует о том, что отклонение в действиях субъектов правоотношений является прогнозируемым и как следствие, возникают ситуации требующие разрешения конфликтных ситуаций либо требуется развитие правовых инструментов, направленных на недопущение правонарушений. Как только возникает необходимость защиты нарушенного права субъекты правоотношений делают выбор в пользу определенной формы защиты, в силу имеющегося у него правоохранительного потенциала и возможности достижения определенного юридического результата.

Традиционно выделяют юрисдикционную и неюрисдикционную форму защиты прав:

- неюрисдикционная форма защиты прав (самозащита) – это деятельность лиц, которые направлены на самостоятельное восстановление нарушенного права либо устранения угрозы нарушенного права.

- юрисдикционная форма защиты прав – это деятельность уполномоченных государственных органов и органов, наделенных публичными функциями по защите оспариваемых либо нарушенных прав.

В силу имеющегося инфраструктурного потенциала юрисдикционная форма защиты права гарантирует субъектам правоотношений с большей вероятностью достижение желаемого правового результата, однако, и здесь, существует определенная конкуренция между «юрисдикционными» формами защиты права. Статистические данные являются объективными показателями результата такой конкуренции.

Последнее десятилетие характеризовалось увеличением количества рассмотренных гражданских и административных дел в суде пропорциональным сокращением количества совершенных нотариальных действий. Так, если взять две контрольные цифры 2010 год и 2020 год складывается следующая картина в 2010 году 82 642 000 нотариальных действия против 40 047 000 нотариальных действий в 2020 году³⁰. Казалось бы, ситуация удивительная, начиная с 2008 года - постоянное уменьшение количества совершаемых действий, за 10 лет – 50%, при диаметрально противоположной тенденции в судебной системе, где с 2010 года (с 14 122 478 дел) по 2020 год (21,549,336 дел) увеличение рассмотренных дел составило 52 %³¹.

Однако, помимо количественного среза следует рассмотреть и качественный срез, чтобы понять, что последнее десятилетие не являлось периодом стагнации правового института нотариата. Если из более чем 82 млн. нотариальных действий в 2010 году 57 % (47 млн.) составило свидетельствование верности копий документов и выписок и них, то на долю данного нотариального действия в 2020 году приходилось всего (10 млн.) 25%. Кроме того, в 2021 году количество совершенных нотариальных действий впервые за долгие годы (с 2008 года) перешло в рост и составило более 45 миллионов нотариальных действий (45 518 281), то есть за год рост совершенных нотариальных действий составил 13,6%³². Более того, за год произошло тридцатикратное увеличение количества совершенных нотариальных действий в удаленном порядке.

Все это свидетельствует об огромном потенциале правового института нотариата и его роли как инструмента «превентивного правосудия» раскрывающего возможности нотариальной формы защиты права. Можно выделить два подхода в понимании нотариальной формы защиты прав. В узком смысле, это деятельность нотариусов по защите прав и законных интересов

³⁰ Сведения о нотариате в Российской Федерации (Сводный отчет по Минюсту России) (за 12 месяцев 2020 года) // Официальный сайт Министерства юстиции РФ. Адрес: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii-za-2020-god/>. Режим доступа: свободный.

³¹ Судебная статистика // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Адрес: <http://www.cdep.ru/index.php?id=218>. Режим доступа: свободный.

³² Сведения о нотариате в Российской Федерации (Сводный отчет по Минюсту России) (за 12 месяцев 2020 года) // Официальный сайт Министерства юстиции РФ. Адрес: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii-za-2021-god/>. Режим доступа: свободный.

граждан и организаций, осуществляемая в рамках особой процедурной формы. В широком смысле деятельность уполномоченных органов по совершению нотариальных действий, направленная на защиту прав и законных интересов граждан и организаций, осуществляемая в рамках особой процедурной формы.

Место нотариальной формы защиты прав в системе юрисдикционных органов, обеспечивающих нотариальную защиту определяется следующей системой признаков:

- во-первых, законодательно определенной компетенцией по совершению нотариальных действий (ст. 35,37, 38 Основ, ст. 26 Консульского Устава РФ).

При этом выделяют:

1. предметную компетенцию:

1.1. исключительную;

1.2 множественную

2. территориальную компетенцию:

2.1. Общая территориальная компетенция

2.2. Специальная территориальная компетенция

во-вторых, стадийным развивающимся характером нотариальных правоотношений. Достижение желаемого правового результата в рамках нотариального производства достигается в рамках трехэтапного развития нотариальных правоотношений (значение правоприменительной практики Конституционного Суда РФ³³):

1-й этап - совершение либо отказ в совершении нотариального действия, которая в свою очередь делятся на три стадии: 1) возбуждение нотариального производства; 2) установление фактического состава, необходимого для совершения нотариального действия; 3) совершения нотариального действия.

2-й этап - проверка правильности совершенного нотариального действия либо отказа в совершении нотариального действия (судебный этап);

3-й этап - исполнение нотариального действия как результата нотариального производства (этап исполнения).

Нотариальное производство с участием в качестве обязательного субъекта нотариуса охватывает первый этап развития нотариальных правоотношений, вместе с тем участники нотариальных отношений, предполагая достижение желаемого правового результата, в перспективе должны исходить из того, что:

1) нотариальная защита не может признаваться действенной, если отсутствуют механизмы, гарантирующие проверку действительности предоставления защиты либо необоснованного отказа в предоставлении нотариальной защиты;

2) исполнение нотариального акта следует рассматривать как элемент нотариальной защиты.

в-третьих, наличием специальной нотариальной процедурной формы – это нормативно определенный порядок реализации юридических гарантий прав граждан и организаций на всех трех этапах развития нотариального

³³ Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2021 № 40-П «По делу о проверке конституционности статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Республики Татарстан и жалобой гражданина В.В. Сторублевцева» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. Адрес: <http://doc.ksrf.ru/decision>.

правоотношения с целью достижения законодательно установленной цели – защита прав и законных интересов.

- в-четвертых, лица, в отношении которых совершается нотариальное действие, имеют определенные процессуальные права (например, право требовать от нотариуса разъяснения им последствий совершаемых нотариальных действий, содействия в их осуществлении, право на предоставление им переводчика и т.п.)

- в-пятых, срочность нотариальных правоотношений. Нотариальные действия совершаются оперативно и наличие 10 дневного срока на судебное обжалование как период вступления в силу.

Таким образом, нотариальная форма защиты прав может осуществляться: посредством юридического подтверждения и закрепления гражданских прав в целях предупреждения их возможного нарушения в будущем – «превентивное правосудие», а также посредством защиты уже нарушенного права (например, при выдаче исполнительной надписи). По своим внутренним характеристикам нотариальное производство не уступает гражданскому судопроизводству и как несудебная юрисдикция способна составить ему конкуренцию в целях недопущения спора о праве.

В завершение следует выделить юридические гарантии нотариальной формы защиты прав как основа развития нотариальной деятельности и ее конкурентное юрисдикционное преимущество.

К их числу относятся:

- 1) процессуальные формы осуществления прямого судебного контроля;
- 2) меры охраны прав граждан и организаций при обжаловании нотариальных действий либо отказа в их совершении;
- 3) меры стимулирования инициативного исполнения результата нотариального производства;
- 4) процессуальные формы исполнения нотариального действия как результата нотариального производства.

Плотников Дмитрий Александрович,
к.ю.н., доцент кафедры гражданского
права и процесса ФГБОУ ВО «Вятский
государственный университет»,
Российская Федерация

ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКОВОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ В УСЛОВИЯХ УПРОЩЕНИЯ И УСКОРЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Исковое производство составляет основу гражданского судопроизводства. В юридической литературе иску и исковой форме защиты посвящено множество научных трудов [1]. Несмотря на то, что среди ученых нет единого подхода о сущности исковой формы защиты, следует констатировать, что именно исковая форма защиты выступает универсальным средством рассмотрения споров о

праве между участниками гражданского судопроизводства. В порядке искового производства рассматривается большинство гражданских дел самой различной тематики (семейные споры, трудовые споры, жилищные споры, наследственные споры, гражданские споры, дела о защите прав потребителей и т.д.). Так, по итогам 2022 г., гражданские дела искового производства, рассмотренные областными и равными им судам, составили 97,2 %, или 3,2 тыс. дел, от общего числа оконченных производством гражданских дел (3,3 тыс.), дела особого производства – 2,8 %, или менее 0,1 тыс. дел.; гражданские дела искового производства, рассмотренные районными судами, составили 92,7 %, или почти 2 млн 734 тыс. от общего числа оконченных производством гражданских дел, дела особого производства – 7,0 %, или 206,8 тыс. дел. [2].

Вопрос о том, следует ли рассматривать искомое производство как универсальную гражданскую процессуальную форму или допускать наряду с ним существование иных судебных процедур (видов гражданского судопроизводства), выступает предметом научных споров не одно десятилетие.

В начала XX века В.Л. Исаченко отмечал, что деятельность гражданского суда может быть двоякой: защитить и восстановить нарушенное право (исковое или спорное производство) или признать и удостоверить, что такое право бесспорно принадлежит носителю (судопроизводство охранительное) [3; 3 стр.].

В дальнейшем в учебнике 1917 г. Е.В. Васьковского отмечено, что под воздействием влияния иностранного законодательства законом от 02 июня 1914 г. уничтожены различия между общим и сокращенными порядками. В результате дается анализ одного общего порядка производства и целого ряда особенных производств (порядки частный, принудительный, исполнительный) [4; 201 стр.]. Кроме того, раскрывается суррогат искового производства (третейский суд), а также неисковые производства (охранительное, конкурсное, судебное-межевое производство).

В советский период наряду с иском и особым (охранительным) производством появляются работы по обоснованию третьего вида гражданского судопроизводства. В 1966 г. А.Т. Боннер представил теоретическое обоснование по отнесению дел, вытекающих из административно-правовых отношений, в самостоятельный вид гражданского судопроизводства наряду с иском и особым производством, указывая на принадлежность к гражданскому судопроизводству [5; 5 стр.].

В 1973 г. Д.М. Чечот писал, что «каждый вид судопроизводства представляет собой порядок рассмотрения определенной группы гражданских дел, которые характеризуются сравнительно единой материально-правовой природой. Материально-правовая природа дел накладывает свой отпечаток на средства, способы защиты и особенности судебной процедуры в каждом «из видов судопроизводств»; «материально-правовая природа определенной группы споров обуславливает особые формы, средства, способы защиты и тем самым отнесение этой группы споров к соответствующему виду производства. Не ограничиваясь этим, она продолжает оказывать влияние на порядок рассмотрения дела, что может в свою очередь вызвать необходимость установления некоторых процессуальных особенностей рассмотрения дела уже в пределах вида судопроизводства» [6; 77, 78 стр.].

При принятии Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГПК РФ) законодатель исходил из необходимости рассмотрения дел в порядке искового, приказного, особого производства, а также производства по делам, возникающим из публичных правоотношений. Но по мере развития отечественной судебной системы возникала необходимость совершенствовать процедуру рассмотрения гражданских дел. В результате производство по делам, возникающим из публичных правоотношений, было исключено из ГПК РФ в 2015 г. в связи с принятием Кодекса административного судопроизводства РФ. Однако на этом законодатель не стал останавливаться и определил дальнейшее развитие гражданского процессуального законодательства посредством упрощения и ускорения судопроизводства.

С 2016 г. в структуре ГПК РФ появляется глава 21.1 «Упрощенное производство» по аналогии с арбитражным судопроизводством. В частности, в разделе III Постановления Президиума Совета Судей РФ от 25.02.2016 г. № 489 «Об итогах обобщения предложений по оптимизации судебной нагрузки» указано, что «принимая во внимание, что традиционная процессуальная форма в некоторых случаях затягивает и усложняет процесс, особенно по незначительным материальным спорам и делам, где ответчик не проявляет интереса к разбирательству, предлагается введение в гражданский процесс упрощенной формы производства по определенным категориям дел».

Стремление по дальнейшему упрощению судопроизводства отражено в Постановлении X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 № 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации», в соответствии с которым съезд поддерживает законодательные инициативы судейского сообщества и Верховного Суда Российской Федерации об установлении внесудебной процедуры взыскания налоговой задолженности с физических лиц и о расширении сферы применения приказного и упрощенного производства по гражданским делам и экономическим спорам.

В докладе Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева по итогам 2022 года констатировано, что «оптимизация судебной нагрузки обеспечивается широким применением судами процедур упрощенного и приказного производства, потенциал которых в настоящее время в полной мере не реализован, и Верховным Судом РФ внесены в Государственную Думу проекты федеральных законов о повышении суммы требований, которые рассматриваются судами в этих процедурах».

Среди причин необходимости дальнейшего упрощения гражданской процессуальной формы можно назвать постоянный рост судебных дел в судах общей юрисдикции. Так, по данным, представленным на ежегодной конференции судей в феврале 2023 г., если количество дел в судах общей юрисдикции в 2019 г. составляло 19 млн. 582 тыс., то по итогам 2022 г. данная цифра составила 25 млн. 694 тыс. (т.е. за три года прирост составляет более 31 %). При этом пропорционального увеличения количества ставок судей не осуществляется. Более того, выступая на пленарном заседании Совета судей РФ 5 декабря 2023 г. В.М. Лебедев обратил внимание на то, что «в гражданском судопроизводстве объем работы судов увеличился на 2 млн. 60 тыс. дел или на 11%. Оптимизации судебной нагрузки по гражданским делам будет

способствовать в том числе повышению суммы требований, которые рассматриваются в порядке упрощенного производства, со 100 тыс. до 500 тыс. руб.» [7]. Следовательно, при относительной стабильности количества ставок судей неизбежно возрастает судебная нагрузка из расчета на одного судью. Решение указанной проблемы Верховный Суд РФ видит в модернизации процедуры рассмотрения отдельных категорий гражданских дел, исключая их из традиционной исковой в ускоренные и упрощенные формы рассмотрения дел.

Из выступлений Председателя Верховного Суда РФ [8; 9; 10] за 2023 г. можно заметить четко обозначенный вектор развития современной судебной политики – снижение судебной нагрузки за счет уменьшения трудозатрат на рассмотрение конкретного гражданского дела. Достижение указанной цели обеспечивается переводом из статуса классического гражданского дела с разветвленной системой юридических гарантий для сторон спора в категорию «эконом-класса», что предполагает исключение или частичное применение юридических гарантий. Вместе с этим перед судебским корпусом и научным сообществом возникает вопрос о том, насколько проводимая судебная политика по упрощению и ускорению гражданского судопроизводства создает угрозу традиционному исковому производству.

Несмотря на тенденцию упрощения рассмотрения гражданских дел именно исковое производство с участием сторон в формате офлайн выступает основной и приоритетной формой разрешения правовых конфликтов. В отличие от арбитражного в гражданском судопроизводстве воспитательная функция правосудия имеет большую степень проявления, связанную с непосредственным общением сторон-физических лиц с судьей. В 1972 г. Н.А. Чечина отмечала, что для усиления роли судов в воспитании граждан необходимо: а) разработать и ввести некоторые правила относительно состава судов, обратив особое внимание на воспитание и подготовку судей, нравственные начала ведения судебных процессов; б) обеспечить применение правил судопроизводства, которые стали бы действенными средствами воспитания лиц, участвующих в процессе, особенно представителей коллективов трудящихся или общественных организаций, а также широких слоев населения [11; 11 стр.]. К сожалению, совершенствование искового производства посредством постепенного внедрения ускоренных форм судопроизводства приводит к вымыванию воспитательного характера со стороны судебского сообщества на участников гражданского судопроизводства. Многие граждане воспринимают суд не как вершителя закона, а, в первую очередь, как представителя справедливости. Именно оттого, как суд сумеет выстроить формат рассмотрения гражданского дела, зависит принятие или, наоборот, отторжение вынесенного судебного решения. В связи с указанным обстоятельством тренд в судебной политике на минимизацию общения судьи с конкретным участником гражданского судопроизводства решает исключительно математическую задачу по формальному рассмотрению дела и исключает решение одной из задач гражданского судопроизводства, сформулированной в ст. 2 ГПК РФ – укрепление законности и правопорядка, предупреждение правонарушений, формирование уважительного отношения к закону и суду.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что проводимая судебная политика по упрощению гражданской процессуальной формы в настоящее время имеет фрагментарное регулирование, направлена на статистическое решение вопроса рассмотрения гражданских дел. При этом следует признать, что в настоящее время в недостаточной степени внедрен риск-ориентированный подход при осуществлении упрощения гражданской процессуальной формы, не определены критерии её эффективности. Это, в свою очередь, порождает неопределенность в целевых установках указанных изменений, вызывает определенную степень сомнения в целесообразности подобной судебной политики. Фактически можно наблюдать конкуренцию между судебной политикой и гражданским процессуальным правом как объективным явлением. При этом, проводимая судебная политика не в полном объеме учитывает константы (ядробразующие элементы) системы гражданского процессуального права) - функции, цель, задачи, принципы гражданского процессуального права. Следовательно, можно говорить о формировании нового элемента системы гражданского процессуального права – судебная политика, выступающая вектообразующим фактором совершенствования гражданского процессуального законодательства.

Список использованных источников:

1. Право на иск / д-р юрид. наук М. А. Гурвич; Акад. наук СССР. Ин-т права. – Москва; Ленинград: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949 (Москва). – 216 с.; Гальпер Э. С. Иск как процессуальное средство судебной защиты права в советском гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Юрид. фак. – Москва: 1955. – 16 с.; Клейнман А.Ф. Основные вопросы учения об иске в советском гражданском процессуальном праве: Учебное пособие для слушателей фак. заоч. обучения / Д-р юрид. наук, проф. А. Ф. Клейнман; Вышш. школа МВД СССР. Кафедра гражданского права и процесса. – Москва: 1959. – 24 с.; Добровольский А.А. Исковая форма защиты права: (Основные вопросы учения об иске). – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1965. – 190 с.; Добровольский А.А. Основные проблемы исковой формы защиты права. – Москва: Изд-во МГУ, 1979. – 159 с.; Осокина Г.Л. Проблемы иска и права на иск: автореф. дис. ... доктора юридических наук. – Том. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева. – Томск, 1990. – 44 с.; Исаенкова О.В. Иск и его характерные черты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1996. – 19 с.

2. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2022 году // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации http://www.cdep.ru/userimages/Obzor_o_rassmotreNii_del_sudami_obschey_yurisdiktsii_v_2021_godu.pdf (дата обращения – 30.11.2023).

3. Русское гражданское судопроизводство: Практ. руководство для студентов и начинающих юристов / Сост. тов. обер-прокурора Гражд. кассац. деп. Правительствующего сената В.Л. Исаченко. Т. 1-2. – Минск : типо-лит. Б.И. Соломонова, 1901-1902. – 160 с.

4. Учебник гражданского процесса / Е.В. Васьковский. – 2-е изд., перераб. – Москва: Бр. Башмаковы, 1917. – 429 с.
5. Боннер А.Т. Производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1966. – 18 с.
6. Чечот Д.М. Административная юстиция (теоретические проблемы) // / Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. – 132 с.
7. Доклад Председателя Верховного Суда России выступил на пленарном заседании Совета судей РФ // URL: https://www.vsrp.ru/press_center/news/33194/ (дата обращения – 20.12.2023).
8. Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации Вячеслава Михайловича Лебедева по итогам 2022 года // URL: https://www.vsrp.ru/press_center/news/32142/ (дата обращения 20.05.2023).
9. Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации Вячеслава Михайловича Лебедева на XVIII Совещании председателей Верховных судов государств-членов ШОС 11 марта 2023 г. // URL: https://www.vsrp.ru/press_center/news/32259/ (дата обращения 22.05.2023).
10. Выступление Председателя Верховного Суда РФ Вячеслава Михайловича Лебедева на пленарном заседании Совета судей РФ 23 мая 2023 г. URL: https://www.vsrp.ru/press_center/news/32458/ (дата обращения 23.05.2023).
11. Воспитательная функция советского гражданского процессуального права / Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. – 112 с.

Тулеев Кайрат Даркебаевич,
основатель РОО «МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЦЕНТР МЕДИАЦИИ», эксперт и главный
тренер RPA ИМС, РОО «Национальный центр
практикующих юристов», Тюркского центра
беспорных сделок, переговоров и
медиации при Аппарате МАЦ МФЦА

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СУДУ СПОСОБЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

На медиацию необходимо смотреть в общем русле деятельности государства и признать, что данный новый институт является неотъемлемой частью права, а именно элементом защиты системы защиты гражданских прав. Тем более, что за 12 лет действия Закона РК «О медиации», практика применения процедур медиации при урегулировании гражданских взаимоотношений, показала свою эффективность. Таким образом, считаю, что у правообладателя появляется выбор регулятора общественных взаимоотношений.

Если выбор правообладателей выпал на урегулирование спора с помощью судебной системы, то здесь работают нормативные правовые акты,

регламентирующие деятельность судов. Суды берут на себя ответственность за выносимые судебные решения и у правообладателей есть право обжаловать их решения, которым неудовлетворенная сторона непременно воспользуется. Также в судебном разбирательстве участвуют адвокаты (частнопрактикующие юристы), представляющие интересы сторон спора и, которые являются узкопрофильными специалистами, видящими разрешение споров только в юридической плоскости, в прочем выполняя свою прямую функцию. Но, юридическое право работает только в интересах одной стороны спора и проигравшая сторона, как раз оказывается неудовлетворенной. То, есть причина конфликта не устраняется и, обе стороны остаются враждебно настроенными по отношению друг к другу.

Однако, если правообладатели выбирают урегулирование спора с участием медиатора то, в этом случае вся ответственность за совместно принятые решения ложится на самих участников такой процедуры. По сути, медиация соткана из элементов традиций, обычаев, менталитета народа. В основе любого урегулирования споров, лежит переговорный процесс между сторонами, который идет на простом и понятном для них языке, без участия государства, адвокатов, где стороны сами договариваются о сроках и санкциях в отношении друг к друга, с учетом разумности принимаемых решений. По состоянию на 30 сентября 2023 года судьями примирителями суда города Астаны проведено 5701 процедур медиации, по которым добровольно исполнено 5163, что составило 91%, а по 538 медиативным соглашениям выписаны исполнительные листы на принудительное исполнение обязательств, согласно медиативным соглашениям. Это говорит о высокой эффективности данного способа урегулирования споров.

Медиаторами одного только республиканского общественного объединения «МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР МЕДИАЦИИ» по состоянию на 01 декабря 2023 года проведено 470 тыс. успешных процедур медиации в Республике Казахстан и 3000, с участием юридических и физических лиц из 23 стран мира. Причем имело место событие, когда представители крупного бизнеса двух стран местом проведения процедуры медиации выбрали Астану, с участием медиаторов РОО «МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР МЕДИАЦИИ».

Практика применения медиации в Казахстане обширна. Так, в февральский день женщина зашла в магазин. В связи с тем, что технический работник магазина не успела вовремя убрать снег с кафельного пола, покупательница поскользнулась и при падении получила травмы в виде ушибов и перелома плечевой кости. Как результат: операция, потеря работоспособности на длительный срок, ожидалась повторная операция с целью снятия металлических спиц. Женщина подала претензию руководству магазина и потребовала денежную компенсацию, в том числе за моральный вред. Юристы головного офиса не согласились с суммой требований и стороны готовились к судебному разбирательству. Однако, обе стороны дали согласие на участие в процедуре медиации. В результате переговоров с помощью медиатора, стороны спора сошлись на справедливой цене, которая удовлетворила обе стороны. Таким образом, конфликт был урегулирован и пострадавшая покупательница отказалась от обращения в суд.

Другая практика: Родственники пол-года не могли в судебном порядке урегулировать спор по разделу наследства (имущества) и переговоры медиатора со сторонами помогли разрешить спор в течение нескольких минут, о чем было составлено медиативное соглашение.

Ещё один кейс. Строительная компания при строительстве многоэтажного здания привлекла к работе стороннего специалиста для осуществления определенных работ. Согласно техники безопасности на высоких этажах должны выполнять работы десять работников. Но, сторонний специалист был оставлен на 8 этаже один. В этот момент, одна из плит перекрытия сорвалась и повалилась вниз, увлекая за собой стороннего специалиста. При падении на землю с 8 этажа, человек чудом остался жив, но при этом он получил тяжелые травмы, в том числе серьезную травму головы. В последствии, пострадавший в любой момент неожиданно теряет сознание. Как результат: потеря работоспособности, ожидается длительное лечение с большими затратами, семья временно теряет кормильца, малолетние дети остаются без источника к существованию. Претензии и требования родственников о сумме материальной компенсации в полном объеме, компания считала не приемлемой. Начались досудебные разбирательства, по результатам которых обе стороны согласились на урегулирование спора с помощью медиатора. Итогом досудебного урегулирования в порядке медиации стало признание руководством компании своей вины. Стороны сошлись на том, что компания согласилась выплатить пострадавшему 100 миллионов тенге, а также взять на содержание малолетних детей работника, до восстановления им работоспособности. Не это ли эффективное урегулирование спора (конфликта) с отказом от обращения в суд?!

Альтернативное суду урегулирование споров не просто становится актуальным, а обретает планетарные масштабы. Именно становление и развитие института медиации, её особенности и формирование новой модели регулирования общественных отношений, дали возможность рассмотрения данного способа урегулирования конфликтов во всех сферах общественной жизни.

Грибов Николай Дмитриевич,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
Российская Федерация

НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дореволюционный правовед А. Ф. Кони, применительно к уголовному судопроизводству, указывал, что справедливость должна находить выражение в законодательстве, которое тем выше, чем глубже всматривается в жизненную правду людских потребностей и возможностей и в правосудии, осуществляемом судом, который тем выше, чем больше в нем живого, а не формального

отношения к личности человека [1; 20 стр.]. Данные слова обладают актуальностью и для цивилистического процесса. На чаше весов Фемиды могут находиться жизненно важные права человека. Например, право на труд, право на защиту личных данных, право на социальное обеспечение и другие, включая рассмотрение вопросов интересов ребенка. Без соблюдения определенных минимальных процессуальных гарантий для лиц, участвующих в деле, право на справедливое судебное разбирательство будет считаться нарушенным. Поэтому задача государства и судебной системы обеспечить воплощение в объективной реальности определенных нравственных идеалов, заложенных в категории правосудие.

Нравственность – понятие субъективное и зависит от внутреннего представления индивида о правильном или неправильном, справедливом или несправедливом, а также включающая совокупность правил поведения, вытекающих из этих представлений. Именно через категорию нравственности формируется уровень доверия к судебной системе. Индивид, обращаясь в суд, стремится получить определенные гарантии и защитить свое право. Когда процесс в суде не отвечает внутренним ожиданиям субъекта, то падает доверие к судебной системе, что нельзя допускать. Поэтому важное значение имеют, как нравственно-процессуальные нормы, устанавливающие основы социального отправления правосудия, так и применение, толкование материальных законов в соответствии с внутренним убеждением судьи, основанном на высоких стандартах эмпатии и морали.

В нравственно-процессуальные нормы, выделяемые автором настоящей работы, входят принципы процесса и нормы, закрепляющие оценочные понятия. Именно через них инкорпорируются те нравственные начала, которые сложились в обществе.

В российском цивилистическом судопроизводстве можно выделить идеи сотрудничества, добросовестности, разумности, право на справедливое судебное разбирательство, публичный интерес, через которые субъективные нравственные начала субъектов процессуальных отношений влияют на имплементацию соответствующих положений закона.

Российское процессуальное право закрепляет обязанность участников процесса действовать *добросовестно*. Хотя именно принцип добросовестности не обозначен в процессуальных кодексах, но учитывая его общий характер для всех отраслей права, обусловленный закреплением запрета реализовывать права во вред других лиц в Конституции Российской Федерации, можно говорить о его действии и в процессе.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что нормы, регламентирующие осуществление участниками гражданских правоотношений принадлежащих им прав, а также исполнение ими обязанностей, должны интерпретироваться и применяться в свете принципа добросовестности. Требование о добросовестном поведении распространяется, в силу своей универсальности, на любое взаимодействие между субъектами права во всех сферах жизнедеятельности [2].

Соответственно все процессуальные распорядительные действия субъектов процессуальных отношений суд должен проверять на критерий их

добросовестности. Правовым последствием выявления недобросовестного поведения в форме злоупотребления правом, когда причиняется вред интересам других лиц или судебной системе, или в целом обществу, является наложение судебного штрафа, распределение судебных издержек или отказ в удовлетворении процессуального ходатайства. За само недобросовестное поведение, выступающее просто процессуальной недисциплинированностью, процессуальные санкции не могут следовать. Например, стороны вправе представлять или не представлять доказательства, поэтому несовершение подобных действий со стороны участника процесса является законным правовым поведением, но одновременно не отвечает критериям нравственности, поскольку идеальный участник правоотношений будет использовать все правовые средства для доказывания своей позиции по делу. Однако, если сторона скрывает доказательства, то суд вправе оценить подобное в качестве злоупотребления правом, так как имеются все элементы процессуального правонарушения, включая вред противоположной стороне и недостижение судебной истины по делу.

Следующей нравственной обязанностью выступает обязанность сторон *сотрудничать* при отправлении правосудия. Эту обязанность в некоторых государствах выделяют в качестве принципа гражданского и хозяйственного процессов. Сотрудничество при состязательных началах цивилистического судопроизводства обозначает, что лица, участвующие в деле, должны в максимальной степени способствовать мирному разрешению спора или более быстрому и правильному рассмотрению дела. Если невозможно добиться консенсуального урегулирования в целом, участники процесса должны использовать все разумные возможности для уменьшения количества оспариваемых вопросов до вынесения решения.

Добросовестность и сотрудничество взаимодействуют между собой. Так, в российском процессе не допускается ложь со стороны как лиц, участвующих в деле, так и со стороны лиц, содействующих осуществлению правосудия. Для последней группы предоставление ложных сведений выступает основанием привлечения к уголовной ответственности, что прописано в законодательстве. Для сторон такая ответственность не зафиксирована. Однако Верховный Суд Российской Федерации, толкуя обязанность пользоваться правами добросовестно, стал рассматривать ложь, как вид злоупотребления правом или недобросовестного поведения, влекущее пересмотр дела по вновь открывшимся обстоятельствам [3]. Подобная позиция положительно оценивается автором настоящего исследования, так как направлена на реализацию нравственности в цивилистическом судопроизводстве и самое главное на защиту прав субъекта правовых отношений.

Третьей нравственной идеей в цивилистическом судопроизводстве выступает *справедливость*. Именно с позиции справедливости большинство субъектов оценивают деятельность суда и его решение по конкретному делу. При чем справедливость в социальной психологии выделяется в качестве когнитивное искажения, именуемого «Иллюзия справедливости». Оно заключается в том, что вера в справедливость – это иррациональное убеждение, что все люди рано или поздно получают по своим заслугам [4]. Поэтому когда

решение суда не соответствует внутренней справедливости конкретного субъекта, то он теряет доверие к судебным органам, хотя, например, судебный акт отвечает требованиям законности и обоснованности. Поэтому, на взгляд автора, термин справедливость является аморфным понятием, которое для его правильной трактовки должно иметь сугубо юридическое содержание. С позиции права в него следует включать следующие аспекты: право на доступ к суду и право на обращение в суд, право на правильное рассмотрение дела, право на рассмотрение дела независимым, беспристрастным и объективным судом, созданным на основании закона, право на предоставление равных условий участникам судебного разбирательства, право участников процесса на представление суду доказательств, их объективная допустимость и оценка, право на публичность судебного разбирательства, право на получение мотивированного судебного решения, право на обжалование судебного решения, право на окончательное и стабильное судебное решение, право на рассмотрение дела в разумный срок, право на исполнение судебного решения. Соответственно нарушение одного из элементов будет выступать констатацией нивелирования справедливости в цивилистическом судопроизводстве.

Исходя из данного умозаключения, требование соблюдения справедливости возлагается на суд, а не на других участников процессуальных отношений. Именно судья обязан следить за соблюдением формы разбирательства, сроками, гласностью, оказывать содействие в сборе доказательств и совершать иные процессуальные действия, направленные на благо социума. Остальные участники процесса должны соблюдать концепт сотрудничества и добросовестности при реализации распорядительных процессуальных действий.

Разумность российским судом применяется при определении (1) размера возмещения судебных расходов на оплату услуг представителя и при (2) установлении продолжительности процессуальных сроков. Так, в пункте 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 5 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» установлено, что срок для исправления недостатков жалобы, представления суду первой инстанции следует назначать с учетом реальной возможности их устранения, времени, необходимого на отправку и доставку почтовой корреспонденции, исходя из территориальной удаленности от суда места жительства или места нахождения лица, подавшего жалобу, а также с учетом иных обстоятельств [5]. Тем самым, судья определяет баланс между реализацией прав лиц, участвующих в деле, и соблюдением процессуальной экономии.

Разумность расходов на оплату услуг представителя направлена на оптимизацию сумм возмещаемых расходов для обеспечения прав сторон на доступ к правосудию, чтобы участник процесса, в пользу которой вынесен судебный акт, не мог в значительной степени обогатиться за счет противоположной стороны. Благодаря этому обеспечивается реализация идей равенства и нивелирование препятствие обращения в суд для граждан, которые могут опасаться чрезмерного взыскания с них судебных издержек.

Пятой нравственной категорией выступает *публичный интерес*, направленная на возможность благополучного существования общества и государства. Эта категория проявляется по-разному при применении различных институтов российского процессуального права. Так, при апелляционном рассмотрении спора суд второй инстанции обладает полномочием выйти за пределы апелляционной жалобы в целях защиты интересов законности, то есть, для соблюдения публичного интереса. Другой пример, при рассмотрении заявления о принудительном исполнении решения иностранного суда, где суд отказывает в удовлетворении заявления, если исполнение решения может нанести ущерб суверенитету Российской Федерации или угрожает безопасности Российской Федерации либо противоречит публичному порядку Российской Федерации, то есть, по факту нарушает публичные интересы. Применяя данную категорию суд руководствуется интересами конкретного заявителя и социума и определяет, что более рационально: отступить от интересов общества в пользу защиты конкретного субъекта или наоборот защитить интересы неопределенного круга лиц. Решение данного вопроса зависит от нравственных идеалов конкретного судьи. В идеальном варианте он должен постараться найти золотую середину между субъективными и общественными интересами. Но подобное в объективной реальности определить достаточно трудно. Поэтому приоритетом должны пользоваться благо самого социума, так как именно категория нравственности создана социальной эволюцией для учета интересов прежде всего человечества.

В заключении настоящей работы следует сослаться на обоснованные слова А. А. Тер-Акопова, что право и нравственность явления далеко не совпадающие. Право должно в идеале совпадать с нравственностью, его нужно постоянно приводить в соответствие с этим идеалом, снимать противоречия. И в этом его стратегический путь развития [6; 493 стр.]. Применительно к цивилистическому судопроизводству это выражается в том, что законодательство должно двигаться не по пути распространения упрощенного порядка на все большее число дел в угоду снижения судебной нагрузки, а путем развития электронного правосудия и снижения социальных, образовательных и иных барьеров для допуска к правосудию. Процессуально-нравственные категории справедливого рассмотрения дела, сотрудничества, добросовестности, разумности, публичного интереса – это одни из краеугольных камней процесса, без которых недостижимо реализация верховенства права и защита прав человека.

Список использованных источников:

1. Артемов В.М. Нравственность и право: будущему юристу: бакалавру, магистру и аспиранту: учебное пособие - Москва: Проспект, 2018.
2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2022 года № 59-П.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел».
4. Филатов А. Психодиагностика: ловушки и иллюзии мозга. М.: АСТ. 2022. 800 с.

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 5 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции».

6. Тер-Акопов А.А. Нравственность и право [Текст]: избранное: (к 75-летию со дня рождения). Москва: Юрлитинформ, 2015.

Соловьева Татьяна Владимировна,
д.ю.н., профессор кафедры гражданского
процесса ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»,
Российская Федерация

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Гражданское судопроизводство Российской Федерации находится в состоянии непрерывного совершенствования в целях формирования эффективного порядка предоставления судебной защиты прав и интересов заинтересованных субъектов. Повышение качества осуществления правосудия и совершенствование судебной защиты прав и законных интересов граждан и организации названы в качестве целей Программы развития судебной системы на 2013-2024 г.г. [1]. Достичь указанные цели возможно путем оптимизации гражданского судопроизводства.

Оптимизация гражданского судопроизводства определяется учеными дифференцировано. Например, Е.А. Царегородцева определяет оптимизацию гражданского судопроизводства как «создание механизма рассмотрения и разрешения гражданского дела, предоставляющего выбор наилучшего пути достижения целей и задач правосудия» [2; 6 стр.], и, в продолжение автор обосновывает необходимость выделения широкого и узкого аспекта понимания оптимизации, где «широкий подход оптимизации не исчерпывается процессуальными средствами и включает в себя также организационно-правовые аспекты. Узкое понимание предполагает совершенствование институтов и норм процессуального законодательства и правоприменительной практики, позволяющих наилучшим образом достичь выполнения задач судопроизводства» [2; 6 стр.]. В свою очередь В.В. Шпак, предлагает рассматривать оптимизацию как функцию органов законодательной и судебной власти, где содержанием функции оптимизации законодательной власти «выступает внесение изменений в действующие нормативно-правовые акты, принятие новых нормативно-правовых актов в сфере гражданского судопроизводства, отмена устаревших нормативно-правовых актов, содержащих гражданские процессуальные нормы, а также систематизация действующего гражданского процессуального законодательства» [3; 8 стр.], а содержанием функции оптимизации судебной власти – «разъяснение действующего гражданского процессуального законодательства на основе данных судебной

практики в целях преодоления имеющихся коллизий и пробелов гражданского процессуального законодательства» [3; 8 стр.].

Не вдаваясь в научную дискуссию, в общем можно определить оптимизацию гражданского судопроизводства как выработку такого процесса рассмотрения и разрешения гражданских дел судами общей юрисдикции, результатом которого является предоставление судебной защиты нарушенных прав и интересов в полном объеме своевременно с минимальными временными и материальными затратами суда и участников гражданских процессуальных правоотношений.

Оптимизация осуществляется различными способами и приемами, в том числе, отражающими основную тенденцию совершенствования гражданского процессуального законодательства, направленную на упрощение гражданского судопроизводства.

Мнения ученых относительно упрощения судопроизводства неоднозначны. Сторонники упрощения судопроизводства говорят о том, что оно позволяет ускорить процесс рассмотрения и разрешения дел, снизить нагрузку на судей [4, 5]. Противники упрощения судопроизводства полагают, что в такой ситуации права заинтересованных лиц не могут быть реализованы в полном объеме, ограничено действуют отдельные принципы, а также в целом не соблюдается гражданская процессуальная форма [6, 7, 8]. Несмотря на противоположные позиции ученых, полагаем что упрощение, все-таки, является основной тенденцией развития гражданского судопроизводства и осуществляется в различных направлениях и дифференцированными способами. Рассмотрим некоторые из них.

Во-первых, в 2013 году мировым судьям была предоставлена возможность выносить итоговое решение без мотивировочной части [9]. По общему правилу судебное решение должно иметь в своем содержании вводную, описательную, мотивировочную и резолютивную части (ст. 198 ГПК РФ). При этом, мотивировочная часть имеет первостепенное значение для обоснования выводов суда, т.к. в ней должны содержаться фактические обстоятельства, законы, мотивы и выводы суда. Однако, внесение данных изменений было вызвано необходимостью сокращения судебной нагрузки на мировых судей.

Во-вторых, в 2016 году в содержание ГПК РФ был введен новый порядок рассмотрения и разрешения исковых дел – «упрощенное производство» [10]. Упрощенное производство представляет собой подвид искового производства, а именно, такой порядок разрешения заявленных спорных требований, в котором судья единолично изучает представленные сторонами доказательства и рассматривает материалы дела без проведения судебного заседания и вызова сторон. В свою очередь, судебное решение как итог дела, рассмотренного и разрешенного в упрощенном порядке, принимается путем вынесения резолютивной части, что отражает суть данного порядка.

В-третьих, в 2017 г. из содержания ГПК РФ был исключен принцип непрерывности судебного разбирательства [11]. Данный принцип исключал возможность у судей рассматривать и разрешать дела в перерывах до вынесения решения по конкретному делу. Принцип непрерывности неоднократно подвергался критике как со стороны ученых, так и практикующих юристов. Его

существование не отражало фактическую сторону гражданского судопроизводства, т.к. с учетом большой нагрузки на судей, данный принцип был лишь формальностью. Он действительно утратил свое значение с течением времени. Исключение принципа непрерывности позволило судьям после окончания перерыва повторно не рассматривать доказательства, которые были исследованы ранее.

В-четвертых, в 2018 г. законодатель изменил подход к процедуре разрешения отводов [12]. Если ранее для разрешения вопроса об удовлетворении / отказе в удовлетворении ходатайства об отводе судья должен был удалиться в совещательную комнату и принимать определение, то в настоящее время данный вопрос разрешается судьей самостоятельно без удаления в совещательную комнату путем вынесения мотивированного протокольного определения (ч.2 ст. 20 ГПК РФ). «Побуждением для изменения законодателем действующего порядка отвода судьи явились: унификация гражданского и арбитражного процессуального законодательства; оптимизации процедуры отвода; реализация принципов независимости суда, процессуальной экономии и повышения эффективности правосудия» [13].

В-пятых, упрощением судопроизводства выступает и активное использование примирительных процедур для урегулирования споров. Законодательное начало данному институту было положено в 2010 г., когда в тексте ГПК РФ появился термин «медиация» [14]. Затем, в 2019 г. произошло конструктивное изменение ГПК РФ, связанное с закреплением в качестве задачи гражданского судопроизводства способствование суда мирному урегулированию спора, а также особенностей применения примирительных процедур. В содержание ГПК РФ была введена глава 14.1. «Примирительные процедуры. Мирное соглашение» [15], в которой были определены основные виды примирительных процедур, принципы примирения сторон спора, порядок, сроки и результаты примирительных процедур, а также требования, предъявляемые к мировому соглашению и порядок его утверждения судом. Новеллой для гражданского судопроизводства выступила обозначенная процедура судебного примирения, где основным субъектом выступает судебный примиритель (судья в отставке).

Помимо названных изменений, связанных с упрощением процесса предоставления судебной защиты, необходимо отдельно выделить комплексное направление, связанное с внедрением в гражданское судопроизводство интернет-технологий. Отметим, что интернет-технологии входят в судопроизводство достаточно давно, но постепенно, с учетом особенностей судопроизводственной деятельности. Первым шагом в направлении информатизации судопроизводства выступила предоставленная в 2012 г. возможность смс-информирования участников гражданского судопроизводства [16]. Позднее, в 2013 г. Законодатель допустил возможность проведения судебных заседаний и совершения отдельных процессуальных действий посредством видеоконференц-связи (ст. 155.1 ГПК РФ) [17]. В 2016 г. стало возможным обращение в суд посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте соответствующего суда в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" (ч.6 ст. 131 ГПК РФ) [18]. В 2021 г.

учитывая, что проведение судебных заседаний только посредством использования видеоконференц-связи вызвало определенные технические сложности, содержание ГПК РФ было дополнено статьей, предусматривающей возможность проведения судебных заседаний с использованием веб-конференции (ст. 155.2 ГПК РФ) [19]. И, на сегодняшний день самым последним значительным следствием внедрения интернет-технологий в судопроизводство стало возможным обращение в суд посредством портала «Госуслуги».

Таким образом, перечисленные выше изменения и дополнения, внесенные в ГПК РФ за последние годы, свидетельствуют о непосредственном упрощении порядка рассмотрения и разрешения гражданских дел судами общей юрисдикции, как основной тенденции оптимизации гражданского судопроизводства Российской Федерации.

Список использованных источников:

1. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 14.10.2023) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 - 2024 годы» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1. ст. 13.
2. Царегородцева Е.А. Способы оптимизации гражданского судопроизводства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С.6.
3. Шпак В.В. Оптимизация гражданского судопроизводства. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С.8.
4. Макеева Е. Б. Плюсы и минусы упрощенного производства в арбитражном процессе : взгляд практика // Российский судья. 2020. № 12.
5. Грибанов Ю.Ю. Рассмотрение дел в порядке упрощенного производства в гражданском и арбитражном процессе: сравнительное исследование правовых систем России и Германии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2007.
6. Жилин Г.А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции: Дис. ... докт. юрид. наук в форме научного доклада. М., 2000.
7. Фарафонтова Е. Упрощенное судопроизводство в арбитражном процессе: тенденции развития // Административное право. 2013. № 4. С. 21.-25.
8. Шварц М.З. Систематизация арбитражного процессуального законодательства: проблемы теории и практики применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб. 2004.
9. Федеральный закон от 04.03.2013 № 20-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9. ст. 872.
10. Федеральный закон от 02.03.2016 № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 10. ст. 1319.
11. Федеральный закон от 29.07.2017 № 260-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (Часть I). ст. 4809.
12. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (часть I). ст. 7523.

13. Шилов, А. В. Актуальные проблемы и перспективы развития института отвода судей в гражданском (арбитражном) судопроизводстве / А. В. Шилов // Трансформация российского общества: правовые и социально-исторические аспекты : Материалы всероссийских научно-практических конференций, Хабаровск, 25 мая 2021 года – 27 2022 года / Редакционная коллегия: К.А. Волков (ответственный редактор) [и др.]. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2022. С. 69-75.

14. Федеральный закон от 27.07.2010 № 194-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. ст. 4163.

15. Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 30. ст. 4099.

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 3 (ред. от 25.12.2018) «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 4. 2012.

17. Федеральный закон от 26.04.2013 № 66-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 17. ст. 2033.

18. Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (Часть I). ст. 3889.

19. Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ // «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 1 (Часть I). ст. 9.

Нахова Елена Александровна,

к.ю.н., докторант кафедры арбитражного процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», доцент кафедры гражданского процессуального права СЗФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия,
Российская Федерация

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: БАЛАНС ПРИНЦИПОВ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И СУДЕЙСКОГО РУКОВОДСТВА

«Своевременное и справедливое разрешение дел судами немислимо без судейского руководства, под которым понимаются активные инициативные действия суда в сфере движения дела, познавательной деятельности и

организации процесса» [9; 31 стр.]. Сторонниками выделения указанного принципа являются Э.М. Мурадян [10; стр. 44-46], И.В. Решетникова, В.В. Ярков [12; 98, 104-106 стр.], Д.Г. Фильченко [18; 142-156 стр.], С.В. Лазарев [9; 31 стр.], В.А. Мусин, Н.А. Чечина, Д.М. Чечот [5; 49-50 стр.], Другие исследователи изучали активность суда в рамках других принципов, например, В.М. Жуйков [8; 14 стр.], А.Т. Боннер [6; 64 стр.], А.Ф. Воронов [4], С.А. Филиппов, Т.М. Цепкова [17; 202-208 стр.] и другие. Впервые выделил принцип судейского руководства Е.В. Васьковский [3; 375 стр.]. «В трудах дореволюционных юристов признавалась необходимость сочетания активности и пассивности суда при разрешении дела (Е.В. Васьковский, А.Л. Боровиковский, В.А. Рязановский). Суд должен осуществлять руководство (проявлять активность) как в формальной стороне процесса (формальное руководство), так и материальное руководство. Если первое направлено на обеспечение правомерности, последовательности и быстроты процесса, то второе - на установление материальной правды» [9, стр. 36]. Советский гражданский процесс в связи с господством объективной истины характеризовался практически неограниченной процессуальной активностью суда [13; 127 стр.; 7; 52 стр.; 14; 25-26 стр.]. В настоящее время содержание принципа судейского руководства выводится, например, в арбитражном процессе, так и в других процессах методом толкования норм (ч. 3 ст. 8, ч. 3 ст. 9, ст. 49, ч. 1 ст. 138, ст. 66, ст. 135, ст. 153 и других) [1].

Принцип состязательности закреплен в ст. 12 ГПК РФ, ст. 9 АПК РФ, ст. 14 КАС РФ. В литературе отмечается, что принцип состязательности является «движущей рассмотрению и разрешения дела, принцип судейского руководства направлен на обеспечение справедливости результата судопроизводства. Активность суда *ex officio* не является исключением из принципа состязательности, она направлена обеспечение реального равноправия сторон» [9; 43 стр.]. Инициативные действия суда в познавательной деятельности сводятся (принцип судейского руководства в познавательной деятельности) [11; 527-537 стр.], в том числе, к определению предмета доказывания по делу и распределению бремени доказывания включенных в него фактов.

Представитель осуществляет полномочия, в том числе, и в доказывании, от имени и в интересах представляемого (доверителя). Судебный представитель самым фактом его избрания стороной (что юридически выражается в выдаче полномочий) и допущением судом к участию в деле приобретает по закону право на совершение всех процессуальных действий на основании ст. 54 ГПК РФ, 62 АПК РФ.

Представляется правильным выделить общий и частный механизм распределения обязанностей по доказыванию. Основу общих и специальных правил распределения обязанностей по доказыванию составляет предмет доказывания по делу в целом. При выполнении общей обязанности по доказыванию в исковом производстве доказываются материально-правовые и процессуально-правовые факты правопродуляющего, правоизменяющего, правопрепятствующего и правопрекращающего характера. Частные правила обусловлены локальностью, основу частных правил распределения обязанностей по доказыванию составляет локальный предмет доказывания. По

справедливому утверждению И.В. Решетниковой обстоятельства локального предмета доказывания обычно перечислены в процессуальном законодательстве, бремя доказывания всегда лежит на заявителе ходатайства [15]. Предметом правового регулирования цивилистического процессуального права являются процессуальные правоотношения и процессуальные действия. На факультативность процессуальных действий, их строгое совершение в рамках процессуальной формы указывалось в науке цивилистического процессуального права, в частности, на указанные обстоятельства обращает внимание М.А. Куликова [16]. При выполнении локальной обязанности по доказыванию доказываются процессуально-правовые факты правопроизводящего, правоизменяющего, правопрепятствующего и правопрекращающего характера. Обязанность по доказыванию обстоятельств локального предмета доказывания проявляется в нескольких аспектах: 1) если разрешение того или иного частного процессуального вопроса осуществляется судом в рамках судебного заседания с извещением и участием лиц, участвующих в деле, то обязанность доказывания возлагается на заявителя, иные лица, участвующие в деле, выполняют обязанность по доказыванию путем представления возражений; 2) если разрешение того или иного частного процессуального вопроса осуществляется судом в рамках судебного заседания без извещения и участия лиц, участвующих в деле, то обязанность доказывания возлагается на заявителя. С учетом ранее предложенной классификации фактов локального предмета доказывания а) по функции факта в фактическом составе (правопроизводящие, правоизменяющие, правопрекращающие, правопрепятствующие факты); б) по характеру связи с требованиями (факты основания совершения процессуального действия) и факты основания возражений для совершения процессуального действия; в) по степени конкретизации: (определенные, относительно-определенные, индивидуально-определяемые юридические факты (требующих конкретизации; допускающих конкретизацию; фактов, конкретизация которых недопустима)), частные правила обязанностей по доказыванию распределяются следующим образом: 1) при участии в судебном заседании заинтересованное лицо доказывает факты основания совершения процессуального требования (правопорождающие факты -факты, предоставляющие право заинтересованному лицу для удовлетворения ходатайства (заявления) о совершении процессуального действия), иные заинтересованные лица доказывает факты отсутствия основания совершения процессуального требования, факты наличия процессуальных возражений (правопрепятствующие факты -факты, препятствующие заинтересованному лицу для удовлетворения ходатайства (заявления) о совершении процессуального действия), доказывание осуществляется с соблюдением принципов устности и письменности процесса; 2) при разрешении судом ходатайства без участия лиц, участвующих в деле заинтересованное лицо доказывает факты основания совершения процессуального требования (правопорождающие факты -факты, предоставляющие право заинтересованному лицу для удовлетворения ходатайства (заявления) о совершении процессуального действия) путем предоставления ходатайства и доказательств его обосновывающих только в письменной форме. При этом суд устанавливает относительно-определенные и индивидуально-определяемые факты локального

предмета доказывания с учетом конкретизации права, прав и обязанностей субъектов процессуальных правоотношений.

Говоря о балансе принципа состязательности и судейского руководства в аспекте познавательной деятельности суда и доказательственной деятельности лиц, участвующих в деле, достаточно поддержать высказанное И. В. Решетниковой при формулировании гл. 6 «Доказывание и доказательства» Концепции единого Гражданского процессуального кодекса (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 N 124(1) предложение по совершенствованию действующего процессуального законодательства, а именно закрепить не право, обязанность суда предложить представить дополнительные доказательства, Кроме того, необходимо закрепить не право, а обязанность суда ставить на обсуждение обстоятельства, на которые стороны не ссылались, как на основании своих требований и возражений, тем самым усилить принцип судейского руководства доказательственной деятельностью лиц, участвующих в деле.

Список использованных источников:

1. Арбитражный процесс: Учебник / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий и др.; отв. ред. В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. – 752 с.
2. Баулин О.В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. Дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 394 с.
3. Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса. Том I. Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – М.: Бр. Башмаковых, 1913. 691 с.
4. Воронов А.Ф. Гражданский процесс: эволюция диспозитивности. М., 2007 // СПС «Консультант плюс».
5. Гражданский процесс / Под ред. В. А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. – М., 1999. 480 с.
6. Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М.С. Шакарян. М., 2004. 580 с.
7. Гражданский процесс. М.: Юрид. лит.-ра, 1972. 439 с.
8. Жуikov В.М. Принцип состязательности в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. – 2003. – №6. – С. 14-19.
9. Лазарев С.В. Принцип судейского руководства: история и современность// Принципы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: сборник научных статей / Сост. и ред. Л.В. Войтович. – СПб.: Астерион, 2021. – 522 с. С.31-49.
10. Мурадян Э.М. Истина как проблема судебного права. М., 2002. 287 с.
11. Осокина Г. Л. Курс гражданского судопроизводства России: Общая часть. Томск: Изд-во Томск.ун-та, 2002.
12. Решетникова И.В., Ярков В.В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. – Екатеринбург-Москва, 1999. 302 с.
13. Семенов В. М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. – М.: Юр. лит., 1982. 152 с.
14. Советский гражданский процесс. М.: Высшая школа, 1975. 399 с.

15. Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / под ред. И.В. Решетниковой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 480 с.

16. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве/ под ред. И.В. Решетниковой. 7-е изд., доп. и перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 472 с.; Справочник по доказыванию в административном судопроизводстве / под ред. И.В. Решетниковой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 160 с.

17. Филиппов С.А., Цепкова Т.М. Активность суда и диспозитивность сторон в гражданском процессе // «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики». Актуальные проблемы юридической науки. Материалы X Международной научно-практической конференции. – Тольятти: Изд-во Волжск, ун-та им. В.Н. Татищева, 2013. – С. 202-208.

18. Фильченко Д.Г. Принцип судейского руководства в арбитражном судопроизводстве: Современные принципы гражданского права, гражданского процессуального и арбитражного процессуального права // Юридические записки: Современные принципы гражданского права, гражданского процессуального и арбитражного процессуального права. – Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 2005, Вып. 19. – С. 142-156.

Багыллы Сафура Теймуразовна,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
Российская Федерация

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ДЕЛАМ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Признание юридического лица несостоятельным (банкротом) представляет собой широко известный процесс, основанный на реализации положений Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Круг взаимоотношений, который складывается в рамках судебного процесса по банкротству, в большинстве своём представляет клубок мелких, обособленных споров, берущих начало не всегда в плоскости экономической деятельности участников процедуры. Не редки случаи существования параллельно с судебным делом о банкротстве исков, тесно связанных с последним, в том числе, в судах общей юрисдикции.

Иски об оспаривании сделок, о признании их недействительными, о наследовании доли в обществе, о разделе имущества между супругами, о невыплате алиментов и т.д. – это только маленькая доля видов иска.

Все участники судебного спора о банкротства находятся в состоянии длящегося или затянувшегося конфликта.

При этом не всегда ясен и итог, к которому можно по окончании процедуры прийти. Если быть точными, то итог – чаще всего неконтролируем.

Обозначенное связано с различным количеством факторов: субъекты, которые включаются в реестр, характер и объём их требований, туманные предпосылки возможности введения реструктуризации в отношении должника, риски субсидиарной ответственности и т.д.

Таким образом, осложняется процедура банкротства сплетением не только коммерческих отношений, но всей палитрой гражданских, административных, а порой и уголовных споров.

С каждым годом, количество споров по банкротным делам стабильно высокое, а порой увеличивается [1; 2]. Известный факт, что сроки рассмотрения и разрешения по таким делам являются одними из самых продолжительных.

В связи с вышеобозначенным, автор видит применение процедуры медиации, как одного из эффективных и наименее затратных способов разрешения конфликта в рамках дел о признании юридического лица несостоятельным.

Не вдаваясь в подробности о пользе медиации и в научные дискуссии о некотором малодейственном коэффициенте по итогам достаточно длительного срока применения Федерального закона № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее - Закон о медиации), автор убежден, что медиативный подход в данном случае применим, как в отношении всей процедуры банкротства, так и в отношении обособленных споров в рамках банкротства.

Такая уверенность, исходит из следующего.

В направлении развития судебных медиаций работает Научно-практический проект РГУП «Примирительные процедуры в гражданском и административном судопроизводстве», который реализуется с 2020 года на базе федеральных судов в г. Москве, в Московской области и судов других регионов России [3].

В рамках этого проекта бесплатно на базе Арбитражного суда Московской области, мной и коллегами, как практикующими медиаторами, проводится исследование, которое ещё до конца не завершено.

Было отобрано N-ое количество дел, именно в категории банкротства. В силу действия принципа конфиденциальности, согласно ст.3 и ст. 5 Закона о медиации, идентифицирующие данные дел не оглашаются.

По ним проведен анализ по различным показателям. Представленные в статье выводы, излишне не детализированы. При этом не исключается, что могут встречаться случаи, которые будут исключением из выводов.

1) Институт медиации применим в процедуре банкротства на начальном этапе при подаче заявления о признании юридического лица несостоятельным (при условии, что число кредиторов известно и исчерпывающе). Данный вариант близок к идеальному. Чаще медиация возможна на стадии наблюдения или финансового оздоровления. Реже на стадии конкурсного производства.

2) Для того, чтобы заключить мировое соглашение на первоначальном этапе, необходима полная осознанность субъектов-участников процедуры. Это означает, что стороны видят риски, не хотели бы возбуждения банкротства, но не нашли другого выхода или для поиска иного пути из сложившейся неплатежеспособности должника не хватило времени.

3) Процедура медиации невозможна в тех случаях, когда у субъектов есть намерение прекратить предпринимательскую деятельность и уйти в процедуру банкротства – единственный выход из сложившейся устойчивой неплатежеспособности должника.

Указанные выводы связаны с моментом, когда лучше прибегать к процедуре медиации.

Далее выводы по итогам работы медиатора непосредственно с участниками процедуры.

1) Негативное отношение вплоть до дискредитации работы медиатора.

Не сформировавшаяся практика, связанная с проблемными моментами (не) заключенных медиативных соглашений; отсутствие официальной широко распространенной статистики по таким соглашениям; неизвестность итогов исполнения заключенных медиативных соглашений, все эти и другие проблемные аспекты вызывают указанное недоверие к деятельности медиатора.

2) Сомнительная репутация, квалификация медиатора, а также профессионализм - становятся факторами-препятствиями, не способствующими к обращению за медиативной процедурой.

3) Незнание, ввиду недостаточной просвещенности населения и участников процесса о преимуществах процедуры, о ходе процедуры, о вознаграждении медиатора и т.д.

В этих выводах представлены как проблемы общего характера, так и специальные, связанные со спецификой процедуры банкротства. Поскольку для того, чтобы стать медиатором-специалистом в области банкротства, недостаточно иметь только диплом медиатора. Лицу следует разбираться во многих нюансах юридической основы процесса. Это как правило лица, имеющие высшее юридическое или экономическое образование.

Отдельным вопросом можно выделить взаимодействие медиатора с участниками процедуры медиации в рамках банкротства.

1) Эффективность медиативной процедуры зависит с взаимодействия между медиатором и основным участником в целом в процессуальных правоотношениях – судом.

Совместная работа суда и медиатора, на начальных этапах очень важна. В положениях АПК РФ суд, после принятия заявления к производству, выносит определение о подготовке дела к судебному разбирательству и указывает сторонам на возможность заявить ходатайство о возможности обратиться за содействием, в том числе к медиатору, в целях урегулирования спора (ч.1 ст. 134 АПК РФ). Зачастую это предложение остаётся на бумаге и стороны к нему относятся формально, как к возможности, без желания её использовать или хотя бы попробовать.

При подготовке дела к судебному разбирательству судья также разъясняет сторонам такое право (п. 2 ч.1 ст. 135 АПК РФ).

В судебном заседании или при отложении разбирательства по делу, суд также выясняет не желают ли стороны прибегнуть в процедуре медиации (п.9 ч. 2 ст. 153 АПК РФ и ч. 2 ст. 158 АПК РФ).

Данный аспект пока функционирует проблематично. Нагрузка на аппарат суда высочайшая. И предлагать такой способ выхода из ситуации, как медиация,

без наличия какой-либо определенности в этом вопросе, в частности, хотя бы списка медиаторов, объективно – малопонятно для всех, в том числе и для суда.

2) Взаимодействие медиатора с представителями.

Юристы - представители сторон, как правило имеют в работе несколько дел. Среди этого потока дел, нельзя сказать, что представители подходят к вопросу защиты доверителя по делам о банкротстве квалифицировано. Зачастую получается так, что представитель видит в медиаторе конкурента. К сожалению, сегодня вопрос эффективности медиации частично зависит от позиции не столько самого участника процесса (должника или кредитора), сколько от представителя. Борьбы между медиатором и защитником не должно быть. Желание у представителей рассмотреть вопрос мирного завершения процедуры сегодня можно оценить в цифре 5-7 %.

Представители, в том числе и адвокат может быть медиатором при соблюдении требований Закона о медиации. Положения п. 3 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката предоставляют ему такое право.

Вывод: а) представитель, в том числе адвокат сам может пробовать осуществлять функции медиатора по делам о банкротстве или даже стараться одушевлять переговорный, а не оборонительный процесс; б) если представитель, в том числе адвокат не обладает навыками переговорных техник, то привлекать медиатора, с целью скорейшего разрешения конфликта.

3) Работа с арбитражными управляющими.

Взаимодействие медиатора с указанными лицами, в зависимости от стадии банкротства, также складывается по-разному. В рамках положения закона они являются субъектом профессиональной деятельности и осуществляет регулируемую Законом о банкротстве такую деятельность (ст. 20).

Все действия арбитражного управляющего также должны соответствовать закону, иначе нередки случаи жалоб на действие или бездействие управляющих, а также взыскание с них убытков [4; 23-25 стр.].

Поэтому большого желания со стороны арбитражных управляющих выйти из привычного ритма и распорядка работы, и вступить в диалог с медиатором ради порой призрачной возможности примирения в рамках банкротства, не имеется.

Кроме того, законом и разъясняющими к нему положениями (ст. 20.6 Закона о банкротстве; Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 97 «О некоторых вопросах, связанных с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве» и др.) предусмотрено вознаграждение за работу арбитражного управляющего, в том числе по итогам торгов по реализации имущества. Соответственно желание, в целом переговариваться, сходит на нет.

Преодолеть – это возможно путём законодательного урегулирования возможности, а может и обязанности по рассмотрению вопроса участия арбитражных управляющих в процессе медиации.

4) Работа с лицами, принимающими решения, то есть самими сторонами.

Взаимодействие медиатора с ними усложняется следующими факторами: а) они доверили представлять свои интересы профессионалам и не желают вникать в этот процесс в целом; б) они доверяют только представителям и никому более; в) они не понимают ничего в судебном разбирательстве и им это не надо; г)

зачастую настроены на борьбу в суде, туманно представляют итог, но верят в победу.

Таким образом, проверять осознанность и добровольность именно действий сторон в процедуре банкротства (которые не всегда являются или могут являться непрофессиональными в этом вопросе), соответствие их воли волеизъявлению представляется достаточно непростым. Стороны зачастую не являются в процесс. Производимые действия их представителей (естественно при наличии полномочий) порой им даже неизвестны.

Вывод: принудительная явка ключевых участников банкротства в процесс разбирательства на сегодня - единственный действенный выход из ситуации.

В статье представлен далеко не весь перечень лиц, с которыми медиатору придётся иметь дело в случаях разбирательства по судебному делу по иску о признании юридического лица банкротом.

Множественность лиц в процедуре усложняет работу медиатора, но не делает её невозможной. Здесь, конечно, возникает момент, связанный со сроками проведения медиации в банкротстве. Он вполне может превышать допустимый и установленный в законе срок. Но, по сравнению со сроками, в течении которых проходит вся процедура банкротства юридических лиц, сроки проведения медиации могут показаться незначительными.

Состав кредиторов также может стать фактором не в пользу медиации: здесь следует упомянуть о наличии государственно-публичного органа, банков.

Известно, что классически к специалистам с опытом применения медиации в различных спорах относят страны Великобританию, США, Германию и т.д. Автор предлагает взглянуть на те страны, в которых применяются новые подходы по развитию медиации (её существенных методов в разрешении конфликтов) в большинстве сфер жизнедеятельности, в том числе при рассмотрении споров о банкротстве и других экономических споров. К таким странам относятся Турция [5], Испания [6], Казахстан [7] и др.

Заключение

1. На данном этапе существования института медиации в России, можно с сожалением констатировать его неэффективность. Изменяющаяся реальность способствует тому, чтобы взглянуть на процедуру медиации, как способу разрешения конфликта по-новому.

2. Необходим исключительно комплексный подход, зачастую императивный характер положений, закрепленных законодательно по вопросу формирования ориентации на мирный выход из конфликтных ситуаций, в том числе в процедуре банкротства.

3. Институт медиации может быть применим, когда у участников процедуры банкротства есть желание сохранить бизнес.

4. Проведение медиации, по крайней мере в обособленных спорах в процедуре банкротства возможно и необходимо.

5. Выработка концептуального подхода для применения института медиации в банкротстве зависит от многих нюансов. В частности, это возможность её применения в зависимости от стадий банкротства, наличия обособленных требований, круга участников, количества участников, особенностей состава кредиторов и др.

Список использованных источников:

1. <https://download.fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20Федресурс%20банкротство%202022.pdf> (дата обращения 13.11.2023).
2. <https://pravo.ru/news/249371/?ysclid=lpbrlhbea953427504> (дата обращения 13.11.2023).
3. <https://rgup.ru/pages/mediation-rgup>.
4. <https://download.fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20Федресурс%20банкротство%202022.pdf> (дата обращения 13.11.2023).
5. <https://adb.adalet.gov.tr/Resimler/SayfaDokuman/9052022162356ticaret%20%20%2004.05.2022.pdf> (дата обращения 13.11.2023)
6. The Spanish Law on Mediation in Civil and Commercial Matters (Ley 5/2012, BOE 7.7.2012).
7. <http://mediation-soglasie.kz/tpost/a9plpt8be1-zasedanie-rabochei-gruppi-po-vneseniyu-i>

Саттарова Зульфия Зульфатовна,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), адвокат, Российская Федерация

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В СУДЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Право на судебную защиту, ее доступность тесно связаны, взаимообусловлены с правом гражданина на получение квалифицированной юридической помощи. Связующим звеном, обеспечивающим их взаимодействие, является судебное представительство.

Допустимо ли участие в процессе в качестве представителя любого дееспособного лица с надлежаще оформленными полномочиями? Следует ли закрепить в законе профессиональное представительство, и что понимать под данным понятием? Профессиональное представительство обеспечивает доступность судебной защиты или может ограничить? На эти вопросы дать однозначный ответ весьма сложно в силу разных обстоятельств.

Субъектный состав судебного представительства, установление ограничений, специальных требований (цензов) является предметом дискуссий во все времена и различные периоды развития научной мысли и реформирования процессуального законодательства.

Рассматривая проблемы судебного представительства в контексте оказания квалифицированной юридической помощи, В.В. Ярков отмечает, что в период становления судебной системы в современном виде включение вопросов юридической помощи в число факторов, влияющих на доступность правосудия, было поддержано М.С. Шакарян, которая указывала, что доступность

правосудия определяется, в том числе наличием гарантий юридической помощи [1; 6 стр.].

Развивая научные воззрения и рассматривая обстоятельства, определяющие доступность судебной защиты, В.В. Ярков выделяет следующие элементы «доступности правосудия»:

- возможность беспрепятственно обратиться в суд за судебной защитой, простота процедуры возбуждения и ведения дела, а также реализации вынесенного решения;

- территориальная приближённость суда к его «потребителям», т.е. лицам, обратившимся за судебной защитой;

- возможность воспользоваться юридической помощью при ведении дела в суде, наличие системы процессуальных льгот при уплате государственной пошлины и других судебных расходов» [2; 68 стр.].

Вместе с тем в качестве одного из составных элементов доступности правосудия выделяется право на квалифицированную помощь (в ряде случаев бесплатную). Такой подход к правосудию в значительной мере смещает акценты на обеспечение равных возможностей всех заинтересованных лиц при получении требуемой судебной защиты. Доступность правосудия для незащищенных слоев населения неизбежно ставит вопрос о гарантиях получения квалифицированной юридической помощи в случаях, когда это необходимо. В таких ситуациях и эффективная реализация права на судебную защиту ставится в зависимость от получения юридической помощи. Поэтому представляется возможным рассматривать право на квалифицированную юридическую помощь, в том числе бесплатную, как средство обеспечения доступности правосудия и эффективной реализации права на судебную защиту.

По справедливому замечанию В.Н. Щеглова, представитель в гражданском процессе выполняет, прежде всего, правозащитную функцию, но наряду с этим он также способствует правильному и своевременному рассмотрению и разрешению гражданских дел, что обусловлено преимущественно профессиональным характером данной деятельности, предполагающим знание представителем норм материального и процессуального права, наличие опыта ведения дел в судах, владение навыками сбора и представления доказательств, качественной подготовки процессуальных документов. Задача судебного представителя - оказать содействие представляемому в целях защиты его прав и интересов путем оказания юридической помощи [3; 15 стр.]. Такое понимание функционального назначения имеет несомненную актуальность и в настоящее время.

По мнению Е.Г. Тарло: «судебное представительство есть вид деятельности лица, участвующего в процессуальных правоотношениях с целью оказания юридической помощи представляемому участнику процесса, защиты его прав и законных интересов пределах полномочий, предоставленных ему соответствующей отраслью процессуального законодательства или процессуальных правил, включенных в отрасли материального права, согласуемых в необходимых случаях с представляемым. Эта деятельность может осуществляться как представителем самостоятельно, так и совместно с

представляемым. Представительство в суде, осуществляемое адвокатом, есть профессиональное судебное представительство» [4; 48 стр.].

Данная позиция отражается в ряде исследований. Так, Э.Е. Колоколова в своей диссертационной работе считает, что возможно вывести «два новых вида представительств в гражданском процессе: профессиональное представительство и непрофессионально представительство. Профессионально представительство опирается на такие качества представителя, как профессионализм, компетентность, квалифицированность, результативность» [5; 148 стр.].

Следует отметить некоторые пробелы и проблемы в части внедрения профессионального представительства, влияющие на общее состояние гражданского, арбитражного и административного процесса и защиту прав граждан в России:

Во-первых, профессиональное представительство не содержит полноценных критериев того, что считается «профессионализмом». В гражданском процессуальном праве необходимость соответствия некоторым высоким профессиональным требованиям отсутствует. Безусловно, гражданин может оценить сложность своего казуса и принять решения о том, кто будет представлять его в суде или консультировать – адвокат, юрист с высшим образованием или человек без образования. Однако, без закрепления понятия «профессиональное судебное представительство» в ГПК РФ, критериев профессионализма (уровень образования, опыт в юридической сфере или что-то иное) полноценной интеграции не получится;

Во-вторых, гражданские дела далеко не всегда являются сложными, и не всегда присутствует целесообразность привлечения профессионального юриста для представления интересов, чаще всего гражданин может представить свои интересы самостоятельно или при помощи не юриста;

В-третьих, не всегда юридическое образование может служить истинным критерием профессионализма именно в части консультирования или представления чужих интересов в суде. Выпускник юридического факультета без практического опыта представления в суде или хотя бы профессиональной трудовой деятельности в необходимой сфере не сможет полноценно оценить сложность гражданского дела и оказать квалифицированную юридическую помощь гражданину.

Считается, что введение профессионального судебного представительства органично сочетается с проводимой реформой судостроительства и судопроизводства. Оно будет способствовать: во-первых, повышению качества и уменьшению сроков рассмотрения дел в суде; во-вторых, снижению нагрузки судов за счет уменьшения количества обращений по малозначительным или неосновательным спорам, а также спорам, имеющим внесудебную перспективу урегулирования и разрешения по существу (введение юридической монополии будет способствовать увеличению стоимости услуг профессионального представителя).

Вместе с тем, введение профессионального судебного представительства вызывает множество споров. Одна часть юристов склоняется к тому, что именно профессиональное представительство способное упростить ход судебного

процесса, ведь людям, разбирающимся в юридических тонкостях гораздо проще правильно, а то еще важнее всего грамотно разрешить дело. Другая часть склоняется к тому, что введение профессионального представительства в суде ухудшит доступность судебной защиты ввиду отсутствия системного подхода по предоставлению бесплатной юридической помощи.

Бесспорно, реальная состязательность и повышение эффективности судебных разбирательств возможны только при условии квалифицированного юридического представительства. Однако важно не только провозгласить состязательность, но и обеспечить фактическое равенство сторон, которое будет возможным только в условиях реального доступа сторон к помощи квалифицированного представителя.

Федеральный закон от 28.11.2018 N 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» внес в ГПК РФ и АПК РФ изменения, вступившие в силу с октября 2019 г., которые предусматривают, что представителями в суде, за исключением дел, рассматриваемых мировыми судьями и районными судами, могут выступать адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. Иные оказывающие юридическую помощь лица должны представить суду документы, удостоверяющие их полномочия, а также документы о своем высшем юридическом образовании или об ученой степени по юридической специальности. При этом в соответствии с АПК РФ квалификационное требование в виде наличия такого образования либо такой степени к лицам, уполномоченным в силу закона, иного правового акта или учредительного документа выступать от имени организации, не предъявляется, что составляет дополнительную гарантию доступности судебной защиты. Сходного регулирования в отношении организаций придерживается ГПК РФ и КАС РФ.

Проект федерального закона N 235526-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (внесен 15.11.2022 Верховным Судом Российской Федерации) [6] предусматривает профессиональное представительство и в производстве мировых и районных судов.

Нормы о допуске в качестве представителей исключительно лиц с высшим юридическим образованием предусмотрены в КАС РФ с момента его вступления в силу, а точнее с 15 сентября 2015 г.

Как известно, первая попытка ограничить перечень возможных представителей организации в арбитражном процессе оказалась неудачной. Ограничения касались именно организаций, право выбора представителя в отношении индивидуальных предпринимателей никак ограничено не устанавливало. Представителями организаций могли выступать ее руководитель и работник или адвокаты. Постановлением Конституционного Суда РФ от 16 июля 2004 г. N 15-П часть 5 статьи 59 АПК РФ была признана не соответствующей Конституции РФ, в той мере, в какой она в системной связи с пунктом 4 статьи 2 Федерального закона "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" в действующей системе правового регулирования исключает для выбранных организациями лиц, оказывающих

юридическую помощь, возможность выступать в арбитражном суде в качестве представителей, если они не относятся к числу адвокатов или лиц, состоящих в штате этих организаций. По мнению Н.А. Чудиновской [7], анализ этого постановления позволяет сделать вывод, что Конституционный Суд говорит не о "неконституционности" адвокатской монополии как таковой, а лишь о нарушении ст. 19 Конституции РФ в связи с дискриминацией субъектов в зависимости от способа организации предпринимательской деятельности: ограничения касаются только организаций и распространяются только на арбитражный процесс. В продолжении автор отмечает, что законодательное закрепление комплексных ограничений права выбора представителя для всех участников гражданского процесса вряд ли может входить в какие-либо противоречия с Конституцией РФ. Позиция заслуживает поддержки, поскольку позднее Конституционный Суд вновь проверял конституционность норм АПК РФ, устанавливающих ограничения, и признал их конституционными.

Учитывая двойственную природу судебного представительства, служащего одновременно средством реализации права на судебную защиту и одним из проявлений права на получение квалифицированной юридической помощи, Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что право на судебную защиту не предполагает выбора по своему усмотрению любых ее способов и процедур, а право вести свои дела в суде через самостоятельно избранного представителя не означает возможности участия в судопроизводстве любого лица в качестве представителя.

Определяя перспективы развития профессионального представительства, необходимо обратить внимание на следующие моменты. Учитывать при установлении профессиональных квалификационных требований применительно к разным видам судопроизводства особенности спорных материальных правоотношений и субъектный состав участников. С учетом специфики арбитражного процесса не ограничивать профессиональное представительство только формальным требованием о наличии высшего юридического образования. Лица с высшим образованием в прикладных сферах (таможенное, банковское, страховое дело, антикризисное управление, бухгалтерский учет и др.), зачастую могут оказать по соответствующим категориям споров не менее компетентную помощь. Требуется более детальная единообразная регламентация оформления полномочий представителя, в том числе при использовании информационных технологий, при использовании упрощенных форм судопроизводства. Имеется много вопросов по полномочиям и основаниям применения представителей по назначению суда, которые тоже являются профессиональными представителями. Поскольку пересмотр судебных актов, будучи гарантией права на судебную защиту, требует профессиональные знания в области права в большей степени, то и оказание юридической помощи на стадиях по пересмотру станет действительно профессиональным при осуществлении этих действий адвокатами. Названные аспекты взаимосвязаны и требуют комплексного регулирования и согласованности.

Полагаем необходимым дальнейшее развитие, теоретическое и практическое обоснование данного процессуального института, нацеленного

обеспечивать баланс частных и публичных интересов и обеспечивать доступность и эффективность судебной защиты.

Список использованных источников:

1. Шакарян М.С. Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2001. С. 61-69.
2. Бернам У., Решетникова И.В., Ярков В.В. Судебная реформа: проблемы гражданской юрисдикции. Екатеринбург. 1996. 150 с.
3. Щеглов В.Н. Субъекты судебного гражданского процесса. Томск. 1979. - 129 с.
4. Тарло Е. Г. Проблемы профессионального представительства в судопроизводстве России: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2005. - 52с.
5. Колоколова Э. Е. Адвокат – представитель в российском гражданском процессе: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. – 28 с.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2022 г. N 32 "О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации". URL: <https://supcourt.ru/documents/own/31745/> (дата обращения: 10.11.2023).
7. Участие адвоката в гражданском процессе // Под ред. Чудиновской Н.А. СПС Консультант Плюс.

Мануковская Алевтина Николаевна,
к.ю.н., доцент (Центральный филиал)
ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия»,
Российская Федерация

ЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ ГРАЖДАН ЧЕРЕЗ МЕХАНИЗМ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

Наличие правовых норм, регулирующих вопрос компенсации морального вреда в гражданском праве породило возникновение норм, аналогичного характера в трудовом праве. Однако ни понятия «моральный вред работнику», ни критерий его определения в данной отрасли права не закреплены. В связи с этим, прежде чем раскрывать понятие защиты трудовых прав граждан через механизм компенсации морального вреда, обратим внимание на общетеоретические вопросы, касающиеся данной правовой категории.

Понятие морального вреда раскрывает ряд статей Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (ст. 151, 1100, 1101), статья 15 Закона РФ "О защите прав потребителей" [2], постановления Верховного Суда Российской Федерации. Статьи данных нормативных актов закрепляют право потребителя на компенсацию морального вреда.

Под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или, в силу закона, нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.) или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина.

Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др.

В гражданском праве особенность возмещения морального вреда состоит в том, что причинителем вреда является изготовитель (исполнитель, продавец) или организация, выполняющая функции изготовителя (продавца) на основе договора с ним, а основанием для компенсации вреда служит нарушение им прав потребителя. Также немаловажным обстоятельством является то, что моральный вред подлежит компенсации только при наличии вины изготовителя (исполнителя, продавца) в его причинении. Размер компенсации морального вреда определяется судом и не зависит от размера возмещения имущественного вреда. Компенсация морального вреда осуществляется независимо от возмещения имущественного вреда и понесенных потребителем убытков.

Необходимо отметить, что суду в целях обеспечения правильного и своевременного разрешения возникшего спора необходимо по каждому делу выяснять характер взаимоотношений сторон и какими правовыми нормами они регулируются, допускает ли законодательство возможность компенсации морального вреда по данному виду правоотношений и, если такая ответственность установлена, когда вступил в силу законодательный акт, предусматривающий условия и порядок компенсации вреда в этих случаях, а также, когда были совершены действия, повлекшие причинение морального вреда. Суду, также, необходимо выяснить, чем подтверждается факт причинения потерпевшему нравственных или физических страданий, при каких обстоятельствах и какими действиями (бездействием) они нанесены, степень вины причинителя, какие нравственные или физические страдания перенесены потерпевшим, в какой сумме или иной материальной форме он оценивает их компенсацию и другие обстоятельства, имеющие значение для разрешения конкретного спора.

Так как в соответствии с действующим законодательством одним из обязательных условий наступления ответственности за причинение морального вреда является вина причинителя, то и из этого есть исключения. Исключения

составляют случаи, которые прямо предусмотрены законом и с наступлением которых, вины причинителя нет.

К таким случаям относятся следующие случаи:

– вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности;

– вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ;

– вред причинен распространением сведений, порочащих, честь, достоинство и деловую репутацию (ст. 1100 ГК РФ).

Трудовой кодекс Российской Федерации определяет институт «компенсации морального вреда» как универсальный способ защиты прав работников. Это положение мы видим закрепленным в статье 237 Трудового кодекса Российской Федерации, где содержится обязанность возмещения морального вреда, причиненного работодателем работнику в результате его неправомерных действий или бездействий [3]. Однако ни понятия «моральный вред работнику», ни критерии его определения в данном законе не закреплены.

Ученые дают определение морального вреда, причиненного работнику через душевные и физические страдания, вызванные неправомерными действиями работодателя, нарушающими трудовые права работника, установленные нормами трудового законодательства, соглашениями, локальными нормативными актами и трудовым договором [4; 115-116 стр.].

Новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», принятое 15 ноября 2022 года [5] разъясняет право на компенсацию морального вреда, условия, налагающие обязанность компенсировать вред, способ и размер компенсации, рассматривает отдельные случаи, касающиеся компенсации морального вреда, и разъясняет некоторые процессуальные вопросы.

Так, например, разъяснили, что моральный вред, причиненный работником при исполнении трудовых обязанностей, подлежит компенсации работодателем. При этом работодатель не освобождается от обязанности компенсировать такой моральный вред в случае осуждения, привлечения к административной ответственности работника как непосредственного причинителя вреда, а также в случае прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования, производства по делу об административном правонарушении.

Работник имеет право на компенсацию морального вреда, причиненного ему нарушением его трудовых прав любыми неправомерными действиями или бездействием работодателя. Основанием для предъявления требований о компенсации морального вреда могут стать незаконное увольнение или перевод на другую работу; незаконное применение дисциплинарного взыскания; нарушение установленных сроков выплаты заработной платы или выплата ее не в полном размере; неоформление в установленном порядке трудового договора; незаконное привлечение к сверхурочной работе; задержка выдачи трудовой книжки или предоставления сведений о трудовой деятельности; необеспечение

безопасности и условий труда, соответствующих государственным нормативным требованиям охраны труда.

Помимо уже упомянутых физических и нравственных страданий потерпевшего, а также неправомерных действий (бездействия) причинителя вреда, к ним отнесены причинная связь между неправомерными действиями (бездействием) и моральным вредом и - по общему правилу - вина причинителя вреда (п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» от 15 ноября 2022 года № 33).

Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью работника при исполнении им трудовых обязанностей, осуществляется в рамках обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профзаболеваний. Однако возмещение застрахованному морального вреда, причиненного в связи с несчастным случаем на производстве или профзаболеванием, осуществляется причинителем вреда.

В случае смерти работника или повреждения его здоровья в результате несчастного случая на производстве право на компенсацию морального вреда имеют члены семьи работника. Моральный вред, причиненный работнику, компенсируется в денежной форме в размерах, определяемых соглашением сторон трудового договора, а в случае возникновения спора - в размерах, определяемых судом.

При разрешении исковых требований о компенсации морального вреда, причиненного повреждением здоровья или смертью работника, бремя доказывания исполнения возложенной на работодателя обязанности по обеспечению безопасных условий труда и отсутствия вины в необеспечении безопасности жизни и здоровья работников лежит на работодателе, в том числе если вред причинен в результате неправомерных действий (бездействия) другого работника или третьего лица, не состоящего в трудовых отношениях с данным работодателем.

К примеру, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации вынесла определение [6], согласно которому истцу должна быть выплачена компенсация морального вреда в связи с тем, что трудовые отношения с ним работодателем не были оформлены.

Согласно материалам дела, истец Калашников Станислав Викторович 28 февраля 2019 г. обратился в суд с иском к обществу с ограниченной ответственностью "Селена" и просил установить факт трудовых отношений с ООО "Селена" с 1 апреля 2010 г. по 27 ноября 2018 г. в должности водителя, обязать ответчика внести в его трудовую книжку записи о приеме на работу и об увольнении с работы по собственному желанию, выдать ему трудовую книжку, произвести начисление и уплату за него страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, взыскать в его пользу компенсацию морального вреда в размере 100 000 руб.

В обоснование заявленных требований Калашников С.В. указал, что с 1 апреля 2010 г. по 27 ноября 2018 г. он осуществлял трудовую деятельность в ООО "Селена" в должности водителя автомобиля "Газель". Для оформления трудовых отношений он передал ответчику все необходимые документы, в том

числе трудовую книжку. В первый день работы руководитель общества объявил ему о приеме на работу, в связи с чем Калашниковым С.В. было написано соответствующее заявление. Калашникову С.В. было определено его рабочее место, разъяснены порядок работы и должностные обязанности, объявлено о размере заработной платы, а также были даны заверения в том, что трудовые отношения с ним будут оформлены надлежащим образом.

27 ноября 2018 г. при увольнении с работы по собственному желанию Калашникову С.В. стало известно о том, что трудовые отношения с ним не были оформлены, соответствующие записи в трудовую книжку не внесены, страховые взносы за него в Пенсионный фонд Российской Федерации года не перечислялись.

После увольнения Калашников С.В. направлял в адрес работодателя письменное заявление о выдаче копий документов и оригинала трудовой книжки, ответа на которое не последовало.

Решением Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 23 апреля 2019 г. исковые требования Калашникова С.В. удовлетворены частично. Суд установил факт трудовых отношений между Калашниковым С.В. и ООО "Селена" в должности водителя, обязал ответчика выдать ему трудовую книжку с записями о приеме на работу и об увольнении с работы, произвести уплату страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации. С ООО "Селена" в пользу Калашникова С.В. взыскана компенсация морального вреда в размере 5000 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, рассматривая кассационную жалобу Калашникова С.В. и разрешая спор, пояснила, что суд первой и апелляционной инстанций не привели мотивы и не обосновали, почему они пришли к выводу о том, что сумма 5000 руб. является достаточной компенсацией Калашникову С.В. причиненных ему ответчиком нравственных страданий.

Так, суд первой инстанции не дал оценки следующим обстоятельствам, установленным в ходе судебного разбирательства и имеющим значение для решения вопроса о размере компенсации морального вреда, причиненного Калашникову С.В. вследствие нарушения ООО "Селена" его трудовых прав:

– на протяжении всего периода работы Калашникова С.В. в ООО "Селена" с апреля 2010 года и до момента его увольнения 27 ноября 2018 г. трудовые отношения с ним не были оформлены в соответствии с требованиями трудового законодательства;

– ООО "Селена" не исполнена предусмотренная частью 1 статьи 127 Трудового кодекса Российской Федерации обязанность по выплате Калашникову С.В. при увольнении денежной компенсации за все не использованные им в период работы в ООО "Селена" ежегодные оплачиваемые отпуска;

– работодатель ООО "Селена" не производил за работника Калашникова С.В. начисление и уплату обязательных страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации с 2010 г. по 2018 г.

Таким образом, вывод суда первой инстанции о размере взыскиваемой в пользу истца суммы компенсации морального вреда в нарушение норм

материального права об основаниях, принципах и критериях определения размера компенсации морального вреда не мотивирован, в решении суда не приведены доводы в обоснование размера присужденной истцу компенсации морального вреда со ссылкой на какие-либо доказательства, что не отвечает требованиям статьи 195 ГПК РФ о законности и обоснованности решения суда. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации определила: решение Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 23 апреля 2019 г. отменить и вынести решение о взыскании с общества с ограниченной ответственностью "Селена" в пользу Калашникова Станислава Викторовича компенсацию морального вреда в размере 100 000 руб.

Судам при определении размера компенсации морального вреда рекомендуется учитывать значимость для работника нематериальных благ, объем их нарушения и степень вины работодателя [7; 231-233 стр.].

Вопрос о разумности присуждаемой суммы должен решаться с учетом значимости компенсации относительно обычного уровня жизни и общего уровня доходов граждан. Поэтому должно быть исключено присуждение чрезвычайно малой, незначительной денежной суммы, если только такая сумма не была указана в исковом заявлении [8; 32-35 стр.].

На требования о компенсации морального вреда, вытекающие из нарушения личных неимущественных прав и других нематериальных благ, исковая давность не распространяется, кроме случаев, предусмотренных законом. На требования о компенсации морального вреда, вытекающие из нарушения имущественных или иных прав, для защиты которых законом установлена исковая давность или срок обращения в суд, распространяются сроки исковой давности или обращения в суд, установленные законом для защиты прав, нарушение которых повлекло причинение морального вреда. Например, требование о компенсации морального вреда, причиненного работнику нарушением его трудовых прав, может быть заявлено в суд одновременно с требованием о восстановлении нарушенных трудовых прав (с соблюдением установленных сроков обращения в суд с требованием о восстановлении нарушенных трудовых прав) либо в течение трех месяцев после вступления в законную силу решения суда, которым эти права были восстановлены полностью или частично (ч. 3 ст. 392 ТК РФ).

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 24.11.2006 № 318-ФЗ (ред. от 13.06.2023) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629.

2. Закон РФ "О защите прав потребителей" от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 04.08.2023) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629.

3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256.

4. Рыбалка Е.А. Компенсация морального вреда по спорам, вытекающим из трудовых правоотношений // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2019. № 4. С. 115-119.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» от 15 ноября 2022 года № 33. - Текст: электронный: <https://www.vsrif.ru/documents/own/31761> (дата обращения: 20.10.2023).

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2020 N 15-КГ20-2-К1 Текст: электронный: <https://sudact.ru/regular/doc/dSzb5KceIprW/> (дата обращения: 20.10.2023).

7. Голанова Ю.А. Проблема определения размеров компенсации морального вреда // Вопросы Российской юстиции. 2020. № 9. С. 229-239.

8. Забрамная Е.Ю. Актуальные вопросы компенсации морального вреда, причиненного работнику // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 2. С. 32 - 35.

Хрулева Вера Владимировна
к.ю.н., (Центральный филиал) ФГБОУ
ВО «Российский государственный
университет правосудия»,
Российская Федерация

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОНЯТИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРИНЦИПОМ СВОБОДЫ ДОГОВОРА В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

В ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) как в важнейшей норме гражданского законодательства заложены основные отраслевые принципы гражданского права, среди которых отводится место и свободе договора [1]. Провозглашенный в ГК РФ принцип свободы договора раскрыт и конкретизирован в ст. 421 ГК РФ. Он означает, что стороны вправе по своему усмотрению заключать или не заключать договор, выбирать вид заключаемого договора, в том числе и смешанный, а также определять условия договора.

Однако в современной науке актуальным является вопрос не только их эффективной реализации. Возникают проблемы, связанные со злоупотреблением правом вообще, и соответственно злоупотреблением свободой договора, в частности. В юридической литературе данная проблема является дискуссионной. А. А. Малиновский считает, что «имеющиеся научные публикации не раскрывают в достаточной мере особенностей проявления этого явления в различных отраслях права и не излагают четких оснований разграничения со смежными явлениями» [2; 50 стр.]. Вместе с тем, весьма примечательны следующие позиции. Так, профессор А. В. Волков пишет: «широкий спектр работы принципов права предопределяет их уязвимость для злоупотребительного использования, несмотря на то, что сами по себе они всегда сохраняются в неизменном виде независимо от того, следуют им или нет» [3; 76 стр.]. В 1970-е годы В. П. Грибанов в своей книге «Осуществление и защита гражданских прав» как раз предложил рассматривать злоупотребление правом как особый тип гражданского правонарушения, при котором управомоченное

лицо осуществляет принадлежащее ему субъективное право с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения [4; 62-63 стр.]. Эта концепция получила признание в отечественной науке, вошла во многие учебники по гражданскому праву и послужила отправной точкой для последующих научных исследований.

Но, если мы не будем опираться на имеющиеся дискуссии по этому поводу, то согласимся с теми авторами, которые относят злоупотребление правом к числу противоправных действий. В нашем случае имеется в виду злоупотребление свободой договора, которое имеет некоторые особенности по сравнению со злоупотреблением правом.

Ключевым моментом здесь является то, что свобода договора не является абсолютно безграничной. Законодателем, при ее закреплении в рамках гражданско-правовых принципов одновременно установлены ее пределы, потому, что в случае если запреты законодательства не будут соблюдены, лицо, которое злоупотребило своими правами, может быть привлечено к ответственности. Вспоминается сразу конституционная норма, которая гласит, что допускается ограничение свободы договора только в порядке исключения и в той мере, в которой подобное ограничение допустимо по отношению к гражданским правам, т.е. в целях защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ) [5]. И, если обратиться к ч. 1 ст. 10 ГК РФ, то в ней содержатся также пределы гражданских прав. В частности, к ограничениям прав сторон договора, относящиеся именно к принципу свободы договора относятся условия, не допускающие осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Следует обратить внимание на то, что содержание принципа свободы договора раскрывается и конкретизируется в статье 421 ГК РФ: «Понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена настоящим Кодексом, законом или добровольно принятым обязательством». Анализируя данную статью можно констатировать, что нормы, содержащиеся в данной статье весьма абстрактны. Высокая абстрактность этой нормы является самым распространенным средством для злоупотреблений правами. Такой естественный формализм, некоторая декларативность дают повод для частого использования норм ст. 421 ГК РФ в злоупотребительных схемах. Именно поэтому большинство недействительных сделок заключаются со ссылкой на свободу договорных отношений. При этом субъекты злоупотреблений намеренно игнорируют п. 1 ст. 422 ГК РФ, который закрепляет, что договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующим в момент его заключения.

Но это отнюдь не умаляет ее достоинства, поскольку причина злоупотребления стоит вовсе не в содержательной особенности данной

гражданской нормы. Причина кроется в личных изъянах лиц, которые злоупотребляют этой нормой. В этом смысле справедлива позиция профессора А. В. Волкова о том, что «в указанных свободах – свободе договора, лежат, к сожалению, «естественные» источники многих злоупотреблений в гражданских правоотношениях» [3; 43 стр.]. Данные злоупотребления возникают в связи с личными пороками лиц, злоупотребляющих установленным принципом гражданских правоотношений.

В таком случае можно сказать о том, что стороны или одна из сторон договора намеренно игнорируют императивную норму п. 1 ст. 422 ГК РФ, где говорится, что договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам.

Определяя понятие злоупотребление свободой договора можно согласиться с мнением М. В. Кратенко, который рассматривает ее как умышленное несоблюдение одним из контрагентов предусмотренных законом ограничений договорной свободы, повлекшее причинение ущерба другому контрагенту, третьим лицам или государству [6; 23 стр.]. При этом для характеристики злоупотребления свободой договора он предлагает использовать ту часть признаков, с помощью которых в литературе обычно описывают феномен злоупотребления субъективным правом вообще, а именно: видимость легальности поведения субъекта; использование недозволенных средств и способов осуществления права (свободы); осуществление права вопреки его социальному назначению; осознание лицом незаконности своих действий (наличие умысла); причинение ущерба другим лицам вследствие совершения вышеуказанных действий [6; 68 стр.]. Например, в качестве примера злоупотребления свободой договора может быть совершение мнимой сделки (для вида), то есть без намерения осуществить ее. Сюда же можно отнести и притворную сделку, когда есть необходимость скрыть другую сделку.

Итак, злоупотребление свободой договора можно определить как умышленное несоблюдение одним из контрагентов предусмотренных законом ограничений договорной свободы, повлекшее причинение ущерба другому контрагенту, третьим лицам или государству. В отличие от злоупотребления субъективным гражданским правом, которое относят к особому типу правонарушений, злоупотребление свободой договора в большинстве случаев является правонарушением безусловным (обычным) и влечет применение соответствующих мер гражданско-правовой ответственности.

Весьма примечательна специфика злоупотребления свободой договора, которая состоит в том, что многие формы злоупотребления прямо запрещены законом. Например, продавцу (исполнителю) запрещается навязывать потребителю дополнительные товары (работы, услуги), включать в договор условия, ущемляющие законные интересы потребителя. Хозяйствующим субъектам запрещается заключать соглашения, направленные на ограничение или устранение конкуренции на товарном рынке. Т.е. типы и формы злоупотребления свободой договора во всех перечисленных сферах могут совпадать или иметь много общего, однако правовые последствия злоупотреблений будут различными.

Например, если говорить о первом случае (где продавец и покупатель, то такие условия договора признаются ничтожными согласно п. 1 ст. 16 Закона РФ «О защите потребителей») [7]. Во втором случае – по требованию антимонопольного органа договор может быть изменен или расторгнут судом (подп. 6 п. 1 ст. 23 Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции») [8].

Рассматривая особенности злоупотребления свободой договора нельзя не упомянуть ст. 1 ГК РФ, которая установила так называемый «противовес»: «при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно». Получается никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. При этом п. 5 ст. 10 ГК РФ помимо принципа добросовестности закрепляет еще и принцип разумности, которые, как неотъемлемые качества участников гражданских правоотношений, по замыслу законодателя – предполагаются. Конечно, с точки зрения злоупотребления правом такое законодательное закрепление является самым «удобным». Но, получается, что каждый субъект гражданских прав волен свободно осуществлять права в своих интересах, но не должен при этом нарушать права и интересы других лиц, что нашло свое отражение в Постановлении Третьего арбитражного апелляционного суда от 31.05.2016 по делу №А33-14842/2012 [9].

Рассматривая понятие злоупотребления, стоит коснуться форм классификации злоупотребления субъективным гражданским правом. В частности,

А. В. Волков отмечает, что классификация форм злоупотребления правом может быть проведена по следующим критериям: форма вины, характер причиненного вреда, субъектный состав отношений, источник (предпосылки) злоупотребления, преследуемая цель, используемые для злоупотребления средства и прочее [10; 296 стр.]. М. В. Катенко в зависимости от используемого средства выделяет «три основных злоупотребления: злоупотребление заключать или не заключать договор с отдельными контрагентами; злоупотребление свободой выбора вида заключаемого договора; злоупотребление свободой в определении условий договора. Каждому из вышеуказанных типов злоупотребления соответствует один из элементов свободы договора» (ст. 421 ГК РФ) [6; 26 стр.].

Принимая во внимание исследования вышеуказанных авторов, коснемся таких форм злоупотребления свободой договора как использование права с единственной целью причинить вред другому лицу; относятся следующие виды; действия в обход закона с противоправной целью; ограничение конкуренции и злоупотребление доминирующим положением на рынке; недобросовестное бездействие; заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав

1. Использование права с единственной целью причинить вред другому лицу («шिकана»). Обычно эта форма злоупотребления сочетается с другими, так как следствием злоупотребления правом одной стороной отношений становится вред для другой стороны. Например, заключение сделки на особо выгодных для стороны условиях неизбежно влечет неблагоприятные последствия для другого лица. Или, в целях ограничения конкуренции, предприниматели осуществляют

действия сочетающихся с правилами «шиканы»: умышленная форма действий, нанесение вреда правам и интересам. Или другое дело, в ходе которого судом было установлено, что ставка свыше 500 процентов годовых за пользование суммой займа может привести к неосновательному обогащению кредитора и нарушать принципы разумности и добросовестности. (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 83-КГ16-2) [11].

2. Действия в обход закона с противоправной целью. Отличить обход закона и законное поведение довольно затруднительно. Всем известно правило, что не запрещено законом, то разрешено. Поэтому выбор конкретного метода реализации поставленной законной цели не дает повода говорить об обходе закона. Наиболее показательным примером является взыскание поставщиками (исполнителями, подрядчиками) неосновательного обогащения (иначе говоря, оплаты за поставленный товар, выполненные работы) в отсутствие государственного контракта, когда существует необходимость его заключать, что предусмотрено Федеральным законом от 05.04.2013 № 144-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [12].

3. Ограничение конкуренции и злоупотребление доминирующим положением на рынке. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» определяет конкретные составы злоупотребления (ст. 10) [13]. Среди них: навязывание контрагенту условий договора, невыгодных для него или не относящихся к предмету договора; включение в договор дискриминационных условий.

4. Недобросовестное бездействие. В качестве примера злоупотребления правом недозволенными средствами можно привести ситуацию, когда организации закладывают в договор выгодные для себя дефекты. Злоупотребление правом может быть вызвано такими действиями лица, в результате которых другая сторона не могла реализовать принадлежащие ей права. Например, сокрытием сведений, вследствие чего другое лицо пропустило срок исковой давности.

5. Заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав. Например, распоряжение правом с незаконной целью; распоряжение правом незаконными средствами; действия, в результате которых другая сторона не может реализовать принадлежащие ей права. Конечно, законодатель запрещает действовать недобросовестно и тем более извлекать выгоду таким путем. Недобросовестное поведение запрещено не просто так. В случае его обнаружения недобросовестное лицо будет нести ответственность за свои действия в виде последствий, определенных законом.

Самым распространенным последствием недобросовестного поведения является полный или частичный отказ в удовлетворении исковых требований с целью защиты потерпевшей от злоупотребления стороны (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 09.08.2016 № 21-КГ16-6 [14]). При этом суды не ставят своей задачей наказать виновное лицо, поскольку одного лишь факта злоупотребления правом недостаточно для отказа в иске. Судам нужно представить и другие весомые аргументы. Другими мерами

могут стать, например, запрет совершать определенные действия; прекращение использования права без лишения этого права; отказ в применении срока исковой давности (Определение Верховного суда РФ от 16.05.2016 № 304-ЭС16-3710 [15]); непринятие доводов злоупотребившего лица; признание сделки недействительной (статья 168 ГК РФ, Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 от 04.03.2015 [16]).

Таким образом, на основе рассмотренных форм злоупотребления свободой договора можно сделать вывод о необходимости более строгого контроля и регулирования данной сферы. Эффективные меры надлежит предпринимать для предотвращения случаев использования свободы договора с недобросовестными намерениями, а также для защиты законных интересов сторон. Важно соблюдение таких принципов как добросовестность, разумность и честность при осуществлении гражданских прав. Это способствует сбалансированному и справедливому функционированию гражданского общества и развитию правового государства в целом.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). – М.: Юрлитинформ, 2007. – 352 с

3. Волков А.В. Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами в законодательстве и судебной практике (Анализ более 250 судебных дел о злоупотреблении правом)/А.В. Волков. - М.: Волтерс Клувер, 2011.-. 940 с.

4. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут, 2000. – 414 с.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 №1-ФКЗ) // Рос. газета. – 2020. – 4 июля.

6. Кратенко М.В. Злоупотребление свободой договора: частноправовые и публично-правовые аспекты. -«Волтерс Клувер» («Wolters Kluwer»), 2010.-208 с.

7. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 14.

8. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. - 2006. - № 31 (1 ч.). - Ст. 3434.

9. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 31.05.2016 по делу № А33-14842/2012. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS003&n=45242#XfxAvuTc7DZTZbXN2> (дата обращения: 07.11.2023).

10. Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики: монография / А.В. Волков. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 452 с.

11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 83-КГ16-2. Требование: О взыскании процентов за пользование займом. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=459617#V84CvuTYfbsqaf>

уЕ (дата обращения: 07.11.2023).

12. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.

13. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3434.

14. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 09.08.2016 № 21-КГ16-6 // Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.11.2023).

15. Определение Верховного Суда РФ от 16.05.2016 № 304-ЭС16-3710 по делу № А27-4347/2015 // Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.11.2023).

16. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 5.

Ульянова Марина Вячеславовна,

к.ю.н, доцент, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
Российская Федерация

ЗАЩИТА ПРАВ СУПРУГОВ ПРИ РАЗДЕЛЕ ИМУЩЕСТВА: НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Более тридцати лет прошло с того момента, как изменились экономические отношения в Республике Казахстан и Российской Федерации, развиваются институты частной собственности. Лица, состоящие в браке, являются собственниками различных видов имущества. К сожалению, не всегда семейная жизнь является благополучной, а брак пожизненным, возникает необходимость раздела имущества.

В Российской Федерации в 2022 году были приняты Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей³⁴. Политика государства направлена на укрепление института «семьи». Внимание, уделяемое на уровне государства и общества в целом, свидетельствует о необходимости исследования осуществления и защиты прав супругов при разделе имущества.

Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» (далее Кодекс РК)³⁵ и Семейный кодекс Российской Федерации (далее -СК РФ³⁶) имеют

³⁴ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // <http://pravo.gov.ru>, 09.11.2022 (доступ на 26.05.2023).

³⁵ Кодекс Республики Казахстан О браке (супружестве) и семье (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2024 г.)//https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31102748 (доступ на 01.12.2023)

³⁶ «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) // СПС Консультант (доступ на 1.12.2023)

общие корни, что позволило сохранить близкое регулирование, однако имеются и отличия, которые интересны для исследования.

Значимым моментом осуществления имущественных прав супругов является совершение сделок в отношении совместно нажитого имущества одним из супругов, а также раздел супружеского имущества. Неотъемлемой частью супружеских отношений является принятие решений по взаимному согласию на основании принципа равенства прав супругов (подп. 2, 4 п.2 ст. 2 Кодекса РК «О браке (супружестве) и семье» и п.3 ст.1 СК РФ), в том числе по владению, пользованию и распоряжению супружеским имуществом (ст. 35 СК РФ и Кодекса «О браке (супружестве) и семье»). Проявлением принципа равенства, сочетанием охраны частных и публичных интересов, с сохранением позитивного наследия дореволюционного периода можно назвать режим совместной собственности супругов, основоположником которого считают советское правовое регулирование³⁷ [1; 74-78 стр.].

Раздел имущества супругами возможен как при расторжении брака, так и по требованию любого из супругов, в также в случае заявления кредитором требований о разделе общего имущества (п.1 ст. 37 Кодекса РК «О браке (супружестве) и семье» и п.1 ст.38 СК РФ). По общему правилу при разделе имущества доли супругов признаются равными (ст. 38 Кодекса РК «О браке (супружестве) и семье» и ст. 39 СК РФ). Однако, правовое регулирование как Российской Федерации, так и Республики Казахстан предусматривает основания для отступления от начал равенства долей.

Суд вправе отступить от начал равенства долей исходя из интересов несовершеннолетних детей. Вторым дополнительным или самостоятельным основанием являются -интересы одного из супругов, если другой супруг не получал доходов по неуважительным причинам или расходовал общее имущество супругов в ущерб интересам семьи без согласия второго супруга (ст. 38 Кодекса РК и п.2 ст. 39 СК РФ).

В 2022 году в СК РФ были внесены изменения³⁸ в абз.2 п.3 ст. 35 и п.2 ст. 39. Нормы детализированы в части определения поведения, которое предшествовало разделу имущества, повлекло его уменьшение и иным способом супруг не защитил свои права, а также закрепив способы защиты (требование о признании сделки недействительной если он узнал о сделке в течении года, или если такие последствия не были применены, то путем отступления от равенства долей).

Следует отметить, что в европейских правопорядках представляет некоторый интерес режим отложенной общности в Германском праве, при котором стороны устанавливают поведение каждой из сторон и его последствия. Применительно к германской модели А. Вударски отмечает, что она «не является идеальной», и выделяет ее недостатки: «Определение вины в расстройстве супружеских взаимоотношений требует проведения подробного

³⁷ Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612. // СПС Консультант (доступ на 1.12.2023)

³⁸ Федеральный закон от 14.07.2022 №310-ФЗ Федеральный закон от «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // <http://pravo.gov.ru>, 14.07.2022 (доступ на 01.12.2023)

анализа жизненных ситуаций супругов, вынуждает обнажать болезненные и интимные переживания, что несет с собой большую психическую нагрузку» [2; 192 стр.]. Детализация нормы (ст. 39 СК РФ), думается, позволит правоприменителю защитить права того супруга, интересы которого не были учтены, а права нарушены. Однако процесс доказывания так же весьма непростой, о чем свидетельствуют акты высшего судебного органа³⁹.

Следует отметить, что правовое регулирование Российской Федерации предусматривает возможность (право суда) отступить от начала равенства долей (п. п.2 ст. 39 СК РФ). Современные технологии позволяют скрывать имущество нажитое в браке от другого супруга, или расходовать без согласия второго, либо не в интересах семьи. В качестве примера можно привести следующие ситуации: приобретение биткойнов непосредственно перед расторжением брака, заключение подложных договоров (например, о реконструкции дома по договору подряда с указанием стоимости работ равной сумме денежных средств на счетах супругов⁴⁰), приобретение имущества в отношении близких родственников и прочее, что в результате приводит к тому, что имущества подлежащего разделу к моменту расторжения брака и его раздела нет, либо оно существенно уменьшилось.

Помимо того, законодатель РФ предусматривает и такой способ защиты как признание имущество нажитого каждым из супругов в период раздельного проживания при прекращении семейных отношений, личной собственностью. Фактически это тоже отступление от начал равенства, которые основаны на том, что доказывается период фактически раздельного проживания супругов и прекращения в этот же период семейных отношений. Соответственно, раздельному проживанию придается юридическое значение и важность юридического факта, изменяющего супружеское правоотношение. Законодатель решение этого вопроса также относит к дискреции суда. Следует обратить внимание, что супруги вправе заключать между собой соглашения в том числе в отношении имущества, тем самым снимая возможность конфликта на будущий период в отношении приобретаемого имущества, либо возникающих долговых обязательств (которые так же могут быть признаны совместными при определенных условиях). При обращении в суд каждый из супругов может видеть ситуацию по-разному, один будет считать, что семейные отношения прекратились в период раздельного проживания, у другого будет иная позиция [3; 59-75 стр.]. Подобная ситуация так же основана на свободе каждого из супругов в выборе места жительства (п.1 ст. 31 СК РФ), т.е. раздельное

³⁹ Определение ВС РФ №20-КГ19-13 от 25.06.2020 по иску о разделе общего имущества супругов, указал, что согласие супруга на изменение режима в отношении конкретного вида совместного имущества на иное отсутствует.

Определение ВС РФ № 69-КГ23-4-К7 от 13.06.2023 г. о разделе совместно нажитого имущества, обращено внимание, что «законом возложена обязанность доказать, что супруг распорядился совместным имуществом не только в отсутствие согласия другого супруга, но и что денежные средства потрачены им не в интересах семьи».

⁴⁰ Определение ВС РФ №33-КГ20-5-К3 (№2-1963/2019) от 8.12.2020 по иску о признании недействительным договора подряда и применении последствий недействительной сделки // СПС Консультант (доступ на 01.12.2023)

проживание не всегда свидетельствует о прекращении семейных отношений, может быть связано с изменением места работы, служебной занятостью и пр.

В литературе вопрос о свободе выбора супругами места жительства и пребывания обсуждался. А.М. Нечаева писала, что отсутствие согласия о месте жительства супругов правового значения не имеет, возникшее разногласие «чревато расторжением брака». Однако как верно отмечала А.М. Нечаева, «один из признаков семьи – совместное проживание супругов», «не всегда разлука приводит к разводу», но вряд ли сохранится семья при длительном раздельном проживании супругов [4; 75-76 стр.].

Законодатель Республики Казахстан в ст. 38 закрепил, что имущество, нажитое каждым из супругов в период раздельного проживания в связи с фактическим прекращением брака (супружества), признается судом собственностью каждого из них. Следует отметить, что в РК вопрос о выборе места жительства супругов отнесен к совместному решению супругов.

Граждане в РФ для признания имущества личным доказывают, что в период раздельного проживания они прекратили семейные отношения. В соответствии с Кодекса РК «О браке (супружестве) и семье» период раздельного проживания является следствием фактического прекращения брака. Данное обстоятельство влияет на процесс доказывания и изменяет требования, подлежащие доказыванию каждой из сторон.

На основании изложенного можно сделать вывод, что правовое регулирование в Российской Федерации и Республике Казахстан гносеологически родственное, имеет отличия, которые интересны для исследования. Возвращаясь к работе А.Вударски, можно констатировать, что в европейских странах имеется тенденцией к упрощению порядка доказывания. В Российской Федерации развитие частной собственности, предпринимательства, позволило сосредоточиться имуществу в руках частных лиц, повлекло усложнение процесса раздела имущества, необходимость определения предмета доказывания и выяснения обстоятельств, предшествующих расторжению брака, на которые стороны ссылаются как на основания для отступления от начал равенства долей на момент непосредственного раздела имущества. Изменения, внесенные в Семейный кодекс РФ безусловно, имеют положительное значение, но видимо не являются исчерпывающими мерами.

Полагаю, что для целей дальнейшего совершенствование правового регулирования интересным является законодательный опыт как Республики Казахстан, так и Российской Федерации.

Список используемых источников:

1. Емелина, Л. А. Регуляторная эволюция фактических брачных отношений в советском и российском семейном праве / Л. А. Емелина // Право и образование. – 2022. – № 12. – С. 74-78. – EDN IVLMKW.

2. Wudarski A., 2022. Adjudication of guilt in the Divorce Statement: Necessity or Anachronism? Remaks from the Perspective of German law. *Pravosudie / Justice*, 4 (2). 2022. Pp/ 171-192.

3. Ульянова М. В. Принцип равенства прав супругов и основания для отступления при разделе имущества супругов // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 4. С. 59–75. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.59-75.

4. Нечаева А.М. Семейное право. -М.: Юрайт, 2016. 303 с.

Ерохина Татьяна Вячеславовна

к.ю.н., доцент кафедры трудового права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»,
Российская Федерация

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Права и свободы в сфере труда, будучи частью основных прав и свобод человека, провозглашенных основным законом России в качестве высшей ценности, подлежат государственной защите. Более того, российская Конституция вменяет государству обязанность по защите прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ) [1].

Защита прав и свобод сторон трудового договора провозглашена в качестве цели трудового законодательства (ст.1 ТК РФ), а ключевые принципы правового регулирования отношений, входящих в предмет трудового права, признают осуществление государственного контроля (надзора) за соблюдением государственных гарантий по обеспечению прав работников и работодателей; обеспечение права каждого на государственную, в том числе судебную защиту его трудовых прав и свобод; осуществление профсоюзного контроля за соблюдением трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права (ст.2 ТК РФ). Предусмотренность обозначенных положений в национальном трудовом законодательстве обусловлена позицией Международной организации труда. Последняя, «считая, что защита работников является стержнем мандата Международной организации труда и соответствует принципам, заложенным в Декларации МОТ 1998 года об основополагающих принципах и правах в сфере труда, а также в Программе достойного труда», приняла рекомендации для государств-участников для разработки и применения национальной политики защиты работников в условиях индивидуального трудового правоотношения [2].

Следуя названным нормам, российское трудовое законодательство располагает целым рядом правозащитных механизмов, направленных на соблюдение и обеспечение трудовых прав и свобод. В их числе следует выделить специфические, законодательно установленные, свойственные лишь отрасли трудового права, способы защиты прав и свобод участников трудовых правоотношений. В частности, статья 352 ТК РФ к основным способам защиты трудовых прав и свобод относит самозащиту работниками трудовых прав, профсоюзную защиту трудовых прав и законных интересов работников, федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства и судебную защиту.

Из названных способов защиты трудовых прав особого внимания заслуживают самозащита, как самый простой в применении, но при этом непопулярный и малоизученный правозащитный инструмент, и судебная защита, как наиболее распространенный, универсальный, эффективный, пользующийся высоким доверием граждан способ защиты.

Несмотря на столь полярные характеристики, оба способа защиты трудовых прав и свобод отнесены законодателем к основным, и являются в равной степени эффективными. Кроме того, защита трудовых прав как первым, так и вторым способом имеет свои несовершенства правоприменительного характера. Поэтому ни судебная защита, ни самозащита не могут гарантировать ни одной стороне трудового договора достижение желаемого результата.

Дело в том, что самой распространенной причиной неудач при применении рассматриваемых способов защиты трудовых прав является неверное толкование и, как следствие, неправильное применение тех или иных норм трудового законодательства. Однако нередко неудачи правозащитного толка обусловлены также несовершенством правового регулирования трудовых и иных, непосредственно связанных с ними отношений. Именно о них пойдет речь далее в настоящей работе.

Рассматривая проблемы применения самозащиты работником трудовых прав следует обратить внимание на тот факт, что данный способ имеет ограниченный перечень оснований его применения. В частности, право на самозащиту возникает при наступлении следующих обстоятельств: требование выполнения работы, не предусмотренной трудовым договором (ч.1 ст. 379 ТК РФ); задержка выплаты заработной платы на срок более 15 дней (ч.2 ст. 142 ТК РФ); непосредственная угроза жизни и здоровью работника (ст. 219, ч.1 ст. 379 ТК РФ).

Особого внимания заслуживает вопрос о формах самозащиты работников. Часть 1 ст. 379 ТК РФ называет лишь одну форму самозащиты трудовых прав – отказ от выполнения работы. Вместе с тем, в случае задержки выплаты заработной платы на срок более 15 дней, Кодекс предоставляет работнику право приостановить работу (ч.2 ст. 142 ТК РФ). Учитывая, что названная норма относится к иным случаям, при которых работник имеет право отказаться от выполнения работы в целях самозащиты трудовых прав (ч.2 ст. 379 ТК РФ), приостановление работы также следует отнести к формам самозащиты. Причем рассматривать его можно как самостоятельную форму самозащиты, и как разновидность отказа от работы. Таким образом, Трудовой кодекс РФ в качестве форм самозащиты предусматривает право работника на отказ от работы и приостановление работы [3; 102 стр.].

Кроме того, такая форма самозащиты как приостановление работы по причине задержки выплаты заработной платы на срок более 15 дней является недоступной для отдельных категорий работников и в условиях, предусмотренных в ч. 2 ст.142 ТК РФ. При этом, по мнению Конституционного Суда РФ, «запрет использовать приостановку работы в порядке самозащиты права данных работников на своевременную и полную выплату заработной платы не может расцениваться как их дискриминация» [4].

Практика использования самозащиты позволяет сформулировать ряд проблем, вызванных несовершенством нормативно-правовой базы, регламентирующей данный способ защиты трудовых прав. Поскольку наиболее востребованной и дискуссионной формой самозащиты считается приостановление работы в связи с задержкой оплаты труда, остановимся на проблемных аспектах ее использования.

Прежде всего, обозначим проблемы, обусловленные правовой неопределенностью момента прекращения приостановления работы. Трудовой кодекс содержит лишь общие положения, относительно порядка прекращения приостановления работы, что представляется крайне недостаточным (ч.5 ст. 142 ТК РФ). Отсутствие должной правовой регламентации порядка прекращения приостановления работы зачастую приводит к неправильному толкованию и пониманию соответствующих норм, злоупотреблениям со стороны как работника, так и работодателя. В результате, неисполнение обязанности приступить к работе, в силу названных причин, может грозить работнику увольнением за прогул.

В частности, на практике имеют место случаи частичного погашения задолженности по оплате труда с уведомлением об этом работника. При этом из содержания ст. 142 ТК РФ не вполне ясно, связана ли обязанность возобновления работы с фактом получения соответствующего уведомления или с фактом выплаты долга? Достаточной ли для возобновления работы будет частичная выплата задолженности или погасить ее работодатель должен в полном объеме? В силу обозначенной правовой неопределенности работники, получив уведомление о произведенной оплате труда в части, вполне резонно ожидая полной оплаты долга, работу не возобновляют, за что подвергаются увольнению за прогул. Некоторые судебные решения в таких случаях поддерживают работодателя. Однако вышестоящие судебные решения, принимая сторону работника, отмечают, что период приостановления работы длится до полного погашения задолженности. Выплата ее части не прерывает этот период и не является основанием для возобновления работы работником [5].

Также заслуживает внимания проблема несоблюдения работодателем требования ч.5 ст.142 ТК РФ о направлении работнику уведомления о погашении задолженности по зарплате. Работодатели зачастую просто перечисляют работнику сумму долга по зарплате на банковскую карту, но не уведомляют его об этом. В результате, ожидавший уведомление от работодателя работник не возобновляет работу, и его увольняют за прогул. Такое увольнение суды признают правомерным, поскольку задолженность была фактически выплачена, соответственно дополнительного уведомления с указанием даты выплаты, в данном случае не требовалось [6]. Следовательно, в данном случае значение имеет именно факт погашения задолженности, а не уведомление о нем.

Таким образом, можно согласиться с А.Е. Цукаревым в том, что указанные проблемы приводят к редкому применению и низкой эффективности норм главы 59 ТК РФ, поскольку воспользоваться правом на самозащиту работник не может без рисков для себя [7; 167 стр.].

Судебная защита трудовых прав и свобод, в свою очередь, также имеет ряд проблемных аспектов, обусловленных несовершенством правового

регулирования трудовых отношений. Рассмотрим их на примере положений Трудового кодекса о прекращении трудового договора по инициативе работника и по соглашению сторон.

Например, эффективность судебной защиты права на прекращение трудовых отношений по инициативе работника снижается в связи с отсутствием нормативно установленного перечня чрезвычайных обстоятельств в целях прекращения трудового договора до истечения двухнедельного срока предупреждения об увольнении, в срок, указанный в заявлении работника (далее – досрочное увольнение). Напомним, что ч.3 ст.80 ТК РФ допускает досрочное увольнение работника только в случаях, обусловленных невозможностью продолжения им работы (зачисление в образовательную организацию, выход на пенсию, установленное нарушение работодателем трудового законодательства и другие случаи). Открытый перечень обстоятельств, обуславливающих невозможность продолжения работником работы, а также буквальное толкование ч.3 ст. 80 ТК РФ и п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 № 2 свидетельствуют о том, что «уважительные причины, в силу которых работник не может продолжать работу» носят оценочный характер. Следовательно, уважительность тех или иных причин определяется работодателем самостоятельно, а их перечень формируется под влиянием правоприменительной, в том числе судебной практики. При таком подходе, в условиях отсутствия нормативно установленного перечня оснований для досрочного увольнения, складывается весьма противоречивая судебная практика, когда одни и те же жизненные обстоятельства в одних случаях признаются уважительными в целях применения ч.3 ст.80 ТК РФ, а в других – нет [8; 9].

Таким образом, существующее нормативное регулирование, толкования Верховного Суда Российской Федерации, разнообразная и противоречивая судебная практика не могут обеспечить эффективное использование ч. 3 ст. 80 ТК РФ. Эта проблема требует осмысления и принятия новых правовых решений, позволяющих внести коррективы в сложившуюся ситуацию [10; 33 стр.].

На результативность судебной защиты трудовых прав при прекращении трудового договора по соглашению сторон оказывает влияние недостаточность представленного в ст. 78 ТК РФ правового регулирования указанного вопроса. Так, из содержания анализируемой нормы не явствует вид документа, которым стороны могут выразить свою волю о прекращении трудовых отношений. Нет понимания о том, нужно ли составлять соглашение в виде отдельного документа или достаточно одного заявления работника с последующим согласованием его с работодателем, либо допускается устная договоренность между сторонами договора? Отсутствуют и четкие нормативные правила заключения соглашения о прекращении трудового договора. В результате правовой неопределенности в оформлении увольнения по соглашению сторон работодатель допускает нарушение трудовых прав работников, защита которых впоследствии осуществляется в судебном порядке. Например, работодателем фактически принимались решения о прекращении трудовых отношений в одностороннем порядке, без составления соглашения, без согласия работника, без учета его мнения и желания [11; 12;13], в то время, когда увольнение на основании ст. 78

ТК РФ зависит от взаимного волеизъявления сторон, и вне договоренности между работником и работодателем производиться не может.

Поэтому правила оформления прекращения трудового договора на основании соглашения сторон необходимо установить на законодательном уровне. При этом следует указать конкретный документ, которым будет фиксироваться желание обоих участников трудовых отношений на их прекращение, а также предусмотреть письменную его форму. Подобное регулирование будет способствовать соблюдению и защите трудовых прав граждан.

Таким образом, защита трудовых прав, независимо от избранного способа, не может быть эффективной без должной нормативной оптимизации подлежащих применению положений трудового законодательства.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020; 06.10.2022.

2. Рекомендация № 198 Международной организации труда «О трудовом правоотношении» [рус., англ.] (Принята в г. Женеве 15.06.2006 на 95-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. Т.В. Ерохина. Самозащита трудовых прав как элемент профессионального и карьерного развития медицинских работников // Эффективный менеджмент здравоохранения: стратегии инноваций: Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. Редколлегия: А.С. Федонников [и др.]. Саратов, 2022. С. 100-104.

4. Определение Конституционного Суда РФ от 02 марта 2006 № 60-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сазонова Владимира Григорьевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 124, 142 и 234 Трудового кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 4.

5. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 20 марта 2018 по делу № 33-2117/2018 // СПС «Консультант Плюс».

6. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 29 сентября 2015 по делу № 33-4012/2015 // СПС «Консультант Плюс».

7. Цукарев А.Е. Актуальные проблемы самозащиты трудовых прав / А.Е. Цукарев // Контентус. 2020. № 5. С. 159-169.

8. Апелляционное определение СК по гражданским делам Алтайского краевого суда от 16 апреля 2013 г. по делу № 33-3137-13 // Интернет-версия системы ГАРАНТ. URL: <https://demo.garant.ru/#/document/109108335/paragraph/54:22> / (дата обращения: 29.11.2023).

9. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 17 апреля 2012 г. № 33-4087/2012 // Интернет-версия системы ГАРАНТ. URL: <https://demo.garant.ru/#/document/35196903/paragraph/1:21> / (дата обращения: 29.11.2023).

10. Т.В. Ерохина. Проблемные аспекты расторжения трудового договора по инициативе работника // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 3. С. 31-34.

11. Определение Верховного Суда РФ от 14 мая 2010 № 45-В10-7. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

12. Кассационное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 23 мая 2011. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

13. Верховный суд Республики Карелия «Судебная практика по гражданским делам за II полугодие 2006 года» // Бюллетень Верховного Суда Республики Карелия. 2007. № 1(16).

Типикина Екатерина Владимировна,
к.ю.н., доцент кафедры трудового права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»,
Российская Федерация

К ВОПРОСУ О ПРАВЕ РАБОТНИКОВ НА ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ ВЫПЛАТЫ В СОСТАВЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И ЕГО ЗАЩИТЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ О ТРУДЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Проблема стимулирующих выплат в трудовом праве Российской Федерации не утрачивает своей актуальности как на уровне трудового права, так и в практике правоприменения. Более того, исследование стимулирующих выплат представляет особый интерес для законодательного упорядочения понятийного аппарата, оснований и порядка их установления, предоставления работникам, а также для определения истинной правовой природы стимулирующей части оплаты труда и стимулирующих выплат, в частности премий, регламентированных статьей 191 Трудового кодекса Российской Федерации (далее ТК РФ) [1]. В настоящее время единства мнений ни по поводу понимания данной правовой категории, как в общей теории российского права, так и в теории трудового права России, ни по возникающим вопросам применения стимулирующих выплат на практике, не сформировалось.

Отсутствие однозначного понимания характера той или иной стимулирующей выплаты в трудовых правоотношениях, отнесение к этой группе выплат, не являющихся таковыми, необоснованно широкая трактовка стимулирующих выплат в судебной и государственно-надзорной практике негативно сказывается на качестве правосудия по данной категории дел и влечет нарушения имущественных прав, как работодателей, так и работников, а также принципа справедливости. Наиболее очевидной причиной такого положения дел, несомненно, является тот факт, что в ТК РФ отсутствуют нормы, раскрывающие понятие, сущность, виды, порядок установления и применения стимулирующих выплат, входящих в состав заработной платы работников. На необходимость детального законодательного регулирования данного института неоднократно обращалось внимание специалистами в области трудового права. В отличие от других элементов оплаты труда, в определенной степени урегулированных ТК РФ и (или) иными централизованными источниками, стимулирующие выплаты, как правило, являются предметом исключительно

локального правотворчества. Это, с одной стороны, соответствует свободе работодателей в определении размеров и условий этой части оплаты труда, а, с другой, явствует нехватка централизованной регламентации, что порождает споры и сложности в защите работниками права на заработную плату.

Целевое назначение рассматриваемых выплат – стимулирование высококачественного, высокопроизводительного, высокоэффективного добросовестного труда работников. Право, выступая регулятором общественных отношений, призвано влиять на поведение субъектов, корректировать его в соответствии с определёнными целями. Одни поступки правовые средства стимулируют, а другие – ограничивают, оказывая при этом, положительное либо отрицательное мотивационное воздействие на процесс удовлетворения тех или иных интересов личности, коллектива, государства, общества. Под правовыми стимулами следует понимать побуждение к законопослушному поведению, создающее для удовлетворения собственных интересов субъектов режим благоприятствования. Стимулирующие возможности присущи ряду позитивных юридических инструментов – субъективному праву, законным интересам, льготам, привилегиям, поощрениям [2; 8 стр.]. Некоторые нормы трудового права, в которых мотивация к высокоэффективному, высокопроизводительному и высококачественному труду построена на основе привлекательности и заранее обещанных благоприятных последствий, обладают стимулирующими элементами. Особенность правового регулирования трудовых отношений состоит в том, что посредством мер стимулирования, работники побуждаются к достижению социально-полезного результата в труде. В этой связи, нельзя не согласиться с тем, что в трудовом праве стимулирующие средства используются в большей степени нежели в других отраслях российского права и самыми распространёнными мерами стимулирования являются стимулирующие выплаты, которые предусмотрены в нормах, регулирующих вопросы оплаты труда и поощрения за труд. Так, согласно статье 129 ТК РФ, закрепляющей понятие заработной платы работников, стимулирующие выплаты (выплаты стимулирующего характера) – это доплаты и надбавки стимулирующего характера, премии и иные поощрительные выплаты, которые являются составной частью (элементом) заработной платы. В соответствии с ч. 1 и ч. 2 статьи 135 ТК РФ, заработная плата работнику устанавливается трудовым договором в соответствии с действующими у данного работодателя системами оплаты труда, а системы оплаты труда, включая размеры тарифных ставок, окладов (должностных окладов), доплат и надбавок компенсационного характера, в том числе за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных, системы доплат и надбавок стимулирующего характера и системы премирования, устанавливаются коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами. Также, в статье 57 ТК РФ в числе условий, обязательных для включения в трудовой договор, называются условия оплаты труда (в том числе размер тарифной ставки или оклада (должностного оклада) работника, а также доплаты, надбавки и поощрительные выплаты).

Выше указанные положения закона позволяют сделать вывод, что законодатель не устанавливает чёткого, развёрнутого определения понятия «стимулирующие выплаты», не раскрывает сущность и виды доплат, надбавок

стимулирующего характера, премий, иных поощрительных выплат. В этой связи, предоставляется свобода усмотрения в этом вопросе и возможность собственного толкования указанных терминов непосредственно правоприменителем, в частности, работодателем.

В рассматриваемых статьях ТК РФ термины «стимулирующие выплаты» и «поощрительные выплаты» выступают синонимами. Необходимо признать, что эти выплаты являются разновидностью поощрения работников, как самого действенного и эффективного правового стимула. Из чего следует, что согласно действующим нормам трудового права стимулирующие выплаты – есть поощрительные выплаты за заслуги в труде, поощрение за труд. Подтверждение такого вывода содержится в положениях Приказа Минздравсоцразвития РФ от 29.12.2007 г. № 818 «Об утверждении Перечня видов выплат стимулирующего характера в федеральных бюджетных, автономных, казенных учреждениях и разъяснения о порядке установления выплат стимулирующего характера в этих учреждениях». Так, в нем установлено, что выплатами стимулирующего характера являются следующие: за интенсивность и высокие результаты работы; за качество выполняемых работ; за стаж непрерывной работы, выслугу лет; премиальные выплаты по итогам работы. При этом отмечается, что к таковым относятся выплаты, которые направлены на стимулирование работника к качественному результату труда, а также поощрение за выполненную работу [3]. Следует отметить, что, в нормах утратившего силу КЗоТ РФ (утв. ВС РСФСР 09.12.1971 г.), термин «стимулирующие выплаты» не употреблялся, а использовались именно термины «поощрительные выплаты», «материальное поощрение» (ст. ст. 78, 80, 83), т.е. в целях стимулирования высокоэффективного труда использовалось поощрение и, таким образом, путаницы в терминологии не создавалось.

Вместе с тем, так как поощрение за труд, регламентировано специальной статьей – 191 ТК РФ, где предусмотрено премирование работников, можно сделать вывод, что по нормам трудового права к работникам может применяться два варианта материального поощрения: в виде стимулирующих выплат в составе заработной платы, а также на основании данной статьи. В результате чего, в правоприменительной практике возникают вопросы о правовой природе стимулирующих выплат, их разграничении, наличии права работников на их получение и требование, а также о гарантированности данных выплат.

В теории трудового права существует подход, в соответствии с которым стимулирующие выплаты в рамках заработной платы (регулярные, систематические), предоставляемые по заранее утвержденным показателям, на основании локального нормативного акта работодателя, соглашения, коллективного договора, составляют переменную часть заработной платы и подлежат обязательной выплате при достижении установленных критериев. Работник может требовать их выплаты. При этом, условия неначисления или снижения их размера работодатель имеет право установить в локальном нормативном акте, коллективном договоре, соглашении. Стимулирующие же выплаты, которые носят разовый (единовременный) характер не входят в состав заработной платы, относятся к мерам поощрения. Они предоставляются как правило, без заранее установленных показателей и выплачиваются по

усмотрению работодателя, потребовать которые, соответственно нельзя. Так, в комментарии к статье 135 ТК РФ отмечено: «Регулярные премии, выплачиваемые по заранее утвержденным показателям (в соответствии с системой премирования), составляют часть заработной платы. Их необходимо отличать от разовых (единовременных) премий, которые являются поощрением работника за особые достижения в труде и выплачиваются за выполнение особо важных заданий, в связи с праздничными или торжественными датами, по итогам смотров или конкурсов (ст. 191 Трудового кодекса РФ)» [4]. В учебной литературе отмечается, что премирование работников может иметь и характер меры поощрения (поощрительное премирование) [5]. На основании изложенного напрашивается вывод, что премии в составе заработной платы не являются мерой поощрения. Однако, это противоречит общепризнанным в теории права положениям о поощрении. Ибо премия – это самый распространённый вид материального поощрения, трудовая стимул.

Отчасти схожими с рассмотренными теоретическими взглядами выступают мнения судов. Обратимся к некоторым правовым позициям Конституционного Суда РФ по рассматриваемому вопросу. В частности, отмечается, что стимулирующие выплаты должны выполнять функцию дополнительного средства побуждения работника к высокопроизводительному труду и к повышению эффективности его трудовой деятельности [6]. Такие выплаты имеют определенное целевое назначение, что обуславливает возникновение права на их получение выполнением работником установленных действующим правовым регулированием требований (показателей, условий). До определения работодателем размера денежных средств, причитающихся работнику на конкретную дату, работник имеет право не на заработную плату в определенной сумме, а на оплату затраченного им труда в соответствии с его количеством и качеством. При этом реализация субъективного права на оплату труда в рамках трудового правоотношения возможна при наличии распорядительного акта работодателя, который является юридически значимым фактом [7]. Часть 1 статьи 191 ТК РФ предоставляет работодателю право поощрять работника за добросовестный и эффективный труд, в том числе путем выдачи премии. Такая премия в соответствии с буквальным смыслом указанной нормы является одним из видов поощрения, применение которого относится к дискреции работодателя. Данная норма не затрагивает вопросов установления заработной платы и определения ее составляющих, направлена на обеспечение эффективного управления трудовой деятельностью [8]. Таким образом, Конституционный Суд РФ, в данном случае, указал на различную правовую природу премий, как разновидности стимулирующих выплат, в составе заработной платы и за её пределами. Однако, в текущей судебной практике, можно заметить отождествление стимулирующих (поощрительных) выплат по статьям 129, 135 ТК РФ и таковых по статье 191 ТК РФ. Эти нормы применяются во взаимосвязи при обосновании решений. Так, Верховный суд РФ отмечает, что в соответствии с нормами статьи 191 ТК РФ премия является одним из видов поощрения работника, добросовестно исполняющего трудовые обязанности, размер и условия выплаты которого работодатель определяет с учетом совокупности обстоятельств, предусматривающих самостоятельную оценку работодателем

выполненных работником трудовых обязанностей, и иных условий, влияющих на размер премии, в том числе результатов экономической деятельности самой организации. Трудовое законодательство не устанавливает порядок и условия назначения и выплаты работодателем стимулирующих выплат, а лишь предусматривает, что такие выплаты входят в систему оплаты труда, а условия их назначения устанавливаются локальными нормативными актами работодателя [9]. В большинстве случаев, применяя обозначенные выше нормы ТК РФ в совокупности, суды отказывают в удовлетворении требований работников, ссылаясь на право, а не обязанность работодателя предоставить поощрение согласно ст. ст. 22, 191 ТК РФ. При этом указывая, что стимулирующие выплаты в составе заработной платы, в отличие от компенсационных, зависят от усмотрения работодателя, не являются гарантированными, безусловными выплатами [10].

На основании изложенного, говоря о праве работников на стимулирующие выплаты в составе заработной платы можно сделать вывод, что в соответствии с действующим трудовым законодательством у работодателя отсутствует обязанность поощрять работников, устанавливать и предоставлять им стимулирующие выплаты. Соответственно у работника, в свою очередь, исключается право на подобные выплаты. Вместе с тем, анализ трудовых норм и судебной практики показывает, что у работника возникает право на получение стимулирующих выплат в составе заработной платы при выполнении установленных показателей и условий, а также право на его защиту.

В целом, все перечисленные виды выплат носят, несомненно, поощрительный характер, обладают поощрительной функциональной направленностью, так как устанавливаются только за определённые достижения, заслуги работников как в области совершенствования своих профессиональных (деловых) качеств, так и при выполнении трудовых обязанностей. Таким образом, правовая природа стимулирующих выплат в трудовом праве сводится к материальному поощрению работников. В языке законодательства о труде они могут выражаться по-разному: стимулирующие надбавки и доплаты, премии, поощрительные выплаты, но сущность таких выплат едина – меры поощрения за труд. Во избежание трудовых споров, необходимо четко и детально регламентировать в ТК РФ основания и порядок поощрения работников, закрепить право работников на поощрение в случае установления в их действиях состава заслуженного поступка (т.е. выполнение условий, критериев поощрения). Поощрение в трудовом праве – это дополнительные блага морального и материального характера, выступающие формой (мерой) юридического одобрения добровольных заслуженных поступков, совершённых в процессе труда и применяемые работодателем к достойным работникам в целях отличия достигнутых ими высоких результатов, побуждения их к дальнейшему социально-активному заслуженному поведению, а также к совершению подобных поступков другими работниками [11; стр. 45]. Поощрение должно предоставляться работникам сверх оплаты труда, дополнительно к ней, так как основное назначение заработной платы не поощрять работников и не обещать поощрение (соответственно стимулировать),

а оплатить выполнение прямой обязанности работника – добросовестное исполнение своих трудовых обязанностей (ст. 21 ТК РФ).

Список использованных источников:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 № 197-ФЗ (ред. от 04.08.2023, с изм. от 24.10.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3; 2023. № 32 (Часть I). Ст. 6203.
2. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. Саратов, Изд-во СГУ, 1994. 184 с.
3. Российская газета. 2008. 29 февр.
4. Комментарий к Трудовому кодексу РФ (постатейный) под ред. заслуженного деятеля науки РФ, д.ю.н., профессора Ю.П. Орловского. М., 2014. // Текст содержится в СПС «Консультант Плюс».
5. Трудовое право России. Учебник по общ. ред. д.ю.н., доцента М.В. Преснякова, д.ю.н., профессора С.Е. Чаннова. Саратов, 2014. // Текст содержится в СПС «Консультант Плюс».
6. Определения Конституционного Суда РФ от 12 апреля 2019 года № 868-О и № 869-О // Текст содержится в СПС «Консультант Плюс».
7. Определение Конституционного Суда РФ от 13 октября 2022 года N 2670-О // Текст содержится в СПС «Консультант Плюс».
8. Определение Конституционного Суда РФ от 21 июля 2022 г. № 2000-О // Текст содержится в СПС «Консультант Плюс».
9. Определение Верховного суда РФ от 27 ноября 2017 г. № 69-КГ17-22 // Документ опубликован не был. Текст содержится в СПС «Консультант Плюс».
10. Апелляционное определение Московского городского суда от 20 января 2016 г. № 33-1791/2016; Апелляционное определение Московского городского суда от 22 декабря 2015 г. по делу № 33-47178/2015; Апелляционное определение Московского городского суда от 30 августа 2017 г. № 33-34578/2017.
11. Типикина Е.В. Поощрительные санкции в трудовом праве // Поощрительные санкции в праве: общетеоретический и отраслевой аспекты: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.И. Матузова, докт. юрид. наук, проф. А.В. Малько. М.: Юрлитинформ, 2016. 400 с.

Борисова Виктория Федоровна,
к.ю.н., доцент кафедры гражданского
процесса ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»,
Российская Федерация

ДОСТУПНОСТЬ ПРАВОСУДИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Доступность правосудия предполагает доступность процессуально-правового механизма, обеспечивающего правильное и своевременное рассмотрение и разрешение спора, а в итоге защиту нарушенного или неправомерно оспариваемого права [1; 7-8 стр.].

Внедрение цифровых технологий в сферу правосудия призвано повысить гарантии его доступности для заинтересованных лиц. Доступность правосудия должна быть гарантирована на всех стадиях гражданского судопроизводства, и в первую очередь, при принятии искового заявления к производству суда, поскольку именно с этим юридическим фактом связывается потенциальная возможность получения судебной защиты нарушенных прав и охраняемых законом интересов. Электронные технологии оказывают воздействие на реализацию судоустройственных гарантий доступности правосудия, оптимизируя процедуру оплаты государственной пошлины путем безналичных расчетов по реквизитам, размещенным на сайтах судов общей юрисдикции; нивелируя расстояния между судами и участниками процесса путем обращения в суд через порталы судов, а также портал государственных услуг, дистанционного участия в судебных заседаниях.

Судопроизводственные гарантии доступности правосудия как меры процессуального характера, направленные на обеспечение получения судебной защиты заинтересованным лицом, совершенствуются за счет электронных технологий, позволяющих обращаться в суд в пределах установленных сроков, в том числе сокращенных; упростить обмен процессуальными документами между участниками процесса, включая прокуратуру и иные государственные органы. Проведение судебных заседаний в формате видеоконференцсвязи или вэб-конференции предоставляет иногородним сторонам судебного разбирательства возможность осуществить свои процессуальные права и обязанности по заявлению ходатайств, отводов, даче объяснений по делу, участию в исследовании доказательств, присутствию при оглашении судебного решения. Электронный сервис подачи процессуальных документов, помимо предъявления исковых заявлений (заявлений) в суд первой инстанции, предполагает подачу заявлений, ходатайств, письменных и иных графических доказательств, а также апелляционных и кассационных, надзорных жалоб на судебные акты. Вместе с тем, доступ к суду в условиях цифровизации не носит абсолютный характер, поскольку ограничен дискреционными полномочиями суда, а также недостаточностью правового регулирования. Например, суду принадлежит право удовлетворить или отказать в удовлетворении ходатайства об участии в судебном заседании путем использования систем видеоконференцсвязи или вэб-конференции. Отсутствие у суда технической возможности осуществления видеоконференцсвязи или вэб-конференции может служить основанием для отказа в удовлетворении ходатайства. По мнению Е.В. Бурдиной, по завершению формирования виртуального пространства судов, технический отказ в совершении процессуального действия должен признаваться отказом в правосудии [2; 40 стр.]. Помимо дискреционных полномочий судов, немаловажную роль в ограничении доступа к правосудию в условиях цифровизации играют фактические действия суда, не урегулированные законом. Так, пункт 4.5. Приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» предусматривает основания для отклонения документов, поданных в суд в электронном виде, не упоминаемые в ГПК РФ [3].

Отсутствие в законе механизма отклонения электронного обращения обуславливает невозможность обжалования непринятия заявления судом и создает нелегитимные препятствия в доступе к судебной защите.

Исследование влияния электронных технологий на доступность правосудия в Республике Казахстан свидетельствует об успешном опыте использования платформенного подхода. Он предполагает эксплуатацию режима единого электронного окна дистанционного доступа к судебным услугам (получение сведений об обращениях и движении дел, копий судебных актов, аудио- и видеозаписей судебных заседаний, дистанционное участие в процессе) [4; 3-8 стр.]. Помимо существующих гарантий доступности правосудия, активное применение электронных технологий обусловило формирование новых условий для упрощения доступа к судебной защите. Ряд из них распространяется на сферу судоустройства. В частности, нивелируется значимость суда как здания, обязательного для посещения субъектами процессуальных правоотношений, в силу увеличения количества судебных услуг, получаемых при помощи сервиса «Судебный кабинет», функционирующего в виде версии для персонального компьютера и приложения для мобильных устройств. Доступности правосудия способствует возможность выбора истцом формата гражданского судопроизводства – в бумажной или в электронной форме. Снижение частоты посещения судов и потребности в услугах юристов влечет за собой уменьшение судебных расходов, связанных с рассмотрением гражданских дел.

Судопроизводство становится более доступным по причине расширения способов электронного извещения о времени и месте судебного заседания посредством сервиса «e-Уведомление», доставляющего судебные повестки и уведомления через мессенджеры и электронную почту, создания электронных судебных дел, распространения электронного документооборота в процессуальных целях [5; 49-53 стр.].

Что касается перспектив, то Стратегический план развития Республики Казахстан до 2025 года в рамках технологической инициативы «Цифровизация правоохранительных органов и судов» декларирует внедрение в сферу правосудия элементов искусственного интеллекта [6].

В Российской Федерации перспективы цифровизации правосудия направлены на внедрение суперсервиса «Правосудие онлайн», объединение электронных ресурсов судов на базе облачных технологий с целью максимально информативного и оперативного сбора и обмена информацией, касающейся деятельности судов, расширение возможностей использования слабого искусственного интеллекта в интересах правосудия.

Как видно, основные тенденции цифровизации правосудия Российской Федерации и Республики Казахстан имеют значительное сходство. Особую значимость и тревогу вызывает вопрос о границах вторжения искусственного интеллекта в судебную деятельность. Дискуссии в научных кругах опираются на национальный и зарубежный опыт автоматизации правосудия, а также на оценку допустимости замещения человеческого интеллекта искусственным, копирующим когнитивные способности судьи.

Вильфрид Бернхардт описывает проблемы конкуренции естественного и искусственного интеллекта, заключающиеся в вытеснении судебной системы с

ее ограниченными техническими возможностями правовыми платформами, находящимися в частных руках. Такие системы обладают высокой скоростью обработки информации, способны к самообучению, предлагают широкий спектр правовых услуг и консультаций, в том числе онлайн - разрешение споров, медиацию, автоматизированное принятие решений. Уязвимым местом этих систем является их зависимость от воли владельца, что сохраняет приоритет в разрешении споров за судом как независимым государственным органом. В то же время судопроизводство нуждается в усилении электронного инструментария по обработке больших данных, их классификации, анализу, прогнозированию исхода дела с учетом конкретных юридических обстоятельств. Самостоятельную группу обсуждаемых теоретико-прикладных проблем формируют правовые и нравственные аспекты функционирования роботов – судей. Несмотря на то, что робот-судья выстраивает решения на основании изучения массивов судебной практики по сходным спорам и позиционируется как объективный и беспристрастный арбитр, его «умозаключения» также не свободны от дискриминации в отношении определенных слоев населения [7; 15-18 стр.]. Нельзя исключать построение искусственным интеллектом неправильных логических конструкций при изменении позиции судов либо при сохранении в базе данных отмененных вышестоящими инстанциями судебных решений. В результате исследования Вильфрид Бернхардт, как и большинство ученых, приходит к выводу о вспомогательной роли робота-судьи для осуществления правосудия в виде выполнения задач по автоматическому переводу, анонимизации судебных решений, электронному взаимодействию судов с иными участниками процесса, генерации документов для принятия решений.

Обращая внимание на изложенную точку зрения, следует дифференцировать воздействие электронных технологий на гарантии доступности правосудия, а также на формирование новых условий для облегчения получения судебной защиты, и применение электронных технологий во вспомогательных целях. Так, функционирование всевозможных правовых платформ, не используемых в работе судебных органов, характеризуется как доступ к юридическим услугам, а не собственно к правосудию как деятельности государственных судов по рассмотрению и разрешению гражданских дел. Иное означало бы нарушение принципа осуществления правосудия только судом, связанное с проблемой «конституционной легитимности использования искусственного интеллекта» в судебной деятельности. Р.Р. Исмаилов справедливо указывает на то, что судьями могут быть только граждане, отвечающие определенным личным и квалификационным требованиям. Соответственно, искусственный интеллект способен обеспечивать судью и иных участников процесса правовыми материалами, выполнять функцию эксперта, выполнять ряд ограниченных судебных полномочий [8; 32-35 стр.].

Список использованных источников:

1. Шамшуринов Л.Л. Доступность правосудия как гарантия реализации права на судебную защиту в сфере гражданской юрисдикции // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 1. С. 7- 8.

2. Бурдина Е.В. Проблемы цифрового доступа к суду в Российской Федерации: теоретические и практические аспекты / Права человека и судебная власть в информационно обществе: вопросы теории, практики и законодательства: Сборник материалов ШЕвразийского форума по правам человека (г. Нур-Султан, 10 декабря 2021 г.) /Под ред. З.Х. Баймолдиной. Нур-Султан, 2022. С. 40.

3. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 2.

4. Капустин О.А. Организационно-правовые формы судопроизводства с применением технологий удаленного доступа // Российский судья. 2021. № 1. С.3 - 8.

5. Бурдина Е.В. Новые организационные формы отправления правосудия: опыт судов в Республике Казахстан // Российский судья. 2021. № 1. С. 49 - 53.

6. Указ Президента Республики Казахстан от 15.02.2018 N 636 "Об утверждении Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 года и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан". URL: <https://primeminister.kz/ru/documents/gosprograms/stratplan-2025>

7. Вильфрид Бернхардт. Применение искусственного интеллекта в судебной системе – грядет ли робот- судья? / Права человека и судебная власть в информационно обществе: вопросы теории, практики и законодательства: Сборник материалов ШЕвразийского форума по правам человека (г. Нур-Султан, 10 декабря 2021 г.) /Под ред. З.Х. Баймолдиной. Нур-Султан, 2022. С. 15-18.

8. Исмаилов Р.А. Судебная деятельность и искусственный интеллект / Права человека и судебная власть в информационно обществе: вопросы теории, практики и законодательства: Сборник материалов ШЕвразийского форума по правам человека (г. Нур-Султан, 10 декабря 2021 г.) /Под ред. З.Х. Баймолдиной. Нур-Султан, 2022. С. 32- 35.

Гаврилова Юлия Вячеславовна

к.ю.н., доцент департамента права
института экономики, управления
и права ГАОУ ВО МГПУ,
Российская Федерация

ПОТЕНЦИАЛ НОТАРИАТА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Защита достоинства, прав и свобод человека является одним из ключевых императивов современного общественного развития. Однако, несмотря на все усилия международного сообщества и отдельных государств, направленные на решение этой задачи, актуальность правозащитного дискурса в наши дни лишь возрастает. Ценности человеческой жизни угрожают не только политический радикализм, военные угрозы, терроризм и экстремизм. Требуется учитывать появление новых рисков, связанных с экспансией цифровых технологий,

развитием искусственного интеллекта, расширением возможностей контроля и влияния на поведение индивида, деформацией мировосприятия, коммуникативной и поведенческой культуры современного человека под влиянием информационного прессинга, виртуализации окружающей среды [1; 136-137 стр.]. В этих условиях возникает необходимость в укреплении системы гарантий прав и свобод человека, совершенствовании механизмов правового мониторинга и консультирования, объединении усилий органов публичной власти и институтов гражданского общества, направленных на защиту широкого спектра прав и свобод личности, оказание эффективной помощи в их реализации.

Особым институтом, который в разных правовых порядках может быть отнесен как к представителям государства (государственный нотариат), так и гражданского общества (нотариат латинского типа, «свободный»), является нотариат. Несмотря на тот факт, что, как правило, в контексте дискуссий о гарантировании прав и свобод человека, их закреплении на международном и конституционном уровнях нотариат практически не упоминается, влияние этого института на состояние с правами человека и его потенциал представляются довольно значительными.

Нотариат можно охарактеризовать как публично-правовой, правоприменительный институт, представляющий собой систему лиц, органов и организаций, осуществляющих (нотариусы) или обеспечивающих (нотариальные палаты) защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц в особых формах, прежде всего, посредством совершения нотариальных действий.

Возникнув в Древнем Риме с развитием гражданского оборота, нотариат получил распространение по всему миру и трансформировался с учетом особенностей стран, принадлежащих к разным правовым системам, стоящих перед ними задач, технологических возможностей и необходимых ресурсов. Конечно, о правозащитной функции нотариата можно вести речь при рассмотрении защиты в широком смысле слова, когда только требуется содействие в реализации прав и свобод, отсутствует факт их нарушения, спор о праве. Именно в таком контексте нотариат рассматривают как институт превентивного правосудия. И в Российской Федерации, и в Республике Казахстан отмечается, что имеющиеся у нотариата правовые инструменты разгружают суды от рассмотрения значительного количества дел, носящих бесспорный характер, существенно снижают нагрузку на судебную систему [2; 149 стр.; 3; 28 стр.].

Обеспечение защиты прав человека нотариатом может быть рассмотрено в разных аспектах.

Во-первых, с точки зрения тех прав, реализация которых обеспечивается в процессе осуществления нотариальной деятельности. Конечно, традиционно потребность в нотариате связывается с появлением и развитием гражданского оборота. Следовательно, в первую очередь деятельность нотариусов направлена на защиту имущественных прав. К ним можно отнести такие экономические права как право владеть имуществом (право частной собственности, распоряжения ею, наследование), свобода экономической деятельности (право на предпринимательскую деятельность). Необходимость обращения к нотариусу

за совершением таких нотариальных действий как, например, удостоверение завещания, договора ренты, договора купли-продажи доли в уставном капитале, выхода участника из общества с ограниченной ответственностью, установленная российским законодательством, учитывает как сложившуюся за много веков практику, так и появившиеся статистические данные, свидетельствующие о невозможности защитить собственников бизнеса от рейдерских захватов и восстановить их нарушенные права при сохранении первоначальной простой письменной формы сделки в сфере корпоративных отношений. В таких случаях законодатель реагирует на обозначившуюся проблему и определяет тот механизм, который позволит защитить как интересы частных лиц, так и публичный интерес, гарантировать достоверность сведений, вносимых в государственные реестры, стабильность гражданского оборота, снизить нагрузку на правоохранительную систему.

Деятельность нотариата значима и в контексте осуществления прав других категорий (личных, социальных, культурных и даже политических), в том числе неимущественного характера. Например, в Испании предусмотрена не только регистрация брака в Гражданском реестре, но и нотариальная регистрация брака, что позволяет с 2021 года реализовать право на вступление в брак без длительных ожиданий в течение нескольких месяцев. Некоторыми специалистами [4; 286 стр.] предлагается закрепить в белорусском законодательстве возможность нотариального расторжения брака, что с учетом доступного дистанционного формата взаимодействия сторон, условий для заключения брачного договора, алиментного соглашения, соглашения о порядке воспитания и общения с родителем, проживающим отдельно от ребенка, может позволить не только минимизировать случаи обращения в суд, но и ориентировать граждан на возможность достижения результата посредством договоренности между собой.

С учетом того, что нотариус является специалистом, к которому предъявляются требования знания значительного числа отраслей права, освоение навыков медиации, наличие необходимых человеческих качеств, таких как психологическая устойчивость, ответственность, отзывчивость и пр., представляется, что потенциально он может быть более широко задействован и в семейных правоотношениях.

Во-вторых, особое внимание может быть уделено субъектам, права которых подлежат защите в нотариальном порядке. В этой связи в качестве отдельной группы можно выделить лиц, относимых государством к категории социально уязвимых. В эту группу могут входить несовершеннолетние граждане, а также граждане, признанные ограниченно дееспособными. Очевидно, что в силу своих психофизических особенностей они не всегда имеют возможность реализовать свои права и добиться их соблюдения. Кроме того, несмотря на тот факт, что национальное законодательство в разных формах закрепляет за родителями обязанность заботиться о своих детях, защищать их права, зачастую именно нотариус в ряде случаев предотвращает ситуации, когда законные представители несовершеннолетних действуют не в интересах несовершеннолетних, а в своих собственных.

В-третьих, с точки зрения способа обеспечения прав и свобод граждан. В большинстве случаев нотариус оказывает квалифицированную юридическую помощь посредством совершения нотариальных действий, однако в некоторых случаях помочь гражданину защитить свои права нотариус может посредством консультирования или даже отказа в совершении нотариального действия. В этом случае не всегда презюмируется незаконный характер действий обращающегося за нотариальными услугами, который может быть вынужден пройти предварительный этап в виде обращения к нотариусу для дальнейшей реализации своих прав в судебном порядке, например, при оформлении наследственных прав в случае невозможности доказать в бесспорном порядке родственные отношения или принадлежность имущества наследодателю. Получение нотариальной консультации призвано позволить гражданину сделать правильный выбор, касающийся, например, конкретной сделки по распоряжению собственным имуществом, в том числе на случай смерти, необходимости воздержаться от совершения нотариального действия, влекущего риски, связанные с потенциальным отчуждением имущества в пользу третьих лиц, и т.д.

В-четвертых, обеспечение защиты прав и свобод человека со стороны нотариата может быть связано со взаимодействием с широким спектром субъектов права как в интересах повышения эффективности деятельности нотариуса, так и различных органов власти и др. Данное взаимодействие может быть обусловлено необходимостью получения определенной информации как самим нотариусом, так и от него. В этой связи в качестве позитивных изменений, произошедших в России в связи с развитием электронного нотариата и расширением межведомственного взаимодействия, можно отметить доступность для нотариусов следующей информации: о дееспособности граждан, действительности паспортов, правоустанавливающих документов на недвижимое имущество, кредитных организациях, в которых имеются счета наследодателя, оформленных им завещаниях, заключенных брачных договорах и некоторых других сведений. А с учетом развития информационных технологий очевидно, что возможности взаимодействия будут только расширяться, в том числе в перспективе и в отношении взаимодействия нотариата и суда, для которого качество и оперативность представляемых нотариусом доказательств может иметь большое значение для эффективной защиты прав граждан.

В-пятых, нотариат может содействовать защите прав граждан, участвуя в осуществлении государственной политики, направленной на повышение правовой грамотности граждан. Очевидно, что наличие самых разнообразных институтов, деятельность которых направлена на обеспечение прав и свобод граждан, не способно обеспечить реализацию их прав, если носители этих самых прав не обладают достаточными знаниями, навыками, мотивацией, необходимыми для осуществления и защиты этих прав в случае их нарушения. Например, согласно «Основам государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) нотариусы наряду с адвокатами являются участниками процесса правового просвещения и развития правосознания граждан (пп. 6 п. 16). В связи с выполнением этой миссии

нотариусы, нотариальные палаты и их представители особое внимание уделяют доступности информационной среды, размещая на своих сайтах необходимую правовую информацию о нотариальных действиях (комментарии, инфографику, видео и т.д.), выступают в средствах массовой информации, проводят просветительские мероприятия, повышают публикационную активность, стремясь в доступной форме донести до граждан сведения, позволяющие им безопасно реализовать свои права в полном объеме.

Кроме того, нельзя не отметить и социальное направление деятельности нотариата, связанное с оказанием гуманитарной помощи определенным категориям граждан: детям-сиротам, инвалидам и т.д.

В связи с вышеизложенным правозащитный потенциал нотариата может быть рассмотрен в контексте следующих направлений:

- увеличение спектра совершаемых нотариусами нотариальных действий, в том числе действий, подлежащих обязательному нотариальному удостоверению. Естественно, что наделение нотариуса соответствующими полномочиями должно носить объективный характер, иметь не только правовую, но и материальную основу, учитывать как зарубежный опыт, так и потребности и возможности граждан и государства на конкретном этапе развития, осознаваться гражданами в качестве оптимального варианта.

- оптимизация процедур совершаемых нотариальных действий, в том числе посредством расширения взаимодействия с государственными и негосударственными структурами, с использованием электронных технологий, повышающих достоверность подлежащих проверке фактов и обстоятельств, уровень доверия граждан и юридических лиц к данному институту, снижающих их временные и финансовые затраты.

- более активное участие в деятельности системы субъектов, обеспечивающих оказание бесплатной юридической помощи. При этом при существовании нотариата латинского типа актуальным может быть вопрос о соотношении возлагаемых на нотариусов обязанностей с теми ресурсами, которые они имеют в условиях самофинансирования нотариальной деятельности. Очевидно, что проблема доступности нотариальных услуг и достаточности финансовой основы для их оказания на самом высоком уровне требует постоянного мониторинга и, возможно, потенциального участия государства в компенсации затрат, связанных с бесплатным оказанием юридической помощи.

- расширение форм участия нотариусов и нотариальных палат в осуществлении правового просвещения граждан.

Следует учитывать, что любые изменения в данной сфере должны соответствовать сущности нотариата, отвечать потребностям личности, общества и государства, способствовать наиболее эффективной реализации прав и свобод граждан, соответствовать принципу доступности нотариальных услуг, сопровождаться качественными изменениями правового пространства.

Список использованных источников:

1. Пономарев М.В. Экология информационного пространства как фактор безопасного развития общества и личности // Стратегия устойчивого развития:

экологические права и другие компонент: материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Т.А. Сошниковой и др. М.: МосГУ, 2018. С. 136-140.

2. Корсик К.А. Некоторые аспекты превентивной функции нотариата // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 5 (126). С. 148-154.

3. Рыспекова Г. Роль нотариата в превентивном правосудии. Исполнительная надпись как способ внесудебного разрешения гражданских споров // Бюллетень нотариуса. 2021. № 4. С. 28-37.

4. Рыжковец А.В., Рутман Е.Я. Расторжение брака через нотариуса: зарубежный опыт и перспективы в Республике Беларусь // Право и государство, общество и личность: история, теория, практика. Сборник статей участников IX Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. М.В. Головацкая. Коломна, 2020. С. 283-287.

Курманова Айгуль Куанышевна

к.ю.н., ведущий научный сотрудник
Института законодательства и правовой
информации Республики Казахстан

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЯ ПРИ ОКАЗАНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ УСЛУГ В ОНЛАЙН-ФОРМАТЕ

Рынок информационных услуг в настоящее время - это одна из быстро развивающихся и динамичных сфер общественных отношений. В экономике данные услуг приобретают все большую значимость. Отношения относительно информационных услуг еще не нашли должного отражения в трудах ученых в связи с новизной и достаточно быстрым совершенствованием. Рассматриваемое понятие еще не имеет законодательного закрепления, хотя по отдельности термины, входящие в это словосочетание, уже определены. В частности, согласно Закону Республики Казахстан «О доступе к информации» сведения о лицах, объектах, происходящих событиях, процессах в различных формах представления являются информацией [1], а также по Закону Республики Казахстан «О государственных закупках» деятельность по удовлетворению требований заказчика, не имеющая вещественных выражений в качестве результата, относится к понятию услуга [2]. В Законе Республики Казахстан «Об информатизации» упоминается информационно-коммуникационная услуга в отношении имущественного найма и/или размещения программных продуктов, вычислительных ресурсов, технических средств, услуг связи, с помощью чего реализуется использование данных услуг [3]. Поэтому на основании данных определений можно вывести, что информационные услуги представляют собой деятельность по удовлетворению потребностей заказчика в соответствующей информации.

Исследованием различных вопросов в изучаемой области занимались различные зарубежные и отечественные ученые, как Гавриленко В.Г., Ситдикова Л.Б., Вэриан Х., Нестерова Е.В. и другие. По мнению Гавриленко В.Г. информационная услуга выступает как представление для пользования

пользователями информационных продуктов в документальной или электронной форме, а также распространение их по информационным сетям [4; 143 стр.]. Ситдикова Л.Б. рассматривает в информационную услугу в качестве консультационной услуги, определяя совпадение в их содержании [5; 57 стр.]. Ф. Захеди информационную услугу представляет в виде совокупности трех компонентов: разработка, техническая поддержка и предоставление информации, которые перемещают цель реализации услуг от продажи услуги к продаже коммерческих решений по продаже услуги [6; 16 стр.].

Поэтому можно определить, что информационные услуги представляют собой процесс применения информационных продуктов, направленный на удовлетворение информационных потребностей участников рынка. Данными потребностями могут выступать необходимость в определенной информации, в доступе к информации, в росте образовательного уровня, в общении с иными участниками правоотношений и т.д. Информационные услуги, подкрепленные возможностями современных технологий, могут быть полезны в удовлетворении большого спектра запросов гражданина и общества.

Правовой основой оказания информационных услуг выступают положения Гражданского кодекса Республики Казахстан, в частности, глава 33, которая регулирует вопросы оказания услуг в различных областях (связи, медицине, ветеринарии, аудита, образования, туризма и т.д.) [7]. Содержание договора возмездного оказания услуг состоит в обязательстве исполнителя совершить соответствующие действия или деятельность по заданию заказчика, в чем обязательстве – оплатить данные услуги.

Информация, кстати, может выступать как объект вышеуказанного договора либо как часть услуг, работ в других видах договоров, где она выступает как необходимая услуга, составная часть для реализации самого договора. Это относится к вопросам интеллектуальной собственности, авторских и смежных правах, изобретениях и т.д. и на этой основе информация становится основным капиталом предприятия, предпринимателя.

Информация от разных партнеров, представленная блогерами, инфлюенсерами, представляет возможность использовать комплекс сведений относительно знаний, опыта, связей, возможностей, умений, возможности трудоустройства и т.д. Тем самым посредством предоставления информации владельцы интернет-ресурсов показывают, что доверяют им и рекомендуют обращаться к данным лицам. Подобным образом использованная информация, подкрепленная личным опытом блогера, инфлюенсера, владельца аккаунта и т.д. привлекает больше потребителей.

Современность представляет особую роль информации, информационным услугам, которые в договорных отношениях уже не являются отдельным объектом, а скорее находятся в комплексе с представленным товаром, продукцией, работой. Тем самым стираются грани между этими понятиями для большего привлечения и удовлетворения потребностей потребителей.

В этом проявляется актуальность правового регулирования договорных отношений в области информационных услуг. Информация стала необходимым составляющим для жизнедеятельности гражданина и общества в целом, а также

постоянными нововведениями и изменениями в изучаемой области общественных отношений.

Особенностью договора на оказание услуг является оплата в полном объеме, если иное не определено законом или договором, при невозможности реализации его условий по вине заказчика. При независящих от обеих сторон обстоятельствах невозможность исполнения договора влечет возмещение заказчиком фактически понесенных исполнителем расходов. Такое же следствие установлено при одностороннем отказе заказчика от реализации договора.

В настоящее время тяжело определить добросовестного исполнителя информационных услуг при достаточно широком ассортименте представленных информационных продуктов, в том числе, предоставления информации образовательного характера. В отношении лиц, представляющих данные продукты, посредством опубликования на онлайн-платформе в целях получения прибыли, Законом Республики Казахстан «Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе» установлено понятие блогер или инфлюенсер [8]. Можно поспорить относительно равнозначности этих понятий, так как блогер (от англ. «blogger» - букв. «вести дневник») - лицо, которое регулярно публикует различные записи в интернете, в основном, о своей жизни и деятельности [9]. Инфлюенсер (от англ. influence — «влиять») – лицо, чье мнение является авторитетным для большого количества людей, т.е. он может влиять на их мнение [10]. Конечно, и тот, и другой может реализовывать различные информационные услуги на своих аккаунтах.

При этом данный договор является публичным, то есть определен в отношении неопределенного круга участников правоотношений. Согласно положениям данного закона определены права пользователей онлайн-платформ, в частности, относительно права обращения к собственнику платформы в вопросах соблюдения прав и законных интересов, права отказа от предлагаемых ему информационных продуктов и т.д.

На этом фоне выделяется деятельность лиц, чей информационный продукт не имеет значимости и полезности, представляет собой копию решений и проектов иного лица. Их называют инфоцыганамии. Предоставление услуг в виде таких информационных продуктов, как гайды, тренинги, чек-листы, вебинары и т.д., в реалии не имеют ценности и рассматривают общеизвестные знания, преследуя цель достижения «успешного успеха».

Основными признаками подобных услуг являются:

- привлечение внимания внешними атрибутами красивой и дорогой жизни (автомобили, брендовая продукция, туристические поездки и т.д.);
- создание иллюзии активной деловой жизни, профессионализма;
- посредством освещения собственной жизненной истории успеха обещание помощи в достижении богатства, благополучия;
- предлагаемый продукт идеален, уникален, не имеет отрицательных отзывов по заверению блогера или исполнителя.

В большинстве случаев применяются такие способы воздействия на потребителей, как:

1. выставление на аккаунтах историй из жизни о безденежном или тяжелом прошлом и об изменениях в связи с тем, что само лицо предприняло определенные шаги;

2. реализация желаний определенных подписчиков с эмоциональным подкреплением достижения ими успеха при покупке услуг исполнителя (блогера);

3. заверение в сопровождении исполнителя с момента начала обучения до получения прибыли или результата заказчиком;

4. благоприятные условия заключения договора за счет предоставления скидок или рассрочки по оплате в связи с тем, что количество лиц, подписавших его, огромное и поэтому имеется возможность по смягчению его условий.

Поэтому в настоящее время появляются новые профессии, как продюсер по информационным продуктам, методолог информационных продуктов, продюсер экспертов, специалист по прогревам в историях, интернет – тренеры, коучи и т.д., а также новые сферы для бизнеса, как индивидуальное обеспечение информацией, онлайн торговля, дистанционное обучение и обслуживание, организация досуга и развлечений в онлайн формате и т.д. Естественно, что в данной среде работают также люди, являющиеся профессионалами в своей деятельности и действительно представляют качественные информационные услуги.

На основании этого выбор лица, предоставляющего информационные услуги, это ответственность заказчика или потребителя. Практическую значимость продукта, предлагаемого инфоцыганам, невозможно оценить, определить, в реальности ли реализовано желание потребителя либо оно реализовано по причине правильного запроса или работы, сделанной самим потребителем.

В большинстве случаев предлагаемая деятельность самими исполнителями, блогерами рассматривается не как образовательная. В частности, оказываемая услуга определяется как представление доступа к определенным носителям информации, как видео, вхождение в группу в приложениях What's up, Telegram и т.д., для ознакомления.

Очевидна актуальность в наличии правового регулирования деятельности лиц, оказывающие информационные услуги, правовых механизмов для защиты прав и интересов потребителей. На практике имеются прецеденты, когда собственники онлайн-платформ, блогеры под видом заключения договора на оказание информационных услуг реализуют мошенническую деятельность. В июне 2023 года известные в Казахстане блогеры М.Туребаев, М.Шерниязов были признаны виновными в участии в деятельности финансовой пирамиды ТОО «Mudarabah Capital». В начале ноября 2023 года основателя бизнес-школы «Like Центр» А.Шабутдинова обвинили в мошенничестве, в предоставлении некачественного продукта.

На настоящее время деятельность блогеров подлежат обязательной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей, если они нанимают работников на постоянной основе и получают годовую прибыль согласно налогового законодательства в размере, который превышает двенадцатикратный минимальный размер заработной платы. Под данные условия подпадают многие

блогеры, инфлюенсеры как в части найма работников, таких как СММ-специалист, мобилограф, аккаунт-менеджер и т.д., так и в части прибыли. При этом положения статьи 678 Налогового кодекса Республики Казахстан устанавливает право выбора наиболее удобного налогового режима налогоплательщиком [11]. В данном случае наилучшим вариантом выступает специальный налоговый режим на основе упрощенной декларации, которая представляется один раз в полгода. По нему осуществляется уплата трех процентов с прибыли, полученной за шесть месяцев, и ежемесячно социальных платежей за себя, за работников.

Новый закон относительно работы на онлайн-платформах определяет необходимость наличия основной информации на них на государственном языке и их модерацию, посредством чего появляется возможность нахождения и удаления запрещенного контента [8, ст.5]. Кроме того, на собственников платформ вменяется обязанность взаимодействия с государственными органами по вопросам противодействия запрещенному контенту и ограничения [8, ст.9]. При этом устанавливается обязанность уполномоченного органа вести реестр законных представителей иностранных онлайн-платформ и/или сервисов обмена сообщениями, тем самым определяется обязанность данных интернет ресурсов назначать данных представителей для сотрудничества и взаимосвязи с государственными органами.

Относительно ответственности в части представления ложной информации посредством интернета определена административная ответственность посредством штрафа, которая выше относительно блогеров, инфлюенсеров, собственников интернет-платформ по количеству МРП. При повторении данного факта возможно увеличение штрафа, административный арест. Распространение фейковой информации часто осуществляется посредством приложения What's up, который также входит в понятие интернет-платформы. Пользователи могут защитить себя, применяя такие способы, как обращения на саму онлайн-платформу, при отсутствии реакции от нее – в органы внутренних дел, суд. Кроме того, сам уполномоченный орган, Министерство информации и общественного развития, на основе вышеуказанного положения направляет собственнику платформы обращение об удалении контента.

Деятельность недобросовестных блогеров или «инфоцыган» не всегда распознаваема в связи с тем, что ими гарантируется достижение невозможного результата после реализации или покупки определенных курсов, коучей, программ. В этой части Закон Республики Казахстан «О защите прав потребителей» не может обеспечить охрану прав заказчиков в полном объеме, хотя возможно взыскание компенсации и морального вреда за ненадлежащее оказание услуг посредством обращения в суд [12]. Опасность в осуществлении данных услуг заключается в напрасных тратах времени и материальных ресурсов; предоставление услуг реализуется на общеизвестных фактах; широкий охват лиц, обращающихся за курсами; последствия оказания непрофессиональным специалистом непредсказуемы.

В части привлечения к уголовной ответственности «инфоцыган» сделать это затруднительно в связи с тем, что между участниками правоотношений имеются договорные отношения. По положениям пункта 12 приказа Генерального

прокурора Республики Казахстан «Об утверждении правил приема и регистрации заявлений в ЕРДР» заявления относительно ненадлежащего исполнения или неисполнения гражданско-правовых сделок, которые были совершены в письменной форме и не установлены недействительными, притворными, мнимыми решением суда, не подлежат регистрации [13]. То, что не имеется договор между участниками правоотношений, не гарантирует возбуждение уголовного дела, так как каждый отдельный случай уникален, имеет свои особые признаки и обстоятельства. При этом при подаче коллективных, многочисленных заявлений подобного характера, в частности, относительно финансовых «пирамид», долевого строительства вышестоящее положение о регистрации не применяется. В данном случае, резонанс в социальных сетях, в обществе может стать основанием для применения уголовной ответственности. Кроме того, в уголовном законодательстве есть статья 214 об осуществлении незаконного предпринимательства без регистрации, разрешительных документов на занятие данным видом предпринимательской деятельности и причинение ущерба в крупном объеме [14]. Она применима, если блогер, «инфоцыган» не является субъектом данной деятельности.

Правовое регулирование исследуемых правоотношений не всегда своевременно устанавливает положения и нормы в связи с быстрой динамикой образования, изменения и развития новых общественных отношений, количество которых со временем увеличивается и начинает нуждаться в едином механизме регулирования с учетом развития общества и государства.

В данной связи законодательный процесс отстает от технологических новшеств и изменений. В главу Гражданского кодекса Республики Казахстан, рассматривающей вопросы оказания информационных услуг, последние изменения вносились в 2020 году, тогда как сама информация меняется постоянно. Поэтому для охраны прав граждан, потребителей услуги необходимо рассмотрение правоотношений на основе развития технологий и правовой среды.

При этом в законодательстве устанавливает необходимость соответствия конституционному положению относительно запрета на пропаганду насильственного изменения конституционного строя, нарушения безопасности государства, войны и т.д. Наличие данного противоправного контента является основанием для привлечения к уголовной ответственности собственника онлайн-платформы, в частности по статьям «Разжигание социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни» [14; 174 стр.] и «Распространение заведомо ложной информации» [14; 274 стр.]. В этой связи необходимо упомянуть об охраняемой законом тайне и иной информации, запрещенной законодательством (персональные данные, государственная тайна, адвокатская тайна и т.д.).

Согласно статье 10 Закона Республики Казахстан «О защите прав потребителей», потребитель имеет право на расторжение договора [12]. Но доказывание несоответствия качества информационных услуг является сложным процессом. В данном отношении лица, предоставляющие информационные услуги, указывают в договорах пункт об выполнении обязательств по договору со времени предоставления доступа к материалам по обучению. Вследствие чего становится актуальным вопрос о необходимости установления дополнительных

гарантий потребителям владельцами курсов, онлайн-коучей, тренеров. Ответственность потребителя при заключении договора состоит в том, что необходимо заранее проверять лиц, предоставляющие информационные услуги посредством отзывов в интернет-платформах, проверки наличия у исполнителей услуг программы, состав специалистов, ответственных за предоставление данных услуг, сроки, этапы и т.д.

Сложность привлечения к ответственности недобросовестных исполнителей информационных услуг на практике позволяет предложить такие решения, как: введение разрешительного механизма на проведение онлайн-тренингов, там самым происходит подтверждение услугодателем своих знаний и навыков и права на оказание услуги; увеличение ответственности за недобросовестное оказание информационных услуг; ведение списка недобросовестных услугодателей в области информационной деятельности, чья деятельность нарушает права потребителей. Данные решения, возможно, позволят защитить права потребителей и увеличат безопасность в области предоставления информационных услуг. В частности, произойдет отделение ненужных курсов, тренингов, марафонов и т.д. от деятельности тех, кто предлагает качественный информационный продукт. При этом предложенные рекомендации поднимают аспекты критериев оценивания участников исследуемых договорных правоотношений, добавит бюрократизма в них, приведет к увеличению стоимости предлагаемых услуг, а также, в целом, может заставить привести к ответственному отношению к своей деятельности со стороны онлайн – услугодателей.

Список использованных источников:

1. О доступе к информации. Закон Республики Казахстан от 16 ноября 2015 года № № 401-V. - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000401>
2. О государственных закупках. Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2015 года № 434-V. - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000434>
3. Об информатизации. Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 года № 418-V ЗРК.- URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418>
4. Гавриленко В.Г. Организационно-экономический механизм формирования информационных услуг в современных условиях // Российское предпринимательство. – 2012. - № 4.
5. Ситдикова Л.Б. К вопросу о соотношении понятий «информационная услуга» и «консультационная услуга» // Юрист. – 2009. - №8.
6. Захеди Ф. Индустрия информации и знаний // Информационные технологии в бизнесе. Под ред. М.Желены. – СПб: Питер, 2002.
7. Гражданский кодекс Республики Казахстан (особенная часть). Кодекс Республики Казахстан от 1 июля 1999 года № 409. - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K990000409_
8. Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе. Закон Республики Казахстан от 10 июля 2023 года № 18-VIII ЗРК. - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000018>
9. Плешков А. Блоггер – кто это простыми словами, чем занимается, и как им стать. - URL: <https://pleshkoff.blog/blogger-kto-eto-prostyimi-slovami.html>
10. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D1%84%D0%BB%D>

11. О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс). Кодекс Республики Казахстан от 25 декабря № 120-VI ЗПК. - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1700000120>

12. О защите прав потребителей. Закон Республики Казахстан от 4 мая 2010 года № 274-IV. - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z100000274_

13. Об утверждении Правил приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований. Приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 года №89.- URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14W0009744>

14. Уголовный кодекс Республики Казахстан. Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗПК. - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>

Абаева Жанна Мерекеевна,
к.ю.н., судья Таразского городского суда

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Организация системы защиты прав человека характеризует процесс становления и развития любого современного демократического государства и общества. Данный процесс нашел свое специфическое отражение в Республике Казахстан в условиях обретения ею государственной независимости и суверенитета. По мере становления правового государства и формирования гражданского общества в республике, роль и значение соблюдения прав человека и гражданина неуклонно возрастает.

Основной закон закрепляет, что Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы. Каждый имеет право на судебную защиту своих прав и свобод [1].

Реализация указанных конституционных положений напрямую связана с вопросами развития судебно-правовой реформы в стране, ее результатами и перспективами.

Концепцией правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674, одним из направлений определено развитие законодательства о потребительских договорах, защите прав потребителей и ответственности бизнеса за качество товаров, работ и услуг [2].

Правовые реформы Казахстана основаны, в том числе на международно-правовых направлениях, одним из которых является сотрудничество Казахстана с Европейским Союзом (ЕС), которые стали партнерами со дня обретения Республикой Казахстан независимости в 1991 году.

В декабре 2015 года ЕС и Казахстан подписали Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве между Республикой Казахстан, с одной стороны, и Европейским Союзом и его государствами-членами, с другой стороны,

ратифицированное Законом Республики Казахстан от 25 марта 2016 года, что вывело сотрудничество на новый, более высокий уровень развития.

Профессор С.Ю.Кашкин отмечает, что «именно в ЕС происходит формирование самых передовых правовых идей, тенденций и традиций ... которые призваны стать образцом подхода к решению правовых проблем во всех странах нашего все более единого и все более усложняющегося мира» [3].

В настоящее время деятельность ЕС распространяется на широкий круг общественных отношений с особым акцентом на признание и защиту прав человека - в том числе прав человека при приобретении им для использования в личных целях разнообразных товаров и услуг, то есть прав потребителя (статья 38 Хартии ЕС об основных правах 2000 года) [4].

Защита прав потребителей, официально называемая в источниках права ЕС «защитой потребителей» (consumer protection), выступает сегодня одной из наиболее динамично развивающихся сфер сотрудничества государств - членов ЕС и сфер компетенции его руководящих органов (институтов), в рамках которой последние издали обширное интеграционное законодательство и продолжают работу по его совершенствованию.

Решением Евразийского Межправительственного Совета от 21 июня 2022 года № 12, в целях реализации пункта 4.12.1 Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 года № 12, а также положений раздела XII Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, утверждена Программа совместных действий государств – членов Евразийского экономического союза в сфере защиты прав потребителей (далее – Программа), реализация которой в Казахстане обеспечивается уполномоченным органом – Министерством торговли и интеграции.

Целью Программы является обеспечение создания в государствах-членах условий для проведения согласованной политики в сфере защиты прав потребителей и реализации принципа равной правовой защиты потребителей.

Государства-члены принимают меры по совершенствованию правового регулирования в сфере защиты прав потребителей, в том числе посредством формирования механизма учета интересов потребителей и подготовки предложений, направленных на решение актуальных вопросов интеграции и совершенствования права Союза в сфере защиты прав потребителей [5].

Договором о Евразийском экономическом союзе (статья 60) определены гарантии защиты прав потребителей и граждане государства-члена, а также иные лица, проживающие на его территории, пользуются на территориях других государств-членов такой же правовой защитой в области защиты прав потребителей, что и граждане этих других государств-членов, и имеют право обращаться в государственные и общественные организации по защите прав потребителей, другие организации, а также суды и (или) осуществлять иные процессуальные действия на тех же условиях, что и граждане этих других государств-членов [6].

Государства-члены договорились о проведении согласованной политики в сфере защиты прав потребителей, направленной на формирование равных

условий для граждан государств-членов по защите их интересов от недобросовестной деятельности хозяйствующих субъектов.

В вопросах о месте законодательства о защите прав потребителей в системе национального права учеными отмечается его относительная самостоятельность, с одной стороны, и комплексность как такой самостоятельной отрасли законодательства, с другой стороны... «Развивая законодательство о правах потребителей как комплексную отрасль национального права, включающую в себя нормы частного права, следует также помнить о том, что в целях именно защиты потребителей многие соответствующие нормы материального права должны быть в большой степени императивными, нежели диспозитивными» [7].

Правовые, экономические и социальные основы защиты прав потребителей, а также меры по обеспечению потребителей безопасными и качественными товарами (работами, услугами) регламентируются Конституцией и многими законодательными актами в зависимости от характера спорных правоотношений.

Нормативно-правовая база по вопросам защиты прав потребителей регулирует отношения между потребителем, с одной стороны, и организацией или индивидуальным предпринимателем, производящим товары для реализации потребителям, реализующими товары потребителям по договору купли-продажи, выполняющими работы и оказывающими услуги потребителям по возмездному договору, с другой стороны.

Законодатель определяет, что потребитель – это физическое лицо, имеющее намерение заказать или приобрести либо заказывающее, приобретающее и (или) использующее товар (работу, услугу) исключительно для личного, семейного, домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью.

Гражданское законодательство, Закон Республики Казахстан от 4 мая 2010 года № 274-IV «О защите прав потребителей» (далее – Закон) регламентируют общие правила, в соответствии с которыми потребители в сферах финансовых, социальных, медицинских, туристских и иных услуг имеют право на:

- свободное заключение договоров на приобретение товаров (выполнение работ и оказание услуг);
- просвещение в сфере защиты прав потребителей и повышение правовой грамотности потребителя в вопросах защиты своих прав и законных интересов;
- получение информации о товаре (работе, услуге), а также о продавце (изготовителе, исполнителе);
- приобретение безопасного товара (работы, услуги); - свободный выбор товара (работы, услуги);
- надлежащее качество товара (работы, услуги);
- обмен или возврат товара как надлежащего, так и ненадлежащего качества;
- возмещение в полном объеме убытков (вреда), причиненных их жизни, здоровью и (или) имуществу вследствие недостатков товара (работы, услуги);
- получение у продавца (изготовителя, исполнителя) документа, подтверждающего факт приобретения товара (выполнения работы, оказания услуги), или договора, заключенного при приобретении товара (выполнении работы, оказании услуги);

- предъявление претензии к инициатору (организатору) игр по качеству товара (работы, услуги), переданного (выполненного, оказанного) в виде выигрыша;

- создание общественных объединений потребителей; - возмещение морального вреда;

- защиту прав и законных интересов;

- осуществление иных прав, предусмотренных законами Республики Казахстан [8].

Закон предусматривает подробный порядок реализации конституционного права, в том числе на судебную защиту, реализуемого при условии соблюдения предусмотренного законодателем досудебного порядка.

Так, потребитель, права и законные интересы которого нарушены, вправе обратиться к продавцу (изготовителю, исполнителю), в государственные органы, осуществляющие функции в сфере защиты прав потребителей, или к субъекту досудебного урегулирования потребительского спора, а также в суд для защиты его нарушенных прав и законных интересов в порядке, установленном Законом (статья 42-2).

Продавец (изготовитель, исполнитель) обязан рассмотреть претензию потребителя и в случае несогласия с требованиями потребителя в течение десяти календарных дней со дня получения претензии потребителя представить мотивированный письменный ответ, обоснованный документально. В случае отказа потребитель вправе обратиться в уполномоченный орган, государственные органы, осуществляющие функции в сфере защиты прав потребителей.

В соответствии со статьей 42-8 Закона потребитель вправе предложить продавцу (изготовителю, исполнителю) передать спор на рассмотрение субъекту досудебного урегулирования потребительского спора – арбитражу, медиатору, общественному объединению потребителей, ассоциациям (союзам) либо саморегулируемой организации, членом которой является продавец (изготовитель, исполнитель).

При этом продавец (изготовитель, исполнитель) вправе согласиться с потребителем и принять участие в рассмотрении потребительского спора в досудебном порядке.

Уполномоченным органом Министерством торговли и интеграции Республики Казахстан, юридическим сообществом инициированы предложения о введении института омбудсмена по правам потребителей, которое представляет собой независимое в своей деятельности физическое лицо, осуществляющее урегулирование разногласий между потребителем, с одной стороны, и организацией или индивидуальным предпринимателем, производящим товары для реализации потребителям, реализующими товары потребителям по договору купли-продажи, выполняющими работы и оказывающими услуги потребителям по возмездному договору, с другой стороны, который будет заниматься рассмотрением жалоб, консультированием, регулированием действий общественных институтов в данной сфере.

Подсудность дел рассматриваемой категории имеет свои особенности – кроме общих правил направления исков о защите прав потребителей в суд по

месту нахождения юридического лица (месту жительства физического лица), истец может воспользоваться правом, предусмотренным частью 9 статьи 30 ГПК и обратиться с иском в суд по месту своего жительства либо по месту заключения или исполнения договора.

Правом предъявления исков в суд в интересах потребителей, в том числе в интересах неопределенного круга потребителей обладают общественные объединения потребителей, ассоциации (союзы), которые в соответствии с налоговым законодательством освобождены от уплаты государственной пошлины. В соответствии с частью 3 статьи 106 ГПК суд по искам о защите прав потребителей, поданным гражданином, производит отсрочку от уплаты государственной пошлины до принятия соответствующего решения, о чем выносится определение.

Данные положения, на наш взгляд, направлены на обеспечение доступа на защиту потребителями нарушенных (оспариваемых) прав и свидетельствуют об общественной значимости такого права.

Закон подробно регламентирует права потребителей в случае продажи товара ненадлежащего качества, обязанности продавца (изготовителя) при продаже товара как надлежащего, так и ненадлежащего качества, по возмещению в полном объеме убытков (вреда), причиненных жизни, здоровью и (или) имуществу потребителя вследствие недостатков товара (работы, услуги), право на компенсацию морального вреда, которая осуществляется независимо от возмещения убытков (ущерба), причиненных вследствие недостатков товара (работы, услуги).

Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 25 июля 1996 г. N 7 «О практике применения судами законодательства о защите прав потребителей» разъясняет, что разрешая вопросы имущественной ответственности за вред, причиненный продукцией ненадлежащего качества, следует иметь в виду, что в соответствии со статьей 16 Закона вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу гражданина вследствие конструктивных, производственных, рецептурных и иных недостатков, подлежит возмещению в полном объеме по правилам главы 47 ГК. Причиненный вред подлежит возмещению продавцом (изготовителем, исполнителем) независимо от его вины и от того, состоял ли потребитель с ним в договорных отношениях или не состоял (пункт 1 статьи 31 Закона). [10].

Анализ судебной практики показывает, что по рассматриваемой категории дел статистические данные носят относительный характер, поскольку споры о защите прав потребителей регулируются специальными нормами материального права. К примеру, правоотношения в сфере торговли (споры о правах покупателя и продавца) и в сфере оказания услуг (работ) (споры о правах заказчика и исполнителя), регулируются нормами гражданского законодательства и согласно классификатору дел относятся к спорам, связанным с заключением, изменением, расторжением договора (сделки) и исполнением договорных обязательств по договору купли-продажи, договору поставки, договору подряда и другими. К спорам о защите потребителей специальный Закон применяется как правило в части некачественного оказания туристских, медицинских услуг.

Судебные акты по спорам в сфере оказания финансовых, социальных услуг основываются на банковском законодательстве, нормативно-правовых актах, регулирующих взаимоотношения получателя услуг (потребителя) с микрофинансовыми, коллекторскими организациями, социальными учреждениями.

В этой связи, предлагается конкретизировать перечень споров по защите прав потребителя и определить основные требования к правоприменительной практике по каждому виду споров.

Из смысла действующего законодательства (статья 15 Закона) следует, что потребитель, которому продан товар ненадлежащего качества, если его недостатки не были оговорены продавцом, вправе потребовать расторжения договора и возврата уплаченной за товар денежной суммы.

При отсутствии требования о расторжении договора, суды республики, реализуя принцип активной роли, уже на самых первых стадиях гражданского судопроизводства разъясняют право истца на увеличение иска, поскольку указанная норма препятствует удовлетворению иска о взыскании (возврате) уплаченной за товар денежной суммы без расторжения договора.

В этой связи, в целях повышения эффективности судебной защиты прав потребителя, считаем возможным внести соответствующие изменения в статью 15 Закона и законодательно закрепить альтернативную возможность потребителя – потребовать расторжения договора либо возврата уплаченной за товар денежной суммы.

Вместе с тем, отсутствие у судов гражданской юрисдикции полномочий по наложению денежного взыскания, которые в соответствии с Административным процедурно-процессуальным кодексом Республики Казахстан (АППК) имеют специализированные административные суды, препятствует незамедлительному реагированию на факты нарушения прав потребителей, установленных в судебном заседании, на процессуальные нарушения ответчиков и другие факты (по аналогии со статьей 127 АППК) [9].

Юридическим сообществом поддерживаются инициативы уполномоченного органа по введению гражданско-правовой ответственности в виде штрафа по решению суда в пользу потребителя в целях мотивации субъектов предпринимательства на добровольное удовлетворение законных требований потребителя, распространение базовых принципов защиты прав потребителей на сферы коммунальных, транспортных, медицинских, туристских услуг, услуг связи и иных услуг.

По мнению автора, законодательное закрепление в Законе конкретных обязанностей должностных лиц уполномоченных органов, высших и местных исполнительных органов государственной власти в области защиты прав потребителей, перечня конкретных мер, требований об ответственности должностных лиц за непредоставление, отказ в предоставлении помощи потребителям, обратившихся за защитой нарушенных прав, будет способствовать оперативному и своевременному разрешению потребительского спора и развитию внесудебных способов разрешения таких споров.

С этой же целью полагаем необходимым законодательно регламентировать статус омбудсмена по правам потребителей и предусмотреть обязательный

досудебный порядок путем обращения к нему и только в случае несогласия с его решением – в суд.

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Казахстан <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000>.
2. Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674// «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674>.
3. Право Европейского Союза в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник для бакалавров / С. Ю. Кашкин, А. О. Четвериков // под ред. С. Ю. Кашкина. — 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2013. - с. 22).
4. Хартия основных прав Европейского Союза (Ницца, 7 декабря 2000 года) // https://e-ecolog.ru/docs/hjg7MzBlgpCvXBxDIjhq8?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.kz%2F/.
5. О Программе совместных действий государств – членов Евразийского экономического союза в сфере защиты прав потребителей. Решение Евразийского Межправительственного Совета от 21 июня 2022 года № 12 // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/H22M000012R>.
6. Закон Республики Казахстан от 14 октября 2014 года № 240-V ЗРК О ратификации Договора о Евразийском экономическом союзе// <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000240>.
7. Карагусов Ф.С., Бондарев А.Б. «О развитии правового понятия «потребитель» и месте норм о защите прав потребителей в системе законодательства Республики Казахстан в контексте его совершенствования» // <https://online.zakon.kz/Параграф>.
8. Закон Республики Казахстан от 4 мая 2010 года № 274-IV «О защите прав потребителей»// https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z100000274_
9. Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 29 июня 2020 года № 350-VI. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000350>.
10. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 25 июля 1996 г. N 7 «О практике применения судами законодательства о защите прав потребителей»// https://adilet.zan.kz/rus/docs/P96000007S_.

Шайменова Ардак Болатовна

доктор PhD, судья районного
суда №2 Казыбекбийского района
города Караганды

**УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ, ИМЕЮЩИХ ЮРИДИЧЕСКОЕ
ЗНАЧЕНИЕ: ПЕРСПЕКТИВА ПЕРЕДАЧИ ДАННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ
НОТАРИУСАМ. ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

Рассмотрение в ходе гражданского судопроизводства особой категории дел - об установлении фактов, имеющих юридическое значение, имеет определенную специфику, обусловленную особенностями самих рассматриваемых вопросов.

Система действующего гражданского процессуального законодательства Республики Казахстан не содержит понятия фактов, имеющих юридическое значение, указывая лишь на открытый перечень видов таких фактов, указанных в части 2 статьи 305 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК) Республики Казахстан.

Вместе с тем, понятие юридических фактов является достаточно разработанной в доктрине гражданского права. Так, по мнению Ю.К. Толстого, юридический факт- это обстоятельство, с наличием и отсутствием которых нормы права связывают наступление юридических последствий. [1; 13 стр.] Р.О. Халфина утверждает, что юридический факт является обстоятельством, с которым норма права связывает движение правоотношения. [2; 285 стр.]

В целом, юридический факт в гражданском праве можно определить, как реальное жизненное обстоятельство, которое в силу норм права влечет наступление юридических последствий в сфере гражданских правоотношений.

Именно теоретические аспекты позволяют правоприменительной практике успешно восполнить пробел в связи с отсутствием нормативно закрепленного определения юридического факта.

ГПК Республики Казахстан содержит открытый перечень фактов, имеющих юридическое значение, которые могут быть установлены судом в порядке особого производства с соблюдением определенных ограничений. К ним относится, установление фактов:

- 1) родственных отношений лиц;
- 2) нахождения лица на иждивении;
- 3) регистрации рождения, усыновления (удочерения), брака, развода и смерти;
- 4) признания отцовства;
- 5) принадлежности правоустанавливающих документов (за исключением воинских документов, паспорта, удостоверения личности и свидетельств, выдаваемых органами записи актов гражданского состояния) лицу, имя, отчество или фамилия которого, указанные в документе, не совпадают с именем, отчеством или фамилией этого лица по паспорту или удостоверению личности, или свидетельству о рождении;
- 6) наличия документов, подтверждающих владение, пользование и (или) распоряжение объектами недвижимого имущества, если у заявителя имелся правоустанавливающий документ о принадлежности имущества, но он утрачен, и указанный факт не может быть установлен во внесудебном порядке;
- 7) несчастного случая, если он не может быть подтвержден в ином порядке;
- 8) смерти лица в определенное время при определенных обстоятельствах в случае отказа органов записи актов гражданского состояния в регистрации смерти;
- 9) принятия наследства и места открытия наследства, если лицо, совершающее нотариальные действия, не может выдать заявителю свидетельство о праве на наследство в связи с отсутствием или недостаточностью соответствующих документов, необходимых для подтверждения факта вступления во владение наследственным имуществом.

Для установления в судебном порядке юридических фактов, должны соблюдаться следующие условия:

-заявитель должен быть заинтересован в установлении соответствующих фактов, т.к. они являются правоизменяющими для других отношений с участием заявителя;

-не имеется иная возможность установления фактов кроме как судом, в связи с отсутствием и невозможностью восполнения утраченных документов, их подтверждающих, иными способами;

-отсутствует спор о праве.

При этом заявителю необходимо предоставить все возможные доказательства, которые могут подтвердить устанавливаемые факты, иначе в ходе оценки доказательств, суд может отказать в удовлетворении соответствующего заявления.

В последнее время, в юридическом сообществе постсоветских странах активно обсуждается вопрос о возможности передачи дел, рассматриваемых судами в порядке особого производства в ведение нотариусов, поскольку нотариусы уже сегодня совершают близкие по духу нотариальные действия в виде свидетельствования фактов и обеспечения доказательств.

Как известно, институт нотариата относится к сфере бесспорной юрисдикции, то есть нотариус осуществляет нотариальные действия при отсутствии между сторонами разногласий по их содержанию, характеру и последствий.

На сегодняшний день, нотариус, согласно Закона Республики Казахстан «О нотариате», может удостоверить лишь три факта: факт нахождения гражданина в живых; факт нахождения гражданина в определенном месте; удостоверение времени предъявления документов. В подтверждение двух первых фактов заинтересованным лицам выдается свидетельство, для последнего делается удостоверительная надпись на документе.

Указанные нотариальные действия совершаются как нотариусами, так и уполномоченными консульскими должностными лицами от имени Республики Казахстан (статьи 34, 36 Закона Республики Казахстан «О нотариате»).

Необходимость удостоверения фактов, имеющих юридическое значение только в судебном порядке вызывает вполне оправданное возмущение у граждан, так как это приводит к излишним расходам и потере времени. По причине загруженности судов, соблюдения процессуальных сроков, граждане вынуждены дожидаться разрешения дела продолжительное время, к тому же, дополнительно оплачивать услуги адвоката. В то время как, предоставив нотариусам полномочия по удостоверению отдельных видов юридических фактов, можно обеспечить более быстрое и доступное оказание услуг.

По данному поводу интересен опыт Республики Армения. Так, с начала 2017 года в законодательство о нотариате Армении были внесены изменения, наделяющие нотариусов рядом новых функций.

Нотариусам делегировали полномочия по установлению фактов, имеющих юридическое значение. В настоящее время, нотариус имеет право подтверждать те факты, от которых зависит возникновение, изменение или прекращение личных или имущественных прав граждан или юридических лиц.

Ранее в Армении, как и в большинстве иных юрисдикций, подобное полномочие отводилось исключительно к компетенции суда, где подобного рода вопросы решались в порядке особого производства. Из фактов, имеющих юридическое значение, нотариусы могли подтверждать лишь некоторые факты, связанные с принятием и оформлением наследства, например, фактическое принятие наследства при наследовании по закону. Сейчас же полномочия армянских нотариусов по подтверждению юридических фактов значительно расширены.

К числу этих фактов законодательно отнесены:

- факт наличия родственных отношений лиц;
- факт нахождения лица под иждивением иного лица;
- факт регистрации рождения, усыновления (удочерения), брака, расторжения брака и смерти;
- факт принятия наследства и установления места его открытия;
- факт принадлежности правоустанавливающих документов, за исключением паспорта и воинских документов;
- факт владения имуществом на праве собственности;
- факт дачи гражданином устного заявления.

При этом настоящий список не является исчерпывающим.

Для установления факта, имеющего юридическое значение, нотариусу подается заявление.

Нотариальный акт об установлении юридически значимого факта является основанием для оформления прав, вытекающих из установления факта или для регистрации факта со стороны соответствующих органов Республики Армения. Важно заметить, что нотариальный акт, принятый в результате установления факта, может использоваться только в целях, указанных в самом нотариальном акте.

Как и при установлении факта в порядке особого производства в судах общей юрисдикции Республики Армения, в заявлении нотариусу указывается цель, для которой необходимо установление факта. Вместе с заявлением предъявляются доказательства, свидетельствующие о невозможности представления заявителем надлежащим образом оформленных документов либо невозможности восстановления потерянных документов.

Нотариальный акт об установлении юридически значимого факта принимается лишь в случае, если:

- 1) представленные нотариусу документы для установления юридически значимого факта достаточны для его установления;
- 2) подлежащие установлению юридически значимые факты вытекают из данных, имеющихся в представленных нотариусу документах;
- 3) отсутствуют несоответствия с требованиями норм материально-правового законодательства;
- 4) заявитель исчерпал все способы получения или восстановления документов, подтверждающих юридически значимый факт;
- 5) юридически значимый факт является бесспорным.

При несоблюдении требований, нотариус отказывает в установлении юридически значимого факта.

Касательно установления факта дачи гражданином устных заявлений, те оно должно осуществляться в присутствии не менее 2 свидетелей, которые подтверждают подписями свое присутствие при даче заявления. К заявлению гражданина прилагается подписанная им клятва (присяга) об истинности делаемого заявления с отметкой о том, что заявителю известно о наличии уголовной ответственности за дачу ложного заявления. [3]

Конечно, опыт Республики Армения для постсоветских стран является смелым шагом к упрощению судебных процедур, однако некоторые ученые не разделяют данную позицию.

Так, Аргунов В.В. считает, что идея об установлении нотариусом фактов, имеющих юридическое значение, если и может быть практически интересной в современных условиях, то только в виде неисклнчительной возможности установления неочевидных юридических фактов в рамках уже совершаемого нотариального действия, без возбуждения самостоятельного производства для этого и без выдачи каких-либо нотариальных свидетельств сомнительного содержания и юридической силы. В целом же следует сохранить судебное установление юридических фактов в особом производстве. [4]

Вместе с тем, согласно статистических данных судами Республики Казахстан в 2019 году по установлению фактов, имеющих юридическое значение окончено - 19 171 дел, из них рассмотрено с вынесением решения - 15 427, в том числе с удовлетворением иска - 15 052, с отказом в удовлетворении иска - 375, прекращено - 627, оставлено без рассмотрения/ возвращено - 2 943.

В 2020 году окончено - 14 670 дел, из них рассмотрено с вынесением решения - 11 785, в том числе с удовлетворением иска - 11 504, с отказом в удовлетворении иска - 281, прекращено - 354, оставлено без рассмотрения/ возвращено – 2412/119.

В 2021 году окончено - 14 586 дел, из них рассмотрено с вынесением решения - 11 781, в том числе с удовлетворением иска - 11 490, с отказом в удовлетворении иска - 292, прекращено - 265, оставлено без рассмотрения/ возвращено – 2454/86. [5]

Таким образом, можно сделать выводы, что большое количество заявлений по делам об установлении юридических фактов удовлетворяются судами, ввиду отсутствия спора и представления достаточных документов заявителями, в том числе и по запросу суда.

При рассмотрении данной категории дел, как правило, заявитель самостоятельно предоставляет суду все документы, подтверждающие те или иные факты, при недостаточности доказательств, суд по собственной инициативе запрашивает документы с различных органов, допрашивает свидетелей. Иные процессуальные действия в виде привлечения специалистов, назначения экспертизы, осмотра вещественных доказательств, проведение выездных судебных заседаний суд не проводит.

Следует признать, что данная категория дел не подразумевает совершения сложных процессуальных действий, которые не под силу другим органам или должностным лицам, потому как, только на основании представленных доказательств принимается решение о том, что факт заявленный заявителем имел место быть или нет.

На наш взгляд, эти полномочия вполне могут осуществлять нотариусы, в виду того, что цели суда и нотариата идентичны – это обеспечение защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц.

Вместе с тем, полагаем, что не все категории по установлению юридических фактов могут быть переданы в ведение нотариусов. Председатель Республиканской палаты Казахстана А.Б.Жанабилова указала, что на сегодняшний день казахстанский нотариат готов принять полномочия по установлению юридических фактов родственных отношений; принятия наследства; принадлежности правоустанавливающих документов, лицу из-за ошибки в имени, отчестве или фамилии гражданина в одном из правоустанавливающих документов. [6; 208 стр.]

С учетом анализа деятельности нотариусов, судебной практики, нами предлагается передать нотариусам пять категорий дел по установлению юридических фактов таких как:

- 1) родственных отношений;
- 2) регистрации рождения, усыновления (удочерения), брака, развода и смерти;
- 3) принадлежности правоустанавливающих документов (за исключением воинских документов, паспорта, удостоверения личности и свидетельств, выдаваемых органами записи актов гражданского состояния) лицу, имя, отчество или фамилия которого, указанные в документе, не совпадают с именем, отчеством или фамилией этого лица по паспорту или удостоверению личности, или свидетельству о рождении;

- 4) наличия документов, подтверждающих владение, пользование и (или) распоряжение объектами недвижимого имущества, если у заявителя имелся правоустанавливающий документ о принадлежности имущества, но он утрачен, и указанный факт не может быть установлен во внесудебном порядке;

- 5) принятия наследства и места открытия наследства, если лицо, совершающее нотариальные действия, не может выдать заявителю свидетельство о праве на наследство в связи с отсутствием или недостаточностью соответствующих документов, необходимых для подтверждения факта вступления во владение наследственным имуществом.

Установление вышеуказанных юридических фактов наиболее подходят под совершение нотариальных действий, поскольку их последствия, как правило, влекут возникновение права на получение наследства, пособий, пенсий.

К примеру, установление факта родственных отношений может иметь место в тех случаях, когда родственники не могут подтвердить данный факт путем предъявления соответствующих документов и когда степень родства непосредственно порождает юридические последствия. Это необходимо для получения свидетельства о праве на наследство или оформления права на получение пособия по случаю потери кормильца, при условии, если не вызвано наличием неправильности записей в актах гражданского состояния.

Другой пример, по рассмотрению категории дел по установлению факта регистрации рождения, усыновления (удочерения), брака, развода и смерти, в данном случае устанавливаются не сами события, а факт их регистрации в соответствующих органах. Такие дела подлежат рассмотрению, если в органах регистрации актов гражданского состояния и соответствующих архивах такая

запись не сохранилась и в ее восстановлении отказано. Утрата записей актов гражданского состояния должна быть подтверждена архивом, где находилась утраченная запись. Таким образом, еще раз подтверждается, что данная категория дел рассматривается лишь на представленных документах из различных органов, путем сопоставления событий и имеющихся фактов.

Наряду с этим, необходимо рассмотреть дальнейшую перспективу разрешения вопроса заявителя, в случае отказа нотариуса по каким-либо причинам в установлении юридического факта. Предлагается, при отказе в совершении нотариального действия по установлению юридического факта, предоставить возможность гражданам обратиться в суд с данным вопросом, при этом исключить оспаривание такого нотариального действия в судебном порядке. Таким образом, установление юридических фактов нотариусами будет являться досудебным порядком урегулирования споров, что, в свою очередь, позволит разгрузить суд от рассмотрения бесспорных дел.

Считаем, что передача полномочий нотариусам по установлению фактов, имеющих юридическое значение, существенно сократит время и расходы заявителя, что позволит обеспечить соблюдение и защиту граждан, ускорит быстрое восстановление их прав.

Список использованных источников:

1. Ю.К. Толстой. К теории правоотношения. Л.: Издательство ЛГУ, 1959 С.13
2. Р.О. Халфина. Общее учение о правоотношении. М. Юридическая литература, 1974 . С.285.
3. Нововедение в законодательстве о нотариате Республики Армения // <https://www.armenianlaw.com/novovvedeniya-v-zakonodatelstve-o-notariate-respubliki-armenia/>
4. В.В. Аргунов. Производство по установлению фактов, имеющих юридическое значение: в суде или у нотариуса?// <https://cyberleninka.ru/article/n/proizvodstvo-po-ustanovleniyu-faktov-imeyuschih-yuridicheskoe-znachenie-v-sude-ili-u-notariusa>
5. Обобщение судебной практики по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение от 28 марта 2022 года. Судебная коллегия по гражданским дела Верховного Суда Республики Казахстан.
6. А.Б. Жанабиллова. Нотариат Казахстана: Современное состояние и перспективы развития. Российский нотариат: 30 лет на службе государству и обществу: Коллективная монография/ Под ред.проф. Е.А. Борисовой – М.:Издательский дом «Городец», 2023.-с.208.

Жакупов Жандильда Ажигалиевич,
магистр права, Президент РОО
«Международный правозащитный центр»,
тренер-медиатор

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МЕДИАЦИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Закон Республики Казахстан «О медиации» принят в 2011 году, за 12 лет институт медиации получил свое признание и доказал свою эффективность.

Многое сделано за все эти годы профессиональными медиаторами, судьями, общественными медиаторами, Ассамблеей народа Казахстана. Если в 2011 году очень мало кто знал о медиации и медиаторах, то сегодня уровень информированности населения о медиации намного выше.

С каждым годом растет число медиативных процедур, количество организаций медиаторов, все больше людей применяют медиацию в качестве альтернативного суда способа разрешения споров. Но надо отметить, что для дальнейшего развития этого института еще нужно решить вопросы, которые стоят перед этим новым инструментом урегулирования конфликтов. Это большая налоговая нагрузка на профессиональных медиаторов, недостаточный уровень информированности населения о медиации, несовершенство законодательства, организация деятельности медиаторов и другое.

Для решения стоящих перед профессиональной медиацией вопросов, хотелось бы предложить к обсуждению следующие рекомендации:

1. Продолжить развитие института медиации и усилить роль медиаторов на досудебной стадии разрешения спора, в том числе на законодательном уровне путем внесения изменений и дополнений в действующее законодательство. У нас развита судебная медиация, но к моменту подачи иска в суд истец уже несет материальные и временные издержки. Истец нанимает юриста, оплачивает гонорар, платит госпошлину и конфликт переходит в стадию эскалации. Работа медиатора на досудебной стадии позволит работать с конфликтующими сторонами на ранней стадии спора и позволит сэкономить время, деньги и здоровье спорящих. Предлагаю ввести на законодательном уровне обязательную информационную беседу на досудебной стадии с медиатором по отдельным категориям споров для повышения информированности населения о медиации. Информационная беседа должна быть безвозмездной и ограниченной по времени (30 минут). Можно пилотно ввести по трудовым и/или семейным спорам как наиболее медиабельным.

2. Обеспечить функционирование Центров оказания юридической и медиативной помощи в каждой области для социально уязвимых слоев населения, нуждающихся в этом, но не имеющих средств для оплаты услуг специалистов. Такие Центры должны быть открыты в каждом регионе и могут работать по долгосрочным социальным проектам (3 года) в рамках государственных социальных заказов местных исполнительных органов.

3. Инициировать и разработать Государственную программу в сфере медиации и сохранения общественного согласия либо Концепцию медиативной и правовой помощи с привлечением к их исполнению всех местных исполнительных органов, судебных и иных госорганов, профессиональных и общественных медиаторов, а также Ассамблею народа Казахстана.

4. Действующее законодательство четко не регламентирует вопросы проведения медиации медиаторами, когда одной из сторон является государственный орган. В связи с этим предлагается внести изменения в законодательство и тем самым утвердить возможность проведения профессиональными медиаторами медиаций с участием государственных органов как на досудебной стадии, так и в ходе судебного процесса и на стадии исполнительного производства.

5. Облегчить налоговую нагрузку на профессиональных медиаторов и исключить многократное взыскание с медиаторов обязательных взносов медицинского страхования путем внесения изменений в налоговое и социальное законодательство или объявления «налоговых каникул» на 3-годовой срок. На сегодняшний день медиаторы платят 5 видов налогов и отчислений, что отнимает 30 и более процентов дохода медиатора в зависимости от суммы дохода (индивидуальный подоходный налог 10%, социальный налог, пенсионные и социальные отчисления и взносы на обязательное медицинское страхование). Кроме того, взносы на страхование взыскиваются с медиаторов неоднократно с каждого вида дохода. Так как медиаторы частенько совмещают свою деятельность с другой, они получают несколько видов дохода и с каждого оплачивают взносы на обязательное медицинское страхование.

6. Создать Единую республиканскую палату медиаторов либо укрупнить организации, действующие на сегодняшний день. Это позволит усилить организации медиаторов, унифицировать некоторые аспекты их деятельности (Правила, Стандарты деятельности, Кодекс этики и др.). Либо создать Ассоциацию организаций медиаторов как объединение юридических лиц с правом голоса каждой организации. Членство организаций медиаторов должно быть обязательным в этой Ассоциации. Это позволит сохранить самостоятельность организаций медиаторов и решать совместно общие вопросы на развитие медиации.

7. Обратиться к рассмотрению вопроса о безвозмездной деятельности судей-примирителей и общественных медиаторов для всех категорий споров и участников:

- внести изменения в действующее законодательство об удержании госпошлины в размере 30 процентов в случае примирения сторон судьей-примирителем;

- исключить судей-примирителей как медиаторов из закона РК «О медиации», так как их деятельность регламентируется Гражданско-процессуальным кодексом РК.

- исключить судей в отставке из закона РК «О медиации», которым дано право автоматически становиться профессиональным медиатором без специального обучения, что противоречит международной практике и их юридический опыт отправления правосудия не дает им право проводить медиации.

- исключить из закона о медиации общественных медиаторов, которые не проходят обучения по медиации, не владеют базовыми знаниями, не имеют навыков разрешения споров. Они могут разрешать споры без всякой законодательной регламентации на общественных началах.

8. Продолжать популяризацию института медиации среди населения, повышать информированность граждан об альтернативных способах разрешения споров. Имеется потребность в содействии в этом вопросе уполномоченного органа в сфере медиации, судебных органов и иных.

9. Изучать международный опыт в сфере медиации, повышать квалификацию медиаторов для практического применения современных методик и технологий, разработки собственных инноваций на базе имеющихся.

Расширять и укреплять международные связи и в первую очередь на центрально-азиатском пространстве, объединяться для развития института медиации и обмениваться опытом.

10. Оказывать содействие в принятии и ратификации Сингапурской конвенции по вопросам исполнения медиативных соглашений странами Центральной Азии и СНГ. Это важно для продвижения института медиации и исполнения норм Конвенции в наших странах, в особенности приграничных.

В Казахстане институт медиации только начал свой путь и будет он сложным или простым, с преградами или без, зависит от нас. Задача профессиональной медиации на сегодня – продолжать свою работу во благо общества, повышать свою квалификацию, совершенствоваться, изучать мировой опыт и применять его с учетом культурных, национальных традиций и особенностей межличностных коммуникаций.

Шакаров Канат Калиаскарович
председатель Костанайского
городского суда

ВОПРОСЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ СУДЕБНЫХ РАСХОДОВ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ПОРЯДКЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В соответствии с частью 2 статьи 862 Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП), лица, которым административным правонарушением причинен физический, имущественный или моральный вред, а также лица, в отношении которых производство по делу не должно было быть начато, а начатое подлежало прекращению ввиду обстоятельств, исключающих производство по делу об административном правонарушении предусмотренных статьей 741 КоАП имеют право на возмещение причиненного вреда.

Имущественный вред, причиненный указанным лицам включает в себя, в том числе выплаченные суммы за оказание юридической помощи, иных расходов, понесенных в результате незаконного привлечения к административной ответственности.

Требование о возмещении имущественного вреда подлежит рассмотрению в порядке, предусмотренном статьей 865 КоАП, путем обращения данного лица в орган вынесший постановление о прекращении дела либо в суд, который в течение месяца выносит постановление о производстве выплат.

В случае если требование о возмещении имущественного вреда не было удовлетворено в порядке, предусмотренном статьей 862 КоАП, либо лицо не согласно с принятым решением, оно вправе обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства с соответствующим иском.

До настоящего времени не определен ответственный государственный орган, а также порядок исполнения актов о производстве указанных выплат.

В связи с чем, в отсутствие порядка производства выплат указанные в статье 862 КоАП лица, в соответствии со статьей 869 КоАП, обращаются в суд с исками о возмещении вреда в порядке гражданского судопроизводства.

При этом, по указанной категории гражданских дел существуют различные подходы к рассмотрению заявленных требований, обусловленные несовершенством действующего законодательства.

Как указано ранее, суммы выплаченные лицом за оказанную юридическую помощь, КоАП определяет как имущественный вред причиненный лицам, в отношении которых производство по делу не должно было быть начато, а начатое подлежало прекращению. Вместе с тем, по своей юридической природе указанные суммы фактически являются судебными расходами, понесенными по делу об административном правонарушении.

Тогда как, согласно статьи 917 Гражданского кодекса (далее – Кодекс), вред (имущественный и (или) неимущественный), причиненный неправомерными действиями (бездействием) имущественным или неимущественным благам и правам граждан и юридических лиц, подлежит возмещению лицом, причинившим вред, в полном объеме.

Различные определения вреда в рамках административно-деликтного и гражданского законодательства порождает многочисленные различные толкования и применение закона при рассмотрении гражданских дел о взыскании указанных сумм выплаченных на юридическую помощь.

Обязательства вследствие причинения вреда относятся к внедоговорным обязательствам, так как возникают из факта причинения вреда.

Согласно требований статьи 917 Кодекса, для возмещения имущественного вреда необходимо наличие самого вреда, противоправность действия (бездействия), которым причинен вред, причинная связь между действием (бездействием) и наступившим результатом (вредом), а также вина причинителя вреда.

В одних случаях, при рассмотрении данных требований в порядке гражданского судопроизводства исходят из того, что для возложения обязанности возмещения вреда необходимо установить всю совокупность обстоятельств являющихся основанием взыскания вреда предусмотренных статьей 917 Кодекса – это противоправность действий (бездействия), которым причинен вред, причинная связь между действием (бездействием) и наступившим результатом (вредом), а также виновность должностного лица возбудившего дело об административном правонарушении, либо привлечшего лицо к административной ответственности.

При этом, также необходимо принять во внимание следующие обстоятельства.

Во-первых, прекращение судом производства по делу об административном правонарушении не всегда является доказательством противоправности поведения конкретного должностного лица. В каждом конкретном случае необходимо исходить из фактических обстоятельств повлекших возбуждение и прекращение дела об административном правонарушении, установленные первоначальные признаки состава административного правонарушения, характер дела и иные обстоятельства.

Во-вторых, согласно статей 749-750 КоАП участие защитника в производстве по делу об административном правонарушении обязательно в случаях, если об этом ходатайствует лицо, привлекаемое к административной

ответственности. В этом случае, расходы по оплате труда адвоката производятся за счет бюджетных средств.

В-третьих, выбор адвоката осуществляется лицом в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении лицом по своему усмотрению. Сумма оплаты работы адвоката выступающего в качестве защитника осуществляется по соглашению между ними. Таким образом, в последствие размер причиненного вреда в виде судебных расходов зависит исключительно от суммы, на которую договорились данное лицо и адвокат.

В других случаях, исходят из того, что при рассмотрении дел данной категории в порядке гражданского судопроизводства необходимо лишь установить факт понесенных судебных расходов в рамках дела об административном правонарушении и его последующее прекращение с разъяснением права на возмещение имущественного вреда связанного с понесенными судебными расходами.

В данном примере, в рамках рассмотрения дела не устанавливают все элементы убытков, согласно гражданского законодательства, тем самым создавая такой механизм возмещения вреда, при котором наличие понесенных расходов (вреда) и факт прекращения дела об административном правонарушении подпадающим под условия статьи 862 КоАП является достаточным основанием решения об удовлетворении иска.

В обоих из приведенных примеров являются дискуссионными вопросы применения положения статьи 935 Кодекса, предоставляющего суду право уменьшения взыскиваемых убытков связанных с оплатой услуг представителя, если грубая неосторожность самого лица содействовала возникновению или увеличению вреда, с учетом степени вины данного лица и причинителя вреда.

А также легитимность применения аналогии закона, в части возможности уменьшения предъявленной ко взысканию суммы, согласно положений пункта 14 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 25 декабря 2006 года № 9, исходя из критериев добросовестности, справедливости и разумности, предусмотренных пунктом 4 статьи 8 Кодекса, и частью пятой статьи 6 Гражданского процессуального кодекса.

На мой взгляд из приведенных примеров правильным будет тот, при котором при рассмотрении требований о взыскании вреда в порядке гражданского судопроизводства, будут установлены все элементы статьи 917 Кодекса – противоправность действий, причинная связь между действием и вредом, виновность должностного лица.

Таким образом, в сложившихся обстоятельствах необходимо инициировать изменения в действующее законодательство по вопросам возмещения судебных расходов по делам об административных правонарушениях, в целях модернизации данного института, приведения его в соответствие с действующим правом Республики Казахстан, поскольку трансформация природы оплаты помощи защитника из судебных расходов в причиненный имущественный вред, на мой взгляд противоречит основам гражданского законодательства. Влечет искусственное, неоправданное обращение данных лиц за защитой прав в порядке гражданского судопроизводства, как последствие порождает самостоятельный иск и новые судебные расходы, длительный период возмещения.

В целях реализации положений статьи 865 КоАП, необходимо принятие производного нормативного акта регламентирующего порядок возмещения судебных расходов лицам, в отношении которых производство по делу не должно было быть начато, а начатое подлежало прекращению.

Разработка подзаконного нормативного акта соответствует требованиям Закона «О правовых актах», обеспечит целостность системы законодательства Республики Казахстан, реализует положения статьи 865 КоАП, исключит рассмотрение в судах дел указанной категории, упростит и ускорит порядок возмещения судебных расходов.

Список использованных источников:

1. Кодекс Республики Казахстан Об административных правонарушениях Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 235-V ЗРК.
2. Гражданский кодекса Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 года № 409.
3. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V ЗРК.
4. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан «О применении судами Республики Казахстан законодательства о судебных расходах по гражданским делам» от 25 декабря 2006 года № 9.

Шайзадаев Бахытбек Абдигалимович
заңтану магистрі, Қарағанды қаласы
Әлихан Бөкейхан ауданының №2
сотының төрағасы

АЛДЫН АЛА ЖАСАЛАТЫН ШАРТТАРДЫ ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Қазіргі таңда шарттың бір түрі ретінде алдын ала жасалатын шарттың тәжірибелік мәні ерекше болып отыр. Оған себеп, құрылыс саласындағы көптеген компаниялар алдын ала жасалатын шарттар жасасу арқылы өз қызметтерін жүзеге асыруда.

Алдын ала шарт талаптарының жалпы сипаттамасына тоқталатын болсақ, Қазақстан Республикасының Азаматтық Кодексінің (бұдан әрі – ҚР АК) 390-бабының 1-тармағына сай, алдын ала жасалатын шарт бойынша тараптар алдын ала жасалатын шартта көзделген жағдайларда мүлік беру, жұмыс орындау немесе қызмет көрсету туралы болашақта шарт (негізгі шарт) жасасуға міндеттенеді. Жалпы ҚР АК-тің талаптары бойынша, алдын ала шарт болып саналуы үшін келесідей екі міндетті сипатқа сәйкес келуі тиіс: 1) онда тараптардың болашақта негізгі шарт жасасу міндеттемесі білдірілуі тиіс және 2) онда затты белгілеуге мүмкіндік беретін шарттар, сондай-ақ негізгі шарттың басқа да елеулі талаптары болуы тиіс (ҚР АК 390-бабының 3-тармағы).

Жалпы, бұл құқықтық құрылым келешекте негізгі мәміленің жасалуына кепілдік береді. Алдын ала шарт өзінің мақсаты бойынша негізгі шартты белгіленген мерзімде алдын ала шартта айқындалған елеулі шарттар негізінде

жасасу мәселесін шешетіндіктен ұйымдастырушылық шарт болып табылады. Бұл ретте, осы үдеріс барысында тараптар, әрине алдын ала шартта көрсетілмеген негізгі шарттың қалған (АК талаптарына сәйкес елеулі болып табылмайтын) талаптарын келісу туралы келіссөздер жүргізуге мәжбүр болады. Әлбетте, алдын ала шартта негізгі шарттың барлық талаптары болмауы мүмкін, сол себепті де тараптар өзара келіссөздер жүргізе отырып, алдын ала шартты негізгі шартқа айналдыру процесін қамтамасыз етеді.

Демек, алдын ала шарттың негізінде тараптардың мүліктік құқықтары мен міндеттері болмайтыны анық. Бұл жағдайда біз тек мүліктік қатынастарды ұйымдастыру туралы мәселені қозғаймыз, себебі алдын-ала шарт жасалғаннан кейін тараптар ешқандай мүліктік ұсыныстарды қарастырмауы тиіс. Дегенмен, алдын ала жасалатын шарт тараптардың ұйымдастырушылық сипаттағы міндеттерін ғана көздейді. Бұл міндеттер екі тарапта да бірдей, мұнда бір тараптың құқығы екінші тараптың міндеттеріне сәйкес келетін өзара шарттарға тән емес, алдын-ала шарттың екі тарапына да тиесілі екі бірдей құқықты және екі бірдей міндеттерді байқаймыз. Алдын ала жасалатын шарт тараптары болашақта негізгі шартты жасасу жөніндегі міндеттемелерді өздеріне қабылдайды.

Мәселен, ағылшын-американдық құқыққа «алдын-ала шарттың» құрылымы мүлдем жат. «Келісім жасасу туралы келісімдер» (agreement to agree) сот арқылы қорғалмайды. Егер тараптар негізгі келісімнің барлық қажетті талаптары бойынша уағдаласқан болса, онда ол жасалды деп, егер олар келіспеген болса, онда олардың арасында «негізгі» немесе «алдын-ала келісім» жасалған жоқ деп саналады [1].

Алайда, кейбір мемлекеттерде алдын-ала жасалатын шарт құрылымы кездесетін мемлекеттер де бар.

Мысалы, Француз құқығында сатып алу-сату шарты бойынша тауарға меншік құқығы шарт жасасу фактісі бойынша заңды тікелей көрсетуге байланысты ауысады.

Тиісінше, егер тауар оның меншігінде болмаса, сатушы сатып алу-сату шартын жасай алмайды. Егер, сатушы тауарға мүлікті тек төлемге қарсы беруге дайын болса және сатып алушы әлі ақша дайындамаған болса, сатып алу-сату шартын жасасудың мүмкіндігі болмайды. Бұл аспектілер әсіресе жылжымайтын мүлікті сату жағдайында өзекті болып табылады [2].

Дегенмен, қазіргі заманғы азаматтық айналымда алдын ала шартты қолданудың жалғыз ақылға қонымды нұсқасы – мұндай тіркеу объектісі әлі қалыптаспаған (иеліктен шығарушыда жасалмаған немесе жоқ) кезде мемлекеттік тіркеуге жататын келісімге қатысты алдын ала шарт. Мәселен, аяқталмаған құрылысқа тапсырыс беруші жаңа инвестицияларды тарту мақсатында құрылыс кезеңінде болашақ үй-жайларды жалға беру ниетіне қатысты. Алайда, бұл жағдайда тараптар толыққанды жалдау шартын, оның ішінде орындалуын кейінге қалдырумен немесе шартты мәміле моделі бойынша жасай алмайды, өйткені мұндай шарт бойынша құқықтарды осы кезеңде тіркеу мүмкін емес [3].

Сондықтан сипатталған жағдайда алдын-ала келісім-шарт өте орынды. Басқаша айтқанда, алдын ала шарт бойынша тарапта әлі ресімделмеген құқықтар мен міндеттерді беру көзделген кезде қолданылады. Яғни, біз міндетті

мемлекеттік тіркеу туралы айтып отырмыз, ол құқық қалыптастырушы болып табылады және онсыз негізгі шартты жасасу шартты жасалмаған деп танудан бастап, мемлекеттік тіркеудің болмауына байланысты айыппұл санкцияларына дейінгі көптеген тәуекелдермен байланысты.

Алдын ала шарт жасасудың нақты мүмкіндігі жоқ жерде, бірақ тараптар оны қолдануды талап етсе де, тараптардың қандай да бір себептермен негізгі шарт бойынша міндеттермен байланыстыруға дайын еместігі міндетті түрде болады. Олардың ниеті – осы сәтті кейінге қалдыру және алдын-ала жасалатын шарт түрінде олардың құқықтық қатынастарында қосымша байланыс құру.

Негізгі және алдын ала шарттар әртүрлі құқықтар мен міндеттерді тудыратын екі түрлі келісім екенін есте ұстаған жөн. Олардың бұзылуы, тиісінше, мүлдем басқа құқықтық салдарға әкеледі.

Тәжірибеде алдын-ала жасалатын шарт өте жиі қолданылады, өйткені бұл болашақта негізгі келісім-шарт жасасу мәселесі бойынша тараптардың келісімдерін бекітуге, сондай-ақ жоғары тиімділікпен негізгі келісім-шарт жасасу бойынша тараптар қабылдаған міндеттемелердің орындалуын қамтамасыз етуге мүмкіндік беретін өте ыңғайлы құрал. ҚР заңнамасындағы алдын ала шарттардың мысалдарына жүк тасымалдауды ұйымдастыруға арналған шарттар, банктің қарыз алушыға тараптар келіскен соммада және шарттарда қаражат беру міндеттемесін көздейтін кредиттік шарттар, болашақта пәтер беру шарты (тұрғын үй келісім-шарты) жатады. Негізінен, сот тәжірибесінен байқайтынымыз, жылжымайтын мүлікті сатып алу-сатуға немесе жалға алуға қатысты алдын ала шарттар жасалады.

Осылайша, мазмұнында осындай келісімдерді ресімдеу кезінде қол жеткізілген келісімнің заңды күшіне дау айтуға байланысты болашақта мәселелерді болдырмау үшін осы алдын ала жасалатын шарттың заңды күші бар екенін көрсету қажет.

Жоғарыда айтылғандарға сүйене отырып, келесідей тұжырымдар жасауға болады:

1. Алдын ала жасалатын шарт құқықтық құжат болып табылады, ол бойынша жалғыз міндеттеме негізгі шарт жасасу міндеттемесі болып табылады. Бір тарап негізгі шарт жасасудан дәлелденген жалтарған жағдайда, екінші тарап алдын ала жасалатын шарт жасаспаудан туындайтын, негізінен нақты залалдан тұратын залалдарды өтеуді талап етуге құқылы. Егер тараптар оны жасаса, негізгі шартты бұзудан туындайтын нақты залал және жоғалған пайда түріндегі залалдар өтелуге жатпайды.

2. Алдын ала жасалатын шарт тараптар арасындағы құқықтық қатынастарды қорғаудың жеткілікті тұрақты тетігі болып табылмайды. Тараптың негізгі шартты жасасудан жалтару қаупі айтарлықтай. Егер біз құқық нормасын сөзбе-сөз түсіндіруден бастасақ, онда бұл жағдайда жалғыз нәтиже міндеттемені бұзумен тікелей себеп-салдарлық байланыстағы шығындарды өтеу болып табылады.

Алайда, тәжірибеде азаматтық заңнамада алдын ала шарт жасасудың құқықтық негіздерінің барлығын ескере отырып, осы шарттарды жасасу арқылы онымен жеке тұлғаларға арналған тұрғын үй құрылысы саласында теріс пайдалану орын алып отыр.

Қазақстан Республикасында жеке және (немесе) заңды тұлғалардың ақшасын тарту есебінен көппәтерлі тұрғын үйлердің тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу жөніндегі қызметке байланысты қоғамдық қатынастарды реттейтін, сондай-ақ тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу туралы шарт тараптарының құқықтары мен заңды мүдделерін қорғау кепілдіктерін белгілейтін 2016 жылғы 7 сәуірдегі «Тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу туралы» Заңы әрекет етеді.

Аталған Заңның 7-бабына сай, тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу:

- 1) бірыңғай оператордан кепілдік алу;
- 2) екінші деңгейдегі банктің жобаға қатысуы;
- 3) көппәтерлі тұрғын үйдің қаңқасы тұрғызылғаннан кейін үлескерлердің ақшасын тарту тәсілдерінің бірі арқылы ұйымдастырылады.

Дегенмен, қазіргі таңда осы талаптар мен тәсілдер сақталмастан, тұрғын халықтан құрылыс компаниялары тарапынан жергілікті атқарушы органның рұқсатынсыз үлескерлерден ақша тарту арқылы салынып жатқан тұрғын үй объектілері қаншама.

Бұл ретте, осы Заңды бұзушылық үшін әкімшілік жауаптылық бар.

Атап айтқанда, Қазақстан Республикасының 2014 жылғы 5 шілдедегі «Әкімшілік құқық бұзушылық туралы» Кодексінің 320-бабына сай «Қазақстан Республикасының тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу туралы заңнамалық актісінің және Қазақстан Республикасының тұрғын үй заңнамасының талаптарын бұзуға» қатысты әкімшілік жауаптылық көзделген.

Осы 320-баптың диспозициясына назар аударатын болсақ, жергілікті атқарушы органның рұқсатынсыз үлескерлерден ақша тартуға қатысты әкімшілік құқық бұзушылық құрамы көрсетілмеген.

Сол себепті де, Кодекстің аталған 320-бабын әкімшілік құқық бұзушылық құрамы ретінде жергілікті атқарушы органның рұқсатынсыз үлескерлерден ақша тартуға жазбаша шарт жасасу және тұрғын үй құрылысына үлестік қатысу тәртібін бұзу арқылы тұрғын үй құрылысын жүргізу көзделуі тиіс.

Осы толықтырулар енгізу арқылы, алдын ала жасалатын шарттар жасасу арқылы құрылыс саласындағы көптеген оқшылықтардың алдын алып, азаматтық заңнамада көзделген алдын ала жасалатын шартқа қатысты құқықтарын теріс пайдаланып, өзге заңды тұлғалар мен азаматтардың құқықтарын бұзудың алдын алады.

Жоғарыда айтылғандардың барлығы алдын-ала жасалатын шарт – бұл ерекше құқықтық құбылыс, болашақта негізгі шарттар жасасу үшін қатынастардың салыстырмалы түрде оқшауланған шеңберіне делдал болатын институт деген қорытынды жасауға мүмкіндік береді. Алдын ала шарттан құқықтық қатынастардың құқықтық сипатын анықтай отырып, оның ұйымдастырушылық міндеттемелерді тудыратынын атап өткен жөн. Шарттардың осы түрінің арқасында қатынастардың түпкілікті мақсаты алдын-ала анықталады. Алдын ала шарттың басты ерекшеліктерінің бірі – ол негізгі шарт жасасқанға дейін шарт тараптары арасындағы қатынастарды тұрақтандыруы және белгілі бір уақыттан кейін алдын ала шарт жасасу кезінде болған шарттарда және тіпті тараптардың бірі осы құқықтық қатынастарға қызығушылығын жоғалтқан жағдайда да тиісті құқықтарды алу мүмкіндігіне кепілдік беруі керек.

Пайдаланылған қайнар көздерінің тізімі:

1. <http://kazbar.org.kz/teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty-spolzovaniya-predvaritel'nogo-dogovora/>
2. Будылин С. Обещаю обещать или, Зачем нужен предварительный договор? Электронный ресурс: https://zakon.ru/blog/2015/11/24/obeshhayu_obeshhat_ili_zachem_nuzhe_predvaritelnyj_dogovor
3. М.К. Сулейменов «Преддоговорные отношения» Электронный ресурс: <https://www.zakon.kz/4920879-preddogovornye-otnosheniya-suleymenov-m.html>

Дубровина Екатерина Владимировна,
преподаватель кафедры гражданского и
арбитражного судопроизводства Крымского
филиала ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет правосудия»,
Российская Федерация

ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ. ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Худой мир лучше доброй ссоры. Смысл этой старинной русской пословицы находит своё отражение во многих языках и как нельзя лучше отражает стремление народов во всем мире к примирению и мирному сосуществованию.

Jaqsı janjaldan jaman tatwlıq artıq (каз.) – говорят в Казахстане, а bad corn promise is better than a good lawsuit (англ.) – плохой компромисс лучше, чем хорошая тяжба, считают англичане, parempi laiha soru kuin lihava riita (фин.) – лучше худой мир, чем жирный спор, уверены финны. Приоритет мирного урегулирования споров очевиден сегодня для каждого, преимущества переговоров и компромиссного решения острых вопросов актуальны для всех без исключения сфер общественной и политической жизни, лежат в основе сохранения мира и добропорядка, а также призваны служить фундаментом построения нового миропорядка в будущем.

Так, в преамбуле Конституции Российской Федерации⁴¹ многонациональный народ Российской Федерации утверждает права и свободы человека, гражданский мир и согласие. Принципы мирного сосуществования, признание различий, способность понимать и уважать интересы друг друга являются частью правовой культуры современного человека.

Именно поэтому возможность мирного урегулирования споров, как способ реализации одной их важнейших задач современного гражданского судопроизводства, становится приоритетным направлением развития цивилистического процесса, а также важнейшей составляющей досудебного и судебного разрешения, возникших между сторонами противоречий.

⁴¹ «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020г.) // СПС «КонсультантПлюс» - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ Дата обращения 25.10.2023 г.)

Гражданский процессуальный кодекс⁴² Российской Федерации в статье 153.3 выделяет следующие виды примирительных процедур: споры могут быть разрешены путем проведения переговоров, посредничества, в том числе медиации, судебного примирения, или использования других примирительных процедур.

Одним из механизмов урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица, является процедура медиации, направленная на содействие развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации социальных отношений.

Понятие «медиация» происходит от латинского «mediare», означающего «посредничать». Медиация – это процесс разрешения конфликтов, при котором нейтральная сторона, медиатор, помогает оппонентам добровольно достичь соглашения. Так, данный вид разрешения спора является менее разрушительным, позволяющим сохранить и структурировать отношения между сторонами.

Уникальность медиации в Российской Федерации заключается в её законодательной регламентации. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 г. №193-ФЗ определяет понятие медиации и устанавливает основные принципы и правила, которым должны следовать медиаторы и участники примирительной процедуры. Это обеспечивает ясность толкования и чёткий порядок применения правового инструмента.

Возможность использования процедуры медиации в цивилистическом процессе предусмотрена гражданским процессуальным законодательством. Так, в соответствии со ст. 153.5 ГПК РФ, «стороны вправе урегулировать спор путем проведения процедуры медиации в порядке, установленном настоящим Кодексом и федеральным законом»⁴³.

В Российской Федерации медиация является добровольной и отражает согласие сторон, что подчёркивает их вовлеченность и нацеленность на достижение результата примирения.

В соответствии со статьёй 2 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 г. №193-ФЗ, медиатор – это независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами в качестве посредников в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора. Главная задача такого посредника – организовать переговоры таким образом, чтобы контрагенты пришли к оптимальному взаимовыгодному решению. Функции медиатора в гражданском судопроизводстве ограничиваются предоставленными

⁴² «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 г. №138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/466c4274cfc85f48a2ca10a626b6c8ab66170a13/ Дата обращения 25.10.2023 г.)

⁴³ «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 г. №138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/466c4274cfc85f48a2ca10a626b6c8ab66170a13/ Дата обращения 25.10.2023 г.)

ему законом процессуальными полномочиями, в отличие от внесудебного урегулирования разногласий между сторонами.

Следует подчеркнуть, что деятельность медиатора может осуществляться как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе. В роли непрофессиональных медиаторов могут выступать лица, достигшие возраста восемнадцати лет, обладающие полной дееспособностью и не имеющие судимости. На профессиональной же основе медиаторами могут быть лица, достигшие возраста двадцати пяти лет, имеющие высшее образование и получившие дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации, а также судьи, прибывающие в отставку.

Стороны также вправе урегулировать спор путем использования примирительной процедуры с участием судебного примирителя - судебное примирение, которое осуществляется на основе принципов независимости, беспристрастности и добросовестности судебного примирителя.

Порядок проведения судебного примирения и требования к судебному примирителю определяются настоящим Кодексом и Регламентом проведения судебного примирения, утверждаемым Верховным Судом Российской Федерации. Судебным примирителем является судья в отставке⁴⁴.

Можно смело сказать, что для Республики Крым судебное примирение и, в частности, медиация - зарождающиеся правовые институты. Так, только с 2021 г. на полуострове при Торгово-промышленной палате республики начала свою деятельность региональная коллегия медиаторов. Именно тогда Крым начал выстраивать взаимодействие между медиаторами и судебной системой РФ, накапливая и используя опыт других субъектов Российской Федерации. С каждым годом досудебная и судебная медиация поступательно развивается, проникая в различные сферы общественной жизни.

Проведенный мониторинг показал, что в Республике Крым создана и работает Ассоциация «Первый Крымский центр переговоров и разрешения конфликтов (медиации)», расположенная по адресу: г. Симферополь, ул. Ленина, 25, основной целью которой является организация и проведение переговоров и примирительной процедуры – медиации, а также популяризация и развитие медиации.

В соответствии с реестром медиаторов Республики Крым, размещенном на официальном интернет-портале Ассоциации «Первый Крымский центр переговоров и разрешения конфликтов (медиации)», большую популярность получили медиаторы в столице Крыма – г. Симферополе. Тем не менее, свою деятельность медиаторы осуществляют в Северном Крыму (Армянск, Краснопереконск, Джанкой, Раздольное, Евпатория), а также в пгт Ленино.

В других же городах Республики Крым, например, в городе Феодосия, нередко проводятся конференции с обсуждением тем, касающихся применения института медиации в наши дни. Таким образом, в регионе повышается уровень осведомленности о применении данной процедуры в различных сферах. Об этом

⁴⁴ Статья 153.6. Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (Дата обращения: 26.10.2023 г.)

свидетельствуют освещаемые на конференциях темы: «Интеграция медиации в судебную систему РФ», «Медиация и адвокатура», «Медиация по семейным спорам и в системе здравоохранения», «Медиация в трудовых правоотношениях и сфере ЖКХ» и др. На сегодняшний день список регионов, где медиация развивается, значительно пополняется.

Крымчане открывают для себя возможности примирительных процедур в гражданском судопроизводстве и отмечают целый ряд очевидных преимуществ, таких как: возможность сохранения отношений и доверия между сторонами конфликта; укрепление партнёрских связей и поиск конструктивного выхода из ситуации; а также существенную экономию времени и финансовых ресурсов.

Однако, недостаточная информированность населения республики не позволяет в полной мере оценить достоинства участия посредника в цивилистическом процессе. Порой лиц, участвующих в деле, просто пугает возможность привлечения судебного примирителя, а уж, тем более, медиатора. Несведущему в правовых вопросах, примирительные меры кажутся дополнительным финансовым бременем (зачем, ведь уже заключён договор с адвокатом), напрасной тратой времени (все спорные правоотношения можно разрешить в рамках гражданского процесса), пустой формальностью, волокитой (суд выносит определение о проведении примирительной процедуры и при необходимости откладывает судебное разбирательство), и, кроме того, стороны могут не достигнуть результатов примирения, т.е. попросту не договориться. Все эти доводы вызывают оправданное недоверие и опасение граждан.

Необходимо отметить роль представителей судебной системы Республики Крым в становлении и популяризации института судебного примирения. Так, суд принимает меры для примирения сторон, содействует им в урегулировании спора, руководствуясь при этом интересами сторон и задачами судопроизводства. Примирение сторон осуществляется на основе принципов добровольности, сотрудничества, равноправия и конфиденциальности⁴⁵. Так, судья во время подготовки дела к судебному разбирательству, судебного разбирательства и других стадий гражданского судопроизводства неоднократно разъясняет сторонам возможности и преимущества судебного примирения.

В то же время лицами, не имеющими достаточных правовых знаний, подобные обоснованные и законные действия могут быть расценены как навязывание определённых посреднических (сторонних, медиативных) услуг. Особенности менталитета, насторожённость, боязнь «негативных последствий», правовой нигилизм как элемент общественного и индивидуального сознания являются серьёзным препятствием для интеграции различных видов примирительных процедур не только в сферу гражданского судопроизводства, но и в правовое поле Республики Крым в целом.

Первостепенной задачей преодоления подобного отношения к развивающемуся в Крыму правовому институту, вижу, в первую очередь в совершенствовании всей системы правового информирования населения

⁴⁵ «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 г. №138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/466c4274cfc85f48a2ca10a626b6c8ab66170a13/ Дата обращения 25.10.2023 г.)

полуострова. Распространение и разъяснение правовой информации широкому кругу жителей республики позволит сформировать позитивный имидж примирительных процедур в гражданском процессе, как, без преувеличения, важнейших правозащитных и правоохранительных институтов.

В целом, примирительные процедуры в гражданском судопроизводстве Республики Крым – это необходимый инструмент разрешения споров, который позволяет избежать длительных и затратных судебных разбирательств и способствует сохранению добропорядочных отношений между сторонами. Добровольное примирение сторон для достижения обоюдоприемлемых результатов должно стать процессуальной целью гражданского судопроизводства, а также, входя за его рамки, частью правовой культуры населения полуострова.

Список использованных источников:

Нормативные правовые акты

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020г.) // СПС «КонсультантПлюс» - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ Дата обращения 25.10.2023 г.)

2. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 г. №138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/466c4274cfc85f48a2ca10a626b6c8ab66170a13/ Дата обращения 25.10.2023 г.)

3. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (Дата обращения: 26.10.2023 г.)

Учебная и научная литература

4. Аллахвердова О. В., Карпенко А. Д. Медиация как социально-психологический феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2021.

5. Апарцев, А. А. Примирительные процедуры в гражданском процессе: учебное пособие / А. А. Апарцев. - М.: Юрайт, 2017. - 256 с.

6. Богатырев, А. И. Примирительные процедуры в гражданском процессе: актуальные проблемы теории и практики: монография / А. И. Богатырев. - М.: Статут, 2015. - 352 с.

7. Бычкова, Т. В. Примирительные процедуры в гражданском процессе: учебно-практическое пособие / Т. В. Бычкова. - М.: Зерцало, 2016. - 192 с.

8. Гражданский процесс: учебник и практикум для среднего профессионального образования / М. Ю. Лебедев [и др.] ; под редакцией М. Ю. Лебедева. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – с. 423. – URL: <https://urait.ru/viewer/grazhdanskiy-process-534073> (Дата обращения: 25.10.2023 г.)

9. Ляпунов, А. И. Примирительные процедуры в гражданском процессе: опыт и перспективы: сборник научных трудов / под ред. А. И. Ляпунова. - М.: Юстицинформ, 2019. - 416 с.

10. Мусатова О. А. К проблеме психологического потенциала медиатора как источника урегулирования проблем межличностного взаимодействия // Педагогика и психология образования. – 2021. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-psihologicheskogo-potentsiala-mediatora-kak-istochnika-uregulirovaniya-problem-mezhlichnostnogo-vzaimodeystviya> (Дата обращения: 25.10.2023 г.)

11. Мякотников, Ю. С. Примириительные процедуры в гражданском процессе: учебник / Ю. С. Мякотников, А. В. Лавров. - М.: Проспект, 2018. - 304 с.

12. Общероссийский союз медиаторов: официальный интернет-портал. – URL: <https://профсоюзмедиаторов.рф/> (Дата обращения: 25.10.2023 г.)

13. Пронина Е. В., Попова (Смолик) С. Ю. Психологические основы медиации: новый способ решения проблем//Серия: Технологии работы с молодежью.-2015.-URL: http://op.vlsu.ru/fileadmin/Programmy/Bacalavr_priclad/37.03.01/Metod_doc/Pronina_E.V._Popova_Smolik_SJU.Uchebnoe_posobie.pdf (Дата обращения: 26.10.2023 г.)

Егембердиев Ержан Ошакбаевич,

з.ғ.к., Қазақстан Республикасы
Жоғарғы Сотының жанындағы
Сот төрелігі академиясы Азаматтық-
құқықтық пәндердің ғылыми-білім
беру орталығының директоры

ЖЕР ДАУЛАРЫН МЕДИАЦИЯ ЖОЛЫМЕН РЕТТЕУ

Бүгінгі таңда жер даулары маңызды тақырыптардың бірі, олардың дұрыс және уақтылы шешілуіне тек жер-құқықтық қатынастарды ғана емес, сонымен бірге кез-келген қоғамның әлеуметтік-саяси жағдайын да дамыту мен жетілдіруде көп нәрсе байланысты, өйткені қазіргі уақытта республикада жүргізіліп жатқан экономикалық реформалармен және жерді азаматтық айналымға тартумен, жеке меншік құқығы институтының пайда болуымен жерге жер дауларының саны азаймайды.

Жер құқық қатынастарынан туындайтын сотта қаралатын даулар – жер даулары деп аталады. Қолданыстағы Жер кодексінің 167-бабына [1] сәйкес жер дауларын сот тәртібімен немесе балама нысанда – медиация тәртібімен шешуге жол берілген.

Жер кодексінің 167-бабына сәйкес өзгерістер «Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне мемлекеттің кәсіпкерлік қызметке қатысуын шектеу мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы» Қазақстан Республикасының 2015 жылғы 22 сәуірдегі №308 Заңымен енгізілген [2]. Осылай, жеке меншіктегі жер участкілеріне байланысты даулар (жанжалдар) тараптардың келісуі бойынша медиация тәртібімен қаралуы мүмкін. Айта кететін болсақ, Қазақстанда медиация туралы заң 2011 жылдың 28 қаңтары қабылданып сол жылдың тамыз айында күшіне енген, яғни арада төрт жыл өткен кейін тиісті өзгерістер енгізілген [3].

Жер учаскесіне, оның шекараларына, мөлшеріне және т.б. байланысты кез-келген жанжал жер дауының тақырыбы болуы мүмкін, көбінесе олар жер

учаскесін пайдаланушылардың құқықтары пайда болуына, өзгертуге және тоқтатуға қатысты. Жер дауларының объектісі меншік құқығындағы жер учаскелері болып табылады, бұл олардың ерекшелігі болып табылады. Жер учаскелерінің мемлекеттік және жеке меншік объектісі ретіндегі құқықтық ережелері, сондай-ақ оны меншік құқығы ретінде нысаны құқықтық актілерінде (ҚР Конституциясы, ҚР Азаматтық кодексі) айқындалған және құқықтық әдебиеттерде кенінен зерттелген болатын [4-7].

Медиация арқылы жер дауын шешу кезінде медиатор жұмысының мақсаты дауласушы тараптар арасындағы дауды (жанжалды) оларды қанағаттандыратын нұсқасына қол жеткізу, тараптардың дауласушылық деңгейін төмендету болып табылады.

Жер дауын шешу кезінде медиатордың негізгі міндеттері: жанжалды жағдайды егжей-тегжейлі және толық талдау, келіссөздерді ұйымдастыру, дауласушы тараптар үшін ең оңтайлы және қолайлы шешімді іздеу [8; 28 стр.].

Бұл институт АҚШ, Еуропа, Австралия елдерінен бастап қазіргі кезде азиялық мемлекеттердің құқыққолдану тәжірибесіне кеңінен қолдануға енгізілген. Оның артықшылықтары:

- сот тәртібімен салыстырғанда шығындылықтың төменділігін;
- құпиялықтың сақталуын;
- дауды шешудің жолдарын таңдауға тараптарға еркіндік берілуін;
- соттардың жүктемесін азайтуды жатқызуға болады.

Бірақ айта кету керек, барлық жер даулары медиация тәртібімен шешіле алмайды. Мұндай шектеу медиацияның құқықтық табиғатымен байланысты. Осылайша, медиация тәртібімен келесі жер құқық қатынастарынан туындайтын даулар бойынша қолданылмайды [3]:

– егер мұндай даулар (жанжалдар) медиация рәсіміне қатыспайтын үшінші тұлғалардың және сот әрекетке қабілетсіз не әрекетке қабілеті шектеулі деп таныған адамдардың мүдделерін қозғаса немесе қозғауы мүмкін болса;

– Қазақстан Республикасының заңдарында көзделген өзге де жағдайларда, мысалы, Қылмыстық кодекске сәйкес сыбайлас жемқорлық қылмыстар жасаған адамдарға (ҚР ҚК 68-б. 4-б. 4)-т.).

Жер дауын медиация тәртібімен шешудің ең басты талабы медиатормен тараптардың арасында жасалатын жазбаша келісімнің болуы.

Медиация жер дауын шешуде балама жолы ретінде тараптардың сотқа дейінгі кезеңде, сондай-ақ сот қарауы басталып кеткеннен кейінде қолдануы мүмкін. Медиация өткізу орны, уақыты және тілі тараптар келісімімен анықталады. Медиация туралы шартқа қол қойылған күннен бастап медиация өткізудің жалпы мерзімі 30 күнтізбелік күндерден аспайды. Қажет болған жағдайда тараптардың жазбаша ескертуі бойынша медиация өткізу мерзімі сотпен 30 күнтізбелік күндерге дейін ұзартылуы мүмкін, бірақ жалпы жинақтығы бойынша 60 күнтізбелік күндерден аспауы тиіс. Егер тараптар жер дауын медиация тәртібімен шешу келісіміне сот талқылауы басталған соң жасаса, онда сот өз қарауындағы азаматтық іс бойынша іс жүргізуді тоқтата тұру керек (ҚР АПК 272-б. 1-б. 7)-т.) [9].

Жер дауы бойынша медиация нәтижесі «қалаулы» немесе «үмітсіз» болу мүмкін. Егер жер дауы қалаулы келісіммен болса, істі қарап отқан сот, азаматтық

іс бойынша іс жүргізуді қысқартып, тараптардың жасаған келісімін ұйғарымен бекітеді (ҚР АПК 277-б. 6)-т.). Медиация нәтижесін үмітсіз деп есептейміз, егер тараптар жер дауы бойынша ешқандай келісімге келмесе, медиация тәртібімен жер дауын тараптардың біреуімен немесе екі жақпен шешуге болмаса. Бұл жағдайда тараптар дауларын сотта жалпы тәртіп бойынша жалғастырады (ҚР АПК 180-б. 3-б.) [9].

Бұдан басқа, апелляциялық және кассациялық соттарда сот актісін қайта қарау кезінде медиация жолымен жер дауын шешудің процестік мүмкіндігі туралы айту керек. Өткені жер дауы бірінші сатыдағы сотта шешілмеген соң тараптардың шағымы бойынша апелляциялық және кассациялық сотта жалғасады. Сондықтан осы азаматтық процесс сатыларында да созылмалы жер дауы тараптардың қалауымен медиация тәртібімен шешу мүмкіндігі берілген (ҚР АПК 410-б. және 447-б.). Сондай-ақ, егер дауды (жанжалды) медиация тәртібімен реттеу туралы келісім сот актісін орындау сатысында жасалса, ол сот актісі орындалатын жер бойынша бірінші сатыдағы сотқа немесе аталған сот актісін шығарған сотқа бекітуге ұсынылады (ҚР АПК 179-б. 8-б.) [9].

Осылай қорытынды келе, медиация арқылы жер дауларын қараудың келесі артықшылықтары белгілеуге болады:

- 1) медиация институтын қолдану істі қарау мерзімін қысқартады;
- 2) тараптарды сот шығындарынан, ал кейбір жағдайларда қымбат сараптамалардан босатады;
- 3) медиация процесінде қабылданған шешімнің нәтижелері бойынша екі тарап оны орындауға мүдделі, егер шешім тараптардың біреуімен орындалмаса, онда екінші тарап сотқа сот бұйрығын шығару туралы арызбен жүгінуге құқылы. Сот бұйрығының атқарушылық құжат күші болады.

Медиация институты жер қатынастарын реттеудің және жер дауларының санын азайтудың тиімді құқықтық құралы болып табылады.

Пайдаланылған қайнар көздерінің тізімі:

1. Қазақстан Республикасының Жер кодексі, 2003 жылғы 20 маусымда қабылданған // https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K030000442_#z192 (жүгінген күні 23.05.2023 ж.)
2. «Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне мемлекеттің кәсіпкерлік қызметке қатысуын шектеу мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы» Қазақстан Республикасының 2015 жылғы 22 сәуірдегі № 308-V ҚРЗ Заңы // <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1500000308#z19> (жүгінген күні 23.05.2023 ж.)
3. «Медиация туралы» Казакстан Республикасының 2011 жылғы 28 қаңтардағы № 401-IV Заңы // <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1100000401> (жүгінген күні 23.05.2023 ж.)
4. Абдраимов Б.Ж. Проблемы совершенствования процессуальных форм реализации норм земельного права: Дис. д-ра юрид. наук: 12.00.06. – Алматы, 2001. – 360 с.
5. Бектурганов А.С. Қазақстан Республикасындағы жер құқық қатынастары. – Алматы: Жеті-Жарғы, 1997. – 240 б.
6. Косанов Ж.Х. Право собственности, прав землепользования и иные права на землю. – Алматы: Данекер, 2000. – 248 с.

7. Хаджиев А. Проблемы теории земельного права Республики Казахстан в условиях становления и развития рыночных отношений: Дис. д-ра юрид. наук: 12.00.06. – Алматы, 2005. – 366 с.

8. Малахова А.Л. Применение процедуры медиации при разрешении споров, вытекающих из земельных правоотношений // Сборник научных статей международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы применения медиации в различных сферах» от 19-20 апреля 2018 года. – Ростов-на-Дону, 2018 – 102 с. // file:///C:/Users/User/Desktop/materialy_konf_19.04.2018-20.04.2018.pdf

9. Қазақстан Республикасының Азаматтық процестік кодексі, 2015 жылғы 31 қазанда қабылданған // <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1500000377> (жүгінген күні 23.05.2023 ж.)

III СЕССИЯ

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Рамазанова Лаззат Мейрамовна,
к.ю.н., судья Жамбылского областного суда,
Республика Казахстан (г.Тараз)

СУД ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ КАК ГАРАНТИЯ ПРАВ ГРАЖДАН НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

«Закон и справедливость время от времени неизбежно вступают в противоречие... Присяжные приспособливают общее правосудие к справедливости в конкретном случае. Таким образом, удается избежать одиозного отношения к негибким нормам закона и сохранить народное удовлетворение. Вот что делает суд присяжных. Он обеспечивает ту гибкость правовых норм, которая необходима для справедливости и общественного довольства.» это высказывание Джон Генри Вигмора актуально до сих пор.

С 1 января 2007 года в нашей стране заработали суды с участием присяжных заседателей, которые существуют уже более 16 лет.

Казахстан, как часть мирового сообщества, ввел институт присяжных заседателей в целях полной реализации принципа состязательности сторон и справедливого отправления правосудия.

Это модель смешанной коллегии из одного профессионального судьи и десяти присяжных заседателей, которые принимают решения о виновности и наказания подсудимого после совместного обсуждения и голосования. Смешанная модель суда с участием присяжных наиболее соответствует условиям отечественной судебной системы.

На территории Казахстана в дореволюционный период суду присяжных преобладал традиционный народный суд - суд биев, основывающийся на обычном казахском праве. Отличительные черты суда биев - это требования знания норм права и красноречия, то есть стать бием мог не каждый.

В период существования СССР действовал «народный суд» с участием двух народных заседателей, по сути, это был суд с двумя присяжными и одним профессиональным судьёй.

Согласно действующего законодательства для того, чтобы быть присяжным заседателем знание норм права не требуется.

Присяжный заседатель – это обычный человек, который принимает решение, руководствуясь в своих суждениях здравым смыслом и житейским опытом.

Положительная сторона рассмотрения дел с участием присяжных заседателей – это не только стимулирование состязательности процесса, но и повышение доверия граждан к правосудию. Поэтому поддержка такого приговора в средствах массовой информации, в обществе закономерно и логично.

В отличие от профессиональных судей присяжные заседатели действительно более независимы. Над ними нет инстанций, перед которыми они держали бы ответ за свой вердикт. Коллегия присяжных не зависит от

бюрократических показателей своей деятельности...Участие присяжных в уголовном судопроизводстве преодолевает обвинительный уклон в судебной деятельности, развивает принцип состязательности сторон, повышает качество предварительного следствия и ответственность органов уголовного преследования, усиливает роль адвоката, способствует вынесению справедливого приговора по уголовному делу [1].

Рассмотрение дел с участием присяжных заседателей независимым судом обеспечивает дополнительные гарантии защиты прав человека в судебном процессе.

С момента создания института и до настоящего времени подсудность дел суду с участием присяжных поэтапно расширяется.

С 1 января 2024 года с участием присяжных будут подсудны и некоторые виды тяжких преступлений и преступлений средней тяжести. Значительное расширение подсудности увеличит состав присяжных - с 31 до 46.

Итоги судебной практики 2024 года покажут обоснованность либо нецелесообразность передачи в подсудность суда с участием присяжных заседателей иных составов тяжких преступлений и преступлений средней тяжести.

Идея суда присяжных заключается в сведении к нулю вероятности судебной ошибки, чтобы избежать неправосудных приговоров.

Количество составов уголовных правонарушений увеличивается, а проблем не становится меньше.

Проблемных вопросов много, и их поэтапное разрешение облегчит процедурные вопросы функционирования суда с участием присяжных, так и сделает реализацию прав и интересов всех сторон уголовного процесса максимально доступной.

Так, в 2017 году в связи с цифровизацией деятельности государственных аппаратов в деятельность судов внедрена информационно-аналитическая система судебных органов «Төрелік» (далее «Төрелік»), которая направлена на упрощение делопроизводства и судопроизводства, и включает в себя электронный сервис «Судебный кабинет», систему аудио- и видеofиксации, электронной почты и другие [2].

Ранее при выборке кандидатов в присяжные заседатели в соответствии с Законом Республики Казахстан «О присяжных заседателях» от 16 января 2006 года за №121 местные исполнительные органы (Акимат) в целях обеспечения участия граждан в процессе отбора в присяжные, ежегодно составляли первичные, единые и запасной списки кандидатов в присяжные заседатели.

В настоящее же время на основании Закона Республики Казахстан от 14 июля 2022 года №141-VII «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам стимулирования инноваций, развития цифровизации, информационной безопасности и образования» создан Единый список кандидатов в присяжные заседатели, который формируется по запросу суда в электронной форме посредством информационно-аналитической системы уполномоченного органа в сфере информатизации и объектов информатизации «электронного правительства» в соответствии с законодательством Республики Казахстан об информатизации.

Кроме того, с целью реализации указанного Закона Судебной администрацией Республики Казахстан разработана модификация формирования списка присяжных заседателей в «Төрелік».

Посредством которого, в рамках информационного взаимодействия, списки кандидатов в присяжные заседатели формируются в «SMART DATA UKIMET».

После с «Төрелік», запрашивается посредством «SMART DATA UKIMET» Министерства цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан список кандидатов в присяжные заседатели. После которого из приглашенных кандидатов производится отбор в присяжные заседатели.

В «Төрелік» поступают готовые списки лиц, уже отобранных по требованиям, прописанным в статье 10 Закона Республики Казахстан «О присяжных заседателях».

Однако в судебной практике имеют место факты включения в список присяжных заседателей не соответствующих требованиям уголовно-процессуального законодательства, то есть имеет место включения в данный список лиц ранее привлеченных к уголовной либо административной ответственности в судебном порядке, состоящих на учете в наркологических и психиатрических диспансерах.

На основании чего, необходимо рекомендовать Министерству цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан при формировании списков кандидатов в присяжные заседатели ужесточить их отбор, с исключением кандидатов не соответствующих требованиям статьи 10 Закона Республики Казахстан «О присяжных заседателях».

В связи с прогнозным увеличением количества дел, подсудных присяжным, безусловно, необходимо решить вопросы материально-технического обеспечения деятельности судов с участием присяжных заседателей и увеличить штат специализированных межрайонных судов по уголовным делам с 4 судей до 15 судей.

Следующее, необходимо обратить внимание на вопросы пропаганды и разъяснения сущности присяжного судопроизводства и статуса присяжного заседателя, по созданию его положительного образа и его действий. Поэтому предлагается демонстрировать через средства массовой информации короткие ролики о судебных заседаниях с участием присяжных, о почетности и ответственности этой деятельности. Ни для кого не секрет, что имеют место факты, когда работодатель кандидата в присяжные заседатели нередко препятствует обеспечению явки кандидата в присяжные на отбор и судебные заседания, а сам кандидат, в основном в виду того, что надолго не может оставить свою постоянную работу либо из-за материальных затруднений особо не желает участвовать на процессах.

Как показывает практика, граждане не всегда ответственно подходят к гражданскому долгу. На стадии отбора присутствуют практически 30% кандидатов, что затягивает и создает волокиту при рассмотрении дел. Еще одной проблемой при отборе присяжных заседателей является отсутствие отдельных граждан вследствие изменения места жительства, выезда за пределы страны либо

их отказ принятия участия в суде при рассмотрении дела, в том числе в связи с опасностью за свою жизнь.

В этой связи полагаем внести изменения в статью 17 пункт 3 Закона Республики Казахстан от 16 января 2006 года №121 «О присяжных заседателях» [3], предусмотрев о засекречивании анкетных и персональных данных присяжного заседателя в отдельный опечатанный конверт, с приобщением к материалам дела, в целях обеспечения его безопасности и членов его семьи, защиты от непроцессуального контакта со сторонами.

Необходимо помнить, что вердикт присяжных заседателей не мотивируется. Они не несут за вердикт никакой правовой ответственности.

Институт суда присяжных заседателей, несмотря на многочисленные изменения, показал свою жизнеспособность как еще один прогрессивный этап в развитии реформ судебной системы.

При этом, несмотря на всю прогрессивность суда с участием присяжных заседателей, на сегодняшний день существуют ряд вопросов в области применения данного института судопроизводства.

Так, для рассмотрения уголовных дел с присяжными заседателями ранее были отнесены только категории особо тяжких преступлений.

В соответствии с требованиями ст.308 ч.2 УПК РК специализированным межрайонным судам по уголовным делам подсудны уголовные дела об особо тяжких преступлениях.

Согласно же последних изменений в статью 631 ч.1,2 УПК РК Законом Республики Казахстан от 29.12.2022 года - суду присяжных с 1 января 2024 года подсудны некоторые виды тяжких преступлений и преступлений средней тяжести, в том числе медицинские и транспортные уголовные правонарушения, предусмотренные ст.ст.317 ч.4, 345 ч.4, 345 -1 ч.4 УК, характеризующиеся неосторожной формой вины и относящиеся к категории преступлений средней тяжести.

Так, субъектом медицинских преступлений, предусмотренных ст.317 ч.4 УК является специальный субъект – медицинский работник.

Из практики следует, что в основном в число присяжных заседателей входят лица, не имеющие специального образования, в том числе и не обладающие специфическими познаниями в области медицины. Обилие сложной для восприятия информации, смысл которой не всегда ясен, не обладающему специальными познаниями, утомляет присяжных. В этой связи в сознании присяжных в большинстве своем отражается лишь то, что вызвало у них эмоциональный всплеск. Более того учитывая, что медицинские уголовные правонарушения, предусмотренные ст.317 ч.4 УК являются неосторожными преступлениями средней тяжести, рассмотрение данных дел с участием присяжных заседателей полагаем нецелесообразно.

Аналогично введение в подсудность рассмотрения дел с участием присяжных составов транспортных правонарушений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств предусмотренных, статьями 345 (частью четвертой), 345-1 (частью четвертой), являющимися также неосторожными преступлениями средней тяжести, является преждевременным.

Включение в подсудность суда с участием присяжных вышеуказанных неосторожных преступлений средней тяжести, размывает изначальную идею создания специализированного межрайонного суда по уголовным делам - по рассмотрению уголовных дел об особо тяжких преступлениях.

Представляется нецелесообразным развивать подсудность по иным, менее тяжким категориям преступлений, где предусматриваются другие более мягкие виды наказаний, поскольку это не оправдывает материальных затрат (институт присяжных в материально-техническом плане дорого обходится государству) и процессуального времени на данную категорию дел, учитывая направленность судопроизводства на его упрощение и экономию.

Нисколько не умаляя роли и значения вышеуказанной модели судопроизводства, предлагаю проработать возможность перехода к классической модели, где решение принимается 12-ю присяжными заседателями **без участия судьи** в совещательной комнате.

Данная модель обеспечит укрепление принципа состязательности, способствует повышению доверия населения к правосудию и исключает обвинительный уклон судопроизводства.

В Казахстане с 2007 года действует модель смешанной коллегии суда с участием присяжных заседателей, состоящей из профессионального судьи и непрофессиональных судей (присяжных). При вынесении решения, присяжные в совещательной комнате голосуют совместно с председательствующим по делу судьей.

По классической модели, принятой в Великобритании и США, присяжные удаляются в совещательную комнату и без участия судьи выносят вердикт о виновности или невиновности подсудимого.

Огромный потенциал института присяжных – в повышении доверия общества к правосудию, поскольку, с одной стороны, предоставляет возможность гражданам отправлять правосудие и с другой – дает право быть судимым равными людьми. Другое важное предназначение института присяжных – в снижении обвинительного уклона в судебной практике и гуманизации судебного процесса.

Более широкое применение суда с участием присяжных сделает надежным гарантом защиты прав и свобод личности, будет способствовать справедливому разрешению конфликтов в обществе.

Ни для кого не секрет, что судебная система все еще далека от совершенства, но как бы мы ни оценивали плюсы и минусы судопроизводства, исходить надо всегда из одного, единственного приоритета – это человеческая судьба, законные права и интересы каждого гражданина, попавшего в орбиту судебного процесса. И здесь следует понимать, что не каждый подсудимый – это преступник. Важно обеспечить каждому право на защиту его личности от неправомерных действий органов уголовного преследования. Как раз эти вопросы и призваны решать суды присяжных в условиях построения Нового Казахстана.

Список использованных источников:

1. Мусынова Г. Роль суда присяжных в укреплении независимости судебной власти // Заңгер. 2013.

2. Инновационно-информационная система «Төрелік» // 20.03.2023 <http://infozakon.kz/courts/7517>

3. Закон Республики Казахстан от 16 января 2006 года №121 «О присяжных заседателях».

Rozsnyai Balázs dr.

judge

National Office for the Judiciary,
Hungary

THE APPLICATION OF THE CROSS-JUDICIAL PRINCIPLE OF NE BIS IN IDEM

The principle of ne bis in idem establishes the prohibition of double assessment of the same fact and as such is a cornerstone of modern criminal law, both substantive and procedural [1; 143 p.]. This principle is one of the strongest procedural guarantees, part of the right to fair trial as a fundamental human right, which is enshrined under Article 6 of the European Convention of Human Rights, and which is also part of effective legal protection [2; 100 p.].

The principle of ne bis in idem is regulated not only on the level both on the level of the Council of Europe but also that of European Union and as well as at the domestic, i.e. Hungarian level in its essence the same way. [3; 67 p.]. It is even enshrined in the Hungarian Fundamental Law of Hungary (i.e. Constitution) in article XXVIII that except in exceptional cases of legal remedy provided by law, no one shall be prosecuted or convicted for an offence for which he has been acquitted or sentenced by final judgment in accordance with the law in Hungary or [...] in another State [4].

Similarly all the relevant related international treaties of the European Union and Council of Europe regulating the issue at hand the same way, implying that the wording of these piece of laws does refer explicitly to criminal proceedings in the context of the prohibition of double jeopardy [5][6][7].

The aim of this article is to delineate via a recent national case law from the view of a practicing criminal judge the issue that emerges when the same prosecuted offence - which is the subject of the ongoing criminal procedure - has already been sanctioned in another jurisdiction, in Hungary, typically in an administrative procedure, hereby resulting in a so called “dual track” proceeding.

After a long period of demand for it the Act CXXV of 2017 on Sanctions for Administrative Violations (heretofore: Sanctions Act) entered into force 1 January 2021. Article 5/A of the Sanctions Act regulates that if a person has been acquitted or convicted in criminal proceedings on the same facts, no fine or disqualification from engaging in any activity may be imposed in administrative proceedings, while alongside the application of article 5/B, if criminal proceedings are pending, the administrative procedure must be suspended.

According to the historical facts of the case on which the present case is based the accused was fishing on the Danube River on the bank in front of his weekend house, standing on a pier with a fishing licence and an annual area permit issued in his name, using an illegal fishing method, called raking [8].

For fishing by raking he was at first fined with 100.000 HUF (~300 Euro) in an administrative procedure, when his fishing licence was confiscated as well and in addition he was banned from buying a fishing licence for another year.

After these antecedents the same perpetrator was prosecuted for the same act also for poaching, however the residing judge of this criminal case suspended the proceedings and referred the case to the Hungarian Constitutional Court (heretofore: Court) for the violation of the *ne bis in idem* principle [9].

In its reasoning the Court first referred to the ratio decidendi of judgment A and B versus Norway of the European Court of Human Rights (ECtHR) [10], pointing out that parallel administrative and criminal proceedings are not prohibited, provided that the sanctions imposed in both proceedings are foreseeable and that there is a close material and temporal link between the legal consequences, in particular if the - previously imposed - administrative sanction is taken into account when imposing sanction in criminal proceedings.

The Court afterwards referred to the *Akerberg Fransson* judgement of the Court of Justice of the European Union (CJEU), when the court ruled that tax and criminal penalties may be imposed one after the other provided that the administrative penalty (tax fine) is not of a criminal nature, which question is to be decided always by the national court [11].

One of the most important decisions in the jurisprudence that helps to assess the criminal nature of administrative measures is the judgment in *Engel and Others v. the Netherlands* [12], delivered on 8 June 1976, where the ECtHR established a set of criteria that have since become known as the Engel criteria.[13; 4 p.] According to the Engel criteria, three criteria are relevant in assessing the punitive nature of sanctions: the classification of the infringement under domestic law, the nature of the infringement and, finally, the question of the gravity or the significance of the penalty. In assessing the nature of the infringement, it is necessary to take into account whether its purpose is retaliatory or preventive, whether the persons concerned are all or only a certain group.

As a result of the application of the Engel criteria the Court concluded that in administrative proceedings the combined application of a fish protection fine and a prohibition (which has already expired in the meantime) is definitely a repressive sanction, subsequently the “*ne bis in idem*” principle is violated in this case.

The Court referred afterwards to the common practice of CJEU and ECtHR according to which the *ne bis in idem* principle can be limited if the sanctions are coordinated and the overall severity of the sanctions corresponds to the gravity of the infringement. And finally, the Court concluded on the basis of its examination that the domestic legislation does not comply with the practice of the two courts of Luxembourg and Strasbourg.

In summary, the ratio decidendi what the Constitutional Court found in the case at hand that the current national legislation does not guarantee that the legal consequences are applied in a harmonised and interdependent manner by the administrative authority and the criminal court, thus violating the principles of legal certainty and *ne bis in idem*.

The Constitutional Court pointed out that the current legislation in this particular criminal case would result in an impossible situation, implying that the criminal court could not take into account the legal consequences of the previous administrative fish

protection procedure and thus the criminal court would be obliged to sanction the act again. Consequently the administrative authority would be obliged to decide on the modification of the decision or even should repeal it, however, the ban can no longer be lifted, since the one-year ban had already been expired [14; 3 p.].

The Constitutional Court argued as well that it is necessary to establish a regulation providing a general and clear guidance to the authorities conducting administrative and criminal proceedings as to whether proceedings with criminal sanctions might be initiated in parallel or in succession.

In conclusion, in proceedings with criminal sanctions governed by the different branches of law, the authority acting for the second time - in respect of the sanction imposed, whether it is an administrative authority or a criminal court - must take into account the criminal sanction previously imposed, irrespective of its classification in the different branches of law.

Of course, the Constitutional Court's findings do not imply that Hungarian judges in criminal cases are powerless in cases covered by this article. In an opinion [15] on the imposition of sentences, the Hungarian Curia explains that the offender may suffer other actual disadvantages as a result of the offence, in addition to the criminal law disadvantages, and if these may have a deterrent effect on the individual in addition to the punishment, it is justified to assess them as mitigating circumstances. In the light of the application of the this Curia opinion, a penalty imposed for the first time in the context of an administrative procedure may, of course, also be taken into account in criminal proceedings, but it may be assessed merely as an aggravating circumstance, in the light of which the case-law hardly ever refrains from imposing a penalty of any kind, and in certain circumstances there is no legal possibility of doing so. In any case, the application of the law would benefit from a clear and unambiguous legal rule, as the Constitutional Court has also pointed out, in order to ensure that similar legal situations are resolved without any feelings of doubt.

List of sources used:

1. M. Nyitrai Péter: Nemzetközi és európai büntetőjog Budapest, Osiris Kiadó 2006.,
2. Szabó Judit: „A ne bis in idem elve az európai jogalkalmazásban”, Doktori (PhD) értekezés, Debreceni Egyetem Marton Géza Állam- és Jogtudományi Doktori Iskola, Debrecen, 2021.
3. Szabó Judit: Közigazgatási jogvita kontra büntetőjog Pécs, JURA 2021/1.
4. Szabó Judit: A ne bis in idem elvének hazai fejlődéstörténete, HVG-ORAC, 2021., <https://ujbtk.hu/szabo-judit-a-ne-bis-in-idem-elvenek-hazai-fejlodestortenete/>
5. Schengen Agreement and Convention, Article 54: A person whose trial has been finally disposed of in one Contracting Party may not be prosecuted in another Contracting Party for the same acts provided that, if a penalty has been imposed, it has been enforced, is actually in the process of being enforced or can no longer be enforced under the laws of the sentencing Contracting Party.
6. Charter Of Fundamental Rights Of The European Union, 2012/C 326/02,
Article 50: No one shall be liable to be tried or punished again in criminal proceedings for an offence for which he or she has already been finally acquitted or convicted within the Union in accordance with the law.

7. Protocol No.7 To The Convention For The Protection Of Human Rights And Fundamental Freedoms, Article 4: No one shall be liable to be tried or punished again in criminal proceedings under the jurisdiction of the same State for an offence for which he has already been finally acquitted or convicted in accordance with the law and penal procedure of that State.

8. District Court of Ráckeve, judgement of 40.B.28/2021

9. Decision 18/2022 (VIII. 1.) of the Constitutional Court, 5 July 2022

10. judgement of A and B versus Norway of the European Court of Human Rights; <https://hudoc.echr.coe.int/tur#%7B%22itemid%22:%5B%22001-168972%22%5D%7D>

11. CJEU

C-617/10;

<https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?jsessionid=1FBACB3DD3EC8F649E10B0678D6A1766?text=&docid=134202&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=3566605>

12. judgement Engel and Others v. the Netherlands of the European Court of Human Rights; <https://hudoc.echr.coe.int/tur#%7B%22itemid%22:%5B%22001-57479%22%5D%7D>

13. Figula Ildikó – Elek Balázs: Gondolatok az Európai Unió Bírósága C-524/15. számú ügyben hozott ítéletéhez közigazgatási és büntetőbírói szemszögből, Európai Jogi Szaktanácsadói Hálózat, (magyar bírósági szervezet) blog, 2017.

14. Molnár Dalma: A ne bis in idem elve az Alkotmánybíróság legújabb döntése tükrében (18/2022. (VIII. 1.) AB határozat), Európai Jogi Szaktanácsadói Hálózat, (magyar bírósági szervezet) blog, 2022.

15. A Kúria 56. BK véleménye a büntetés kiszabás során értékelhető tényezőkről; <https://kuria-birosag.hu/hu/kollvel/56-bkv>

Загорский Геннадий Ильич,

д.ю.н., профессор кафедры уголовно-
процессуального права имени
Н.В. Радутной ФГБОУ ВО
«Российский государственный
университет правосудия»,
Заслуженный юрист РСФСР,
Заслуженный деятель науки РФ,
Российская Федерация

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Глубоко символично, что наша встреча проходит в преддверии исторического события – 10 декабря 2023 года исполняется 75 лет со дня принятия Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека – важнейшего международного акта, провозгласившего соблюдение и защиту прав человека обязанностью каждого государства, и рекомендовавшего учитывать его в национальном законодательстве.

Ныне действующий УПК РФ четко определил, кто признается потерпевшим и наделил его достаточно широкими правами по защите своих интересов (ст. 46). Потерпевшим может быть признано лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также и юридическое лицо, если вред причинен его имуществу и деловой репутации.

Потерпевший – равноправный участник процесса со стороны обвинения.

В статье 42 УПК РФ установлен достаточно широкий, по сравнению со статьями 53 УПК РСФСР 1960 года перечень его прав, позволяющий защищать свои законные интересы на различных стадиях уголовного процесса⁴⁶. Впервые была в законе предусмотрена возможность потерпевшему отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруге) и других близких родственников, а при согласии потерпевшего дать показания закон установил правило о необходимости предупредить его о том, что такие показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае его последующего отказа от этих показаний. Кроме того, потерпевшему было предоставлено право участвовать, с разрешения следователя или дознавателя, в следственных действиях, проводимых по его ходатайству либо по ходатайству своего представителя, а также знакомиться с протоколами таких следственных действий и подавать на них замечания.

Также потерпевшему было предоставлено право не только знакомиться, по окончании предварительного расследования, со всеми материалами уголовного дела, но и выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме, снимать копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств.

Помимо этого потерпевший получил право получать копии постановлений возбуждении уголовного дела, признании его потерпевшим или об отказе в этом, о прекращении уголовного дела, приостановлении производства по уголовному делу, а также копии приговора суда первой инстанции, решений судов апелляционной и кассационной инстанций.

Потерпевшему предоставлялось право поддерживать обвинение в судебном разбирательстве и выступать в судебных прениях не только по делам частного обвинения, но и по любому уголовному делу, независимо от квалификации действий обвиняемого органами предварительного расследования. Потерпевший приобрел также право знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать на него свои замечания, знать о принесенных по уголовному делу жалобах и представлениях, и, подавать на них свои возражения. необходимо собрать вместе что перечень прав потерпевшего предусмотренный в первоначальном варианте покорив постоянно расширяется

Необходимо особо отметить, что перечень прав потерпевшего, предусмотренный в первоначальном варианте УПК РФ, вступивший в законную силу с 1 июля 2002 года, постоянно расширяется⁴⁷.

Так, если ранее лицо становилось потерпевшим с момента вынесения постановления об этом, что зависело от усмотрения органов предварительного расследования, то с 2007 года закон установил, что решение о признании лица потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела, что представляет потерпевшему более широкие возможности для защиты своих прав.

С 2013 года потерпевшему дополнительно представлено право:

⁴⁶ Загорский, Г.И.. Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса: досудебное производство: Курс лекций / Г.И. Загорский, В.В. Хатуаева — Москва : Проспект, 2018. — 55-70 с.

⁴⁷ Загорский, Г.И.. Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам. : Учебно-практическое пособие / Г.И. Загорский 2-е издание — Москва : Проспект, 2020. — 56-63 с.

- знакомиться с постановлением о назначении экспертизы и с заключением эксперта, и, заявлять ходатайства для защиты своих прав;
- получать копии процессуальных актов;
- участвовать не только в рассмотрении уголовного дела в судебном разбирательстве, но и при решении вопросов, связанных с исполнением приговора.

С 2015 года потерпевшему дополнительно представлено право:

- приносить жалобы на действие или бездействие органов предварительного расследования, прокурора и суда, что способствует рассмотрению уголовного дела в разумные сроки;

- обжаловать принимаемые ими решения по уголовному делу.

В стадии исполнения приговора потерпевший дополнительно получил право заявлять ходатайства о предоставлении ему информации:

- о прибытии осужденного в место отбывания наказания
- о его перемещениях в период исполнения уголовного наказания
- о времени освобождения из мест лишения свободы
- о времени и месте рассмотрения судом вопросов, связанных с исполнением приговора

Пристальное внимание вопросам обеспечения прав потерпевшего уделяет Верховный Суд Российской Федерации: достаточно напомнить, что принято специальное Постановление Пленума Верховного Суда от 29 июня 2010 года № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»⁴⁸, в которое 9 февраля 2012 года и 16 мая 2017 года вносились изменения и дополнения, в связи с совершенствованием уголовно-процессуального законодательства, и с учетом практики его применения. Эти же вопросы разъяснялись и во многих других Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Необходимость совершенствования норм УПК РФ, регламентирующих права потерпевшего, остается, несмотря на это, актуальной.

К примеру, сошлемся на одну из норм: статью 244 УПК РФ, которая провозглашает, что потерпевший в ходе судебного разбирательства вправе, как и другие участники процесса, предоставить суду в письменном виде свои предложения по вопросам, разрешаемым в приговоре. Однако механизма реализации этого права закон не предусматривает и она на практике применяется редко. В связи с этим, считаем необходимым обязать председательствующего в подготовительной части судебного разбирательства разъяснить это право, а перед удалением в совещательную комнату опросить участников процесса имеются ли у них такие предложения, и в случае их наличия, учесть их при постановлении приговора.

В этой же статье закреплено равенство участников судебного разбирательства по выступлению в судебных прениях, однако, по существу, предусмотрено ограничение этого права: ст. 292 УПК РФ устанавливает, что в прениях сторон могут также участвовать потерпевший и его представители ().

⁴⁸ Постановление Пленума Верховного Суда от 29 июня 2010 года № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» с изм. и доп. от 9 февраля 2012 г. и 16 мая 2017 г. <https://www.vsrfl.ru/>

Согласно действующему законодательству отказ гособвинителя от поддержания обвинения в судебном разбирательстве препятствует потерпевшему, не согласному с позицией прокурора, самостоятельно поддерживать обвинение, что, по существу, является отступлением от принципа равенства сторон в судебном разбирательстве.

Эти и другие вопросы активно обсуждаются⁴⁹ и будем надеяться, что они будут разрешены в законодательном порядке.

Список использованных источников:

1. Бородин С.В., Кузнецов А.Н., Азаров А.П.: Уголовный процесс в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации. М., Научное издание, М., Проспект, 2022 г. – 144 с.

2. Загорский, Г.И.. Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса: досудебное производство: Курс лекций / Г.И. Загорский, В.В. Хатуаева — Москва : Проспект, 2018. — 136 с.

3. Загорский, Г.И.. Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам. : Учебно-практическое пособие / Г.И. Загорский 2-е издание — Москва : Проспект, 2020. — 360 с.

4. Кондрат И.Н. Обеспечение прав личности в досудебном производстве по уголовным делам: законодательное регулирование и правоприменительная практика : монография / И.Н. Кондрат. - Москва : Юстицинформ, 2015. - 176с.

5. Мельников, Виктор Юрьевич. Гарантии прав и законных интересов граждан в уголовном процессе [Текст]: монография / В. Ю. Мельников - Ростов-на-Дону: Ростовский гос. ун-т путей сообщения, 2010. - 270 с.

6. Синенко С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве [Текст] : монография / С. А. Синенко- 2-е изд., перераб. и доп. - Орел : ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова, 2015. - 352с.

7. Постановление Пленума Верховного Суда от 29 июня 2010 года № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» с изм. и доп. от 9 февраля 2012 г. и 16 мая 2017 г.

Качалова Оксана Валентиновна,
д.ю.н., профессор, профессор
ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия»,
Российская Федерация

ЗАЩИТА ПРАВ УЯЗВИМЫХ КАТЕГОРИЙ ЛИЦ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В уголовно-процессуальную деятельность могут быть вовлечены участники, которые имеют различные возможности по самостоятельному осуществлению

⁴⁹ Мельников, Виктор Юрьевич. Гарантии прав и законных интересов граждан в уголовном процессе [Текст]: монография / В. Ю. Мельников - Ростов-на-Дону: Ростовский гос. ун-т путей сообщения, 2010. - 270 с.; Синенко С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве [Текст] : монография / С. А. Синенко- 2-е изд., перераб. и доп. - Орел : ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова, 2015. - 352 с.

принадлежащих им процессуальных прав и обязанностей вследствие различных причин (болезнь, возраст, неграмотность, не владение языком судопроизводства, зависимое состояние и др.). Как верно отмечает С.М. Курбатова, отнесение конкретного человека к категории «лицо с ограниченными возможностями» в контексте современных идей правового социального государства является своеобразным социально-правовым маркером, свидетельствующим о высокой степени возможной его уязвимости перед внешними факторами и необходимости повышенного внимания к нему со стороны государства в целях обеспечения его прав и защиты законных интересов [1; 5 стр.].

Согласно статистическим данным, в России ежегодно осуждаются примерно 84,6 тыс. женщин (в т. ч. 1,1 тыс. – беременных; 4,1 тыс. – с детьми до 3 лет); 17,2 тыс. несовершеннолетних от 14 до 17 лет; нетрудоспособных (неработающих) – 27,1 тыс. чел.; лиц пенсионного возраста – 16, 6 тыс. [2]. Потерпевшими от преступлений нередко становятся уязвимые лица - женщины, находящиеся в зависимости от членов семьи, ставшие жертвами домашнего насилия, дети, пожилые люди, инвалиды, лица с ментальными нарушениями. Больше половины преступлений против несовершеннолетних в России 2020 г. было совершено членами их семей, наиболее уязвимые жертвы киберпреступлений — это лица старше 75 лет, а также инвалиды I и II группы [3]; чаще всего от мошенничества страдают пожилые люди [4], большинство потерпевших от преступлений против половой свободы и неприкосновенности – несовершеннолетние [5].

Особенности лиц с ограниченными возможностями обуславливают необходимость применения в уголовном судопроизводстве по отношению к ним особого подхода, в нормах действующего УПК РФ такой подход носит весьма фрагментарный характер. В частности, к числу норм УПК РФ, направленных на обеспечение прав уязвимых категорий лиц, можно отнести:

- обеспечение права на получение квалифицированной юридической помощи;
- особенности участия несовершеннолетних в производстве по уголовным делам (особенности предмета доказывания, применения мер пресечения, участия законного представителя, педагога и психолога, продолжительность допроса, ограничение участия в судебном заседании и т.д.);
- специфику производства по уголовным делам о применении принудительных мер медицинского характера;
- особенности участия в уголовном судопроизводстве лиц, страдающих психическими недостатками (участие законного представителя, запрет на упрощенный порядок судебного разбирательства);
- обязательность участия переводчика для лиц, не владеющих языком уголовного судопроизводства;
- проведение закрытого судебного разбирательства.

Следует согласиться с теми авторами, которые считают необходимым использовать специальные механизмы и правила производства отдельных процессуальных действий для обеспечения прав уязвимых категорий лиц [6; 82-85 стр.], [7]. Так, С.М. Курбатовой предложен компенсаторный подход, согласно которому должностные лица, ответственные за производство по делу, должны определять характер и степень выраженности ограничения физических и (или)

когнитивных способностей лица, влияющих на надлежащее участие в уголовном судопроизводстве и компенсировать их [1; 321-357 стр.].

Важнейшим правилом, позволяющим обеспечить права уязвимых категорий потерпевших, является признанный на международном уровне подход, ориентированный на жертву, который предполагает, что должностные лица, ответственные за производство по делу, должны относиться к таким лицам тактично и внимательно, обеспечивать их защиту, не допускать повторной виктимизации, избегать большого количества допросов, контактов с обвиняемыми, использовать специальную тактику допросов (установление психологического контакта, создание доверительной обстановки, уважение чести и достоинства и т. д.) [8; 263-267 стр.]. Одной из важнейших мер, направленных на обеспечение прав уязвимых категорий лиц, является производство следователем допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи (ст. 189.1 УПК РФ) или производство судом допроса и иных судебных действий путем использования систем видео-конференц-связи (ст. 278.1 УПК РФ). Это позволит минимизировать стресс и иные негативные последствия для данного лица.

К числу иных мер, позволяющих компенсировать уязвимость отдельных категорий лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, и надлежащим образом обеспечить их права, можно отнести: обеспечение слабослышащих необходимой для участия в уголовном судопроизводстве аппаратурой, обеспечение перевода процессуальных документов на язык Брайля слабовидящих (предоставление им процессуальных документов, распечатанных крупным шрифтом), проведение предварительного следствия и судебного разбирательства с участием лиц пожилого возраста в максимально короткие сроки [9], применение специальных устройств, облегчающих участие в уголовном судопроизводстве лиц с ограниченными возможностями (глухонемых) [10; 81 стр.] и др.

Весьма значительной группой уязвимых лиц являются женщины, подвергшиеся домашнему насилию. 18 августа 2022 г. был представлен Доклад Генерального секретаря Организации Объединенных Наций «Активизация усилий в целях ликвидации всех форм насилия в отношении женщин и девочек», в котором было отмечено, что пандемия коронавирусного заболевания (COVID-19) стала примером того, как кризисы усугубляют факторы насилия в отношении женщин [11]. Согласно данным ВОЗ, с начала вспышки COVID-19 эпизоды насилия в семье участились [12].

Домашнее насилие относится к числу правонарушений с высокой степенью латентности, в связи с чем официальные данные о домашнем насилии являются заниженными во много раз. Согласно проведенным в России опросам более половины опрошенных женщин сообщили, что подвергались домашнему насилию со стороны близкого человека (39% женщин заявили, что виновным в физическом насилии являлся их муж, а 16% — что партнер или сожитель) [13].

Важнейшими аспектами защиты лиц, пострадавших от домашнего насилия, является своевременное выявление фактов насилия, возбуждение уголовных дел в случае, если примененное насилие содержит признаки общественно опасных деяний, предусмотренных УК РФ, принятие процессуальных решений о признании

потерпевшими лиц, ставших жертвами домашнего насилия, и обеспечение их прав. Международные рекомендации предусматривают, что основная ответственность за расследование и судебное преследование по делам о насилии в отношении женщин лежит на полиции и органах прокуратуры, а не на самой жертве. Государства должны обеспечить «надлежащее реагирование властей на все случаи гендерного насилия в отношении женщин, *ex officio* (в публичном порядке) преследования предполагаемых виновных в целях привлечения их к суду на основе принципов справедливости, беспристрастности, своевременности и оперативности и применения соответствующего наказания» [14], [15]. Преследование *ex officio* означает, что оно должно осуществляться надлежащим образом и продолжаться даже в том случае, если жертва отзовет свою жалобу.

В российской правовой системе преступления, связанные с умышленным причинением легкого вреда здоровью и неоднократными побоями (статьи 115 и 116.1 УК РФ соответственно), отнесены к категории уголовных дел частного обвинения, которые возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего либо его законного представителя и подлежат прекращению в случае примирения сторон. Отнесение этих категорий дел к делам частного обвинения основано на постулате о том, что домашнее насилие является частным делом и не представляет большой опасности для жертвы или общественной безопасности, в связи с чем полноценное публичное уголовное судопроизводство является излишним [16; 65-68 стр.].

Обвинения в совершении этих преступлений являются одними из наиболее частых в делах о домашнем насилии, и отнесение таких дел к делам частного обвинения возлагает на жертву очень тяжелое бремя. Потерпевшая должна участвовать в уголовном судопроизводстве, самостоятельно выдвигать обвинение. При этом, как правило, предварительного расследования не производится, прокурор в процессе не участвует, не выдвигает и не поддерживает обвинения. Потерпевшая должна самостоятельно составить заявление о возбуждении уголовного дела с соблюдением всех процессуальных требований и подать его мировому судье, собирать доказательства виновности обвиняемого и представлять их в суд. Приобретая статус частного обвинителя, потерпевшая должна присутствовать на каждом судебном заседании, поскольку ее отсутствие рассматривается как отказ от обвинения, в результате чего производство по делу прекращается. Даже в тех случаях, когда интересы потерпевшей представляются адвокатом, она всё равно обязана лично явиться в суд. В этой ситуации женщины вынуждены многократно пересказывать и переживать эпизоды домашнего насилия, что может привести к вторичной виктимизации. Бремя доказывания виновности подсудимого также возлагается на потерпевшую. В ситуации с домашним насилием сделать это бывает крайне трудно, поскольку для него характерно отсутствие или небольшое число свидетелей, отсутствие полного учета фактов насилия в прошлом, а также использование правонарушителями форм насилия, которые трудно задокументировать в качестве доказательства или доказать в суде [17; С. 9].

Кроме того, дела частного обвинения ориентированы на примирение сторон - уголовное преследование прекращается, если примирение состоялось до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. Это

означает, что потерпевшая может столкнуться не только с возможным сильным психологическим давлением со стороны подсудимого с целью заставить ее примириться и отказаться от обвинения, но и с воздействием на нее со стороны суда с целью примирения сторон и прекращения дела. Как правило, меры по обеспечению безопасности потерпевшей в ходе уголовного судопроизводства не применяются, нередко она продолжает проживать во время производства по уголовному делу под одной крышей с обвиняемым, что может стать дополнительным негативным фактором. В этой ситуации жертва домашнего насилия подвергается высокому риску повторного насилия, угроз, принуждения и других форм запугивания. Даже в случае вынесения судом обвинительного приговора, вопрос о совместном проживании под одной крышей (в случае отсутствия возможности раздельного проживания) остается открытым, а потерпевшей не предоставляется защита. В случае, если в качестве наказания за совершенное преступление или административное правонарушение, сопряженное с насилием, назначается штраф, бремя наказания нередко возлагается и на жертву, если она имеет общий бюджет с осужденным.

Полагаем, что обеспечение прав жертв домашнего насилия требует изменения подходов к определению круга уголовных дел, отнесенных к категории частного обвинения. Уязвимость жертвы, нередко проживающей под одной крышей с насильником, требует исключения из категории дел частного обвинения статей 115 и 116.1 УК РФ в случае, если данные деяния совершены лиц, постоянно или временно проживающих вместе (супругов, сожителей). Соответствующий законопроект внесен в Государственную Думу РФ Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 6 апреля 2021 г. N 3.

Таким образом, защита прав уязвимых категорий лиц в уголовном судопроизводстве не является их частным делом, а в силу публичности уголовного процесса возлагается на должностных лиц государственных органов, ответственных за производство по делу; предполагает компенсаторный подход, который позволяет использовать процессуальные, организационные, технические средства, позволяющие компенсировать уязвимость данных лиц и обеспечить надлежащую защиту их прав.

Список использованных источников.

1. Курбатова С.М. Участие в уголовном судопроизводстве лиц с ограниченными возможностями. Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2023 – 548 с.
2. Число зарегистрированных преступлений по видам [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>; Сводные статистические отчеты о деятельности судов общей юрисдикции [Электронный ресурс]. URL: <http://cdep.ru>; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://cdep.ru> (дата обращения: 08.11.2023).
3. О состоянии преступности в России [Электронный ресурс]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics> (дата обращения: 08.11.2023).
4. Статистика и аналитика [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 08.11.2023).
5. Федеральная служба государственной статистики: Росстат: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 08.11.2023).

6. Кравчук Н.В. Нешатаева В.О. Международно-правовое регулирование в области противодействия насилию в отношении уязвимых лиц. М.:РГУП, 2023 -115 с.
7. Исследование по вопросам предотвращения и борьбы с насилием в отношении женщин и домашним насилием, в том числе в ситуациях социального неблагополучия, в Российской Федерации на основе анализа российской нормативно-правовой базы и обобщения передовых практик. Co-operation on the implementation of the Russian Federation National Action Strategy for Women (2017–2022). <https://www.coe.int/ru/web/moscow/-/preventing-and-combating-violence-against-women-in-the-russian-federation-a-new-publication-is-available>
8. Борьба с торговлей людьми и защита жертв торговли людьми. Курс HELP. М.: Статут, 2018 – 368 с.
9. «Jablonská v. Poland». Постановление Европейского Суда по правам человека от 9 марта 2004 г. Жалоба № 60225/00.
10. Гуськова А.В. Функция переводчика в уголовном процессе. Дисс. ...канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2018 – 316 с.
11. <https://documents-ddny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/465/70/PDF/N2246570.pdf?OpenElement>
12. Насилие в отношении женщин. Основные факты. Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/violence-against-women> (дата обращения: 9.11.2023).
13. Всероссийский центр изучения общественного мнения (2017). «Насилие. Безнаказанность. Возмездие?». URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=413>.
14. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбул, 11.V.2011) <https://rm.coe.int/168046253f>
15. Общая рекомендация № 35 о гендерном насилии в отношении женщин, предназначенная для обновления общей рекомендации № 19 (2017 г.) https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW/C/GC/35&Lang=en
16. Качалова О.В. К вопросу о защите прав потерпевших по делам о «домашнем» насилии // Право: история, теория, практика. Сборник статей и материалов. Выпуск 24. Брянск, 2020. С. 63-68.
17. Качалова О.В. Десять аргументов в поддержку отказа от частного обвинения // Уголовный процесс. 2021. №7. С. 9

Марковичева Елена Викторовна,

д.ю.н., профессор кафедры
уголовно-процессуального права
имени Н.В. Радутной ФГБОУ ВО
«Российский государственный
университет правосудия»,
Российская Федерация

ЗАЩИТА ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Уголовное судопроизводство всегда затрагивает права вовлекаемых в его сферу субъектов, среди которых могут оказаться и так называемые «уязвимые»

лица. К последним относятся и несовершеннолетние жертвы и свидетели преступлений. Это требует определенной адаптации уголовного процесса к возрастным особенностям таких участников. По обоснованному мнению психологов, участие ребенка-жертвы или свидетеля преступления в уголовном процессе оказывает на него психотравмирующее воздействие, сопоставимое с ситуацией преступления. Как отмечает Е. Г. Дозорцева, «ребенок является носителем не только информации, но и – очень часто – последствий психологической травмы, нанесенной ему преступлением, что требует бережного и щадящего к нему отношения» [1; 28-29 стр.]. Но, в условиях, когда несовершеннолетнему оказывается поддержка и содействие со стороны следователя, прокурора, суда, обвиняемому также сложнее отстаивать свою позицию по делу и реализовать право на защиту.

Чтобы решить данную проблему современное уголовное судопроизводство должно быть нацелено на решение одновременно несколько важных задач, связанных с:

- обеспечением разумного баланса частных и публичных интересов;
- минимизацией негативного воздействия уголовного судопроизводства на несовершеннолетнего, ставшего жертвой или свидетелем преступления предотвращением его последующей виктимизации;
- исключением необоснованного и неоправданно широкого ограничения права обвиняемого на защиту.

Вопросы обеспечения прав несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в уголовном процессе получили фиксацию в нормах и принципах международного права, что позитивно сказалось на законодательстве отдельных государств. Однако можно говорить о том, что к XXI веку сложился определенный дисбаланс между системой обеспечения прав несовершеннолетних преступников и системой прав несовершеннолетних жертв и свидетелей преступления со значительным перекосом в пользу первых. Система ювенальной юстиции в тех или иных формах получила распространение во многих государствах, способствуя наилучшему обеспечению прав несовершеннолетних обвиняемых и создавая условия для освобождения их от уголовной ответственности. Но права детей-жертв и свидетелей преступления долгое время оставались без внимания.

В российском уголовном процессе в последние десять лет был предпринят ряд усилий по устранению фрагментарности правового регулирования процессуального положения несовершеннолетних свидетелей и потерпевших. Толчком к таким позитивным изменениям стала ратификация Российской Федерацией двух международных документов: Руководящих принципов, касающихся правосудия в вопросах, связанных с участием детей-жертв и свидетелей преступлений, принятых ООН в 2005 г.[2] и Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений 2007 г., известная как Лансеротская конвенция [3].

Вследствие этого уголовно-процессуальное законодательство дополнилось отдельными нормами, направленными на обеспечение прав несовершеннолетних потерпевших и свидетелей.

В настоящее время в российском уголовном судопроизводстве действуют специальные правила производства следственных действий с участием несовершеннолетних свидетелей и потерпевших. К ним относятся:

1) установление продолжительности следственных действий в зависимости от возраста несовершеннолетнего;

2) особые процедурные правила производства следственного действия, в частности, обязательное участие в его производстве законного представителя несовершеннолетнего;

3) привлечение к участию в следственном действии педагога или психолога;

4) возможность производства видеозаписи следственного действия с участием несовершеннолетнего с его согласия или с согласия его законного представителя;

5) специальные правила допроса и исследования показаний несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего в судебном разбирательстве: возможность оглашения показаний несовершеннолетнего, исследования видеозаписи его допроса, удаление подсудимого во время допроса ребенка, в некоторых случаях возможность рассмотрения уголовного дела в закрытом судебном заседании;

6) участие прокурора в защите прав несовершеннолетних жертв преступлений.

Дополнительные гарантии введены для несовершеннолетних потерпевших и свидетелей по делам о сексуальных преступлениях. Если несовершеннолетний не достиг возраста шестнадцати лет, то в следственном действии с его участием должен обязательно участвовать именно психолог. Привлечение психолога возможно и после достижения возраста шестнадцати лет, если несовершеннолетний отстает в психическом развитии или имеет психические расстройства.

Также законному представителю несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено сексуальное преступление, предоставлено право ходатайствовать о привлечении адвоката в качестве представителя такого несовершеннолетнего. При этом законный представитель освобождается от уплаты труда адвоката. Хотя на федеральном уровне уголовно-процессуальный закон гарантирует такую бесплатную помощь адвоката только указанной категории несовершеннолетних, в ряде регионов Российской Федерации произошло расширение случаев предоставления адвоката-представителя и другим группам несовершеннолетних потерпевших, а услуги адвоката оплачиваются за счет регионального бюджета.

Одной из гарантий прав несовершеннолетнего потерпевшего является предусмотренная законом возможность подачи гражданского иска в его интересах прокурором. Если по каким-то причинам законным представителям не подан гражданский иск в интересах ребенка-жертвы преступления, то такой иск заявляется прокурором. А суд удовлетворяет такие исковые требования о компенсации имущественного ущерба или морального вреда, причиненных несовершеннолетнему потерпевшему преступлением.

Однако, отметим, что в настоящее время российский уголовный процесс находится именно в стадии становления особых процедур для

несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, обобщаются следственная и судебная практика и намечаются пути решения выявляемых проблем.

В частности, обсуждаются следующие перспективные направления позитивной трансформации производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних свидетелей и потерпевших:

1. Специальное обучение следователей и судей для более эффективной коммуникации с несовершеннолетними жертвами и свидетелями преступлений.

2. Адаптация помещений для производства допроса несовершеннолетних с целью создания более комфортной психологической обстановки, а также закрепление факультативной возможности проведения дистанционного допроса несовершеннолетнего.

3. Разработка и нормативное закрепление специальных правил производства очной ставки с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля с целью исключения прямого контакта ребенка и обвиняемого.

4. Уточнение порядка проведения видеозаписи производства следственных действий с участием несовершеннолетних и определения процессуальных требований к параметрам такой видеозаписи.

Также исследователями высказывается обоснованная точка зрения относительно необходимости расширения перечня следственных действий, производство которых с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей требует соблюдения определенных процедурных правил [4; 19 стр.].

Отметим, что российские теоретики и практики с большим интересом относятся к опыту коллег из Республики Казахстан. В частности, полагаем, что заслуживает изучения опыт проведения дистанционного допроса малолетнего или несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего в уголовном процессе Республики Казахстан [5; 64-65 стр.]. Безусловно интересным является и опыт депонирования показаний несовершеннолетних, хотя пока в России отсутствуют организационные условия для такого депонирования, так как не создан институт следственных судей.

Список использованных источников:

1. Дозорцева Е. Г. Психологические особенности малолетних потерпевших в уголовном процессе // Психологические особенности участников уголовного процесса: Сб. Круглого стола, Москва, 01–30 ноября 2017 года / Под редакцией О.Д. Ситковской. М.: ФГКО ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2018. С. 27-36.

2. Руководящие принципы, касающиеся правосудия в вопросах, связанных с участием детей-жертв и свидетелей преступлений: Приняты резолюцией 2005/20 ЭКОСОС от 22 июля 2005 года. [Электронный ресурс]. Официальный сайт ООН. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/guidelines_justice_inv_child.shtml (дата обращения: 26.11.2023).

3. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия: Лансароте, 25 октября 2007 года. [Электронный ресурс]. Официальный сайт Совета Европы. Режим доступа: [Lanzarote Convention_ru \(coe.int\)](https://www.coe.int/t/rus/treaties/Convention_on_the_protection_of_children_against_sexual_exploitation_and_abuse_of_children/Lanzarote_Convention_ru.pdf) (дата обращения: 26.11.2023).

4. Галдин М. В., Костенко К. А. О совершенствовании законодательства, регулирующего участие педагога и психолога в уголовном процессе // Российский судья. 2021. № 5. С. 17 - 21.

5. Аубакирова А.А. Допрос несовершеннолетнего потерпевшего в уголовном судопроизводстве Казахстана // Вестник Могилевского института МВД. 2021. № 1 (3). С. 62-68.

Абдрашев Руслан Муратханович,
д.ю.н., директор Научно-образовательного
центра уголовно-правовых дисциплин
РГУ «Академия правосудия при
Верховном Суде Республики Казахстан»

РЕФОРМИРОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ТРЕХЗВЕННОЙ МОДЕЛИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

1. Национальная уголовно-процессуальная система, как и любая другая, должна обеспечивать идеологические ценности современного общества. В этой связи по поручению Главы государства с декабря 2020 года проводится реформа по модернизации уголовного процесса, связанная с реализацией трехзвенной модели уголовного судопроизводства [1].

Необходимо принимать во внимание, что она не нова для Казахстана в части распределения полномочий. В соответствии с положениями УПК Республики Казахстан 1997 года модель также была трехзвенной, при которой полномочия субъектов предварительного расследования, прокуратуры и суда были четко разграничены.

Вместе с тем, ее отличительной чертой является отсутствие процессуальной самостоятельности следователя и дознавателя, которые согласовывают все ключевые процессуальные решения по делу с прокурором. На мой взгляд, введению трехзвенной модели уголовного процесса должна была предшествовать предварительная проработка фундаментальных начал уголовного процесса. Например, в Германии лицо, проводящее расследование и прокурор взаимодействуют **на основании принципа делового сотрудничества**, поскольку решают одни и те же задачи уголовного процесса, что исключает целесообразность состязательности между субъектами уголовного преследования.

2. В отличие от модели уголовного процесса Российской Федерации, предусматривающую автономию следователя, деятельность субъектов предварительного расследования в Казахстане сосредоточена на выявлении и пресечении уголовных правонарушений, установлении причастных к совершению уголовного правонарушения лиц, сборе и закреплении доказательств. Дознаватели и следователи не принимают ключевых процессуальных решений по расследуемому делу, что снимает психологическую нагрузку и ответственность за судьбу уголовного дела, за определение судебной

перспективы уголовного дела. Казахстанская модель уголовного процесса характерна сильной прокуратурой в досудебном производстве, что существенным образом снижает автономию правоохранительных органов. Данные обстоятельства негативно влияют на качество предварительного расследования, а качество предварительного следствия в свою очередь негативно влияет и на судебное разбирательство уголовного дела.

3. Неспособность УПК Республики Казахстан 2014 года эффективно регулировать общественные отношения указывает на необходимость разработки нового уголовно-процессуального закона. Изложенное обусловлено тем, что нормы и институты действующего УПК Республики Казахстан не адаптированы к криминологической характеристике современной преступности, которая ориентирована на интернет-пространство, в результате чего субъекты уголовного процесса чаще всего имеют дело с электронными доказательствами, дефиниция которых отсутствует в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве. Недостатки УПК Республики Казахстан также проявляется в его неспособности воздействовать на бытовое насилие. И вопиющие массовые факты бытового насилия указывают на необходимость кардинального пересмотра целесообразности применения в УПК Республики Казахстан Главы 47 (Дела частного обвинения) [2]. Зачем эта Глава, если сложность самостоятельного сбора доказательств частным обвинителем и частое вынесение оправдательных приговоров по делам частного обвинения указывает на нежизнеспособность указанных норм, нарушение принципа неотвратимости наказания, отсутствие какого либо профилактического эффекта, как средства воздействия на преступность.

С учетом изложенного, также можно отметить необходимость законодательной регламентации второстепенной задачи уголовно-процессуального закона – обеспечение социальной защиты граждан, находящихся в непростой жизненной ситуации после совершения преступлений, а также участников уголовного процесса, относящихся к категории уязвимых.

4. В законодательном органе Казахстана рассматривается вопрос о целесообразности представления суду акта защиты и акта обвинения без материалов уголовного дела. И в данном случае необходимо отметить, что отсутствие материальных следов преступления, закрепленных в материалах уголовного дела, не позволит судье сконструировать и воспроизвести обстановку совершения преступления, а значит правильно выстроить собственные судебные версии о происшедшем событии и надлежащим образом провести судебное следствие. Вышеизложенные обстоятельства указывают на невозможность вынесения по делу правосудного приговора.

5. Полагаем о целесообразности расширения в отечественном уголовно-процессуальном законе субъектов, принимающих непосредственное участие в доказывании и реализации задач уголовного судопроизводства. Например, в английском уголовно-процессуальном законодательстве это возможно, поскольку отсутствуют категории: «уголовное дело», «лицо, ведущее уголовный процесс». Отсутствие в отечественном Уголовно-процессуальном законе категории «субъект, ведущий уголовный процесс» представило бы возможным предусмотреть не только принцип независимости судьи (ст.22 УПК Республики

Казахстан), но и независимость иных участников уголовного процесса, например, эксперта. У Казахстанского эксперта отсутствует право на экспертную инициативу. Он не является субъектом, ведущим уголовный процесс и при производстве судебной экспертизы не может выйти за пределы, обозначенные поставленными вопросами. И наделение экспертов независимостью делает формальным вопрос о том, кто является инициатором назначения и производства судебной экспертизы – защитник или субъект предварительного расследования? Кроме того, иные лица, участвующие в уголовном процессе, также будут принимать участие в процессе доказывания, а значит в процессе реализации задач уголовного процесса.

6. Отдельное место в трехзвенной модели уголовного процесса Республики Казахстан занимают сделки с преступником, закамуфлированные под дефиницию «процессуальное соглашение». Не вызывает сомнений тот факт, что вышеуказанный институт позволил де бюрократизировать Казахстанский уголовный процесс, ускорив процесс движения уголовного дела. Вместе с тем, подобные сделки превращают традиционный уголовный процесс с присущими гарантиями прав участников процесса в формальное рассмотрение уголовного дела, при котором судья не обязан устанавливать все обстоятельства совершенного преступления. При таком подходе уже не важен процесс проверки собранных доказательств. К примеру, в США всего лишь в 3% имеет место судебное разбирательство уголовных дел, а оправдательный приговор – большая редкость, что является причиной заключения большого количества сделок. И в данном случае заключение процессуальных сделок становится вынужденной мерой избежать назначения более суровых видов наказания [3].

7. Проводя сравнительно-правовой анализ УПК союзных республик, я пришел к выводу, что в ряде стран применяются уголовно-процессуальные законы с традиционными институтами и нормами, присущими советскому законодательству. Вместе с тем, это не мешает реализовывать задачи уголовного процесса, которые направлены на защиту прав и свобод участников уголовного процесса. Таким образом, основной гарантией защиты прав и свобод участников уголовного процесса является не модель (вид) уголовного процесса, а наличие механизма реализации закона, уровень правовой культуры субъектов уголовного преследования и судей.

Поэтому непонятны систематические меры по реформированию уголовно-процессуального закона. Республика Казахстан должна выбрать свой путь повышения эффективности применения норм Уголовно-процессуального закона, исходя из национальных интересов.

Список использованных источников

- 1.Трехзвенная модель уголовного процесса // <https://www.gov.kz/memleket/entities/kvv/press/news/details/258669?lang=ru>
- 2.Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852
- 3.Сделка с дьяволом: как работает американское правосудие // <https://www.bbc.com/russian/features-41480156>

Бекетова Багила Калибековна,
кандидат химических наук (PhD),
профессор права, сотрудник Академии КНБ
Республики Казахстан

ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЦ, ОКАЗЫВАЮЩИХ КОНФИДЕНЦИАЛЬНУЮ ПОМОЩЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМ И СПЕЦИАЛЬНЫМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОРГАНАМ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Одним из способов придания процессуального статуса оперативным материалам является допрос лиц, которые на конфиденциальном уровне сотрудничают с правоохранительными и специальными государственными органами (*далее СГО*) в качестве свидетеля, подозреваемого, потерпевшего и свидетеля, имеющего права на защиту. Несмотря на проработанность данного вопроса в деятельности органов досудебного расследования, вопрос о защите безопасности данных лиц в уголовном процессе остается актуальным.

Это связано с правовым положением конфиденциального помощника, давшего показания по уголовному делу. Согласно п. 4 статьи 23 Закона РК «Об оперативно-розыскной деятельности» сведения о личности конфиденциальных помощников составляют государственные секреты [1]. Также в соответствии с пунктами 1, 2 ст. 18 Закона РК «О контрразведывательной деятельности» конфиденциальные помощники, оказывающие содействие органам, осуществляющим контрразведывательную деятельность, находятся под защитой государства и сведения о личности конфиденциальных помощников к предоставлению кому бы то ни было не допускаются [2]. Однако дача показаний ими в уголовном процессе могут привести к рассекречиванию сведений о личности конфиденциального помощника. При решении данного вопроса в уголовном процессе порой не представляется возможным применить меры безопасности в отношении конфиденциальных помощников. Согласно ст. 4 закона РК «О государственной защите лиц, участвующих в уголовном процессе» (*далее Закона о государственной защите*) основанием применения данных мер является наличие достаточных данных об угрозе совершения насилия или иного запрещенного уголовным законом деяния в отношении лиц, подлежащих государственной защите [3]. В результате этого на недостаточном уровне может обеспечиваться безопасность конфиденциальных помощников, участвующих в уголовном процессе.

Следует указать, что решение данного вопроса путем применения меры защиты «ограничения доступа к сведениям о защищаемом лице с использованием псевдонима» и других мер не всегда является возможным. Кроме использования мер безопасности при получении показания по уголовному делу, каких-либо исключений или привилегий для конфиденциальных помощников в уголовно-процессуальном законодательстве не существует.

Вместе с тем, существует определенный риск разглашения сведений о них в рамках уголовного судопроизводства, так как конфиденциальные помощники дают показания как субъекты уголовного процесса. В этой связи, они должны соблюдать общие правила и процессуальный порядок допроса, а также на

конфиденциальных помощников возлагаются обязанности соответствующего субъекта. Например, в соответствии с п.4 ст. 78 уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее УПК РК) [4] свидетель обязан:

- 1) явиться по вызову дознавателя, следователя, прокурора и суда;
- 2) правдиво сообщить все известное по делу и ответить на поставленные вопросы;
- 3) не разглашать сведения об обстоятельствах, известных ему по делу, если он был предупрежден об этом дознавателем, следователем или прокурором;
- 4) соблюдать установленный порядок при производстве следственных действий и во время судебного заседания.

Анализ вышеперечисленных норм по вопросам обеспечения безопасности лиц, участвующих в уголовном процессе указывает следующее:

1. Пункт 8 статьи 115 УПК РК гласит: *«фактические данные, непосредственно воспринятые лицом, оказывающим на конфиденциальной основе содействие правоохранительным или специальным государственным органам, могут быть использованы в качестве доказательств после допроса указанного лица с его согласия в качестве свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого.* Из этих норм следует, что «лица, осуществляющие оперативно-розыскную, контрразведывательную деятельность» и «граждане, содействующие органам, осуществляющим оперативно-розыскную, контрразведывательную деятельность» в уголовном процессе приобретают статус **свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого**. Однако, с учетом последних изменений в УПК РК (в соответствии с Законом РК от 09.06.21 г. № 49-VI I УПК РК дополнен статьями: 65-1), конфиденциальные помощники также могут давать показания в качестве свидетеля, имеющего права на защиту, так как данный субъект исключен из ст. 78 УПК РК (Свидетель) и переведен из ряда нейтральных субъектов в ряд лиц, защищающих свои права и представляющие интересы по уголовному делу. Соответственно, появились нормы, которые регулируют допрос данного участника (*Статья 214-1. Особенности допроса свидетеля, имеющего право на защиту*).

В этой связи полагаем, что необходимо дополнить п. 8 ст.115 УПК РК соответствующими нормами.

2. Согласно пункту 14 Нормативного постановления Верховного Суда РК № 3 «О применении в уголовном судопроизводстве некоторых норм законодательства, регламентирующего вопросы защиты государственных секретов» от 13 декабря 2013года (далее – *Постановление ВС*), меры безопасности применяются лишь при наличии реальной угрозы совершения насилия или иного запрещенного уголовным законом деяния в отношении участников уголовного процесса[5]. Нормы ст.96 УПК РК указывают, что данные меры применяются органом уголовного преследования, если в связи с производством по уголовному делу имеются данные об угрозе совершения в отношении них насилия или иного запрещенного уголовным законом деяния.

Следует отметить, что указанные нормы при использовании мер защиты к конфиденциальным помощникам в следственной практике органов уголовного преследования привели к определенным трудностям. Они связаны с тем, что в Законе о государственной защите и Постановлении ВС угроза

выражается в совершенных действиях или высказываниях, направленных на запугивание потерпевшего. На наш взгляд, в УПК термин «угроза» рассматривается шире, в его втором значении – как возможная опасность для чего-либо, либо совокупность условий, процессов и факторов, создающих опасность для жизни, здоровья, имущества, законных прав, интересов лиц, подлежащих государственной защите.

3. УПК РК не исключает возможность допроса одного свидетеля под настоящим именем и псевдонимом. В этой связи, в целях сохранения безопасности конфиденциального помощника, сотрудничающих с правоохранительными и СГО практикуется допрос одного свидетеля под настоящим именем и псевдонимом. Однако, согласно п.14 вышеуказанного Постановления ВС вариативность допроса не допускается.

На наш взгляд, данная ситуация требует регулирования на законодательном уровне путем введения соответствующих изменений и дополнений в Закон о государственной защите и Постановление ВС, а также приведения их в соответствие с нормами УПК РК.

Таким образом, исследование вопроса защиты безопасности конфиденциальных помощников правоохранительных и СГО, участвующих в уголовном процессе показало недостаточность правового регулирования данного вопроса. В этой связи, в целях повышения уровня защиты безопасности и соответственно соблюдения прав конфиденциальных помощников правоохранительных и СГО, участвующих в уголовном процессе предлагаем следующее:

1. На законодательном уровне следует расширить понятие «угроза» (не только реальная угроза, но и потенциальная угроза) в отношении обеспечения безопасности конфиденциального сотрудника, участвующего в уголовном судопроизводстве, а также внести соответствующие изменения и дополнения в УПК, Закон о государственной защите и Постановление ВС.

2. С учетом следственной практики правоохранительных и СГО, и последних изменений УПК РК, в частности с появлением статьи «65-1. Свидетель, имеющий право на защиту» и «214-1. Особенности допроса свидетеля, имеющего право на защиту», в пункт 8 ст. 115 УПК РК добавить свидетеля, имеющего право на защиту.

3. В целях обеспечения безопасности конфиденциального помощника правоохранительных и СГО и свидетеля, которые допрошены под псевдонимом в последнем абзаце пункта 14 Постановления ВС, предлагаем исключить предложение «Не допускается вариативный допрос свидетеля и под своим настоящим именем, и под псевдонимом.»

4. Изучить вопрос о внесении в УПК РК статью, которая будет регулировать особенности допроса лица, оказывающего на конфиденциальной основе содействие правоохранительным или СГО.

Список использованных источников:

1. Закон Республики Казахстан от 15 сентября 1994 года № 154-ХІІІ «Об оперативно-розыскной деятельности». [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus>. Дата обращения 18.11.2023г.

2. Закон Республики Казахстан от 28 декабря 2016 года № 35-VI «О контрразведывательной деятельности». [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus>. Дата обращения 18.11.2023г.

3. Закон Республики Казахстан от 5 июля 2000 г. № 72 «О государственной защите лиц, участвующих в уголовном процессе» [Электронный документ] Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus>. Дата обращения 20.11.2023 г.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus>. Дата обращения 18.11.2023г.

5. Нормативное постановление Верховного Суда РК от 13.12.2013 г. № 3 «О применении в уголовном судопроизводстве некоторых норм законодательства, регламентирующего вопросы защиты государственных секретов». [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus>. Дата обращения 18.11.2023 г.

Мусабаев Марат Камалбекович,
доктор PhD, судья судебной коллегии по
административным делам Павлодарского
областного суда, Республика Казахстан

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ В КАЗАХСТАНЕ

Статистические данные свидетельствуют, что треть населения Казахстана составляют дети, и государству при реализации своей политики необходимо учитывать данное обстоятельство. По итогам последней переписи населения 2021 года, количество детей до 18 лет 6,6 млн., из них до 14 лет составляло 5,6 млн человек, это 29,4% от всего населения страны. За 12 лет доля детей выросла на 5,3%. Среди регионов по количеству детей лидирует Туркестанская область [1]. Из них, 22 081 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из них в семьях воспитываются 18 291 ребенка (82,8%), в 84 организациях для детей-сирот – 3790 (в системе образования – 2959, здравоохранения – 258, социальной защиты – 573) [1].

Однако есть и другие цифры, которые показывают ряд важных проблем в рассматриваемой сфере, которые связаны, прежде всего, с интенсивной динамикой роста подростковой правонарушаемости, преступности, безнадзорности и беспризорности. По данным Генпрокуратуры РК, по итогам 2022 года наблюдается рост количества преступлений, совершенных несовершеннолетними на 13,5%, по тяжким преступлениям увеличение составляет 36,5%. Только в 2022 году, через Центры адаптации несовершеннолетних (ЦАНЫ) прошли 2109 несовершеннолетних. Из них, оставшихся без попечения родителей – 518; безнадзорных и беспризорных – 1556; направляемые в специальные организации образования для детей с девиантным поведением и с особым режимом содержания – 19; несовершеннолетние, находящиеся в трудной жизненной ситуации – 16 [3].

Несомненно, Республика Казахстан в своей деятельности, уделяет огромное внимание решению вопросов обеспечения и защиты прав детей, систематически проводит социально значимые мероприятия в сфере охраны прав

несовершеннолетних, достигла определенных успехов в создании системы ювенальной юстиции.

Основу политики государства по защите прав ребенка составляет система взаимосогласованных действий государства, общественности и международных неправительственных организаций, направленных на разработку и обеспечение прав детей с целью формирования полноценной и гармонически развитой личности.

Казахстан является участником более 70 многосторонних универсальных международных договоров в области прав человека. Администрацией Президента одобрена Дорожная карта по присоединению РК к Факультативному протоколу к Конвенции ООН о правах ребенка, касающемуся процедуры сообщений.

2022 год объявлен в стране «Годом детей». 20 марта 2022 года был утвержден План мероприятий Правительства по проведению Года детей.

В 2022 году в стране впервые утверждён Индекс благополучия детей. Индекс разработан с учетом принципа в области устойчивого развития «Никого не оставить в стороне». Индекс состоит из 4 основных направлений: Ребенок, Семья и общество, Государственная политика, Благосостояние страны. Внедрение Индекса как национального мониторингового механизма позволит своевременно выявлять сдерживающие факторы эффективной реализации мер в разных сферах, направленных на улучшение положения детей в разрезе регионов, с учетом мнения детей и родителей.

В Казахстане в сфере охраны прав детей разработаны и приняты 22 нормативных правовых акта. Утверждена Дорожная карта по усилению защиты прав ребенка, противодействию бытовому насилию и решению вопросов суицидальности среди подростков на 2020-2023 годы. Приняты Правила и сроки социальной реабилитации детей, пострадавших от террористической деятельности.

В 2021 году в МВД введена специализация следователей по расследованию насильственных преступлений, совершенных против несовершеннолетних.

Установлен особый прокурорский надзор по насильственным преступлениям сексуального характера в отношении несовершеннолетних. Такой надзор предусматривает незамедлительное начало производства досудебного расследования по факту бездействия, халатного отношения и ненадлежащего исполнения служебных обязанностей лицами, ответственными за безопасность жизни и здоровья детей.

Расширен перечень правонарушений, направленных против половой неприкосновенности несовершеннолетних, как например, добавлены статьи за вовлечение несовершеннолетнего в занятие проституцией, в изготовление продукции эротического содержания и за изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних либо их привлечение для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера.

За изнасилование нижний порог наказания увеличен – с 15 до 17 лет лишения свободы. Уголовная санкция за совершение деяния родителем, отчимом, педагогом либо иным лицом, на которое законом Республики

возложены обязанности по воспитанию, увеличена – от 17 до 20 лет. За деяния, повлекшие по неосторожности смерть потерпевшей, ужесточена ответственность – до 20 лет либо пожизненного лишения свободы. Лицам, укrywшим преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних предусмотрено до 6 лет лишения свободы. За несообщение работниками образования, здравоохранения и социальной защиты населения о фактах нарушения прав несовершеннолетних в правоохранительные органы введена административная ответственность. Из составов статей 120 и 121 Уголовного кодекса исключен признак «заведомости» по преступлениям против несовершеннолетнего. Это позволило регистрировать все факты без доказывания осведомленности преступника о возрасте потерпевших.

Запущен информационный сайт www.stoppedofil.kz, который направлен на оказание информационной помощи родителям и детям, оказавшимся жертвами сексуального насилия.

Введена уголовная ответственность за доведение до самоубийства посредством использования сетей телекоммуникаций, в том числе сети Интернет.

3 мая 2022 года принят Закон, который предусматривает, что заявления по фактам кибербуллинга в отношении несовершеннолетнего будут рассматриваться создаваемой специально для этого экспертной группой. Акцент сделан на удалении во взаимодействии с представителями онлайн-платформ только информации, признанной экспертной группой кибербуллингом в отношении ребёнка. Такой порядок позволит найти необходимый баланс между необходимостью оперативного реагирования на факты кибербуллинга в отношении детей и потребностью общества в информации.

В стране работают телефоны доверия на республиканском и региональном уровнях, где каждый ребенок или взрослый может позвонить и рассказать о своей проблеме (телефон доверия Комитета по охране прав детей - тел. 74-25-28, Национальная телефонная линия – 150). Функционируют 10 Центров адаптации несовершеннолетних и 18 Центров поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, которые оказывают социальную, психологическую и правовую помощь детям, оказавшимся в неблагоприятных семейных условиях, угрожающих их здоровью и развитию, пострадавшим от жестокого обращения, детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей [4].

Перечисленное – это достижения на сегодняшний день в деле защиты прав несовершеннолетних.

Но Казахстан уже после обретения независимости, начал проводить последовательную и продуманную государственную политику в сфере правовой охраны детства. И начало этому положил Указ Президента Республики Казахстан от 23 августа 2007 года «О создании специализированных судов по делам несовершеннолетних в городах Алматы и Астаны» [5].

Эксперимент с ювенальными судами, стал успешным для Казахстана. Поскольку, эти суды отличались акцентом неюридических специальных знаний, когда суд индивидуально подходил к каждому делу, внимательно изучая социальные и бытовые условия жизни детей, также принимая во внимание их социально-психологические характеристики. Положительные результаты

деятельности высоко оценила юридическая общественность, что послужило проведению дальнейшей масштабной работы по развитию ювенальной юстиции.

19 августа 2008 года Президентом Республики Казахстан издан Указ «О Концепции развития системы ювенальной юстиции в Республике Казахстан на 2009-2011 годы» [6].

Данный правовой документ, это логическое и закономерное следствие начавшихся в Казахстане реформ в сфере правовой защиты несовершеннолетних. Эта концепция была необходима государству, для того чтобы продолжить строительство системы ювенальной юстиции на заложенном проекте «Ювенальная юстиция в Казахстане» фундаменте.

Концепция развития системы ювенальной юстиции закрепила постулат, что правовая защита должна охватывать всю сферу жизнедеятельности несовершеннолетних: воспитание, образование, здравоохранение, труд, социальное обеспечение, досуг [6]. Тем самым государство расширило понятие ювенальной юстиции, выведя его за круг принятого мнения, что это всего лишь правосудие для несовершеннолетних. В соответствии с этим, в государстве начал разрабатываться широкий подход формирования органов ювенальной юстиции, охватывающий целый социальный комплекс специализированных служб правоохранительных органов, органы и учреждения системы профилактики безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних, адвокатуру, общественные и правозащитные организации.

Таким образом, в рассматриваемой Концепции, Республика Казахстан, поставила перед собой амбициозную и масштабную задачу, создать разветвленную сеть органов ювенальной юстиции, для улучшения ситуации в сфере защиты несовершеннолетних. И признав, что ювенальные суды, являются основным стержнем этой системы, и учтя положительный опыт действия созданных в порядке эксперимента двух ювенальных судов, Указом Президентом Республики Казахстан от 4 февраля 2012 года [7] такие суды образованы во всех областных центрах и некоторых крупных городах республики.

Разумеется, ювенальные суды имеют свои особенности, в силу особого характера дел, поступающих к ним на рассмотрение. Основная направленность ювенального суда не карательная, а воспитательная деятельность, что обуславливает применение широкого диапазона мер восстановительного правосудия. К примеру, суд может применить к несовершеннолетнему меру, обязывающую его посещать специальные курсы психологической коррекции.

Особое внимание уделяется специальной подготовке участников судебного процесса - судьи, прокурора, адвоката. Это одно из важных условий работы с детьми, поскольку ювенальное правосудие требует специальных знаний и высокого профессионализма в сфере детства. Причем дети в зависимости от нахождения в определенном возрастном параметре, имеют различия в личных характеристиках, поэтому участники процесса, выполняя профессиональные обязанности, должны учитывать и эти особенности.

Следует отметить, что деятельность ювенальных судов, значительным образом способствует более тщательному исследованию материалов, индивидуализации подходов при назначении наказания, что подтверждается

сокращением количества осужденных несовершеннолетних, учащением использования примирительных процедур и прекращения производства.

Однако, стоит обратить внимание, что имеющиеся проблемы в сфере правовой защиты несовершеннолетних, позволяют констатировать неэффективность существующей системы защиты прав детей.

Сложившаяся ситуация свидетельствует о том, что систему органов, призванных защищать права несовершеннолетних, нельзя считать полностью сформированной. Очевидна необходимость дальнейшей модернизации государственного управления в сфере правовой охраны несовершеннолетних.

Иначе говоря, охрана детства и защита прав несовершеннолетних в Казахстане должно стать одним из главных приоритетов обеспечения национальной безопасности, поскольку, не соответствующее гуманитарным мировым стандартам уровень качества жизни детей, снижение образованности, неудовлетворительное состояние правовой культуры, ставят под угрозу будущее казахстанского общества.

Имеется ряд проблемных аспектов, требующих улучшения деятельности ювенальной юстиции в целом, и ювенальных судов в частности.

1. Развитие законодательства в сфере защиты прав детей невозможно без комплексного социального подхода государства к проблемам несовершеннолетних. Учет интересов ребенка должен соответствовать международным стандартам гуманного обращения с детьми и предусматривают: информирование о содержании обвинения, презумпция невиновности, безотлагательное принятие решения компетентным, независимым и беспристрастным органом, конфиденциальность рассмотрения дела.

2. Качество организационного-правового обеспечения ювенальной юстиции бесспорно связана с вопросом финансирования. Система ювенальной юстиции потребует надлежащего технического оснащения и постоянного финансирования.

3. Ключевой задачей при модернизации ювенальной юстиции в Республике Казахстан, также считаем создание Единого «банка знаний».

4. Реформирование системы судебной власти в Казахстане в рамках обеспечения защиты прав и свобод личности должно состоять из правовых, организационных, а также образовательных мероприятий, которое включает: вопросы формирования законодательства и принятия ювенального кодекса, имплементацию международно-правовых норм, инфраструктурное обеспечение, непрерывное финансирование, формирование образовательной и социальной политики государства, отражает ее ментальность, формирование кадрового корпуса (подготовка специалистов, корпуса помощников ювенального судьи, формирование профессиональной компетентности судей).

5. Представители НПО отмечают о необходимости создания штаба Уполномоченного по правам ребенка. Также представители НПО выражают обеспокоенность относительно неполного соответствия учреждения Уполномоченного по правам ребенка с Парижскими принципами, в том числе отсутствию специального закона.

6. В подготовке адвокатов и прокуроров для работы с несовершеннолетними, попавшими в сферу ювенального судопроизводства, имеются погрешности. Нужно предусмотреть курсы повышения квалификации, со специальной подготовкой таких специалистов;

7. При подготовке специалистов в области ювенального правосудия, помимо курсов с психологами, нужно усилить изучение норм международного законодательства, содержащие стандарты и правила защиты прав несовершеннолетних;

8. На уровне Верховного суда Республики Казахстан, нужно выработать единые требования к оснащению и оборудованию помещений ювенальных судов, с учетом международных рекомендаций и прогрессивного зарубежного опыта;

Помимо правосудия для несовершеннолетних, которое несомненно, главенствует в правозащитном механизме правового государства, нельзя забывать о других способах защиты прав и законных интересов, которые присутствуют в практике любой страны. Степень их эффективности, зависит от многих факторов, в том числе, насколько они обусловлены уровнем развития культуры общества, политическими, правовыми традициями конкретного государства.

В целом, имеющийся институт ювенальной юстиции в Республике Казахстане отвечает потребностям общества. Он представляет систему защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних в тесном взаимодействии ювенальных судов, различных специализированных структур в государственных и правоохранительных органах, учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, адвокатуры, правозащитных организаций и социальных служб.

Список использованных источников:

1. Доля детей в Казахстане выросла на 5,3% за 12 лет и составила почти треть населения // <https://kz.kursiv.media/2023-10-30/dmnnv-deti-v-kazahstane/>

2. Письмо Заместителя Премьер-Министра Республики Казахстан от 26 января 2023 года № 21-09/6616 дз «Касательно обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также их социализации» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38443755#).

3. Центры адаптации несовершеннолетних // <https://bala.stat.gov.kz/tsentry-adaptatsii-nesovershennoletnih/>

4. Промежуточная информация Республики Казахстан о ходе реализации рекомендаций государств-участников ООН по итогам третьего обзора в рамках универсального периодического обзора по правам человека // <https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/hrbodies/upr/midtermreports/statesmidtermreports/2022-12-14/Kazakhstan-UPR-3rd-cycle-FULL-cyrilic.docx>

5. Указ Президента Республики Казахстан от 23 августа 2007 года № 385 «Об образовании специализированных межрайонных судов по делам несовершеннолетних». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U070000385>

6. Указ Президента Республики Казахстан от 19 августа 2008 года № 646 «О Концепции развития системы ювенальной юстиции в Республике Казахстан на 2009-2011 годы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30200233#pos=2;-37

7. Указ Президента Республики Казахстан от 4 февраля 2012 года №266 «Об образовании специализированных межрайонных судов по делам несовершеннолетних и внесении изменений в некоторые указы Президента Республики Казахстан». [Электронный ресурс].-Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31121738#pos=4;-167

Верина Галина Владимировна,
д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная
юридическая академия»,
Российская Федерация

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Продолжающийся процесс глобализации различных сфер жизни порождает вопросы и задачи, требующие поиска определенных ответов и решений. Исследователи отождествляют подобные вопросы и задачи с понятием «глобальные вызовы», игнорирование которых приводит к глобальным проблемам, способным эволюционировать в глобальные риски [1; 63 стр.].

Происходивший десятилетиями процесс глобализации всех жизненных сфер человека, в том числе экономики и экономического пространства, в современной международной обстановке столкнулся с множеством вопросов и задач, требующих ответов и решений, которые можно расценить как глобальные вызовы.

К таким вызовам можно отнести: разрыв прежних экономических связей; многочисленные экономические санкции; неисполнение странами ранее взятых на себя международных обязательств; стремление отдельных государств за бесценок выкачивать богатые природные ресурсы наименее развитых и развивающихся стран; локальные и более масштабные военные конфликты, иные военные действия, вооруженные мятежи, которые приводят к человеческим жертвам, разрушению инфраструктуры, экологическим катастрофам, уничтожению или повреждению объектов права собственности ни в чем неповинных людей; нежелание отдельных государств уважать право собственности других стран, юридических и физических лиц.

Названные глобальные вызовы сопровождаются нарушением логистических цепочек, блокированием банковских счетов физических и юридических лиц, отказом стран и финансовых организаций обслуживать банковские карты и т.д. В итоге они порождают серьезные проблемы с реализацией законного права собственности, в частности проблемы возвращения золотого запаса и валютного фонда государств, финансовых накоплений физических лиц и т.п.

Изложенное свидетельствует о нарушении права собственности государств, физических и юридических лиц, объекты которой размещены на территориях иностранных государств. В результате собственники несут глобальные риски и потери.

Все перечисленные факты нарушают статью 17 Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г.), согласно которой «никто не должен быть произвольно лишен своего имущества» [2].

В условиях глобальных вызовов более всего незащитны ни в чем неповинные люди – мирные граждане, всю свою жизнь стремящиеся как-то обустроить свой быт, быт своих детей и просто выжить при этих сложных обстоятельствах, в реалиях «новой ненормальности». Потеряв свой кров, нажитый непосильным трудом, они вынуждены переселяться в другие места, в

корне менять свой образ жизни, что может сопровождаться и психологическими потрясениями, стремлением вновь «найти себя», поиском своего нового места в жизни. Приведенные обстоятельства подчеркивают значимость для человека права собственности в условиях адаптации к экономике, в «горниле» которой бушуют глобальные вызовы.

«Мы живем в очень трудное время. Разрыв традиционных экономических и логистических связей сопровождается рекордной инфляцией, замедлением мировой экономики, нарастанием долгового бремени государств. Множатся торговые барьеры, и растет взаимное недоверие между государствами. Все это – новая нормальность, а скорее – ненормальность, мировой экономики», – подчеркнул Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев на расширенном совещании по вопросам социально-экономического развития страны [3].

Глобальные вызовы, несомненно, создают препятствия экономическому развитию, однако они не способны блокировать его или повернуть развитие вспять. Более того, отдельные вызовы (например, экономические санкции) наоборот стимулируют развитие национальных экономик, на что неоднократно указывали главы государств – членов Евразийского экономического союза.

Так, Президент России В.В. Путин в своем выступлении на расширенном заседании Президиума Государственного Совета, состоявшемся в Великом Новгороде (Россия) 21 сентября 2023 г., пояснил, что «ограничения, которые в отношении нас вводятся со стороны, они стимулируют развитие. Да, они где-то нас тормозят, где-то заставляют ранее принятые решения переносить, как мы говорим, по графику «вправо», на более поздний срок. Но, тем не менее, появляются новые компетенции, появляются новые возможности» [4].

Вопреки глобальным вызовам государства – члены Евразийского экономического союза решают задачи «по устойчивому экономическому развитию, всесторонней модернизации и усилению конкурентоспособности национальных экономик» [5] в целях обеспечения экономического прогресса стран.

Современная экономика, столкнувшаяся с глобальными вызовами, демонстрирует утверждение парадигмы совмещения несовместимого как некоего мифологического кентавра, однако существующего в объективной реальности на уровне «глобальная экономика – национальная экономика – человек». При этом прекращаются процессы гармонизации глобальной экономики и начинаются процессы ее разбалансирования; национальные же экономики отдельно взятых стран и групп стран, в частности стран Евразийского экономического союза, развиваются в сторону сближения и гармонизации.

Как подчеркивает И.В. Левакин, в скором будущем возможно формирование общества «метамодерна, ... ключевым отличием которого является совмещение несовместимого» [6; 9 стр.].

Усилия стран Евразийского экономического союза направлены на дальнейшую интеграцию, включая совершенствование и развитие договорно-правовой базы, сближение, гармонизацию и унификацию национальных законодательств [7].

С учетом того, что человек в современных условиях новой ненормальности мировой экономики остается наименее защищенным субъектом права собственности, несет трудно восполнимые или вовсе невозможные потери,

связанные с рисками, его право собственности нуждается в дополнительных гарантиях, в качестве которых способны выступать нормативно-правовые документы международного характера. Представляется целесообразной разработкой странами ЕврАзЭС соответствующего нормативно-правового акта, имеющего своей целью эффективную защиту собственности (прежде всего человека, физического лица) от экономических рисков, явившихся следствием глобальных вызовов.

Прообразом унифицированного законодательства служит Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств: рекомендательный законодательный акт 1996 г. [8].

Целесообразно обратить внимание на ряд положений названного рекомендательного законодательного акта. Так, согласно п. «г» ч. 3 ст. 240 Модельного уголовного кодекса кража с использованием условий общественного бедствия признается тяжким преступлением. Разбой, совершенный с использованием условий общественного бедствия, предусмотрен в качестве квалифицирующего признака в п. «в» ч. 3 ст. 247 анализируемого законодательного акта.

Указание в национальном уголовном законодательстве на подобный квалифицирующий признак также может стать дополнительной гарантией защиты права собственности человека. На необходимость модернизации российского уголовного закона в этом направлении мною было обращено внимание еще два десятилетия тому назад. В частности, предлагалось «закрепить в ч. 3 ст. 160 УК РФ в качестве квалифицирующего признака присвоения и растраты чужого имущества совершение их лицом, которому вверено имущество, предназначенное для оказания помощи пострадавшим от стихийного или общественного бедствия» [9, 14 стр.].

В современный период времени данное предложение не только не утратило своей актуальности, но и приобрело еще большую значимость, поскольку широко распространен сбор средств, предназначенных пострадавшим от стихийных и общественных бедствий.

Отрадно то, что в российском уголовном законодательстве (УК РФ 1996 г. в ред. от 04.08.2023 г.) на сегодня предусмотрена уголовная ответственность за мародерство (введена федеральным законом России от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [10], признаваемое тяжким или особо тяжким (мародерство с квалифицирующими признаками) преступлением против мира и безопасности человечества. В части первой статьи 356¹ УК РФ закреплена следующая дефиниция: «Мародерство, то есть совершенные с корыстной целью в период военного [положения](#), в военное [время](#) либо в условиях вооруженного [конфликта](#) или ведения боевых [действий](#) и не связанные с вынужденной необходимостью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц чужого имущества (в том числе имущества, находящегося при убитых или раненых, имущества гражданского населения)» [11].

Важно подчеркнуть то, что процитированная норма призвана охранять наряду с миром и безопасностью человечества также собственность гражданского населения, следовательно, одного из важнейших прав человека.

С учетом сложившейся международной обстановки, глобальных рисков в сфере собственности, думается, целесообразно принятие под эгидой ЕврАзЭС международно-правового документа, направленного на сохранность собственности государств, физических и юридических лиц. Представляется также возможным обсуждение вопроса о создании в рамках Евразийского экономического союза Фонда возмещения потерь и ущерба от глобальных вызовов в сфере экономики, целью деятельности которого может стать возмещение оных наиболее пострадавшим лицам.

В завершение анализа заявленной проблемы необходимо акцентировать внимание на наиболее важных выводах и предложениях:

1) глобальные вызовы приводят к нарушению права собственности государств, физических и юридических лиц, к рискам и серьезным потерям в виде утраты глобального объема имущества;

2) в условиях глобальных вызовов более всего беззащитны ни в чем неповинные люди – мирные граждане;

3) современная экономика, столкнувшаяся с глобальными вызовами, демонстрирует утверждение парадигмы совмещения несовместимого, ибо прекращаются процессы гармонизации глобальной экономики и начинаются процессы ее разбалансирования, тогда как национальные экономики отдельных стран и групп стран, в частности стран Евразийского экономического союза, развиваются в сторону сближения и гармонизации;

4) право собственности нуждается в дополнительных гарантиях, в качестве которых способны выступать нормативно-правовые документы международного характера;

5) целесообразна разработка странами ЕврАзЭС соответствующего нормативно-правового акта, целью которого может стать эффективная защита собственности (прежде всего человека, физического лица) от экономических рисков, явившихся следствием глобальных вызовов;

6) национальное уголовное законодательство (в рамках преступлений против собственности) целесообразно пополнить новым квалифицирующим признаком «совершение деяния с использованием условий общественного бедствия»;

7) целесообразно также принятие под эгидой ЕврАзЭС международно-правового документа, направленного на сохранность собственности государств, физических и юридических лиц;

8) возможно обсуждение вопроса о создании в рамках Евразийского экономического союза Фонда для возмещения потерь и ущерба от глобальных вызовов в сфере экономики, целью функционирования которого может стать возмещение оных наиболее пострадавшим лицам.

Список использованных источников:

1. Леонова О.Г. Глобальные политические вызовы современности // Век глобализации. 2019. № 3 (31). С. 61–72.

2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г.) // Российская газета. 1995. 10 дек. № 67.

3. Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на расширенном совещании по вопросам социально-экономического развития

страны // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-rasshirennom-soveshchanii-po-voprosam-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-strany-1934439> (дата обращения: 03.12.2023).

4. Расширенное заседание Президиума Государственного Совета. В Великом Новгороде Президент провел расширенное заседание Президиума Государственного Совета. 21 сентября 2023 г. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72319> (дата обращения: 03.12.2023).

5. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан 29.05.2014 г., г. Астана; в ред. от 20.03.2022 г.) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org> (дата размещения: 05.06.2014); Официальный сайт ЕАЭС. URL: <http://www.eaeunion.org> (дата обращения: 23.11.2023).

6. Левакин И.В. Экономика, человек, право (современность и научно-технологическое развитие) // Век глобализации. 2023. № 2 (46). С. 3 – 11.

7. Декларация о евразийской экономической интеграции от 18.11.2011 г. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1091> (дата обращения: 23.11.2023).

8. Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств: рекомендательный законодательный акт 1996 г. // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1997. № 12.

9. Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2003. – 336 с.

10. Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 39, ст. 6535.

11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 04.08.2023 г. № 413-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; 2023. № 32 (ч. I), ст. 6145.

Козубенко Юрий Вячеславович,

д.ю.н., начальник Управления
международного сотрудничества ФГБОУ ВО
«Уральский государственный юридический
университет имени В.Ф. Яковлева»,
Российская Федерация

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ СТРАН СНГ

Традиционно уголовное судопроизводство принято рассматривать как деятельность по реализации соответствующих норм уголовного права в связи с совершением преступления. Это обусловлено самыми различными обстоятельствами. В частности, неразрывной связью уголовно-правовых отношений с уголовно-процессуальными, необходимостью защиты от

преступных посягательств охраняемых прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации, мира и безопасности человечества, а также целью и задачами отечественного уголовного судопроизводства.

Относительно последних (цели и задач) в доктрине уголовного процесса до сих пор ведется ожесточенная дискуссия в части обоснованности существования цели судопроизводства и содержания его задач [2, 19-20 стр.]. Вместе с тем, для того, чтобы осуществлять какую-либо деятельность, субъектам, ее осуществляющим, необходимо знать то, ради чего ведется производство по уголовному делу в конечном итоге, т.е. то, к чему необходимо стремиться, а также промежуточные этапы, «ступеньки», которые также необходимо достичь и решить для достижения общей, единой цели. Первое именуется целью уголовного судопроизводства, а последние – его задачами.

Целью уголовного судопроизводства является *установление лица, реально совершившего преступление, и опровержение презумпции его невиновности с последующим возложением на него соответствующих мер государственного принуждения (наказание, ПММХ, ПМВВ)*. Что касается **задач** уголовного судопроизводства, то, как и цель, это категория объективная, обусловленная извне существующей метасистемой, и определяется, прежде всего, содержанием норм *всего* уголовно-процессуального права, а не только прямым указанием на них в уголовно-процессуальном законе. Но при этом необходимо также иметь в виду, что при дифференциации уголовного судопроизводства на стадии, последние также имеют свои задачи, отличные от задач уголовного судопроизводства в целом.

Согласно действующему УПК Республики Казахстан задачами уголовного процесса являются пресечение, беспристрастное, быстрое и полное раскрытие, расследование уголовных правонарушений, изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершивших, справедливое судебное разбирательство и правильное применение уголовного закона, защита лиц, общества и государства от уголовных правонарушений.

При этом, установленный законом порядок производства по уголовным делам должен обеспечивать защиту от необоснованного обвинения и осуждения, незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина, а в случае незаконного обвинения или осуждения невиновного - незамедлительную и полную его реабилитацию, а также способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению уголовных правонарушений, формированию уважительного отношения к праву.

Действующий УПК Республики Узбекистан определяет задачи уголовно-процессуального законодательства через быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к ответственности и осужден. При этом установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок производства по уголовным делам должен

способствовать укреплению законности, предупреждению преступлений, защите интересов личности, государства и общества.

Уголовное судопроизводство Республики Азербайджан имеет следующие задачи: защита личности, общества и государства от преступных посягательств; защита личности от случаев злоупотребления должностными полномочиями в связи с действительным или предполагаемым совершением преступления; быстрое раскрытие преступлений, всестороннее, полное и объективное выяснение всех обстоятельств, связанных с уголовным преследованием; изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление; отправление правосудия в целях наказания лиц, обвиняемых в совершении преступления, с установлением их вины и реабилитации невиновных; применять уголовно-правовые меры в отношении юридических лиц за преступления, совершенные физическими лицами в пользу юридического лица или для защиты его интересов.

Задачами уголовно-процессуального закона Республики Беларусь являются закрепление надлежащей правовой процедуры осуществления уголовного процесса, обеспечение законных прав и интересов физических и юридических лиц, которым преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред, а также уголовное преследование и защита лиц, которые подозреваются, обвиняются в совершении предусмотренных уголовным законом общественно опасных деяний.

В действующем уголовно-процессуальном законе Российской Федерации, как и в УПК Республики Армения, задачи уголовного судопроизводства прямо не названы, хотя и есть такая одноименная норма (ст. 2 УПК РА). По мнению российских авторов многочисленных учебников по современному уголовному процессу, под задачами законодатель имеет в виду назначение уголовного судопроизводства, сформулированное им как один из его принципов (ст. 6 УПК РФ). Так, содержание назначения уголовного судопроизводства заключается в следующем:

1) защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;

2) защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

На самом деле данную формулировку закона можно выразить в одном общеизвестном выражении «Лучше оправдать десять виновных, чем осудить одного невиновного». Вот вкратце в чем заключается трактовка российского законодателя назначения уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, в подобной позиции составителей текста УПК РФ прослеживается ее однобокость и незавершенность. Деятельность, которая, в общем и целом ведется и осуществляется органами государственной власти, основана почему-то на приоритете защиты прав и свобод других участников

уголовного судопроизводства, привлекаемых к участию этими органами, а не прежде всего на обязанностях первых (причем *публичных*), что более свойственно и характерно как для российского менталитета, так и истории развития отечественного судопроизводства. Тогда как одним из достоинств уголовно-процессуального закона в советский период явилось формулирование задач судопроизводства на основе свойства их объективности и с учетом историографии его *многонационального* народа. Наше большое российское (потом советское) государство исторически возникло на системе обязанностей, возложенных на личность, и до сих пор продолжает существовать на идее обязательств (характерная черта мусульманско-правовой культуры) и/или системе евангельских заповедей (характерная черта православной культуры). Еще в XIX веке Н. Бердяев отмечал, что для евразийского государства «в осуществлении прав человека самое важное не собственные правовые притязания, а уважение к правам другого... Обязанности человека глубже прав человека, они и обосновывают права человека... Если все будут очень сильно сознавать права и очень слабо сознавать обязанности, то права никем не будут уважаться и не будут реализованы»[1, 119-120 стр.].

В связи с чем, формулировка задач судопроизводства, данная в ст. 2 УПК РСФСР 1960 года, как наиболее полно соответствующая сложившемуся положению дел становится еще более актуальной. Итак, с учетом названных признаков основными задачами судопроизводства в общем деле борьбы с преступностью, возлагаемых в качестве обязанностей на все органы правоохраны для достижения единой цели судопроизводства стран СНГ, являются:

Быстрое и полное раскрытие преступлений. Это означает установление в предписанные законом сроки события преступления (времени, места, способа совершения преступления), виновности лица, совершившего преступление, и других обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу (ст. 73 УПК РФ).

Изобличение виновного. Данная задача сводится к собиранию такого объема и качества доказательств, из которых следовал бы только один-единственный вывод, что только это лицо и никакое другое, именно этот обвиняемый совершил данное преступление, по факту обнаружения которого ведется производство по уголовному делу (ст.21 УПК РФ).

Обеспечение правильного применения закона. Сущность этой задачи состоит в правильной правовой квалификации совершенного преступления, назначении справедливого наказания, соблюдении законности при производстве по уголовному делу, как на протяжении всего уголовного судопроизводства, так и на отдельных его стадиях (ст. 7 УПК РФ).

Что касается защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч.1 ст. 6 УПК РФ), то они выступают одним (но не единственным) из *способов достижения цели уголовного судопроизводства*, а потому никак не могут выступать задачами последнего.

Кроме того, нельзя считать задачей уголовного судопроизводства отказ от уголовного преследования невиновных и их последующую реабилитацию (ч.2

ст. 6 УПК РФ), поскольку содержание и смысл всего уголовно-процессуального права не предполагает в качестве таковой привлечение к уголовной ответственности невиновного лица. С другой стороны, недопустимость уголовного преследования невиновных является обратной стороной «медали» под названием «цель уголовного судопроизводства». Так, постулирование в качестве цели установление лица, реально совершившего преступление, и опровержение презумпции его невиновности с последующим применением к нему мер государственного принуждения автоматически исключает уголовное преследование невиновных, освобождение их от незаконно назначенного наказания и реабилитацию каждого, кто необоснованно подвергся такому преследованию.

Итак, перечисленные задачи уголовного судопроизводства следует именовать *общими*, поскольку они поставлены на разрешение перед уголовным судопроизводством в целом и решать эти задачи призваны все без исключения органы государственной власти, вовлеченные в данный процесс. Вместе с тем, в уголовном судопроизводстве существуют *частные* задачи, решение которых составляет только часть уголовно-процессуальной деятельности. Частные задачи характерны, как правило, для отдельно взятой стадии уголовного судопроизводства. Например, установление признаков преступления, необходимых и достаточных для принятия решения о возбуждении дела, является частной задачей на стадии возбуждения уголовного дела.

Вместе с тем, все указанные задачи (и общие, и частные) находятся между собой в органической взаимосвязи, и необходимые результаты при решении одной из них могут быть достигнуты лишь при успешном решении другой. И наконец, только путем решения всех названных задач может быть достигнута цель уголовного судопроизводства.

Сформулированные цель и задачи уголовного судопроизводства позволяют наметить *ряд основных признаков* уголовного судопроизводства, а, в конечном счете, дать его развернутое определение.

1. Уголовное судопроизводство имеет *своей целью установление лица*, реально совершившего преступление, и *опровержение презумпции его невиновности* в результате быстрого и полного раскрытия преступления, изобличения виновного и правильного применения закона при производстве в отношении него по уголовному делу.

2. Уголовное судопроизводство – это *правоприменительная деятельность* компетентных органов государственной власти: суда, прокурора, следователя, дознавателя, органа дознания, руководителя следственного органа. В указанной деятельности, связанной с производством по уголовному делу, естественно, принимают участие также и иные лица, например, обвиняемый, подозреваемый, защитник, потерпевший, гражданский истец и их представитель, но их «удельный вес» в реализации норм права настолько невелик, что позволяет отнести уголовное судопроизводство именно к такой форме реализации как правоприменение.

3. Уголовное судопроизводство основано на строгом соблюдении установленных законом процедурных правил, т.е. на соблюдении процессуальной формы, детально регламентирующей права и обязанности

участников. Именно поэтому, в частности, в уголовном судопроизводстве ограничены диспозитивные начала и приоритет отдан *обеспечению публичного интереса*.

4. Правоприменительная природа уголовного судопроизводства обуславливает *стадийность* указанной деятельности, иными словами, уголовное судопроизводство подразделяется на этапы-стадии, которые, в свою очередь, соответствуют этапам-стадиям правоприменительного процесса, разработанным общей теорией права.

5. Уголовное судопроизводство обуславливает предмет науки уголовного процесса и содержание уголовно-процессуального права как отрасли.

С учетом вышеперечисленных признаков можно дать следующее общее для стран СНГ определение уголовного судопроизводства.

Уголовное судопроизводство – это деятельность суда, прокурора, следователя, дознавателя и иных участвующих лиц по возбуждению, расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел, осуществляемая в строго установленной уголовно-процессуальной форме в целях установления лица, реально совершившего преступление, и опровержения презумпции его невиновности в результате быстрого и полного раскрытия преступления, изобличения виновного и правильного применения закона при производстве в отношении него по уголовному делу.

Список использованных источников:

1. Бердяев Н. Философия неравенства. Париж, 1970. 244 с.
2. Ветрила Е.В. Статья 6 УПК РФ в практике обжалования процессуальных актов // Мировой судья. 2020. № 12. С. 19 - 24.

Крипиневиц Светлана Сергеевна,
к.ю.н., доцент, заместитель заведующего
кафедрой уголовно-процессуального права
имени Н.В. Радутной ФГБОУ ВО
«Российский государственный
университет правосудия,
Российская Федерация, г. Москва

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Проблемы обеспечения прав человека в уголовном судопроизводстве традиционно находятся в центре внимания ученых. Теме правообеспечения посвящены многочисленные научные исследования, имеющие как фундаментальный, так и сугубо прикладной характер. В этом направлении имеет значение все: от формирования современных подходов к определению прав участников уголовного судопроизводства, терминологического аппарата для законодательного применения, до разработки частных правил защиты прав участников отдельных следственных и иных процессуальных действий. В

частности, можно указать на исследования, формирующие концепцию правообеспечения, ее теоретическую и законодательную модель [1; 65 стр.], разрабатывающие отдельные средства обеспечения [2; 139–147 стр.].

Большое значение в этой сфере для отечественного аппарата правообеспечения имеет зарубежный опыт законодательного регулирования и результатов соответствующих научных изысканий. Хотим отметить конструктивные подходы к вопросам правообеспечения, имеющиеся в исследованиях казахстанских коллег [3; 18–56 стр.] [4; 123–146 стр.]. Например, привлекли внимание разработки дистанционного допроса в свете обеспечения прав его участников [5; 111–120 стр.], обеспечения прав свидетеля имеющего право на защиту [6; 71 стр.].

Причины столь пристального внимания отечественных и зарубежных ученых к сфере обеспечения прав человека в уголовном судопроизводстве связаны, как представляется, в основном, с масштабом допускаемых в практической деятельности ошибок и нарушений, влекущих подчас серьезные негативные последствия, в том числе и вынесение незаконных процессуальных решений [7].

Однако указанные причины не являются единственными, поддерживающими постоянный интерес к проблемам правообеспечения. Мы считаем, что не менее важным мотивом продолжения таких исследований выступает динамика общественных отношений и постоянно возрастающие требования к регулированию уголовно-процессуальных отношений именно в части уровня, степени и направления обеспечения прав. Так, можно отметить нарастающую тенденцию в российском уголовном судопроизводстве по расширению числа лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, чьи права законодатель признает и создает для их обеспечения надлежащие средства.

Например, только за период действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г. (далее – УПК РФ) были внесены изменения в связи с дополнением правового статуса отдельных лиц или появлением новых субъектов уголовно-процессуальных отношений с определением их процессуального статуса и средств обеспечения их прав. Например, права владельцев имущества, сданного в ломбард и изъятого органами предварительного расследования [8]; дополнительные средства обеспечения сохранности адвокатской тайны, позволившие установить существенные особенности обыска помещений, занимаемых адвокатами [9]; такой новый участник, как лицо, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве [10].

В свете приведенных обстоятельств можно констатировать неисчерпаемость этой темы и ее постоянную актуальность.

Отмечая значимость, многогранность и разнообразие существующих направлений исследования в сфере обеспечения прав участников уголовного судопроизводства, мы, тем не менее, полагаем, что ее границы должны быть еще более расширены. Для научного обсуждения предлагаем еще одно, как представляется, перспективное направление научных изысканий, имеющих самое непосредственное отношение к основам обеспечения прав в уголовном судопроизводстве – индивидуализация уголовно-процессуального регулирования.

Долгое время в уголовном судопроизводстве обходили такую тему как индивидуализация. При этом мы разделяем мнение известных казахстанских ученых, совпадающее с позицией многих российских коллег о том, что недопустимо проведение безадресного уголовного преследования [11; 75 стр.]. И не только уголовное преследование. Полагаем, что и многие иные вопросы должны решаться исключительно индивидуально. Однако ориентиры для такой индивидуализации до настоящего времени не обозначены. Более того, если затрагивать вопрос именно о персонифицированности в уголовном преследовании, то в доктрине российского уголовного судопроизводства это понятие находится на этапе активных дискуссий, а дискутируемым вопросом, в том числе, выступает адресность осуществления уголовного преследования [12; 170 стр. 170–176 стр.].

Индивидуальность в праве всегда привлекала внимание ученых. В теории права этому вопросу внимание уделяется давно и достаточно активно. Отметим в этом направлении работы С.С. Алексеева, отмечавшего наличие индивидуализации в государственном регулировании [13; 7, 38 стр.]. Ему же принадлежит идея об осуществлении индивидуальной регламентации в деятельности государственных органов [13; 45, 47 стр.]. Подчеркнем, что это два самостоятельных направления индивидуализации.

Индивидуализация [14; 313–316 стр.] в уголовном судопроизводстве до настоящего времени находится в поле зрения, как правило, с позиции выбора вида и меры уголовного наказания, исходя из индивидуальных обстоятельств и качеств личности подсудимого.

Конституционный Суд РФ во многих своих правовых позициях выделяет в качестве конституционного критерия оценки федерального законодательства общеправовые принципы и способы их реализации в сфере уголовно-правового регулирования и указывает на обязанность законодателя «обеспечить на основе этих принципов, ... дифференциацию предусматриваемых им мер уголовно-правовой ответственности, отвечающую требованиям справедливости, разумности и соразмерности (пропорциональности)» [15].

Аналогичная позиция формируется и для применения мер административной ответственности [16].

Для нашего исследования значимыми являются два фактора. Во-первых, это выявленная Конституционным Судом РФ логическая (закономерная) связь между индивидуализацией и уголовной ответственностью, а также *иными мерами, ограничивающими права и свободы*. Во-вторых, Конституционный Суд РФ однозначно высказывается за то, чтобы не допускалось избыточное ограничение прав и свобод лиц, на что и ориентирует федерального законодателя при установлении им регулирования соответствующих правоотношений.

В уголовном судопроизводстве также присутствует существенный правоограничительный аспект. Выше мы уже отметили и широкие дискуссии о средствах обеспечения прав в случаях их ограничения либо нарушения. Соответственно появляется мотив рассматривать правовые позиции Конституционного Суда РФ в более широком плане, распространяя их влияние на уголовно-процессуальные отношения в части стремления к индивидуализации регулирования.

Таким образом, на наш взгляд, в вопросах определения сферы применения индивидуализации необходимо продвинуться дальше и указать, что ее взаимосвязь существует не только с мерами уголовно-правового, но и уголовно-процессуального принуждения.

В современной науке уголовного процесса ученые также постепенно приходят к идее о необходимости использования индивидуализации в регулировании не только уголовно-правового, но и уголовно-процессуального аспекта. Так, например, есть мысль о том, что технологическое развитие уголовного судопроизводства при всех «плюсах» имеет и такое негативное последствие как ограничение правосудия в вопросах учета индивидуализации [17; 557 стр. 553–560 стр.]. Отмечается индивидуализирующее значение потерпевшего [18; 17–18 стр.] для определения характера и степени вины обвиняемого, что актуализирует вопрос о доказывании качеств потерпевшего и признании за ними правового значения. В унисон с этой позицией С. И. Гирько пишет о применении индивидуализации при доказывании, правда, пока только для отдельной формы досудебного производства – дознании в сокращенной форме: «индивидуализации требует как сама система доказывания, так и средства доказывания» [19; 158–165 стр.]. Учеными указывается на «индивидуализированный» характер санкции как максимального срока наказания, предусмотренного за преступление» [20; 52 стр. 50–56 стр.; 21; 64–70 стр.].

Л.А. Шестакова пишет о концепции индивидуализации обращения с правонарушителем, которая стала основой для становления ювенальной юстиции [22; 105–112 стр.].

По мнению Е.В. Авдеевой стоит отметить обязательность обеспечения принципа индивидуализации ответственности при вынесении судом решения о продлении срока содержания под стражей [23; 34 стр.].

Указанные точки зрения пока что не имеют общей концептуальной основы, разрозненны, но их наличие в современной науке уголовного процесса свидетельствуют о нарастающей тенденции осознания значимости индивидуального подхода в уголовно-процессуальном регулировании. Тем не менее, по справедливому замечанию В.В. Дорошкова имеется и объективная основа для развития индивидуализации уголовно-процессуального регулирования: ст. 6 УПК РФ сформулирована с учетом приоритета индивидуальной свободы перед социальной солидарностью [24; 10 стр.].

Индивидуализация уголовно-процессуального регулирования, полагаем, может быть выражена в развитии диспозитивных начал, в усилении требований к персонификации процессуальных решений и установлению фактических оснований их принятия, позволяющих в достаточной степени выявить обстоятельства затрагивающих конкретных лиц.

Полагаем, что такого рода вектор – индивидуализация уголовно-процессуального регулирования – до настоящего времени не реализован в российском уголовном судопроизводстве. Однако именно его развитие, полагаем, способно, дать новый стимул к выведению системы правообеспечения на более высокий уровень.

Подводя итог, сформулируем основные выводы.

1. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства выступает сферой научного интереса отечественных и зарубежных ученых, занимающихся поиском оптимальных средств защиты, в том числе направляющих свои усилия на формулирование предложений для совершенствования законодательного регулирования прав участников, средств их реализации, охраны и защиты.

2. Сферой, остающейся до настоящего времени без должного внимания, является индивидуализация уголовно-процессуального регулирования, хотя для ее развития имеются, в том числе и объективные основания в виде формулировки назначения российского уголовного судопроизводства.

3. Индивидуализация уголовно-процессуального регулирования способна дать новый стимул для развития средств правообеспечения.

Список использованных источников:

1. Гладышева О.В. Теоретическая модель механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: 2013. 65 с.

2. Кондрат И. Обеспечение прав личности в досудебном производстве по уголовным делам: законодательное регулирование и правоприменительная практика: монография. М.: Юстицинформ, 2015; Борозенец Н.Н. Правообеспечительная деятельность прокурора в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. Гриненко А.В., Гуджабидзе Г.А., Потапов В. Д., Железняк Н.С. Категории прав и законных интересов личности и их использование в сфере уголовного судопроизводства // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 1. С. 139–147.

3. Сулеймен Д., Становление и развитие института защиты прав граждан в уголовном процессе: в кн. Усиление гарантий защиты прав граждан в уголовном процессе: монография / Коллектив авторов. Под общ. ред. Г.К. Шушиковой. Косшы: Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, 2021. С. 18–56.

4. Каиржанова Д.К. Сравнительный анализ соответствия национального законодательства модели уголовного процесса в области защиты прав граждан развитых стран. Усиление гарантий защиты прав граждан в уголовном процессе: Монография / Коллектив авторов. Под общ. ред. Г.К. Шушиковой. Косшы: Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, 2021. С. 123–146.

5. Нургазинов Б.К., Исмагулов К.Е. Дистанционный допрос в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан: Актуальные вопросы модернизации основных начал казахстанского уголовного процесса. Монография / Под общей редакцией А.Н. Ахпанова и З.Г. Казиева. Астана: ГУ «Институт законодательства Республики Казахстан», 2018. С. 111–120.

6. Түсіп Т.А. К вопросу статуса свидетеля, имеющего право на защиту // Құқық қорғау органдары академиясының жаршысы № 3 (17) 2020. С. 71.

7. См. например: Дело № 22-4811/2020. Архив Алтайского краевого суда. https://kraevoy-alt.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1935390&delo_id=4&new=4&text_number=1 ; Дело № 22-765/2020. Архив Псковского областного суда. <https://oblsud-->

psk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1969852&delo_id=4&new=4&text_number=1 ; Дело № 10-10/2021. Архив Шебекинского районного суда Белгородской области. <https://shebekinsky-->

blg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=156961654&delo_id=4&new=4&text_number=1; Дело № 22-1223/2022. Архив Ярославского областного суда. <https://oblsud-->

jrs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=8472232&delo_id=4&new=4&text_number=1 ; Дело № 223-П21. Архив Верховного Суда РФ. https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2090054 .

8. Федеральный закон от 3 декабря 2007 г. № 322-ФЗ: п. 5.1 ст. 29 УПК РФ «о производстве выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи принять решение может только суд»; ч. 6 ст. 183 УПК РФ «в случае выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи в трехдневный срок производится уведомление об этом заемщика или поклажедателя» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Федеральным законом от 17 апреля 1917 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» введена новая статья 450.1 УПК РФ «Особенности производства обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Федеральный закон от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Казиев З.Г., Ахпанов А.Н. Стратегия развития уголовно-процессуального права и законодательства Республики Казахстан // Вестник Института законодательства и правовой информации РК №3 (57). 2019. С. 75.

12. См., например: «Вносится предложение о разграничении процессуальных решений о возбуждении уголовного дела и возбуждении уголовного преследования с целью обеспечения прав участника уголовного судопроизводства, в отношении которого проводятся следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия: Калентьева Т.А. К вопросу о совершенствовании института уголовного преследования // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2016. Т. 1. № 2. С. 170. С. 170–176.

13. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966.

14. Галкина У. В. Защита исключительного права на средства индивидуализации в уголовном судопроизводстве / У. В. Галкина // Охрана прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства, Москва, 01 мая – 01 2016 года. М.: ИП Вахитов А.В., 2016. С. 313–316.

15. Пункт 2, абз. 4. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 года № 32-П/2014 «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Пункт 4, абз. 1, 2. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 января 2013 N 1-П/2013 «По делу о проверке конституционности положения части 5 статьи 19.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Маслянский хлебоприемный пункт» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Татьяна Л.Г., Машинникова Н.О. Некоторые аспекты свободы воли в уголовном судопроизводстве // Вестник Удмуртского университета. 2022. Т. 32. Вып. 3. С. 557. С. 553–560.
18. Дагель П.С. Потерпевший в советском уголовном праве // Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974. С. 17–18.
19. Гирько С.И. Средства доказывания в условиях унифицированного досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3 (55). С. 158–165.
20. Толкаченко А.А. Некоторые вопросы индивидуализации ответственности и наказания для соучастников преступления // Общество и право. 2018 № 4 (66) С. 52. С. 50–56.
21. Воронин В.Н. Критерии индивидуализации наказания за преступление, совершенное в соучастии // Рос. юрид. журн. 2017. № 2. С. 64–70.
22. Шестакова А.А. Доктрина индивидуализации обращения с правонарушителем как основа ювенальной юстиции // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского государственного университета. 2014. № 1. С. 105–112.
23. Авдеева Е.В. Неприкосновенность личности в системе принципов уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2020. № 4. С. 33–35. С. 34.
24. Дорошков В. В. Современный уголовный процесс и основные направления его совершенствования // Мировой судья. 2019. № 9. С. 3–13.

Акимжанов Ерик Серикович,
к.ю.н., заместитель начальника кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Костанайской академии МВД РК имени
Ш. Кабылбаева,
Республика Казахстан

К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ, ВЛИЯЮЩИХ НА УРОВЕНЬ ЗАЩИЩЕННОСТИ ОТ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

Обращаясь к факторам, влияющим на уровень защищенности от домашнего насилия, следует отметить, что таковые проистекают из предусмотренных в рамках национального и международного законодательства мер, направленных на противодействие домашнему насилию, реализуемых в форме противодействия насильственным административным правонарушениям в целом, а также предотвращения, профилактики, предупреждения, пресечения домашнего насилия в частности.

Понятие противодействия правонарушениям в целом отсутствует в казахстанском законодательстве, однако наличествует терминологическая характеристика понятия «профилактика правонарушений». Согласно п. 4 ч. 1 ст. 2 Закона Республики Казахстан от 29 апреля 2010 года №271-IV «О профилактике правонарушений» [1], под профилактикой правонарушений понимается комплекс правовых, экономических, социальных и организационных мер, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений, направленных на сохранение и укрепление правопорядка путем выявления, изучения, устранения причин и

условий, способствующих совершению правонарушений. Текстуальный анализ термина позволяет определить акцентуализацию на выявление детерминанта совершения правонарушений с целью их устранения для достижения высокого уровня защищенности объектов посягательства.

Важно учитывать, что понятие «фактор защищенности» корнями исходит из психологической науки. К примеру, в своем исследовании, посвященном обеспечению информационно-психологической безопасности, В.Д. Анасов отмечал, что в целях обеспечения психологической безопасности личности важен учет трех ключевых факторов: человеческого фактора, фактора среды и фактора защищенности [2]. Ключевыми для психологической безопасности являются два первых фактора. В свою очередь, востребованный юридической наукой фактор защищенности представляет собой совокупность средств, используемых для защиты и противодействия вызывающим тревогу или представляющим опасность ситуациям как физического, так и психологического толка.

Исходя из указанного, следует обозначить, что факторами, влияющими на уровень защищенности от домашнего насилия в системе иных административных правонарушений, является эффективная реализация мер профилактики правонарушений, связанных с совершением насильственных действий в семейно-бытовых отношениях, представленная как совокупность правовых, экономических, социальных и организационных мер, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в сфере домашнего насилия, с целью выявления их детерминанта, причин и условий совершения, а также их устранения для достижения высокого уровня защищенности объектов посягательства – семейно-бытовых отношений, что способствует сохранению и укреплению семейных ценностей в частности и правопорядка в целом. Это в полной мере коррелирует с потребностью личности быть в безопасности, что, согласно позиции А.Г. Елагина, относится к базовым персонифицированным целям жизнедеятельности человека [3].

Что же касается более обобщенной категории «противодействие домашнему насилию» (в отличие от профилактики домашнего насилия), то под упомянутым термином предлагается понимать систему мер, реализуемых специальными субъектами, направленных на прекращение домашнего насилия, предоставление помощи пострадавшему субъекту, возмещение причиненного ему ущерба, а также надлежащее расследование случаев домашнего насилия с целью привлечения виновного лица к ответственности и корректирования его поведения в рамках правовых норм.

В таком толковании «противодействие домашнему насилию» является подсистемой структуры «противодействия правонарушениям», а также родовым понятием для категории «профилактика домашнего насилия», которое, в соответствии с п. 4 ст. 1 Закона РК от 4 декабря 2009 года № 214-IV «О профилактике бытового насилия» рассматривается как комплекс правовых, экономических, социальных и организационных мер, осуществляемых субъектами профилактики домашнего насилия, направленных на защиту конституционных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в сфере семейно-бытовых отношений, предупреждение и пресечение домашнего насилия, а также на выявление и устранение причин и условий, способствующих их совершению [4].

Противодействие домашнему насилию рассматривается как любое действие, к которому прибегают государственные или негосударственные субъекты для того, чтобы прервать насильственную деятельность в семейно-бытовых отношениях, которая может причинить вред интересам, выступающим объектом правовой защиты от домашнего насилия; в то же время, это система мер, направленных на преодоление насильственных правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений путем их предупреждения и борьбы с ними, и оказание помощи и защиты пострадавшим от домашнего насилия лицам.

Пределы применения терминосистемы, связанной с предотвращением домашнего насилия, определяются собственно процедурой расследования случаев домашнего насилия, привлечением к ответственности субъектов домашнего насилия, изменением их поведения, повышением уровня осведомленности общества о формах, причинах и последствиях домашнего насилия, формированием нетерпимого отношения к насильственному поведению в семейно-бытовых отношениях.

Отдельно следует обратиться к проблемному аспекту, связанному с высокой латентностью домашнего насилия – этот показатель существенным образом негативно воздействует на фактор защищенности от исследуемого противоправного явления.

Проблема латентности насильственных правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, является одной из самых сложных в ракурсе повышения уровня защищенности от указанного вида противоправного поведения. Общепризнанным является то, что фактическое количество совершенных правонарушений в целом всегда больше зарегистрированного, а для сферы семейно-бытовых отношений этот показатель неизбежно является еще более высоким, поскольку жертвы домашнего насилия склонны в силу психологических, эмоциональных и экономических причин сохранять взаимоотношения с обидчиком в надежде на его исправление или на сохранение привычного уровня и качества жизни.

Существование латентных правонарушений в целом определяется рядом факторов. В зависимости от причин нерегистрации правонарушений традиционно выделяют следующие виды латентности: естественная, искусственная и смежная (пограничная) [5].

Группу естественной (скрытой) латентности составляют правонарушения, информация о которых не поступала в правоохранительные органы ни в каком виде. К факторам, порождающим естественную латентность правонарушений, связанных с домашним насилием, относятся:

– жертва не сообщает о насилии, поскольку стесняется того, что с ней случилось (чаще всего это касается случаев, когда насилие затрагивает интимную или сексуальную сферу). Так, изучение латентности половых преступлений подтверждает его достаточно высокий уровень: по данным из научных и статистических источников, объем латентности половых преступлений и сексуального домашнего насилия достигает 90% по отдельным видам противоправных действий [6];

– жертва домашнего насилия не может сообщить или заявить о совершенных в отношении нее насильственных действиях (например,

иммигранты, дети, инвалиды, недостаточно знающие язык или плохо говорящие, не могут объяснить, что с ними произошло);

– лицо скрывает факт совершения насилия или скрывает, кто его совершил, вследствие запугивания, угроз в его адрес или из-за опасений, что виновный из мести причинит ему еще больший вред;

– жертва не хочет навредить обидчику и надеется, что он исправится и изменит свое поведение;

– жертва, не надеясь на помощь правоохранителей, «берет правосудие в свои руки» и выясняет ситуацию с совершившим насилие членом семьи самостоятельно или привлекая к этому других лиц.

Группу искусственной (или скрываемой) латентности образуют случаи насилия в семье, информация о которых поступала в правоохранительные органы, однако она не была должным образом оформлена в результате сознательных неправомерных действий со стороны должностных лиц:

– несмотря на то, что отказ в принятии и рассмотрении заявления о совершенном в отношении лица противоправном деянии не допускается, тем не менее, нередко случаи, когда сотрудники правоохранительных органов необоснованно отказывают в принятии заявления о совершении насилия в семье;

– даже если в правоохранительный орган поступило заявление о насилии в семье, это не означает, что в обязательном порядке будет осуществлено досудебное расследование – так, по результатам проверки сотрудник органа внутренних дел, осуществляющий проверку обстоятельств, изложенных в заявлении, может ошибочно или осознанно прийти к неверному выводу о том, что оснований для начала производства досудебного расследования или административного производства нет;

– в подразделениях органов внутренних дел не включение заявлений о фактах домашнего насилия в статистические данные обусловлено стремлением искусственно улучшить показатели своей работы. Несмотря на предпринимаемые на национальных уровнях меры по снижению привязки эффективности показателей деятельности правоохранительных органов к статистическим показателям, связанным с количеством заявлений о правонарушениях и преступлениях, все же осталась актуальной практика оценки работы органов и подразделений внутренних дел по динамике отдельных показателей по сравнению с аналогичным периодом прошлого года;

– в практике нередко и факты недобросовестного отношения к защите потерпевших от домашнего насилия, когда оперативно-следственные действия проводятся некачественно и с нарушением сроков.

Что касается так называемой смежной (или пограничной) латентности, то ее создает категория случаев совершения домашнего насилия, которые могут не осознаваться как противоправные в связи с неуверенностью лица (потерпевшего, свидетелей или других лиц, которым известно о совершении правонарушения или преступления, или даже работникам правоохранительных органов, к которым поступила такая информация) в самом факте противоправного посягательства:

– из-за правовой неграмотности, вследствие низкого образовательного уровня, под влиянием специфических традиций определенной местности для одних людей или социальных групп избиение (пощечины) от мужа, старшего

мужчины в роду или отца, либо же урегулирование спора с помощью драки считается естественным, а для других это будет рассматриваться как насильственное поведение;

– человек может не знать, что стал жертвой насилия либо в связи с характером противоправного деяния (например, в связи с введением в заблуждение), либо в связи с особенностями его состояния здоровья (например, когда вследствие психической болезни, малолетства, состояния опьянения или других обстоятельств он не способен понять, что произошло).

В целом, уровень латентности домашнего насилия зависит от многих социально-экономических, организационно-управленческих, психологических факторов: характера и распространенности обстоятельств, из-за которых случаи домашнего насилия скрываются; состояния правосознания и социальной активности населения, направленной на противодействие таким проявлениям; активности правоохранительных органов и критериев оценки их деятельности; стабильности законодательства и судебной практики; соблюдения режима законности в государственных органах и среди должностных лиц.

Некоторые обстоятельства, напротив, способствуют снижению латентности домашнего насилия, что, в свою очередь, позитивно влияет на эффективность факторов, влияющих на уровень защищенности от домашнего насилия:

– доступность для населения приобретения и повседневного пользования средствами связи, установка веб-камер, средств слежения и т.п., которые облегчают возможность фиксирования случаев домашнего насилия и повышает уверенность лиц, сообщающих об этих фактах в правоохранительные органы;

– изменение сложившихся в обществе норм и ценностей, в результате чего формируется «нулевая толерантность» к домашнему насилию, особенно к его отдельным разновидностям (например, кампания по снижению терпимости относительно насилия к детям и женщинам в семье);

– кампании в СМИ или активность общественности по поводу резонансных событий могут привлечь значительное внимание общественности и способствовать справедливой реакции на содеянное.

Исходя из указанного, предлагается следующий вывод: латентность домашнего насилия представляет собой совокупность административных или уголовных правонарушений с насильственной направленностью, которые фактически имели место, но не были официально зарегистрированы в установленном действующим законодательством порядке; или были зарегистрированы на основании ложной юридической квалификации, вследствие чего в отношении них не были осуществлены должные меры реагирования со стороны уполномоченных на это правоохранительных органов.

Обоснованным представляется также полученный по результатам исследования вывод о наличии прямой взаимосвязи между факторами, направленными на снижение уровня латентности домашнего насилия, и факторами, влияющими на уровень защищенности от такого противоправного деяния. К таким факторам предложено относить:

1) распространенность средств связи, веб-камер и иных технических средств, при помощи которых осуществляется фото- и видеофиксация фактов домашнего

насилия, что повышает уверенность жертвы в эффективности обращения с заявлением о допущенных в отношении нее насильственных действиях;

2) изменение сложившихся в обществе норм и ценностей, в результате чего формируется «нулевая толерантность» к домашнему насилию;

3) активность общественности и СМИ в выработке неприятия домашнего насилия.

Список использованных источников:

1. Закон Республики Казахстан от 29 апреля 2010 года № 271-IV «О профилактике правонарушений» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.12.2020 г.). // "Егемен Қазақстан" газеті 12.05.2010 ж., № 181-183 (26029).

2. Анасов В.Д. Исходные посылки проблематики информационно-психологической безопасности / В.Д. Анасов, В.Е. Лепский // Проблемы информационно-психологической безопасности. – М.: Институт психологии РАН, 1996. – С. 7-11.

3. Елагин А.Г. Потребность человека быть в безопасности. // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – №3. – С. 11-13.

4. О профилактике бытового насилия: Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2009 года № 214-IV // Егемен Қазақстан. – 2009. – 12 желтоқсан.

5. Гавриленко В.А., Карпеев В.В. К вопросу об отдельных видах латентной преступности. // Актуальные проблемы государства и права. -2020. - №13.-С. 68-76.

6. Абдраманова Н.К.К., Алауханов Е.О. Латентность домашнего насилия в Республике Казахстан на современном этапе. // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. - 2020. - № 38. – С. 5-14; Гусарова М.В. Преступления сексуальной направленности как вид латентной преступности (факторы формирования и пути минимизации). // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2019. - № 4 (38). – С. 442-447.

Головачук Ольга Сергеевна,

к.ю.н., доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса, ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева»,
Российская Федерация

Раменская Виктория Святославовна,

к.ю.н., доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса, ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева»,
Российская Федерация

ИНСТИТУТ РЕАБИЛИТАЦИИ В МЕХАНИЗМЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ УГОЛОВНО-ПРЕСЛЕДУЕМОГО ЛИЦА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УПК РФ И УПК РК

Статья 6 УПК РФ и статья 8 УПК Республики Казахстан (далее по тексту – УПК РК) содержат схожие правовые предписания, согласно которым защита

прав и свобод лица от незаконного уголовного преследования, возмещение причиненного ему этим вреда, также важна, как и защита прав и свобод субъектов, пострадавших от преступления. Данная процедура получила идентичное в обеих странах нормативное наименование «реабилитация».

Действующие уголовно-процессуальные кодексы и России, и Республики Казахстан включают отдельные главы, посвященные вопросам реабилитации. Так, в УПК РФ - это глава 18, а в УПК РК – глава 4. В статьях указанных глав закреплены основания реабилитации, виды вреда, подлежащего возмещению, а также процессуальный порядок реабилитации лиц. При этом, не смотря на множество общих черт в подходах законодателей соседних государств при решении вопросов, связанных с реабилитацией, присутствуют и существенные отличия в регулировании оснований и порядка возмещения вреда, причиненного лицам, незаконно подвергнутым уголовному преследованию.

Так, прежде всего, следует отметить отсутствие в тексте УПК РК развернутого определения понятия «реабилитация». Из анализа части 1 статьи 37 УПК РК можно сделать вывод, что законодатель определяет реабилитацию как восстановление в правах: « Лицо, оправданное по суду, а равно подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, в отношении которых вынесено постановление суда, органа уголовного преследования о прекращении уголовного дела..., подлежат реабилитации, то есть восстановлению в правах и не могут быть подвергнуты каким-либо ограничениям в правах и свободах, гарантированных Конституцией Республики Казахстан».

При этом в УПК РФ реабилитация понимается как порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещение вреда (пункт 34 статьи 5 «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе»). Приведенное определение по-разному оценивается учеными-процессуалистами. Так, некоторые полагают, что реабилитация – это непосредственно процедура восстановления прав и свобод лиц, незаконно или необоснованно подвергнутых уголовному преследованию. Здесь мы видим сходство с позицией законодателя Казахстана. А возмещение вреда следует рассматривать как последствие реабилитации, т. е. реабилитация лица влечет возникновение у него права на возмещение вреда, как имущественного, так и морального. В противном случае получается, что лицо, не заявившее требований о возмещении причиненного вреда, не является реабилитированным, хотя в отношении него и вынесен оправдательный приговор [1; 235 стр.] Такой подход, на наш взгляд, представляется обоснованным, что свидетельствует о необходимости внесения изменений в пункт 34 статьи 5 УПК РФ.

Кроме того, в ст. 5 УПК РФ говорится о «незаконном или необоснованном уголовном преследовании». При этом глава 4 УПК РК в качестве условия применения процедур реабилитации называет только незаконное уголовное преследование. Данная позиция представляется более верной. Ведь если уголовное преследование велось без достаточных на то оснований, т.е. необоснованно, оно не может быть законным. Учитывая изложенное, предлагаем исключить из пп.34 и 35 ст. 5 УПК РФ слово «необоснованное», оставив в качестве условия реабилитации незаконность уголовного преследования.

Важной вехой в формировании института реабилитации в уголовном процессе следует считать Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1981 г. «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей», также утвержденное этим указом Положение о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда». В соответствии с пунктом 2 данного указа основаниями для реабилитации являлись: постановление оправдательного приговора; прекращение уголовного дела за отсутствием события преступления, за отсутствием в деянии состава преступления или за недоказанностью участия гражданина в совершении преступления.

Каждое из перечисленных оснований свидетельствовало о безусловном признании необоснованным выдвинутого обвинения или подозрения, о полной невиновности лица. Данный перечень можно назвать классическими основаниями реабилитации. На современном этапе при принятии действующих уголовно-процессуальных кодексов он был значительно расширен как в Российской Федерации, так и в Республике Казахстан.

В тоже время между рассматриваемыми УПК существуют отличия и в части перечня оснований для реабилитации. Так, наряду с общими (отсутствие события преступления; отсутствие состава преступления; отсутствие жалобы потерпевшего по делам частного обвинения; наличие неотмененного приговора в отношении лица по тому же обвинению либо неотмененного постановления о прекращении уголовного преследования) в законодательстве каждого из государств присутствуют специфические основания. Например, в УПК РК к их числу можно отнести пункт 6 части 1 статьи 35: «если введен в действие закон, отменяющий уголовную ответственность за совершенное деяние, либо в случае признания Конституционным Судом Республики Казахстан неконституционным закона или иного нормативного правового акта, подлежащего применению по данному уголовному делу, от которого зависит квалификация деяния как уголовного правонарушения». В УПК РФ реабилитирующим является такое основание, как отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в пунктах 2 и 2.1 части первой статьи 448 настоящего Кодекса, либо отсутствие согласия соответственно Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда Российской Федерации, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в пунктах 1 и 3 - 5 части первой статьи 448 УПК РФ (пункт 6 части 1 статьи 24). В УПК РК мы не встречаем подобное основание, хотя глава, посвященная особенностям производства по делам лиц, имеющих определенные привилегии и иммунитеты, имеется (глава 57 УПК РК).

Представляет интерес позиция законодателя Республики Казахстан, включившего в перечень оснований для реабилитации пункт 3 части 2 статьи 37: «лица, уголовное дело в отношении которых должно было быть прекращено по основаниям, предусмотренным пунктами 3) и 4) части первой статьи 35 настоящего Кодекса, но не было прекращено с момента выявления

обстоятельств, исключающих уголовное преследование, и уголовное преследование незаконно продолжалось несмотря на согласие таких лиц на прекращение уголовного дела». В пунктах статьи 35, на которые содержится ссылка, речь идет о принятии акта амнистии и истечении срока давности уголовного преследования. Указанные основания в российской уголовно-процессуальной науке традиционно рассматриваются как нереабилитирующие. Конечно, в УПК РК реабилитация по ним возможна только в случае, если лицо выразило согласие на прекращение уголовного преследования, но в нарушение требований закона этого не было сделано и уголовно-процессуальная деятельность, направленная на привлечение данного лица к уголовной ответственности, продолжилась.

При этом оба уголовно-процессуальных кодекса предусматривают как полную, так и частичную реабилитацию. В соответствии с пунктом 4 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан «О практике применения законодательства по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями органов, ведущих уголовный процесс» под полной реабилитацией лица следует понимать вынесение в отношении него судом оправдательного приговора либо вынесение органом дознания, следствия, прокурором постановления о прекращении уголовного дела за отсутствием события преступления, за отсутствием состава преступления или за недоказанностью участия лица в совершении преступления.

Частичная реабилитация лица заключается в признании его невиновным по отдельным эпизодам обвинения, в переквалификации его действий на статью уголовного закона, предусматривающую ответственность за менее тяжкое преступление, в отмене незаконно примененных принудительных мер медицинского характера или принудительных мер воспитательного воздействия.

Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 г. № 17 (ред. от 28.06.2022) «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» также говорит о возможности частичной реабилитации: «Исходя из положений Конституции Российской Федерации о праве каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, и пункта 4 части 2 статьи 133 УПК РФ право на реабилитацию имеет не только лицо, уголовное преследование в отношении которого прекращено по основаниям, предусмотренным частью 2 статьи 133 УПК РФ, по делу в целом, но и лицо, уголовное преследование в отношении которого прекращено по указанным основаниям по части предъявленного ему самостоятельного обвинения (например, при прекращении уголовного дела за отсутствием состава преступления, предусмотренного статьей 105 УК РФ, при обвинении в убийстве и краже)».

В части 3 статьи 133 «Основания возникновения права на реабилитацию» УПК РФ говорится о возмещении вреда в порядке, предусмотренном главой 18, всем лицам, незаконно подвергнутым мерам процессуального принуждения в процессе производства по уголовному делу, то эти положения касаются не только обвиняемых и подозреваемых в совершении преступлений. На наш

взгляд, такой подход является неверным, т. к. реабилитация связана с восстановлением прав лиц, подвергшихся незаконному или необоснованному уголовному преследованию. Поэтому предлагаем, исключить данную норму из статьи 133 УПК РФ и закрепить ее в отдельной статье в главе 18 УПК РФ.

УПК РК в качестве оснований для реабилитации указывает только незаконное применение мер пресечения в отношении подозреваемых и обвиняемых. В частности пункты 4 и 5 части 1 статьи 37 УПК РК.

В тоже время ряд процессуалистов считает перечень оснований для реабилитации, закрепленный в действующем законодательстве, необоснованно расширенным. Они отмечают, что понятие реабилитации тесно связано с такими категориями, как справедливость и невиновность. Поэтому «государство должно являться должником исключительно к тем лицам, кто действительно, будучи невиновным и непричастным к совершению преступления, пострадал от незаконных и необоснованных действий органов дознаний, предварительного следствия и суда» [2; 89 стр.]. Таким образом, оптимальным, на наш взгляд, представляется тот перечень оснований для реабилитации, который был закреплен в советском законодательстве, т.к. каждое из оснований свидетельствует либо о невиновности лица, либо о его непричастности к совершенному деянию.

Далее хотелось бы обратиться к анализу процедуры восстановления прав и свобод. Многие авторы отмечают, что данная процедура должна быть удобна для самого реабилитированного [3; 324 стр.], так как представляет собой «моральную ответственность государства» [4; 121 стр.]. Законодательство обоих государств содержит идентичную схему: возмещению подлежит имущественный вред, причиненный реабилитированному незаконным ограничением прав и свобод. Он также может настаивать на компенсации морального вреда и восстановлении иных прав: трудовых, социальных, жилищных и т. д.

Имущественный вред включает в себя возмещение реальных имущественных потерь, список которых практически идентичен в процессуальном законодательстве Казахстана и России. Речь идет только о реальных имущественных потерях, возможность возмещения упущенной выгоды не предусмотрена. Данное обстоятельство можно расценить как серьезное упущение, т. к. многие граждане как в России, так и в Казахстане, занимаются предпринимательской деятельностью и не имеют доходов в виде заработной платы или пособий, размер которых возмещается с учетом коэффициента инфляции на момент выплаты. Тем самым, субъекты предпринимательской деятельности фактически лишаются возможности возместить недополученный доход в рамках уголовного судопроизводства.

Процедура возмещения имущественного вреда схожа: судья единолично рассматривает заявленное требование о компенсации и принимает соответствующее решение. При этом в ч.4 ст. 40 УПК РК сделана специальная оговорка относительно права судьи самостоятельно запросить документы и расчеты от финансовых органов и органов социальной защиты, которые необходимы для определения размера выплат. Данное правило способствует скорейшему и более точному определению суммы компенсации. Решение о возмещении должно быть принято в месячный срок.

Таким образом, можно сделать вывод, что процедура определения размера имущественного вреда не предполагает спора. Суд лишь констатирует факт, что определенная по нормативно закрепленным правилам сумма должна быть выплачена реабилитированному. В таких условиях отсутствие возможности возместить упущенную выгоду объяснимо. Но не может быть оправдано.

Рассматривая вопрос о моральном вреде, причиненном лицу, незаконно привлекавшемуся к уголовной ответственности, хотелось бы обратить внимание на название ст. 41 УПК РК - «Устранение последствий морального вреда». Оно представляется более удачным, чем формулировка «возмещение морального вреда», использованная российским законодателем в статье 136 УПК. В частности, как можно возместить вред, который нельзя оценить в денежном выражении? Гражданское законодательство России использует более точный термин «компенсация». Но при этом в ст. 1101 ГК РФ предусмотрен единственно возможный способ компенсации - в денежной форме.

Уголовно-процессуальный закон, как уже отмечалось, говорит о нескольких способах защиты личных неимущественных прав: наряду с денежной компенсацией также предусмотрены возможность принесения официальных извинений, сообщение в СМИ, по месту работы, учебы, жительства о незаконности уголовного преследования.

Восстановление жилищных, трудовых, пенсионных и иных прав реабилитированного не урегулировано в УПК РК, тогда как в России данный порядок формально прописан в ст. 138 УПК РФ (законодатель ограничился ссылкой на ст. 399 кодекса). На наш взгляд, правовая регламентация данного вопроса нуждается в дальнейшем уточнении, так как остаются без ответов как в рамках уголовно-процессуального, так и другого отраслевого законодательства вопросы о восстановлении в правах при ликвидации организации-работодателя, восстановлении в жилищных правах, если объект жилой недвижимости на законных основаниях передан по договору социального найма третьим лицам и многие другие. Законодательство обеих стран в этой части должно быть дополнено с учетом текущих экономических реалий.

В Республике Казахстан установлен пресекательный срок в 6 мес. (с возможностью его восстановления при пропуске по уважительной причине), в течение которого гражданин, подвергшийся незаконному уголовному преследованию, может обратиться за защитой своих прав в порядке уголовного судопроизводства. В России законодательно закреплен трехгодичный срок. По нашему мнению, подход российского законодателя представляется более правильным, т. к. государство должно создать максимально комфортные условия для возмещения вреда лицам, которые были незаконно привлечены к уголовной ответственности.

Если взять такой подход за основу при регулировании вопросов, связанных с реабилитацией, то можно предложить законодателям обеих стран рассмотреть возможность восстановления всех прав реабилитированного в рамках уголовного судопроизводства, избавив его от необходимости прибегать к процедурам гражданского судопроизводства, не имея для этого необходимых знаний и навыков, вынужденного обращаться за оказанием квалифицированной юридической помощи на возмездной основе.

Список использованных источников:

1. Рукавишников П. П. К понятию реабилитации в уголовном процессе России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 3(31). 2006. С. 231-235.
2. Тертычный Е. М. Институт реабилитации в уголовно-процессуальном праве России // Сибирский юридический вестник. № 2(45). 2009. С. 86-91.
3. Башинская И.Г. Актуальные проблемы возмещения вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием // Общество и право. № 5 (40). 2014. С. 322-324.
4. Орлова А.А. О правовых последствиях реабилитации в российском уголовном процессе и юридической природе ответственности государства // Вестник Московского университета МВД России №4. 2009. С. 110-112.

Артёменко Наталья Николаевна,
к.ю.н, доцент, доцент кафедры уголовно-
правовых дисциплин (Казанский филиал)
ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия»,
Российская Федерация

ОХРАНА КРИПТОВАЛЮТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

Криптовалюта, называемая иначе «виртуальной валютой», начиная с 2009 года стала частью мировой финансовой системы. Под криптовалютой понимается цифровая валюта, используемая для безопасности и анонимности проведения транзакций. В настоящее время существует достаточное количество видов криптовалюты – это Bitcoin, Litecoin, Ripple и Ethereum. Каждый из представленных видов криптовалюты использует свою собственную сеть, которая гарантирует надежность и безопасность, основанную на технологии блокчейна.

Практически 15 лет криптовалюта существует в мировой финансовой системе и используется как гарантированное средство для проведения безопасных онлайн-транзакций. Анализируя финансовые инструменты мирового уровня можно утверждать, что криптовалюта обладает рядом специфических признаков – невозможность подделки, отсутствие государственного контроля, сохранность в цифровом кошельке и высокая волатильность курса.

Перспективы совершенствования и внедрения оборота криптовалюты в массы достаточно велики, однако, как и любое иное новое направление, криптовалюта подвержена рискам, в том числе и со стороны преступности. В настоящее время уровень уголовно-правового противодействия посягательствам на криптовалюту, как цифровой финансовый актив, нуждается в совершенствовании.

В первую очередь следует отметить, что в настоящее время необходимо обеспечить уголовно-правовую охрану порядка, который установлен для

оборота цифровых финансовых активов, посредством статей Особенной части УК РФ. По нашему мнению, в структуру статей Особенной части необходимо включить специальную норму, предусматривающую уголовную ответственность за неправомерные деяния в отношении цифровых финансовых активов. Объективная сторона специальной нормы может характеризоваться исключительно действиями, связанными с незаконными – использованием, выпуском, учетом или обращением.

Общественные отношения, связанные с владением, пользованием и распоряжением цифровыми финансовыми активами, в настоящее время не рассматриваются в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны. Вместе с тем сложившаяся практика применения уголовного законодательства относит указанные общественные отношения к имущественным правам, рассматривая их в качестве основного непосредственного объекта, тем самым указывая на необходимость реализации фундаментального конституционного принципа, в соответствии с которым человек, его права и свободы (в том числе право на владение, пользование и распоряжение имуществом) являются высшей ценностью и охраняются законом [5; 240 стр.].

Качество функционирования уголовно-правовых механизмов зависит не только от совершенства уголовного закона, но и в большей степени от того как этот закон применяется. В настоящее время криптовалюта рассматривается как предмет преступных посягательств в составах преступлений против собственности.

На основании ст. 128 ГК РФ «к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага» [1]. Исходя из буквального текста ст. 128 ГК РФ цифровые права являются одним из видов иного имущества, следовательно, могут выступать предметом преступлений против собственности (хищений). Следовательно, по нашему мнению, необходимо дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [3], пунктом, четко закрепляющим это положение. Аналогичные предложения высказывались и ранее в научной литературе. Исключением выступает ст. 159.3 УК РФ, так как квалификация будет «необоснованной, неправомерной, поскольку при осуществлении расчетов через платежную систему в рамках действующего Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [2] надо помнить, что существуют расчетные процессы в рамках следующих способов: наличный расчет, безналичный расчет, зачет встречных требований, а также расчет с помощью нового института – электронного средства платежа» [4; 95 стр.].

В научном сообществе вопрос о том, что права собственности совершенно необязательно должны обладать материальным характером, вызывает

множество споров. Например, по мнению А. В. Шульги, имуществом являются вещи, обладающие не только материальной, но также и духовной ценностью для своего хозяина [6; 212 стр.].

Криптовалюте присущ такой юридический признак любого хищения, как принадлежность конкретному собственнику, несмотря на то, что электронный кошелек фактически обезличен, у него есть собственник.

Следовательно, криптовалюту необходимо признать предметом хищения. В настоящее время все чаще находят свое проявления деяния, связанные с незаконным завладением криптовалютой, совершаемые посредством противоправного ее изъятия, что несомненно требует реакции со стороны государства посредством применения уголовно-правовых средств.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая // Рос. газ. - 1994. - 8 дек.; // <http://www.pravo.gov.ru> 26.05.2019г.
2. Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // <http://www.pravo.gov.ru> 26.05.2019г.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // <http://www.pravo.gov.ru> 26.05.2019г.
4. Васильева Е.Г. Цифровая валюта: уголовно-правовой аспект // Вестник СурГУ. -2021. -№2 (32). - С. 91-99.
5. Петрянин А. В., Степанов М. В., Летёлкин Н. В. Совершенствование уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям, совершаемым с использованием «виртуальной валюты» (криптовалюты) // Вестник ВИ МВД России. -2020. -№2. -С. 237-242.
6. Шульга А. В. Объект и предмет преступлений против собственности в условиях рыночных отношений и информационного общества. - М.: Юрлитинформ, - 2007. - 376 с.

Амирова Диляра Кафилевна

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия (РГУП) (Казанский филиал), Российская Федерация

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Категория «собственность» представляет собой сложную и многогранную систему общественных отношений, неотъемлемым элементом которой является обеспечение ее правовой охраны. Согласно ч. 2 ст. 8 Конституции РФ в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. В связи с этим одной из задач уголовного законодательства, указанных в ч. 1 ст. 2 Уголовного

кодекса РФ (далее по тексту – УК РФ) является охрана собственности от преступных посягательств.

Согласно ст. 35 Конституции России право частной собственности охраняется законом; каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться, распоряжаться им единолично или совместно с другими лицами; никто не может быть лишён своего имущества иначе как по решению суда. Во исполнение положений Основного закона России Гражданский кодекс РФ содержит разд. II «Право собственности и другие вещные права», а Уголовный кодекс РФ – главу 21 «Преступления против собственности».

Однако, вопреки признанию института собственности важнейшим социальным благом, обязательным атрибутом правового и экономически развитого государства, в России отмечается нарушение имущественных прав граждан и организаций путем совершения административных, гражданских правонарушений, в том числе уголовных преступлений.

Статистика свидетельствует, что в Российской Федерации преступления против собственности на протяжении многих лет имеют наибольший удельный вес в структуре зарегистрированных преступлений. Так, по официальным данным МВД России за 11 месяцев 2023 года больше половины всех зарегистрированных преступлений (53,4%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 542,8 тыс. (-16,4%), мошенничества – 397,4 тыс. (+27,6%), грабежа – 20,8 тыс. (-23,9%), разбоя – 3,1 тыс. (-14,5%). Почти каждая седьмая кража (13,5%), каждый двадцать седьмой грабеж (3,7%) и каждое восьмое разбойное нападение (13,2%) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище [1].

Несмотря на то, что общее количество зарегистрированных преступлений против собственности снижается с 2020 года, отмечается рост отдельных видов преступлений против собственности. Так, на фоне снижения таких преступлений, как грабежи, разбойные нападения, присвоения или растрата, увеличилось количество вымогательств, мошенничеств и его отдельных видов и т.д. К примеру, в период за 12 месяцев 2018 по 2022 годы, увеличилось число зарегистрированных мошенничеств, ответственность за которые предусмотрены статьями 159-159^б УК РФ, соответственно с 215036 в 2018 году до 343085 в 2022 году.

Стремительно развивающиеся технологии оказали значительное влияние на общественные отношения, складывающиеся в современном обществе. Появились новые объекты гражданских прав, сама собственность стала рассматриваться как объект вещных прав. В связи с этим возникла проблема признания в качестве предмета преступления неимущественных, неовеществлённых благ – цифровых активов, цифровой валюты (безналичных денежных средств), бездокументарных ценных бумаг, цифровых прав и т.д. Увеличилось количество преступлений, совершенных с использованием цифровых технологий. Значительная их часть совершается против собственности. Так, анализ статистики МВД России показал, что за 11 месяцев 23 года было зарегистрировано 614,8 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Почти три четверти таких преступлений (71,1%) были совершены путем кражи или мошенничества: 371,2 тыс. [2].

Подобная трансформация уголовно-правовых отношений ставит вопрос о понятии, сущности и признаках предмета преступлений против собственности, а также целесообразности существования некоторых составов преступлений, предусматривающих ответственность в рассматриваемой сфере в тексте УК РФ. Имеющиеся уголовно-правовые нормы преимущественно направлены на охрану вещей, а не имущественных прав и неовеществлённых благ. Это неизбежно привело к противоречиям, которые возникли в уголовно-правовой литературе, от попыток трансформировать имеющиеся категории и применить их к современным уголовно-правовым отношениям в области охраны прав собственности, до полного отрицания и аргументирования необходимости формулирования новых законодательных понятий и категорий. Так, например, некоторые авторы утверждают, что нормы главы 21 УК РФ вполне способны обеспечить охрану собственности [3; 6 стр.]. В то же время в научной литературе есть и противники данной точки зрения [4; 99 стр., 5; 26 стр., 6; 54-55 стр.].

Такая ситуация в науке и практике уголовного права, по-нашему мнению, имеет несколько причин.

Во-первых, само понятие «собственность» не имеет единого содержания и используется в различных значениях. Собственность отождествляют с понятием «имущество», сводят к категории «вещь», а в некоторых случаях к определенному праву или отношениям.

Во-вторых, глава 21 УК РФ выходит за рамки уголовно-правовой охраны права собственности, поскольку охраняются не только вещи, но и имущественные права, интересы, в том числе и право на имущество.

В-третьих, само определение понятия «хищение», сформулированное в примечании к ст. 158 УК РФ, не соответствует современному уголовному праву, поскольку не учитывает в качестве предмета неовеществлённые блага.

В-четвертых, существующая в уголовно-правовой доктрине система преступлений против собственности не отвечает комплексному характеру существующей модели охраны собственности. Классификация и систематизация преступлений против собственности должны осуществляться на основе современного подхода понимания учения о хищении, в особенности его предмета. Полагаем, что предметом хищения может выступать имущество и право на имущество. При этом, следует учитывать разъяснение Конституционного Суда РФ, в соответствии с которым термином «имущество» охватывается любое имущество, связанное с реализацией права частной и иных форм собственности, в том числе имущественные права, включая полученные от собственника права владения, пользования и распоряжения имуществом [7]. Таким образом, по смыслу статьи 128 ГК РФ под имуществом понимаются:

1. вещи, включая деньги и ценные бумаги;
2. имущественные права – вещные, обязательственные, исключительные и корпоративные права, а также безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги и цифровые права.

Полагаем, что с учетом такого подхода в законодательное наименование главы 21 УК РФ следует добавить словосочетание «имущественные права» и в окончательной редакции изложить её название «Преступления против собственности и имущественных прав».

Законодатель, охраняя право собственности посредством норм Уголовного кодекса Российской Федерации, условно подразделяет посягательства на право собственности на несколько групп. В основе систематизации используется корыстный подход. Так, преступления подразделяются на:

1. Корыстные преступления против собственности, которые включают в себя: а) корыстные преступления, совершаемые путем хищения (ст. 158-162 УК РФ); б) иные корыстные преступления (ст. 163, 165, 166 УК РФ). К некорыстным преступлениям против собственности относятся: уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенное умышленно (ст. 167 УК РФ) и по неосторожности (ст. 168 УК РФ). Учитывая современный подход к содержанию предмета хищения, полагаем, что в отдельную группу следует выделить преступления, посягающие на имущественные права.

Одной из указанных проблем, связанных с реализацией защиты права собственности уголовно-правовыми средствами, как говорилось ранее, является проблема целесообразности существования некоторых норм в главе 21 УК РФ. Речь идет о статьях 159³ 159⁶ УК РФ.

В связи с введением Федеральным законом от 23.04.2018 N 111-ФЗ пункта «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, предусматривающим ответственность за кражу с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159³ УК РФ) на практике возникли трудности с отграничением данного состава преступления от состава ст. 159³ УК РФ, который был введен в текст уголовного закона Федеральным законом от 29.11.2012 N 207-ФЗ и под признаки которой подпадали хищения, совершенные с использованием электронных средств платежа и иных безналичных денежных средств. По сути ч. 1 ст. 159 УК РФ, способами совершения мошенничества являются обман или злоупотребление доверием. Случаи, когда преступник использовал чужую банковскую карту (похищенную или найденную) с целью расплатиться ею на кассе магазина, деяния квалифицировались как мошеннические действия, совершенные в адрес работника торговой организации. В науке критиковалась такая позиция правоприменителя. Так, как справедливо отмечал Яни П.С.: «При предъявлении банковской карты сотруднику торговой организации без документа, удостоверяющего личность, владелец карты не обманывает сотрудника и не вводит его в заблуждение, хотя и умалчивает о своей личности» [8; 34 стр.].

Пленум Верховного суда РФ предпринял попытку разрешить сложившуюся коллизионную проблему и в п. 17 Постановления от 29.06.2021 N 22. разъяснил, что в случаях, когда лицо похитило безналичные денежные средства, воспользовавшись необходимой для получения доступа к ним конфиденциальной информацией держателя платежной карты (например, персональными данными владельца, данными платежной карты, контрольной информацией, паролями), переданной злоумышленнику самим держателем платежной карты под воздействием обмана или злоупотребления доверием, действия виновного квалифицируются как кража [9]. В то же время на практике суды продолжали квалифицировать подобные действия, как мошеннические. Примером может служить Приговор мирового судьи судебного участка № XXX города N. по обвинению гражданина Н. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст.

159 УК РФ. Судом было установлено, что Н. совершил мошенничество, то есть хищение чужого имущества путем обмана, с использованием электронных средств платежа при следующих обстоятельствах. Н., имея умысел на совершение мошенничества, то есть хищения чужого имущества путем обмана, с использованием электронных средств платежа, 25 сентября 2020 года путем свободного доступа похитил банковскую карту у гражданина Ф.И.О. с возможностью оплаты «Pass-Pay» до 1000 рублей, без введения пароля. Далее, путём обмана работников торговых организаций, умышленно из корыстных побуждений, с целью личного обогащения, осуществлял оплату приобретенного им товара в торговых залах магазинов, совершив покупки на общую сумму 5 103 рубля 00 копеек. Суд признал Н. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.159³ УК РФ и назначил ему наказание в виде штрафа в размере 8 000 (восемь тысяч) рублей в доход государства [10].

По-нашему мнению, учитывая характер мошенничества, когда обман и злоупотребление доверием должны применяться непосредственно к потерпевшему, по ст. 159³ УК РФ следует квалифицировать случаи, когда преступник обманывает относительно сделки, которая совершается с использованием электронных средств платежа, вводит в заблуждение, передавая заведомо ложную информацию, например, о попытке взлома банковского счета иными лицами и срочной необходимости сообщения пароля мнимому сотруднику службы безопасности банка и другие случаи. Как правило такое мошенничество сопровождается контактом, который осуществляется по телефону, в социальных сетях, или лично. Важно то, что потерпевший сам переводит денежные средства в результате убеждения, обмана или злоупотребления доверием виновным лицом.

Многие авторы, учитывая сложившуюся ситуацию, предлагают ввести отдельную норму, устанавливающую ответственность за хищения, с использованием информационных технологий [11; 34 стр.]. С подобной позицией трудно согласиться, поскольку, во-первых, проблемы с реализацией существующих норм наш взгляд, имеются потому, что нет единого толкования относительно разграничения этих составов. На наш взгляд, с этим вполне справился бы Пленум ВС РФ подробно растолковав в своем Постановлении особенности квалификации. Во-вторых, учитывая политику законодателя, направленную на экономию уголовно-правовых норм, введение дополнительного состава, вряд ли поможет решить проблему с правильным пониманием сущности тех или иных деяний, совершенных с использованием информационных технологий. Это позволит многие деяния квалифицировать по одной универсальной норме, но ясности о том, какие случаи являются мошенничеством, а какие кражей, новая норма не внесет.

Статья 159⁶ УК РФ, по – сути, конкретизировала способы совершения мошенничества, путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Поэтому, на практике имеет значение установление способа совершения данного вида преступления, которым оно и отличается от ст. 159 УК РФ.

Учитывая сказанное, целесообразным видится исключение нормы ст. 159³ и 159⁶ УК РФ из текста уголовного закона, путем введения соответствующих квалифицирующих признаков в основной состав мошенничества. Учитывая особо-опасный общественный характер данных преступлений и их последствия, предлагаем закрепить квалифицирующие признаки в части 3 ст. 159 УК РФ.

Таким образом, конституционность уголовно-правовых норм и уголовно-правовая охрана права собственности, предусматривающих ответственность за преступления против собственности, заключается: а) в соблюдении равноправия форм собственности в уголовном праве; б) в дифференциации уголовной ответственности при наличии оснований в качестве дополнительных охраняемых Конституцией ценностей; в) в строгом следовании при квалификации уголовно-правовым принципам.

Список использованных источников:

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 года. Отчет о состоянии преступности за 12 месяцев 2022 года [Электронный ресурс] // МВД РФ. Официальный сайт. – Режим обращения: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/45293174> (дата обращения 01.12.2023).
2. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 года. Отчет о состоянии преступности за 11 месяцев 2023 года [Электронный ресурс] // МВД РФ. Официальный сайт. – Режим обращения: file:///C:/Users/%D0%9A%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D1%8F/Downloads/Sbornik_23_11_dlya_UOS.pdf (дата обращения 16.12.2023).
3. Мальцев В.В. Преступления против собственности: дифференциация ответственности и устранение пробелов в законодательстве // Российская юстиция. - 2008. - № 10.
4. Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 295 с.
5. Векленко В.В. Квалификация хищений. – Омск: Изд-во Омской академии МВД России, 2001. 256 с.
6. Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. -М.: Статут, 2005. 568 с.
7. п. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 06.06.2000 N 9-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца третьего пункта 2 статьи 77 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Тверская прядильная фабрика» // СПС «Консультант плюс». Электронный ресурс. – Режим обращения: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27485/ (дата обращения 01.11.2023).
8. Яни П.С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Законность. 2019. N 4. С. 30-35.
9. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 (ред. от 15.12.2022) // Справочная правовая система «Консультант плюс». Электронный ресурс. Режим обращения – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения 01.12.2023).

10. Московский городской суд. Официальный сайт Электронный ресурс. Режим обращения – URL: <https://mos-sud.ru/103/cases/docs/content/7dc4b03f-a998-40dc-aba0-c30c234c2a7f> (дата обращения 01.11.2023).

11. Иванова Л.В. Хищение с использованием информационных технологий: проблемы квалификации // Юридическая наука и правоохранительная практика 1(51) 2020.

Бохан Андрей Петрович,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права (Ростовский филиал) ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Ростов-на-Дону),
Российская Федерация

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ЖИЗНЬ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Актуальность избранной темы работы подтверждается тем, что указанное в ст. 20 Конституции Российской Федерации право каждого человека на жизнь для значительного количества наших сограждан не содержит тех обоснованных гарантий, которые позволяли бы чувствовать себя спокойно и защищено от любых посягательств на собственную жизнь, жизни родных и близких. Известно, что уголовное преследование лиц, виновных в убийстве только косвенно позволяет реализовать указанные конституционные гарантии, так как применение норм уголовного законодательства к виновному за убийство для потерпевшего, лишённого жизни, безразлично, так как на момент вынесения обвинительного приговора суда, потерпевший уже лишён жизни. В данном случае речь идет не столько о защите права на жизнь конкретного потерпевшего, а о нарушенном праве на жизнь человека вообще. Поэтому розыск и задержание виновного, тщательное расследование убийства и привлечение убийцы к уголовной ответственности и наказанию позволяет эффективно реализовать гражданами нашей страны их конституционное право на жизнь.

Сегодня убийство представляет наибольшую общественную опасность для общества. Его опасность определена не только повышенной озабоченностью в отношении такого рода преступления со стороны общества, но и насилием, жестокостью, беспощадностью при помощи которых зачастую совершается это преступление.

Общественная опасность убийства подтверждается и тем, что именно с этого состава преступления начинается Особенная часть УК РФ, что свидетельствует о наивысшем характере общественной опасности этого преступления. Несмотря на существенное сокращение числа совершенных убийств в последние годы, статистические показатели этого преступления по-прежнему вызывают тревогу в российском обществе. В первую очередь – это убийства на бытовой почве, в ссоре, из личных неприязненных отношений. К тому же убийства имеют место во всех сферах жизни от интимных отношений до сфер межгосударственных конфликтов.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2022 года зарегистрировано 7948 убийств и покушений на убийство, при этом наблюдается отрицательная динамика (-7,3%), что дает надежду и на дальнейшее снижение удельного веса данного преступления в общей структуре преступности [1].

Убийство практически во всех странах признается законодательством наиболее тяжким преступлением. Убийство является постоянным спутником человечества, таинственным и грозным, внушающим страх и даже ужас. Масштабы этого явления в истории человечества невероятно велики: от убийства в результате бытового конфликта до массового уничтожения мирного населения во время войны и геноцида. Нет ни одной категории населения, представители которой были бы ограждены от вероятности насильственного лишения жизни. Особенно актуальна проблема убийства для нашей страны, в связи с возросшим уровнем агрессивности и жестокости в обществе.

Характер и степень общественной опасности убийства зависит от тех признаков, которые присущи только данному преступлению. Именно данные признаки характеризуют общественно-опасные последствия убийства как исключительные, а также позволяют оценить лиц, совершивших указанные преступления, как обладающие высшей общественной опасностью для всего общества.

Преступление против жизни причиняет огромный вред обществу. Закон защищает право каждого человека на жизнь независимо от его роли в обществе и пользы, которую он приносит обществу. Жизнь пожилого человека и новорожденного, знаменитого композитора, научного деятеля и рабочего, служащего одинаково охраняется законом. Убийство отличается еще и тем от других преступлений, что сопряжено с причинением значительного морального, а зачастую и материального вреда большому количеству людей.

Всем известно, какими негативными последствиями сопровождается смерть конкретного человека. Она несет несчастье, горе и страдания родным и близким убитого. Особенно остро они переживают, так как осознают, что их родной или близкий человек подвергнут насильственной смерти.

Утрата, по вине преступника, матери или отца, сына или дочери, мужа или жены, любимого или близкого друга, родственника могут стать страшным ударом, психологической травмой, если не навсегда, то на многие годы оставляющим кровоточащий след в памяти и в душе конкретного человека и многих людей. В то же время, нередко лишенным жизни является лицо, являющееся кормильцем для остальных членов семьи. Его убийство ставит его семью в сложное материальное положение.

Общественно-опасные последствия убийства не могут быть возмещены, так как лишение человека жизни не имеет равного эквивалента для возмещения, а поэтому причиненный вред не может, ни при каких обстоятельствах, быть заглажен. Причиненный общественно опасный вред в виде смерти потерпевшего никогда, ничем не может быть компенсирован никаким заменителем. Предоставить представителям, родственникам, близким убитого какое либо эквивалентное возмещение невозможно, не говоря уже о самом убитом.

Главной отличительной чертой убийства, является то обстоятельство, что в связи с совершением данного преступления потерпевший лишается самого

ценного блага - жизни, которая дается ему только один раз, а это и требует усиленной уголовно-правовой охраны права человека на жизнь.

Уже в глубокой древности одним из наиболее опасных преступлений считалось убийство. Среди преступлений против личности оно занимало первое место и это не случайно, что жизнь человека является наивысшей ценностью и, лишив человека жизни, виновный наносит вред не только этому человеку, но и окружающим. По этой причине одним из самых древних законов был закон, карающий за убийство. Сложность состава убийства вызывает необходимость в тщательном изучении вопроса о том, что следует понимать под этим преступлением в уголовном законодательстве. По поводу определения понятия убийства существует много различных точек зрения. Необходимо более подробно остановиться на них.

Рассмотрим классические точки зрения, сложившиеся в науке уголовного права относительно понятия убийства и его уголовно-правовой характеристики.

М.К. Анианц считает, что в основу определения понятия убийства необходимо положить законодательное определение, которое будет являться основанием для привлечения лица к уголовной ответственности, а также характеристику конкретных составов преступления против жизни, содержащаяся в уголовных кодексах союзных республик. Кроме того, при определении понятия убийства следует учитывать также сложившееся в сознании людей представление об этом преступлении [2; 24 стр.].

Исходя из выше изложенного, М.К. Анианц дает следующее определение понятия убийства. Убийство, есть противоправное умышленное или неосторожное лишение человека жизни.

М.Д. Шаргородский при определении убийства указывал на два момента: неправомерность лишения жизни и умышленный характер. По его мнению, убийство – это умышленное лишение жизни другого человека. Неосторожное лишение жизни к убийству не относил [3; 476 стр.].

Другие авторы придерживаются иной точки зрения и выступают против суждения понятия убийства. Так Н.И. Загородников указывает на то обстоятельство, что насильственное причинение смерти возможно как злонамеренно, так неосторожно и даже случайно. Признания неосторожного причинения смерти не убийством на его взгляд сузило бы общественную опасность данного преступления и ослабило бы борьбу с ним. Убийство он определяет как противоправное, умышленное или неосторожное лишение жизни другого человека, когда причинение смерти является основанием уголовной ответственности [4; 26-29 стр.].

Против суждения понятия убийства выступает и С.В. Бородин раскрывая убийство как предусмотренное Особенной частью уголовного кодекса виновное деяние, посягающее на жизнь другого человека [5; 19 стр.].

Таким образом, по поводу определения понятия убийства существует много точек зрения и все они неоднозначны, так как это понятие само по себе достаточно ясно. Однако различные понятия убийства, которые были рассмотрены выше в житейском смысле не могут раскрыть юридической характеристики преступления. Тем более что на обыденном уровне зачастую под убийством понимается не только преступное лишение жизни, но и причинение

побоев, ушибов и т.д. Все это послужило поводом впервые в истории российского уголовного законодательства дать определение понятия убийства в уголовном законодательстве РФ.

В действующем Уголовном кодексе РФ дается, хотя и не в исчерпывающем виде понятие убийства. Убийством признается только умышленное причинение смерти другому человеку. В отличие от Уголовного кодекса РСФСР Уголовный кодекс РФ не знает термина «неосторожное убийство», ибо в общественном сознании убийство ассоциируется лишь с умышленным причинением смерти. Неосторожное причинение смерти не считается убийством и образует по Уголовному кодексу РФ самостоятельный состав преступления.

Следовательно, под убийством следует понимать умышленное лишение жизни другого человека, чем проводится отличие убийства от самоубийства и неосторожного причинения смерти. Умышленное убийство имеет место в случае, когда виновный осознает общественно опасный характер своего деяния, предвидит, что своими действиями лишает жизни потерпевшего, и желает (прямой умысел) или сознательно допускает наступление этого последствия, либо относится к нему безразлично (косвенный умысел).

Для полного определения понятия убийства необходимо выделить еще один признак – противоправность. Этот признак необходим для того, чтобы отграничить убийство от правомерного лишения жизни, как это бывает при необходимой обороне, исполнении приказа и т.п. В этих случаях отсутствует необходимый элемент состава преступления – противоправность. При совершении убийства субъект посягает на жизнь человека, причиняя ему смерть. Судебная медицина различает две категории смерти: насильственная и ненасильственная. Насильственная смерть наступает в результате воздействия на человека различных факторов внешней среды: механических, термических, химических, электрических и т.д. Ненасильственная смерть наступает вследствие естественной смерти человека. К ряду ненасильственной смерти относят также несчастный случай, когда смерть наступает при непредвиденных обстоятельствах.

Одним из признаков убийства будет преимущественно насильственный характер лишения человека жизни, то есть когда смерть наступает не в результате естественных процессов, протекающих в организме, а вследствие воздействия на человека внешних факторов – преступных действий виновного. Ненасильственное убийство может быть представлено бездействием, в случае, когда лицо не выполняет возложенные на него обязанности по защите жизни.

Убийство человека в отдельных, установленных законом случаях составляет необходимый признак объективной стороны другого преступления, то есть в данном случае убийство рассматривается не только как посягательство на жизнь другого человека, но и на некую систему ценностей, куда входит и право на жизнь, например, террористический акт (ст. 205 УК РФ). Поэтому, мы поддерживаем точку зрения А.Н. Красикова, который выделяет еще один признак убийства – право человека на жизнь, то есть под убийством следует понимать не только умышленное, противоправное лишение жизни другого человека, но и когда право человека на жизнь является непосредственным объектом преступления [6; 6 стр.]. Общественная опасность убийства определяется целым рядом присущих только этому преступлению признаков,

содержание которых свидетельствует об исключительной опасности наступивших последствий, а также лиц, совершивших такое преступление.

Таким образом, можно сформулировать более полное и более широкое понятие убийства. Под убийством следует понимать предусмотренное Особенной частью УК РФ умышленное, противоправное, насильственное или ненасильственное лишение жизни другого человека, когда право человека на жизнь является непосредственным объектом преступления.

При совершении убийства виновный непосредственно посягает на жизнь человека. Вследствие этого возникает необходимость выяснения таких специальных вопросов, связанных с характеристикой потерпевшего, как понятие жизни, ее начала и конца, жизнеспособности и т.п.

Вопрос о содержании понятия жизни человека, как и жизни вообще, является одним из самых трудных и сложных вопросов философии и естественных наук. Жизнь, по мнению Ф. Энгельса - это способ существования белковых тел, и этот способ существования заключается по своему существу в постоянном обновлении их химических составных частей путем питания и выделения [7; 84 стр.]. Приведенное определение полностью относится и к жизни человека. Однако жизнь человека, кроме этих признаков, определяется целым рядом свойств, присущих только конкретному человеку. Жизнь человека определяется не только биологическими функциями, но и реальной обстановкой, осознанием себя в этой обстановке, умением общаться и т.д.

В советский период в теории уголовного права под началом жизни признавалось появление человека на свет во время физиологических родов. Эту точку зрения поддерживали Ш.С. Рашковская и А.А. Пионтковский, которые считали, что умерщвление плода в утробе матери не следует считать убийством, однако с момента начала родов действия, которые направлены на то, чтобы уничтожить плод, который появился из утробы матери, следует считать убийством. Несколько, иной, взгляд, по, этому, вопросу содержится в высказывании М.Д. Шаргородского, согласно которому началом жизни человека является начало дыхания или момент отделения пуповины [8; 9 стр.].

Статья 53 ФЗ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предусматривает: «Моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов». Приказом Минздравсоцразвития РФ от 27 декабря 2011 г. № 1687 утверждены медицинские критерии рождения, к которым относится:

- 1) срок беременности 22 недели и более;
- 2) масса тела ребенка при рождении 500 грамм и более (или менее 500 грамм при многоплодных родах);
- 3) длина тела ребенка при рождении 25 см и более (в случае, если масса тела ребенка при рождении неизвестна).

Связь возникновения жизни с рождением имеет значительное количество сторонников в российском уголовном праве. М.Д. Шаргородский писал: «Если преступление направлено против еще не родившегося плода, деяние рассматривается не как убийство, а как аборт» [9; 157 стр.].

Таким образом, под убийством следует понимать не только лишение жизни новорожденного после отделения плода от утробы матери и начала

самостоятельной жизни ребенка, но и убийство, совершенное во время родов, когда рождающийся ребенок не начал еще самостоятельной вне утробной жизни.

Подводя итог, отметим, что охране подлежат в одинаковой степени жизнь любого человека, независимо от его расовой или национальной принадлежности, гражданства, возраста, рода занятий, состояния здоровья, социального положения и т.п. При этом жизнь всякого человека, независимо от его жизнеспособности, может быть объектом убийства. Убийством может быть как лишение жизни человека, находящегося в расцвете своих физических и умственных сил, так и лишение жизни тяжелобольного; как жизнь новорожденного, так и жизнь глубокого старика. Закон охраняет жизнь любого человека вне зависимости от любых обстоятельств.

Список использованных источников:

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 года. Режим обращения. URL [https:// crimestat.ru](https://crimestat.ru). <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения 05.12.2023)
2. Анианц М.К. Ответственность за преступления против жизни по законодательству союзных республик. М., 1964.
3. Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 3. Л., 1973. С. 476.
4. Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. Автореферат дисс... д.ю.н. М., 1961.
5. Бородин С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М., 2011.
6. Красиков А.Н. Уголовно – правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов. 1996.
7. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2 издание. Том 20.
8. Рашковская Ш.С. Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. М., 1959.
9. Шаргородский М.Д. Избранные работы по уголовному праву. СПб., 2003.

Анисимов Артур Анатольевич,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (Центральный филиал),
Российская Федерация

ГАРАНТИИ ОТПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, УСТАНОВЛЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫМИ АКТАМИ

Несовершеннолетние обладают рядом возрастных, социальных и психологических особенностей, которые должны быть учтены в ходе расследования и рассмотрения уголовного дела, при вынесении обвинительного приговора, назначении меры наказания и в других случаях. Эти особенности также влияют на субъектов ювенальных правоотношений, которые должны

обладать специальными знаниями и умениями для объективного расследования и при принятии решений по конкретному уголовному делу. Постепенно в обществе сложилось понимание этих особенностей личности несовершеннолетних правонарушителей, необходимости специальных мер наказания, дополнительных гарантий для самих нарушителей закона, и создания особых учреждений для несовершеннолетних, признанных виновными в нарушении уголовно-правовых норм.

Впервые основы уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних были реализованы в законодательстве Австралии; первый универсальный международно-правовой акт о защите несовершеннолетних – первая Декларация о защите прав детей – был принят Лигой Наций в 1924 г.; первый суд для несовершеннолетних был создан в 1890 г. в Австралии, затем – в 1894 г. в Канаде [1].

Но наибольшее развитие ювенальная юстиция получила в США. Так, еще в 1824 г. в Нью-Йорке был создан первый реформаторий для детей с целью оградить их от совместного содержания в тюрьмах со взрослыми преступниками. В 1831 г. закон штата Иллинойс предусмотрел, что наказание несовершеннолетних за некоторые виды преступлений должно отличаться от наказания взрослых. В 1869 г. в Бостоне (штат Массачусетс) впервые были организованы заседания суда специально для рассмотрения дел несовершеннолетних, а также осуществлен первый опыт применения к ним режима probation (воспитательного надзора), ставшей впоследствии одним из самых распространенных и, по мнению американцев, самых действенных методов обращения с несовершеннолетними правонарушителями [2]. Федеральное законодательство США уже содержало предписание о рассмотрении дел несовершеннолетних в возрасте до 16 лет отдельно от дел взрослых преступников. И, наконец, постоянно действующий суд для несовершеннолетних, совершивших различные преступления и правонарушения, был создан 2 июля 1899 г. в г. Чикаго, штат Иллинойс [3].

С этого момента можно говорить о разработке специальных правил отправления правосудия по данным категориям дел, что реализовалось в каждой стране по-разному; основные отличия проявляются в различной судебной подсудности по делам несовершеннолетних, организации деятельности и составе суда, гарантиях прав для несовершеннолетних.

С развитием тесных связей в мировом сообществе, унификации основополагающих принципов и понятий, возникла необходимость в установлении единых правил обращения с несовершеннолетними, координации действий различных государств в сфере охраны прав и свобод несовершеннолетних правонарушителей, что проявилось в принятии ряда международных документов.

Действующую систему международных актов по охране прав и законных интересов несовершеннолетних при отпадении правосудия составляют различные нормативно-правовые документы, среди которых можно выделить:

- Декларацию прав ребенка 1959 г.;
- Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отпадения правосудия в отношении несовершеннолетних 1985 г. (Пекинские правила);

– Декларацию о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновление на национальном и международном уровнях 1986 г.;

– Конвенцию о правах ребенка 1989 г.;

– Всемирную декларацию об обеспечении выживания, защиты и развития детей 1990 г.;

– Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы 1990 г.;

– Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних 1990 г. (Руководящие принципы, принятые в Эр-Рияде);

– Конвенцию о контактах, связанных с детьми 2003 г., и др.

Также правовой статус несовершеннолетних частично регламентируется и другими международными актами, среди которых можно отметить:

– Всеобщую декларацию прав человека 1948 г.;

– Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г.;

– Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1975 г.;

– Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением 1990 г. (Токийские правила);

– Венскую декларацию о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века 2000 г., и др. [4].

Данные международные акты устанавливают правовой статус человека, а также в той или иной мере регламентируют права несовершеннолетних при отправлении правосудия.

Так, 8-й принцип Декларации прав ребенка 1959 г. говорит о том, что несовершеннолетний должен при всех обстоятельствах быть среди тех, кто первым получает защиту и помощь; а 5-й принцип при этом еще и говорит о том, что ребенку, который является неполноценным в физическом, психическом или социальном отношении, должен обеспечиваться специальный режим, образование и забота, необходимые ввиду его такого особого состояния [5; 32 стр.].

В п. 6 заключительных замечаний Комитета ООН по правам ребенка от 8 октября 1999 г. сказано: «Комитет рекомендует государству-участнику предпринять все необходимые меры, для того чтобы ускорить процесс реформирования законодательства, особенно в деле отправления правосудия по делам несовершеннолетних и ювенального уголовного правосудия, защиты прав детей-инвалидов, защиты детей от алкоголизма, наркомании и токсикомании, защиты детей от порнографии, защиты детей от всех видов насилия и злоупотребления, включая насилие в семье, и введения стандартов и механизмов контроля в отношении детских учреждений всех типов» [5; 33 стр.].

Однако ряд международных документов посвящен именно несовершеннолетним, подозреваемым и обвиняемым в совершении преступления. Поэтому следует отразить цели, задачи и принципы этих международных документов, основными из которых являются Конвенция о правах ребенка и Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила).

Конвенция о правах ребенка, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., закрепляет, что государства-участники, присоединившиеся к ней:

– признают право каждого ребенка, который, как считается, нарушил уголовное законодательство, обвиняется или признается виновным в его нарушении, на такое обращение, которое способствует развитию у ребенка чувства достоинства и значимости, укрепляет в нем уважение к правам человека и основным свободам других и при котором учитывается возраст ребенка и желательность содействия его реинтеграции и выполнению им полезной роли в обществе;

– стремятся содействовать установлению законов, процедур, органов и учреждений, имеющих непосредственное отношение к детям, которые, как считается, нарушили уголовное законодательство, обвиняются или признаются виновными в его нарушении (ст. 40) [5; 178 стр.].

При этом данный документ требует установления в национальном законодательстве каждой страны следующих гарантий для несовершеннолетних:

– должна быть установлена презумпция невиновности, пока вина не будет доказана согласно закону;

– необходимо незамедлительное и непосредственное информирование несовершеннолетнего об обвинениях против него и, в случае необходимости, через его родителей или законных опекунов и получение правовой и другой необходимой помощи при подготовке и осуществлении своей защиты;

– должно быть безотлагательное принятие решения по рассматриваемому вопросу компетентным, независимым и беспристрастным органом или судебным органом в ходе справедливого слушания в соответствии с законом в присутствии адвоката или другого соответствующего лица, с учетом возраста несовершеннолетнего или положения его родителей или законных опекунов;

– должна быть гарантирована свобода от принуждения к даче свидетельских показаний или признанию вины;

– если считается, что несовершеннолетний нарушил уголовное законодательство, повторное рассмотрение его дела должно быть проведено вышестоящим компетентным, независимым и беспристрастным органом или судебным органом;

– предусматривается бесплатная помощь переводчика, если несовершеннолетний не понимает используемого языка или не говорит на нем;

– должно быть полное уважение личной жизни несовершеннолетнего на всех стадиях разбирательства [7].

Основные цели данного документа состоят в том, чтобы все государства стремились к созданию условий, позволяющих обеспечить содержательную жизнь подростка в обществе, которая в тот период, когда он наиболее склонен к противоправному поведению, что должно будет благоприятствовать процессу развития личности и получения образования, в максимальной степени свободному от возможности совершения преступлений и правонарушений.

Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, принятые Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г. (Пекинские правила), также отмечают, что: «Правосудие в отношении несовершеннолетних должно являться составной частью процесса национального развития каждой страны в рамках

всестороннего обеспечения социальной справедливости для всех несовершеннолетних, одновременно содействуя, таким образом, защите молодежи и поддержанию мирного порядка в обществе» (п. 1.4). То есть, в рамках каждой национальной юрисдикции должны предприниматься усилия для принятия комплекса законов, правил и положений, относящихся непосредственно к несовершеннолетним правонарушителям, учреждениям и органам, в функции которых входит отправление правосудия в отношении несовершеннолетних (п. 2.3) [3].

Кроме того, рекомендовано применять особые правила не только к несовершеннолетним, но и к более старшим по возрасту правонарушителям, на которых не распространяется понятие «несовершеннолетний» (п. 3.3).

Система правосудия в отношении несовершеннолетних направлена, в первую очередь, на обеспечение благополучия несовершеннолетнего и обеспечение того, чтобы любые меры воздействия на несовершеннолетних правонарушителей были всегда соизмеримы как с особенностями личности правонарушителя, так и с обстоятельствами правонарушения. В данном правиле (п. 5) отражены две важнейшие цели отправления правосудия в отношении несовершеннолетних.

Первой целью является содействие благополучию несовершеннолетнего. Это – главная цель тех правовых систем, в которых делами несовершеннолетних правонарушителей занимаются суды по семейным делам или административные власти, но в то же время благополучию несовершеннолетнего должно уделяться особое внимание и в тех правовых системах, которые придерживаются модели уголовного преследования, что поможет избежать только чисто карательных санкций.

Второй целью является соблюдение «принципа соразмерности». Этот принцип широко известен как средство ограничения использования карательных санкций, выражающихся в основном в использовании принципа воздаяния по заслугам в соответствии с тяжестью правонарушения. Реакция на действия молодых правонарушителей должна основываться на учете не только тяжести правонарушения, но и особенностей личности. Индивидуальные особенности правонарушителя (например, социальный статус, положение в семье, ущерб, нанесенный правонарушителем, и прочие факторы, связанные с личностью правонарушителя) должны оказывать влияние на соразмерность ответных действий (например, принятие во внимание желания правонарушителя компенсировать ущерб, нанесенный потерпевшим, или его желание вести полноценную и полезную для общества жизнь) [6].

Особое внимание в данном документе уделено и правам несовершеннолетних. В п. 7 указано, что основные процессуальные гарантии (такие, как презумпция невиновности; право быть поставленным в известность о предъявленном обвинении; право на отказ давать показания; право иметь адвоката; право на присутствие родителей или опекуна; право на апелляцию в вышестоящую инстанцию) должны быть гарантированы на всех этапах судебного разбирательства.

При этом акцентируется право несовершеннолетнего на конфиденциальность, чтобы избежать причинения ему вреда из-за ненужной гласности или из-за возможности нанесения ущерба репутации (т.е. не должна

публиковаться никакая информация, которая может привести к указанию на личность несовершеннолетнего правонарушителя). При задержании несовершеннолетнего, ее или его родители (или опекун) немедленно ставятся в известность о таком задержании. Содержание под стражей до суда применяется лишь в качестве крайней меры и в течение кратчайшего периода времени, а содержание под стражей до суда по возможности должно заменяться на другие альтернативные меры, такие, как постоянный надзор, помещение в семью или в воспитательное заведение (ст. 13.1, 13.2) [6].

При этом подчеркивается, что несовершеннолетние, содержащиеся под стражей до суда, должны содержаться отдельно от взрослых, а также в специальном учреждении или в специальном отделении учреждения, где содержатся также и взрослые.

Особо указывается, что при выборе мер воздействия компетентный орган (или суд) должен руководствоваться следующими принципами:

- меры воздействия всегда должны быть соизмеримы не только с обстоятельствами и тяжестью правонарушения, но и с положением и потребностями несовершеннолетнего, а также с потребностями общества;

- решения об ограничении личной свободы несовершеннолетнего должны приниматься только после тщательного рассмотрения вопроса, и при этом такое ограничение должно быть, по возможности, сведено до минимума;

- несовершеннолетнего правонарушителя не следует лишать личной свободы, если только он не признан виновным в совершении серьезного деяния с применением насилия против другого лица, или в неоднократном совершении других серьезных правонарушений, а также в отсутствие другой соответствующей меры воздействия;

- при рассмотрении дела несовершеннолетнего вопрос о его (или ее) благополучии должен служить определяющим фактором (ст. 17.1);

- в законодательстве должна быть возможность в любой момент прекратить судебное разбирательство в отношении несовершеннолетнего;

- дело несовершеннолетнего с самого начала необходимо вести быстро, не допуская каких-либо ненужных задержек (ст. 20.1) [6].

Также в Минимальных стандартных правилах ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, прямо говорится и о том, что несовершеннолетние не подвергаются никаким телесным наказаниям, а смертный приговор им не выносится (ст. 17.2, 17.3).

Другие нормативные акты также регламентируют правовое положение несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве. Так, Токийские правила 1990 г. устанавливают широкий выбор мер, не связанных с тюремным заключением. При этом число и виды мер, не связанных с тюремным заключением, определяется таким образом, чтобы оставалась возможность дифференциации ответственности и наказания, имелись правовые средства обеспечения исполнения приговора и достижения целей наказания (ст.ст. 8.2, 9.2) [8].

Эти положения разделяют и Пекинские правила, которые ориентируют должностных лиц на применение принуждения к несовершеннолетним правонарушителям только в самых крайних случаях и в течение минимально необходимого времени. Более того, приоритетным они считают избрание мер

пресечения, не связанных с заключением под стражу и альтернативных мер (например, постоянный надзор, активная воспитательная работа, помещение в воспитательное заведение и т.д.), а содержание под стражей до суда рассматривают в качестве крайней меры, которая может применяться только в течение кратчайшего периода времени (ст. 13).

Правила ООН, касающиеся защиты прав несовершеннолетних, лишенных свободы, принятые Генеральной Ассамблеей 14 декабря 1990 г., устанавливают два важных определения:

– несовершеннолетним является любое лицо в возрасте до 18 лет. Возрастной предел, до достижения которого должно быть запрещено лишение ребенка свободы, определяется законом;

– лишение свободы означает любую форму задержания или тюремного заключения какого-либо лица или его помещение в государственное или частное исправительное учреждение, которое несовершеннолетнему не разрешается покидать по собственному желанию на основании решения любого судебного, административного или другого государственного органа.

Также в Правила ООН, касающиеся защиты прав несовершеннолетних, лишенных свободы, устанавливаются и другие важные гарантии при отправлении правосудия:

– несовершеннолетние, находящиеся под арестом или в ожидании суда (дела которых не рассматривались), считаются невиновными и должны иметь соответствующее обращение. При этом необходимо избегать, насколько это возможно, содержания под стражей до суда и прибегать к нему только в исключительных случаях, всячески стремиться к применению альтернативных мер. Несовершеннолетние, дела которых еще не рассматривались в суде, должны содержаться отдельно от уже осужденных несовершеннолетних (ст. 17);

– несовершеннолетние должны иметь право на юридические консультации и иметь возможность обращаться с просьбой о предоставлении бесплатной юридической помощи в тех случаях, когда такая помощь может быть предоставлена, а также регулярно общаться со своим адвокатом. При таком общении должны обеспечиваться невмешательство в личную жизнь и конфиденциальность;

– в случаях, когда это возможно, несовершеннолетним должны предоставляться возможность продолжать заниматься оплачиваемым трудом или продолжать свою учебу или профессиональную подготовку, но при этом не следует требовать от них этого. Их труд, учеба или профессиональная подготовка не должны приводить к продлению срока содержания под стражей;

– несовершеннолетним должно быть разрешено получать и иметь при себе предметы, предназначенные для досуга и отдыха, если это не противоречит интересам отправления правосудия (ст. 18) [7].

При этом для предупреждения преступности среди несовершеннолетних, особенно в тех местах, где еще не создано никаких учреждений, необходимо разрабатывать специальные службы и программы, а какие-либо официальные (государственные) органы и учреждения социального контроля должны использоваться лишь в крайних случаях (ст. 6). Поэтому данный нормативно-правовой акт имеет опосредованное отношение к уголовно-процессуальному

праву и деятельности органов правосудия, так как предназначен, в основном, иным субъектам профилактической деятельности.

Подводя краткие итоги, можно отметить, что разработанные международным сообществом стандарты отправления уголовного правосудия для несовершеннолетних являются обязательными для подавляющего большинства стран, и как правило, полностью реализованы в национальном законодательстве.

Список использованных источников:

1. Золотенко В.А., Шакалов В.Г. Ювенальная юстиция – две стороны одной медали // Преступность и безнадзорность несовершеннолетних: социальные, психологические и правовые аспекты. – М.: Московский университет МВД России, 2007. – С. 185.

2. Федотова М.М. История российского уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних // Полицейская и следственная деятельность. – 2022. – № 1. – С. 40-47.

3. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: учебное пособие. – М.: Дело, 2000. – С. 36-37.

4. Анисимов А.А. Международные акты по охране прав и законных интересов несовершеннолетних при отправлении правосудия // Ювенальная юстиция: сборник материалов научно–практических мероприятий / ФГБОУ ВО «РГУП», Центральный филиал; сост. А.А. Анисимов, отв. ред. В.Г. Просвирнин. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2015. – С. 8-15.

5. Расследование преступлений с участием несовершеннолетних: учебное пособие / Под ред. А.А. Анисимова, С.Т. Гаврилова, И.С. Федотова. – М.: ДГСК МВД России, 2011. – 256 с.

6. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения 3.11.2023).

7. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_liberty.shtml (дата обращения 3.11.2023).

8. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml (дата обращения 3.11.2023).

Грачёва Ольга Алексеевна,
к.ю.н, доцент, ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная
юридическая академия»,
Российская Федерация

К ВОПРОСУ О ПОЛНОМОЧИЯХ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ НАРУШЕНИЙ ПРАВ ГРАЖДАН

В новых условиях в связи с новыми вызовами и угрозами национальной безопасности РФ, деятельность органов прокуратуры приоритетно направлена на защиту государственного строя и обеспечение суверенитета нашей страны.

Данное направление реализуется посредством всего арсенала полномочий органов прокуратуры, что подтверждается статистическими данными об

основных результатах деятельности органов прокуратуры на современном этапе. Так, только прокуратурой Саратовской области за период январь–декабрь 2022 г. выявлено 74 757 нарушений, из них принесено 9 979 протестов, по удовлетворенным протестам отменено и изменено 9 788 незаконных правовых актов, направлено 7 617 исков и заявлений в суд, удовлетворено 8 111 исков и прекращено дел ввиду добровольного удовлетворения требований прокурора, внесено 23 529 представлений, к дисциплинарной ответственности привлечено 20 231 лицо, по постановлению прокурора привлечено 2 317 лиц к административной ответственности, предостережено о недопустимости нарушения закона 1 403 лица, направлено материалов для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ – 271, по итогам этого возбуждено 245 уголовных дел [1].

Стоит отметить, что первостепенным в деятельности российской прокуратуры являются «принятые своевременно меры, направленные на предупреждение, нейтрализацию, устранение условий, способствующих проявлению причин преступности» [2; 64 стр.]. В организационно-распорядительных документах Генерального прокурора предупредительная роль прокуратуры рассматривается как главнейшее направление их деятельности на современном этапе.

Например, в п. 1 приказа Генерального прокурора РФ № 195 от 7 декабря 2007 г. «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» среди основных направлений деятельности органов прокуратуры отдельно выделено направление предупреждения преступных проявлений [3].

Согласно п. 1.9 Приказа Генерального прокурора РФ от 16 января 2012 г. № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» 1 нацеливает прокуроров добиваться своевременного и полного возмещения причиненного государству ущерба, активнее отстаивать экономические интересы государства путем обращения в суд. В соответствии с п. 2.3 приказа прокуроры обязаны не реже двух раз в год анализировать состояние преступности, ее причин и условий ей способствующих, для чего необходимо использовать в том числе материалы гражданских и арбитражных дел [4].

К примеру, прокуратурой Саратовской области за период с января по июль 2023 г. говорится, что за данный период выявлено 7 082 лица, совершивших преступления, 2 410 из них ранее судимы, каждый пятый из них совершил повторные преступления в течение года после освобождения. Местных – 6 747 лиц, беженцев и мигрантов – 18, бомжей – 12, остальные живут в других регионах Российской Федерации или являются гражданами других государств. Основная часть преступлений – небольшой тяжести (3 746), тяжкие преступления совершили 1 483 лица, средней тяжести – 1 481, особо тяжкие – 372. 1 976 лиц совершили преступления в состоянии алкогольного опьянения, 91 – в состоянии наркотического опьянения [5]. Как видится, органами прокуратуры в каждом субъекте РФ активно ведется работа по данному направлению.

Признавая всю важность работы органов российской прокуратуры по предупреждению преступных проявлений, стоит констатировать тот факт, что в действующем законодательстве о прокуратуре нет конкретных положений, отражающих полномочия прокурора по предупреждению преступности. Превентивная роль упоминается только в четырех положениях Закона о прокуратуре.

Так, п. 2 ст. 22 говорит о том, что в полномочия прокурора входит предостережение о недопустимости нарушения закона; п/п 3 п. 1 ст. 27 – законодательной нормой регламентировано принимать меры по предупреждению и пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина, привлечению к ответственности лиц, нарушивших закон, и возмещению причиненного ущерба; в п. 2 ст. 8 делается отсылка к нормам Положения «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью», в соответствии с которым превентивная роль прокуратуры выражается в координации и согласовании деятельности других субъектов систем профилактики, разрабатывающих и реализующих меры по своевременному выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, устранению причин и условий, способствующих их совершению; п. 3. ст. 1 – деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью координируют Генеральный прокурор РФ, прокуроры субъектов РФ, городов, районов и другие территориальные прокуроры, а также приравненные к ним военные и иные специализированные прокуроры [6; 169 стр.].

В энциклопедических словарях «предупреждение» определяется как «система различных мер упреждающего воздействия на обстоятельства, порождающие и воспроизводящие такое социально негативное явление, как преступность» [7; 772 стр.]. В специальной литературе высказывается мнение, что «наиболее обоснованным целесообразно считать рассмотрение предупреждения как категории, объединяющей профилактику, предупреждение и пресечение (противодействие), которые представляют собой уровни предупредительной деятельности» [8; 92 стр.].

Между тем, в Законе № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее - Закон об основах профилактики) отмечается, что органы прокуратуры РФ являются субъектами профилактики преступлений, где под «профилактикой правонарушений» понимается «совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения» [9]. Следует отметить, что прокуратура на сегодняшний день осуществляет предупредительную и профилактическую деятельность, что подтверждается положениями вышеуказанного Закона.

Данное обстоятельство также отражалось и ранее, еще до принятия Закона об основах профилактики путем применения мер прокурорского реагирования. Так, в Определении Верховного Суда Российской Федерации № 82-КГПР14–2 от 18 июня 2014 г. указано, что «предостережение о недопустимости нарушения

закона в силу положений ст. 22, 25.1 Закона о прокуратуре является документом не только прокурорского реагирования, но и мерой профилактического воздействия» [10]. Например, еще в период действия Закона СССР от 30 ноября 1979 г. «О прокуратуре СССР» «профилактика преступлений и иных нарушений непроступного характера относилась законодателем к числу самостоятельных видов внешнефункциональной прокурорской деятельности» [11; 621 стр.].

В специальной литературе часто отмечается, что «предупреждение преступности – это новая функция органов прокуратуры, которая изначально не предусматривалась законодательством, однако подразумевалась присущей деятельности прокуратуры» [12; 359–361 стр.].

Исходя из вышесказанного, можно с уверенностью утверждать об осуществлении органами прокуратуры самостоятельной функции, отвечающей целям и задачам, поставленным перед прокурорской деятельностью на современном этапе.

Список использованных источников:

1. Основные результаты прокурорской деятельности прокуратуры Саратовской области за 12 месяцев 2022 г. - URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_64/activity/statistics/office/result (дата обращения: 24.08.2023).

2. Звирбуль, В.К. Деятельность прокуратуры по предупреждению преступности. Научные основы. – М. : Юридическая литература. – 1971. – 168 с.

3. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина: приказ Генерального прокурора РФ от 7 декабря 2007 г. № 195 (ред. от 31 августа 2023) // Законность. – 2008. – № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности: приказ Генерального прокурора РФ от 16 января 2012 г. № 7 (в ред. от 25 ноября 2022 г.) // Законность. – 2012. – № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Прокуратура описала самые частые преступления в Саратовской области // Сетевое издание «МК в Саратове». 2023.17.08. – URL: <https://saratov.mk.ru/incident/2023/08/17/prokuratura-opisala-samyechastye-prestupleniya-v-saratovskoy-oblasti.html> (дата обращения: 24.08.2023).

6. Магомедов, М.А. Профилактическая функция прокуратуры Российской Федерации и совершенствование ее правового регулирования // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 1. – С. 168–172.

7. Российская юридическая энциклопедия / Т.Е. Абова и др.; Гл. ред. А.Я. Сухарев. – М. : ИНФРА-М. – 1999. – С. 1118.

8. Гришин, Д.А. Предупреждение преступности, разграничение используемой терминологии // Закон и право. – 2020. – № 3. – С. 91–94.

9. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 26, ч. I, ст. 3851.

10. О признании незаконным вынесения предостережения прокурора недопустимости нарушения закона: Определение Верховного Суда Российской

Федерации от 18 июня 2014 г. № 82-КГПР14–2. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

11. Винокуров, А.Ю. К вопросу об участии органов прокуратуры в профилактике правонарушений в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. – 2016. – № 7. – С. 620–626.

12. Насипов, Д.Д. Органы прокуратуры и функция предупреждения преступности / Д.Д. Насипов. // Молодой ученый. – 2023. – № 23 (470). – С. 359–361.

Богатова Екатерина Владимировна

к.ю.н., доцент, доцент кафедры
прокурорского надзора и криминологии
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»,
Российская Федерация

КООРДИНАЦИОННЫЙ СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ

В соответствии со ст. 8 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [1]. (далее - Закон о прокуратуре) координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью является одной из функций органов прокуратуры. Она раскрывается в Положении «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (далее – Положение) утвержденном Указом Президента РФ в 1996 г. [2]. Данную деятельность стоит рассматривать как один из способов защиты прав граждан.

Одной из форм реализации указанной функции является проведение координационных совещаний, в рамках которых обсуждаются нарушения законодательства и принимаются меры к их устранению. Как правило, координационные совещания посвящены проблемам расследования и раскрытия определенных категорий преступлений, недостаткам в деятельности правоохранительных органов [3; 90 стр.].

Вместе с тем, по смыслу Положения борьба с правонарушениями не входит в предмет координации, как например, в Республике Казахстан, где на прокуратуру возложены полномочия «по координации деятельности правоохранительных и иных государственных органов по обеспечению законности, правопорядка и борьбы с преступностью» [4; 70 стр.]. Несмотря на это на практике данному вопросу также уделяется внимание. Происходит это с помощью создания межведомственных рабочих групп и совещаний, целью которых является выявление, предупреждение и пресечение нарушений прав граждан в различных сферах общественных отношений. Деятельность рабочих групп законодательно не урегулирована, но обязанность по их созданию содержится в некоторых приказах Генерального прокурора РФ. Например, приказ от 15.03.2019 N 196 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан» [5] содержит указание о необходимости сформировать при прокуратуре субъекта Российской Федерации межведомственную рабочую группу с участием

региональных органов власти, территориальных подразделений правоохранительных и контролирующих органов, профсоюзных объединений и объединений работодателей, на заседаниях которой определять согласованные действия по защите трудовых прав граждан, уделяя повышенное внимание вопросам полноты и своевременности выплаты вознаграждения за труд, охраны труда, защиты от безработицы, противодействия созданию профсоюзных организаций и неправомерного вмешательства в их деятельность. Например, прокуратура Фрунзенского района г. Саратова провела заседание межведомственной рабочей группы по вопросам соблюдения трудового законодательства, в том числе прав граждан на оплату и охрану труда. При участии представителей районной администрации, службы судебных приставов Фрунзенского РОСП, межрайонной инспекции ФНС N 23 по Саратовской области, территориального центра занятости населения по Волжскому и Фрунзенскому районам, отделения СФР по Саратовской области, правоохранительных органов района рассмотрены вопросы о задолженности по заработной плате, перспективах ее погашения, несоблюдении требований законодательства в сфере охраны труда, неформальной занятости, исполнения судебных актов о невыплате заработной платы. Организационно-методическая работа, координационная деятельность и меры реагирования способствовали ликвидации задолженности по заработной плате с начала этого года на сумму более 3,5 млн руб.

Вместе с тем межведомственные рабочие группы создаются не только в целях защиты трудовых прав граждан. Например, прокуратура Новосибирской области неоднократно созывала межведомственные рабочие группы с приглашением органов власти региона, правоохранительных органов по вопросам защиты прав обманутых дольщиков. Осуществляла выезды на объекты, инспектировала динамику работ по завершению строительства многоквартирных домов. В результате мер, принятых прокуратурой, удалось добиться ввода 29 и 30 декабря т.г. жилых домов в эксплуатацию, восстановлены жилищные права 535 граждан [6]. В Астраханской области с участием начальника управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Южном федеральном округе Константина Сомова проведено заседание межведомственной рабочей группы прокуратуры региона по противодействию нарушениям законодательства в жилищно-коммунальной сфере [7].

Практика показывает, что прокурор координирует деятельность не только правоохранительных органов, но и органов контроля и надзора, органов государственной власти и местного самоуправления. Вместе с тем такое полномочие прокурору не предоставлено ни Законом о прокуратуре, ни другим правовым актом. Не определен статус межведомственных групп и совещаний, какое значение имеют их решения, обязаны ли органы государственной власти, местного самоуправления, органов контроля и надзора принимать участие в таких мероприятиях.

Таким образом, координация прокуратурой деятельности правоохранительных и контролирующих органов, а также органов власти по борьбе с правонарушениями и преступлениями имеет огромный потенциал в сфере защиты прав граждан. Данная деятельность представляет собой возможность названных органов договориться и объединить свои усилия для

достижения общей цели. Однако отсутствие должной степени правовой регламентации этой сферы снижает ее эффективность.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. 1995, № 47, Ст. 4472; 2023, № 31 (часть III), Ст. 5772.

2. Указ Президента РФ от 18.04.1996 N 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью») (ред. от 31.12.2019) // СЗ РФ. 1996, № 17, Ст. 1958; 2020, N 1 (часть I), ст. 7.

3. Зинуров Р.Н. Концептуальные основы и научно-практические проблемы координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: Тенденции и закономерности: дис... доктора юрид. наук. Уфа. 2003. 351с.

4. Абдиров Н.М. Координационная деятельность прокуратуры по обеспечению законности, правопорядка и борьбы с преступностью в Республике Казахстан: дис. ...канд. юрид. наук. Москва. 2017. 244 с.

5. Приказ Генпрокуратуры России от 15.03.2019 N 196 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан» // Законность. 2019. №5. С. 43.

6. После вмешательства Генеральной прокуратуры Российской Федерации восстановлены права обманутых дольщиков в г. Новосибирске URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=69351548> (дата обращения: 20.10.2023).

7. Начальник управления Генеральной прокуратуры в Южном федеральном округе Константин Сомов принял участие в заседании межведомственной рабочей группы по противодействию нарушениям законодательства в ЖКХ URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=83087194> (дата обращения: 20.10.2023).

Чурикова Анна Юрьевна,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры
информационного права и цифровых
технологий ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»,
Российская Федерация

**ОЦЕНКА РИСКОВ ОГРАНИЧЕНИЯ И НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В
УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

В международном и национальном законодательстве большинства государств обозначается колоссальная роль информационных технологий в современном обществе. Например, в п. 3 Доклада Генерального секретаря Организации Объединенных Наций (далее – ООН) «Стратегия в области

информационно-коммуникационных технологий» подчеркивается ключевая стимулирующая роль технологий в работе ООН и растущая глобальная зависимость от цифровых достижений [1]. Информационные технологии и системы становятся неотъемлемой частью и уголовного судопроизводства. расследование и рассмотрение уголовных дел становится все более технологичным. Применение в уголовно-процессуальной деятельности технологий блокчейна, искусственного интеллекта, а тем более технологий работы с данными при помощи программного обеспечения на заданном алгоритме, давно уже не отдаленное будущее, а насущная необходимость.

Однако, современные информационные технологии не только предоставляют колоссальные позитивные возможности, но и несут в себе риски, связанные, в первую очередь, с ограничением или нарушением конституционных прав личности, особенно в сфере уголовного судопроизводства. Этим обуславливается актуальность и значимость исследования рисков, с которыми сопряжено использование информационных технологий в уголовном процессе, а также определение возможности их оценки.

Сама по себе уголовно-процессуальная деятельность сопряжена с рисками, так как, зачастую, осуществляется в условиях неопределенности. Отсутствие понимания данных рисков, а также их учета при планировании и осуществлении уголовно-процессуальных действий, в том числе осуществляемых с применением информационных технологий, может оказывать негативное воздействие на качество процедуры и результатов расследования и рассмотрения уголовных дел.

При этом, стоит отметить, что в науке нет однозначного определения понятия риск, а в сфере уголовного судопроизводства категории «риск» и вовсе посвящены единичные исследования.

Так, анализ научной литературы позволяет выделить два основных подхода к определению категории «риск»:

1. Когда риск определяется через опасность, либо вероятность наступления негативных событий. Например, Ю.А. Тихомиров под риском понимает «вероятное наступление события и совершение действий, влекущих негативные последствия для реализации правового решения и могущих причинить ущерб регулируемой им сфере» [2; 31 стр.], С.А. Агамагомедова определяет риск как «модель неблагоприятного сценария реализации права» [3; 462 стр.], Н.А. Колоколов считает риском «действие в условиях потенциальной опасности» [4; 47 стр.].

2. Определение риска как некоего действия на удачу, в надежде на счастливый исход, либо вероятность наступления как позитивных, так и негативных событий. Например, Н.А. Соловьева и В.М. Шинкарук определяют риск через сочетание «возможности как желательных, так и нежелательных отклонений от запланированных результатов, которая должна учитываться лицом, принимающим решение» [5; 42 стр.].

В целом можно констатировать, что определение риска будет во многом зависеть от того, риск чего мы будем рассматривать, но при этом риск все же выступает как вероятность чего-либо. Например, если мы говорим о необходимости учитывать риск наступления неблагоприятных последствий,

либо риска нарушения установленного правила, то и определение у него будет соответствующее.

Для организации эффективного расследования и рассмотрения уголовных дел, государственные органы и должностные лица, в первую очередь, должны ориентироваться на недопустимость нарушений действующего уголовно-процессуального законодательства, а, следовательно, должны учитывать возможность нарушения закона и своевременно выявлять или предотвращать такие нарушения.

В связи с этим, предлагаем понимать под рисками нарушения уголовно-процессуального законодательства вероятность наступления событий, следствием которых могут стать прямые или косвенные нарушения законодательства в сфере уголовного судопроизводства.

Когда же речь идет об использовании информационных технологий в уголовном судопроизводстве, то здесь можно выделить три основных направления, в рамках которых возможна вероятность наступления негативных последствий / событий:

1) соблюдение прав и свобод личности. Применение современных информационных технологий в любой области сопряжено с возможным ограничением, либо даже нарушением прав и свобод личности. Например, при эксплуатации технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в уголовном процессе возможна утечка конфиденциальной информации; нарушение при обучении ИИ законодательства, регулирующего использование персональных данных; искажение информации системами ИИ, которое может повлечь принятие в отношении лица неправомερных решений, либо осуществление неправомερных действий; нарушение права на тайну частной жизни, в том числе при анализе больших данных (использование технологии big-data) и т.д.

2) деформирующее влияние использования информационных технологий (далее – ИТ) на правоприменительную практику. Использование передовых разработок в сфере уголовного судопроизводства без должного нормативного регулирования и подготовки, в том числе психологической, практических работников к использованию современных ИТ может привести к искажениям практики правоприменения, когда практики в большей степени будут полагаться на результаты ИТ, не перепроверяя их, либо относясь к такой проверке формально. При этом, негативное искажение правоприменительной практики может происходить как без формального нарушения действующего законодательства, так и с таковым [6; 85-87 стр.].

3) использование ИТ при принятии решений. В данной ситуации следует учитывать вероятность принятия незаконных и/или необоснованных решений при эксплуатации соответствующей технологии или системы в уголовно-процессуальной деятельности.

Учитывая изложенное, предлагаем понимать под риском использования информационной технологии и / или системы в уголовном судопроизводстве вероятность нарушения прав и свобод личности, искажения практики правоприменения без формального нарушения действующего законодательства или с таковым, а также принятия незаконных и/или необоснованных решений

при эксплуатации соответствующей технологии или системы в уголовно-процессуальной деятельности.

Можно выделить разные виды рисков в уголовном процессе и привести различные классификации по различным основаниям. Но, в первую очередь, для осуществления действий и принятия решений, учитывающих возможные риски, имеет значение, можем ли мы воздействовать на них с целью минимизации или устранения. Следовательно, ключевым для нас выступает разделение рисков на управляемые и неуправляемые.

Исходя из обозначенного, под управляемыми рисками будут пониматься те риски, на которые при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности компетентные органы и должностные лица могут воздействовать, устраняя или минимизируя их. В свою очередь, неуправляемые риски – это такая вероятность наступления событий, воздействие на которую невозможно.

Прогнозирование и учет рисков в уголовном судопроизводстве является ключевым фактором выстраивания эффективной модели осуществления данного вида деятельности.

В такой модели базовое значение будет иметь оценка рисков ограничения и нарушения прав человека при использовании информационных технологий.

Оценке рисков, в том числе рисков внедрения информационных технологий, а также методике оценки рисков посвящено достаточно большое количество научных исследований в области экономической и предпринимательской деятельности [7; 8]. К сожалению, для уголовно-процессуальной науки оценка рисков не является определенным, либо исследованным понятием. В то же время эксплуатация информационных технологий при производстве по уголовному делу выходит на новый уровень. Например, в судах, органах прокуратуры, системе МВД уже применяются, либо планируется применение блокчейн-технологий и ИИ [9; 10].

Безусловно, в связи с этим возникает необходимость оценки рисков внедрения и использования данных технологий. Для реализации действий в данном направлении, в первую очередь, необходимо определить, что же понимается под оценкой рисков внедрения и использования информационных технологий и систем в уголовном процессе.

Анализ научной литературы и нормативно-правовых актов позволяет сделать вывод, что оценка рисков это процесс идентификации и анализа риска, являющийся частью системы управления рисками [11; 74-78 стр.; 12; 13]. Для определения оценки рисков также важным является понимание цели такой оценки. Так, Е.К. Баранова, анализируя оценку рисков информационной безопасности, указывает, что цель исследуемого ею процесса «состоит в определении характеристик рисков по отношению к информационной системе (ИС) и ее ресурсам (активам)» [11; 73 стр.]. В нашем же случае мы хотим оценить риски, связанные с ограничением или нарушением прав человека при использовании информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве. Следовательно, проводя логическую цепочку, можно прийти к заключению, что целью оценки такого рода рисков будет выступать определение характеристик информационных технологий и систем, а также

особенности их применения в сфере уголовного судопроизводства, способных повлиять на соблюдение прав личности в уголовном процессе.

Таким образом, под оценкой рисков ограничения и/или нарушения прав человека при внедрении и использовании информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве предлагаем понимать процесс идентификации и анализа рисков (вероятностей) нарушения и/или ограничения прав личности, связанных с характеристиками информационных технологий и систем, а также особенностями применения конкретной технологии или системы в сфере уголовного судопроизводства.

Список использованных источников:

1. Стратегия в области информационно-коммуникационных технологий (Доклад Генерального секретаря ООН А/77/489 от 30 октября 2022 г.). [Электронный ресурс] URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/608/09/pdf/N2260809.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.12.2023)

2. Тихомиров Ю.А. Право: прогнозы и риски: монография. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. 240 с. www.dx.doi.org/10.12737/11255

3. Агамагомедова С.А. Риск-ориентированный подход при осуществлении контрольно-надзорной деятельности: теоретическое обоснование и проблемы применения // Сибирское юридическое обозрение. 2021. №18(4). С. 460-470. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-4-460-470>

4. Колоколов Н. А. Риск в принятии процессуального решения в уголовном судопроизводстве // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 47-58.

5. Соловьева Н. А., Шинкарук В. М. Уголовно-процессуальный риск: понятие и содержание // Legal Concept. 2014. №1. С. 40-44.

6. Чурикова А. Ю., Степанов С.А. Схема прикрытия нарушений при отмене постановлений о прекращении уголовных дел // Уголовный процесс. – 2020. – № 5(185). – С. 82-87.

7. Сергеева И. Г., Чеботарь А. В., Харламов А. В. Оценка применения информационных технологий и систем в инновационной деятельности организации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2020. – №. 1 (121). – С. 62-66.

8. Тавбулатова, З. К., Мочиева З. А. Аналитические методы оценки риска внедрения информационных технологий // Трансформация социально-экономического пространства России и мира: Сборник статей международной научно-практической конференции, Сочи, 29 сентября – 02 2021 года / Под редакцией Г.Б. Клейнера, Х.А. Константиныди, В.В. Сорокожердыева. – Краснодар: ООО «Просвещение-Юг», 2021. – С. 133-135.

9. ГП стала применять искусственный интеллект для прогнозирования ситуации с преступностью // Рамблер–новости. 16 июня 2023. [Электронный ресурс] URL: https://news.rambler.ru/world/50934179/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 01.12.2023)

10. Блокчейн в судах // Tadviser. Государство. Бизнес. Технологии. 13.07.2020. [Электронный ресурс] URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Блокчейн_в_судах (дата обращения: 01.12.2023)

11. Баранова Е. К. Методики анализа и оценки рисков информационной безопасности // Образовательные ресурсы и технологии. – 2015. – №. 1 (9). – С. 73-79.

12. Киселева И.А., Искаджян С.О. Информационные риски: методы оценки и анализа // ИТпортал, 2017. №2 (14). [Электронный ресурс] URL: <http://itportal.ru/science/economy/informatsionnye-riski-metody-otsenk/> (дата обращения: 01.12.2023)

13. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 № 77 (ред. от 04.07.2023) «Об утверждении Правил надлежащей производственной практики Евразийского экономического союза» // Официальный сайт Евразийского экономического союза. [Электронный ресурс] URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 01.12.2023)

Кобзева Елена Васильевна,

к.ю.н., доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
Российская Федерация

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАМЕНЫ НЕОТБЫТОЙ ЧАСТИ НАКАЗАНИЯ БОЛЕЕ МЯГКИМ ВИДОМ НАКАЗАНИЯ (СТ. 80 УК РФ)

Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания выступает одним из наиболее часто применяемых в России видов освобождения от уголовного наказания [1, 202 стр.; 2, 140, 143 стр.]. Однако, несмотря на давнюю историю его существования и широкую практику реализации, перед специалистами в области уголовного права стоит множество вопросов, от решения которых зависит эффективность анализируемого института, которая самым непосредственным образом связана с обеспечением прав осужденных. Разумеется, в рамках одной статьи невозможно рассмотреть все такие вопросы, остановимся на некоторых из них.

Для начала необходимо определиться с понятием замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Полагаем, что она представляет собой образованный нормами уголовного и уголовно-исполнительного права институт, сущность которого состоит в прекращении дальнейшего отбывания назначенного по приговору суда наказания лицом, доказавшим определенный уровень своего исправления, но с одновременной реализацией вместо его неотбытой части более мягкого вида наказания, способствующего окончательному достижению целей, указанных в ч. 2 ст. 43 УК РФ [1, 204 стр.].

Одним из обязательных условий такой замены выступает фактическое отбытие осужденным определенной части срока назначенного наказания. В ст. 80 УК РФ сроки наказания, подлежащие фактическому отбытию при замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, представлены двумя группами: а) общие, предусмотренные для замены лишения свободы любыми более мягкими видами наказаний, за исключением принудительных работ

и б) специальные, предусмотренные для случаев замены лишения свободы принудительными работами.

Общие сроки дифференцированы в зависимости от категории совершенных преступлений, а также, дополнительно, от их видовой принадлежности и во многом совпадают со сроками, установленными для реализации условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ч. 3 ст. 79 УК РФ). Единственное расхождение обнаруживается в положении об отбытии трех четвертей срока назначенного наказания, которое в случае замены требуется лишь для лиц, осужденных за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и преступления, предусмотренные ст. 210 УК РФ (абз. 5 ч. 2 ст. 80 УК РФ). Что же касается условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, то три четверти срока наказания подлежат отбытию также за тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а равно за ряд преступлений террористической направленности (п. «г» ч. 3 ст. 79 УК РФ). С одной стороны, указанная нестыковка демонстрирует непоследовательность законодателя в оценке уровня общественной опасности одних и тех же преступлений в рамках смежных институтов уголовного права. С другой стороны, такое разночтение все же можно определенным образом обосновать, ведь, в отличие от условно-досрочного освобождения, замена неотбытой части наказания предполагает обязательное реальное отбывание осужденным иного, пусть и более мягкого, вида наказания. В любом случае, пока по преступлениям указанных видов ст. 80 УК РФ не установлен повышенный порог подлежащего обязательному отбытию наказания, суд, принимая решение о замене неотбытой части наказания в отношении лиц, их совершивших, должен руководствоваться общими сроками, предусмотренными данной статьей для категорий преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких. В подобных ситуациях ориентация правоприменителя на сроки, закрепленные п. «г» ч. 3 ст. 79 УК РФ, недопустима в силу прямого запрета применения уголовного закона по аналогии (ч. 2 ст. 3 УК РФ).

Специальные сроки, предусмотренные для замены неотбытой части лишения свободы принудительными работами, предполагают отбытие осужденным сокращенных, по сравнению с общим порядком, долей наказания: не менее одной четверти за преступления небольшой или средней тяжести и не менее одной трети за тяжкие преступления. В остальном при замене лишения свободы принудительными работами действуют общие сроки, указанные в абз. 4-6 ч. 2 ст. 80 УК РФ. Выделение указанных льготных сроков обусловлено тем, что законодатель изначально придал принудительным работам статус альтернативы лишению свободы (ч. 1 ст. 53.1 УК РФ) в силу близости лишений и ограничений, составляющих содержание данных видов наказания. Учитывая, что при замене лишения свободы принудительными работами суд может уравновесить сроки заменяемого и заменяющего наказания (ч. 2 ст. 53.1 УК РФ, абз. 3 п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания»), право на такую замену возникает у осужденного раньше, чем право на замену

другим более мягким видом наказания. В этом случае в ходатайстве должно быть указано, что осужденный претендует на замену лишения свободы именно принудительными работами.

Внимательное изучение норм уголовного закона позволяет обнаружить, что возможность замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, предусмотренная для трех видов наказаний – принудительных работ, содержания в дисциплинарной воинской части и лишения свободы на определенный срок (ч. 1 ст. 80 УК РФ), фактически обеспечивается законодателем только в отношении срочного лишения свободы, поскольку подлежащие обязательному отбытию сроки принудительных работ и содержания в дисциплинарной воинской части в ст. 80 УК РФ не указаны. Разумеется, отмеченный законодательный изъян не должен негативно сказываться на осужденном, лишая его права на замену принудительных работ и содержания в дисциплинарной воинской части более мягкими видами наказаний. Очевидно, в таких ситуациях суду надлежит ориентироваться на подлежащие отбытию сроки лишения свободы (ч. 2 ст. 80 УК РФ). Однако в идеале, с учетом уже упомянутого запрета на применение уголовного закона по аналогии (ч. 2 ст. 3 УК РФ), соответствующий пробел должен быть восполнен на законотворческом уровне.

В уголовно-правовой литературе можно встретить сомнения относительно возможности повторной реализации замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания [3, 127-128 стр.]. На сегодняшний день эти сомнения развеяны Верховным Судом в абз. 2 п. 4.1 постановления Пленума от 21 апреля 2009 г. № 8 (далее ППВС 2009 г. № 8), однако, по нашему мнению, текст уголовного закона и ранее не давал оснований для такого ограничительного его прочтения. По смыслу и логике УК РФ, если осужденному была произведена замена лишения свободы принудительными работами, то в будущем неотбытая часть последних вполне может быть заменена еще более мягким видом наказания (дело за малым – предусмотреть в законе подлежащие отбытию части срока принудительных работ во избежание их установления по аналогии). Допустимо и условно-досрочное освобождение от отбывания принудительных работ, избранных в соответствии со ст. 80 УК РФ (ч. 3.2 ст. 79 УК РФ, абз. 3 п. 4.1 ППВС 2009 № 8).

Однако в правовом поле неоднозначно решается вопрос о начале исчисления фактически отбытого срока наказания, дающего право на повторное освобождение в рамках как ст. 80, так и ст. 79 УК РФ. Согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, сроки, при фактическом отбытии которых возможно условно-досрочное освобождение от отбывания принудительных работ, избранных осужденному в соответствии со ст. 80 УК РФ, должны исчисляться со дня начала отбывания данного наказания, а не наказания, назначенного по приговору суда (абз. 3 п. 4.1 ППВС 2009 г. № 8). В ч. 3.2 ст. 79 УК РФ (появившейся, к слову, позднее процитированного разъяснения Пленума), напротив, четко определено, что искомые сроки исчисляются с начала отбытия наказания, назначенного по приговору суда. Что же касается повторной замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, то в ст. 80 УК РФ об этом вообще ничего не сказано.

Полагаем, в данной ситуации прав законодатель, и не только потому, что принятое им решение (в отличие от правовой позиции Верховного Суда РФ) носит императивный характер, а в силу системного толкования взаимосвязанных уголовно-правовых положений. Учитывая близость срочного лишения свободы и принудительных работ, а равно устоявшуюся в судебной практике тождественность сроков заменяющего и неотбытой части заменяемого наказаний указанных видов, подлежащий обязательному отбытию срок наказания для реализации повторного освобождения от его отбывания справедливо исчислять именно с начала отбытия лишения свободы, назначенного по приговору суда.

Допустим, лицу, осужденному за тяжкое преступление к шести годам лишения свободы, по отбытии двух лет лишения свободы неотбытая часть наказания заменена четырьмя годами принудительных работ. Для получения права на замену теперь уже принудительных работ более мягким видом наказания (ч. 1 ст. 80 УК РФ) либо для условно-досрочного освобождения от отбывания принудительных работ (ч. 1 ст. 79 УК РФ) ему необходимо отбыть половину срока наказания (абз. 3 ч. 2 ст. 80 и п. «б» ч. 3 ст. 79 УК РФ), которая будет исчисляться с момента начала срока отбывания наказания, назначенного по приговору суда. В смоделированной ситуации половина от шести лет, назначенных по приговору суда, составляет три года, следовательно осужденному требуется отбыть один год принудительных работ, так как два года лишения свободы им уже были отбыты.

Находим такой подход вполне резонным, в особенности учитывая, что и условно-досрочное освобождение, и замена являются дискреционными видами освобождения от наказания, реализуемыми по усмотрению суда. Если суд не усмотрит оснований для повторного применения того либо другого, он откажет в удовлетворении ходатайства. Отодвинуть же на более поздний период само возникновение у осужденного права на условно-досрочное освобождение либо замену значит поставить его в неравное положение с теми осужденными, которым, например, в силу ст. 80 УК РФ лишение свободы может быть сразу (не повторно) заменено любым более мягким видом наказания (к примеру, исправительными работами) по отбытии половины (т.е. в нашем случае трех лет) наказания, назначенного за тяжкое преступление. Разъяснение, содержащееся ныне в абз. 3 п. 4.1 ППВС 2009 г. № 8, нужно привести в соответствие с УК РФ.

Фактически отбытый срок наказания при замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания связывается законодателем исключительно с категориями или конкретными видами совершенного преступления и дополнительно ничем не лимитируется (ч. 2 ст. 80 УК РФ). Отсутствие в рассматриваемом институте минимального абсолютного порога наказания, подлежащего фактическому отбытию осужденным, дает некоторым авторам основание для критики в адрес законодателя. В частности, отмечается, что, как и при условно-досрочном освобождении (ч. 4 ст. 79 УК РФ), такой срок должен составлять не менее шести месяцев, что позволит суду с уверенностью сделать вывод о возможности достижения целей наказания с помощью более мягкого наказания [4, 125 стр.].

Полагаем, для подобного законодательного шага нет оснований. Минимальный шестимесячный срок, подлежащий обязательному отбытию при условно-досрочном освобождении, в профессиональном сообществе принято обосновывать либо длительностью процедуры направления осужденных для отбывания наказания в исправительные учреждения, где они могут продемонстрировать свое устойчивое правопослушное поведение, либо невозможностью достижения достаточного уровня исправления осужденных за меньший период времени. Оба аргумента звучат неубедительно, поскольку, во-первых, ставят под сомнение саму обоснованность назначения лишения свободы на срок менее шести месяцев, а во-вторых, никак не снимают проблему нарушения принципа справедливости. На наш взгляд, обозначенный срок лишения свободы, исключая возможность и условно-досрочного освобождения от его отбывания, и замены его неотбытой частью более мягким видом наказания, должен составлять два месяца, что равно минимальному размеру наказания в виде лишения свободы (ч. 2 ст. 56 УК РФ). Это требует внесения соответствующих изменений в ч. 4 ст. 79 и ст. 80 УК РФ.

Установив основание и условия для замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, суд принимает решение о ее реализации. Согласно п. 8 ППВС 2009 г. № 8, суд не вправе в этом случае применить условное осуждение или сократить неотбытый срок наказания, а может лишь заменить его более мягким видом.

Осужденный, претендующий на освобождение от наказания в соответствии со ст. 80 УК РФ, может как указать конкретный более мягкий вид наказания, о применении которого он ходатайствует, так и оставить этот вопрос на усмотрение суда. Суд, в свою очередь, рассматривая поступившее ходатайство, не связан просьбой осужденного о применении к нему конкретного более мягкого вида наказания, если таковой в ходатайстве был указан. Исключение, как было отмечено ранее, составляют случаи ходатайства о замене неотбытой части наказания по отбытии льготных сроков, альтернативно установленных ч. 2 ст. 80 УК РФ, когда осужденный должен прямо сформулировать свое волеизъявление о замене лишения свободы принудительными работами.

По смыслу ч. 3 ст. 80 УК РФ, в порядке замены может быть избран любой более мягкий вид наказания исходя из содержания ст. 44 УК РФ, но в пределах, установленных для соответствующего вида наказания Общей частью уголовного закона. Одновременно с этим важно помнить о положениях Общей части, определяющих возможность применения более мягкого вида наказания к конкретному осужденному с учетом его имущественного положения, состояния здоровья, гражданства и иных обстоятельств (ч. 3 ст. 46, ч. 4 ст. 49, ч. 5 ст. 50, ч. 1 ст. 51, ч. 6 ст. 53, ч. 7 ст. 53¹ УК РФ).

В связи с рассматриваемым аспектом уместно заострить внимание на одном интересном решении Конституционного Суда РФ, которое в дальнейшем обрело форму законодательного положения. Согласно ранее действовавшей редакции ч. 7 ст. 53.1 УК РФ, принудительные работы не могли назначаться женщинам и мужчинам, достигшим соответственно пятидесяти пяти и шестидесяти лет. Следовательно, если ходатайство о замене неотбытой части наказания подавалось

осужденным старше указанного возраста и при этом им была отбыта только льготная часть срока наказания, дающая возможность применения исключительно принудительных работ, то судья отказывал в принятии такого ходатайства либо прекращал производство по нему (абз. 2 п. 16 ППВС 2009 г. № 8).

Сложившаяся ситуация стала поводом для обращения одного из осужденных в Конституционный Суд РФ с жалобой на неконституционность ч. 7 ст. 53.1 УК РФ, обусловленную тем, что она лишает его права на замену лишения свободы принудительными работами по отбытии предусмотренных ч. 2 ст. 80 УК РФ льготных сроков в силу одного только факта достижения шестидесятилетнего возраста (ныне в УК РФ – возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости) без учета других значимых обстоятельств, в том числе соответствия состояния здоровья требованиям, при которых допускается возложение на него обязанности трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных центров.

Конституционный Суд РФ узрел в доводах жалобы рациональное зерно и 24 февраля 2022 г. вынес постановление № 8-П, в котором отметил недопустимость установления уголовным законом различий в правах осужденных, относящихся к одной категории, и умаления самого права просить о смягчении наказания. Ч. 7 ст. 53.1 УК РФ признана им несоответствующей Конституции РФ «в той мере, в какой она, исключая замену неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными работами осужденному мужчине единственно в силу достижения им шестидесятилетнего возраста, даже если он отвечает всем иным необходимым для замены наказания нормативным условиям, не сбалансирована в системе действующего правового регулирования гарантиями возможности применения иных вариантов смягчения наказания такому осужденному». Этим же постановлением был запрещен отказ в замене неотбытой части лишения свободы принудительными работами только лишь на основании достижения указанного возраста, если осужденный отвечает всем иным необходимым для замены наказания требованиям, а состояние его здоровья, в том числе с учетом перспектив его динамики на срок возможного отбывания данного вида наказания, позволяет выполнять трудовую функцию при привлечении к принудительным работам. Позднее законодатель учел соответствующую уголовно-правовую позицию Конституционного Суда РФ в ч. 7 ст. 53.1 УК РФ, внося в нее изменения федеральным законом от 3 апреля 2023 г. № 111-ФЗ.

Некоторые исследователи ставят под сомнение оправданность использования штрафа в качестве заменяющего наказания по ст. 80 УК РФ, расценивая подобные случаи как фактический откуп от отбывания лишения свободы [5, 54-57 стр.; 6, 67-72 стр.]. Прежде всего, необходимо отметить, что на практике штраф как более мягкий вид наказания применяется крайне редко, что уже само по себе свидетельствует о надуманности указанного довода. Кроме того, озвученный подход дает основание для постановки вопроса об исключении штрафа из системы уголовных наказаний как средства откупа виновных от назначения судами более строгих видов наказаний, альтернативно представленных в санкциях статей Особенной части УК РФ [4, 126 стр.]. Однако, думается, такой шаг был бы крайне опрометчивым, поскольку, следуя этой

«опасливой» логике, любой более мягкий вид наказания, равно как и любая иная мера уголовно-правового воздействия, могут восприниматься в качестве инструментов, позволяющих избежать отбывание лишения свободы.

Подводя итог проведенному исследованию, представляется возможным сформулировать следующие основные выводы:

1) в современных российских реалиях прослеживается устойчивая тенденция к расширению масштабов применения альтернативных наказанию мер уголовно-правового воздействия, в частности сосредоточенных в институте освобождения от наказания;

2) одним из наиболее широко применяемых видов освобождения от наказания выступает замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, что объясняется ее универсальным характером, а равно сохранением при ее применении реальных уголовно-правовых последствий;

3) содержание ст. 80 УК РФ, ее текущее реформирование и складывающаяся в соответствующей части судебная практика свидетельствуют о том, что реализация данного вида освобождения от наказания в целом ориентирована на обеспечение прав осужденных;

4) одновременно с этим нельзя признать исчерпанными резервы для оптимизации замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, отдельные направления ее совершенствования высвечены в настоящей работе.

Список использованных источников:

1. Кобзева Е.В. Глава 2. Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (в разд. III. Виды освобождения от уголовного наказания: уголовно-правовое исследование) // Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс в 10 т. Т. 8: Освобождение от уголовного наказания. Амнистия. Помилование. Судимость / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 201-214.

2. Пудовочкин Ю.Е. Статистические аспекты применения института освобождения от уголовного наказания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1 (93). С. 134-144.

3. Урусов А.А. Проблемы уголовно-правового регулирования замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Вестник Кузбасского института. 2020. № 2. С. 122-132.

4. Черненко Т.Г., Масалитина И.В. Некоторые проблемные вопросы замены уголовного наказания более мягким видом наказания // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32. С. 122-132.

5. Бабаян С.Л. Вопросы замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания в отношении осужденных к лишению свободы // Человек: преступление и наказание. 2011. № 1. С. 54-57.

6. Матвеев С.А., Макаров Р.В. Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания: особенности теории и практики реализации // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2016. № 1. С. 67-72.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ЖЕРТВАМИ И СВИДЕТЕЛЯМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Лица, не достигшие совершеннолетия, имеют отличительные черты психологического, физического, интеллектуального и нравственного развития.

Эти особенности связаны с ограниченностью жизненного опыта, знаний, представлений о морально-нравственных категориях, с недостаточной сформированностью адаптивных поведенческих навыков.

Безусловно, эти факторы следует учитывать в уголовном процессе, сопровождая расследование оказанием психологической помощи несовершеннолетним жертвам и свидетелям преступлений.

Несовершеннолетние, будучи лицами с неокрепшей психикой, несформированные в полной мере физически, являются легкой жертвой систематического домашнего насилия, буллинга, травли.

В особенности это проявляется в семьях, где один родитель является приемным, либо в социально неблагополучных семьях.

Насилие можно разделить на несколько видов:

- физическое
- психологическое
- сексуальное
- пренебрежение нуждами ребенка [1].

Физическое насилие - нанесение ребенку физических повреждений и травм, которые причиняют ущерб здоровью ребенка, нарушают его развитие. Сюда относятся и физические наказания, как средства воспитательного воздействия на детей.

Сексуальное насилие.

Сексуальное насилие – вступление с ребенком в половую связь либо совершение насильственных действий сексуального характера против его воли.

Физическое и психологическое насилие влекут ответственность, установленную Кодексом Республики Казахстан об административных правонарушениях и Уголовным кодексом Республики Казахстан.

Психологическое насилие

Психологическое насилие – постоянное оказание на ребенка морального давления, беспричинное осуждение либо высмеивание его поведения, поступков, необоснованная критика взглядов ребенка, безосновательное родительское наказание либо угроза его применения.

Пренебрежение нуждами ребенка.

Пренебрежение основными нуждами детей – отсутствие элементарной заботы о ребенке, в результате чего нарушается его эмоциональное состояние и появляется угроза его здоровью или развитию.

Это отсутствие должного обеспечения основных нужд и потребностей ребенка в пище, одежде, жилье, воспитании, образовании, медицинской помощи со стороны родителей, отсутствие должного внимания и заботы, оставление детей без присмотра, что может привести к несчастным случаям, отравлениям и другим опасным для жизни и здоровья ребенка последствиям.

В отношении ребенка могут быть применены как отдельные виды насилия, так и в совокупности. Как правило, физическое и психологическое насилие происходят вместе, сопровождаясь насилием психологическим [2].

Сопровождение несовершеннолетних жертв и свидетелей преступлений выражается в оказании им морально-психологической помощи [3; 33-40 стр.].

Оказание морально-психологической помощи

а) жертве преступления (потерпевшему)

Жертва любого насильственного преступления вне зависимости от возраста нуждается в психологической поддержке. Если же жертвой является несовершеннолетний, то есть лицо с более тонкой психикой, то адаптационно-психологическая помощь должна стать одним из ключевых аспектов расследования.

Статья 80 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан позволяет привлекать к участию в следственных действиях с участием несовершеннолетнего педагога, психолога [4].

Перед началом расследования с привлечением психолога или педагога в неформальной обстановке необходимо провести с ребенком психологическую беседу, выяснить, готов ли он к проведению следственных действий, каково его эмоциональное состояние, не нарушена ли работа его психики, имеются ли у ребенка какие-либо тревоги, опасения. Любое насильственное преступление оставляет глубокий след – как физический, так и моральный. Не исключено, что в случае незаживления психологических ран ребенок будет склонен к даче неправдивых или ложных показаний, что скажется на объективности расследования [5; 17-18 стр.].

Как известно, сам процесс расследования уголовного дела представляет совокупность различных следственных действий, целью которых является воссоздание картины исследуемого события. По этой причине в ходе него несовершеннолетний будет буквально погружен в те обстоятельства, при которых он стал жертвой преступления. Ему придется заново пережить расследуемые события и окунуться в неприятные воспоминания. Поэтому важно оказывать ребенку особую поддержку на всех следственных действиях.

Ключевым следственным действием, в результате которого складывается первая картина обстоятельств преступления, является допрос.

Статья 215 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан гласит, что для участия в допросе свидетеля или потерпевшего в возрасте до четырнадцати лет, а по усмотрению лица, осуществляющего досудебное расследование, и для участия в допросе свидетеля или потерпевшего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет вызываются педагог и (или) психолог. При допросе несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего вправе присутствовать его законные представители [4].

При таких обстоятельствах допрос в обязательном порядке должен быть произведен с участием педагога и (или) психолога. При приглашении педагога необходимо предложить несовершеннолетнему выбрать его из числа персонала учреждения, в котором он проходит обучение. Возможно, в образовательном учреждении имеются педагоги, с которыми у несовершеннолетнего установлена особо тонкая эмоциональная связь.

Согласно ст.209 УПК, допрос производится по месту проведения досудебного расследования. Лицо, осуществляющее досудебное расследование, вправе, если признает это необходимым, произвести допрос в месте нахождения допрашиваемого [4]. Для психологического комфорта несовершеннолетнего рекомендуется провести допрос по месту его проживания или нахождения.

В случае проведения допроса в здании органа уголовного преследования необходимо исключить строгую формальную обстановку, создав в кабинете благоприятную среду: разместить комфортную мягкую мебель, игрушки, красочную мебель и т.д. Внешний вид следователя не должен вызывать у несовершеннолетнего чувства страха или отчуждения.

К примеру, возможно, форменная одежда или слишком строгий вид послужат барьером в общении в ходе допроса. В этой связи рекомендуется выбрать одежду, выглядящую представительно и в то же время неформально. При даче показаний несовершеннолетний будет погружаться в обстоятельства преступления, что может сказаться на его эмоциональном состоянии.

Поэтому в ходе допроса необходимо делать короткие паузы и в корректной форме напоминать ему, что расследуемые события остались в прошлом, а в данный момент проводится восстановление справедливости [6].

Как известно, статьей 209 Уголовно-процессуального кодекса, установлено предельное время непрерывного допроса – не более двух часов, и общей продолжительности допроса – не более 4 часов.

В связи с этим следует разделить допрос на две части (по два часа). На первой части рекомендуется побеседовать с допрашиваемым, предложить рассказать об увлечениях, достижениях, вкусовых предпочтениях, издали интересуясь обстоятельствами преступления. На второй части, когда несовершеннолетний вошел в доверие к следователю, стал более разговорчив, необходимо задавать конкретные и уточняющие вопросы по совершенному преступлению.

Следователю, проводящему расследование, необходимо понимать, что расследование в конечном итоге завершится, а несовершеннолетний останется с негативными воспоминаниями о произошедшем событии.

Поэтому целью психологического сопровождения должно являться формирование позитивной Я-концепции ребенка, пострадавшего от насилия.

б) свидетелю преступления

Несовершеннолетний свидетель преступления также нуждается в оказании психологической помощи. Если он является очевидцем преступления, то скорее всего на него было оказано психотравмирующее воздействие от увиденного. Разница в подходе при психологической помощи несовершеннолетнему свидетелю в

том, что он не испытал на себе тех травм и последствий, через которые прошел потерпевший [7; стр.84-90].

Показания свидетеля имеют не менее важное доказательственное и процессуальное значение, в связи с чем они должны быть полными, всесторонними и объективными.

Свидетель, находясь в состоянии стрессового шока, способен дать неполные либо неправдивые показания. По этой причине психологическое сопровождение его участия в процессе должно быть обязательным в случае, когда несовершеннолетний свидетель был подвержен психотравмирующему воздействию. Для того, чтобы на медицинском уровне определить, имеются ли у несовершеннолетнего свидетеля (очевидца преступления) психологические травмы необходимо проведение соответствующего обследования.

Ее организация должна быть обеспечена квалифицированным психологом. Физическое сопровождение несовершеннолетнего свидетеля обеспечивается сотрудником ювенальной полиции после получения информации от следователя.

Таким образом, рекомендуется наладить должное взаимодействие между следственными подразделениями и группами ювенальных инспекторов полиции. Роль следователя заключается в информировании ювенального инспектора о наличии того или иного несовершеннолетнего, ставшего очевидцем преступления, задача ювенального инспектора состоит в проведении с ним беседы и направлении в кризисный центр.

Вопросы такого взаимодействия следует определить специальным ведомственным актом. Следственные действия с несовершеннолетним свидетелем проводить с участием педагога и психолога в непринужденной обстановке. Задача следователя продемонстрировать, что является не только орудием возмездия, но и другом несовершеннолетнего, который может оказать ему любую помощь, в том числе в жизненных ситуациях.

К примеру, в 2021 году в городе Караганде имел место следующий случай. Четырнадцатилетний Н* являлся свидетелем по уголовному делу о насильственных действиях сексуального характера в отношении его брата пятилетнего А* со стороны отчима – гражданина А.Е.А. Показания им давались тяжело, в общении чувствовалась сжатость и тревога.

На одной из бесед со следователем несовершеннолетний свидетель сообщил, что давно мечтает оказаться в салоне патрульной машины полиции. Лицо, осуществлявшее досудебное расследование, организовало ему экскурсию по автопарку отдела полиции, а также поездку по территории города в специальной автомашине.

После этого случая несовершеннолетний свидетель стал более открыт для следователя, охотно давал изобличающие вину подозреваемого показания.

Статьей 217 УПК предусмотрена возможность депонирования показаний свидетеля и потерпевшего [4]. Его целью является исключение их последующих допросов с целью избежания психотравмирующего воздействия. Однако в действительности такая практика применяется в отношении потерпевших, депонирование показаний свидетелей проводится крайне редко. По этой причине следует более широко использовать данный институт.

В целом, правильная психологическая работа с несовершеннолетним участником уголовного процесса является сложным и значимым вопросом, от которого могут зависеть его психоэмоциональное состояние и жизненные ориентиры.

Список использованных источников:

1. Домашнее насилие. Виды, причины и последствия [Электронный ресурс] [https:// enakievo-online.ru/](https://enakievo-online.ru/) (дата обращения 21.10.2023).

2. Виды насилия над детьми и пути его преодоления. Методические рекомендации [Электронный ресурс] <https://pc-korelichi.schools.by/pages/vidy-nasilija-nad-detmi-i-puti-ego-preodolenija-metodicheskie-rekomendatsii> (дата обращения: 21.10.2023).

3. Н.В. Ключева. Психологическое и организационно-правовое сопровождение несовершеннолетних детей, участвующих в следственных действиях // Прикладная юридическая психология. 2016. №2.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.09.2023 г.) [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. — URL: [http:// adilet.zan.kz/rus](http://adilet.zan.kz/rus) (дата обращения: 14.10.2023).

5. Аджиев Н. Н. Участие педагога (психолога) в производстве по делам несовершеннолетних // Российский судья. 2008. № 8.

6. Васько Е. В. К вопросу об участии специалиста-психолога в подготовке и проведении допроса несовершеннолетнего, потерпевшего от сексуального насилия [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. № 2. URL : <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n2 /52072.shtml> (дата обращения 21.10.2023).

7. Тетюев С. В. О регламентации участия педагога (психолога) в производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в странах СНГ // Журнал российского права. 2009. № 7.

Ванин Дмитрий Владимирович,

к.ю.н., старший методист отделения факультета подготовки научно-педагогических кадров ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия следственного комитета Российской Федерации», город Санкт-Петербург, Российская Федерация

Калинкин Алексей Владимирович,

к.ю.н. доцент кафедры криминалистики факультета подготовки криминалистов ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия следственного комитета Российской Федерации», город Санкт-Петербург, Российская Федерация

Угланова Оксана Александровна,

к.ю.н., доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», город Саратов, Российская Федерация

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТАТУС ЛИЧНОСТИ И ГАРАНТИИ ЕГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Во всех сферах отношений, регулируемых правом, человек и гражданин выступает как субъект соответствующих прав, свобод и обязанностей, которые определены нормами конкретной отрасли. «Правовое положение (статус) человека и гражданина в полном объеме характеризуется совокупностью прав, свобод и обязанностей, которыми он наделяется как субъект правоотношений, возникающих в процессе реализации норм всех отраслей права [1; 138 стр.]. В этом плане конституционное право выполняет особую роль в установлении правового положения человека и гражданина. Важное место в системе отрасли конституционного права занимает институт, нормы которого закрепляют основы правового статуса личности или, иными словами, основы правового положения (статуса) человека и гражданина» [2; 17 стр.]. Этот институт является центральным в конституционном праве [3; 48 стр.].

Конституционное воплощение этот институт получил в гл. 2 действующей Конституции РФ: «Права и свободы человека и гражданина» [4]. В нормах этой главы конкретизирована одна из основ конституционного строя России, которая провозглашена в ст. 2 Конституции и в которой устанавливается, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства.

Конституционно-правовой институт, нормы которого закрепляют основы правового статуса личности, отражает наиболее существенные, исходные

начала, определяющие положение человека в обществе и государстве, принципы их взаимоотношений.

К предмету конституционного права относится закрепление основ правового статуса личности. Это в прямой форме выражено в ст. 64 - заключительной статье гл. 2 Конституции. В ней отмечается, что «положения настоящей главы составляют основы правового статуса личности в Российской Федерации».

В Конституции РФ проводится разграничение основных прав и свобод на права и свободы человека и гражданина. Права гражданина охватывают сферу отношений индивида с государством, в которой он рассчитывает не только на ограждение своих прав от незаконного вмешательства, но и на активное содействие государства в их реализации. Статус гражданина вытекает из особой правовой его связи с государством - института гражданства (ст.6 Конституции РФ). Там, где речь идет о правах человека, используются формулировки «каждый имеет право», «каждому гарантируется» и т.д., что подчеркивает признание прав и свобод за любым человеком, находящимся на территории России, независимо от того, является ли он гражданином РФ, иностранцем или лицом без гражданства.

«Конституционный (базовый) статус личности объединяет главные права, свободы, обязанности и их гарантии, закрепленные в основном законе страны. Его характерным признаком является стабильность, которая обусловлена особенностями самой человеческой жизни и предполагает установление в обществе нормального правопорядка, предсказуемых и разумных изменений, обеспечивающих сохранение генофонда страны, темпы производства материальных и духовных ценностей, свободное развитие личности. Как любая основа, на которой образуются новые качества, конституционный статус должен обладать устойчивостью» [5]. Поэтому содержание этого статуса составляют те права и обязанности, которые предоставлены и гарантированы всем и каждому Основным законом страны. Изменение этого содержания зависят от воли законодателя, а не от каждого отдельного лица.

Таким образом, признание прав и свобод человека и гражданина высшей ценностью является вектором построения всего отечественного отраслевого законодательства. «Признание высшей ценности прав и свобод человека означает приоритет прав и свобод человека в деятельности всех органов государства, их ориентацию на эти права и свободы. Высшая ценность прав человека проявляется, во-первых, в выражении его свободы, во-вторых, права человека призваны служить ограничителем всевластия государства, препятствовать произволу государственных органов и должностных лиц, необоснованному вторжению государства в сферу личной свободы человека» [6; 5стр.].

В сфере уголовного судопроизводства гарантировать конституционные права и свободы личности, в первую очередь, призвана стадия возбуждения уголовного дела. На протяжении многих десятилетий в науке уголовного процесса отмечалась двойственная природа стадии возбуждения уголовного дела. По справедливому замечанию Н.В. Жогина и Ф.Н. Фаткуллина «эта стадия предназначена обеспечить, с одной стороны, немедленное и решительное реагирование на каждый преступный факт, с другой – своевременное предотвращение расследования факта, не

представляющего значительной общественной опасности либо вовсе не имевшего места в действительности» [7; 5 стр.].

Однако, в последнее время наблюдается нарушение такого баланса. В свете изменений уголовно-процессуального законодательства деятельность органов предварительного расследования по проверке сообщений о преступлениях стала носить преимущественно изобличительную направленность. В процессуальной литературе высказывалось мнение о том, что в стадии возбуждения уголовного дела «необходимо принимать меры к обнаружению, фиксации, изъятию следов преступления, и к быстрому раскрытию преступления по горячим следам, а для этого должностные лица правоохранительных органов должны быть наделены эффективным инструментарием, позволяющим проводить проверку сообщений. При этом методы и порядок производства проверочных действий должны максимально защищать права и законные интересы личности, вовлекаемой в сферу уголовно-процессуальных отношений. С этой целью предлагалось, во-первых, расширить круг следственных действий, которые могут проводиться в стадии возбуждения уголовного дела. Во-вторых, закрепить виды и порядок производства процессуальных проверочных действий, не имеющих статуса следственных. В-третьих, предусмотреть перечень участников этой стадии и наделить их комплексом прав и обязанностей» [8; 43 стр.].

На первый взгляд подобного рода предложения направлены на обеспечение прав лиц, вовлеченных в производство предварительной проверки. Однако, с другой стороны, подобного рода предложения не учитывают правовую природу и процессуальное назначение стадии возбуждения уголовного дела и, фактически, создают условия для успешного осуществления уголовного преследования до возбуждения уголовного дела.

Такое реформирование уголовно-процессуального законодательства, по верному замечанию Н.С. Мановой, противоречит «общей концепции отечественного уголовного судопроизводства, которая исходила из того, что стадия возбуждения дела приводит механизм уголовного процесса в движение, создает правовую основу для выполнения процессуальных действий в последующих стадиях, то есть служит «точкой отсчета начала действия специфического режима уголовно-процессуального регулирования взаимоотношений государства и человека и определяет пределы правового поля, в рамках которого допускается использование соответствующих полномочий органов и должностных лиц, осуществляющих досудебное производство», и точкой отсчета сроков данного производства» [9; 24 стр.]. «Стадия возбуждения уголовного дела позволяет четко очертить рамки предварительного расследования с присущим ему государственно-властным принудительным характером, что уже само по себе является гарантией конституционного статуса личности в сфере уголовного судопроизводства. Досудебное производство может и должно осуществляться только в рамках тех обстоятельств, которые составили предмет возбуждения уголовного дела. Иначе говоря, оно ограничивается возможным составом того преступления, в рамках которого возбуждено дело. Всякий выход за пределы указанных обстоятельств возможен только после выявления оснований для возбуждения другого уголовного дела и объединения его с ранее возбужденным» [10; 21 стр.]. Поэтому, как следствие, и

доказательства, устанавливающие виновность лица в совершении преступления должны формироваться в рамках возбужденного уголовного дела. В этом проявляется, кроме всего прочего, официальность уголовного судопроизводства.

Закрепленная в действующем УПК концепция «суррогатного расследования» позволяет в стадии возбуждения уголовного дела формировать доказательственную базу без установления, каких бы то ни было рамок исследования, более того, лицом, которое, по известной причине, официально не принимало уголовное дело к своему производству. В теории доказательств является аксиомой правило, согласно которому доказательства должны собираться по конкретному уголовному делу надлежащим субъектом, в нашем случае следователем (дознавателем) официально принявшим уголовное дело к своему производству.

Безусловно, изобличать лицо в совершении преступления в ходе предварительной проверки органам предварительного расследования более удобно, поскольку возбуждение уголовного дела и официальное принятие его к своему производству возлагает дополнительную ответственность на следователя за ход и результаты производства. Куда проще, как это предлагали некоторые авторы, и сделал законодатель, расширить круг следственных действий, которые могут проводиться в стадии возбуждения уголовного дела, увеличить срок предварительной проверки и получить возможность благополучно изобличать лицо в совершении преступления, формировать для этого полноценную доказательственную базу и все это вне рамок уголовного дела. В этой связи, следует согласиться с С. Вициным, обоснованно характеризующего предварительную проверку, как типичный институт инквизиционного процесса, предоставляющий несоразмерные возможности и преимущества стороне обвинения [11; 56 стр.]. В этой части становится вновь актуальным мнение авторов Концепции судебной реформы о том, что доследственная проверка сообщений о преступлениях не что иное, как «суррогат расследования», способный иногда предрешить исход дела [11; 88-89 стр.].

Тем не менее, действующее уголовно-процессуальное законодательство закрепляет возможность осуществления полноценного доказывания без официального отражения его границ (признаков конкретного состава преступления) «ненадлежащим» субъектом, например, следователем, назначившим судебную экспертизу до возбуждения уголовного дела, проводившим освидетельствование и др. Более того, если в последующем по уголовному делу будет произведено дознание в сокращенной форме и рассмотрено судом в особом порядке, то можно констатировать фактическое изобличения лица в ходе предварительной проверки, без придания лицу соответствующего статуса. Закономерно возникает вопрос о достаточной обеспеченности конституционного статуса личности в стадии возбуждения уголовного дела.

С точки зрения обеспечения (гарантированности) конституционного статуса личности стадия возбуждения уголовного дела является своего рода фильтром (барьером), посредством которого из деятельности органов предварительного расследования своевременно исключается все то, что не влечет уголовной ответственности. Это, безусловно, является гарантией от

необоснованного осуществления уголовного преследования и, как следствие, ограничение конституционных прав и свобод личности. Поэтому в качестве отправного положения (общего условия) должно быть незыблемое правило о допустимости ограничения конституционных прав и свобод личности только в рамках возбужденного уголовного дела и в строго предусмотренных законом случаях. Все это должно производиться лицом, которое официально приняло уголовное дело к своему производству и несет личную ответственность за все произведенные процессуальные действия и принятые решения. Если в ходе предварительной проверки возникает необходимость отработать версию о причастности лица к совершению преступления, то необходимо официально возбудить уголовное дело, лиц, имеющих интерес по уголовному делу, наделить соответствующим процессуальным статусом, тем самым ограничить всевластие государственных органов, воспрепятствовать возможному вторжению государства в сферу личной свободы человека и, тем самым, выполнить положение Конституции РФ, согласно которому человек его права и свободы обеспечиваются государством. Важнейшей процессуальной гарантией конституционных прав и свобод личности выступает акт возбуждения уголовного дела. Именно возбуждение уголовного дела по конкретным признакам состава преступления является необходимой предпосылкой (условием) для последующего изобличения лица в совершении преступления, ограничения его конституционных прав и свобод. Стабильность, как неотъемлемое свойство конституционного статуса личности должна иметь определяющее (основополагающее) значение в правоотношениях, возникающих между государством и отдельной личностью при производстве предварительной проверки сообщений о преступлениях.

Список использованных источников:

1. См.: Конституционное право России. Ученик / Отв.ред. А.Н. Кокотов, М.И. Кукушкин. М., 2007., С. 138.
2. Якубовская Д.Д. Понятие, классификация и конституционное закрепление прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Современное право. 2011. С. 17.
3. Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю. Права человека. Учебник. М., 2008. С. 48.
4. См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 5.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ, от 14.03.2020№1-ФКЗ) // Российская газета. -1993. - № 237; 2020. - №144.
5. Теория государства и права. Курс лекций. [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliorossica.com/boo> (дата обращения 27.10.2023).
6. Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие. М., 1965. С. 5.
7. Там же
8. См. Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав личности в стадии возбуждения уголовного дела // Российская юстиция. 2010 № 2. С. 43.

9. Манова Н.С. Проблемы правовой регламентации и практики осуществления деятельности в стадии возбуждения уголовного дела // Право. Законность. Личность. 2013. № 1(16). С. 24.

10. Манова Н.С. Проблемные аспекты стадии возбуждения уголовного дела по новому УПК РФ // Российский судья. 2003. № 5. С. 21.

11. Вицин С. Институт возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Рос. Юстиция. 2003. № 6. С. 56.

Мәуленов Думан Болатұлы
з.ғ.к., Жамбыл облысы кәмелетке
толмағандардың істері жөніндегі
мамандырылған ауданаралық
сотының төрағасы

КЕЙБІР ШЕТ МЕМЛЕКЕТТЕРДІҢ КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ ҚҰҚЫҒЫНДАҒЫ АР-НАМЫС ЖӘНЕ ҚАДІР-ҚАСИЕТ ТҰЖЫРЫМДАМАСЫ ЖӘНЕ ОНЫ ҚОРҒАУДЫҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ- ҚҰҚЫҚТЫҚ МЕХАНИЗМДЕРІ

Тәуелсіз Қазақстан 1992 жылдың наурызында Біріккен Ұлттар Ұйымының мүшелігіне өткен соң серпінді әрі үдемелі түрде құқықтық мемлекет және азаматтық қоғам құруды қолға алды, құқықтық шығармашылық процесін елдегі жүріп жатқан түбірлі экономикалық және саяси-әлеуметтік реформалар талаптарына байланысты ғана емес, сонымен бірге құқықтық жүйенің жалпы жұрт таныған халықаралық нормаларына сәйкестендіруге ұмтыла отырып жандандыра түсті. Сондықтан да экономикадағы, саяси-әлеуметтік және рухани саладағы адамның және азаматтың мәртебесін тиянақтайтын демократиялық өзгерістердің әлемдік тәжірибесін терең зерделейтін құқықтық ғылымды дамыту проблемасы алға шықты. Осы орайда Қазақстан Республикасы дамуының ағымдағы және перспективадағы міндеттерінің ерекшеліктерін ескере отырып шетелдердің конституциялық құрылысының теориясы мен практикасын танып-білу және пайдалану айрықша маңызға ие болады.

Адам құқығы мемлекеттіліктің қалыптасуы мен дамуының алғашқы кезеңдерінде тек қана ұлттық заңдылықтар тарапынан ғана реттелетін болса, бұдан кейінгі кезеңдерде бұл процесте халықаралық құқықтың ролі өсті және күшейе түсті. Бірте-бірте адам құқығын реттеудің халықаралық-құқықтық компоненті өз арнасына адамның өмірі мен қызметінің мейлінше кең көлемдегі мәселелерін енгізе бастады, өзінің қағидалары мен нормаларына еселенген салмақ және маңыз беріп, мемлекетшілік компоненттермен бәсекеге түсе бастады. Ол көлемі және мәні жағынан мемлекетшілік компоненттерге жақындағандай болды. Түрлі елдердегі, аймақтар мен континенттердегі нақты жағдайларға, сондай-ақ, халықаралық деңгейдегі саяси және басқа күштердің арасалмағына байланысты халықаралық құқықтық және ұлттық құқықтық реттеу тепе-теңдігі, сонан кейін мемлекетшілік реттеу құралдарынан халықаралық құқықтық ықпалдың үстем болуы орныға бастады.

Әр ел жекелеген конституциялық-құқықтық проблемаларды шешудің өзіне ғана тән жолдарын тапқан. Ондай тәжірибені зерттеудің ғылыми-тәжірибелік маңызы зор. Жағымды, оң бағыттағы нәтижелерді отандық конституциялық заңнаманы қалыптастыруда пайдалану қажеттігі айқын. Шетел конституциялық-құқықтық негізгі институттарына салыстырмалы-құқықтық талдау жасау маңызды екендігі даусыз. Осыған байланысты шетел конституциялық құқығындағы қадір-қасиет тұжырымдамасы мәселесіне тоқталғанды жөн көрдік. Өйткені жеке адамның қадір-қасиетін құрметтеу – өркениетті қоғамның айнымас белгісі [1; 217 б.].

Шетел Конституцияларындағы қадір-қасиет институтының көрініс табуын зерделей келе біздің отандық конституциялық құқықпен ұқсас тұстарын да, ерекшеліктерін де танып білдік. Сонда аңғарғанымыз, өркениетті қоғамда адам құқығы барынша көп сипатты, алайда біртекті емес. Адам, оның өмірі, ар-намысы мен қадір-қасиеті ең жоғары құндылық болып табылады. Адамның және азаматтың құқығы мен бостандығын тану, сақтау және қорғау – мемлекеттің басты міндеті.

Әркім ар-намыс және қадір-қасиет құқығына ие (Әзірбайжан Республикасы Конституциясының 35 бабы, Грузия Конституциясының 17 бабы, Украина Конституциясының 25 бабы). Шет елдер конституциялары, соның ішінде ТМД мемлекеттерінің конституциялары адамның қадір-қасиетін кемсітуге ешқандай негіз болуға тиіс еместігін белгілейді. Әр адамның ар-намысына, адал атына және қадір-қасиетіне қол сұғудан, жеке өміріне мемлекеттің, қоғамның және жеке адамдардың араласуынан қорғану құқығы бар [2; 164 б.].

Испания Конституциясының 10 бабында былай делінген: «Жеке адамның қадір-қасиеті, оның құқықтарының ажырамастығы, оның еркін дамуы, заңды және басқалардың құқықтарын құрметтеуі саяси тәртіптің және әлеуметтік тыныштықтың негізі болып табылады» [3; 57 б.].

Поляк Республикасы Конституциясының 30 бабының 2 бөлімі атап көрсеткендей: «Адамның табиғи және ажыратылмас қадір-қасиеті адам мен азаматтың құқықтары мен бостандықтарының қайнар көзі (бастауы) болып табылады. Ол мызғымас, ал оны құрметтеу және қорғау жария биліктің міндеті болып табылады»

Адамның қадір-қасиеті құрметтеу құқығымен және басқаларды құрметтеу міндетімен бірдей. Ол өзінің бостандығын, теңдігін және қорғалғандығын сезінетін жеке адамның дамуы арқылы жүзеге асады. Қадір-қасиет адамды ықпал объектісінен құқықтық мемлекеттің белсенді субъектісіне айналдырады. Мемлекет қана адамға өзін-өзі бағалау, таңдау жасау құқығын береді және өмірлік құндылықтарын таңдауын қорғайды. Мемлекеттің міндеті болып табылатын қадір-қасиетті қорғау адам құқығында нақтыланады. Сондықтан неғұрлым жалпылама түрде мемлекеттің мақсаты адамның қадір-қасиетін қорғау деп айтуға болады. Осылайша «мемлекет халыққа қызмет етуі тиіс» деп жүргеніміздің өзі, ең әуелі, мемлекет әрбір адамның қадір-қасиетін қорғауды қамтамасыз етуі тиіс дегенді білдіреді. Сондықтан әлем елдерінің конституциялары осынау аса қастерлі қағиданы халықтың егемендігімен және мемлекеттің негізгі міндеттерімен біртүзбек етіп белгілеуі кездейсоқ емес. (ФРГ, Греция, Португалия және басқалар). Егер ол тиісті деңгейде қорғалған болса, бұл

демократия мен құқықтық мемлекеттіліктің тірегі. Егер қоғам жеке адамның қадір-қасиетін танымаса және қорғамаса, онда ешбір заңдық, экономикалық және саяси шаралар қоғамның мәдени және этикалық мығым іргетасын қамтамасыз ете алмайды [4; 177-178-б.].

Ресей Федерациясының Конституциясы жеке адамның қадір-қасиетін «Оны кемсітуге ешқандай негіз болу тиіс емес» деген абсолюттік принципті белгілей отырып қорғайды. Бұл қағида 21-бапта адамды қинау, зорлау, басқа да адамның қадір-қасиетін төмендететін қатігездікке және жазалауға, сондай-ақ, өз еркімен келіспейінше медициналық, ғылыми және басқа тәжірибе жүргізуге тыйым салумен толықтырылған. Осынау игі мақсатқа Негізгі заңның көптеген нормалары қызмет етеді: лайықты өмір сүру құқығы, жеке өміріне қол сұғылмауы, адамның өзінің ар-намысын және адал есімін қорғауы, жеке өмірі жөнінде ақпарат жинауға, тұрғын үйіне күштеп кіруге тыйым салу және басқалары.

Біз кеңірек тоқталғалы отырған Германияның конституциялық құқығында жеке адамның қадір-қасиеті негізгі құқықтардың ғана емес, сонымен бірге маңызды конституциялық қағидалардың да бірі. «Адамның қадір-қасиетіне қол сұғылмайды; оны құрметтеу және қорғау – бүкіл мемлекеттік биліктің міндеті». Германия Федеративтік Республикасы Негізгі заңының 1 бабының 1 азат жолында осылай делінген.

Бұл қағиданы неміс Ата заңының алғашқы бабына енгізудің өзі оның айрықша маңыздылығын көрсетеді. Сол арқылы Заң шығарушы ұлтшыл-социализмді оның «Сен ештеңе емессің, сенің халқың – бәрінен биік» деген ұранымен қоса жоққа шығаруға және адам «өзі үшін де, мемлекет үшін де бірден-бір жоғары мақсат» деген идеяға негізделген жаңа мемлекеттік тәртіптің ірге тасын қалауға ұмтылған.

Негізгі Заңның 1 бабының 1 азат жолын сот тәжірибесінде қолдану айрықша қызығушылық туғызады. Адамның қадір-қасиеті кепілдігінің мазмұнын қалыптастыруда үш негізгі аспекті бөліп көрсетіледі: адамның қадір-қасиеті ұғымы, қадір-қасиетке қол сұғылмауы, оны құрметтеу және қорғау.

Бұл түсініктің мазмұны уақыт өткен сайын өзгереді және ол өзінің дамуы жағынан қоғамның мәдениетіне байланысты болады. Сондықтан немістің заң ғылымы мұны бір рет және біржола белгіленген деуге тырыспайды. Неміс құқықтанушы-ғалымдары әділетті көрсеткендей, адамның қадір-қасиетінің мазмұнын бүгінгі түсініктермен жазуға тиіс емеспіз, болашақ ұрпақ, келер қоғам үшін бүгінгі қолсұғылмаушылық формуласы оның мәдени мазмұнының өзгермелі болатындығынан тек қана алғашқы материал ретінде қарастырылады. Шындығында Ата заңды жасаушылар адамның қадір-қасиеті жөніндегі норманы ең алдымен мемлекет тарапынан болатын қаталдық, кемсіту тұрғысындағы әрекеттен қорғау үшін ойластырған.

Сот тәжірибесінде қолданылатын қадір-қасиет ұғымын талдауға тоқталайық. Германияның федералды конституциялық соты (одан әрі – ГФКС) осынау ұғымның айқын еместігі және оны түсіндірудің көп мәнділігі үлкен артықшылық болып табылатынын, өйткені бұл нормаға белгілі дәрежеде ашықтық және оны тұрақты өзгеріп жатқан жағдайға қолдануға мүмкіндік беретінін үнемі атап көрсетеді. Сот тәжірибесінде сөз болып отырған норма аса

сақтықпен қолданылады, өйткені адам қадір-қасиетінің кепілдігі «ұсақ-түйектерге» пайдаланылуы мүмкін деген қауіп ойда тұрады. Адамның қадір-қасиет ұғымын неғұрлым кеңірек түсіндірген сайын, оның «қолсұғылмауы» ұғымының өз мәнін жоғалту қаупі күшейе түседі.

Қадір-қасиет ұғымы мазмұнының айқын еместігінен, оның жағдайға тәуелділігінен және басқа негізгі құқықтармен тығыз байланыстылығынан бұл құқықты қорғау саласын айқындау өте күрделі. Оны нақтыландырудың алғашқы әрекеттері адамның қадір-қасиеті «талдауға жатпайтын тезис» екендігіне негізделген болатын.

Ғалымдар бұған абстрактылы ұғым ретінде сақтықпен қарады және оның практикалық мәнінен солайша бас тартуға тырысты. Германияның заңғылымында қадір-қасиет негізгі құқық болып табыла ма деген сұраққа бірыңғай пікір жоқ. ГФКС бұл мәселеге біржақты жауап бермейді, алайда конституциялық шағымдарды қарауда бәрібір адамның қадір-қасиеті негізгі құқығы болып табылатындығын ескереді.

Сот тәжірибесі қадір-қасиет құқығын қорғау саласын мемлекеттің қандай әрекеттері бұл құқықты бұзу болып табылатынын анықтау арқылы айқындайды. Негізгі құқық догматикасына қарағанда қадір-қасиетті қорғау саласын айқындау проблемасы оған қол сұғуды анықтау проблемасына ұштасады. Мұндай көзқарастың негізгі артықшылығы оның икемділігінде: ол адамның қадір-қасиетіне жаңадан төнетін қатерді ескеруге мүмкіндік береді.

Осы орайда Берлиннің конституциялық сотының шешімі көрнекті. Істің жағдайы мынадай: Бұрынғы ГДР-дің мемлекеттік кеңесінің төрағасы Эрих Хонеккер 81 жасында шамамен 68 адамның өліміне қатысты деген айыппен алдын-ала қамауға алынған болатын. Алдын-ала қамаудың қажеттілігі айыпкердің қашып кету мүмкіндігі барына негізделген еді. Хонеккер қамалған сәтте рақтың өршіген түрімен ауырған болатын және дәрігерлердің қорытындысы бойынша жақын арада қылмыстық процеске қатысуға мүмкіндігі жоқ әрі сот үкімі шыққанша өмір сүруі екіталай еді. Берлиннің конституциялық соты ГФКС-тың шешіміне сүйене отырып ауыр да айықпас дертке шалдыққан және ажал алдында тұрған адамды қамауда ұстау Ата заңның 1 бабының 1 азат жолында кепілдік берілген оның қадір-қасиетін құрметтеу талабымен үйлеспейді деп есептеп, Эрих Хонеккерді алдын ала қамауда ұстау және одан әрі қылмыстық процесті жүргізу оның қадір-қасиетіне нұқсан келтіретіндігін таныды.

Осылайша адамның қадір-қасиеті кепілдігінің мазмұнын анықтауда немістің конституциялық құқығында белгілі бір әрекет адамның қадір-қасиетіне нұқсан келтіретін және қорғану саласына жөнсіз араласу болып сипатталатын интерпретация әдісі қолданылады. Сот тәжірибесі әрбір нақты жағдайды жеке қарау қажеттігін керек етеді.

Бұл талдаулар көрсеткендей, көптеген елдердің қадір-қасиет ұғымына (әрине, бұған ар-намыс, абырой-атақ, бедел, т.б кісілік қасиеттер сыйғызылған), оның мән-маңызына, Конституциялық құқықтан лайықты орын алуына деген көзқарастарында елеулі айырмашылықтар байқалмайды. Таным-түсінігі, түсіндірмелері ұқсас, ал құқықтың нақты өмірде жүзеге асуы, сөз жоқ, әрқилы деңгейде.

Қазақстан Республикасы тәуелсіздіктің арқасында Біріккен Ұлттар Ұйымына мүше болып, сол арқылы дүниежүзілік қоғамдастықтың толыққанды мүшесіне айналды. Енді еліміз халықаралық істерде, түрлі мемлекеттермен қарым-қатынастарда мемлекеттің өзінің заңдарын ғана емес, халықаралық қауымдастыққа ортақ заңдар мен қағидаларды да сақтауына тура келеді. Көптеген халықаралық келісімдерге, міндеттемелерге, саяси, құқықтық құжаттарға қол қойылды. БҰҰ аясында қызмет ететін көптеген салалық ұйымдардың мүшелігіне өтіп жатырмыз. Солардың ең бастысы – Адам құқын қорғайтын ұйымдармен бірлескен іс-қимылымыз.

Еліміздің заңгер-ғалымдары қазіргі замандағы адам құқығын қорғаудың жүйесі – халықаралық, аймақтық және ұлттық деңгейден тұратынын атап көрсетеді [5; 108 б.].

Қазақстан Республикасында қабылданған адам құқығын, оның ар-намысы мен қадір-қасиетін қорғауға бағытталған халықаралық құжаттар қатарына Адам құқығының жалпыға ортақ декларациясы (1948 жыл), Адамның құқығын және негізгі бостандықтарын қорғау туралы Конвенция (1950 жыл), Азаматтық және саяси құқықтар жөніндегі халықаралық Пакт (1966 жыл), Әдеби және көркем шығармаларды қорғау жөніндегі Берн конвенциясы (1971 жыл), Қинауға және басқа да қатыгездікке, адамға жат немесе адамның қадір-қасиетін кемсітетін әрекеттер мен жазаларға қарсы Конвенция (1984 жыл), Қарулы қақтығыстардың құрбандарын қорғау жөніндегі Бірінші кезектегі іс-шаралар туралы Келісім (1993 жыл) [6; 7-18-б.], тағы басқаларын жатқызуға болады. БҰҰ Жарғысының 55 бабына сәйкес бұл ұйым адам құқын және оның негізгі бостандықтарын баршаның құрметтеуіне ықпал етеді. Ал келесі 56 бабында Ұйымның барлық мүшелері 55 бапта көрсетілген мақсаттарды орындау үшін жеке және бірлескен іс-әрекеттер жасауға міндеттенеді. Жалпы осынау халықаралық құжаттарда адам құқығының стандарттары бекітілген деп есептейтін заң ғылымдарының кандидаты А.Қ. Абдрахманованың пікірі орынды деп білеміз [7; 14 б.].

Тарихқа үңілетін болсақ, адам құқығын қорғау, бостандықтарын, ар-намысы мен қадір-қасиетін жүйелеу ісінің алғашқы бастамалары орта ғасырлардың еншісінде. Алайда оның алғаш көрініс табуы 19 ғасырға жатады. Ал құқықтық мәселелерді қозғаған мемлекетаралық келісімдер 16 ғасырдан басталады екен. Бірқатар мамандар 1555 жылы қабылданған Дін әлемі жөніндегі Аугсбург шартын алғашқы деп есептейді. Қоғамда ең алдымен мемлекеттік құндылықтардың басымдығын бекітетін құқықтық нормалар көп болды. Сол арқылы индивидтің құқығы мен бостандығы мемлекет негіздерін сақтау міндеттеріне бағынышты еді. Бұл Рим империясында да, ертедегі Грек мемлекетінде де солай болды. Алайда кейбір ойшылдар адамның табиғи құқығы нормаларын Құдай да жоққа шығара алмайды, өйткені бұл нормалар адамның жаратылысынан, табиғатынан туындайды деп есептеген. Сөйтіп діни ағымның өкілдеріне де қарсы тұратын құқық туралы білімдер қалыптаса бастаған, Құдайдың құдіретіне деген сенім бірте-бірте заңның құдіретіне ауыса бастаған.

Адам құқын қорғаудың халықаралық жүйесі қалыптасқанына да көп уақыт болған жоқ. Соңғы кезге дейін мемлекет пен оның азаматтарының арасындағы өзара қарым-қатынас сол мемлекеттің ішкі ісі ретінде қаралып келді. Соған сәйкес адам құқын қорғаудың мемлекет ішіндегі механизмі жөнінде ғана әңгіме

болуы мүмкін еді. Тіпті БҰҰ Жарғысы қабылданғаннан кейін де бұл қарым-қатынастар әр мемлекеттің ішкі мәселесі болып қалды. Қазіргі кезде түбегейлі өзгерістер орын алып отыр. Құқықтың жоғарылығы жаңа әлемдік тәртіптің негізіне алынууда. Сондықтан да адам құқығы мен бостандығы халықаралық қауымдастықтың назарындағы басым бағытқа айналды. Біріккен Ұлттар ұйымы тиісті халықаралық-құқықтық актілер қабылдау арқылы адам құқығын қорғау жүйесін жасады деуге болады. Ол жүйе адам құқығы саласында тиісті құзыреті бар көптеген басты және арнайы органдардан және мекемелерден құралады. Олардың ішінде бірінші санатқа жататын Біріккен Ұлттар Ұйымының негізгі органдары болып Бас Ассамблея, Қауіпсіздік Кеңесі, ЭКОСОС, Қорғаншылық жөніндегі Кеңес, Халықаралық сот және Секретариат бар.

Конвенцияның негізгі талабы – ұлттық заңнаманың сақталуы. Ұйымға мүше мемлекеттердің билік органдары адам құқын бұзуға жол беретін әрекеттерден бас тартып қана қоймай, өздері үздіксіз ұлттық ерекшеліктер мен дәстүрлерге сүйене отырып адам құқын қамтамасыз ету үшін оң сипаттағы барлық қажетті шараларды жүзеге асыруы және барынша күш-жігер жұмсауы тиіс. Еуропа конвенциясының басты артықшылығы – онда әуел бастан үш түрлі құрылымнан тұратын бақылау механизмінің болуы. Олар адам құқы жөніндегі Еуропалық комиссия, Еуропалық Сот және Министрлер комитеті. Комиссияның және соттың юрисдикциясын тану сол мемлекеттің Еуропа кеңесіне қабылдануының бір шарты болып табылады.

Еуропалық соттың қызметі бұл күндері кең көлемдегі оң сипатты рөлге ие. Конвенцияны қолдану және түсіндіру жөніндегі істерді қарау үшін құрылған сот қазір күнделікті қызметінде адам құқығы мен оның негізгі бостандықтарын сақтауға неғұрлым тиянақты әрі адал қарауды талап ете отырып, мемлекеттердің Заң шығарушы органдарына және басқару аппаратына тұрақты түрде ықпал ететін, Еуропалық құқық нормаларын ұлттық заңнамаға енгізетін, бұл салада көзге түсетін жаңа тенденцияларды қабылдайтын заңдық инстанцияға айналды.

Еуропалық адам құқы жөніндегі сот – Конвенция негізінде құрылған халықаралық сот органы. Оның басты қызметі – жеке адамның құқығын өрескел бұзудан сақтау. Конвенцияның басым бағыты да сол.

Халықаралық деңгейде адам құқын қорғаудың соттан тыс процедуралары да бар. Мысалы, азаматтық және саяси құқықтар жөніндегі Пактының 40 бабына сәйкес оған қатысатын мемлекеттер Пактыны жүзеге асыруы туралы баяндама тапсырады. Бұл баяндамаларды адам құқығы және азаматтық қоғам институттарын дамытуға көмектесу Кеңесі қарайды. Мемлекеттердің өзіне алған міндеттемелерін орындауы жөніндегі баяндамаларын қараған Комитет қатысушы-мемлекеттерге ескертпелерін, қалыптасқан жағдайға берген бағасын жібереді. Мұндай ақпарат БҰҰ-ның тиісті органдарына да жолданады. Арызшағымды, петицияны, жеке немесе топтардың арыздарын қарау белгілі процедуралардың көмегімен жүзеге асады. Мемлекет халықаралық органның петиция құқын мойындаса ғана қарайды. Петицияның өзі петиция-пікір, петиция-арыз деп екіге бөлінеді.

Адамның ар-намысы мен қадір-қасиеті құқығын қамтамасыз етудің тағы бір әдісі – Еуропа конвенциясы бойынша қинауға және адамға жат немесе қадір-қасиетті кемсітетін әрекеттер мен жазаны болдырмауға байланысты

халықаралық бақылау. Бұл құжат 1987 жылы қабылданған. Конвенция талаптарына сәйкес осы мақсатта Еуропалық комитет құрылған, ол бас бостандығынан айырылған адамдарға физикалық және моральдік зардаптары болуының алдын алуға бағытталған соттан тыс механизм болып табылады.

Адам құқын қорғау саласындағы халықаралық қызмет лауазымы ішінде БҰҰ-ның адам құқы жөніндегі Жоғарғы Комиссарының және БҰҰ-ның босқындар ісі жөніндегі Жоғарғы Комиссарының өкілеттігі елеулі.

Тағы бір халықаралық деңгейдегі лауазым – БҰҰ-ның Босқындар ісі жөніндегі Жоғарғы Комиссары. Ол 1952 жылғы 14 желтоқсандағы БҰҰ Бас ассамблеясының №428 Резолюциясы негізінде қабылданған БҰҰ-ның Босқындар ісі жөніндегі Жоғарғы Комиссары Басқармасының Жарғысы негізінде қызмет істейді.

Адам құқығын қорғау саласындағы Еуропалық аймақтық жүйе шын мәнінде жаңа бақылау механизмін орнықтырды және басқа елдердегі осындай жүйенің өрістеуіне нақты үлгі болды. Соның әсерімен Америкааралық (1969жыл), Африкалық (1981жыл) және Тәуелсіз Мемлекеттер Достастығы (1993жыл) адам құқығын қорғау жүйелері қалыптасты – дейді саясаттанушы ғалым Исакова Г.К [8; 120 б.].

Қазақстан Республикасы Азиялық және Еуропалық саяси-экономикалық құрылымдармен тығыз ынтымақтасып келеді. Біз Еуропалық қауіпсіздік және ынтымақтастық кеңесіне мүшеміз. Шанхай Ынтымақтастық Ұйымына, Тәуелсіз Мемлекеттер Достастығына, Ислам конференциясы ұйымына, тағы басқа халықаралық ірі ұйымдарға мүше болып отырмыз. Мұның өзі халықаралық қауымдастық қабылдаған және таныған ортақ құндылықтарды, халықаралық нормаларды, оның ішінде адам құқы және адамның негізгі бостандықтары мен мүдделерін қорғайтын құқықтық механизмдерді де өз мемлекетімізде қабылдауымызға жол ашады.

Пайдаланған қайнар көздерінің тізімі

1. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. – М., 2000. – 520 с.
2. Михалева Н.А. Конституционное право зарубежных стран СНГ. – М., 1998. – 352 с.
3. Конституции 16 стран мира: Сборник конституций стран-членов СНГ, Балтии и ряда других государств мира. – Алматы, 1995. – 576 с.
4. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. – М., 2000. – 786 с.
5. Исакова Г.Қ., Ғазизова Н.С., Сембаева А.Б., Қазақстан Республикасындағы адам құқығы: Оқу құралы. – Астана: Фолиант, 2008. – 296 б.
6. Защита неимущественных прав. – Алматы: Юрист, 2004. – 244 с.
7. Абдрахманова А.К, Право человека на достойную жизнь как высшая ценность социального государства / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Алматы: Қазақ университеті, 2006. – 14 с.
8. Исакова Г.К., Политология прав человека. – Астана: Фолиант, 2007. – 408 с.

Раймханова Зухра Раймхановна

судья специализированного

следственного суда

г. Усть-Каменогорска

ОСНОВАНИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН СЛЕДСТВЕННЫМ СУДЬЕЙ НА ЧАСТНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ, НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЖИЛИЩА, ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ, НА ЛИЧНУЮ И СЕМЕЙНУЮ ТАЙНУ, ТАЙНУ ПЕРЕПИСКИ, ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ И ИНЫХ СООБЩЕНИЙ

Конституцией Республики Казахстан предусмотрено, что каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и достоинства.

Каждый имеет право на тайну личных вкладов и сбережений, переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничения этого права допускаются только в случаях и в порядке, прямо установленных законом.

В соответствии со ст.39 Конституции, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены законами и лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, здоровья и нравственности населения.

Установленный законом порядок производства по уголовным делам должен обеспечивать защиту от необоснованного обвинения и осуждения, незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина, а в случае незаконного обвинения или осуждения невиновного – незамедлительную и полную его реабилитацию, а также способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению уголовных правонарушений, формированию уважительного отношения к праву.

Следственные суды созданы Указом Президента № 620 от 10.01.2018 года об образовании специализированных следственных судов Республики Казахстан и некоторых кадровых вопросах судов РК в рамках реализации 22-го шага Плана нации, которым предусмотрено обеспечение баланса между обвинением и защитой в судах за счет поэтапной передачи следственному судье полномочий по санкционированию всех следственных действий, ограничивающих конституционные права человека.

С января 2018 года, арест на имущество, обыск, а также выемка документов, предметов, имеющейся в них информации, содержащих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну, возможны лишь только с санкции следственного судьи.

Осмотр жилого помещения производится только с согласия проживающих в нем совершеннолетних лиц или с санкции следственного судьи. Если проживающие в нем лица являются несовершеннолетними или заведомо страдающими психическими или иными тяжкими заболеваниями или возражают против осмотра, лицо, осуществляющее досудебное расследование, выносит постановление о принудительном осмотре, которое должно быть

санкционировано следственным судьей. В случае отказа в даче санкции осмотр не производится.

Если жилое помещение является местом происшествия и его осмотр не терпит отлагательства, то осмотр жилого помещения может быть произведен по постановлению лица, осуществляющего досудебное расследование, но с последующим направлением материалов следственному судье в суточный срок.

В каждом конкретном случае, следственный судья проверяет обоснованность принятого органом досудебного расследования решения, которое ограничивает права человека, и только после этого санкционирует постановление или выносит мотивированное постановление о его отказе.

Судебно - правовая реформа в Казахстане нацелена, прежде всего, на усиление правовых гарантий защиты личности в уголовном судопроизводстве.

Осуществляя свои полномочия по санкционированию указанных следственных действий, суд выступает гарантом прав личности при производстве по уголовному делу.

Таким образом, Законом предусмотрено, что ограничение любого конституционного права должно осуществляться на основании судебного решения либо с последующим уведомлением суда о проведении следственного действия с направлением материала на проверку законности его проведения на досудебной стадии уголовного процесса.

Все следственные действия, ограничивающие конституционные права человека, возможны лишь только с санкции суда.

Ибраимова Нурсулу Изатовна

Қазақстан Республикасы ІІМ

М.Есболатов атындағы Алматы

академиясы құқық қорғау қызметінің

басқару кафедрасы бастығының

орынбасары полиция полковнигі

КӘМЕЛЕТТІК ЖАСҚА ТОЛМАҒАНДАР АРАСЫНДА ҚҰҚЫҚҚА ҚАЙШЫ МІНЕЗ-ҚҰЛЫҚТЫҢ АЛДЫН АЛУДЫҢ ШЕТЕЛДІК ТӘЖІРИБЕСІ

Мемлекеттік басқарудың адамға бағытталған моделіне көшу кезеңінде мемлекетіміздің болашағы - балалардың қауіпсіздігі мен дамуы бірінші кезекте назарға алынуы тиістігі даусыз. Жалпы криминогендік жағдайдың көрсеткішінің бір бөлшегін жасөспірімдер жасаған теріс қылықтар мен қылмыстар құрайтыны анық.

Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есепке алу комитетінің мәліметіне сәйкес, Қазақстанда кәмелетке толмағандар 2019 жылы - 2770, 2020 жылы - 1800, 2021 жылы - 1475, 2022 жылы - 1592 қылмыс жасаған. Қылмыстық құқық бұзушылықтардың ішінде ұрлық, алаяқтық, тонау, ұсақ ұрлық, бұзақылық сияқтылары жиі кездеседі [1]. 2019 жылмен салыстырғанда кейінгі жылдарда жасөспірімдердің қылмыс жасау фактілерінің азаюы сөзсіз қуантады. Дегенмен, жасөспірімдердің қайталап құқық бұзушылық жасамауының алдын алу және болдырмау мәселесі әлі де өзекті.

Ресейлік криминолог Ю. М. Антониан өз зерттеулерінің нәтижесінде кәмелеттік жасқа толмағандар арасындағы қылмыстың басты себебінің отбасындағы қолайсыз жағдай екендігін айтады. Бала тәрбиесіне ата-аналарының бірінің қатыспауы емес, отбасында балаларға деген сүйіспеншіліктің жоқтығы, өмірлік шындыққа дайын емес балалардың өздерінің туыстары мен жақындарының тарапынан немқұрайдылықты сезінуі әсер етеді екен. "Өкінішке орай, көбінесе отбасы мүшелері жасөспірімге, оның мінез-құлқын бақылау арқылы, қамқорлық жасау арқылы, жәй ғана жақсы көру арқылы қолдау көрсету қажеттігін білмейді, болмаса көмек жасауға ниеттенбейді", "... егер ата-аналардың бірі, әсіресе екеуі де қоғамға жат өмір салтын ұстанса, әдепсіз әрекеттер мен қылмыстар жасаса, жасөспірімді олардан оқшаулаған дұрыс. Ондай отбасында өмір сүретін бала, әрине, әсіресе, олардың арасында тығыз эмоционалды қарым-қатынас болса қоғамға қарсы өмір салтын тез қабылдайды"[2].

Бүгінгі күні бұл құбылыс әлемге ортақ ең өзекті әлеуметтік мәселелердің бірі болып табылады. Мұндай қылмыстар санының өсуі әлемнің барлық дамыған елдеріне тән.

Әлеуметтенудегі девиантты мінез-құлық тұжырымдамасын қалыптастырған француз әлеуметтанушысы Эмиль Дюркгейм. Ол әлеуметтік девиацияны түсіндіру үшін аномия тұжырымдамасын ұсынды. Аномия термині француз тілінен аударғанда қоғамның моральдық тұрақсыздығы және мінез-құлықтың нақты нормаларының болмауы. Ал, Роберт Мертон мінез-құлық ауытқушылығының себебін қоғамның мәдени мақсаттары мен оған жетудің әлеуметтік мақұлданған жолдарының арасындағы үйлеспеушілік деп түсіндіреді [3].

Девиантты мінез-құлықтың көрсеткіштеріне: агрессия, демонстрация, оқудан, еңбектен бас тарту, үйден кету, алкогольизм, наркомания, қоғамға жат қылықтар, жыныстық жат мінез-құлық, суицид т. б. жатады.

Өткен ғасырдың 70-жылдарында батыс ғылымынан «делинквентті мінез-құлық» (құқық бұзушылық мінез-құлық) термині алынды, оның мағынасы – ол үшін кәмелетке толмағандар қылмыстық қудалауға ұшырамайтын теріс қылықтар, теріс әрекеттер тізбегі. Бұндай қылықтар әлеуметтік бақылау болмаған кезде, әдетте қылмыстық әрекетке ауысады.

Кәмелетке толмағандар арасындағы құқық бұзушылықтардың профилактикасы мен балалардың қадағалаусыз және панасыз қалуының алдын алу - кәмелетке толмағандар арасындағы құқық бұзушылықтардың, қадағалаусыз, панасыз қалудың және қоғамға жат іс-әрекеттердің алдын алуға, оларға ықпал ететін себептер мен жағдайларды анықтауға және жоюға бағытталған, кәмелетке толмағандармен, кәмелетке толмағандардың оларды тәрбиелеу, оқыту немесе бағып-күту жөніндегі міндеттерін орындамайтын не олардың мінез-құлқына теріс әсер ететін ата-аналарымен немесе басқа да заңды өкілдерімен, сондай-ақ кәмелетке толмағандарды құқық бұзушылықтар немесе қоғамға жат іс-әрекеттер жасауға тартып жүрген өзге де адамдармен жеке профилактика шараларын қоса жүзеге асыратын құқықтық, педагогикалық және өзге де шаралар жүйесі [4].

Батыс елдерінде жасөспірімдердің қылмыстық мінез-құлқының алдын-алуда үш кезеңдік жұмыс жүйесі қолданылады: алғашқы, қайталама және үшінші

профилактика. Соңғы кездері осы саралауға қылмыс куәгері мен құрбанына қатысты жүргізілетін жұмыстар төртінші түрі ретінде енгізіле бастады.

Бұл жүйедегі ең тиімдісі бірінші кезең, бұл кезеңдегі бағдарламалар әлі құқық бұзушылық жасамаған балаларға бағытталған. Құқық бұзушылықтың алғашқы алдын-алу шаралары көбінесе мектептер базасында жүзеге асырылады. Соңынан анықталғандай, қолданылған барлық бірдей бағдарламалар оң нәтиже бермеген. Мысалы, өткен ғасырдың 40-шы жылдары құқық бұзушылықтың алдын алудың әдеттегі әдісі бойынша Кебридж-Соммервиллде жүргізілген жастарды зерттеу сынағы сәтсіз аяқталады. Бұл бағдарламаға 5 пен 13 жас аралығындағы 500-ден астам ұл қатысады. Олар екі топқа бөлінеді – бақыланатын және эксперимент жасалатын, онымен 5 жыл бойы әлеуметтік қызметкерлер, психологтар, дәрігерлер жұмыс істейді. Кейінгі отыз жылдық бақылау бұл екі топтың мүшелері ер жеткенде қылмыс жасауға қатысты айырмашылықтары жоқ екенін көрсетті [5].

Американдық зерттеушілердің пікірінше ерте алдын-алу (жоғары қауіпті отбасылардан шыққан мектеп жасына дейінгі балалар үшін) жақсы және тұрақты нәтиже береді [6]. 60-шы жылдардың басында Мичиганда жасалған Перридің мектепке дейінгі жобасы (Perry Preschool жобасы) 19 жыл ішінде нәтиже берді. Жобаға әлеуметтік мәртебесі төмен және әлеуметтік мінез-құлық қаупі жоғары отбасылардан шыққан IQ (психикалық даму коэффициенті) деңгейі төмен 3 пен 4 жас аралығындағы 123 қара бала қатысты. Қатысушы балалар, еш таңдаусыз екі топқа бөлінеді: эксперименттік және бақыланатын болып. Эксперименттік топтың балалары мектеп жасына дейінгі балаларды даярлаудың арнайы бағдарламасы бойынша оқиды, оған күнделікті сабақтар мен үй жағдайында отбасымен күнделікті кездесулер кіреді, бұл отбасының өзін де бақылауға мүмкіндік берді. Жобаның мақсаты психикалық дамуға ықпал ету, оқуға деген ынтаны дамыту, әлеуметтік мінез-құлықты үйрету және отбасылық қатынастарды түзету болды. IQ өсімі уақытша болғанымен, мектепке дейінгі білім беру тобының мүшелері кейіннен жақсырақ оқиды, олардың көпшілігі бақылау тобымен салыстырғанда жоғары оқу орындарына түседі, олар беделді лауазымдарға ие болады және құқық бұзушылық үшін қамауға алу ықтималдығы аз болады –51% орнына 31% [7].

Бастапқы алдын алудың жарқын мысалы ретінде 2011 жылы Ұлыбританияның Уэльс аймағындағы мектептерде жүргізілген "Ойлан" жобасын айтуға болады. Жобаның негізгі мақсаты: жастар ортасында экстремистік көріністердің алдын алу. Мектептерде жоба мектептен шығарылған жасөспірімдермен және жастармен жұмыс істейтін агенттіктермен бірге жұмыс істемейтін, оқымайтын немесе қандай-да бір өз дамуы үшін әрекет жасамайтындармен жұмыс жүргізген. Курс материалдары нәсілшілдік, көші-қон, саяси баспана, экстремизм, дін және адам құқықтары мәселелерін қарастырады. Курс барысында рөлдік ойындар қолданылады, онда девиантты мінез-құлқы бар жасөспірімдер баспана іздейтін адамның рөлін "ойнап көреді". Осылайша қатысушылар қарым-қатынас жасауға, сөйлеуге, өз көзқарастарын білдіруге және саяси тұрғыдан білімді болуға мүмкіндік алады. Ғалымдар Тед Кантл мен Пол Томас жүргізген тәуелсіз бағалау жобаның "батыл және қажет" екенін және

ол қатысушылардың аз ұлттар мен мәдениетаралық айырмашылықтар туралы пікірлерін 90-95% өзгерткенін көрсетті [8].

Девиантты мінез-құлқы бар жастар мен жасөспірімдер мектепте сабақтан жиі қалатынына байланысты білімдері жеткіліксіз және оның орнын бұқаралық ақпарат құралдарынан өз беттерімен алатын әртүрлі "қоқыстармен" толтыратыны белгілі. Мүдделі тұлғалар жастардың бұл осал жерлерін экстремистік топтарға тарту үшін пайдаланады.

Жастар экстремизміне қарсы күрес мақсатында АҚШ-та экстремистік бағыттағы жастар топтары жасаған қылмыстардың алдын алудың ұлттық орталығы құрылды. Орталық қызметінің негізгі бағыттары:

- нәсілдік-этникалық өшпенділік негізінде жасалған қылмыстар және осындай қылмыстар жасаған қылмыскерлер туралы ақпарат жинау;

- алынған ақпарат негізінде нәсілдік-этникалық өшпенділік негізінде жасалатын қылмыстарға қарсы күрес туралы мақалалар, брошюралар дайындау.

АҚШ-тағы экстремизмнің жолын кесу қызметіне азаматтық қоғам құрылымдары - қоғамдық ұйымдар (талдау орталықтары), сондай-ақ білім беру мекемелері белсенді қатысады. Алайда, бұл Ұлыбританиядағы практикалық жобаларға қарағанда тиімді емес әдістер.

Қайталама профилактика - бұл заңда бекітілген жазаларды түзетудің балама түрлерімен алмастыру арқылы қылмыстың дамуын тоқтату мақсатында заңды араласуды азайту. Бастапқы профилактика құқық бұзушылық жасамаған, бірақ бірқатар себептерге байланысты оларды жасауы мүмкін тәуекел тобындағы балалар мен жасөспірімдерге бағытталған. Ол белгілі бір жас тобындағы құқық бұзушылықпен көбірек байланысты болатын нақты факторларға, себептерге, жағдайларға, кемшіліктерге, жеке құрылымдарға бағытталған.

Қайталама профилактика қылмыстық жауапкершілікті баланың түзелуіне ықпал етуі тиіс баламалы түрлерімен алмастыру немесе заң күшін қолдануды азайту арқылы қылмыстың көбеюін тоқтату мақсатында жазаны өтеуді ізгілендіруге бағытталады.

АҚШ-тың қылмыстық-атқару мекемелері мейірімділік пен адамгершілікті қалыптастыруға ерекше назар аударады. Атап айтқанда, бірқатар штаттарда әйелдер тәрбиелік колонияларында қыздарға арналған кинологиялық мектептер құрылды, онда қант диабетімен ауыратындар мен зағиптарға күтім жасайтын иттер мен көмекші иттер дайындалады. Жануармен қарым-қатынас, иттің адамға деген сүйіспеншілігі мен адалдығы жазасын өтеп жатқан қыздарда оң эмоциялар тудыратыны белгілі болды.

Ұлыбританияда сот қылмыстық қол сұғушылықты, қылмыскердің жеке басын және өзге де мән-жайларды ескере отырып, пробация туралы бұйрық шығарады, оған сәйкес сотталған адам бұйрықпен айқындалған мерзім ішінде (бір жылдан үш жылға дейін) пробация қызметінің бақылауында болады. Сот сотталушыға оның жақсы мінез-құлқына және рецидивтің алдын алуға ықпал ететін міндеттерді жүктей алады. Бұл ретте сотталған адам түзеу жатақханасында, түзеу пунктінде немесе басқа мекемеде тұруға міндетті. Пробация туралы соттың бұйрығына сотталушының күндізгі тәрбие орталығына баруы туралы талап енгізілуі мүмкін. Бас бостандығынан айырусыз жазаның елеулі түрі "Қоғамға қызмет көрсету туралы" бұйрық болады, ол тегін

жұмыстарды орындаудан тұрады (40-тан 240 сағатқа дейін). Бұл бұйрық құқық бұзушының келісімімен және оны нақты орындау шарттары болған кезде тағайындалады. Бұйрықтың орындалуын пробация қызметі жүзеге асырады.

Айта кету керек, қоғамға қызмет көрсету туралы бұйрық күшіне енген сотталған адам пробация қызметіне тұрғылықты жерінің өзгеруі туралы хабарлауға, сондай-ақ пробация қызметінің бастығы көрсеткен уақытта да осындай жұмысты орындауға міндетті. Әдетте олар жыл бойына жұмыс жасайды.

Сотталған адам қоғамға қызмет көрсету туралы бұйрықтың талаптарын орындамаған кезде магистраттық сот немесе тәж соты сотталған адамға айыппұл не басқа да шараларды қолдана алады, сондай-ақ осы бұйрықтың күшін жояды (соттың құзыретіне сәйкес) және өзге жазаға ауыстырады.

Соңғы кезең (үшінші профилактика) бұрынғы қылмыскерлерді қайтадан қоғамға икемдеуге бағытталған. Үшінші деңгейлі профилактикаға мысал ретінде Ұлыбританияда (Бирмингем) қолданылған Престон мен Карнегидің бағдарламасын айтуға болады. Бұл бағдарлама ғалымдар мен осы саладағы қызметкерлердің үлкен қызығушылығын тудырды [9]. Бұл бағдарламаның ерекшелігі ол жасөспірім құқық бұзушылармен олардың өмір сүру ортасында жұмыс істеуге мүмкіндік берді. Олар Скиннердің жетондық жүйесін қолданды, яғни құқық бұзушының жеке мақсат қоюы және келісімшартқа отыруы арқылы оның еңбек дағдыларын дамытуға ықпал етті. Бір жылдан кейін жасалған бақылау сынаққа қатысқан топтың көп бөлігі мектепті бітіргеннен соң жұмыс жасағанын және бірнеше адам ғана қылмыс жасағанын көрсеткен. Американдық ғалым Б. Ф. Скиннер ұсынған жетон жүйесі көптеген шетелдік бағдарламаларда қолданылады [10]. Мінез-құлықты аверсивті (жағымсыз, ауыр, жазалаушы) бақылаудың орнына, Скиннер жағымсыз әрекеттерді жоюдың ең тиімді әдісі ретінде жағымды қолдау жасауды ұсынды. Ол жағымды қолдаудың жасөспірімдерде аверсивті тітіркендіргіштер сияқты жағымсыз әсерлерді тудырмайтындықтан адамның қалыптасуына қолайлы ықпал ететіндігін дәлелдеді. Жетондық жүйеде жасөспірімдерді әр түрлі қажетті әрекеттер жасауға ынталандыру үшін таңбалауыш енгізіледі-бұл банк картасы сияқты кейбір қажетті заттарды қол жетімді ететін символдық алмастырғыш. Жетон иегерлері тазалық жұмыстары, тапсырмалар орындау немесе бастама көтеру, көркемөнерпаздық шараларға, қолданбалы шығармашылыққа қатысу және т. б. сияқты жағымды іс-шараларға қатысқаны үшін марапатталуы мүмкін. Кейбір бағдарламаларда жасөспірімдер төбелеске арандатқаны немесе міндеттерінен жалтару сияқты жағымсыз мінез-құлық үшін жетондар олардан алынып қоюы мүмкін. Жетондық сыйақы жүйесі әртүрлі жағдайларда "қалыпты" балаларға, делинквентті жасөспірімдерге, нашақорлыққа бейім адамдарға және ақыл-есі кем адамдарға да қолданылды. Оның мақсаты балалар мен жасөспірімдердегі қорқынышты, гиперактивтілікті, агрессивті мінез-құлықты жою [11].

Кәмелетке толмаған қылмыскерлер арасында дарынды жасөспірімдер де кездесетіндіктен, АҚШ-та дарынды қылмыскерлерге арналған федералды интернаттар ұйымдастырылған. Онда компьютер мен түрлі-түсті принтердің көмегімен түпнұсқадан ажырату қиын долларлық вексельдер жасаған жалған ақша жасаушылар; американдық және халықаралық банктердің күрделі

қорғаныс жүйелерін бұза алған хакерлер; банкоматтарға арналған пластикалық карталарды шебер жасаушылар және т.б. дарынды қылмыскерлерге арналған федералды интернаттарда оқытуды Американың ең жақсы профессорлары жүргізеді. Атап айтқанда, "компьютерлік" қылмыс жасаған жасөспірімдерге "Microsoft" корпорациясының басшысы Билл Гейтс дәріс оқыды. Интернатта үш жылдық оқуды аяқтағаннан кейін түлектерге келісімшарт бойынша Пентагонда жұмыс ұсынылады. Осылайша, аз қамтылған дарынды жасөспірімдер мемлекеттің негізіне нұқсан келтірмей, керісінше оның мүдделерін қорғауға қызмет етуге бағытталады.

Жапонияда 1980 жылдан бастап шағын қалалар мен ауылдарда барлығы алты жүзге жуық жергілікті кәмелетке толмағандар орталықтары құрылған және олар оң нәтиже көрсеткен. Орталық қызметкерлерінің функцияларына ата-аналарға жасөспірімдерді тәрбиелеу бойынша ұсыныстар түрінде қажетті көмек көрсету кіреді. Мұндай патрульге қала, басқа елді мекен бойынша ерікті полиция көмекшілері тартылады. Соның нәтижесінде, біраз уақыттан соң полицияның, мектептің және жұртшылықтың күш-жігерін біріктіру оң нәтиже береді [12].

Қазіргі уақыттағы дамыған технология мен интернет кеңістікті қолдану кең таралған уақытта бұқаралық ақпарат құралдарының, әлеуметтік желілердің және өзге де ақпарат көздерінің дамуы кәмелетке толмағандарға қалай әсер ететініне терең зерттеу жүргізу керек. М.В. Харликов атап өткендей, "күнделікті жасөспірім ішінде «жүзіп жүретін» теледидар мен бұқаралық ақпарат құралдарынан алынған ақпарат жасөспірімдер еліктейтін, қабылдайтын, әртүрлі мінез-құлық үлгілері туралы білім беретін өмірлік тәжірибе көзі болып табылады" [13]. Осы уақытқа дейін кәмелетке толмағандардың мінез-құлқын зерттейтін педагогтар, психологтар, криминологтар және басқа ғалымдар арасында кәмелетке толмағандардың қылмыстық мінез-құлқы мен бұқаралық ақпарат құралдарымен насихатталатын секс пен зорлық-зомбылықты арасында тікелей байланыстың бар-жоғы туралы пікірталастар бар. Әрине, бұл тәуелділіктің нақты дәлелі табылған жоқ, бірақ теледидарда көрсетілген фильмдердің немесе бағдарламалардың әсерінен жасалған түрлі қылмыстар туралы ақпарат жиі кездесіп тұрады.

Жоғарыдағы айтылған жағдайлар, еліміздің болашағы – өскелең ұрпақты тәрбиелеу мен болашақта құқықтық санасы жоғары дамыған халықты қалыптастыру үшін бүгінгі күні бірқатар жұмыстар жүргізу қажет деген тұжырымдамаға әкеледі. Атап айтар болсақ:

- Қазақстан Республикасы аймағында осы уақытқа дейін кәмелетке толмағандардың қылмыстық мінез-құлқының алдын алу бойынша тұрақты түрде жүргізіліп келе жатқан шараларға тиімділігі мен нәтижелілігі тұрғысынан зерттеу, талдау жүргізу;

- Құқық бұзушылық жасаған жасөспірімдерге қолданылатын жазаларды ізгілендіру, оның орнына түзелуге ықпал ететін шаралар қолдану үшін озық шетелдік тәжірибені қолдану;

- қолайсыз отбасылардағы балалармен әлеуметтік-педагогикалық профилактикалық жұмыстар жүргізу;

- деликвентті жасөспірімдердің мектептен кейін қоғамның заңға бағынушы мүшесі ретінде қалыптасуы үшін нақты шаралар (оқыту, жұмысқа орналастыру) қолдану үшін арнайы бағдарламалар даярлау;
- деликвентті жасөспірімдер арасындағы дарынды балаларды қабілеттеріне қарай мемлекет игілігіне пайдалану мүмкіндіктерін қарастыру;
- кәмелеттік жасқа толмағандар арасында интернет кеңістігін пайдалану бойынша білім беру және мәдениетін насихаттау;
- ұлттық тәрбие мен отбасылық құндылықтар институты саясатын жүргізу;
- деликвентті жасөспірімдерді түзу жолға салу мақсатында полиция, ата-аналар мен жастар бірлесіп жүргізетін шаралар ұйымдастыру.

Пайдаланылған қайнар көздерінің тізімі:

1. Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының құқықтық статистика және арнайы есепке алу комитетінің электрондық ресурсы -gis.kgp.kz/
2. Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. - М.: «Логос», 2004. С. 190.
3. Кон И.С. Психология ранней юности: Кн. Для учителя.-М.: Просвещение, 1989. – 255 с.
4. Кәмелетке толмағандар арасындағы құқық бұзушылықтардың профилактикасы мен балалардың қадағалаусыз және панасыз қалуының алдын алу туралы Қазақстан Республикасының 2004 жылғы 9 шілдедегі N 591 Заңы (1-б, 3) б.).
5. Moffitt T. E. Juvenile delinquency and attention deficit disorder: boys' developmental trajectories from age 3 to age 15 // Child Development. – 1990. –№ 61.
6. Brier N. Predicting antisocial behavior in youngsters displaying poor academic achievement: A review of risk factors // Developmental and Behavioral Pediatrics. – 1995. – № 16. – P. 271–276.
7. Moffitt T. E. Adolescence-limited and life-course-persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy // Psychological Review. – 1993. – № 100. – P. 674–701.
8. Таланова Т. В., Морозова Н. С., Кузнецова Л. В. Программы профилактики девиантного поведения молодежи в США и Великобритании как средство противодействия экстремизму в образовательной среде // Казанский педагогический журнал. - 2015. - № 6-3. - С. 87-90.
9. Blackburn R. The psychology of criminal conduct. – N. Y.: John Wiley & sons, 2002. – P. 187–199.
10. Skinner B. F. A matter of consequences. – N. Y., 1983.
11. Грехем Д., Беннет Т. Стратегии предупреждения преступности в Европе и Северной Америке. Хельсинки, 1995.
12. Кулешов А.А. Ретроспективный анализ системы социально-педагогической профилактики криминального поведения несовершеннолетних в Японии. Вестник тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. Номер 1 (202) том 28, 2023 год.
13. Харликов М.В. Формирование правовой культуры подростков: сущность и факторы влияния // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 177. С. 70-80.

Проводина Елена Валерьевна,

к.ю.н., доцент кафедры уголовного и
уголовно-исполнительного права
ФГБОУВО «Саратовская государственная
юридическая академия»,
Российская Федерация

ПОНЯТИЕ ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Вопрос об иных мерах уголовно-правового характера носит острый дискуссионный характер. Спектр спорных моментов достаточно широк. Обсуждаются вопросы о понятии иных мер уголовно-правового характера, их систематизация в рамках уголовного закона, отдельное внимание уделяется его правовой природе.

Подобная ситуация вызвана прежде всего особенностями законодательного закрепления мер, относящихся к рассматриваемому институту.

Не смотря, на то, что в разделе VI Иные меры уголовно-правового характера закрепляется три вида мер: принудительные меры медицинского характера (глава 15); конфискация имущества (глава 15.1); судебный штраф (глава 15.2), в науке возникает ряд вопросов, связанных с неоднозначным толкованием его содержания [1; 64 стр.].

Разнородность юридической природы, оснований и целей применения мер, закрепленных в данном разделе [2; 116 стр.], позволяет относить к данному институту все иные меры принуждения, предусмотренные в уголовном законе, не являющиеся наказанием: условное осуждение, условно досрочное освобождение от отбывания наказания, отсрочку отбывания наказания и др. [3; 902 – 903 стр.], а также отдельно предлагается выделять меры безопасности [4; 497– 498 стр.].

Вместе с тем, предложения по изменению формулировки раздела VI «иные меры уголовно-правового характера» на известную уголовному законодательству зарубежных стран «меры безопасности», авторы не считают целесообразным [5; 83–87 стр.], хотя подобные предложения связываются с обязанностью государства обеспечить безопасность личности, общества и государства [6; 243 стр.].

Теории уголовного права известны и более объемлющие подходы, охватывающие не только институты, закрепленные в действующем уголовном законодательстве, но и совокупность норм уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, определяющих их содержание, назначение и исполнение [7; 111–125 стр.].

Сами ученые объясняют отсутствие единого или преобладающего мнения, разнородными и, порой, противоречивыми подходами специалистов к пониманию мер государственного принуждения [8; 34–35 стр.].

Кроме того, подобная ситуация вызвана и применением законодателем понятия «меры» в различных контекстах, таких как меры наказания, меры поощрения, меры защиты, меры искового воздействия на нарушителей гражданских прав, меры предупреждения, меры пресечения и меры принуждения в уголовном процессе и другие [9; 48–54 стр.].

Однако, не смотря различное понимание данного института, учеными практически единогласно, признается социальная необходимость его существования в рамках уголовного законодательства, обусловленное чрезмерной репрессивностью последнего, кризисом наказания и, в целом несостоятельностью изоляционных мер государственного принуждения [10; 31 стр.].

Наука уверена в целесообразности его дальнейшего развития в теории и на практике, в его позитивном влиянии на уголовно-правовую политику Российской Федерации и способности сделать ее более разумной, справедливой, гуманной и эффективной [7; 111–125 стр.].

Ведь отличительным признаком иных мер уголовно-правового характера от наказания представляются принудительные ограничения прав и свобод человека, не имеющие карательной сущности [11; 33–34 стр.], назначаемые за совершение преступления, дополняющие наказание или выступающие его альтернативой, применяемые для реализации задач уголовного законодательства [12; 46–51 стр.].

Однако позиционирование института иных мер уголовно-правового характера, как средства противодействия преступлениям, не в полной мере отвечает его содержанию. Принудительные меры медицинского характера назначаются в случае совершения общественно опасного деяния. Поэтому формулируя дефиницию данного института, следует, в первую очередь, сосредоточиться на его специфических свойствах, отличающих от иных средств воздействия, отразить его индивидуальную природу. Ввиду чего, позиционирование иных мер уголовно-правового характера как мер, применяемых к лицу, совершившему общественно опасное деяние и предусмотренных УК РФ лишения или ограничению прав и свобод этого лица [13; 3–32 стр.] представляется более объективным и характеризует иные меры уголовно-правового характера, как самостоятельное средство императивного воздействия.

Иные меры уголовно-правового характера позиционируются в качестве особой уголовно-правовой формы государственного принуждения, назначаемой и применяемой на основании решения суда, вступившего в законную силу, в целях обеспечения безопасности общества, удержания лиц от совершения новых запрещенных уголовным законом деяний [11; 33–34 стр.].

Из изложенного следует, что иным мерам уголовно-правового характера свойственны следующие признаки: они назначаются лицам, совершившим общественно опасное деяние по приговору суда и носят принудительный характер. Сделанный акцент на особых свойствах уголовно-правового принуждения отражает социально-правовую природу данного института. Однако ассоциирование принудительного характера с применением насилия заставляет авторов дифференцировать меры «... меры государственного принуждения либо меры, не являющиеся государственным принуждением (насилием), однако основанные на угрозе реального применения государственного принуждения...» [16; 48 стр.].

Ученые считают, что эти меры не обязательно являются реакцией государства на совершение деяния, запрещенного УК РФ, их применение возможно и при освобождении лица от уголовной ответственности: конфискация имущества хоть и является реакцией государства на совершение преступления и носит принудительный характер, однако как иную меру уголовно-правового

характера ее нельзя признать видом уголовной ответственности, исходя из того, что конфискация предусматривает изъятие у виновного имущества (и доходов от такого имущества), которыми он владеет не по праву [14]. При этом авторами отмечается превентивный характер конфискации и иных мер, предусмотренных уголовным законом, наряду с принудительным характером с возможностью назначения как с наказанием, так и без такового [5; 83–87 стр.]. Это меры, имеющие целью предотвратить совершение новых общественно опасных деяний, поэтому они направлены на защиту прав и интересов граждан, общества и государства [16; 48 стр.].

Специфика данного института определяется содержанием конкретных мер, перечисленных в разделе VI Иные меры уголовно-правового характера. Например, субъектом в случае назначения меры принудительного медицинского характера; при конфискации имущества – отсутствием цели покарать лицо, совершившее преступление; судебный штраф, хотя и содержит небольшой карательный элемент, но при этом позволяет освободить лицо от уголовной ответственности [15; 410–414 стр.]. Указанные особенности характеризуют социально-правовую сущность рассматриваемого института и в обобщенном варианте должны быть отражены при формировании его дефиниции.

Таким образом, иные меры уголовно-правового характера следует признавать в качестве самостоятельного инструмента, обеспечивающего задачи уголовного законодательства, являющегося мерами особого государственного принуждения, назначаемые лицу за совершение общественно опасного деяния и, реализующего социально предупредительное воздействие.

Список использованных источников:

1. Корнеев С.А. Меры уголовно-правового воздействия, не связанные с уголовной ответственностью // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. №3 (49). С.64.
2. Непомнящая Т.В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система // Правоприменение. 2017. № 1. С. 114–121. С. 116.
3. Павлова А. А. Категория «Иные меры уголовно-правового характера» в уголовном праве России / А. А. Павлова // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. с. 902-903.
4. Сундуров Ф.Р. Природа и проблемы систематизации мер в уголовном праве // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2018. №2.
5. Данелян Р.С., Хачиян В.Н. Понятие и содержание иных мер уголовно-правового характера // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2010. № 1. С. 83-87.
6. Качество уголовного закона: проблемы Общей части / И. А. Клепицкий, Т. Г. Понятовская, А. И. Парог [и др.]. М. 2016. 288 с.
7. Ветошкин С.А. Институт иных мер уголовно-правового характера: проблемы и перспективы развития // Вопросы российского и международного права. 2017. N 12. С. 111-125.
8. Корнеев С.А. Меры уголовно-правового воздействия, не связанные с уголовной ответственностью // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. №3 (49). С. 34-35.

9. Береснева О.А. Понятие иных мер уголовно-правового характера // Трибуна ученого. 2023. № 10. С. 48-54.
10. Корнеев С.А. Иные меры уголовно-правового характера: правовая и теоретико-прикладная рассогласованность // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. №1 (63). С. 31.
11. Павлова А. А. О понятии и признаках иных мер уголовно-правового характера как правовых последствий запрещенного законом деяния // Молодой ученый. 2014. № 6.1 (65.1). С. 33-34.
12. Медведев Е. В. Понятие и виды иных мер уголовно-правового характера, применяемых за свершение преступлений // Уголовное право. 2009. № 5. С. 46–51.
13. Корнеев С.А. Иные меры уголовно-правового характера: правовая и теоретико-прикладная рассогласованность // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 1 (63). С. 31-3
14. Яни П.С. Конфискация имущества и уголовная ответственность. // Уголовное право. 2006. № 6.
15. Макаревич, А. И. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, виды, особенности / А. И. Макаревич, Д. Д. Волошин, Е. Д. Протченко // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 27.
16. Колосовский В. В. Понятие и виды мер уголовно-правового характера // Вестник ЮУрГУ. № 29. 2012.

Достияров Жасулан Бейсенбекович,
сот төрағасы, Ұлытау облысының кәмелетке
толмағандардың істері жөніндегі
мамандандырылған ауданаралық соты,
Қазақстан

БАЛА ҚҰҚЫҚТАРЫН ҚОРҒАУДЫҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІ

Әрбір дамыған мемлекетте адам құқықтарына баса назар аударылады. Себебі, адам – әр мемлекеттің басты құндылығы болып табылады. Осы құқықтардың қаншалықты толық қамтамасыз етілуі мен оның қорғалуынан жалпы мемлекет пен қоғамның бірқалыптылығы, тиімділігі мен дамуы тікелей байланыста. Адам құқықтарын қорғаудың аспектілері туралы айта отырып, мұндай қорғаудың ең маңызды, ажырамас объектісі балалардың құқықтары екенін атап өткен жөн. Ондай болуының себебі - балалардың әлеуметтік қорғалмаған санат екендігіне, өз құқықтарын өз бетінше қорғай алмайтындығына, сонымен қатар, жасына және психологиялық жетілмегендігіне байланысты олардың тіпті өз құқықтарын білмейтіндігінде. Бала – он сегіз жасқа (кәмелетке) толмаған адам. Өкінішке орай, қазіргі уақытта көптеген елдерде құқықтық мемлекеттің қалыптасуы мен дамуына қарамастан, біз ересектердің балаларға қатысты теріс қылықтарын әлі де байқай аламыз, бұл оларға қатыгез және адамгершілікке жатпайтын қарым-қатынаста көрінеді. Сондықтан бүгінгі таңда балалар құқығын қорғау мәселесі соншалықты жаһандық мәселе.

Адам құқықтары мен бостандықтарына қатысты жетекші халықаралық-құқықтық құжаттардың нормаларын талдай отырып, халықаралық қоғамдастық

тарапынан отбасы, ана және балалар сияқты әлеуметтік санаттар ерекше құқықтық қорғауды және қамқорлықты пайдаланатынын атап өтуге болады.

Алғаш рет балалардың құқықтары туралы мәселені шешудің алғышарттары 20 ғасырдың басында пайда болды. Осылайша, осы саладағы ең ірі халықаралық құжаттардың бірі 1924 жылы Женевада қабылданған Бала құқықтары туралы Декларация [1] болды. Аталған құжат балаларды халықаралық құқықтық қорғаудың негізінде жатқан негізгі принциптерді қамтыды. Атап айтқанда: бала еңбегі мен құлдыққа, балалар саудасына және олардың жезөкшелігіне қарсы бағытталған бес негізгі принциптен тұрды. Бала құқықтарына тікелей әсер ететін халықаралық ауқымды келесі құжаттар Бала құқықтары декларациясы [2] және Бала құқықтары туралы Конвенция [3] болды. Аталған Конвенция-балалардың құқықтарын қорғау принциптерін ғана емес, сонымен бірге баланың құқықтарын ең жақсы жолмен қамтамасыз етуге мүмкіндік беретін және осы қорғауды жүзеге асыру тетіктерін біріктірген алғашқы ресми құжат. Бұл барлық басқа құжаттар үшін балалық шақ пен жасөспірімді құқықтық қорғауға қатысты басты халықаралық акт болып табылады. Олармен қоса, әрбір мемлекетте балалардың құқықтары мен бостандықтарын қорғау бойынша жеке құқықтық актілері болады. Өз елімізге тоқталсақ, Конституциямыздың [4] 27-бабына сәйкес неке мен отбасы, ана мен әке және бала мемлекеттің қорғауында болатыны көрсетілген. Оған негізделген және балаларға қатысты барлық мәселені қамтитын «Баланың құқықтары туралы» [5] арнайы заң да бар.

Баланың құқықтары мен заңды мүдделерін қамтамасыз ету әлеуметтік құндылық болып табылады және ол қоғамдық қатынастарды заңнамалық реттеудің пәрменді тетігі бар, құқықтық институттардың тұрақтылығы, құқық қолдану практикасындағы теңдікті сақтау, құқық бұзушылықтар мен қылмыстар жасау кезінде мемлекеттік мәжбүрлеудің бұлтартпастығы, мемлекеттік органдардың қызметінде адамның заңды құқықтарын нақты сақтау кезінде ғана мүмкін болады.

Баланың құқықтарын қорғау әртүрлі "қорғау тәсілдерімен" жүзеге асырылады. Оларға соттан тыс және сот арқылы қорғау жатады. Қорғаудың соттан тыс тәртібін бала құқықтарын қорғау жөніндегі функцияларды жүзеге асыратын ұйымдар (балаларды әлеуметтік қолдауды, әлеуметтік-тұрмыстық, медициналық-әлеуметтік, әлеуметтік-педагогикалық, психологиялық-педагогикалық, құқықтық қызметтер көрсету мен материалдық көмек көрсетуді, арнаулы әлеуметтік қызметтерге мұқтаж балаларды әлеуметтік оңалтуды, мұндай балалар еңбекке қабілетті жасқа жеткенде олардың жұмыспен қамтылуын қамтамасыз етуді жүзеге асыратын ұйымдар) атқарады. Қажет болған жағдайда осы ұйымдар балалардың құқықтарын сот арқылы да қорғауға күзіретті. Оның негізі мен тәртібі «Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы туралы Кодексте [6] егжей-тегжейлі көрсетілген. Бұл реттегі мәселе осы бала құқықтарын қорғау жөніндегі функцияларды жүзеге асыратын мемлекеттік мекеме – білім бөлімдеріне қарасты қорғаншылық немесе қамқоршылық жөніндегі функцияларды жүзеге асыратын органдардың қызметкерлерінің жеткіліксіздігі. Бір бөлімде бір не екі адам болғаны бір қаладағы балалардың жағдайымен айналысуға жеткіліксіз. Соның салдарынан балалардың құқықтарын дер кезінде қорғау мәселесі де туындап тұрады. Тура

осындай жағдай бала құқықтарын қорғаумен айналысатын полицияның арнайы бөлімдерінде (ювеналды полиция). Онда да бір қалаға бір-екі адамнан келіп отыр. Осы мәселелер шешіліп жатса, балалардың құқықтарын қорғау бойынша жұмыстың саны мен сапасы артады деп сенемін.

Әкімшілік құқық бұзушылықтар туралы заңнамада белгіленген қағиданы қолдану құқық бұзушыларды жауапкершілікке тарту тәртібін қатаң регламенттеу арқылы кепілдендіріледі. Әкімшілік құқық бұзушылық туралы істер бойынша іс жүргізу кезінде он сегіз жасқа толмаған адамдарға әкімшілік жазаның белгілі бір түрлерін қолдану ерекшеліктері көзделеді. Кәмелетке толмағандар жасайтын әкімшілік құқық бұзушылықтар үшін заң шығарушы мемлекеттің әкімшілік жаза ретінде көбіне айыппұлды қарастырды. Әдетте кәмелетке толмаған адамның табысы немесе мүлкі болмайды. Ондай жағдайда айыппұл оның ата-анасынан немесе өзге заңды өкілдерінен өндіріледі. Бұл жағдайда кәмелетке толмаған құқық бұзушының өзін нақты әкімшілік жазалау мәселесі туындайды.

Балалардың құқықтары заңнамамен барынша қорғалғанымен, қазіргі уақытта балалардың жағдайы көңіл тойдырады деп айтуға келмейді. Себебі балалардың құқықтарын қорғаудың маңызды мәселелерінің бірі болып қылмыстармен құқық бұзушылықтың алдын алу болып табылады. Өйткені балаларға қатысты әралуан құқық бұзушылықтар азаяр емес. Олардың мысалы ретінде бала ұрлау, заңсыз саудасы, жыныстық пайдалану және басқа да мәселелер өршіп тұр. Бас прокуратураның Құқықтық статистика және арнайы есепке алу комитетінің деректері бойынша 2022 жылы балаларға қатысты 2005 қылмыс жасалыпты (2021 жылы – 2 088), олардың жыныстық тиіспеушілігіне қарсы қылмыстар саны 719 құраған (2021 жылы - 920), сондай-ақ балалар арасында 155 суицид оқиғасы тіркелген (2021 жылы – 144). Денсаулық сақтау министрлігінің мәліметінше, республикада жыл сайын 600 мыңнан астам адам жарақат алса, олардың 22%-дан астамы - балалар, яғни 130 мыңы немесе 360 бала күн сайын жарақат алады. Жантүршігерлік көрсеткіштің артында қанша отбасының, ондағы балалардың тағдырының мәз емес екені көрініп тұр.

Балаларға қатысты зорлық-зомбылық көбіне жасырын жасалады. Осындайда оның алдын алу бірінші кезекте ата-ананың қолында. Сонымен қатар, бүгінгі күнде өз баласына зорлық-зомбылық жасайтын ата-аналар да бар. Осы орайда балаларға қатысты қылмыстың алдын алу мен күресте бір мәселеге тоқталғым келеді. Қылмыстық кодексте [7] қылмысты жасырып қалу (432 бап), қылмыс туралы хабарламау үшін (434 бап) қылмыстық жауапкершілік көзделген. Осы баптардың ескертуіне сәйкес, жұбайы (зайыбы) немесе жақын туысы жасаған қылмысты күні бұрын уәделеспей жасырып қалғаны (хабарламағаны) үшін адам қылмыстық жауаптылыққа жатқызылмайды. Яғни, қылмыс жасаған адамның жұбайы (зайыбы) немесе жақын туысы балаға қатысты қылмыс жасалғанын білсе де ол туралы құқық қорғау органдарына жеткізуге міндетті емес және оны үшін еш жауапкершілікке тартылмайды. Бұл ретте бүгінгі күні бел алып отырған қылмыстардың бірі осы жақын туыстары, өгей әкелер не шешелер тарапынан болатынын ескерсек, аталған ескерту бұл қылмыстарды азайтуға тек кедергі болады деп есептеймін.

Бірінші кезектегі міндет-балалардың құқықтарын қамтамасыз ету және қорғау. Әрбір мемлекеттің саясаты кешенді сипатта болуы және балалардың өмір сүру сапасын жақсартуға және олардың дамуына бағытталуы тиіс. Сондықтан, ең жақсы нәтижеге қол жеткізу үшін баланың құқықтарын қорғау саласында жұмыс істейтін органдар, ұйымдар мен қоғам ынтымақтасып, өзара көмек көрсетуі тиіс.

Пайдаланылған қайнар көздерінің тізімі:

1. Бала құқықтарының декларациясы. Эглантин Джебб жасаған, 1924 жылғы 26 қарашада Женевадағы Ұлттар Лигасының бесінші Ассамблеясында қабылданды.

2. Бала құқықтарының декларациясы. БҰҰ Бас Ассамблеясының 1959 жылғы 20 қарашадағы 1386 (XIV) қарарымен қабылданды.

3. Бала құқықтары туралы Конвенция. БҰҰ Бас Ассамблеясымен 1989 жылдың 20 қарашасы қабылданды.

4. Қазақстан Республикасының Конституциясы. 1995 жылдың 30 тамызындағы республикалық референдумда қабылданған.

5. «Қазақстан Республикасындағы баланың құқықтары туралы» Қазақстан Республикасының 2002 жылғы 8 тамыздағы N 345 Заңы.

6. Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы туралы. Қазақстан Республикасының 2011 жылғы 26 желтоқсандағы № 518-IV Кодексі.

7. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі. Қазақстан Республикасының Кодексі 2014 жылғы 3 шілдедегі № 226-V ҚРЗ.

Ермаханов Бакыт Аманбаевич

Жетісу облысының қылмыстық істер
жөніндегі мамандандырылған
ауданаралық сотының төрағасы

ҚЫЛМЫСТЫҚ ЖӘНЕ ҚЫЛМЫСТЫҚ ІС ЖҮРГІЗУ ЗАҢНАМАСЫНЫҢ НОРМАЛАРЫН ҚОЛДАНУ КОНТЕКСТІНДЕ АДАМ ҚҰҚЫҚТАРЫН ҚОРҒАУ

Адам құқықтары 1995 жылы 30 тамызда республикалық референдумда қабылданған «Қазақстан Республикасының Конституциясының» негізгі құндылықтарының бірі, Конституцияға сәйкес ең қымбат қазына - адам және адамның өмірі, құқықтары мен бостандықтары болып табылады.

Конституцияның 16-бабына сәйкес әркім өзінің жеке басының бостандығына құқығы бар. Заңда көзделген реттерде ғана және тек қана соттың санкциясымен тұтқындауға және қамауда ұстауға болады, тұтқындалған адамға шағымдану құқығы беріледі.

Ұсталған, тұтқындалған, қылмыс жасады деп айып тағылған әрбір адам сол ұсталған, тұтқындалған немесе айып тағылған кезден бастап адвокаттың (қорғаушының) көмегін пайдалануға құқылы-делінген.

Сол сияқты 17-бапқа сәйкес адамның қадір-қасиетіне қол сұғылмайды. Ешкімді азаптауға, оған зорлық-зомбылық жасауға, басқадай қатыгездік немесе

адамдық қадір-қасиетін қорлайтындай жәбір көрсетуге не жазалауға болмайды – деп Ата заңымызда бекітілген.

Қазақстан Республикасы Конституциясы мен заңдарының адамның жеке бас бостандығына және қадір-қасиетіне қол сұқпауды қамтамасыз ететін нормаларын қылмыстық сот ісін жүргізуде дұрыс және біркелкі қолдану, сондай-ақ БҰҰ-ның Азаптауларға және басқа да қатыгез, адамгершілікке жатпайтын немесе ар-намысты қорлайтын әрекеттер мен жазалау түрлеріне қарсы конвенциясынан (БҰҰ Бас Ассамблеясының 1984 жылғы 10 желтоқсандағы 39/46 қарарымен қабылданды, Қазақстан Республикасы Конвенцияға Қазақстан Республикасының 1998 жылғы 29 маусымдағы № 247-1 Заңына сәйкес қосылды) (бұдан әрі - Конвенция) және Қазақстан Республикасы бекіткен өзге де халықаралық шарттардан туындайтын міндеттемелерді тиісінше түрде орындау мақсатында Қазақстан Республикасы Қылмыстық іс жүргізу кодексінің 110-бабына сәйкес, қылмыстық процесті жүргізуші орган іс жүргізу әрекеттерін жүргізген кезде (жауап алу, беттестіру, қарау, тану және т.б.) процеске қатысушыға оның құқықтарын түсіндіріп қана қоймай, сонымен қатар оларды толық жүзеге асыру мүмкіндігін қамтамасыз етуге міндетті. Бұл ретте адам мен азаматтың конституциялық құқықтарын сақтауға, оның ішінде қинауды, басқа да қатыгез немесе адамның ар-намысын қорлайтын іс-әрекеттерді қолданудан қорғауды қамтитын адамның қадір-қасиетіне қол сұқпауға ерекше мән берілуге тиіс. Заңның осы талаптарын орындамау іс жүргізу әрекеттерін жүргізген кезде алынған дәлелдерді рұқсат етілмейтін дәлелдер деп тану үшін негіз болып табылады.

Әркімнің білікті заң көмегін, сондай-ақ ол көмекті адвокаттың (қорғаушының) қатысуымен алуға құқығы туралы конституциялық ережені сақтау, сот ісін тараптардың бәсекелестігі және тең құқықтылығы негізінде жүзеге асыруға, іс бойынша ақиқатты анықтап, заңды да негізді сот шешімін шығаруға ықпал етеді.

Қылмыстық процестің барлық кезеңінде қорғануға құқығы бар куәгерге, күдіктіге, айыпталушыға, сотталушыға, сотталғанға, ақталғанға қылмыстық қудалаудан, айыптау мен соттаудан қорғану құқығы берілген және кепілдендірілген.

Қылмыстық іс жүргізу заңындағы кемшіліктер мен жолсыздықтарды жою, қорғануға құқығы бар куәгердің, күдіктінің, айыпталушының, сотталушының, сотталғанның, ақталғанның қорғану құқығын қамтамасыз ету мақсатында Қазақстан Республикасы Конституциясының 13-бабында және 16-бабының 3-тармағында танылған және оған кепілдік берілген және Қазақстан Республикасы Қылмыстық-процестік кодексінің 26-бабында көзделген қылмыстық процесс қағидаттарының бірі болып табылатын қорғалуға құқығы бар куәнің, күдіктінің, айыпталушының, сотталушының, сотталғанның және ақталғанның қорғалуға құқығын толық қамтамсыз етілуі тиіс. Ол үшін қылмыстық процесті жүргізуші органдары жұмысында қорғану құқығын реттейтін нормалардың бұзылуына жол бермей, адвокаттар өздеріне заңмен берілген өкілеттіктерді толығымен пайдалану қажет.

Қорғануға құқығы бар куәгердің, күдіктінің, айыпталушының, сотталушының, сотталғанның, ақталғанның қорғану құқығы - күдікті теріске шығаруды немесе жауаптылық пен жазаны жеңілдетуді, сондай-ақ ақталған

адамға қатысты - заңсыз ұстаудан, күдіктінің іс-әрекетін саралау туралы қаулы шығарудан, бұлтартпау шарасын қолданудан, сотқа беруден және заңсыз сотталудан келген зиянды өтеуге қолданыстағы заңнамада тиісті процестік мүмкіндіктер бар.

Қылмыстық процесті жүргізуші органдардың қорғануға құқығы бар куәгердің күдіктінің, айыпталушының, сотталушының, сотталғанның, ақталғанның қорғану құқығын қылмыстық процестің басқа да принциптерімен бірге қамтамасыз етуі - істі әділ талқылаудың және ол бойынша дұрыс шешім қабылдаудың кепілі болып табылады, қорғану құқығын бұзушылық ҚПК-нің 9-бабында көрсетілген салдарға әкеп соғады.

Қылмыстық процесті жүргізуші органдар ҚПК-нің 67-бабында көрсетілген жағдайларда қорғаушының міндетті түрде қатысуы туралы заң талабын қатаң түрде орындаулары қажет.

Қорғануға құқығы бар куәгердің, күдіктінің, айыпталушының, сотталушының, сотталғанның, ақталғанның қорғану құқығының бұзылуын тек қорғаушыны бермеу ғана емес, сондай-ақ олардың процестік құқықтарын, атап айтқанда, ана тілі немесе басқа білетін тілді пайдалану, түсініктеме беру, айғақтар ұсыну, дәлелдеме келтіру, өтініш мәлімдеу, дәлелдемелерді зерттеу және сот жарыссөзіне қатысу, соңғы сөз сөйлеу, қылмыстық процесті жүргізетін органдардың іс-әрекеттері мен шешімдеріне шағымдану және т.б. құқықтарын шектеуге жол берілмеуі тиіс.

Күдіктіге ҚПК-нің 64-бабының бірінші бөлігінде көзделген қандай да бір әрекетті жүргізу сәтінен бастап күдіктінің әрекеті туралы қаулыны хабарлағанға дейін, қорғаушы тағайындау туралы заң талабы мүлтіксіз орындалуға жатады.

Қылмыстық процесті жүргізуші орган адвокат қорғаушы ретінде іске қатысуға кіріскен сәттен бастап күдіктіге, алғашқы жауаптың алдында қорғаушымен жеке және оңаша кездесуіне шынайы мүмкіндік жасап, олардың саны мен ұзақтығын шектемеуі тиіс.

Қорғану құқығын іске асыруды қамтамасыз ету, сондай-ақ қорғаушыға қорғау функциясын орындауы үшін жағдай туғызу мақсатында қылмыстық процесті жүргізуші органдар қорғаушылар мен олардың қорғауға алған адамдарынан қандай процестік іс-әрекеттерге бірге қатысқанды қажет деп санайтынын анықтап алып, оларға сондай жағдай жасауға міндетті.

Күдіктіні, қорғануға құқығы бар куәгерді, айыпталушыны, сотталушыны жауап беруге, оған тағылған айыпты мойындауға, заттай дәлелдемелер беруге мәжбүрлеу, сондай-ақ оның өзіне қарсы жауап бермеу құқығын бұзатын өзге де іс-әрекеттер жасауға мәжбүрлеу, қорғану құқығын елеулі түрде бұзушылық деп қарастырылады. Осыған байланысты қорғануға құқығы бар куәнің, күдіктінің, айыпталушының, сотталушының, сотталғанның өзіне сотқа дейінгі тергеп-тексеру органдарының заңсыз амалдарының қолданылғаны туралы арызы мұқият тексерілуі қажет және ол расталған жағдайда ондай іс материалдары іс жүргізу заңының талаптарын бұзу арқылы алынғандықтан дәлелдемелік күші жоқ деп танылады.

ҚПК-нің 31-бабына сәйкес күдіктіге, айыпталушыға, сотталушыға, сотталғанға, ақталғанға қылмыстық процесті жүргізуші органның іс-әрекеттері

мен шешімдеріне қылмыстық- процестік заңда бекітілген шағымдану құқығы мен оның тәртібі түсіндірілуге тиіс.

Ақталушыға, сондай-ақ қылмыстық қудалауды қысқарту туралы қаулы шығарылған айыпталушыға (күдіктіге, сотталушыға) қылмыстық процесті жүргізуші органдардың заңсыз іс-әрекеттерінің салдарынан келтірілген зиянды өтетү құқығын түсіндірмеу де қорғану құқығын бұзушылық болып табылады.

Қорғаушы өз ынтасы бойынша сотталғанның, ақталғанның мүддесі үшін істі қараған кезде шешімді бұзуға әкеп соғатын процестік құқық бұзушылықтарға жол берген сот шешіміне шағымдануға құқылы. Сот сотталушыны (ақталғанды) аталған арызбен таныстыруға және оның шағымды қайтарып алу құқығын түсіндіруге міндетті.

Жағдайын нашарлату туралы мәселе қойылған сотталушының өз өтініші бойынша апелляциялық сатыдағы соттың отырысына қатысуы - істің мән-жайларын жан-жақты, толық зерттеудің және шағымды немесе прокурордың өтінішхатын объективті түрде қараудың қосымша кепілі болып табылады.

Бірінші сатыдағы соттардың сотталушының (ақталғанның) аталған құқығын іске асыруды қамтамасыз еткенін апелляциялық, кассациялық сатыларының соттары мұқият тексереді.

Қылмыстық істерді қараған кезде апелляциялық, кассациялық сатыларының соттары қылмыстық процесті жүргізуші органдардың күдіктінің, айыпталушының, сотталушының, сотталғанның, ақталған адамның қорғану құқығының қамтамасыз еткенін мұқият тексереді және орын алған заң бұзушылықтарды ескерусіз қалдырмайды.

Адвокаттардың өз міндеттерін тиісінше атқармағаны (формальды қатысу, таза бланктерге қол қою, қылмыстық іс жүргізу барысында орын алған заң бұзушылықтарды ескермеу және т.б.) анықталған жағдайда, соттар қорғаушыға тиісті шара қолдану туралы жеке қаулы шығаруға құқылы.

Сот, сот талқылауында және қылмыстық процестің сотқа дейінгі сатысында адамның жеке бас бостандығы мен қадір-қасиетіне қол сұқпау жөніндегі құқықтарының бұзылуы туралы арыздарды тексерген және күзетпен ұстау түріндегі бұлтартпау шарасын санкциялау туралы өтініштерді қараған кезде адамның нақты қай уақытта, қанша уақытқа ұсталғанын, оның қай жерде ұстауда болғанын, хаттаманың жасалған-жасалмағанын және осыған байланысты басқа да мән-жайларды анықтауы тиіс.

Адамды заңсыз ұстау фактісі анықталған жағдайда қылмыстық процесті жүргізуші орган, оны ақтау және заңсыз әрекеттермен келтірілген зиянды өтеу жөнінде ол шаралар қабылдайды. Ұсталған адамға мүліктік зиянды өтеу және моральдық зиянның зардаптарын жою, оның ішінде ҚПК-нің 41-бабының ережелеріне сәйкес одан жазбаша түрде ресми кешірім сұрауды талап ету құқығы түсіндіріледі.

Қамауда ұстау орындарының әкімшілігі ұсталған немесе күзетпен ұсталған адамдардан түскен қинау әрекеттерінің қолданылғаны туралы шағымдарды ҚПК-нің 101-бабына сәйкес прокурорға дереу жолдауға міндетті.

Прокурор азаптаудың, зорлық-зомбылықтың, басқа да қатыгездік немесе адамның ар-намысын қорлайтын әрекеттердің қолданылғаны туралы шағымды ҚПК-нің 105-бабында белгіленген талаптар мен мерзімдерге сәйкес тексереді.

Азаптаудың, зорлық-зомбылықтың, басқа да қатыгездік әрекеттердің қолданылғаны туралы жеткілікті деректер анықталған кезде прокурор шағымды Сотқа дейінгі тергеп-тексерудің бірыңғай тізіліміне тіркейді және қылмыстық істі сотқа дейінгі тергеп-тексеруді жүзеге асыру үшін тергеулілігі бойынша береді.

Қылмыс жасады деген күдікпен ұсталған немесе күзетпен ұсталуда отырған адамның қинау қолданылғаны туралы шағымды сотқа жолданған жағдайларда, қамауда ұстау орнының әкімшілігі аталған шағымды ҚПК-нің 106-бабының тәртібімен қарау үшін мекеменің орналасқан жері бойынша тергеу судьясына дереу жолдайды.

Азаптаулар, зорлық-зомбылық, басқа да қатыгездік қолданылғаны немесе адамдық қадір-қасиетті қорлап, жәбір көрсетілгені туралы шағым сот отырысында мәлімделген жағдайларда, сот оны дереу қарау үшін заңда көзделген шараларды қабылдауға міндетті. Егер шағымды тексеру үшін соттың құзыретіне кірмейтін шараларды не сотқа дейінгі іс жүргізу шеңберінде тергеу және өзге де процестік әрекеттер жүргізуді жүзеге асыру қажет болса, сот тексеру материалдарын сотқа табыс ету мерзімін көрсете отырып, тиісті тексеру жүргізуді прокурорға жүктейтін қаулы шығарады.

Тексеруді жүзеге асыру және заңсыз әрекеттер жасаған адамдарды жауапкершілікке тарту іс бойынша іс жүргізуді тоқтата тұруға әкеп соқпайды.

Сот шағымдарды тексеру материалдарын және олар бойынша прокурор қабылдаған процестік шешімдерді сот отырысында зерттеуге және негіздер болған кезде дәлелдемелерді мүмкін емес деп тану туралы мәселені шешуге міндетті. Шағымдарды тексеру материалдары және олар бойынша қабылданған процестік шешімдер іс материалдарына тіркеледі.

Адамның ҚПК-нің 64 және 65-баптарында көзделген өзінің процестік құқықтарын іске асыру мақсатында мәлімдемесінде білдірген оның іс-әрекетін, оған азаптаулар қолданылғаны жөніндегі өтінішін оған азаптаулар қолданылғаны жөніндегі жалған сөз айтқанынан ажырату қажет.

Күдіктінің азапталғаны немесе өзге де қатыгездікпен жәбірленгені жөнінде құзыретті органға жүгінген шағымындағы көрінеу жалған сөзі үшін оның шағымында баяндалған фактілердің расталмауы және сол өтініш бойынша қылмыстық істің тоқтатылуы негізінде ғана ҚК-нің 419-бабы бойынша қылмыстық жауаптылыққа тартуға жол берілмейді.

ҚК-нің 419-бабы бойынша адамды көрінеу жалған сөз жеткізгені үшін қылмыстық жауаптылыққа тартуға қылмыстық жауаптылықтан жалтару мақсатында не өзге себептермен өзіне азаптау қолданылғаны туралы оның тарапынан қасақана жала жабу дәлелденген кезде ғана мүмкін болады.

Сот тараптардың қинау қолданып алынған немесе өзге де заңсыз әрекеттердің нәтижесінде алынған деп санайтын дәлелдерді рұқсат етілген дәлелдемелер қатарынан алып тастау туралы өтініштерін қараған кезде алынған іс материалдарының заңдылығын растау міндеті айыптаушыға жүктелетінін негізге алуы тиіс.

Егер сотталушы сот отырысында өзінің жауаптарын қылмыстық қудалау органдарының күш қолдануының немесе психикалық қысым көрсетуінің салдарынан бергенін, бұл орайда оған қорғаушыны шақыру және өзіне қарсы

айғақтар бермеу құқығымен таныстырмағанын, жауап алу қорғаушының қатысуынсыз жүргізілгенін мәлімдесе, онда дауланып отырған жауаптар рұқсат етілмейтін дәлелдер деп танылуы тиіс.

Егер іс жүргізу әрекеттеріне адвокат қатысса, онда ол хаттамаға қол қойған кезде жол берілген заң бұзушылықтар туралы көрсетуге міндетті.

ҚК-нің 362-бабында жауаптылық көзделген, билікті не қызметтік өкілеттікті асыра пайдаланумен байланысты өзге де әрекеттерден қинауды ажырата білу қажет. ҚК-нің 13-бабының үшінші бөлігінде белгіленген жалпы және арнайы нормалардың бәсекелестігі туралы ережеге сәйкес жәбірленушіге тән азабын және (немесе) психикалық зардап тартқызумен ұштасқан әрекеттер, егер бұл әрекеттерді лауазымды тұлға осы нормада көрсетілген мақсатқа қол жеткізу үшін жасаса, олар арнайы норма - ҚК-нің 146-бабы бойынша саралануы тиіс. Бұл ретте, әрекетті ҚК-нің 362-бабы бойынша қосымша саралау талап етілмейді.

ҚК-нің 146-бабының бірінші бөлігінде көрсетілген субъектінің үнсіз келісімі деп анықтауды жүзеге асыратын адамның, тергеушінің немесе өзге де лауазымды адамның не басқа адамның ҚК-нің 146-бабы бірінші бөлігінің диспозициясында көрсетілген мақсаттарға қол жеткізу үшін басқа адамдардың азаптауларды қолдануына келісімінен (мақұлдауынан), оның ішінде үнсіз мақұлдау (басын изеу, ымдау және т. б.) байқалатын әрекетін (әрекетсіздігін), сол сияқты басқа адамдардың құқыққа қарсы әрекеттері туралы хабардар болу кезінде не кейін азаптаулар мен тағы басқалар қолданылғандарға осы адамдарды заңсыз жіберу кезінде әрекетсіздігін түсіну керек.

Конвенцияның 16-бабының ережелерін іске асыру мақсатында қатыгез немесе адамның ар-намысын қорлайтын іс-әрекеттер мен жазалау түрлерінің әрбір фактісіне құқықтық баға берілуге тиіс. Мұндай әрекеттер ҚК-нің 146-бабында көрсетілген мақсаттарға қол жеткізу үшін емес, өзге де уәждермен жасалған және азаптаудың анықтамасына жатпайтын жағдайларда, онда кінәлі адам негіздер болған кезде ҚК-нің Ерекше бөлігінің тиісті баптары бойынша жауаптылыққа тартылады.

Қылмыстық іс бойынша қылмыстық процеске тартылған адамның адамгершілік қадір-қасиетін қорлайтын және қылмыстық құқық бұзушылық құрамын құрамайтын заңсыз әрекеттерді қылмыстық қудалау органының жасау фактісі анықталған кезде соттар прокурордың тиісті шаралар қабылдауы туралы жекеше қаулы шығаруға міндетті.

Қинауды денсаулыққа қасақана зиян келтіруден (ҚК-нің 106, 107-баптары) ажыратқан кезде, көрсетілген әрекеттерді ҚК-нің 146-бабының бірінші бөлігінде көрсетілген мақсаттарға қол жеткізу үшін тергеушінің, анықтау жүргізушінің өзге де лауазымды адамның не басқа адамның жасағаны анықталмаса, солар арқылы тән азабын және психикалық зардап тартқызу қинау ретінде саралана алмайтынын ескеру қажет.

Егер қинау нәтижесінде жәбірленушіге қасақана орташа ауырлықтағы немесе ауыр зиян келтірілсе немесе абайсызда кісі өліміне алып келсе, онда мұндай әрекеттер ҚК-нің 141-1-бабының тиісті бөлігімен толық қамтылып, ҚК-нің 104, 106, 107-баптары бойынша қосымша саралануға жатпайды.

Қинау нәтижесінде өзін-өзі өлтіруге дейін жеткізуді ҚК-нің 146-бабының тиісті бөлігінің және 102-бабының жиынтығы бойынша саралау қажет.

Қылмыстық процесті жүргізуші орган қинаудың құрбанына мүліктік және моральдық зиянды өндіру туралы талап беру құқығын және мұндай талапты беру тәртібін түсіндіруге міндетті.

Азаматқа қинау, қатыгез немесе адамның ар-намысын қорлайтын әрекеттер немесе жазалаулар нәтижесінде келтірілген зиян ҚІЖК-де және «Қылмыстық процесті жүргізген органдардың заңсыз әрекеттері салдарынан келтірілген зиянды өтеу жөніндегі заңды қолдану тәжірибесі туралы» Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 1999 жылғы 9 шілдедегі № 7 нормативтік қаулысында көзделген тәртіппен өндірілуге жатады.

Қылмыстық процесті жүргізуші орган жәбірленушіге азаптауға байланысты қылмыстар бойынша ҚПК-нің 71-бабы алтыншы бөлігінің 23) тармағына және «Жәбірленушілерге өтемақы қоры туралы» Қазақстан Республикасының 2018 жылғы 10 қаңтардағы № 131-VI Заңының (бұдан әрі – Қор туралы заң) 6-бабы 1-тармағының 1) тармақшасына сәйкес өтемақы алу құқығын түсіндіруге міндетті.

Қор туралы заңның 11-бабының 1-тармағына сәйкес прокуратура органдары жәбірленушілерге өтемақы ретінде төленген ақшаны кінәлі адамдардан өтетіп алу жөніндегі регрестік талаптарды қояды.

Қинау, қатыгез немесе адамның ар-намысын қорлайтын әрекеттер мен жазалаудың алдын алу мақсатында соттар қинауды қолдануға жағдай жасайтын себептер мен жайларды анықтап, оларды жою туралы жеке қаулы шығаруы тиіс.

Ақтау үкімі не қылмыстық істі ақтап алу негіздері бойынша қысқарту туралы қаулы шығарған кезде соттар барлық жағдайларда заңсыз ұстауға, кінәсіз адамды қылмыстық жауаптылыққа тартуға кінәлі лауазымды тұлғаларды (анықтаушыны, тергеушіні, прокурорды және басқаларды) жауапқа тарту туралы жеке қаулылар шығаруы тиіс.

Пайдаланылған қайнар көздерінің тізімі:

1. Қазақстан Республикасының Конституциясы. 1995 жылы 30 тамызда республикалық референдумда қабылданған;

2. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі. 2014 жылғы 3 шілде;

3. Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексі. 2014 жылғы 4 шілде;

4. Қорғану құқығын реттейтін қылмыстық процестік заңнаманы қолдану практикасы туралы Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының нормативтік қаулысы. 2002 жылғы 6 желтоқсан N 26;

5. Қылмыстық және қылмыстық процестік заңнаманың адамның жеке бостандығын сақтау және қадір-қасиетіне қол сұқпау, қинауға, зорлық-зомбылыққа, басқа да қатыгез немесе адамның ар-намысын қорлайтын әрекеттер мен жазалау түрлеріне қарсы мәселелер жөніндегі нормаларын қолдану туралы Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2009 жылғы 28 желтоқсандағы N 7 Нормативтік қаулысы.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДСТВЕННЫХ СУДЕЙ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА НА СТАДИИ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В своем Послании народу Казахстана от 16.03.2022 года «Новый Казахстан: путь обновления и модернизации» Глава государства К-Ж.К.Токаев указал, что: «Верховенство закона невозможно гарантировать без по-настоящему независимых, открытых и профессиональных судов всех уровней» [1].

Согласно «Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года», утвержденной указом Президента Республики Казахстан К-Ж.К.Токаева от 15.10.2021 года №674, - совершенствование порядка применения в уголовном процессе мер государственного принуждения и мер пресечения - является одним из основных направлений развития национального права, отвечающим стремлению Республики Казахстан приблизиться к уровню обеспеченности соблюдения прав человека и его законных интересов в сфере уголовно-процессуальной деятельности в странах «Организации экономического сотрудничества и развития» [2].

Функции судебного контроля по защите прав человека и гражданина на стадии досудебного расследования осуществляются следственными судьями.

Не лишним будет, на наш взгляд, провести определенный хронологический экскурс, касающийся возникновения и развития правового института следственных судей в нашей стране.

Так, впервые на законодательном уровне статус следственного судьи был установлен действующим УПК, как судьи суда первой инстанции, к полномочиям которого относится осуществление в порядке, предусмотренном УПК, судебного контроля за соблюдением прав, свобод и законных интересов лиц в уголовном судопроизводстве [3].

Тем самым, институт следственных судей, как таковой, начал действовать в нашем государстве с 1 января 2015 года.

Первоначально в полномочия следственных судей входило рассмотрение 20-ти вопросов, в том числе: санкционирование содержания под стражей, домашнего ареста, временного отстранения от должности, запрета на приближение, экстрадиционного ареста, наложения ареста на имущество, продления сроков содержания под стражей, домашнего ареста, экстрадиционного ареста, применения залога, принудительного помещения в медицинскую организацию для производства экспертизы, перевода лица в специальную медицинскую организацию в условиях строгой изоляции, эксгумации трупа, объявления международного розыска, а также рассмотрение жалоб на действия (бездействие) и решения прокурора (следователя, дознавателя, органа дознания), рассмотрение вопроса о реализации вещественных доказательств, депонирования показаний потерпевшего и свидетеля, наложения денежного взыскания, взыскания процессуальных издержек по уголовному делу, а также рассмотрение мотивированных ходатайств адвоката об истребовании и приобщении к

уголовному делу сведений, документов, предметов, назначении экспертизы, принудительном приводе.

В дальнейшем полномочия следственных судей были дополнены рассмотрением вопросов о санкционировании осмотра, обыска, выемки, личного обыска, принудительного освидетельствования, принудительного получения образцов, а также по рассмотрению мотивированного ходатайства адвоката о производстве органом уголовного преследования иных следственных действий.

С 1 марта 2018 года следственные судьи специализированных (межрайонных) следственных судов, созданных в том же 2018 году в столице, городах республиканского значения и областных центрах за счет уже имевшихся кадровых и материальных ресурсов судебной системы, были наделены полномочиями по санкционированию проведения негласных следственных действий.

Таким образом, институт следственных судей действует в нашей стране с 2015 года, а специализированные (межрайонные) следственные суды – с 2018 года.

В течение относительно короткого в исторических масштабах периода времени, - 5 и 8 лет соответственно, - специализированными (межрайонными) следственными судами и следственными судьями районных и городских судов обеспечивается эффективный судебный контроль на стадии досудебного расследования, активно формируется судебная практика, Верховным Судом Республики Казахстан приняты Нормативные постановления «О некоторых вопросах санкционирования мер пресечения», «О санкционировании негласных следственных действий», внесены принципиальные изменения и дополнения в Нормативное постановление «О рассмотрении судами жалоб на действия (бездействие) и решения прокурора, органов уголовного преследования», даются разъяснения по вопросам, непосредственно касающимся вопросов судебного контроля на стадии досудебного расследования.

Ни для кого не секрет, что все вышеуказанные следственные действия, рассмотрение и санкционирование которых на настоящее время входит в полномочия следственных судей, безусловно, ограничивают те или иные конституционные права человека и гражданина.

Например, разрешение следственным судьей вопроса о санкционировании меры пресечения в виде содержания под стражей, домашнего ареста, экстрадиционного ареста ограничивает конституционные права на личную свободу и свободу передвижения, гарантированные ст.ст.16,21 Конституции Республики Казахстан.

А разрешение следственным судьей вопроса о санкционировании осмотра, обыска, выемки, личного обыска, принудительного освидетельствования, принудительного получения образцов ограничивает конституционные права на личную неприкосновенность, неприкосновенность жилища, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, право на тайну личных вкладов и сбережений, переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, гарантированных ст.ст.17,18,25 Конституции Республики Казахстан [4].

Таким образом, деятельность следственных судей по защите прав человека и гражданина на стадии досудебного расследования практически направлена на

проверку наличия установленных уголовно-процессуальным законом юридических оснований для производства определенного следственного действия, ограничивающего определенное конституционное право человека и гражданина.

В случае, если таковые юридические основания имеются, то следственный судья удовлетворяет ходатайство органа уголовного преследования и санкционирует производство следственного действия.

А в случае отсутствия достаточных юридических оснований, следственный судья отказывает в удовлетворении ходатайства органа уголовного преследования и отказывает в санкционировании производства следственного действия.

Безусловно, что решение следственного судьи об отказе в удовлетворении ходатайства органа уголовного преследования и отказе в санкционировании производства следственного действия – является судебным актом, которым непосредственно и прямо защищаются права человека, гражданина и организаций на стадии досудебного расследования.

В связи с чем, при всем многообразии и разносторонности деятельности следственных судей, эффективность судебного контроля на стадии досудебного расследования и степень независимости судей от влияния органов уголовного преследования наглядно отображается в одном из основных количественных параметров, а именно в показателе отказа в санкционировании следственных действий.

В связи с чем, вкратце приведем некоторые статистические данные по показателям отказа в санкционировании следственных действий по Специализированному следственному суду города Костаная за период 2021-2023 гг.

Так, в 2021 году поступило 2518 материалов, из них удовлетворены 2071 (82%) и отказаны в удовлетворении 447 (18%).

В 2022 году поступило 2379 материалов, из них удовлетворены 1810 (76%) и отказаны в удовлетворении 569 (24%).

По итогам 10 месяцев 2023 года поступило 2407 материалов, из них удовлетворены 1972 (82%) и отказаны в удовлетворении 435 (18%).

Тем самым, согласно приведенным статистическим данным - показатель отказа в санкционировании следственных действий составил: 18% в 2021 году, 26% в 2022 году и 18% за 10 месяцев 2023 года.

Таким образом, в 2022 году по каждому четвертому материалу, а в 2021 и 2023 годах практически по каждому пятому материалу следственные судьи принимали решения, защищающие права физических и юридических лиц, вовлеченных в уголовный процесс.

В связи с этим, имеются достаточные основания утверждать, что на настоящее время результаты деятельности следственных судей свидетельствуют о том, что эффективный механизм судебного контроля на стадии досудебного расследования налажен и продуктивно действует.

Вместе с тем, озвучивались предложения о передаче почти всех полномочий по санкционированию следственных действий, в том числе негласных следственных действий, от следственных судей к прокурорам.

При этом, предлагалось оставить следственным судьям только полномочия по санкционированию содержания под стражей, домашнего ареста и экстрадиционного ареста.

К счастью, здравый смысл возобладал и предложения о передаче полномочий по санкционированию следственных действий от следственных судей к прокурорам не были поддержаны государством.

Так, в постановлении Правительства Республики Казахстан от 06.04.2023 года №277 о внесении на рассмотрение Мажилиса Парламента Республики Казахстан проекта Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам оптимизации Уголовного, Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного кодексов» - передача полномочий по санкционированию следственных действий, в том числе негласных следственных действий, от следственных судей к прокурорам не предусмотрена [5].

В связи с этим, необходимо отметить следующее.

Так, действующий уголовно-процессуальный закон предусматривает только 6 видов негласных следственных действий (далее - НСД), проведение которых с 1 марта 2018 года санкционируется следственными судьями специализированных (межрайонных) следственных судов:

- 1) негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места;
- 2) негласные контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи;
- 3) негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами;
- 4) негласное снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации;
- 5) негласный контроль почтовых и иных отправлений;
- 6) негласные проникновение и (или) обследование места.

Негласные следственные действия имеют ряд отличий от обычных следственных действий.

Так, обычные следственные действия, например обыск и выемка, могут быть своевременно обжалованы заинтересованным лицом непосредственно после совершения этих действий.

Таким образом, заинтересованные участники уголовного процесса имеют реальную возможность своевременно обжаловать в следственном суде действия органов уголовного преследования по проведению обычных следственных действий.

Тем самым, в случае проведения обычных следственных действий заинтересованные лица имеют реальную возможность своевременно и оперативно обратиться в следственный суд за судебной защитой.

Тогда как, в случае передачи санкционирования негласных следственных действий от следственных судей к прокурорам, вопросы законности проведения НСД полностью выпадут из сферы судебного контроля.

Так, о самом факте проведения негласных следственных действий заинтересованному лицу становится известно спустя несколько месяцев, а то и

более, после их проведения при окончании досудебного расследования, например, на стадии ознакомления с заключениями экспертиз, проведенных по рассекреченным материалам НСД.

Между тем, проведение негласных следственных действий существенно ограничивает конституционные права человека и гражданина, так как их проведение предусматривает негласную аудиовидеозапись гражданина, негласное прослушивание и запись его телефонных разговоров, негласное снятие информации с компьютеров, негласный контроль почтовых отправлений, негласное проникновение в жилище и т.п.

В связи с чем, учитывая, что в силу закона заинтересованные лица заведомо лишены права своевременно обжаловать в суд проведение НСД, - объективно необходимо обеспечить судебную защиту конституционных прав этих лиц до начала проведения НСД путем санкционирования НСД следственными судьями, которые объективно проведут проверку на предмет наличия либо отсутствия оснований для проведения НСД.

Именно по этой причине столь важна юридическая проверка, проводимая следственным судьей при разрешении вопроса о санкционировании негласных следственных действий.

В этом случае судебный контроль, осуществляемый следственным судьей, предшествует проведению НСД, обеспечивая судебную защиту конституционных прав человека и гражданина от произвольных действий со стороны органов уголовного преследования.

Таким образом, существующий правовой механизм санкционирования НСД следственными судьями обеспечивает судебную защиту конституционных прав человека и гражданина.

Степень надежности и эффективности судебного контроля, осуществляемого следственными судьями при рассмотрении вопросов о санкционировании НСД, можно наглядно продемонстрировать тремя цифрами.

Так, по Специализированному следственному суду города Костаная показатель отказов при санкционировании НСД составил: 26% в 2021 году, 35% в 2022 году и 29% за 10 месяцев 2023 года.

Тем самым, в 2021 и 2023 годах по каждому четвертому материалу, а в 2022 году по каждому третьему материалу следственные судьи принимали решения, защищающие права граждан, вовлеченных в уголовный процесс.

В своем Послании народу Казахстана от 16.03.2022 года «Новый Казахстан: путь обновления и модернизации» Глава государства К-Ж.К.Токаев указал, что: «Политическая трансформация нацелена на формирование честных и справедливых "правил игры", искоренение фаворитизма и монополий во всех сферах жизни» [6].

Ни для кого не секрет, что передача полномочий по санкционированию НСД от следственных судей к прокурорам создаст искусственную монополию органов прокуратуры в сфере уголовного процесса. Полагаем, что это будет большим шагом назад, откатом и реверсом в прошлое.

Тем более, что общий тренд реформирования уголовного процесса явно указывает на расширение обвинительных полномочий прокурора, который приобрел полномочия органа досудебного расследования в рамках трехзвенной

модели уголовного процесса, тем самым, де-юре и де-факто с самого начала досудебного расследования стал заинтересованной стороной обвинения, и, следовательно, в силу своего обновленного статуса не может больше занимать позицию нейтрального надзирающего органа.

Предложение: предлагаем сохранить полномочия по санкционированию проведения негласных следственных действий за следственными судьями.

Органы прокуратуры от такого расклада ничего не теряют, так как согласно части 4 статьи 12 Закона РК «Об оперативно-розыскной деятельности» прокуроры в настоящее время санкционируют проведение тех же самых шести видов специальных оперативно-розыскных мероприятий (СОРМ), указанных в части 3 статьи 11 вышеназванного Закона РК [7].

Для сведения: наименования всех шести видов НСД и шести видов СОРМ являются абсолютно аналогичными и по своей сути означают одни и те же негласные действия, отличие между ними состоит только в том, что СОРМ проводятся до начала досудебного расследования, а НСД – после.

Безусловно, что действующий паритет полномочий, когда следственные судьи контролируют НСД, а прокуроры контролируют СОРМ – обеспечивает оптимальный баланс в механизме сдержек и противовесов в сфере уголовного судопроизводства.

Заключение

Резюмируя все вышеизложенное, отметим, что поставленные нами вопросы и предложения, безусловно, не охватывают всю глубину проблем становления института следственных судей. Так, специализированные следственные суды созданы и действуют в нашей стране только пятый год и проблемы, непосредственно касающиеся заявленной тематики, по нашему мнению, находят оптимальные и конструктивные решения.

На наш взгляд, по вопросу деятельности следственных судей по защите прав человека на настоящее время имеется один столбовой проблемный вопрос, а именно, в целях обеспечения своевременной судебной защиты прав человека на стадии досудебного расследования и во избежание искусственной монополизации и сверхконцентрации процессуальных полномочий в органах прокуратуры - необходимо сохранить полномочия по санкционированию проведения негласных следственных действий за следственными судьями.

Список использованных источников:

1. Послание Главы государства народу Казахстана от 16.03.2022 года «Новый Казахстан: путь обновления и модернизации» // https://adilet.zan.kz/rus/docs/K22002022_1
2. Указ Президента Республики Казахстан от 15.10.2021 года №674 «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674>
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231>
4. Конституция Республики Казахстан // https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_
5. Постановление Правительства Республики Казахстан от 06.04.2023 года №277 «О проекте Закона Республики Казахстан "О внесении изменений и

дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам оптимизации Уголовного, Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного кодексов» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000277>

6. Послание Главы государства народу Казахстана от 16.03.2022 года // https://adilet.zan.kz/rus/docs/K22002022_1

7. Закон Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z940004000_

Айсенова Мадина Зинуллиновна
судья Лисаковского городского суда
Костанайской области,
Республика Казахстан

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

С учетом правозащитного назначения современного казахстанского уголовного судопроизводства следует согласиться с тем, что все основные принципы уголовно-процессуального права являются гарантиями прав невластных участников уголовного судопроизводства, и прежде всего обвиняемого как центральной фигуры уголовного процесса.

Фундаментальным принципом правовой системы, а также залогом и гарантом справедливого суда, защиты основных прав граждан является презумпция невиновности.

На обывательский взгляд суть принципа довольно проста: каждый человек предполагается невиновным, пока его виновность не будет доказана в соответствии с законом. Вместе с тем, сфера применения и значимость данного положения очень велика.

В настоящее время презумпция невиновности относится к числу общепризнанных принципов международного права и правовыми корнями исходит из Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта о гражданских и политических правах, Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также закреплена национальным законодателем.

В 2022 году казахстанскими судами признаны виновными в совершении преступлений около 28 000 тысяч человек, что составляет 0,14% от общего населения страны. Для сравнения, в 2021 году осуждено 28 611 человек. Показатель обвинения сравнительно не высок, учитывая возрастающее количество оправдательных приговоров. Данное указывает об укреплении идеологической среды для эффективной реализации презумпции невиновности в Республике и ее адекватного воплощения в стадиях предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел.

Вместе с тем, в современном уголовном праве существует ряд актуальных вопросов, связанных с реализацией этого принципа, а именно, касаемые правового статуса и прав обвиняемого в процессе расследования, обеспечение сбора и представления доказательств, процессуальных сроков рассмотрения дел,

влияния на процесс общественного мнения, осуществления защиты и ее роли в отстаивании позиции доверителя при производстве по уголовному делу.

Усовершенствование механизма процессуальных гарантий прав, свобод и законных интересов человека, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, и обеспечение реализации принципа презумпции невиновности возможно только в рамках состязательной модели уголовного судопроизводства, которая будет требовать от ее участников особой активности. И здесь необходимо подчеркнуть, на наличие реального равноправия сторон в возможности отстаивания своей позиции и сбора фактических данных относительно обвинения и защиты на досудебных и судебных стадиях уголовного процесса.

Соблюдение древнего тезиса «*audiatur et altera pars* – будет выслушана и другая сторона» сможет гарантировать законность, обоснованность и справедливость приговора и иного судебного акта.

Такая форма уголовного производства может быть реализована при условии признания истинными доказательствами фактических данных, которые были исследованы и оценены судом в качестве таковых в главном судебном разбирательстве, а не сформированы в досудебный период производства по уголовному делу. При этом, к важным аспектам доказывания относим равный доступ к информации досудебного производства, на всем его протяжении и в удобное для обвиняемого и его защитника время, что позволит своевременно и эффективно применять инструменты правового обеспечения прав и свобод, а также активно выстроить свою линию защиты.

Сбор доказательств должен обеспечить права и свободы лица как при его юридическом сопровождении в лице адвоката и представителя, так и при отсутствии финансовой состоятельности обеспечения защиты. Адвокат должен принимать участие в досудебном производстве и в суде от самого его начала и до завершения судебного разбирательства по существу, включая возможность обжалования вынесенного судебного акта.

Нередки ситуации, когда подозреваемый, обвиняемый не могут оплатить услуги адвоката, и он назначается из числа адвокатов соответствующей коллегии. В данном случае, в целях реализации прав и свобод таких лиц, полагаем необходимым создание, наравне с традиционной адвокатурой, государственного учреждения, уполномоченного законом на представление бесплатной правовой помощи гражданам. По принципу – один защитник на всех этапах досудебного и судебного производства.

Таким образом, подразумевается расширение возможностей лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, на квалифицированную юридическую помощь и сбор доказательств при осуществлении им своего права на защиту.

Законодатель исходит из того, что сам факт привлечения лица к уголовной ответственности в стадии расследования не обозначает факт признания его виновным. До того момента, пока не наступила уголовная ответственность по обвинительному приговору суда, вступившему в законную силу, лицо может быть признано невиновным в совершении уголовного правонарушения.

В таком случае, возникает вопрос о пересмотре законодательной терминологии, касаемой лиц, вовлеченных в орбиту уголовного процесса, в целях исключения предвзятого отношения к обретению статуса обвиняемого и подозреваемого, а также, чтобы правоприменитель и обыватель видели в данном лице независимую процессуальную фигуру вплоть до приговора суда. Так, вместо понятия «меры процессуального принуждения» может быть использован термин «меры обеспечения производства», «уголовное судопроизводство» заменено на «досудебный и судебный процесс».

Необходимо на этапе расследования юридически преодолеть доминирование обвинительного или так называемого «репрессивного» уклона и ограничить органы уголовного преследования в монополии на производство. И здесь немаловажное значение имеет эффективный судебный контроль по применению к обвиняемому мер уголовно-процессуального принуждения, ограничивающих его конституционные права и свободы, особенно на досудебных стадиях производства по делу. Исполнение судебного контроля и расширение таких функций в досудебном производстве может влиять на уровень законности в стране.

Само развитие судебного контроля исходит из стремления законодателя повысить эффективность расследования уголовных дел, поднять уровень правовой защиты человека в уголовном процессе.

Наиболее значимым способом усиления судебного контроля является создание института специализированных следственных судей, который успешно функционирует в Казахстане с 2015 года и постоянно совершенствуется. Данная мера позволяет повысить степень правовой защищенности участников уголовного судопроизводства на досудебных стадиях процесса, создать условия для усиления состязательности сторон, оптимизировать судопроизводство и сократить его сроки, обеспечить соблюдение международных конвенций. При этом, следственный судья рассматривает и принимает решения только по тем материалам, обращениям и ходатайствам, которые непосредственно поступают к нему в производство. Уголовно-процессуальным законодательством установлен прямой запрет таким судьям предрешать вопросы, могущие быть предметом судебного рассмотрения при разрешении дела по существу, посягать на процессуальную самостоятельность, то есть принимать решения вместо лиц, осуществляющих досудебное расследование, прокурора и суда, рассматривающего дело по существу.

Следственные суды, функционируя как самостоятельный орган судебной власти, независимы от судов общей юрисдикции и специализируются исключительно на судебном контроле в досудебном производстве по уголовным делам. Деятельность следственных судей носит правоохранительный характер, является своеобразным процессуальным барьером к нарушению основных прав человека, вносит ощутимые коррективы в функционирование правоохранительных органов.

Важную роль в переходе к состязательной модели уголовного процесса и обеспечении объективности, беспристрастности и законности судопроизводства имеет также развитие института суда присяжных заседателей, потенциал которого еще не в полной мере реализован. Такой суд значимо дисциплинирует

органы предварительного следствия, ориентирует участников судопроизводства к наиболее точному и полному соблюдению норм процессуального закона, приравнивает процессуальные возможности обвинения и защиты, а также «принуждает» их к высокой активности при отстаивании своих позиций.

Рассматривая уголовный процесс сквозь призму презумпции невиновности, необходимо также указать на актуальные проблемы сроков рассмотрения уголовных дел, подчеркнуть важность обеспечения баланса между необходимостью соблюдения процессуальных формальностей и скоростью досудебного и судебного разбирательства. Следственные ошибки и затянутость досудебного расследования напрямую влияют на качество и сроки отправления правосудия, тогда как принятие окончательного правоприменительного акта по делу допустимо только при точном и единообразном соблюдении законодательных норм.

Вместе с тем, одним из ключевых вызовов заключается в том, как предотвратить влияние предвзятого общественного мнения на судебные решения. Необходимо разработать эффективные меры для минимизации воздействия медиа и общественности на формирование предположений о виновности обвиняемого до суда.

В действующем законодательстве также должна присутствовать общая норма, запрещающая органам государственной власти и их представителям высказываться в средствах массовой информации относительно виновности либо невиновности подозреваемого, обвиняемого, подсудимого лица и обстоятельств производства, до вынесения судебного акта.

Таким образом, в обеспечении и правовом применении презумпции нет сторонних вопросов, все они оказывают глубокое воздействие на процессуальную справедливость и защиту основных прав обвиняемого лица, предотвращая произвольное или необоснованное обвинение. Принцип презумпции является неотъемлемой частью справедливой правовой системы, обеспечивая защиту прав обвиняемых, предотвращение недобросовестных обвинений и поддержание принципов правового государства. Соблюдение этого принципа становится ключевым элементом обеспечения судебной справедливости и соблюдения прав человека.

Реализация презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве требует постоянного внимания и решения актуальных проблем. Только через совместные усилия общества, правоохранительных органов и законодательных институтов можно обеспечить справедливость и защиту основных прав каждого обвиняемого лица.

Список использованных источников:

1. Всеобщая декларация прав человека. Генеральная Ассамблея ООН 10 декабря 1948 года.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах. Генеральная Ассамблея ООН 18 декабря 1966 года.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. г.Рим, 4 ноября 1950 года.
4. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13 декабря 1997 года.
6. Перспективы расширения судебного контроля на досудебной стадии в уголовном процессе Республики Казахстан. Амиргалиев А.А.
7. Понятие, сущность и формы судебного контроля в уголовном судопроизводстве. Садыкова Р.
8. К вопросу о понятии и сущности правосудия. Хачароев Х.Д.
9. Следственный судья в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан. Адилов С.А.
10. Сущность и направления судебной деятельности в досудебном уголовном производстве. Семенцов В.А., Гладышева О.В.
11. Справедливое судебное разбирательство в международном праве: юридический сборник. Бюро ОБСЕ.
12. Понятие «презумпция»: основания появления и использование в правовой деятельности: научное издание. Барабаш А.С.
13. Особенности законодательного закрепления принципов уголовного судопроизводства в странах СНГ. Аббасов Ф.Н.
14. Обвинение и защита: проблемы равных возможностей. Алауханов Е.О.
15. Презумпция невиновности. Ларин А.М.

Құдайберген Еділ Болатұлы
Ақтөбе облысы Хромтау аудандық
сотының судьясы, құқық магистрі

ҚЫЛМЫСПЕН КЕЛТІРІЛГЕН ЗАЛАЛДЫ ӨТЕУ БАРЫСЫНДА ЖӘБІРЛЕНУШІ МЕН КІНӘЛІ ТҮЛҒАНЫҢ ҚҰҚЫҚТАРЫН ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ

Қылмыстық қолсұғушылықтың құрбандарын уақытылы әрі жеткілікті дәрежеде өтемақымен қамтамасыз етудің құқықтық мәселелері әрқашан да өзекті болып келеді.

Мемлекеттің қылмыстық саясатының тиімділігі, басым жағдайда, жәбірленушілердің бұзылған құқықтарын қалпына келтіру мүмкіндігімен анықталады.

Қазақстанның қылмыстық-процестік заңнамасына сәйкес мемлекет заңда белгіленген жағдайларда және тәртіппен әркімнің сот төрелігіне қол жеткізуін және жәбірленушіге келтірілген залалдың өтелуін қамтамасыз етеді.

Әлбетте, жәбірленушінің мүліктік және моралдық құқықтарын қорғаудың және қалпына келтірудің негізгі тәсілі - қылмыстық процестегі азаматтық талап қою. Қылмыстық процестік заңнамамен талапты қамтамасыз ету мақсатында мүлікке тыйым салу көзделген, алайда тәжірибеден байқағанымыздай күдіктінің мүлкі тым сирек жағдайларда ғана анықталады.

Сонымен қатар, жәбірленушінің бұзылған құқықтарын қалпына келтіруге бағытталған институттың бірі - кінәлінің жәбірленушімен татуласу арқылы жауаптылықтан босатылу мүмкіндігі (Қылмыстық Кодекстің 68-бабы). Бұл ретте, кінәлінің ерікті түрде келтірілген залалды өтеуі негізгі шарт болып

табылады. Аталған институт тәжірибеде өз тиімділігін көрсеткенімен, барлық құқық бұзушыға бірдей қолданылмайды, тек қылмыстық теріс қылық немесе қазаға ұшыратумен байланысты емес онша ауыр емес немесе ауырлығы орташа қылмыс жасаған адамға қатысты қолдануға жатады [1].

Жәбірленушіге келтірілген залалды өтеудің нақты құқықтық тәртібі анықталғандай көрінгенімен, қылмыс құқықбұзушылық құрбандарының мүдделері толыққанды қамтамасыз етілмеді.

Себебін бірнеше факторлармен байланыстыруға болады: сот үкімімен кінәлі деп танылған тұлғалардың келтірілген азаматтық талапты өтеуге асықпауы немесе аз мөлшерде ғана өтеуі, қаражатының немесе сотталғанның мүлкінің болмауы және т.б.

Сондай-ақ кінәлі тұлғаның қылмыстық қудалау органдарымен анықталмауы, іздестіруде жүруі, кінәлінің жауаптылықта болмайтын науқас болуы жағдайлары да назардан тыс қалмауы тиіс. Мұндай жағдайларда зардап шегуші уақытылы залалды өтеткізе алмайды.

Адам құқықтарының жалпыға бірдей декларацияның 8-бабында әркімнің конституциямен айқындалған негізгі құқықтары бұзылған жағдайда құзыретті ұлттық соттардың оларды тиімді қалпына келтіруге құқығын бекітеді [2]. Мұндай құқықтық тұжырым, мемлекеттің жәбірленушіні қорғаумен ғана шектелмей, оның бұзылған құқықтарын қалпына келтіруді тиімді қамтамасыз ету міндетін көрсетеді.

Бұл тұрғыда, 2018 жылғы 10 қаңтарда қабылданған «Жәбірленушілерге өтемақы қоры туралы» Қазақстан Республикасы Заңының (бұдан әрі – Заң) [3] қолданылуы тәжірибеде тиімділігін көрсете бастағанын атап өту қажет.

Аталған заңмен баяндалып отырған мәселелер оң шешімін тапқан. Оған сәйкес, азамат жәбірленуші деп танылған кезден бастап, қылмыстық қудалау органының не соттың ақырғы процесілік актісін күтпестен, өтемақы алуға құқылы. Әрине, Қордан төленетін өтемақы мөлшері толықтай жәбірленушінің талабын қанағаттандыра алмайды, дегенмен қолсұғушылықпен келтірілген, дереу қалпына келтіруді қажет ететін (мысалы, адам қазасымен байланысты немесе дереу емдік шаралар т.б.) жағдайларда аса маңызды.

Жалпы Қазақстанда қылмыстық құқық бұзушылықтан зардап шеккендердің құқықтарын қалпына келтіру институттарының объективті түрде даму үрдісі байқалады. Мұндай пікірмен бірқатар зерттеушілер де ортақтасады [4,5,6]. Сонымен қатар, келесі зерттеушілер Заңды әлі де болса жетілдіруді қажет деген көзқарас білдіреді [7]. Біздің ойымызша, төмендегі мәнжайлар бойынша Заңды жетілдіру әрі нақтылау қажет деп санаймыз.

Заңға сәйкес жәбірленушілерге өтемақы төлеу қылмыстық істердің нақты санаттары бойынша ғана жүзеге асырылады.

Заңның 6-бабының мазмұнынан өтемақы белгілі бір санаттағы қылмыстық құқық бұзушылық туралы істер бойынша: 1) сексуалдық зорлық-зомбылықпен байланысты қылмыстар бойынша жәбірленушілер болып табылатын кәмелетке толмағандарға, адам саудасымен және азаптаулармен байланысты қылмыстар бойынша жәбірленушілер деп танылған адамдарға, 2) денсаулығына ауыр зиян келтірілген не адамның иммун тапшылығы вирусын жұқтырған адамдарға, 3)

жәбірленуші қайтыс болған жағдайда, жәбірленушінің құқықтары берілген адамдарға тағайындалады.

Бұл, біздің пікірімізше, дұрыс қабылданған шешім. Сондай-ақ дамыған мемлекеттердің көпшілігінде (АҚШ, Ұлыбритания және т.б.) өтемақы қылмыспен адамның өмірі мен денсаулығына келтірілген зиянды өтеуге бағытталған [6].

Дегенмен, қолданыстағы Заңның 6-бабында көзделген қылмыстардың санатын толықтыру қажет.

Мысалы, аталған баптың 3-тармағына сай, ҚК-тің 349-бабының 3 және 4-бөліктерінде (Басқаруға құқығы жоқ жүргізушінің көлік құралын басқаруына жол беру, абайсызда адам өліміне немесе бірнеше адам өліміне әкеп соқса) көзделген қылмыс бойынша жәбірленушіге өтемақы қарастырылған. Ұқсас норма ҚК-тің 359-бабының 3, 4-бөліктері (Басқаруға құқығы жоқ адамның әуе, теңіз немесе өзен кемесін басқаруына жол беру, абайсызда адам өліміне немесе бірнеше адам өліміне әкеп соқса) осы тармақта көрініс тапқан.

Ал, ҚК-тің 349-бабының 2-бөлігі (абайсызда адамның денсаулығына ауыр зиян келтіруге әкеп соққан іс-әрекет) бойынша өтемақы Заңда қарастырылмаған.

Жәбірленушілерге қылмыспен денсаулыққа ауыр зиян келтірген, сондай-ақ адам қазасы орын алған жағдайларда, өтемақы алу құқықтары шектелмей, тең дәрежеде жүзеге асырылуы тиіс.

Назар аударсақ, ұқсас норма ҚК-тің 359-бабының 2-бөлігі (абайсызда адамның денсаулығына ауыр зиян келтіруге әкеп соққан іс-әрекет) үшін зардап шегушіге өтемақы заңда көзделген (Заңның 6-бабының 2-тармағы).

Сонымен қоса, адам қазасына ұшыраған басқа да қылмыстар үшін өтемақы көзделгені жөн. Мысалы, аффект жағдайында жасалған адам өлтіру қылмысы бойынша, жәбірленушінің өтемақы алуға мүмкіндігі қамтамасыз етілуі тиіс.

Баяндалғандардан басқа, жәбірленушілерге залалды өтеуді жүзеге асыру барысындағы өзекті мәселелердің бірі – кінәлінің (күдіктінің, сотталушының) құқықтарының сақталуы.

Өз кезегінде, бұзылған құқықтарды қалпына келтіру шаралары кінәліге негіссіз артық міндеттер жүктемеуі тиіс.

Қолданыстағы заңнамаға сәйкес, сотқа дейінгі тергеу барысында қылмыстық қудалауды жүзеге асыратын органның шешімінің негізінде жәбірленушіге өтемақы төленеді. Қылмыстық кодексінің 98-2-бабында көзделген мөлшерде сотталушыдан Жәбірленушілердің өтемақы қорына мәжбүрлі төлем сот үкімімен өндіріледі. Сондай-ақ қойылған азаматтық талап бойынша жәбірленушінің пайдасына материалдық және моралдық залал да өндірілуге жатады.

Кейін, Заңның 11-бабына сәйкес, прокурормен қойылған регрестік талап бойынша жәбірленушіге Қордан төленген қаражат кінәліден қайта өндіріледі.

Мұндай негіссіз өндірулер кінәлінің құқықтарын бұзып, артық міндеттер жүктейді, ал жәбірленушінің азаматтық талап арызын қарау кезінде ескерілмейді.

Жәбірленушімен азаматтық талап, қылмыспен келтірілген залалды өтету мақсатында қойылады. Бір қылмыстық құқықбұзушылық төңірегінде қойылған

талап шегінен артық өндірулер сотталушының құқықтарына нұқсан келтіреді. Кінәлі өзінің іс-әрекетінің шеңберінде келтірілген залалды ғана өтеуге міндетті.

Бұл орайда, Қордан өтелетін не регрестік тәртіппен өндірілуге жататын қаржаттардың заңнамамен айқындалмауы тәжірибеде біршама қиындықтар туындататыны көрінеді. Моралдық залал, әдетте, мемлекеттік қорлармен өтелмейді. Сондықтан Жәбірленушілердің өтемақы қорынан төленген қаражат материалдық шығын ретінде, жәбірленушінің азаматтық талап арызын қарау кезінде ескерілуі тиіс, қайталап немесе қосып өндіруге жол берілмеуі керек.

Қорытындылай келе, Қазақстанда қылмыстық құқық бұзушылықтан зардап шеккендердің құқықтарын қалпына келтіру институттарының даму үрдісі туралы жалпы оң көзқарас қалыптастыра отырып, «Жәбірленушілерге өтемақы қоры туралы» Қазақстан Республикасы Заңын, қылмыстық және қылмыстық-процестік заңнаманы одан әрі жетілдіру бойынша шаралар қолдану қажет деп ойлаймыз.

Пайдаланылған қайнар көздерінің тізімі:

1. Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексі 2014 жылғы 3 шілде // <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000226>;
2. Адам құқықтарының жалпыға бірдей декларация. 10.12.1948 жылы БҰҰ Бас Ассамблеясының 217 А (III) қарарымен қабылданған // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml;
3. «Жәбірленушілерге өтемақы қоры туралы» Қазақстан Республикасы Заңы 2018 жылғы 10 қаңтар // <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1800000131>;
4. Сулейменова Г.Ж. «Конституционные гарантии прав граждан на судебную защиту» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38113923;
5. Никитенко И.В., Сливко Н.К. «Уголовно-правовой механизм компенсации материального вреда в Республики Казахстан» // Научный портал МВД России. – 2020. – №3 (51) Б. 80-86;
6. Кегембаев Ж.А. «Защита прав потерпевшего по законодательству Республики Казахстан» // Хабаршы. Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеті. Заң сериясы. – 2018. – №2. – Б. 112-116.
7. Бектенов А.Е., Омарова Н.Н. «Фонд компенсации потерпевшим: недостатки и преимущества» // «Қазақстан Республикасының Заңнама және құқықтық ақпарат институтының Жаршысы» ғылыми-құқықтық журналы. – 2021. – №2 (65). Б. 142-150.

Хамитова Айгуль Айткельдиновна
судья Павлодарского городского суда,
Республика Казахстан

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПРИ ОКАЗАНИИ НЕКАЧЕСТВЕННЫХ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ: ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ

Статьей 1 Конституции Республики Казахстан закреплено, что высшими ценностями государства являются человек, его жизнь, права и свободы [1].

Таким образом, государством закреплён приоритет прав и интересов человека.

Обязанностью государства является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. Одним из способов такой защиты является компенсация морального вреда.

В данной работе рассматривается вопрос компенсации морального вреда при оказании некачественных медицинских услуг.

Актуальность темы состоит в том, что наметилась устойчивая тенденция по увеличению количества исков о компенсации морального вреда в связи с некачественным оказанием медицинских услуг. Это связано с тем, что с развитием рыночных отношений и ростом технологий, а также доступностью частных клиник в особенности, граждане все больше стали обращаться за оказанием платной медицинской помощи. Однако качество предоставления медицинских услуг не всегда соответствует действующему законодательству и стандарту оказания медицинской помощи, что сказывается на увеличении количества исков по данной категории дел.

Государство гарантирует гражданам Республики Казахстан качество медицинской помощи [2].

В настоящее время как в теории, так и в практике существует ряд неразрешенных проблем и трудностей, с которыми сталкиваются судьи при рассмотрении указанной категории дел.

Вопросы компенсации морального вреда в связи с некачественным оказанием медицинских услуг находятся под пристальным вниманием ученых [3].

От того, насколько доступна и эффективна судебная защита прав граждан, зависит выполнение двух основных функций деликтного права: полноценной реабилитации пострадавших (компенсационная функция) и предотвращения в будущем аналогичных случаев (функция сдерживания) [4].

Необходимо отметить, что при оказании некачественных медицинских услуг вред наносится бесценным благам человека – его жизни или здоровью.

Материальная компенсация за причинение морального вреда является одним из способов защиты прав потребителя медицинских услуг. Однако в данном случае не удастся восстановить нарушенное право, несмотря на размер денежных выплат, определяемых в судебном решении.

При рассмотрении дел данной категории определение размера компенсации морального вреда представляет определенную сложность.

Определение морального вреда содержится в Нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан от 27 ноября 2015 года №7 «О применении судами законодательства о возмещении морального вреда», Гражданском кодексе Республики Казахстан [5].

При рассмотрении дел данной категории необходимо осознавать важность и значимость каждого фактора, оказывающего влияние на компенсацию морального вреда, а также характеристику отдельно взятых элементов, характеризующихся как нравственные и физические страдания, причиненные при оказании медицинских услуг.

Так, например, моральный вред, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать

активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др.

Степень нравственных или физических страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, причинения морального вреда, индивидуальных особенностей потерпевшего, тяжести причиненных страданий, степени вины причинителя вреда, фактических расходов, связанных с наступившими последствиями (восстановительное лечение, утрата заработка и т.п.) и других конкретных обстоятельств, свидетельствующих о неблагоприятных последствиях, наступивших в результате некачественного оказания медицинских услуг.

В соответствии со статьей 952 Гражданского кодекса Республики Казахстан компенсация морального вреда осуществляется независимо от подлежащего возмещению имущественного ущерба.

Так, в рамках оказания медицинской услуги, причинение вреда здоровью может быть и не сопряжено, например, с утратой пациентом трудоспособности, однако может вызвать у него физические и глубокие нравственные страдания, связанные с удлинением сроков лечения, ухудшением внешнего вида, необходимостью проведения повторных операций и т.д.

Изучение судебной практики показало, что по делам данной категории требования предъявляются как к медицинским лечебным учреждениям, так и к медицинским работникам, работающим в этих организациях.

При этом судами компенсация морального вреда взыскивается в солидарном порядке с указанных ответчиков.

Между тем, считаем, что по правилам статьи 921 Гражданского кодекса нести гражданско-правовую ответственность должны медицинские лечебные учреждения.

При рассмотрении данной категории дел каждый судья, с учетом своего профессионального и жизненного опыта может по-разному понимать «справедливость», «добросовестность», «разумность», «достаточность». В этой связи, полагаем необходимым разработать соответствующую методику либо примерный перечень определения размеров компенсации морального вреда.

С учетом повышенного риска судебного разбирательства предлагаем внедрить страхование профессиональной ответственности врачей.

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Казахстан.
2. Кодекс Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения» от 07 июля 2020 года.
3. Ситдикова Л.Б. Обязательства по оказанию медицинских услуг: соотношение договорной и деликтной ответственности //Современное право. 2016. №7. стр.8; Канунникова Л.В. Компенсация морального вреда по искам о качестве медицинских услуг //Медицинское право 2014. №6. стр.22-26; Бочкарев

А.Е. Распределение бремени доказывания в гражданском процессе по спорам о качестве медицинских услуг //Медицинское право. 2017. №6. стр.5 и др.

4. Кратенко М.В., Мороз В.П. Проблемы доказывания в медицинских спорах: сравнительный анализ права России, Беларуси и стран Евросоюза //Вестник Пермского университета. 2021. №54. стр.767.

5. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 27 ноября 2015 года №7 «О применении судами законодательства о возмещении морального вреда»; Гражданский кодекс Республики Казахстан.

Качалов Егор Викторович.

секретарь судебного заседания Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации,
Российская Федерация

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Правовую основу для ограничения прав личности в современном обществе составляют положения Всеобщей декларации прав человека⁵⁰, Международного пакта о гражданских и политических правах⁵¹, Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах⁵², Конституции Российской Федерации⁵³. Согласно ч. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.

В силу ст. 4 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах государство может устанавливать только такие этих прав, которые определяются законом, и только постольку, поскольку это совместимо с природой указанных прав, и исключительно с целью способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе. Европейская Конвенция о правах человека (далее – ЕКПЧ) в ст. 17 запрещает ограничивать предусмотренные права в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции, а ст. 18 определяет пределы использования ограничений в отношении прав целями, предусмотренными Конвенцией. Целями ЕКПЧ, согласно преамбуле к ней, являются: обеспечение всеобщего и эффективного признания и осуществления

⁵⁰ Всеобщая декларация прав человека: [принята Резолюцией 217 А(III) Ген. Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г.] // Российская газета. — 1995. — 5 апреля.

⁵¹ Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года // Российская газета. — 1992. — 17 февраля.

⁵² https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml

⁵³ Конституция Российской Федерации от 25 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. - 2020. - 4 июля. № 144 (8198).

провозглашенных в ней прав, защита и развитие прав человека и основных свобод. Согласно ст. 15 ЕКПЧ отступления от соблюдения прав человека в чрезвычайных ситуациях возможно только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств.

В Сиракузских принципах толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах (Организация Объединенных Наций. Экономический и социальный совет. Документ ООН E/CN.4/1985/4, Приложение (1985)⁵⁴ определены основные положения, которые могут быть применимы к любым случаям ограничения важнейших прав человека. К числу наиболее важных из них относятся: сущность права при его ограничении не должна быть поставлена под угрозу; толкование любых ограничений должно быть максимально конкретным; любые сомнения должны решаться в пользу защиты рассматриваемых прав; все ограничения должны быть закреплены в соответствии с национальным законом; ограничения не могут быть применены для целей, не совпадающих с указанными в международных актах; произвольное применение ограничений не допускается; должна быть предусмотрена возможность обжалования и эффективные средства правовой защиты от неправомерного применения ограничений; при применении ограничения государство не должно применять меры, приводящее к большему ограничению прав, чем это необходимо для достижения цели, с которой вводится ограничение; обязанность доказать правомерность ограничения прав лежит на государстве.

Положения международных актов об ограничении прав личности являются составной частью российской правовой системы в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и по смыслу ч. 2 ст. 17 Конституции РФ признаются и гарантируются в Российской Федерации. Согласно позиции Конституционного Суда РФ, российское законодательство не должно выходить за пределы допускаемых международно-правовыми актами о правах человека ограничений⁵⁵.

А. А. Подмарев очень точно отмечает, что международные стандарты в сфере ограничения прав человека являются дополнительными гарантиями защиты прав и свобод человека от произвольных ограничений, позволяют выявить пробелы и недостатки в национальном законодательстве и тем самым определить направления его совершенствования [1; 78-81 стр.]. Следует согласиться и с А.В. Малько, который справедливо указал на необходимость создания общих наднациональных механизмов реализации прав человека в свете тенденции российской правовой системы к интеграции с правовыми системами развитых стран [2; 72 стр.].

Анализ международных актов о правах человека позволяет выделить основные цели, для достижения которых права и свободы личности могут быть ограничены:

⁵⁴ <https://www.legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14624>

⁵⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 17 мая 1995 г. № 5-П по делу о проверке конституционности ст.12 Закона СССР от 9.10.1989 г. «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» (в редакции от 20 мая 1991 г.) в части, запрещающей проведение забастовок работниками гражданской авиации, в связи с жалобой Профсоюза летного состава РФ // Собрание законодательства РФ. - 1995. - № 21. - Ст. 1976.

- удовлетворение справедливых требований морали, общественного порядка, общественного порядка и общего благосостояния;

- защита основ конституционного строя, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

При анализе ограничений прав и свобод личности весьма важными представляются вопросы об условиях, основаниях и пределах такого ограничения. Следует согласиться с теми авторами, которые полагают, что условия и пределы ограничения прав человека базируются на принципе уважения достоинства личности [2; 78-81 стр.], [3; 47 стр.], который предопределяет содержание важнейших естественных прав человека - права на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность и т.д.

Под пределами ограничения прав личности в науке понимается «закрепление их объема, порядка использования и критериев допустимого ограничения, нормативно урегулированных в форме правовых средств и обоснованных необходимостью соблюдать и учитывать социальные ценности и интересы», «закрепленные в законе в соответствии с основаниями и конституционно значимыми целями конкретизация содержания права, правовые процедуры его осуществления, не искажающие его сущности и предусматривающие гарантии соблюдения прав» [3; 47 стр.].

Пределы ограничения прав могут быть определены только на основе чётких и обоснованных критериев, позволяющих установить баланс частных и публичных интересов [4; 54-55 стр.].

О. И. Андреева в качестве условий ограничения прав личности определяет законность, правовую определенность положений закона, установленную процедуру ограничения, соответствие ограничений международным стандартам прав человека, закрепленные в законе гарантии соблюдения прав [3; 47 стр.]. В качестве критериев ограничения пределов прав личности автор называет сохранение сущностного содержания права; обоснованность ограничения прав; соразмерность ограничения прав; совместимость с другими правами. О. И. Андреева также указывает, что ограничение прав личности не допускает никакого унижения, причинения человеку неоправданных страданий и лишений; реализация права не может быть поставлена в зависимость от решения правоприменителя [3; 47 стр.]. Соглашаясь с автором в вопросе об условиях ограничения прав личности, позволим себе высказать иное мнение относительно критериев ограничения пределов прав личности. Трудно согласиться с тем, что сохранение сущностного содержания права и совместимость с другими правами можно считать такими критериями. В ряде случаев ограничение прав бывает настолько существенным, что в течение времени его ограничения содержание права прекращает свое существование. Так, например, применение таких мер пресечения в уголовном судопроизводстве как домашний арест и заключение под стражу, фактически лишает обвиняемого права на свободу на время их действия. Не случайно ЕСПЧ называет эти случаи «лишением свободы»⁵⁶. Применение заключения под стражу также несовместимо с другими правами –

⁵⁶ CASE OF AUSTIN AND OTHERS v. THE UNITED KINGDOM (Applications nos. 39692/09, 40713/09 and 41008/09) 15 March 2012 // [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-109581%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-109581%22]})

правом на труд, правом на пользование культурными ценностями, правом на неприкосновенность частной жизни и т.д.

О. В. Качалова пишет о том, что меры, ограничивающие права человека, ... должны осуществляться на принципах верховенства права, уважения прав человека, законности, правовой определенности и соразмерности [6; 61-62 стр.].

Полагаем, что в качестве основных критериев ограничения прав и свобод личности можно определить законность, обоснованность, соразмерность. Проанализируем содержание этих критериев.

Одним из основополагающих условий для ограничения прав является законность. Согласно Сиракузским принципам ни одно ограничение прав человека не вводится иначе, как в соответствии с национальным законом; закон, предусматривающий ограничение правам человека, не может быть произвольным или необоснованным; правовые нормы, ограничивающие пользование правами человека, должны быть четко изложены и доступны каждому; законом должны быть предусмотрены достаточные гарантии и эффективные средства правовой защиты от незаконного ограничения прав человека.

Согласно позициям ЕСПЧ, законность предполагает надлежащее качество закона (закон понятен и определен, предсказуем в своем применении), законодательство соответствует положениям ЕКПЧ⁵⁷.

Ясность, непротиворечивость и точность положений закона является необходимым условием законности ограничения прав личности, гарантией от произвольного применения правовых норм, искажающих смысл закона и его дух.

Другим важнейшим критерием ограничения прав человека является обоснованность. Обоснованность означает, что степень и характер ограничений соответствуют тем социально значимым целям, для обеспечения и защиты которых они вводятся, а основания ограничения соответствуют фактическим обстоятельствам возникшей ситуации, которая требует правоограничений.

О. В. Лисина пишет о том, что «ограничение прав должно быть обусловлено объективными причинами, которые необходимо законодательно обосновать, то есть обозначить фактическое основание и критерии его действия». Автор полагает, что основания для ограничения прав должны предполагать такие обстоятельства, при которых пользование правом способно нарушить большее благо, чем ограниченное [5; 15 стр.].

Следует согласиться с авторами, полагающими, что обоснованность ограничения права призвана исключить возможность злоупотребления правоприменителями своими правами и произвольно ограничивать права участников соответствующих правоотношений [3; 47 стр.], [5; 16 стр.].

Соразмерность можно рассматривать в качестве самостоятельного критерия ограничения прав личности, вытекающего из обоснованности. Как верно пишет О. В. Качалова, «критерии, позволяющие определить разумный баланс соотношения частных и публичных интересов, разрешить возникающий

⁵⁷ CASE OF MEDVEDYEV AND OTHERS v. FRANCE (Application no. 3394/03) 29 March 2010 [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-97979%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-97979%22]}); Ciobanu v. Romania and Italy - 4509/08 Judgment 9.7.2013 [Section III] Article 5 [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22002-7692%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22002-7692%22]})

конфликт прав человека, определяются с учетом непосредственных обстоятельств дела» [6; 63 стр.].

Соразмерность ограничения прав личности предполагает, что социально значимые интересы могут быть поставлены выше прав отдельной личности только в том случае, если они соответствуют общественно значимым правомерным целям, а объем ограничений не превышает уровня, необходимого для защиты публичных интересов.

Как верно пишет О. В. Качалова, «соразмерность ограничения прав и свобод личности ... может быть установлена посредством определения разумного баланса частных и публичных интересов в каждой конкретной ситуации, осуществляемого с помощью оценки затрагиваемых интересов с позиций их значимости. По общему смыслу приоритетными являются права и свободы, реализация которых обеспечивает наиболее значимые блага» [6; 63 стр.].

Анализируя принцип соразмерности ограничения прав, А.В. Должиков выделил несколько элементов, в совокупности составляющих содержание данного принципа: пригодность, которая (проверка принципиальной возможности достижения средством желаемой цели); минимальность (наличие и выбор альтернативных средств, которые менее обременительны для основных прав); сбалансированность, (взвешивание конфликтующих индивидуальных и публичных ценностей по их важности и значению в конституционной системе) [7; 4-5 стр.].

Таким образом, к основным целям, для достижения которых права и свободы личности могут быть ограничены, относятся удовлетворение справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния; защита основ конституционного строя, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Пределы ограничения прав личности могут быть определены только на основе чётких и обоснованных критериев, позволяющих установить баланс частных и публичных интересов. В качестве таких критериев можно определить законность, обоснованность, соразмерность.

Список использованных источников:

1. Подмарев А.А. Ограничение прав и свобод личности: Конституция РФ 1993 г. и основные международные акты о правах человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. №1. С. 78-81.

2. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: Теоретико-информационный аспект / под ред. Н.И. Матузова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994. – 182 с.

3. Андреева О. И. Пределы ограничения прав личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 358. С. 46 – 49/

4. Качалов Е. В. Критерии ограничения прав участников уголовного судопроизводства в условиях чрезвычайных ситуаций // Юридические записки студентов, магистрантов и аспирантов. Сборник научных работ студентов и аспирантов юридического факультета Белорусского государственного университета. Вып. 1. Минск, 2021. С. 54-55.

5. Лисина О. В. Конституционное ограничение прав и свобод человека и гражданина: понятие и пределы // Вестник Поволжского института управления. 2019. №3. С.10-18.

6. Качалова О. В. Права человека в уголовном судопроизводстве: кризис эпохи коронавируса // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. 2020. № 3. С. 60-68.

7. Должиков А.В. Конституционные критерии допустимости ограничения основных прав человека и гражданина: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2003. – 28 с.

Табулденова Гульнар Булатовна,
преподаватель кафедры общеюридических наук, магистр педагогических наук, майор полиции, Костанайская академия МВД РК им. Ш. Кабылбаева, Казахстан

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ КИБЕРБУЛЛИНГА

Развитие современных информационных технологий открывает перед молодыми людьми новые возможности для профессиональной и творческой самореализации, но при этом создает ряд угроз. Чтобы создать лучшие условия для детей в системе образования, необходимо учитывать и то, что происходит с ними в интернете. Травля в Интернете, социальных сетях и с помощью мобильной связи наносит серьезный вред психологическому и эмоциональному состоянию человека, особенно, если это ребенок или подросток. Исследования показали, что от 5 до 20 процентов детей и подростков в разных странах мира сталкиваются с кибербуллингом; девочки подвергаются травле в сети чаще мальчиков.

Кибербуллинг - это травля с использованием цифровых технологий. Кибербуллинг может происходить в социальных сетях, мессенджерах, на игровых платформах и в мобильных телефонах. Это целенаправленная модель поведения, которая ставит своей задачей запугать, разозлить или опозорить того, кто стал объектом травли.

В отличие от буллинга в широком понимании (агрессивно-психологического и физического давления на беззащитных лиц), основным признаком кибербуллинга выступает место (виртуальное коммуникативное пространство) и формы его проявления:

- публичные высказывания оскорблений в адрес жертвы в общедоступных социальных сетях, на форумах, в блогах и иных многопользовательских виртуальных площадках;

- распространение унижающих честь и достоинство лица информации в текстовой, - фото и аудиовизуальной форме;

- систематическая рассылка потерпевшему личных сообщений унижающего или угрожающего характера по электронной почте, в мессенджерах и директе соцсетей.

Травля в реальной жизни и кибербуллинг часто могут происходить одновременно. Но интернет-травля оставляет цифровой след - запись, которая может оказаться полезной и стать доказательством, необходимым для прекращения запугиваний.

Основаниями для кибербуллинга могут выступать самые разные признаки: возраст, пол, гендерная идентичность, цвет кожи, национальная или этническая принадлежность, социальное происхождение, сексуальная ориентация, состояние здоровья, в частности положительный ВИЧ-статус или инвалидность, принадлежность к определенной социальной группе, место жительства, отношение к религии, язык общения, внешний вид человека (в том числе рост и вес), и другие признаки, по которым люди могут отличаться от других.

Виды кибербуллинга

Троллинг (cyber trolls) - это ситуации, когда именно агрессоры публикуют негативную, тревожащую информацию на веб-сайтах, страницах социальных сетей, даже на мемориальных страницах, посвященных умершим людям.

Хейтинг (hate) - это негативные комментарии и сообщения, иррациональная критика в адрес конкретного человека или явления, часто без обоснования своей позиции.

Флэйминг (flaming) - это вспышка оскорблений, публичный эмоциональный обмен репликами, часто разгорается в чатах и комментариях в социальных сетях. Так как это происходит публично, большое количество людей могут спонтанно подключаться к оскорблениям одной из сторон конфликта. Часто бывает, что одна из сторон ставит целью вовлечение большого количества случайных свидетелей в противостояние.

Киберсталкинг (cyberstalking; to stalk - преследовать, выслеживать) - использование электронных коммуникаций для преследования жертвы через повторяющиеся угрожающие, вызывающие тревогу и раздражение сообщения с намерением напугать жертву угрозой противоправных действий или повреждений, которые могут быть осуществлены с получателем сообщений или членами его семьи.

Грифинг (griefers)- это процесс, в котором игроки целенаправленно преследуют других игроков в многопользовательских онлайн-играх. Их цель не победить в игре, а лишить удовольствия от игры других. Их легко можно узнать: они активно используют брань, блокируют отдельные области игры и открыто мошенничают в игре, также они могут использовать более опасные методы воздействия на играющего (например, разместить специально созданную мигающую панель с движущимися объектами, провоцирующую у игроков эпилептический приступ).

Секстинг (sexting) - это процесс рассылки фото или видеоматериалов, содержащих непристойные изображения оголенных интимных частей тела. Иногда используется как средство шантажа с целью вымогательства денег под угрозой обнародования порочащей честь и достоинство лица информации [1].

Издевательства и травля имеют негативные последствия для детей. Помимо физического воздействия издевательства, дети могут испытывать эмоциональные и психические проблемы со здоровьем, включая депрессию и беспокойство.

Форсирующим фактором при кибербуллинге является потенциальная возможность анонимности. В таких условиях агрессор чувствует свою неуязвимость и безнаказанность.

Количество свидетелей при Интернет травле может быть безграничным. Именно этот факт усугубляет положение жертвы и гипертрофирует ее чувства тревоги, стыда, унижения, страха.

В таких же условиях выбор жертвы может быть абсолютно случайным, степень знакомства агрессора и жертвы теряет значимость.

Основными проявлениями кибербуллинга являются:

- 1) оскорбительные выражения в социальных сетях;
- 2) оскорбительные сообщения в мессенджерах или направленные посредством службы коротких сообщений;
- 3) распространение непристойных (в том числе изготовленных с использованием фото и видео редакторов) фотографий или видеозаписей с изображением жертвы;
- 4) шантаж, угроза распространения дискредитирующей информации о жертве в сети Интернет;
- 5) иные действия, направленные за умышленное унижение человеческой чести и достоинства, осуществленные с использованием информационных и коммуникационных технологий.

В отличие от обычной травли кибербуллинг оставляет «цифровой след», то есть его проявления практически неустранимы. Этот факт накладывает дополнительный отягчающий эффект на психику несовершеннолетнего и может служить основанием для крайне негативных, порой и фатальных последствий.

Степень распространения этого явления с достаточной точностью не изучена. Однако, неоспоримым фактом выступает высокая оснащенность несовершеннолетних мобильными телефонами, а с учетом использования онлайн платформ для обучения и внедрения дистанционного образования фактически 100% охват детей Интернет ресурсами.

По данным, содержащимся на портале «egov.kz», около 150 миллионов детей в возрасте 13-15 лет, что составляет 50% от всех учащихся, сталкивались с кибертравлей. Причем каждый десятый ребенок испытывает насилие ежедневно.

По данным ООН сегодня около 71 процента детей имеют мобильные телефоны или иные портативные цифровые устройства с выходом в Интернет. Организация сообщает, что эти цифры имеют тенденцию к ежегодному увеличению [2].

При этом наблюдается следующая прогрессия: чем больше цифровых платформ использует ребенок, тем больше вероятность подвергнуться кибертравле.

Кибербуллинг обладает рядом схожих с обычным буллингом черт:

- продолжительность: то есть единичный акт агрессии в сети не может признаваться кибербуллингом;
- агрессивность: действия агрессора носят ярко выраженный характер и имеют конкретную цель;
- распределение ролей: при этом выбор жертвы абсолютно очевиден, ей может оказаться незнакомое ранее лицо, человек любого возраста, профессии и так далее;

- наличие свидетелей или угроза придать огласке конфиденциальные сведения о жертве (приобретение свидетелей).

Вместе с тем для кибербуллинга характерны и некоторые особенности. Зачастую агрессор действует анонимно либо использует вымышленное имя, но не редки случаи действия под своим реальным именем. Анонимность воодушевляет агрессора, он не ограничен страхом быть разоблаченным и наказанным.

В отличие от обычного буллинга, действие которого локализовано на определенной территории, потенциально кибербуллинг может застигнуть абсолютно везде, в том числе в домашних условиях, что является сильнейшим стресс - фактором для несовершеннолетнего.

Помимо описанных ранее признаков того, что несовершеннолетний подвергается буллингу, для его кибер формы характерно:

- 1) повышение (резкое уменьшение) времени нахождения в сети Интернет;
- 2) попытки скрыть свои мобильные устройства, закрывание экрана, удаление истории веб-поиска и приложений;
- 3) удаление и создание новых аккаунтов в социальных сетях;
- 4) просьбы поменять номер мобильного телефона;
- 5) эмоциональные реакции на просматриваемые данные и так далее.

Психологами отмечается, что девочки более склонны к инициированию кибертравли, чем мальчики. Также как и при обычном буллинге, кибербуллеры с большой вероятностью имеют сложности во взаимоотношениях со сверстниками, одиноки, замкнуты. Кибербуллеры в обычной жизни сами могут подвергаться травле и издевательствам, чаще демонстрируют склонность к девиантному поведению, употреблению психоактивных веществ.

Специалисты выделяют 4 типа кибербуллеров:

1) «Мстительный ангел» («Vengeful Angel») - агрессоры, не рассматривающие себя как потенциального буллера; свои действия они объясняют попыткой защитить или отомстить за близких людей;

2) «Жаждающий власти» («Power - hungry») - агрессоры, пытающиеся завоевать уважение сверстников путем запугивания. Зачастую сами являются жертвами буллинга;

3) «Злые девочки» («Mean Girls») - кибербуллинг, зачинщиками которого является сразу несколько несовершеннолетних. Руководствуются поиском развлечений или инициируют травлю от скуки;

4) «Непреднамеренные» («Nonmeaningful») - дети, не осознающие степень причиняемого вреда и вероятность наступления негативных последствий [3].

При кибербуллинге агрессор преследует точно такую же цель, как и при обычном буллинге, - повысить свой авторитет и самооценку, возвыситься над жертвой за счет ее унижения и оскорбления.

Целесообразность принятия законодательных мер по защите детей от кибербуллинга была озвучена Главой государства в 2020 году в его Послании народу Казахстана [4]. Основанием этой инициативы явилось, прежде всего, следование нормам Конвенции ООН о правах ребенка, а именно статьи 17, требующей от государств законодательной защиты ребенка от информации и материалов, наносящих вред его благополучию.

Кроме того, Комитет ООН по правам ребенка, начиная с 2007 года, в своих заключительных замечаниях рекомендует Казахстану «ускорить принятие нормативных актов, не позволяющих средствам массовой информации транслировать и публиковать материалы, которые могут отрицательно сказаться на психическом, социальном и эмоциональном развитии детей».

Согласно исследованию Национального центра общественного здравоохранения, каждый пятый казахстанский подросток от 11 до 15 лет становится жертвой или участником буллинга и в 12 % случаев это происходит в интернете. Казахстан входит в первую десятку стран в мире по количеству детских суицидов. Этому способствует неконтролируемый интернет-контент, пропагандирующий насилие, жестокость и асоциальность.

Действующее законодательство предусматривает привлечение в частном или частно-публичном порядке к административной и уголовной ответственности за деяния, совершенные в виде буллинга или кибербуллинга. Для возбуждения дела необходимо заявление потерпевшей стороны в правоохранительные органы. У большинства граждан, в первую очередь детей, подвергшихся кибербуллингу в социальных сетях, нет возможности самостоятельно выявлять своих преследователей для подачи на них жалобы или иска [5].

Принимаемый законопроект предоставляет возможность обратиться с заявлением не только в правоохранительные органы, но также и в уполномоченный орган – Министерство информации и общественного развития. С учетом внесенных сенаторами поправок заявление рассматривается экспертной группой в течение трех рабочих дней. В случае подтверждения фактов кибербуллинга, уполномоченный орган, как я уже отметил, предписывает нарушителю принятие мер по удалению в течение 24 часов информации, признанной кибербуллингом в отношении ребенка.

Буллинг травмирует психику ребенка и приводит к опасным последствиям. Из новостных сообщений СМИ, Интернета можно проследить, что в последние годы всё чаще и чаще буллинг, а именно кибербуллинг становится причиной суицидов среди несовершеннолетних.

По данным Комитета по правовой статистике и специальным учётам Генеральной прокуратуры РК, количество суицидов за 5 месяцев 2022 года среди несовершеннолетних составило 54 случая, что на 64,2% ниже, чем за аналогичный период в 2021 году (84 случая). Лидером по количеству суицидальных случаев среди подростков в разрезе регионов является Туркестанская область – 19 против 12 в прошлом году. На втором месте Алматинская область – 11/6, на третьем месте ВКО – 7/3 [6].

И если в новостях мы видим лишь единичные случаи таких трагедий, то Комитет по правовой статистике при Генеральной Прокуратуры РК позволяет сделать вывод, что количество суицидов в Казахстане пугающе большое. Безусловно, причины суицида разные и не всегда связаны с травлей, но глупо отрицать, что большая часть людей с суицидальным поведением не подвергались буллингу или кибербуллингу в своей жизни.

Отдельной площадкой для кибербуллинга становятся социальные сети. Политика одной из них - «Instagram» закрепляет, что создавать аккаунт (личную страницу) может лишь лицо, достигшее 13-летнего возраста.

При выявлении фактов кибербуллинга, оскорблений или иного преследования администрация сообщества рекомендует воспользоваться возможностями пожаловаться или заблокировать инициатора травли. Жалобы отправляются на условиях полной анонимности.

Однако, компания подчеркивает, что при выявлении фактов кибербуллинга, администрация не предоставит личных данных агрессора.

Кроме того, социальная сеть не предоставит доступ к личной странице ребенка его родителям или законным представителям. В исключительных случаях такая информация может быть предоставлена сотрудникам правоохранительных органов, но только на основании постановления суда.

Администрация социальной сети Instagram подчеркивает, что не гарантирует и не верифицирует данные, указанные самими пользователями, а также не осуществляет хранение информации на длительное время.

Другая популярная социальная сеть TikTok ограничила доступ лиц к аккаунтам своих пользователей с 13 до 15 лет, сделав их приватными. Это означает, что просматривать содержимое личных страниц могут лишь только те лица, доступ которым разрешен самим пользователем.

Порядок предоставления данных для правоохранительных органов детально урегулирован в пользовательском соглашении. Информация о лице, нарушающем законодательство нашей страны, может быть предоставлена по письменному запросу в рамках уголовного дела.

В целях противодействия буллингу дети могут вводить ограничения на комментирование своих материалов путем услуги «фильтр нежелательных комментариев».

TikTok совместно с ЮНИСЕФ и при поддержке Комитета по охране прав детей Министерства просвещения РК проводила масштабную кампанию «Академия безопасности», которая была запущена в прошлом году и направлена на повышение цифровой грамотности пользователей в Казахстане. Второй этап кампании посвящен проблеме буллинга в онлайн-пространстве.

Безусловно, ребенок - это отдельная личность, заслуживающая право на определенную приватность. Вместе с тем безнадзорное пребывание ребенка в сети Интернет таит в себе множество опасностей.

В первую очередь, задачей родителей является объяснить детям правила «цифровой гигиены». Отчасти они сходны с обычными правилами детской безопасности:

- не общаться с незнакомыми и малознакомыми лицами, значительно старше по возрасту;
- не предоставлять никакой личной информации о себе и своих близких незнакомым или малознакомым лицам;
- хранить все свои пароли в безопасном месте и периодически менять их. Пароли должны исключать возможность их угадывания, быть сложными и неочевидными;
- не сообщать о своих перемещениях без необходимости;
- не участвовать в прохождении игр, в которых ребенок должен исполнять чьи-то указания;

- не загружать фотографии с демонстрацией обнаженного тела, в короткой, откровенной одежде. Также не отправлять их личными сообщениями даже самым близким друзьям;

- не участвовать в травле и не поощрять травлю других детей;

- сообщать родителям обо всех кажущихся подозрительными вещах.

Эта же задача должна дублироваться и в организации образования. Так как ребенок не всегда воспринимает родителя как авторитетный источник информации, важно разъяснение основных правил безопасности в Интернете и со стороны педагогического коллектива школы.

Список использованных источников:

1. Ожиёва Е.Н. Буллинг как разновидность насилия: Школьный буллинг // Психологи и социология. – 2008. – № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/33_NIEK_2008/Psihologia/37294.doc.html

2. Мониторинг соблюдения прав ребенка <https://www.unicef.org/kazakhstan/media/2386>

3. Травля – какой она бывает и как ее остановить https://kazakhstan.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/bullying_1.pdf

4. Послание Президента Республики Казахстан Н.Назарбаева народу Казахстана от 1 сентября 2020 г. Казахстан в новой реальности: время действий // https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana

5. Закон Республики Казахстан от 8 августа 2002 года № 345-І «О правах ребенка в Республике Казахстан» // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1032460

6. Сайт Комитета по правовой статистике и специальным учётам Генеральной прокуратуры РК <https://www.gov.kz/memleket/entities/pravstat?lang=ru>

Iglikova Saule

senior lecturer of the general legal disciplines' department Master of law Kostanai academy of the Ministry of internal affairs of the Republic of Kazakhstan named after Shrabek Kabylbayev Kostanai, the Republic of Kazakhstan

FOREIGN CRIMINAL LEGISLATION IN THE SPHERE OF COMBATING TRAFFICKING IN PERSONS

“Trafficking in Persons” is a contemporary form of slavery, a human rights abuse, where the crime is directed against both the individual and the state. This must be recognized and the commission of this offence must be punished by legislative remedies.

We agree with the opinion of R.T. Gasanov who believes that “It is essential that trafficking in persons is a crime against human security as well as against the security of the state; as such, measures taken to prevent trafficking in persons, criminal prosecution of individuals guilty of commission of this offence, and protect victims should be focused on ensuring the personal safety of the person, and not just solely on the security of the state” [1].

Trafficking in Persons in the Republic of Kazakhstan significantly undermines the country's image in the international arena, including crimes related to trafficking of children, the involvement of the young person in committing antisocial acts, and signals an impending stalemate in civilizational development, which is emerging from the depths of the spiritual degradation of society.

The human right to personal freedom as the opportunity to act according to one's own will, one's inner conviction, and to independently determine one's destiny is a crucial intrinsic right, ensured by state legal protection. Norms protecting certain aspects of a person's personal freedom from attacks by other persons were present in criminal legislation at all stages of the development of our state. These are rules regarding kidnapping, trafficking in persons and persons under the legal age, involvement in prostitution, organization and maintenance of brothels for prostitution, pandering, involvement of the young persons in committing antisocial acts, and a number of others [2].

German scientist Leo Keidel, as a result of a scientific study, came to the conclusion that trafficking in persons is one of the main activities of criminal groups and ranks fifth in the hierarchy of criminal activity [3].

In order to ensure the correct and uniform application of the laws of the Republic of Kazakhstan and international treaties ratified by the Republic of Kazakhstan, the Supreme Court decided to pay special attention to the authorities conducting criminal proceedings, especially the application of laws establishing liability for trafficking in persons, providing for the protection of human rights and freedoms [4]. An analysis of investigative practice shows that the detection of trafficking in persons in the Republic of Kazakhstan is associated with a number of serious difficulties, which include an undeveloped legal framework, lack of interdepartmental cooperation at the national and international level, inadequate funding for law enforcement agencies in the combating trafficking in persons, and the lack of proposals to improve the fight against these crimes. [5].

Kazakhstani legislation contains criminal law regulations on trafficking in persons, in which this concept is revealed through such features as the buying and selling of human beings, recruitment, sending, transfer, harbouring or receiving, committed for the purpose of its exploitation [6].

National legislation contains a number of international legal instruments aimed at combating trafficking in persons and their enslavement: the Slavery Convention of 1926, as amended by the protocol in 1953 and the Supplementary Convention on the Abolition of Slavery, the Slave Trade, and Institutions and Practices Similar to Slavery; Convention for the Suppression of the Traffic in Persons and of the Exploitation of the Prostitution of Others of 1950; UN Convention against Transnational Organized Crime adopted in 2000 and its Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children. This can be observed in the context of integration processes in the post-Soviet space. Thus, Article 4 of the Convention of the Commonwealth of Independent States of May 26, 1995 stipulates that no one shall be held in slavery or servitude and that no one shall be forced to perform forced or compulsory labour. Thus, under conditions of globalization, the role of government-to-government cooperation and collaboration in the field of combating criminal phenomena and challenges is increasing. This, in turn, raises the need to study foreign

experience in the field of criminalization of acts, in particular those related to slavery and the use of slave labour [7].

Despite the rapid unification of international legislation in the field of combating trafficking in persons and its specificities, which have had a significant impact on relevant legal concepts, the rules of most countries differ significantly from each other in terms of both the range of criminalized and criminal offenses. It seems appropriate to structure the contrastive analysis by comparing the most common criminal norms and offenses in the legislative practice of countries around the world, namely trafficking in persons, trafficking in women for the purpose of sexual exploitation or prostitution, illegal migration, slavery and other crimes related to trafficking in persons.

In the extraordinary majority of countries, trafficking in persons is considered as a complex economic and social phenomenon, to prevent which criminal punishments are not enough; at the same time, economic measures are needed to support victims of trafficking in persons.

The widespread criminalization of this concept resulted from the adoption of the Protocol in 2000, which defines the concept of trafficking in persons and requires signatory countries to criminalize it. As a result of compliance with the requirements of the international legislation, national standards have undergone significant changes.

The Turkish legislator took a creative approach to revising the standard of the Protocol adopted in 2000, leaving the general meaning of the content, but at the same time significantly narrowing the scope of its application. Thus, according to Article 80 of the Criminal Code of the Republic of Turkey, a subject of trafficking in persons is understood as a person who forces them into prostitution or to work, takes captive, threatens, pressures, intimidates or uses force in order to harvest their organs, abuses power or authority, deceives, takes advantage of a desperate situation against vulnerable people, and also transfers people in a desperate situation. It should be noted that Article 80 is formulated in a rather complicated manner, and it is impossible to serve charges against those who are not directly involved in importation of such persons, but resell or obtain the victim. In addition, there is no harbouring in this article. However, the use of any form of unlawful force is associated only with trafficking in persons for the purpose of organ removal. If the act of trafficking in persons is in no way associated with transplantation, then the consent of the victim and the use of any methods of influence against it are not important for criminal prosecution [8].

The Danes also radically changed the standard proposed in the Protocol adopted in 2000, removing many of its elements. According to Article 262 of the Danish Criminal Code, any person who recruits, transports, transfers or subsequently receives another person is recognized as a criminal by: 1) unlawful coercion; 2) threats; 3) deception, misrepresentation, confirmation of misrepresentation or its use; 4) or in any other illegal way for the purpose of exploiting that person and forcing it to perform sexual activity; 5) prison [9].

In Chinese Criminal Law, the concept of trafficking in persons is reduced to selling and/or transfer and is equivalent to the legal implications of kidnapping. Article 240 of the Criminal Code of the People's Republic of China makes it an offense to commit for the purpose of selling any of the acts related to kidnapping by deception, seizure, purchase, sale, transfer of a person and mediation [10].

If we consider analyses of states that punish trafficking in women for the purpose of prostitution, it is worth highlighting Germany. The German Criminal Code has several articles on trafficking in persons, and the term itself has received a rather interesting interpretation. In accordance with paragraph “b” of Part 1 of Article 180b, anyone who, for reasons of pecuniary gain, acts in relation to another person is subject to punishment, knowing about its powerlessness, which is associated with the stay of this person in a foreign country, leaving it to perform sexual activities which it commits with a third party, or forcing a person to do so, allowing third parties to perform such activities in relation itself.

Using the poor wording of “engaging in sexual intercourse” allows this norm to be used to combat the “pen pal” phenomenon, in which some women who try to marry a foreigner end up in brothels. Another country whose Criminal Code criminalizes fake grooms is Austria. Article 104a of the Austrian Criminal Code prohibits trafficking in persons for both sexual exploitation and forced labour. In addition, in addition to Austria, several other countries have stipulated in their legislation indifference to the punishment and prosecution of the victim’s involvement in prostitution in their homeland, but none of them considers the moral character of the victim who has suffered from trafficking in persons as a result of using the “mail-order bride” service as insignificant».

In connection with the entry into force on January 1, 1998 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 16, 1997 (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan), Article 128 was provided (as amended and supplemented dated July 9, 2003 No. 480-II), establishing criminal liability for recruiting people for exploitation. Based on the adoption of the Law of the Republic of Kazakhstan “On Amendments and Supplements to Certain Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan on Countering Trafficking in Persons” dated March 2, 2006 No. 131-III, Article 128 of the Criminal Code was defined as “Trafficking in Persons”, as well as in the article 133 of the Criminal Code, on the basis of the above-mentioned law, criminal liability for child trafficking was established for the first time. The next stage of legal innovation was the adoption of the new Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014, which entered into force on January 1, 2015, in which Article 128 of the Criminal Code is referred to as “Trafficking in Persons” [11].

The Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 contains a number of articles that provide for criminal liability for acts: coercion to remove or illegal removal of human organs and tissues (Article 116), kidnapping (clause b of part three of Article 125), illegal deprivation of person’s freedom (clause b of part three of Article 126), involvement of children in prostitution (Article 134), trafficking in minors (Article 135), involvement in prostitution (Article 308) and the organization and maintenance of brothels for prostitution and pandering (Article 309). These articles practically covered all areas of trafficking in persons. At the same time, trafficking in persons is a complex phenomenon than a simple set of those acts that are defined by the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan [12].

Analysis of national legal arrangements to combat trafficking in persons allows us to draw the following conclusions:

- 1) The process of widespread criminalization of trafficking in persons and unification of criminal law in countries around the world has been very successful, largely facilitated by the adoption of the Protocol in 2000. At the same time, many

countries literally took the requirement of an international regulatory instrument on uniformity and standardization, which is directly implemented at the international level - a legal norm in national criminal law. This approach seems incorrect due to the complexity of the formulation of an international legislation and its unacceptability as a disposition of a criminal norm.

2) Imperfection of legal and criminal structures aimed against trafficking in persons. Many countries, while criminalizing trafficking in persons, have limited their targets to prostitution and, in some cases, sexual exploitation. This selectivity in approach to goal setting is due to the level of prevalence of this type. At the same time, this in no way means that other types of trafficking in persons do not pose a danger to the public and do not require criminal prosecution. Any act of trafficking in persons, regardless of the purpose, constitutes a violation of fundamental human rights and is subject to punishment. At the same time, trafficking in persons for the purpose of prostitution and other sexual exploitation is one of the most egregiously criminal act that violate not only the freedom, honour and dignity of a person, but also its health and moral principles. Therefore, it is recommended to recognize trafficking in persons for the purpose of prostitution and sexual exploitation as a qualifying factor.

3) A comparison of the national legal structures of different countries has revealed many unique and effective rules that empower both traders and those who facilitate them. At the same time, many standards are inseparable from the regulatory environment in which they operate, within which it seems useful to study the experience of criminal law of foreign countries in order to understand the essence and mechanism of action of these standards and, possibly, create analogues that meet the requirements of Kazakhstani legislation.

List of sources used:

1. Combating trafficking in persons in the Council of Europe. R.T. Gasanov/ www.apelsinka.com
2. The criminal legal concept of “Trafficking in Persons”: objective and subjective signs Zh.K. Amanzholov // www.apelsinka.com
3. Regulatory Resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan dated December 29, 2012 No. 7 “On the practice of application of legislation establishing liability for trafficking in persons” (as amended and supplemented as of March 31, 2017) <https://online.zakon.kz/Document/>
4. Information on the questionnaire to evaluate assistance and rehabilitation programs for child victims of trafficking and exploitation, including sexual exploitation <https://www.ohchr.org/Documents/Issues/Children/SR/CareAndRecovery/Kazakhstan.doc>
5. Archive of the control and methodological department on the state of affairs in the Department of Internal Affairs of the Almaty region, 2018.
6. Kustarnik M.P. Theoretical and applied aspects of crime in the field of trafficking in persons. Dis., Ph.D. legal Sci. - Minsk, 2006. - 22 p.
7. Kislova E.A. The fight against slavery and the slave trade in international law // Russian investigator. - No. 10 – P.58
8. Criminal Code of the Republic of Turkey. Excerpts // The fight against trafficking in persons and prospects for modern development of Russia: newsletter. – M., 2003. – P.32-33.

9. Criminal Code of the Kingdom of Denmark. – St. Petersburg: Legal Centre Press, 2004. - 418 p.

10. Criminal Code of the People's Republic of China. – Vladivostok: Dalnevost Publishing House. University, 1999. – 171 p.

11. The concept of legal policy of the Republic of Kazakhstan for the period from 2010 to 2020, approved by Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated August 24, 2009 No. 858.

12. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014, which entered into force on January 1, 2015.

Ғалым Ажар Маратқызы,

аға оқытушы, ҚР ІІМ Шырақбек Қабылбаев атындағы Қостанай академиясы, Қазақстан Республикасы

Маханбетов Нуркен Касқыртаевич,

аға оқытушы, ҚР ІІМ Шырақбек Қабылбаев атындағы Қостанай академиясы, Қазақстан Республикасы

СОТҚА ДЕЙІНГІ ТЕРГЕП-ТЕКСЕРУДІ ЖҮРГІЗУ КЕЗІНДЕ КУӘНІҢ ҚҰҚЫҚТАРЫН САҚТАУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Қылмыстық процесті жүргізудегі маңызды қағидаты тараптардың бәсекелестігі мен теңдігі негізінде сот ісін жүргізу болып табылады.

Қазақстан Республикасының Конституциясына сәйкес, заң мен сот алдында жұрттың бәрі тең, деп бекітілген [1], ал Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексінің 23 бабы 7 бөлігіне сәйкес, қылмыстық процеске қатысатын тараптар тең құқылы [2].

Қазіргі кезде сотқа дейінгі тергеп-тексеруге қатысушылардың арасында күдікті мен жәбірленушінің құқықтарын сақтауға ерекше мән беріледі, ал куәнің құқықтарына үлкен назар аударылмайды.

Куә қылмыстық процеске іс бойынша шындықты анықтау үшін маңызды мәліметтерді алу мақсатта тартылады, яғни Қылмыстық-процестік кодекске сәйкес, келесі жағдайларда куә есебінде жауап алынуы мүмкін: қылмыстық құқық бұзушылықты тікелей көрген тұлғалар; қылмыскерді ұстауға қатысқан адамдар; күдіктінің туыстары және таныстары.

Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексінің 78 бабы 1 бөлігіне сәйкес іс үшін маңызы бар қандай да бір мән-жай белгілі болуы мүмкін кез келген адам айғақтар беру үшін куә ретінде шақырылуы және одан жауап алынуы мүмкін, деп көрсетілген. Сондықтан, тергеуші куә ретінде іс үшін маңызы бар мән-жайлар белгілі болуы мүмкін адамдарды ғана шақыруға құқылы. Алайда, куәнің құқықтары келесі жағдайларда бұзылуы мүмкін, сотқа дейінгі тергеп-тексеруді жүзеге асыратын лауазымды тұлға куә ретінде іс үшін маңызды жағдайлар туралы ештеңе білмейтін адамдардан жауап алуы мүмкін. Себебі, қылмыстық-процестік кодексінде көрсетілген істі дұрыс шешуге қажетті және жеткілікті мән-жайларды

жан-жақты, толық және объективті зерттеу үшін лауазымды тұлға заңда көзделген барлық шараларды қолдануға міндетті деген талабын орындау мақсатында азаматтарды қылмыстық процестің орбитасына тартылуы мүмкін.

Сонымен бірге, жауап алу барысында, тергеуші бөлмеден шығып кетуі мүмкін, ал куә оны күтуге мәжбүр болады. Жауап алу кезінде тергеушіден басқа лауазымды тұлғалар, куәге сұрақтар қоюы мүмкін. Олардың бірден-бір себебі, куәға психологиялық қысым жасаудың бір түрі болуы мүмкін.

Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодекстің 203 бабы 3 бөліміне сәйкес, хаттамада тергеушінің барлық әрекеттері көрсетіледі. Сол себепті, тергеуші жауап алу барысында айтқан барлық сөздерін жауап алу хаттамасында көрсетуге міндетті. Ол, өз кезінде лауазымды тұлғаның тарапынан куәнің құқықтарын сақтауға көмегін тигізеді.

Куәнің құқықтарына қылмыстық жазаланатын іс-әрекет немесе әкімшілік құқық бұзушылық жасағаны үшін оның өзін, жұбайын (зайыбын) немесе жақын туыстарын қудалауға әкеп соғатын айғақтар беруден бас тартуға, өзінің ана тілінде немесе өзі білетін тілде айғақтар беруге, аудармашының тегін көмегін пайдалануға, өзінен жауап алуға қатысатын аудармашыға қарсылық білдіруді мәлімдеуге, жауап алу хаттамасына айғақтарды өз қолымен жазуға, анықтаушының, тергеушінің, прокурордың және соттың әрекеттеріне шағым келтіруге, өзінің құқықтары мен заңды мүдделеріне қатысты, оның ішінде қауіпсіздік шараларын қолдану туралы өтінішхаттар мәлімдеу жатады.

Куәнің құқықтарын бұзбаудың бір тиімді әдісі жауап алуға адвокаттың қатысуы болып табылады. Ол Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексінің 78 бабы 3 бөлігіне сәйкес куәнің өз адвокатының қатысуымен айғақ беруге құқығы бар, деп бекітілген. Алайда, ол әдіс біздің біздің қылмыстық сот ісін жүргізуде дамымаған. Сол себепті, осы институтты дамыту үшін, куә тарапынан қылмыстық қудалау органына өтініш түссе, жүргізілетін тергеу әрекетіне адвокат тегін қатыстырылуы қажет. Ол өз кезегінде сотқа дейінгі тергеп-тексеру сапасының деңгейін едәуір көтереді, деп санаймыз.

Бұрынғы Қылмыстық-процестік кодекстен айырмашылығы (16.07.1997 ж.) соттарға тек бұлтартпау шарасын немесе процестік мәжбүрлеуді қолдану кезінде ғана емес, сонымен қатар сотта шағымданатын әрекеттер (әрекетсіздіктер) конституциялық тұрғыдан зиян келтіруі мүмкін болған кезде анықтаушының, тергеушінің, прокурордың әрекеттеріне (әрекетсіздігіне) және шешімдеріне шағымдарды қарау кезінде сотқа дейінгі бақылау функциялары берілгенін есте ұстаған жөн. ҚПК-де қылмыстық істі алдын ала тергеу барысында сот төрелігінің ерекше түрін жүзеге асыратын тергеу судьясы лауазымы енгізілді. Қылмыстық процестің осы кезеңінде анықтаушының, тергеушінің, прокурордың әрекеттері (әрекетсіздігі) мен шешімдеріне сотқа шағымдану қылмыстық сот ісін жүргізу саласына тартылған адамдардың құқықтары мен заңды мүдделерін қорғаудың тиімді әдістерінің бірі болып табылады [3].

Шағымды қарау нәтижелері бойынша тергеу судьясы тиісті қаулылар шығарады: заңсыз деп танылған процестік шешімнің күшін жою туралы, тиісті лауазымды адамның әрекетін (әрекетсіздігін) заңсыз немесе негізсіз деп тану және оның жол берілген бұзушылықты жою міндеті туралы, прокурорға азаматтың

немесе ұйымның құқықтары мен заңды мүдделерінің жол берілген бұзылуын жою міндетін жүктеу туралы, шағымды қанағаттандырусыз қалдыру туралы.

Сонымен қатар, қылмыстық-процестік құқығын дамытудың басты мақсаты адам құқықтары мен бостандықтарын қорғауға бағытталған.

Жоғарыда айтылған негізінде, қылмыстық сот ісін жүргізу орбитасына тартылған азаматтардың конституциялық құқықтары мен бостандықтарын қамтамасыз ететін осындай қағидаттардың бірі Қазақстан Республикасы Қылмыстық-процестік кодекстің 100 бабына сәйкес, егер жүргізілген процестік әрекеттер процеске қатысушылардың, сондай-ақ жеке және заңды тұлғалардың мүдделерін қозғайтын болса, олар сотқа дейінгі тергеп-тексеруді жүзеге асыратын адамның, прокурордың, соттың немесе судьяның шешімдері мен әрекеттеріне шағым жасауы мүмкін. Осы қағиданы іске асыру куәге қылмыстық процесті жүргізетін органның заңсыз әрекеттері мен шешімдерінің нәтижесінде бұзылған өз құқықтары мен заңды мүдделерін қамтамасыз етуге және қорғауға мүмкіндік береді.

Сонымен бірге, сотқа дейінгі тергеп-тексеру жүргізу кезінде куәгерге құқықтары мен заңды мүдделері бұзылған кезде қылмыстық қудалау органдарының заңсыз әрекеттері мен шешімдеріне шағымдану құқығын және оны пайдалану мүмкіндіктері мен құралдарын түсіндіру болып табылады.

Пайдаланылған қайнар көздерінің тізімі:

1 Қазақстан Республикасының Конституциясы 1995 ж. 30 тамыз (01.11.2023 жылғы жағдай бойынша өзгерістермен және толықтырулармен) <https://kodeksy-kz.com/ka/konstitutsiya.htm>.

2 Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексі 2014 жылғы 4 шілдеде қабылданған №221-V ҚРЗ (01.11.2023 жылғы жағдай бойынша өзгерістермен және толықтырулармен) https://kodeksy-kz.com/ugolovno-protsessualnyj_kodeks.htm.

3 Қазақстан Республикасының Жоғарғы Соты. Қылмыстық-процестік кодексіне түсіндірме.

https://sud.gov.kz/system/files_force/skachat_v_formate_microsoft_word.docx?download=1

Nurpeissova Madina Mukashevna

Teacher departments of general legal disciplines Kostanay Academy named after Sh. Kabyrbayeva of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan police captain

FEATURES OF WOMEN'S RIGHTS PROTECTION IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

The Republic of Kazakhstan, having embarked on the path of democratic development, in paragraph 2 of article 14 of the Constitution proclaimed equality of rights and freedoms on the basis of gender. However, is there any need to specifically explain that equality under the law is not yet actual equality in life. After all, as you know, the implementation of this principle depends not so much on the legal norms

enshrined in the laws, as on the real socio-economic conditions in which these norms are implemented.

Knowing the principle of equality and penetrating into its essential characteristics, it is impossible not to turn to another understanding of it as the real existence of "equal opportunities" for all citizens. As you know, there are no "equal opportunities" in real life, because both men and women are not initially equal in their skills, intellectual abilities, political properties, family, social status, level of education, etc. Therefore, equal opportunities can be interpreted only as the establishment of formal equality of citizens before the law [1, p. 81].

Therefore, considering the position of women in society, we involuntarily compare it with a kind of barometer that reacts to the nature and changes in many aspects of society, for example, employment, labor organization, marriage stability, birth rate, population health, child rearing, the degree of development of democracy, etc.

On the occasion of the anniversary of the founding of the College. Lady Irwin in 1967 in

In her speech, Indira Gandhi noted that "when we often talk about the emancipation of women, we usually mean only one thing, how many women have the opportunity to get an education or a good job. However, in reality, the concept of women's emancipation cannot be reduced only to this, it is important to know what place an ordinary woman occupies in the life of society and what influence she enjoys" [2, p. 327].

Agreeing with Indira Gandhi, we really ask ourselves the question: what place does an ordinary woman occupy in our society?

It is an indisputable and indisputable truth that a woman, like a man, is a human being. Consequently, they are equally human, and to make distinctions between them is a clear and unjustified injustice. And yet the truth also remains the fact that a man is a man, and a woman is a woman. Why? Why didn't nature create only some men or only some women? Why does human society consist of both? In our opinion, one of the prominent political figures of the Arab world, Muammar Gaddafi, answered these questions most fully. So, in his opinion: "The existence of both of them, men and women at the same time, is a natural necessity. Consequently, each of them is not like the other, and, therefore, the difference between them is predetermined by nature itself. It follows from this that each of them has its own special role assigned by nature. Therefore, the state, taking this into account, should create the necessary conditions for them to exercise their rights and freedoms" [3, p. 120].

Thus, agreeing with the author's opinion, we come to the conclusion that when solving the "gender issue", the state, granting men and women the same rights and freedoms, should not forget about their natural features.

Currently, the gender profile of a woman is very diverse; according to the researchers of the "women's question", its main four directions can be distinguished: patriarchal, economic, egalitarian and demographic.

Having considered these trends in relation to modern conditions, it can be noted that in accordance with the first, patriarchal approach, the world is based on some natural foundations that cannot be destroyed due to the possible danger of the destruction of society itself. It is for such natural reasons that the division of function between a man and a woman is: a woman is destined to be the keeper of the hearth, a man got the role of a breadwinner. The second approach, economic, being the opposite

of the first, is based on the need to free production from inefficient labor, which primarily includes women. The reasons for low economic efficiency in women's activities are seen in such activities as breaks for feeding children, caring for sick children, etc. The third approach, egalitarian, is based on the relationship of personal mutual compatibility in society and the family, which can be realized in the space of "free choice". The fourth, demographic, is based on the idea of the main function of women in society – the reproduction of a new generation, the purpose of which is the realization of women's reproductive rights [4, p. 12-14].

If we identify the general, typical in the diversity of a woman's gender profile, then we can note the presence of polarization of gender attitudes, and moments of agreement. Moreover, polarization manifests itself at the level of old and new ideas about the role and status of the sexes, in relations between men and women and, finally, in the attitudes of women themselves, even among the same ethnic group. However, this does not indicate the disunity of social structures, but on the contrary, the need for a change in the definition of the gender vector and the flexibility of its alignment. But overcoming discrimination is impossible without taking into account the specifics of cultural heritage and the regulatory requirements of society. A woman's desire for equality, legal provision of equal rights, in our opinion, are not sufficient grounds for eliminating inequality. In our opinion, it should be about changing the entire context of the interaction of the sexes not on a patriarchal, but on a different, egalitarian basis, which should be provided by the state.

Adhering to a similar opinion, we will reveal each of them in detail. The first parameter reflects that human rights, being universal, serve as a universal standard that is the same for both sexes. This standard, currently considered an achievement of civilization and culture, finds its manifestation in uniform constitutional norms that enshrine equality of political, civil, social, economic and cultural rights and freedoms of men and women.

The second section of the Constitution of the Republic of Kazakhstan "Man and citizen" in its norms has fixed universally recognized standards that comply with the norms of international law. These norms, reflecting the ideas of the liberal doctrine of human rights, are based on the principles of freedom and equality and are filled with a specific measure of freedom: personality – human – citizen – citizen – man – woman.

Therefore, the Constitution of the Republic of Kazakhstan, having secured a wide range of rights and freedoms, gives its citizens the opportunity to use them equally. However, this is the case in theory, and, as we know, it is not enough to adopt a good law, it is necessary that it be strictly enforced.

The State's efforts to ensure women's equality are an integral part of the transition process. The economic and political changes currently taking place in Kazakhstan could not but affect the status of women. In particular, they are strongly manifested in widespread discrimination in hiring and dismissal from work, in the commission of violence against women, etc. In our opinion, the statement of S.V. is legitimate. Polenina, who, having studied the socio-economic conditions of the post-Soviet states, concludes that "along with the "feminization of unemployment" there is also a "feminization of poverty" [5, pp. 19-20].

In addition, there are also such facts when the laws themselves, which grant privileges (benefits) to women, deprive them of the implementation of the principle of

equal opportunities. Thus, according to Article 15 of the Law of the Republic of Kazakhstan "On Safety and Labor Protection", it is prohibited to use women's labor in heavy work and work with harmful (especially harmful), dangerous (especially dangerous) working conditions [6]. The list of industries, professions and jobs where the use of women's labor is prohibited was approved by Ministry Order No. 184 of September 20, 1999 [7]. Consequently, this privilege, protecting the life and health of women, deprives them of the right to freedom of choice of work.

The second parameter of gender equality was first enshrined in the Vienna Convention (1993), where article 18 states that "human rights-women are an integral, integral and indivisible part of universal human rights, reflected in the equal participation of women in the political, civil, economic, social and cultural life of society" [8, p.169].

It should be noted that this right, being a philosophy of denial of the unity of standards of gender differences between a man and a woman, has now become widespread in the constitutional norms of States. Thus, in the Constitution of the Republic of Kazakhstan, the provision of protection of the rights of women as mothers is allocated as a separate norm (Article 27).

Thus, agreeing with the author's opinion, we come to the conclusion that true equality of women takes place only when women, having the same rights that belong to men, are also endowed with additional rights.

However, it should be borne in mind that the legally enshrined concept of "benefits for women" should not be confused with the creation of the necessary conditions for the realization of a woman's reproductive function. The maternal function is not a privilege, it is a natural and necessary social need for the existence of society.

At the same time, at first glance, it may seem that the broader the additional rights granted to women in connection with their exercise of the function of motherhood, the more complete and synchronous the equality of the sexes. However, such an approach to the issue of equality of women and men would be purely mechanical, not taking into account the dialectic and inconsistency of life. In fact, the exercise by women of additional rights related to motherhood often deprives them of the opportunity to exercise on equal terms with men other rights belonging to all citizens regardless of gender.

In addition, we should not lose sight of the fact that the granting of additional rights to one sex, especially in the field of family relations, often occurs at the expense of diminishing the rights of the other, and therefore may affect men. So, for example, the rules of paragraph 2 of Article 35 of the Code "On Marriage and Family", according to which "a husband does not have the right to initiate a divorce case without the consent of his wife during his wife's pregnancy and within one year after the birth of a child" [9, p. 6] undoubtedly belong to the number of additional rights of women due to biological reasons and aimed at protecting the health of mother and child. Consequently, such a norm, although it restricts the right of men, does not discriminate against them in the field of family relations.

That is why, in our opinion, the state policy of Kazakhstan in solving the "women's issue" should not have the ultimate goal of maximizing the rights of women related to motherhood and child rearing, but scientifically sound ideas about increasing those rights that really, for biological reasons, can belong only to women. Consequently, the rights related to the care of children and their upbringing should

belong not only to a woman as a mother, but also to a man as a father. And only in this case, in our opinion, the active demographic policy of the state in the field of maternity, paternity and childhood protection will not conflict with the task of stimulating the comprehensive social development of women as individuals.

At the same time, the solution of this issue is also conditioned not only by the interests of women, but, above all, by the interests of the present and future human society. After all, it is obvious that the person of the future is a person with high physical, moral and intellectual qualities. In order to develop such qualities in a child, a mother herself must be an educated, spiritually rich person who will be able to pass on her knowledge, moral principles and her experience to her children. And, as you know, the comprehensive development of a woman is possible only in a society where she is provided with true equality.

Thus, having considered the construction of gender equality, it can be concluded that, firstly, the development and improvement of domestic means of protecting women's rights should be carried out in the context of ensuring human rights in general. Secondly, as it was noted earlier, a simple equation of women's rights with men's rights does not provide true equality, therefore, women need to be granted additional rights taking into account their natural characteristics, which are associated with a specific function – motherhood. And those rights that are related to the upbringing and care of a child should belong equally to both a man and a woman.

Lack of demand in politics, discrimination in the sphere of work, deterioration of health and the growth of violence against women in the sphere of private life are called in the Concept of causing the greatest concern to the public in the context of cardinal reforms taking place in Kazakhstan.

It goes on to say that in this regard, it is necessary first of all for the State to ensure:

- observance of women's rights in accordance with human and civil rights and fundamental freedoms;

- a condition for women's full participation in state and public life;

- equal rights in the labor market;

- protection of women's health;

- prevention of violence against women.

To solve these problems, the State believes that it should:

- seek to create conditions and adopt legal norms necessary for the implementation in practice of the constitutional principle of equal rights and opportunities;

- to use the experience gained in this activity in various regions of Kazakhstan and abroad;

- to ensure coordination of actions at the national, regional and international levels

[10].

In the field of assistance to ensure equal rights and equal treatment in the labor market, the State takes all necessary measures to establish de facto equality of rights and opportunities for women and men in the labor market by providing conditions for improving the competitiveness of women, their adaptation to new economic relations. For this purpose, some legislative acts have been developed and adopted that promote the expansion of women's participation in small and family entrepreneurship (for example, the Tax Code of the Republic of Kazakhstan; Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan "On certain issues of entrepreneurship development

with the participation of women of Kazakhstan"; creation of a non-governmental organization "Microcredit"; opening of a credit line in JSC "Temirbank"). In addition, State support is provided for scientific developments in the field of gender studies, as well as the promotion of scientific knowledge on the status and role of women in society, the relationship between women and men, through constant monitoring of the position of women in the labor market.

In the field of ensuring the health of women and children, the State seeks to strengthen women's health and safe motherhood by developing a system of women's reproductive health, primary health care, taking into account the peculiarities of the health status of women of different ages (for example, the adoption of the Safe Motherhood program and other republican and regional programs for the protection of motherhood and childhood). Specialized medical services for women and girls are expanding, providing the necessary minimum levels of food consumption at affordable prices, as well as providing a free state guarantee of medical care.

In order to combat violence against women, the State has organized comprehensive training and education of social workers, relevant personnel of health, education and law enforcement agencies to work with citizens who have been subjected to violence (for example, the creation of a unit in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan to combat violence against women). Counseling of the population on the prevention of violence against women is developing (the creation of crisis centers in all regions of the republic). Statistical reporting, including on crimes against women, is being improved in order to obtain complete and objective information on all forms of violence against women, and research is also being encouraged on the causes, nature, extent and consequences of violence, on the effectiveness of measures to prevent and eliminate violence against women. The necessary measures are being developed to eliminate the sexual exploitation of women, including measures to reduce prostitution.

Thus, the analysis of the Concept shows that ensuring equal participation of women in the political, economic, social and cultural life of the country is one of the main tasks of the state policy of Kazakhstan. The Government and non-governmental organizations are actively involved in this work. One of their main achievements is the creation of the National Commission for Family and Women Affairs under the President of the Republic of Kazakhstan.

List of sources used:

1. The Law of 13.04.2005 «On social protection of disabled people in the Republic of Kazakhstan» // *Kazhkhstanskaya Pravda*. - 2005. – April 21.
2. Indira Gandhi: Articles, speeches, interviews. – Moscow: Nauka, 1975. – 432 p.
3. Gaddafi M. *Green Book*/ M.: International Relations, 1989. – 159 p.
4. Saparaliev S.M. Violence as one of the problems of women's rights protection in the Republic of Kazakhstan // *Scientific proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan*. – Almaty: OONiRIR Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, 2002. – No. 2. – pp. 12-14.
5. Polenina S.V. Development of the Institute of women's rights in the interaction of international and national law // *Women's rights in Russia: Legislation and practice*. – M., 1998. – No. 3. – pp. 10-21.

6. The Law of 28.02.2004 «On safety and labor protection» // Kazakhstanskaya Pravda. – 2004. – March 12.

7. Ministry of Labor and Social Protection of the Population. Order No. 184 dated 09/20/1999. About the approval of: «List of industries, professions and jobs with difficult and harmful working conditions in which the use of women's labor is prohibited» // Website of the help system «Lawyer», access mode: <http://www.zakon.kz> (accessed: 12/22/2012).

8. Human rights: a manual for teachers / Author- comp. A.Ya. Azarov, T.V. Bolotina. – M.: IPK and PRNO MO, 1994. – 208 p

9. Code of the Republic of Kazakhstan dated December 26, 2011 No. 518-IV «On marriage and family»

10. Labor Code of the Republic of Kazakhstan No. 251-III dated May 15, 2007.

11. Concept No. 3395 dated 05.03.1999 «On the State policy for the advancement of women in the Republic of Kazakhstan» // Website of the Lawyer reference system, access mode: <http://www.zakon.kz> (accessed: 23.12.2012).

Яценко Галина Юрьевна

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, капитан полиции Костанайская академия МВД Республики Казахстан им. Ш.Кабылбаева

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ КАК УЧАСТНИКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Рассматривая вопрос участия законного представителя как участника уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних, необходимо помнить, что полная правовая дееспособность несовершеннолетнего наступает с восемнадцатилетнего возраста, так как говорится, что человек не достигший вышеуказанного возраста, считается недостаточно зрелым субъектом, который может самостоятельно представлять и защищать себя в случае совершения в отношении него или непосредственно им самим уголовного правонарушения.

Участие несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве подразумеваем использование процессуальных особенностей не рассчитанных на полноценного взрослого субъекта уголовного производства.

Практика производства показывает, что законодательством предусмотрено обязательное участие законного представителя, если речь идет об участии несовершеннолетнего в уголовном производстве. В уголовно-процессуальном праве Республики Казахстан (далее- УПК РК) пункт 13 статьи 7 гласит, что законные представители - это родители (родитель), усыновители (удочерители), опекуны, попечители подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, а также представители организаций и лиц, на попечении или иждивении которых находятся подозреваемый, обвиняемый или потерпевший [1]. Конечно, данное определение рассчитано не только на несовершеннолетнего, а в целом на субъекта уголовного судопроизводства. Мы видим, что в данном определении

предусматривается участие лиц, родство которых подтверждено на законодательном уровне. В практике же применения законного представителя для несовершеннолетнего, необходимо учитывать момент того, что встречаются случаи, когда несовершеннолетний, не взаимодействует со своими родителями опекунами или иными лицами, которые на законодательном уровне имеет право представлять его интересы. Необходимо четко понимать, что несовершеннолетний - это особая категория участников, к которым помимо применения процессуальных особенностей в процессе доказывания, необходимо учесть взаимодействие с его законным представителем, установить степень доверительных отношений, комфортного расположения и присутствия того самого участника в качестве законного представителя. Здесь считается нужным отметить, что мы говорим о том, что необходимо расширить круг участвующих лиц, но ни в коем случае никого не исключать.

Несовершеннолетние – это особая категория лиц, которые в силу своего возраста, юношеского максимализма, пытаются казаться взрослыми и самостоятельными субъектами в любой жизненной сфере. В этом случае, правильным будет согласиться с выражением И. С. Кон который говорит «они уже не удовлетворены пассивной ролью опекаемого ребенка, но еще не созрели для ответственных ролей взрослого». [2]

В уголовном судопроизводстве лицо не становится законным представителем автоматически. Для признания его законным представителем требуется наличие правового основания, то есть постановления следователя, дознавателя, суда. При определении лица, которое будет представлять интересы несовершеннолетнего, определяется степень родства, ну никак не степень взаимодействия друг с другом, уровня доверительных отношений. Но, помимо законно подтвержденного родства, видется необходимым привлекать к участию лиц, с которыми несовершеннолетний находится в доверительных отношениях и при которых будет чувствовать себя спокойно, сможет дать более подробные показания необходимые для производства уголовного судопроизводства.

В уголовном процессе понятие «несовершеннолетний» носит общее понятие предусмотренные главой 56 УПК РК. По мнению Э. Б. Мельниковой «...Несовершеннолетний - это тот, кто не достиг определенного возраста, с достижением которого закон связывает реализацию в полном объеме провозглашенных для человека Конституцией и другими законами страны субъективных прав и юридических обязанностей... Несовершеннолетние как возрастная группа в целом считаются находящимися в периоде психофизиологического и социального роста, созревания (пубертации). Восприятие ими мира и самих себя происходит через призму этого роста. Психофизиологический и социальный организм подростка представляет собой неустойчивую систему, что может привести к неадекватной реакции на воздействие окружающей его среды. Этот признак считается общим для всех несовершеннолетних всех возрастов, но особенно он проявляется в младших возрастных подгруппах.

Возрастная неадаптированность несовершеннолетних является одной из главных причин необходимости повышения юридической защиты несовершеннолетних, в том числе и судебной.

Указанная неадаптированность подростков связывается с психофизиологической неустойчивостью их личности, отсутствием у них в связи с возрастом образования, профессии, трудовой квалификации, позволяющих занять желаемое место в общественном процессе. Отсутствие жизненного опыта препятствует правильной оценке ситуации, в которой подросток оказался. Именно отсутствие у несовершеннолетнего качества взрослого человека требует восполнения с помощью правовой защиты. Конечно, возраст в 18 лет как рубеж достижения совершеннолетия следует признать условным» [3, с. 242].

С учетом вышеизложенного видится необходимость в расширении участников уголовного судопроизводства, которые будут выступать в качестве законного представителя несовершеннолетнего с учетом мнения подростка и взаимодействия между ним и его законным представителем.

Основная часть

Как отмечает Э. Б. Мельникова, участие законного представителя несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве связано с двумя обстоятельствами: 1) с неполнотой процессуальной дееспособности несовершеннолетнего; 2) с тем, что законный представитель (родители, усыновители, опекуны, попечители) несет ответственность за воспитание и поведение несовершеннолетнего [4, с. 70–71]. Мы полагаем, что в действительности, (родители, усыновители, опекуны, попечители) в полной мере несут ответственность за поведение несовершеннолетнего, так как именно с них начитается восприятие ребёнка, и осознание того, что хорошо, а что плохо.

В соответствии с Толковым словарем русского языка представитель — это «лицо, которое действует по чьему-нибудь поручению, выражает чьи-нибудь интересы, взгляды»; законный — «основывающийся на законе» [5, с. 210–211, 579]. То есть, сложив эти определения в одно целое, мы получаем полноценного участника уголовного судопроизводства, по защите предусмотренных законодателем законных прав и интересов не только полноценного субъекта уголовного судопроизводства, но и подростка, учитывая его психологические предрасположенности к данному участнику.

Согласно статье 537 УПК РК законными представителями могут быть как один, так и оба родителя несовершеннолетнего. Родители, другие близкие родственники, участвующие в деле в качестве защитников, не могут одновременно участвовать в качестве законных представителей несовершеннолетнего. При их отсутствии обязательно участие представителя органа опеки и попечительства. Законный представитель, а при его отсутствии - представитель органа опеки и попечительства допускается к участию в деле постановлением следователя с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого.

В практическом применении законный представитель участвует всегда, без учета взаимоотношений между ним и несовершеннолетним.

Должностное лицо, не выясняет тех обстоятельств, которые необходимы при работе с подростком, а именно воспитывается ли он родителями, проживает с ними или вообще находится на иждивении у своей бабушки. Главным

критерием для участия в качестве законного представителя, официально подтверждённое родство.

Несовершеннолетний может находиться в доверительных отношениях со своей тётёй или двоюродной сестрой, или вообще третьим лицом, с которым у несовершеннолетнего нет никакого родства.

А.А. Баев, справедливо полагает, что понятие законных представителей несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства нуждается в уточнении, предлагает включить в перечень законных представителей близких родственников, родственников и близких лиц [6, с. 8–9, 21]. Так же А. А. Баев, А. Г. Назарчук, говорят о том, что близкие родственники, вовлеченные в уголовное судопроизводство в качестве законных представителей несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, могли бы оказать следователю должную помощь в установлении психологического контакта, в выяснении комплекса вопросов, касающихся личности несовершеннолетнего, условий его жизни и воспитания, обстоятельств и причин совершения им преступления [7, с. 203]. Поддерживая мнение А. А. Баева, А. Г. Назарчук, необходимо в действительности четко обозначить, что расширение круга лиц, которые могут быть представителями подростка до близких родственников и близких лиц, способствует оптимальному расследованию в ходе осуществления уголовного судопроизводства.

Если у несовершеннолетнего нет доверительных отношений с родителями или он вообще не проживает и не воспитывается у них, то есть ли необходимость их участия, какую роль они будут исполнять, если они не заинтересованы в судьбе своего ребенка.

По мнению А. Н. Ахпанова, иной подход нуждается в расширении круга субъектов уголовно-процессуальных отношений, под присмотр которых может быть передан несовершеннолетний подозреваемый. Наряду с родителями, опекунами, попечителями, администрацией детских учреждений осуществление присмотра может быть возложено на отдельные семьи с их согласия.

Помещение в семью и обусловлено в тех ситуациях, когда в отсутствие родителей опекуны и попечители не выполняют должным образом своих функций, в то же время помещение в специальное детское учреждение может способствовать нежелательному контакту несовершеннолетнего с социально неблагополучной средой и отрицательному влиянию со стороны контингента детских учреждений. [8, с. 57]. Рассматривая мнение А. Н. Ахпанова, можно говорить не только о возможности ограничения несовершеннолетнего от детских учреждений, для того чтобы не травмировать его психику, отягощенную совершением преступления. Но и коснуться вопроса, участия в процессе проведения следственных действий, человека к которому несовершеннолетний испытывает доверительные отношения, что будет являться отличной возможностью для благоприятной обстановки. Если несовершеннолетний будет содержаться в семье, в которой в отношении него совершались преступные действия или уровень проживания в данной семье способствует совершению самим подростком противоправных действий. В данном случае возвращение в такую семью после обнаружения подобных фактов просто невозможно, так как подросток может быть подвержен давлению со стороны своих родных.

Например, в отделение полиции обратилась бабушка «А» несовершеннолетней «К», которая пояснила, что несовершеннолетняя «К» рассказала её о том, что с 6-ти летнего возраста, отчим совершал в отношении неё действия сексуального характера. При обращении бабушки «А» мать несовершеннолетней «К» находилась в больнице. В ходе установления всех обстоятельств произошедшего, мать отрицала происхождение данного факта, встав на сторону отчима. При этом после разговора матери с несовершеннолетней «К» поменяла показания и пояснила, что всё выдумала, не дав в дальнейшем полного разбираться в произошедшем.

Здесь мы с вами увидели, зависимость матери от отчима и давление на несовершеннолетнюю. При этом мать являлась законным представителем несовершеннолетней «К», тогда как последняя проживала и воспитывалась у бабушки. Но так как наичие родителя является основанием для признания его в качестве законного представителя, мать представляла интересы, так как в уголовном судопроизводстве основанием является именно официально подтверждённое родство.

В практическом применении установленных норм законодательства, как мы видим, имеются свои трудности, поэтому на наш взгляд просто необходимо, учитывать мнение несовершеннолетнего, в том, что какого бы он хотел видеть в качестве законного представителя.

Применение новой практики участия новых лиц в уголовном судопроизводстве, имеет только положительные тенденции развития, объясняя это тем, что несовершеннолетний, ввиду своего несформированного развития, отталкивается исключительно от эмоциональной расположенности и может быть зависим эмоционально от своих родителей, как в положительном, так и в отрицательном смысле.

Если несовершеннолетний в присутствии своего представителя будет чувствовать себя комфортно, не будет чувствовать смущение или стыд, это уже будет одним из положительных факторов при производстве уголовного судопроизводства.

Рассматривая участие представителей учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний, а также органов опеки и попечительства в качестве законных представителей, вызывает большое сомнение из-за их заинтересованности представлять интересы несовершеннолетнего.

Справедливой в этой связи видится позиция авторов, утверждающих, что участие незаинтересованных лиц в качестве законных представителей не может обеспечить должным образом защиту прав несовершеннолетних и поэтому носит формальный характер [9, с. 116].

Стоит поддержать позицию Е. В. Марковичевой, о том, что привлечение в качестве законного представителя работника органа опеки и попечительства должно проводиться только в исключительных случаях [10, с. 281]. С учетом мнения Е. В. Марковичева, можно говорить о том, что, во-первых, при отсутствии тех лиц, которые указаны в законе как лица имеющие возможность быть признанными в качестве законного представителя, следовательно (дознатель) должен предпринять все возможные меры, по признанию в качестве законного представителя, лицо с учетом мнения самого

несовершеннолетнего. Лицо, которое принимало непосредственное участие в жизни подростка, в его воспитании, заботилось нём и которое будет в полной мере заинтересовано в защите его прав. Данное лицо, будет считаться оптимальным участником в уголовном судопроизводстве в качестве законного представителя для несовершеннолетнего.

Во-вторых, привлечение в качестве законного представителя работника органа опеки и попечительства не всегда носить целесообразный характер, так как ни сам несовершеннолетний, ни представитель органа опеки и попечительства, не взаимодействуют между собой и потребуется какое-то время для налаживания контакта, изучения личности подростка его психологического состояния и входа в зону комфорта и доверия подростка, ведь они ранее не принимали участие в его воспитании, жизни, поэтому и не знают его как личность, которая только начинает формироваться, да и с учётом количества детей находящихся у них на учёте, не сложно сделать вывод о необходимом временном промежутке, который потребуется для их психологического знакомства.

Если есть возможность признать в качестве законного представителя лицо, к которому несовершеннолетний испытывает доверительные отношения, воспитывается или проживает у него, лучше использовать именно данную возможность.

Таким образом, видится необходимость в расширении участников уголовного судопроизводства, которые могут и должны представлять интересы несовершеннолетнего, добавив лицо к которому несовершеннолетний будет испытывать доверительные отношения, будучи, не являясь его родственником и не имея официального подтвержденного разрешения на представление интересов. При защите прав и обеспечении его безопасности, как в правовой, так и в социальной, экономической и любой другой сфере жизнедеятельности, данные изменения будут носить только положительный характер.

Заключение

В Уголовно – процессуальном кодексе Республики Казахстан нет закрепленного понятия законный представитель несовершеннолетнего, с учетом мнения несовершеннолетнего, создания возможности исключения стрессовых ситуаций и оценки внутреннего состояния подростка, что является одной из основных направлений процессуальных особенностей доказывания в уголовном судопроизводстве. Считается необходимым добавить в статью 7 УПК РК пункт 13-1 «Законный представитель несовершеннолетнего» - родители (родитель), усыновители (удочерители), опекуны, попечители, лица к которым несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец испытывает доверительные отношения, а также представители организаций и лиц, на попечении или иждивении которых находятся подозреваемый, обвиняемый или потерпевший.

Расширение круга лиц, которые могут выступать в качестве законного представителя несовершеннолетнего, заинтересованных в защите прав подростка, будет, является одной из положительных тенденций развития правового государства, которое повысит гарантий несовершеннолетних при участии в уголовном судопроизводстве.

Список использованных источников:

1. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852
2. Кон И.С. Социология личности. - М., 1967. С. 35.
3. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии/ Э.Б.Мельникова, 2001.
4. Мельникова Э. Б. Ювенальная юстиция. Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии / Э. Б. Мельникова. - М.: Дело, 2001. - 272 с.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд. — М. : ИТИ Технология, 2003. — 944 с.
6. Баев А. А. Представитель как субъект реализации конституционной гарантии на получение квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. А. Баев. — Краснодар, 2016. — 27 с.
7. Назарчук А.Г. Роль и участие законных представителей несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) в уголовном процессе / А. Г. Назарчук // Общество и право. — 2009. — № 2. — С. 201–205.
8. Ахпанов А.Н. проблемы уголовного-процессуального принуждения в стадии предварительного расследования.-Алматы: «Жеті Жарғы», 1997.-57с.
9. Гуськова А. П. Уголовно-процессуальные вопросы организации ювенального судопроизводства в современной России / А. П. Гуськова, В. А. Емельянов, Л. В. Юрченко. — Оренбург : Изд. центр ОГАУ, 2009. — 214 с.
10. Марковичева Е. В. Уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних: проблемы теории и практики / Е. В. Марковичева. — Орел: Изд-во Орл. гос. ун-та, 2011. — 424 с.

Махова Маргарита Львовна,

соискатель, кафедры судебной деятельности и уголовного процесса ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева»,
Российская Федерация

ПРОБЛЕМА ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В современном обществе одной из важнейших ценностей является защита прав и свобод человека. Однако, в уголовном процессе возникает проблема ограничения этих прав в интересах расследования и наказания преступников. Несмотря на важность борьбы с преступностью, необходимо обеспечить баланс между защитой прав обвиняемых и достижением цели наказания. Ограничение прав человека в уголовном процессе имеет свои особенности и вызывает оживленные дискуссии. С одной стороны, обвиняемый имеет право на справедливое рассмотрение дела, представление доказательств его невинности и возможность активного участия в процессе. Однако, с другой стороны, для успешного расследования нужно иногда ограничивать эти права - например, использовать специальные полномочия следствия или задержание подозреваемого.

В данной статье мы рассмотрим различные аспекты проблемы ограничения прав человека в уголовном процессе. Мы проведем анализ ограничения прав человека в уголовном процессе. Мы проведем анализ причин, по которым ограничения могут быть необходимы, а также рассмотрим возможные последствия и способы минимизации этих ограничений. Кроме того, мы обсудим вопрос соблюдения прав человека в свете международных норм и стандартов.

Целью данной статьи является предоставление полного понимания проблемы ограничения прав человека в уголовном процессе и возможных путей ее решения.

В современном обществе одним из главных принципов правового государства является защита прав и свобод человека. Однако, в уголовном процессе возникают ситуации, когда эти права и свободы могут быть ограничены ради достижения целей правосудия. Проблема ограничения прав человека в уголовном процессе становится актуальной и вызывает необходимость поиска баланса между защитой общественной безопасности и сохранением индивидуальных прав подозреваемых и обвиняемых.

Одним из основных аспектов ограничения прав человека в уголовном процессе является использование принудительных мер воздействия, таких как арест, задержание или содержание под стражей. Эти меры применяются для предотвращения скрывания от следствия или давления на свидетелей, но при этом они непосредственно затрагивают личную свободу подозреваемого или обвиняемого. Вопрос заключается в том, какие критерии должны быть установлены для применения данных мер и насколько они справедливы и соответствуют принципам правового государства [2].

Другой аспект проблемы ограничения прав человека в уголовном процессе связан с использованием доказательств, полученных незаконным или неправомерным путем. Стороны могут быть искушены использовать такие доказательства для достижения желаемого результата в уголовном процессе. Однако, это может противоречить конституционным гарантиям права на неприкосновенность личности и запрету на самообвинение. Важно определить, каким образом следует поступать с такими доказательствами и какие последствия должны быть предусмотрены для сторон, которые использовали их.

Третий аспект проблемы ограничения прав человека в уголовном процессе связан с осуществлением меры пресечения в виде заключения под стражу или условного осуждения. Эти меры имеют целью предотвратить повторное совершение преступления подозреваемым или обвиняемым. Однако, при этом может возникнуть ситуация, когда лицо будет лишено свободы без достаточных оснований или нарушены процессуальные права защиты. Важно обеспечить справедливость и баланс в применении данных мер и установить четкие критерии для их использования.

В целом, проблема ограничения прав человека в уголовном процессе требует постоянного анализа и обсуждения. Необходимо найти компромисс между обеспечением законности и справедливости в уголовном процессе, а также защитой прав подозреваемых и обвиняемых. Это позволит сохранить доверие граждан к системе правосудия и обеспечить соблюдение всеобщих принципов правового государства.

Ограничение права на неприкосновенность личности является одной из основных проблем в уголовном процессе. Это право гарантирует каждому человеку защиту от произвольного вмешательства государства в его личную жизнь, достоинство и свободу. Однако, в рамках уголовного процесса, право на неприкосновенность личности может быть временно ограничено с целью обеспечения более высоких интересов общества.

Одним из основных ограничений этого права является заключение под стражу подозреваемых или обвиняемых лиц. Заключение под стражу является мерой пресечения и применяется для предотвращения дальнейшего совершения преступлений, обеспечения появления подозреваемого или обвиняемого на следствие и судебное заседание, а также для предотвращения скрывания доказательств или влияния на свидетелей. Однако, это ограничение права на неприкосновенность личности должно быть оправдано и соответствовать требованиям закона.

Еще одним ограничением права на неприкосновенность личности является проведение обыска. Обыск – это мера принудительного вмешательства в жилище или иное помещение с целью обнаружения и изъятия предметов, свидетельствующих о совершении преступления. Проведение обыска также должно быть оправдано законом и осуществляться с учетом требований к его проведению, например, наличие решения суда или разрешения следственного органа.

Ограничение права на неприкосновенность личности также может происходить в виде задержания или ареста подозреваемых или обвиняемых лиц. Задержание – это временное лишение свободы для проверки личности и установления фактов, имеющих значение для уголовного дела. Арест – это формальное лишение свободы подозреваемого или обвиняемого лица по решению судьи. Задержание и арест могут быть осуществлены только при наличии достаточных оснований и должны быть предусмотрены законом.

Также стоит отметить ограничения права на неприкосновенность личности в виде применения специальных средств и методов доказывания. Например, это может быть применение физической силы, в том числе побоев, угроз или пыток, для получения признания от подозреваемого или обвиняемого. Такие методы категорически запрещены законом и являются нарушением права на неприкосновенность личности. Однако, несмотря на ограничение права на неприкосновенность личности в уголовном процессе, существуют механизмы защиты этих прав. Каждый подозреваемый или обвиняемый имеет право на адекватную защиту своих интересов и возможность оспорить все действия следствия и суда, которые могут быть противоречащими его правам. Также существуют специализированные органы и институты, например адвокатура или комиссии по контролю за условиями содержания лиц в местах лишения свободы, которые занимаются защитой прав человека в уголовном процессе [4].

Таким образом, ограничение права на неприкосновенность личности является неотъемлемой частью уголовного процесса и необходимым мероприятием для обеспечения более высоких интересов общества. Однако, это ограничение должно быть оправдано законом и осуществляться с учетом требований справедливого процесса и защиты прав человека.

Ограничение права на защиту и презумпцию невиновности является одной из главных проблем в уголовном процессе. В этом подразделе мы рассмотрим основные аспекты данной проблемы.

Право на защиту является одним из фундаментальных прав человека, закрепленных в международных и национальных нормативно-правовых актах. Оно предоставляет каждому обвиняемому право использовать все доступные ему средства и возможности для доказательства своей невиновности. Однако в ряде случаев это право может быть ограничено.

Один из основных способов ограничения права на защиту – это ограничение доступа к сведениям и доказательствам, которые могут помочь обвиняемому опровергнуть обвинения. Например, при проведении заседания с закрытыми дверями или при использовании запрета на публикацию информации об уголовном процессе, обвиняемый может быть лишен возможности получить доступ к материалам дела или свидетелям, которые могут иметь важное значение для его защиты.

Другой способ ограничения права на защиту - это установление ограничений на использование определенных средств и методов защиты. Например, использование некоторых видов доказательств может быть запрещено законом или решением суда. Также могут быть установлены ограничения на проведение экспертиз или запросов к компетентным органам для получения необходимой информации.

Одной из важнейших гарантий права на защиту является презумпция невиновности. Согласно этому принципу, каждый обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в соответствии с законом. Однако этот принцип также может быть ограничен.

Один из способов ограничения презумпции невиновности - это использование предварительного заключения под стражу или аналогичных мер содержания под стражей без достаточных оснований. Такие меры могут быть применены до вынесения приговора и могут повлиять на психологическое состояние обвиняемого, его возможность эффективно участвовать в процессе защиты и получить доступ к необходимой информации.

Другой способ ограничения презумпции невиновности - это использование давления и психологического воздействия на обвиняемого со стороны следственных органов или других участников уголовного процесса. Такое воздействие может привести к тому, что обвиняемый будет вынужден сознаться в содеянном, несмотря на отсутствие достаточных доказательств его вины [6].

Ограничение права на защиту и презумпцию невиновности является серьезной проблемой, которая может повлиять на справедливость уголовного процесса. Поэтому необходимо разработать механизмы для предотвращения таких ограничений и гарантирования полноценного осуществления, данных прав. Это может быть достигнуто путем изменения законодательства, проведения реформ в системе уголовного правосудия и повышения осведомленности общества о значимости этих прав. Только тогда можно будет гарантировать справедливость и защиту прав каждого обвиняемого в уголовном процессе.

Ограничение права на свободу и личную неприкосновенность является одной из наиболее серьезных проблем, с которой сталкиваются люди в ходе уголовного

процесса. Во многих странах, включая Россию, правоохранительные органы имеют полномочия задерживать и заключать под стражу лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления. Однако, несмотря на то, что такие ограничения могут быть обоснованы необходимостью обеспечения безопасности и предотвращения уклонения от судебного разбирательства, они могут также привести к серьезным нарушениям прав человека.

Один из основных аспектов ограничений права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе - это процедура задержания. Задержание может осуществляться, как при попытке лица скрыться от следствия или исполнения приговора, так и при возникновении достаточно серьезных подозрений в его участии в совершении преступления. Однако для того чтобы задержание было законным и не нарушало прав человека, оно должно проводиться в соответствии с установленными законом процедурами и требованиями. Например, лицо должно быть информировано о причинах его задержания, иметь возможность обратиться к защитнику и в случае необходимости получить медицинскую помощь [1].

Одной из основных проблем, связанных с задержанием, является непропорциональное использование силы со стороны правоохранительных органов. В ряде случаев применение физической силы может быть обосновано и необходимо для подавления опасности или предотвращения побега подозреваемого или обвиняемого. Однако такие действия должны быть адекватными и пропорциональными угрозе. Случаи жестокого обращения с заключенными или применения пыток являются серьезным нарушением прав человека и требуют беспристрастного расследования и наказания виновных.

Еще одной проблемой, связанной с ограничением прав человека в уголовном процессе, является продолжительность задержания. Согласно международным стандартам, любое лицо, задержанное подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления, должно быть представлено перед судьей в течение разумного срока. Однако на практике задержание может продолжаться на неопределенный срок, что противоречит принципу независимости и беспристрастности суда.

Ограничение права на свободу и личную неприкосновенность также может проявляться через использование предварительного заключения. Предварительное заключение является мерой пресечения, которая может быть применена к лицам, подозреваемым или обвиняемым в совершении тяжких или особо тяжких преступлений. Однако для того чтобы использование этой меры было законным, необходимо учитывать ряд факторов, таких как наличие достаточных доказательств вины и отсутствие возможности использования более мягких мер пресечения [5].

В заключение можно сказать, что ограничение права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе является сложной и многогранной проблемой. С одной стороны, ограничения этих прав могут быть обоснованы необходимостью обеспечения безопасности и предотвращения уклонения от судебного разбирательства. Однако, с другой стороны, такие ограничения могут привести к серьезным нарушениям прав человека. Поэтому важно стремиться к тому, чтобы ограничение этих прав было законным, пропорциональным и

осуществлялось в соответствии с установленными законом процедурами и требованиями. Только так можно обеспечить справедливость и защиту прав каждого человека в уголовном процессе.

Отметим, что одной из ключевых проблем, которую часто обсуждают в контексте уголовного процесса, является ограничение прав человека на справедливое судебное разбирательство. В рамках уголовного дела, где ставится на кон игра сама свобода и права личности, возможность получить честное и беспристрастное рассмотрение дела имеет особое значение. Однако, в интересах общественной безопасности и эффективности уголовного преследования, законодательство предусматривает, определенные ограничения для защиты общественных интересов.

Судебная система играет важную роль в балансировании между необходимостью ограничений прав и обязанностей сторон уголовного процесса и защитой прав личности. Роль судьи заключается не только в том, чтобы выносить вердикт по делу, но также в том, чтобы гарантировать справедливость процесса и защиту прав сторон [3].

В целях обеспечения справедливости судебного разбирательства судья должен быть независимым и беспристрастным. Он должен иметь возможность рассмотреть все обстоятельства дела, а также учесть права и интересы всех сторон. Судебное заседание должно проводиться открыто и прозрачно, чтобы обеспечить публичный контроль над процессом и предотвратить возможные нарушения прав.

Однако, в связи с определенными особенностями уголовного процесса, суду приходится принимать меры по ограничению определенных прав личности. Например, суд может ограничивать право на информацию или конфиденциальность данных для защиты конфиденциальной информации или безопасности свидетелей. Также, суд может ограничивать право на выбор адвоката в случаях, когда это несовместимо с интересами общества.

Важно отметить, что эти ограничения необходимо применять только в тех случаях, когда это действительно необходимо для достижения целей уголовного процесса. Они должны быть законными и соответствовать требованиям пропорциональности и необходимости. Судья должен тщательно анализировать каждый конкретный случай и принимать решение о необходимости ограничения прав на основе объективных критериев.

Балансирование между защитой прав личности и необходимостью обеспечения справедливого уголовного процесса является сложным заданием для судей. Они должны учитывать все факторы, включая интересы общества, безопасность и честность процесса. Важно, чтобы судебная система имела достаточные гарантии независимости и беспристрастности, чтобы предотвратить возможные злоупотребления или нарушения прав.

В завершение можно сказать, что роль судьи в балансировании ограничений прав личности в уголовном процессе является крайне важной. Судья должен стремиться к достижению компромисса между защитой общественных интересов и защитой прав личности. Это требует высокого профессионализма, этики и беспристрастности со стороны судьи. Только такие условия позволяют создать равноправную базу для всех участников уголовного процесса и обеспечить его справедливость.

Совершенствование прав человека в уголовном процессе является одной из важнейших задач современного общества. Однако, несмотря на значительные усилия по защите прав и свобод граждан, все еще существуют проблемы и вызовы, связанные с нарушениями прав человека в ходе уголовного процесса.

Одной из ключевых проблем является недостаточная информированность обвиняемого о его правах и возможностях защиты. Часто лица, подозреваемые или обвиняемые в совершении преступления, не имеют достаточных знаний о процедурных гарантиях и механизмах защиты своих прав. Это может быть вызвано отсутствием доступной информации или неправильным представлением о правах в целом. Для решения этой проблемы необходимо проводить широкую работу по информированию граждан об их правах в уголовном процессе, разъяснять процедуры и механизмы защиты, а также обеспечивать доступ к юридической помощи.

Другой проблемой является нарушение права на недискриминацию и равное обращение перед законом. В уголовном процессе могут возникать ситуации, когда лица из определенных социальных групп или с особыми потребностями подвергаются дискриминации или не получают равного обращения перед законом. Это может быть вызвано предубеждениями судей, прокуроров или других участников процесса, а также системными недостатками в законодательстве. Для преодоления этой проблемы необходимо проводить обучение и тренинги для участников уголовного процесса с целью борьбы с дискриминацией и предубеждениями. Также следует активно работать над изменением законодательства, чтобы оно было более защитным и не допускало дискриминации.

Третьей проблемой является нарушение права на справедливое судебное разбирательство. В ходе уголовного процесса могут возникать различные нарушения, которые влияют на справедливость процесса и результат дела. К таким нарушениям относятся неправомерное задержание, принуждение к самообвинению или давлению на свидетелей, отказ в доступе к доказательствам и т.д. Для борьбы с этими нарушениями необходимо укреплять механизмы контроля за соблюдением прав человека в ходе уголовного процесса, проводить обучение судей и прокуроров о необходимости соблюдения процедурных гарантий, а также предусматривать ответственность за нарушения прав человека.

Способы преодоления этих проблем могут быть различными. Прежде всего, необходимо активизировать работу по информированию граждан об их правах в уголовном процессе. Это может быть достигнуто через проведение общественных кампаний, создание доступной юридической информации и консультаций. Также следует укреплять систему юридической помощи для лиц, подозреваемых или обвиняемых в преступлениях.

Особое внимание следует уделить обучению участников уголовного процесса. Судьи, прокуроры, адвокаты и другие участники должны иметь глубокие знания о правах человека и механизмах защиты. Для этого необходимо проводить системные обучения, тренинги и конференции.

Кроме того, следует продолжать работу по совершенствованию законодательства. Законодательство должно быть более защитным и гарантировать соблюдение прав человека в уголовном процессе. Важно также создавать эффективные механизмы контроля за его исполнением.

В заключение можно сказать, что проблемы нарушения прав человека в уголовном процессе все еще актуальны. Однако, при наличии политической воли и соответствующих мер по совершенствованию правосудия, эти проблемы могут быть преодолены. Необходимо продолжать работу по информированию граждан об их правах, обучению участников уголовного процесса и изменению законодательства для обеспечения полной защиты прав человека в ходе уголовного процесса.

Список использованных источников:

1. Константинова Е.А. Проблемы законодательного регулирования и реализации принципа неприкосновенности личности в российском уголовном судопроизводстве / Е. А. Константинова // Colloquium-Journal. - 2019. - № 25-9 (49). - С. 43-45.

2. Принцип неприкосновенности личности как гарантия права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве / М. А. Щербакова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. - 2022. - № 1 (95). - С. 99-106.

3. Принцип неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве / А. И. Ротар // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Томск, 28-30 января 2021 года. Том Часть 89. - Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2021. - С. 213-214.

4. Роль принципа неприкосновенности личности в системе принципов уголовного судопроизводства / А.Р. Панькова, А.Н. Пенькова // Перспективы развития институтов права и государства: Сборник научных статей 5-й Международной научной конференции, Курск, 12 мая 2022 года. - Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. - С. 209-210.

5. Уголовное судопроизводство / под ред. М.Ш. Буфетова, М.С. Дунаева, Т.В. Зеленская, И.В. Смольковой. - М.: ИНФРА-М, 2024. – С. 217.

6. Шаповалова, Т.И. Уголовный процесс: учебное наглядное пособие / Т.И. Шаповалова. - Железногорск: ФГБОУ ВО Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 2023. – С. 245.

Елеусизова Гульмира Казтаевна

докторант 2 курса, магистр юридических наук,
майор полиции, Костанайская академия МВД
Республики Казахстан им. Ш. Кабылбаева

ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МОББИНГА

Моббинг – это систематическое психологическое насилие над одним человеком или группой людей со стороны коллектива, направленное на их унижение, изоляцию от коллектива, снижение их самооценки и инициативности [1]. Моббинг часто происходит на рабочих местах, но может иметь место и в других социальных группах, таких как школьный класс или художественный

коллектив. Моббинг может привести к серьезным психологическим и физическим последствиям для жертвы, включая депрессию, тревогу, посттравматический стрессовый синдром, нарушения сна, проблемы со здоровьем, а иногда и склонность к самоубийству.

Моббинг проявляется в совершении группой ряда действий, психологического давления на объект моббинга. Моббинг-действия обладают большим количеством форм проявлений, Х. Лейман классифицировал их по 45 вариациям [2]. Моббинг-действия направлены на унижение человека, оказание на него морального давления, подрыв его социального, профессионального авторитета и конечное устранение жертвы из коллектива.

Борьба с проявлениями моббинга должна осуществляться как на организационном уровне, так и на государственном с помощью введения соответствующих норм в правовые акты.

В настоящее время существует мировая тенденция юридикации моббинга с целью обеспечения правовой защиты работников, профессиональной безопасности и здоровья. Развитая система внутригосударственного регулирования моббинг-процессов становится показателем уровня развития стран, международным трудовым стандартом.

Изучение моббинга в организации начинается в 80-90 гг. XX в. Наибольшую известность получили исследования Ноа Дэвэнпорт [3], Акселя и Линды Ваниорек [4]. Основными инструментами психологического преследования на работе могут быть распространение слухов, запугивание, необоснованная критика, социальная изоляция, прямая агрессия, унижения, бойкот. Наиболее агрессивным видом преследования считается управляемый моббинг (целенаправленная травля), т.е. осуществление морального преследования с целью выполнения группой нападающих негласных установок представителей работодателя или преследование, осуществляемое непосредственно должностными лицами, представляющими интересы работодателя. Как отмечают специалисты, управляемый моббинг может быть элементом кадровой политики работодателя по отношению к работникам. Кроме того, он может выполнять функцию по решению проблемы увольнения без соблюдения установленных трудовых законодательством правил [5].

Негативное последствие моббинга для конкретного работника может выражаться в виде депрессии, тревоги, комплексов, страхов, ощущения безысходности, профессиональной и личностной нереализованности и неполноценности. Часто это вынуждает работников к увольнению и потере работы, а соответственно, растет безработица. Моббинг существенно травмирует работника-жертву. Негативные последствия данного явления весьма многообразны и затрагивают различные сферы личности от нарушения памяти, снижения концентрации внимания, самооценки, мотивации вплоть до нежелания ходить на работу. Кроме того, постоянный психологический прессинг может привести к появлению у работника тревоги, стыда, сомнений, недоверия, раздражительности, панических атак, головных болей, депрессивных тенденций, нарушение сна, соматических заболеваний, значительных изменений в весе (набор или потеря). Моббинг может спровоцировать чрезмерное употребление алкоголя, лекарств, стать причиной суицида или насильственных действий в

отношении обидчиков. Исследователи отмечают, что даже при смене работы и по истечении достаточного времени после пережитого у жертвы наблюдались навязчивые, травмирующие воспоминания о событии [6].

О моббинге можно говорить в том случае, если негативные действия в отношении жертвы (притесняемой стороны) происходят, по меньшей мере, не реже одного раза в неделю (регулярность) на протяжении шести месяцев и дольше (длительность). Кроме того, ситуация субъективно переживается объектом травли как безвыходная [7].

Таким образом, единичный конфликт в организации еще не является моббингом. Выделяют следующие виды моббинга [8]:

1. Горизонтальный – между сотрудниками.

Данный вид моббинга встречается наиболее часто и применяется в основном по отношению к новым сотрудникам. Причинами могут стать зависть к молодому компетентному специалисту, соперничество, конкуренция или личная неприязнь. Жертвой моббинга может стать и опытный сотрудник, у которого удачно складывается карьерный рост, повысили оклад, дали премию и т. д. В качестве причин данного явления в организации можно выделить не только личностные факторы (низкая самооценка, низкий уровень коммуникативных способностей, застенчивость, дефицит социальных навыков, неспособность конструктивно разрешать конфликты, перфекционизм, низкая работоспособность, а также высокий уровень креативности, стремление к высоким результатам в работе, что вызывает раздражение коллег и т. д.), но и производственные факторы такие как плохо организованный трудовой процесс, размытость границ ответственности, должностных обязанностей, полномочий, недостаток сотрудников (и как следствие чрезмерные физические и психические нагрузки, способствующие возникновению ролевых конфликтов), напряженная атмосфера в коллективе, отсутствие карьерного роста и т.д.

2. Вертикальный – между начальником и подчиненным. Боссинг (bossing – от англ. boss – хозяин, шеф) – моббинг-действия руководителя, направленные на подчиненного.

Данный вид моббинга встречается достаточно часто и возникает, если руководитель хочет «воспитать» «отстающего» сотрудника или уволить его по тем или иным причинам, а для законного пути нет достаточных оснований. Он ставит невыполнимые задачи, которые нужно выполнить качественно и быстро. Затем обвиняет работника в некомпетентности. У таких руководителей отмечается готовность применять психологическое насилие, импульсивность, грубость по отношению к жертве. Мотивами моббинга может быть и удовлетворение потребности во власти, поддержание своего социального статуса, престижа вследствие неуверенности в себе, необходимости самоутвердиться за счет подчиненных и казаться на фоне «жертвы» более компетентным, успешным, талантливым. Следуют отметить, что руководители-мобберы достаточно хорошо распознают психические и эмоциональные состояния сотрудников и успешно ими манипулируют.

3. Другой вид вертикального моббинга – стаффинг (staffing – от англ. staff – персонал) встречается очень редко и представляет собой моббинг-действия сотрудников, направленных на руководителя, назначенного работодателем на должность, имеющего недостаточный опыт работы, обладающего

профессиональной некомпетентностью или, наоборот, высоким профессионализмом, но с неадаптированными социальными навыками.

Кроме этого, стаффинг может возникнуть, если сотрудники испытывают к руководителю личную неприязнь и считают его несправедливым или авторитарным, не допускающим возражений и отрицающим любое проявление инициативы со стороны подчиненных. Необходимо отметить, что данный вид моббинга возникает редко, и победителем в этой борьбе оказывается руководитель.

4. «Сэндвич-моббинг» – жесткий прессинг, идущий со всех сторон и от коллег (подчиненных) и от руководителя. В такой ситуации могут оказаться руководители среднего звена.

5. Институциональный.

При данном виде моббинга преследование сотрудника осуществляется с использованием таких инструментов как аттестации персонала, квалификационных экзаменов и т.д.

От моббинга страдает не только отдельный сотрудник, но и структурное подразделение и организация в целом, так как из-за конфликтных ситуаций падает производительность труда, поскольку сотрудники вместо решения производственных задач тратят свое время и силы на осуществление психологического террора. Таким образом, моббинг приводит к негативным последствиям не только в экономическом плане, но и оказывает влияние на психическое и соматическое здоровье сотрудников, и данная проблема должна решаться всеми сотрудниками организации, включая руководство.

Следует отметить, что в зарубежных странах проблема моббинга освещена на законодательном уровне. Так, в Швеции моббинг запрещен на законодательном уровне. В стране существует множество инициатив, применяемых для регулирования моббинга в организациях. Одним из самых популярных является закон о защите от дискриминации и домашнего насилия (Lag (1998: 554) om skydd mot diskriminering och hets mot folkgrupp). Этот закон запрещает дискриминацию и насилие в отношении людей из-за их пола, расы, этнического происхождения, религии, инвалидности или половой ориентации. Закон предоставляет права и защиту для жертв моббинга, а также средства для предотвращения моббинга и насилия в организациях. Другими средствами для регулирования исследуемого явления в Швеции являются правила социальной ответственности для бизнеса, принятые в 2008 г., которые требуют от юридических лиц придерживаться определенных стандартов в отношении прав и обязанностей работников, а также принять меры для предотвращения и борьбы с моббингом и другими формами насилия в рабочей среде [9].

В Казахстане, к сожалению, отсутствуют соответствующие механизмы оценки, позволяющие установить масштабы распространения моббинг-явлений в стране. Трудовым законодательством РК не предусмотрен порядок действий как работников так и работодателя в случае моббинга, но закреплен ряд принципов трудового права, которые могли бы стать правовой основой дальнейшего регулирования защиты работников от насилия на рабочем месте.

В связи с этим, с целью профилактики возникновения и разрешения моббинг-ситуаций, возникает необходимость в разработке внутренних

нормативных актов [10]. В целом, к регулируемым моббинг мерам можно отнести следующие мероприятия:

1. Создать в организации специальную комиссию, которая в первую очередь проанализирует частоту и причины возникновения моббинг-ситуаций, определит зоны риска.

2. На основании полученных комиссией данных, разработать внутренний нормативный документ (например, Положение), в котором можно прописать:

- правила делового этикета, принятые в организации. Например, прописать что в организации запрещено в разговоре с коллегами, руководством и подчиненными использовать ненормативную лексику, обзывать, некорректно отзываться о внешнем виде, отношении к религии, политических взглядах и пр.;

- порядок действий работника, подвергшегося моббингу. То есть, каким образом он может задокументировать моббинг-ситуацию, куда должен направить жалобу (докладную записку) о том, что он подвергается моббингу;

- порядок действий работников, ставших свидетелями моббинга. Так как сама жертва не всегда может быть способна защитить себя;

- порядок созыва и регламент работы комиссии, которая займется расследованием моббинг-ситуации;

- ответственность и меры, которые могут быть приняты к виновным в травле лицам и к работнику, подвергшемуся травле.

3. Соответствующие положения о порядке действий в случае моббинга могут быть внесены в коллективный договор, правила внутреннего трудового распорядка.

4. Информирование работников об утвержденных в организации документах и открытое обсуждение назревших проблем.

5. Введение в штатное расписание организационного психолога, в обязанности которого будет входить индивидуально-коррекционные мероприятия.

К виновным в моббинге могут быть применены меры дисциплинарных взысканий в рамках п. 1 ст. 64 ТК РК [11] это замечание, выговор, строгий выговор и расторжение трудового договора. При необходимости, жертве моббинга может быть оказана психологическая помощь штатным организационным психологом или приглашенным специалистом. Важно, чтобы политика организации в отношении моббинга была понятной всем сотрудникам, прозрачной и действительно работающей, а не формальной. Профилактика - главный инструмент борьбы с моббингом [12].

Однако эффективность правового регулирования не может зависеть исключительно от степени социальной ответственности работодателя. Полагаем, что локального регулирования недостаточно для решения проблемы предотвращения и пресечения насилия в сфере труда. Рассматривая трудовое право как социальную ценность, полагаем необходимым внедрение в отечественное законодательство норм, призванных сохранить не только физическое, но и психологическое здоровье работника.

Список использованных источников:

1. Бородинова Е.В. Моббинг (психологическое преследование на работе) // Современные проблемы правоприменения: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Краснодар, 2022. С. 123-127.

2. Колодей К. Моббинг. Психотеррор на рабочем месте и его преодоление. Харьков: Гуманитарный центр, 2007. 368 с.
3. Davenport N., Schwartz R. D., Elliott G. P. Mobbing: Emotional Abuse in the American Workplace. Ames, IA : Civil Society Publishing, 1999. 215 p.
4. Ваниорек А., Ваниорек Л. Моббинг: когда работа становится адом. М.: Интерэксперт: Нолидж, 1996. 165 с.
5. Кильдигушева З.М. Использование моббинга и буллинга на рабочем месте (анализ отрицательных сторон) // XXIII Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартковского государственного университета. Нижневартовск, 2021. С. 228-232.
6. Барина А.П., Иванова И.В. Моббинг. Последствия травли на работе // Молодая наука – 2021: сб. материалов XII национальной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. Ярославль, 2021. С. 107-110.
7. Лушников А.М., Чуча С.Ю., Смирнов Д.А. Моббинг в трудовом праве и психологии: опыт междисциплинарного подхода // Государство и право. 2022. № 7. С. 155-161.
8. Нестеренко И.Е., Небаба Л.Д. Моббинг и формы его проявления в организации // Наука, творчество, инновации: сб. научных трудов ученых, преподавателей, магистрантов, студентов и практических работников. Краснодар, 2020. С. 111-114.
9. Тиханова Д.А. Моббинг как особая разновидность дискриминации: трудовые аспекты // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 1. С. 21-23.
10. Куур О.М. Как регулировать моббинг на работе?: <https://kadry.mcfk.kz/question/7522-kak-regulirovat-mobbing-na-rabote?> (дата обращения 14.01.2024 года).
11. Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 г. № 414-V ЗРК (с изменениями и дополнениями по состоянию 01.01.2024 г.): <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414> (дата обращения 14.01.2024 года).
12. Пронина Н.А. Профилактика моббинга в организации // Защита жертв преступлений в современном обществе // PVCMS 2023: сб. материалов VI Международной научно-практической интернет-конференции. Челябинск, 2023. С. 237-243.

Гусейнов Рамиль Гахраманович
аспирант кафедры судебной деятельности и
уголовного процесса ФГБОУ ВО
«Уральский государственный юридический
университет имени В.Ф. Яковлева»,
Российская Федерация

НАЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ: СТАДИЯ ИЛИ ЭТАП УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА?

Уголовный процесс, как и гражданско-правовой и административный, разделен на определенные стадии, сложившиеся как нормативно, так и исторически. Законодательное регулирование отражено в частях 2 и 3 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее - УПК РФ), содержащих нормы о

досудебном и судебном производствах. Если далее разделять уголовный процесс по разделам указанного акта, то можно выделить такой элемент, как производство в суде первой инстанции.

Дальнейший анализ норм УПК РФ приводит к выводу о «расщеплении» стадий. Производство в суде первой инстанции содержит стадию подготовки, которая возможна в двух формах – устной или письменной, предварительное слушание (факультативно), собственно судебное разбирательство (в рамках заседания), судебное следствие, прения сторон, последнее слово подсудимого и постановление приговора.

Этапом стадии подготовки к разбирательству является назначение судебного заседания, регулируемое главой 33, в частности, статьей 231 УПК РФ. Ранее в статье 221 УПК РСФСР оно обозначалось как стадия предания суду [1]. Опираясь на вышеуказанный анализ, можно выстроить следующее деление уголовного процесса до рассматриваемой части:

- уголовный процесс содержит судебную стадию;
- судебная стадия (здесь подразумевается суд первой инстанции) разделена на ряд этапов, последовательно сменяющих друг друга вплоть до постановления приговора;
- назначение судебного заседания - обязательная часть подготовки к основному разбирательству, его «условие» [2; 91 стр.].

Теоретически уголовный процесс также разделяется на обособленные части. Выделение совокупности процессуальных действий в самостоятельную его часть (или его «укрупненных стадий») связано со следующими характеристиками:

- совокупностью норм, регламентирующих деятельность участников уголовного процесса на определенном промежутке времени (например, по статье 228 УПК РФ судья обязан выяснить ряд вопросов при поступлении уголовного дела);
- наличием процессуальных актов, оформляемых уполномоченными сторонами (назначение судебного заседания оформляется изданием постановления);
- наличием задач, подлежащих выполнению (в ходе подготовки дела и назначение его к слушанию судья, например, обязан выяснить, имеются ли основания для проведения предварительного слушания) [3; 14-16 стр.].

А.А. Давлетов отдельно отмечал, что стадия – «это автономная часть уголовного судопроизводства, имеющая свои задачи, особый круг участников, специфический порядок процессуальных действий и собственные итоговые решения» [4; 15 стр].

Нормативное и теоретическое «распределение» уголовного процесса по следующим друг за другом частям реализуется и на практике. После окончания предварительного расследования и передачи дела прокурором суду последний орган, изучив материалы дела, принимает одно из решений, указанных в статье 227 УПК РФ. Данные последовательные действия демонстрируют переходы от одного обособленной части уголовного процесса к другой.

Убедившись в существовании «процессуальной поэтапности», следует указать на проблему - как следует интерпретировать и соотносить обозначенные

структурные элементы, чтобы не возникало разночтения и смешения понятий и терминов?

Разрешение указанной проблемы необходимо в силу того, что обозначенные элементы не равны друг другу по содержанию, а объединяются родо-видовыми отношениями. То есть, например, предварительное слушание и назначение заседания, входящие в общий порядок подготовки к судебному заседанию, не могут называться равными ему стадиями уголовного процесса.

Если обращаться к тексту УПК РФ, то термин «стадия» в нем применяется в отношении предварительного расследования (часть 1 статьи 106), судебного производства (часть 1 статьи 106), досудебного производства (часть 5 статьи 241), предварительного слушания (часть 5 статьи 348), подготовки к судебному заседанию (пункт 4 части 1 статьи 389.20).

При рассмотрении указанных норм прослеживается специфическая позиция законодателя. Предварительное расследование входит в досудебное производство наряду с возбуждением уголовного дела (если опираться на деление части 2 УПК РФ на разделы VII и VIII), однако оба они обозначаются как стадии. Та же особенность обнаруживается при соотношении судебного производства и всех вышеперечисленных элементов, в него входящих.

Возникает комплексная проблема деления обособленных частей уголовного процесса, а также их собственных этапов. Определим термин, подходящий под обозначение назначения судебного заседания.

Поскольку досудебное и судебное производства уже обозначены как стадии, следует бесспорно признать их таковыми.

Следующие части уголовного процесса (возбуждение уголовного дела, производство в суде первой инстанции и т.д.) следует во избежание смешения обозначить как стадии упомянутых выше досудебного и судебного производства - то есть, последовательную совокупность процессуальных действий, производимую участниками в рамках норм, объединенных в определенные разделы УПК РФ.

Далее следуют главы УПК РФ, куда входит общий порядок подготовки судебного заседания. В данном случае следует частично отступить от деления на стадии и этапы строго по главам внутри разделов УПК РФ. Несмотря на то, что главы 33 и 34 действительно разделяют обособленные части уголовного процесса и совершаемые в них процессуальные действия, глава 35, например, вовсе не выделяет отдельной «части», а содержит общие условия судебного разбирательства, применимые к другим нормам УПК РФ. Поэтому здесь следует отойти от нормативного разделения содержания кодекса. В действительности после получения материалов уголовного дела судья, принявший дело к своему производству с целью его разрешения по существу, предварительно знакомится и с материалами дела, и с системой обвинительных доказательств, и с обвинительным актом [5; стр.166-178]. То есть, внутри стадии производства в суде первой инстанции уже выделяются первичное изучение материалов уголовного дела и назначение заседания (либо также предварительное слушание). Указанные элементы можно назвать самостоятельной стадией, имеющей свои задачи, состав субъектов, процессуальный порядок и перечень итоговых решений.

Таким образом, путем разделения и разграничения устраняется непоследовательность и нелогичность в определении места и терминологического обозначения структурных элементов уголовного процесса. Целесообразно включение в текст УПК РФ понятие «стадии» во избежание смешения стадий, подстадий и этапов.

Список использованных источников:

1. «Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. - 1960 г. - № 40. - Ст. 592 с изм. и допол. в ред. от 18.12.2001.

2. Талаева, М. М. Закономерности появления стадии уголовного процесса в российском уголовном процессе / М. М. Талаева // Актуальные проблемы современного права : Материалы первой региональной научно-практической конференции, Грозный, 29 апреля 2017 года. – Грозный: Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования и науки "Учебный центр "Магистр", 2017. – С. 90-92.

3. Ковинько, М. С. Система стадий уголовного процесса / М. С. Ковинько, С. Э. Воронин // Юридический факт. – 2019. – № 73. – С. 14-16.

4. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: учебное пособие / А.А. Давлетов.-Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2022-348 с.

5. Юнусов, А. А. Вопросы подготовки дела к судебному разбирательству в российском уголовном процессе / А.А. Юнусов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2007. – № 2. – С. 166-178.

Аникина Марина Сергеевна,

аспирант кафедры судебной деятельности и уголовного процесса, ФГБОУВО «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева»,
Российская Федерация

МЕДИАЦИЯ КАК СПОСОБ ПРИМИРЕНИЯ С ПОТЕРПЕВШИМ

Несмотря на наличие в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) ст. 25 «Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон», в российском законодательстве отсутствует определение понятия «примирение», а также способы примирения обвиняемого с потерпевшим. Из-за этого «пробела» некоторые авторы считают, что примирение в уголовном процессе – это достижение компромисса между государством и обвиняемым, а не между сторонами уголовного судопроизводства [1; 165-166 стр.].

В то же время вектор внимания российского законодателя заметно смещается в сторону интересов личности, и ученые-процессуалисты изучают вопросы имплементации в российский уголовный процесс таких институтов, механизм действия которых позволит учитывать интересы сторон уголовного судопроизводства.

К таким институтам относится и медиация, которая в настоящее время уголовному процессу России не знакома. Однако возможность заключения медиативных соглашений в рамках уголовного процесса России, видится всё более реальной.

Медиация относится к числу процедур, которые позволяют учитывать параллельно интересы потерпевших и обвиняемых, поэтому вопрос внедрения этого института в российский уголовный процесс обсуждается уже много лет.

Первые кандидатские диссертации по этой теме защищались более 10 лет назад, но несмотря на это медиация в уголовном судопроизводстве России не применяется и причина этому – невозможность имплементации института медиации в отечественный уголовный процесс в той форме, в какой она существует в странах СНГ и в рамках гражданского процесса России.

Медиация – перспективный и нужный российскому уголовному процессу институт. Отечественные авторы, обсуждая положительные и отрицательные стороны медиации сходятся в одном: за медиацией будущее уголовного процесса и вот почему.

Во-первых, ст. 25 и ст. 25.1 УПК РФ, равно как и другие нормы действующего процессуального законодательства России, направленные на удовлетворение взаимных требований сторон, являются строго императивными. Иначе говоря, они реализуемы исключительно при соблюдении всех условий, предусмотренных УПК РФ. В частности, названные статьи применимы только если лицо совершило преступление небольшой или средней степени тяжести. Во-вторых, институт медиации способен снизить нагрузку на следственные и судебные органы.

Ученые определяют медиацию как совокупность методов, используемых специальными субъектами в целях достижения соглашения и разрешения уголовно-правового конфликта применительно к строго обозначенной категории дел [2; 156-158 стр.]. Но может ли возникающий до уголовного преследования (и по сути являющийся основанием для уголовного преследования) конфликт быть разрешен посредством применения чуждого отечественному уголовному процессу института? Здесь мнения ученых расходятся.

Ряд авторов считает, что переговоры сторон должны проводиться вне уголовного судопроизводства и без контроля правоприменителя (поскольку это больше соответствует сути медиации) [3; 168-179 стр.]. Другие, напротив, уверены, что имплементация института медиации в уголовный процесс невозможна без указания на него в УПК РФ.

Большинство ученых сходятся в одном: введение медиации удовлетворяет основному назначению уголовного судопроизводства, а именно защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

В 2021 году медиация была легализована в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК РБ). Законодательное закрепление этого института дает ответы не на все вопросы, связанные с процедурой медиации. Несмотря на это, некоторые существенные аспекты применения медиации УПК РБ всё же освещает.

Например, в п. 14.3 ст. 6 УПК РБ указано, что медиация представляет собой переговоры обвиняемого и потерпевшего с участием медиатора в целях содействия их примирению. Можно предположить, что в уголовно-

процессуальном законе Республики Беларусь заключение медиативного соглашения выступает разновидностью примирения с потерпевшим.

Согласно п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 31 марта 2010 г. №1 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих производство по делам частного обвинения» у суда есть обязанность до начала судебного разбирательства разъяснить сторонам, что они могут примириться. И судья вправе вызвать стороны в суд для совместной беседы. По мнению Пленума эти действия позволят ликвидировать конфликт и предупредить совершение новых преступлений.

К положительным моментам можно отнести и то, что белорусский законодатель дает определение не только «медиации», но понятиям «медиатор» и «медиативное соглашение».

Для сравнения, в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Молдова (далее – УПК РМ) специальных определений для этих трех понятий – нет. Однако там действует Закон №137 от 03.07.2015 «О медиации» (далее – Закон о медиации Молдовы), который предусматривает возможность инициирования медиации по рекомендации органа уголовного преследования (п.1 ст. 21 Закона) и регламентирует процедуру медиации. Иными словами, Закон «О медиации» Молдовы распространяет свое действие не только на гражданско-правовые споры.

Часть 2 главы V Закона «О медиации» Молдовы, регламентирует порядок применения медиации по уголовным делам. В законе подчеркивается, что процесс медиации не подменяет уголовный процесс, а участие в процедуре медиации само по себе не является доказательством вины.

В целом наличие отдельного закона, регулирующего процедуру медиации, является позитивной практикой. Его действие обеспечивает единообразие в ключевых понятиях, принципах, статусе участников и т.д. Ведь для того, чтобы взять за основу зарубежный УПК и заимствовать институт медиации, необходима детальная нормативная регламентация этого института в зарубежном уголовно-процессуальном законодательстве.

Согласно положениям Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 21 июня 2001 года № 4 «О судебной практике по применению статьи 68 Уголовного кодекса Республики Казахстан» правильное применение института медиации оказывает положительную динамику сразу в нескольких направлениях:

- 1) повышает роль и активность потерпевшего и заявителя;
- 2) способствует полному и быстрому восстановлению нарушенных прав и свобод потерпевшего;
- 3) является проявлением гуманизма к лицам, совершившим уголовные правонарушения, но показавшим позитивное поведение (примирение, заглаживание вреда).

Однако в России роль государства в уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях по-прежнему слишком велика, чтобы отдать ключевые элементы системы правосудия на откуп частным интересам. Это ни в коем случае не является недостатком нашей системы и в России всё же можно использовать медиацию как способ дифференцированного подхода к

разрешению уголовных дел (в зависимости от ряда факторов, таких как, категория преступления или степень причиненного вреда).

Процедуру медиации в российском уголовном процессе часто сравнивают с такой же процедурой в гражданском судопроизводстве, где она выступает альтернативной в искомом производстве. В уголовном процессе альтернативных процедур быть не должно, поскольку УПК РФ уже содержит единую процессуальную форму производства по уголовным делам (включающую досудебные и судебные стадии), и если послужить альтернативой в судебном производстве медиация еще могла бы, то заменить досудебное производство она никак не может.

Другими словами, после совершения противоправного деяния обращение к медиатору (если бы в УПК РФ был такой участник) бессмысленно. Изначально любое противоправное деяние должно быть правильно квалифицировано и отграничено от административного правонарушения. Помимо этого, для заключения медиативного соглашения необходимо установить лицо, совершившее преступление. Иными словами, обязательным становится обращение к органам предварительного расследования, сотрудники которых и запустят механизм уголовного преследования.

Медиация, конечно, может применяться и до возбуждения уголовного дела как альтернатива для уголовного преследования [4, 89 стр.]. И при совпадении интересов обеих сторон, такой вариант может быть приемлем для всех участников уголовного судопроизводства, имеющих в деле личный интерес. Однако в таком случае речь уже не идет о «медиации в уголовном процессе». Такого рода «медиация» существовала всегда и существует сейчас в форме неофициальных попыток договориться. Однако надо понимать, что там, где нет сторон, их прав, обязанностей и ответственности, нет и гарантий прекращения производства по делу в результате медиации.

Недостатки медиации до возбуждения уголовного дела очевидны: на данном этапе уголовного судопроизводства еще нет подозреваемого, с которым медиатору можно начинать вести переговоры, как правило, нет итоговой квалификации совершенного деяния, в связи с чем отсутствует возможность заключения медиативного соглашения и гарантии его реализации.

Что касается в целом медиации в ходе производства по уголовному делу, то она может быть применима как в досудебных, так и в судебных стадиях [5; 5-9 стр.]. Например, после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, следователь может разъяснить сторонам их право на участие в процедуре медиации. Соответственно, если обе стороны согласны, то они, при участии медиатора, заключают медиативное соглашение. В зависимости от категории преступления (небольшой, средней степени тяжести, тяжкого или особо тяжкого) уголовное преследование может быть либо прекращено, либо продолжено, но уже с учетом заключенного соглашения.

Список использованных источников:

1. Боярских Н.Н. Примирение потерпевшего и лица, совершившего преступление: понятие и правовые последствия для потерпевшего // Молодой ученый. 2021. №47 (389). С. 165-166.

2. Сизова В.Н. Медиация в уголовном праве: вопросы определения понятия // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. №3. С. 156-158.

3. Давлетов А.А., Братчиков Д.А. Проблема применения медиации в уголовном процессе России // Российский юридический журнал. 2014. №5. С. 168-179.

4. Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе. М., 2013. 200 с.

5. Маркелов А.Г. Опыт медиации как компромиссной формы уголовного процесса Кыргызской Республики // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2022. №1. С. 5-9.

Абишева Салтанат Тамирбергеновна
докторант 3-го курса Костанайской академии
МВД РК им. Ш. Кабылбаева майор полиции

Шнарбаев Болатбек Кабдушевич
д.ю.н., профессор кафедры права
Костанайского филиала ФГБОУ ВО
«Челябинский государственный университет»

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ТРЕХЗВЕННОЙ МОДЕЛИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Бесспорно, вопрос о свободе и правах человеческой личности и обеспечении их охраны важен во всех областях общественного бытия. Но наибольшую остроту и актуальность он приобретает в уголовном судопроизводстве. Одним из оснований для такой оценки является то, что "по степени "насыщенности" принуждением уголовный процесс занимает первое место среди всех известных нашему праву процедур"[1]. Сказанное подкрепляется тем, что в нем так или иначе затрагиваются все формы конституционных прав и свобод человека и гражданина: личные, социально-экономические, политические и социально-культурные [2], а сама процедура процессуального правоприменения вторгается в сферу интересов не только подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, но и потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика, свидетелей, понятых, переводчика и других субъектов процесса, чье участие в судопроизводстве требуется для правильного разрешения уголовного дела.

Защита прав любого представителя общества всегда стоит на первом месте, в части уголовного процесса, в не зависимости от участника уголовного правонарушения будь то обвиняемый, подозреваемый, потерпевший, свидетель, права любого гражданина должны быть соблюдены как в области уголовного производства так и в повседневной жизни, данная тема актуальна всегда. В связи с этим, исследование защиты прав человека в рамках уголовного процесса может помочь выявить существующие проблемы и предложить пути их решения.

Как писал известный английский политический деятель XIII столетия Эдмунд Брек: "Старые государственные устройства оценивались по результатам деятельности. Если народ был счастлив, сплочен, богат и силен, то остальное

можно считать доказанным. Мы считаем, что все хорошо, если хорошее преобладает" [3].

С 2021 года в Республике Казахстан внедрена трехзвенная модель уголовного процесса, в данной модели реализуется оптимизация правоохранительной и судебной деятельности по опыту стран ОЭСР.

Основной задачей трехзвенной модели уголовного процесса является четкое распределение полномочий между предварительным расследованием, прокуратурой и судом, что будет способствовать соблюдению и защите прав человека на мировом уровне по опыту зарубежных стран. [4]

Реформирование всех сфер жизни в современном Казахстане, дальнейшая интеграция страны в мировое сообщество проходит в условиях глубоких социально-экономических и государственно-правовых перемен, когда очевидна необходимость достижения должного уровня обеспечения прав и свобод граждан, а также предоставления необходимых гарантий их защиты. В законодательстве Республики Казахстан все большее значение придается обеспечению защиты прав граждан. Данная тенденция не могла обойти стороной деятельность государственных органов и должностных лиц, осуществляющих досудебное производство по уголовным делам. [5]

Со стороны предварительного расследования: целью расследования является выявление и сбор всех необходимых доказательств, а также проверка законности и обоснованности предъявленных обвинений. Важной задачей на этом этапе является соблюдение принципа презумпции невиновности, то есть предполагается, что подозреваемый является невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана. Также гарантируется право на защиту, включая возможность назначения адвоката и право на участие в собственной защите.

Адвокаты имеют право присутствовать при допросах, знакомится с материалами уголовного дела и давать рекомендации своим клиентам. Также предусмотрены права лиц, подозреваемых в совершении уголовного правонарушения, на юридическую помощь, на представление ходатайств и жалоб, а также на отказ от свидетельства против себя.

На следующем этапе уголовного процесса происходит судебное разбирательство. Важной задачей на этом этапе является обеспечение независимости и беспристрастности судебной власти, чтобы каждый судебный акт был справедливым и соответствовал требованиям закона. Судебное разбирательство должно быть публичным, чтобы обеспечить прозрачность и сбалансированность процедуры. Здесь также обеспечивается право на защиту, предоставление доказательств и участие всех заинтересованных сторон, а также возможность обжалования решения суд, на судебных заседаниях адвокаты имеют право выступать от имени своих клиентов, собирать и представлять доказательства, допрашивать свидетелей, опрашивать экспертов и делать всё необходимое для защиты прав и интересов обвиняемого. Также судьи должны обеспечивать справедливость процесса и контролировать соблюдение прав и свобод обвиняемого, включая право на неприкосновенность, право на защиту и право на гарантированный судебный процесс.

Однако, несмотря на наличие законодательных гарантий и положений, защита прав человека в трехзвенной модели уголовного процесса в Республике Казахстан все еще остается предметом обсуждения. Возникают случаи, когда

права обвиняемых не полностью соблюдаются, а независимость судей и прокуроров оспаривается. Для улучшения ситуации и повышения защиты прав человека в уголовном процессе продолжается работа над усовершенствованием законодательства и совершенствованием процессуальных норм и практики. 6[1; 50-55 стр.] На дальнейшем этапе уголовного судопроизводства осуществляется исполнение приговора. Главной задачей является защита прав осужденного, в том числе сохранение его жизни, физического и психического благополучия. Принципы гуманности и справедливости должны применяться при исполнении наказания. Нельзя применять пытки, жестокое обращение или другие формы неблагоприятного обращения к осужденному.

В целях дальнейшего укрепления и защиты конституционных прав граждан в рамках уголовного судопроизводства можно прийти к следующим выводам:

1. Необходимо провести анализ трехзвенной системы уголовного процесса в Казахстане и ее соответствия международным стандартам в области прав человека, включая основные принципы уголовного процесса и права обвиняемого.

2. Рассмотреть проблемы, связанные с защитой прав человека на каждом этапе уголовного процесса, включая досудебное расследование, судебное разбирательство и исполнение приговора.

3. Оценить эффективность существующих механизмов защиты прав человека и сделать предложения по их усовершенствованию.

4. Исследовать влияние политических и социальных факторов на соблюдение прав человека в уголовном процессе и определить возможные пути минимизации их влияния.

5. Изучить международный опыт в области защиты прав человека в уголовных процессах и возможности его применения в Казахстане.

Трехзвенная модель уголовного процесса по примеру стран ОЭСР в Республике Казахстан должна обеспечивать защиту прав человека на каждом из своих этапов. Расследование, судебное разбирательство и исполнение приговора должны быть осуществлены с соблюдением принципов законности, справедливости и гуманности, чтобы обеспечить справедливое и защищенное от противоправных действий окружающего мира для каждого человека.

Список использованных источников:

1. Всеобщая декларация прав человека: Принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 217 ЛII/ от 10 декабря 1948 г. // Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов. М.: Юрид. лит., 1990. - С. 14-20.

2. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. // Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов. М.: Юрид. лит., 1990. - С. 98 - 103.

3. Диссертация на тему "Применение в досудебных стадиях уголовного процесса конституционных норм, допускающих ограничения прав и свобод человека и гражданина" кандидат юридических наук Федоров, Игорь Зиновьевич

4. Модернизация уголовной системы: что изменит трёхзвенная модель правосудия?
<https://informburo.kz/stati/modernizaciya-ugolovnoy-sistemy-cto-izmenit-tryohzvennaya-model-pravosudiya.html>
<https://informburo.kz/stati/modernizaciya-ugolovnoy-sistemy-cto-izmenit-tryohzvennaya-model-pravosudiya.html>

5. Стратегия "Казахстан-2050": новый политический курс состоявшегося государства <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050>

6. Методологические основы трехзвенной модели уголовного процесса (по материалам Республики Казахстан) В.Х. Толеубекова*, Т.Б. Хведелидзе, Н.Б. Калкаева <https://docviewer.yandex.kz>

Сеильбекова Нургуль Ермуратовна

докторант 3 курса Костанайской академии МВД РК
им. Ш. Кабылбаева, капитан полиции

Брылевский Андрей Владимирович

к.ю.н., профессор кафедры уголовного процесса и
криминалистики Костанайской академии МВД РК
им. Ш.Кабылбаева

РЕЗУЛЬТАТЫ, ПОЛУЧЕННЫЕ ПОСРЕДСТВОМ ТЕХНИКО- КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Результат расследования ряда сложных и проблемных преступлений обуславливаются факторами, которые затрудняют эффективность следственно-процессуальной деятельности, а именно:

- большим временным промежутком с момента совершения преступления;
- действиями, которые были направлены на ликвидацию следов преступной деятельности, маскировку, утаивание, сокрытие фактов и событий произошедшего, дезинформирование некоторых лиц;
- многоэтапность и разветвлённость преступных действий;
- маскировка преступных действий в массиве законных операций [1].

Для эффективного раскрытия преступления по уголовному делу следует разработать эффективную технологию доказывания, под которой понимается совокупность практических и логически последовательных действий субъекта с применением технико-криминалистических средств и методов, которые направлены на формирование доказательственной базы, способствующие трансформации вероятностных знаний в достоверные фактические данные о совершенном преступном деянии.

В настоящее время обозначается подход к использованию широких информационных возможностей, где применение технико-криминалистических средств связывается не только с нуждами предварительного расследования, но и применительно к судебному доказыванию. Данный подход нельзя игнорировать поскольку он способствует лучшему пониманию доказательственного материала сторонами уголовного процесса, аргументации приведённых доводов, наглядному основанию, что в целом оптимизирует и повышает эффективность убеждения противостоящих субъектов в доказывании. Несмотря на преимущества технико-криминалистических средств: удобство, экономию процессуальных средств, времени, ресурсов и полноты фиксации, на практике они не всегда могут обеспечить надлежащую объективность и прозрачность их получения [2].

Появление электронных форм фиксации, передачи и использования информации побуждает к потребности в разработке новых методов

обнаружения, фиксации и оценки доказательств, что безусловно связывается с применением новых технико-криминалистических средств. Доказательства, полученные посредством их применения, позволяют в ходе производства по уголовному делу установить наличие/ отсутствие обстоятельств, которые подлежат доказыванию, а также тех обстоятельств, которые обладают значением для правильного разрешения уголовного дела. Следует осознавать важность правового регулирования, поскольку ненадлежащий характер регулирования может повлечь определённые правовые последствия [3; 44 стр.].

Понятие доказательств регламентируется в части 1 статьи 115 УПК РК, под которыми понимаются законным образом полученные фактические данные, устанавливающие факт наличия/отсутствия преступного деяния, совершение/несовершение данного деяния обвиняемым, виновности/невиновности обвиняемого, а также иные обстоятельства, которые имеют значение для правильного разрешения дела. На основании части 1 статьи 128 УПК РК устанавливаются требования, предъявляемые к доказательствам: относимость, допустимость, достоверность, а в совокупности все доказательства должны свидетельствовать о достаточности для разрешения уголовного дела. Требование относимости, регламентировано частью 3 статьи 128 УПК РК, подразумевающее собой подтверждение/опровержение существования обстоятельств, которые имеют значение для разрешения дела. Требование допустимости подразумевает получение фактических данных относительно соблюдения конституционных и законных прав. Требование достоверности излагается в части 5 статьи 128 УПК РК, подразумевает, что сведения должны соответствовать действительности, не противоречить общеизвестным фактам, к тому же они должны быть проверяемыми с установленным источником их получения [4].

Не признаются доказательствами фактические данные, которые получены в ходе доказывания посредством методов, которые противоречат современным научным знаниям. Такими могут выступать следующие: физиогномия, френология, хиромантия, оптография и пр. Поскольку применение специальных знаний в уголовном процессе возможно при участии в производстве по уголовному делу специалиста / эксперта [5; 79 стр.].

Технико-криминалистические средства могут быть использованы при сборе, закреплении доказательственной информации сторонами уголовного процесса посредством имеющихся у них средств (видеокамеры, камеры мобильного устройства, диктофона, видеорегистратора, компьютера и пр.) либо с привлечением специалиста, эксперт при осуществлении экспертного исследования применяет технико-криминалистические средства и экспертную технику, а также технико-криминалистические средства стационарного типа, вещества, комплекты (комплексы) научно-технических средств. Стороны при использовании технико-криминалистических средств в процессе доказывания во вне судебных процедурах при осуществлении фото, киносъёмки, аудио либо видеозаписи подтверждают это справкой с указанием средств, данных о лицах, в отношении которых применялись технико-криминалистические средства, результаты использования данных средств, а также предоставляют подлинные материалы расходных материалов (негативы, магнитные записи и пр.) [6; 169 стр.].

На эксперта возлагается ответственность за правильное научно обоснованное заключение, также предусматривается уголовная ответственность за дачу неправильного либо ложного заключения, а также за отказ от дачи заключения по неуважительным на то причинам. Заключение является результатом всестороннего и объективного исследования материалов посредством специальных знаний и посредством применения технико-криминалистических средств. В заключении должны быть предоставлены ответы на поставленные вопросы органом расследования и судом. Заключение обладает удостоверительной силой, когда в нём описывается ход исследования и изложение всех принятых методик исследования. Заключение эксперта, как и любое иное доказательство подлежит проверке и оценке на общих основаниях [5; 81 стр.].

При анкетировании было решено установить уровень применения респондентами технико-криминалистических средств при осуществлении непосредственной деятельности. Результаты представлены на рисунке 1.

Из данных на рисунке видно, что большинство респондентов применяют технико-криминалистические средства в случаях, когда это прямо устанавливается законом. На практике же применение технико-криминалистических средств в большей степени перекладывается на специалистов, поскольку это объясняется правильным применением технико-криминалистического средства, наличием у сотрудника правоохранительного органа специальных знаний и навыков.

Хромых Д. Н. в собственном исследовании изучал тактику привлечения специалистов с применением тактико-криминалистических средств по уголовным делам о террористических действиях, где пришёл к выводу о том, что лишь по 14 уголовным делам из 153 изученных, что составляет 9%, были приглашены специалисты для осмотра места взрыва, а по 139 уголовным делам осмотр производился следователем без привлечения специалистов и специальных знаний. В силу этого автор, пришёл к выводу о том, что следователь не может самостоятельно обнаружить и обезвредить взрывные устройства, отсутствие у него

специальных знаний ведёт к утрате доказательственной базы, а также безусловно создаёт угрозу жизни и здоровья членов следственно-оперативной группы [7].

В целях оказания содействия может быть привлечён специалист, применение НТС должно быть отражено в протоколах процессуальных действий и протоколе судебного заседания [8].

На вопрос анкетирования о том, поможет ли проведение специальных курсов и тренингов повысить квалификацию сотрудников правоохранительных органов по овладению ими специальными навыками и умениями для работы с НТС большинство респондентов ответили положительно, результаты приведены на рисунке 2. При этом также 37% респондируемых отмечали, что данная необходимость отсутствует поскольку, имеются отдельные специалисты для работы с технико-криминалистическими средствами. Отметим и то, что материалы, собранные сотрудниками правоохранительных органов, не обладают такой доказательственной силой, как заключение специалиста. Безусловно сотрудниками затрачиваются колоссальные трудовые и временные затраты на осуществление непосредственной деятельности, в последнее время отмечается возросшая нагрузка на следователей и дознавателей. Безусловно большинство положительных ответов свидетельствуют о том, что несмотря на возложенную нагрузку прослеживается стремление усовершенствовать процесс собственной деятельности и следовать новым тенденциям, получать новые знания и навыки для эффективного производства.

Результаты, полученные посредством технико-криминалистических средств, в малом соотношении становятся предметом доказательственной базы по уголовным делам. Поскольку обуславливаются несовершенством организации и правового регулирования применения данных средств в раскрытии и расследовании преступной деятельности [9; 5 стр.].

Мы решили установить правильность данного суждения, отразив данный вопрос в анкетировании для установления насколько результаты, полученные посредством НТС, способствуют расследованию, результаты приведены на рисунке 3.

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, РЕЗУЛЬТАТЫ, ПОЛУЧЕННЫЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ НТС, СПОСОБСТВУЮТ РАСКРЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ?

Большинство респондентов, проведённого анкетирования, а именно 43% отметили, что зачастую результаты, полученные посредством НТС, способствуют расследованию, 40% респондентов отметили, что способствуют лишь при правильном применении НТС, 6% респондентов ответили, что результаты НТС не способствуют раскрытию преступной деятельности.

Аудио и видеозаписи представляют собой специфические средства доказывания, поскольку обладают определёнными достоинствами и недостатками. К преимуществам относятся следующие:

- объективность, поскольку отображают события в реальном времени и условиях, также при многократном использовании позволяют воспроизводить запись в её первоначальном виде;
- полнота, так как обладают свойством передать образы, движения, звуки, мимику и иные аспекты произошедшего события;
- актуальность, поскольку позволяют отразить и передать полную информацию на месте и во время определённого действия.

Таким образом, доказательствами по делу могут выступать сведения о фактах показаний участников процесса, заключений эксперта, заключений специалиста, вещественных доказательств, протоколов, аудио и видеозаписей, которые были получены посредством применения видеоконференцсвязи, отражающей ход и результаты процессуальных действий и иные источники, полученные законным способом.

Результаты, полученные посредством применения технико-криминалистических средств с помощью квалифицированных специалистов на основе соблюдения процессуального законодательства создают прочный фундамент для раскрытия преступной деятельности.

Развитие информационно-цифровых технологий, постепенный переход государства в электронную сферу, внедрение и функционирование электронного правительства настоятельно требует деформализации постепенно всего процесса доказывания. На данном основании необходимо осуществить переход в цифровую сферу с постепенной заменой традиционных источников доказывания на совершенно новые источники доказывания, навеянные достижениями научно-технического прогресса во всём мировом сообществе.

Список использованных источников:

1. Сборник трудов молодых учёных, докторантов, магистрантов и студентов / Ш. А. Курманбаева. - Семей: КазГЮИУ, 2018. – 194 с.
2. Карякин Е. А. К вопросу об информационном подходе к объективизации доказывания в современном уголовном процессе // Вестник университета им. О. Е. Кутафина. – 2018. - № 2. – С. 188-193.
3. Зайцев О. А. Особенности использования электронной информации в качестве доказательств по уголовному делу: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. - № 4. – С. 42-57.
4. Доказательства и их допустимость в уголовном процессе [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://alga.kz>
5. Исенов Э. Е. К вопросу о недопустимости в качестве доказательств фактических данных, полученных с применением в ходе доказывания методов, противоречащих современным научным знаниям // Вестник КазНУ. – 2010. - № 2 (54). – С. 79-82.
6. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Казахстан.–Астана: Библиотека Верховного Суда Республики Казахстан, 2016. –808 с.
7. Хромых Д. Н. Методика расследования актов терроризма с использованием взрывных устройств: автореф. дис. Канд. Юр. Наук. – СПб, 2002. – 18 с.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изм. и доп. по сост. на 12.01.2023 г.) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://online.zakon.kz/m/amp/document/31575852>
9. Карлов В. Я. Современное состояние и перспективы совершенствования организации и правового регулирования криминалистической техники в расследовании преступлений – Москва, 2004. – 24 с.

Досмогомбетова Вера Олеговна

докторант 3 курса Костанайской академии МВД РК им. Ш. Кабылбаева, майор полиции

Брылевский Андрей Владимирович

к.ю.н., профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Костанайской академии МВД РК им. Ш. Кабылбаева

ЗАЩИТА ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ПОТЕРПЕВШИХ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В настоящее время в стране выстраивается тенденция приведения республиканского процессуального законодательства в соответствие с международными требованиями относительно прав и свобод человека. Рассматривая аспект доступа потерпевшего к правосудию, в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью прописывается, что к ним следует относиться с состраданием, проявляя

уважение к их достоинству, учитывая, что они обладают доступом к механизму правосудия и получению скорейшей компенсации за ущерб, который им был причинён, основываясь на национальном законодательстве [1].

Защищать собственные права потерпевший может лично, посредством представителя, который допущен к участию в уголовном процессе. Представителем может быть адвокат, основываясь на письменном уведомлении о защите (представительстве), иное лицо или близкий родственник, который является правомочным в силу закона представлять интересы потерпевшего лица на основании его доверенности.

Термин «защита» в нормативно-правовых актах страны подразумевает деятельность, состоящая из оберегания прав и свобод человека и гражданина, не относя его роль в уголовном процессе. Рассматривая данный смысл, субъектом права на защиту является и потерпевший, который обладает правом добиваться возмещения, причинённого ему вреда от преступления [2].

Анализ уголовно-процессуального законодательства в практической деятельности демонстрирует то, что потерпевший при производстве уголовных дел подвергается трудностям в защите собственных прав и интересов, что подтверждается сокрытием преступлений от учёта, оказания давления на людей, подающих заявления. Имеются случаи и того, что правоохранительные органы применяют различные убеждения и беседы с целью незаконного отказа гражданам от подачи заявления о совершенном в адрес них преступлении. К тому же стоит учитывать, что обстановка в дежурной части не является комфортной для человека, пострадавшего от преступления, необходимость долгого ожидания, отсутствие должного уважения к заявителю, это всё с чем приходится сталкиваться потерпевшему [3; 53 стр.].

В том случае, когда потерпевший считает, что ему необоснованно отказали во внесении заявления в Единый реестр досудебных расследований, то на основании части 1 статьи 106 Уголовно-процессуального кодекса, он может обжаловать данное бездействие через суд.

На основании того, что потерпевший обладает большим объёмом информации, которая необходима для осуществления расследования по уголовному делу. Органу, проводящему расследование, необходимо в криминалистической характеристике изложить полное представление о потерпевшем, чтобы исключить возможный оговор и скрывание важных для дела обстоятельств. Под полным представлением потерпевшего лица следует понимать информацию о его личности, личностных особенностях, показаниях, объёме информации, которая имеет место быть на его теле.

Т.Е. Сарсенбаев предложил перечень обстоятельств, которые обуславливают беспомощное состояние потерпевшего: возраст потерпевшего (малолетний либо престарелый), физические недостатки, наличие психических отклонений, соматическая болезнь, состояние сна, состояние сильного наркотического либо алкогольного опьянения [4; 19 стр.].

У потерпевших лиц возникает проблематичность при осуществлении гарантийных прав, что обуславливается следующими аргументами:

1 Если же обвиняемое лицо является малоимущим, то он наделяется правом пользоваться услугами бесплатной юридической помощи. Между тем, если же

потерпевший является малоимущим, то он вынужден обращаться за юридической помощью и оплачивать данную услугу из собственных средств.

2 Обвиняемому в ходе судопроизводства предусматривается обязательное наличие защитника, но для потерпевшего это не устанавливается [5].

Учитывая вышеизложенные аспекты, можно сказать, что если потерпевший является малоимущим, то ему будет довольно затруднительно и проблематично реализовывать гарантийные права, а отсутствие защитника осложняет потерпевшему надлежащим образом отстаивать собственные права. Особенно же данные аргументы прослеживаются, когда потерпевшим выступает несовершеннолетний, либо лицо, не владеющее языком судопроизводства, либо если лицо имеет физические, либо психические ограничения [6; 118 стр.].

3 Многочисленные вызовы, долгое ожидание следственных действий, нежелание потерпевшего быть втянутым в длительный уголовный процесс, расходы и процессуальные издержки, обобщая всё это также вызывает у потерпевшего негативное отношение.

4 При оправлении правосудия не предусматривается потерпевшему обеспечение надлежащей социальной, медицинской и правовой помощи, игнорируется его травмированное состояние от совершенного в отношении него преступления.

5 Проблемы потерпевшего обостряются организованной преступностью, расслоением общества по имущественным либо социальным признакам, большим количеством в настоящее время миграционных потоков из стран зарубежья, увеличением роста безработного населения и т.п. [7].

Увеличивающийся в последнее время миграционный поток обуславливает рост криминологической ситуации. При этом мигранты могут быть как официально зарегистрированными, так и нелегалами, которых разыскать на территории страны является затруднительным, прослеживается ситуация, когда какую-либо информацию о виновном лице, которое совершило преступление установить практически невозможно, в возможность появляется лишь при его задержании [8; 142 стр.].

Незаконная миграция выступает сложным социально-экономическим процессом, который оказывает непосредственное влияние на все стороны жизни в стране, а непосредственно на безопасность и социально-экономическое развитие. Так, например в социальной сфере она обуславливает усиление социальной напряженности, обострению межнациональных взаимоотношений, ухудшению криминальной обстановки во всём государстве. Незаконные мигранты организуют и занимаются противоправной деятельностью в составе организованных групп, которые формируются по этническим признакам. Зачастую данные лица находят общие интересы с организованными преступными группами и коррумпированными чиновниками, что влечёт обострение в обществе конфликтных ситуаций на этнической почве, подрывает общественный порядок и безопасность. Незаконные мигранты не обладают правовым статусом, избегают контактов с правоохранительными органами, что побуждает их к становлению на путь совершения преступной деятельности [8;139 стр.].

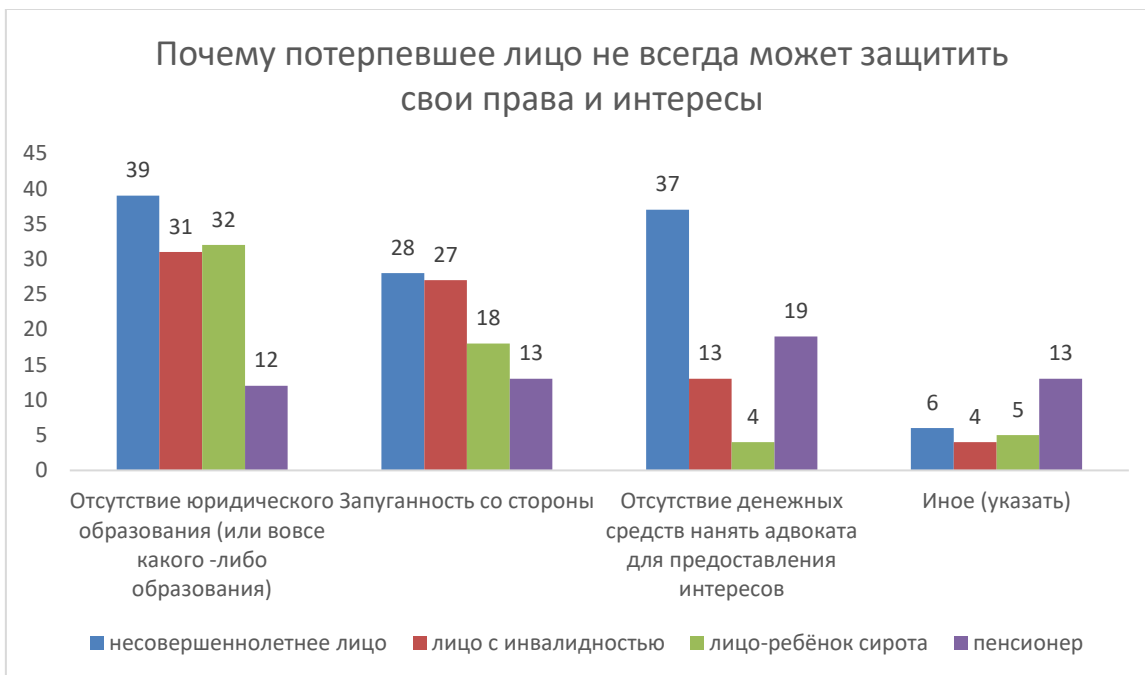
6 В ходе расследования уголовных дел в отношении уязвимых категорий потерпевших назначается судебно-психиатрическая экспертиза, так, например в отношении несовершеннолетних с целью установления правдивости их показаний. Однако данный вид экспертизы на практике не производится поскольку отсутствует методика её осуществления. Наблюдается также ситуация, выражающаяся в недостаточной квалификации экспертов при проведении сексолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних потерпевших. Проведение судебных экспертиз в стране имеет слабую тенденцию, что обуславливается недостаточным материально-техническим обеспечением и дефицитом квалифицированных кадров. В целом экспертными учреждениями не обеспечиваются условия, необходимые для проведения экспертиз, а происходит практическое перекалывание имеющихся проблем на сотрудников органов внутренних дел [9].

Также в установленных законом случаях органом, который ведёт уголовный процесс, не предусматривается принятие решения о проведении экспертизы, её проведение является обязательным. Поскольку производство экспертизы позволяет установить следующие факты: характер и степень тяжести причинённого вреда здоровью, психическое или физическое состояние участников уголовного процесса, в том числе и потерпевшего, возраст участников процесса, когда это имеет значение для дела, а также в случаях когда отсутствуют документы либо информация о возрасте вызывает сомнение [10; 175 стр.].

При этом если же эксперт заявит об основаниях, указанных в статье 279 УПК РК, в отношении потерпевшего, то назначается и проводится амбулаторная судебно-психиатрическая экспертиза. В случае если экспертом принимается решение о невозможности дачи заключения без проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы, соответственно назначается стационарная судебно-психиатрическая экспертиза [10; 176 стр.].

7 Имеет место быть непрофессионализм сотрудников правоохранительных органов, которые могут обнародовать позицию потерпевшего в уголовном деле и придать её огласке из-за чего потом пострадавшие беспокоятся о своей безопасности [5].

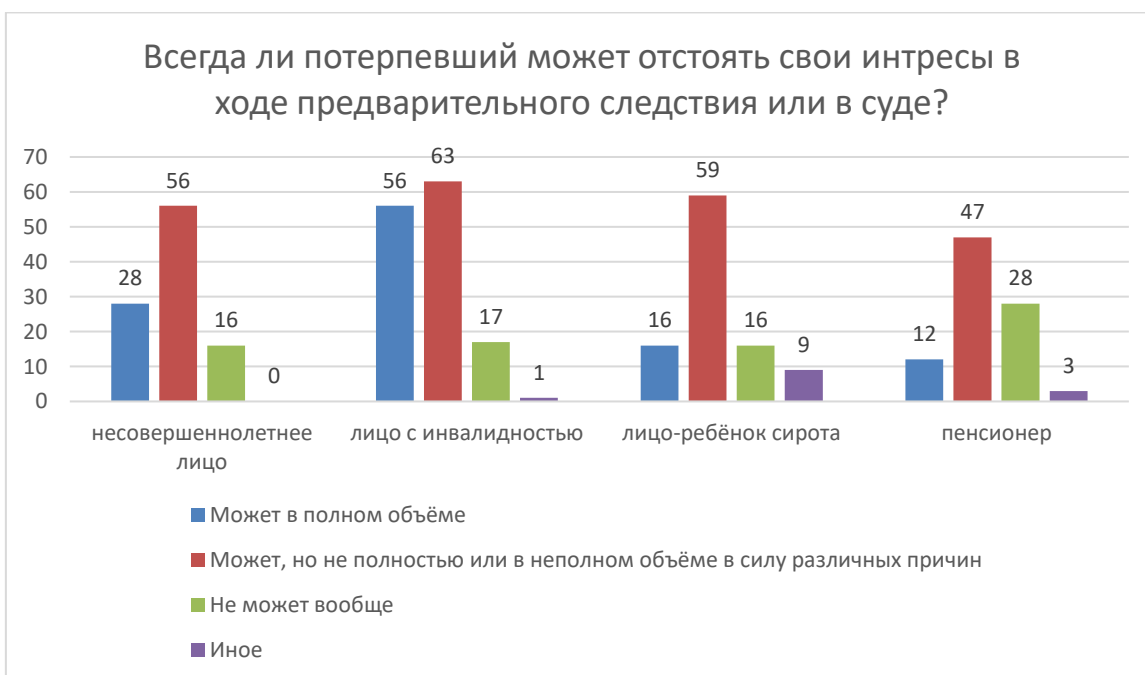
Для изучения выявленных проблем нами было проведено анкетирование сотрудников правоохранительных органов. Результаты мы можем с Вами посмотреть в представленной диаграмме ниже.

Основными же причинами почему потерпевшее лицо не всегда может представлять свои законные интересы в ходе предварительного следствия являются следующие: отсутствия образования, запуганности со стороны, отсутствия средств на адвоката.

Большее количество респондентов отметили необходимость классифицировать потерпевших лиц по определённым признакам (например, как социально уязвимые лица), что составило 44% от всех респондентов.

Большинство респондентов указали, что лица, относящиеся к уязвимым категориям, могут отстаивать свои интересы в ходе предварительного следствия и в суде, но не в полном объёме, что обуславливается различными причинами. Респонденты указали на то, что несовершеннолетнее лицо-сирота в отличие от несовершеннолетнего лица обладает наименьшими возможностями в обеспечении его прав. Лица с инвалидностью и престарелые лица также имеют определённые трудности в реализации полного отстаивания собственных прав.

На основании полученных выводов выявлены проблемы, и мы предлагаем пути их решения:

- ввести в УПК РК специальную норму, предусматривающую обязательное наличие защитника потерпевшем в тех случаях, когда он не может самостоятельно осуществить защиту прав;

- сформировать реально-доступный механизм доступа потерпевших к правосудию;

- рассмотреть возможность оказания надлежащей социальной, медицинской и правовой помощи для потерпевших;

- сделать акцент на квалифицированном подборе кадрового обеспечения правоохранительных органов.

Таким образом, преступления в отношении лиц, находящихся в беспомощном состоянии в силу возраста, беременности, наличия инвалидности характеризуются отсутствием у преступного лица общепризнанных человеческих ценностей, моральных установок, преобладанием психологии потребления, лежащей в основе мотивации к антиобщественному поведению.

Прослеживается целесообразность в распространении моральных ценностей посредством СМИ, создании организаций, занимающихся профилактикой жёсткого обращения (консультационные пункты, кризисные кабинеты). Необходимо формировать правосознание граждан, формируя неотвратимость уголовного наказания за совершение преступления в отношении отдельных категорий потерпевших. Следует привлекать внимание широкой общественности, усилить социальный контроль в детских домах (домах малютки), в домах престарелых, руководствуясь тем, что лица, находящиеся в замкнутых учреждениях, не могут самостоятельно защищать собственные права, а также не могут самостоятельно защититься от плохого обращения.

Для предупреждения внутрисемейных насильственных действий в отношении отдельных уязвимых категорий потерпевших стоит пропагандировать борьбу с алкоголизмом, обосновывается тем, что большинство преступных действий совершается в состоянии алкогольного опьянения.

Тем самым, выявив имеющиеся проблемы, мы предложили ряд решений, способствующих разработке комплексного подхода в отношении прав потерпевшего.

Список использованных источников:

1. Обобщение по вопросам обеспечения в судебном разбирательстве прав потерпевших по делам о торговле людьми (на основе рассмотренных в 2014-2015 г.г. уголовных дел) // Бюллетень Верховного Суда РК. – 2016. - № 12. – С. 88.

2. Приговор № 5211-22-00-1/695 от 6 января 2023 года по уголовному делу в отношении Галузинского В. А.

3. Кочетова А. В., Кочетов А. В. Реализация конституционных положений о праве граждан на доступ к правосудию в уголовном процессе // Вестник ЮУрГУ. – 2014. - № 14 (4). – С. 52-56.

4. Сарсенбаев Т. Е. Обстоятельства, обуславливающие беспомощное состояние потерпевшего по уголовному делу // Проблемы в российском законодательстве. – 2017. - № 1. – С. 19-23.

5. Сулейменова Г. Ж. Обеспечение доступа к правосудию потерпевшим ль преступления // Проблемы борьбы с преступностью в контексте национальной концепции – 2002. – С. 241-244.

6. Досмогомбетова В. О. Проблемы гарантии прав потерпевшего на стадии начала досудебного расследования // Кабылбаевские чтения: материалы Междунар. науч. конф. молодых учёных, магистрантов и докторантов. – 2022. – УДК 351.74 (574). – ISBN 978-601-7931-40-7. – С. 176-180.

7. Жаманбаев Б. М. Гарантии прав потерпевшего в уголовном процессе: дис. канд. юр.наук – Караганда, 2007. – 170 с.

8. Джансараева Р. Е. Взаимосвязь миграции и преступности // Вестник КазНУ. – 2016. - № 3 (79). – С.136-142.

9. Колода Д.В. Справка Министерства Юстиции по вопросам судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.google.com/amp/s/online.zakon.kz/Document/> (дата обращения: 29.10.2023).

10. Шакиров К. Судебная экспертология: проблемы и решения (от теории – к практике) – Алматы: Қазақ университетті, 2016. – 218 с.

Зиновьев Арсений Васильевич

аспирант, кафедра судебной деятельности и уголовного процесса ФГБОУВО «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева», город Екатеринбург, Российская Федерация

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИНЦИПА НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

В реалиях современного уголовного судопроизводства принцип независимости судей выступает в качестве одного из гарантов обеспечения правосудия. Обеспечение надлежащей судебной защиты прав и свобод граждан является базовым назначением компетентной судебной системы. Р.Б. Ботагарин указывает: «Независимое правосудие тесно взаимосвязано с верховенством закона, что, в свою очередь, является гарантией того, что граждане чувствуют себя уверенно в защите своих прав и свобод в судах» [8; 112 стр.]. В связи с этим деятельность судей должна осуществляться в первую очередь на основе их собственного внутреннего профессионализма и способности принять верное решение не взирая на какие-либо внешние или внутренние факторы. Для полноценной реализации принципа независимости судей требуется его развитие не только внутригосударственными реформациями и осмыслением, но, в том числе и заимствованием положительного опыта других государств.

Принципу независимости судей посвящены статья 120 Конституции Российской Федерации [2], а также статья 77 Конституции Республики Казахстан [1]. Тогда как первое положение о независимости судей и подчинении их только Конституции и закону в обеих статьях практически идентичное, часть

2 статьи 77 Конституции Республики Казахстан [1] является новой по отношению к Основному закону Российской Федерации. Конституция Республики Казахстан прямо указывает на возможность применения соответствующих санкций к лицам, каким-либо образом пытающимся вмешаться в деятельность судьи. Несмотря на то, что данное требование находит отражение в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (часть 2 статьи 8.1 УПК РФ), отсутствие его в Конституции можно рассматривать в качестве хоть и незначительного, но всё же упущения, поскольку придание наказанию за воспрепятствование осуществлению правосудия конституционного статуса должно повысить значимость недопустимости нарушения принципа независимости судей в глазах как обычных граждан, так и профессиональных юристов.

Помимо этого, часть 1 статьи 79 Конституции Республики Казахстан [1] прямо подчеркивает обеспечение независимости судей Конституцией и законом. Указанное положение дополнительно закрепляет значимость принципа независимости судей для системы правосудия и требует включения в Конституцию Российской Федерации, которая акцентирует внимание именно на подчинении судей Конституции и закону, однако не содержит нормы об охране независимости судей.

Исходя из приведенного анализа Конституций Российской Федерации и Республики Казахстан можно прийти к выводу о том, что на текущий момент регламентация принципа независимости судей более детально раскрыта именно в последней, в связи с чем видится правильным обратить на нее внимание и внести соответствующие корректировки в действующий Основной закон Российской Федерации в части закрепления положений, касающихся именно обеспечения принципа независимости путем указания на определенные санкции, а также конституционного статуса защиты принципа независимости. При том следует также отметить, что базис принципа независимости судей - их подчинение исключительно нормам Конституции и закона является идентичным для обоих законодательств, в связи с чем можно утверждать, что фундаментальное направление его развития может быть схожим для обеих стран.

Следующим законодательным актом, раскрывающим сущность принципа независимости судей в уголовном судопроизводстве является Уголовно-процессуальный кодекс. В данном случае можно уже отметить преимущество детализации данного принципа Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, разъясняющим порядок действий в случае внепроцессуального воздействия на судью при осуществлении им правосудия. Данная норма является крайне важной для уголовно-процессуального законодательства, поскольку помимо введения запрета на такое воздействие необходимым, безусловно, является и введение определенной инструкции для действий в случае нарушения принципа независимости судей. Безусловно, сам установленный частью 3 статьи 8.1 Уголовно-процессуального кодекса [4] порядок раскрыт не в полной мере, однако даже так он дает судьям отправную точку для противодействию субъектам, посягающим на беспристрастность и независимость принимаемого ими решениями, поскольку на практике недостаточно только запретить совершение определенных действий, дополнив их рядом санкций. Помимо

прочего, требуется также помочь судье решить проблему в момент её возникновения, тем самым избавив судебное разбирательство от лишней суматохи и затягивания. В связи с чем предлагается дополнить Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан аналогичной нормой.

Существенным достижением уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан следует назвать положение, содержащееся в части 2 статьи 22 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан [3], указывающее, что судьи не подотчетны по конкретным делам. Данная норма устанавливает пределы влияния судов вышестоящих инстанций на рассматриваемые дела, оставляя в компетенции воздействия между звеньями судебной системы исключительно процессуальные вопросы и тем самым обеспечивая действительную независимость судей при принятии ими решений. Вопрос разграничения свободы судей при принятии решений и их ответственности перед вышестоящими инстанциями является одним из базовых для реализации принципа независимости судей и потому указание на исключительно процессуальный характер подчинения нижестоящей инстанции вышестоящей является необходимым для действующего законодательства.

Помимо прочего, отдельно хочется отметить статью 9 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан [3], раскрывающую само понятие принципов уголовного процесса и их назначение. Выделение указанных положений в отдельную норму закона является крайне полезным для отраслевого законодательства в целом, поскольку дополнительно подчеркивает их значимость и необходимость соблюдения, а потому позитивно отражается и на развитии независимости судей.

Наиболее детальное раскрытие принципа независимости судей в российском уголовном процессе можно найти в Кодексе судейской этики, который предлагает судьям в случае внешнего воздействия на принимаемые ими решения ставить в известность соответственно председателя суда, судейское сообщество, а также правоохранительные органы. Помимо этого судьям также рекомендуется сообщать участникам уголовного процесса об этих внепроцессуальных обращениях. В такой формулировке указанное положение выглядит немного странно, поскольку устанавливает диспозитивность для судей в условиях нарушения принципа независимости судей. В связи с чем видится правильным заменить слово “следует” в пунктах 3 и 4 статьи 8 Кодекса судейской этики [6] на “необходимо”, либо повторить содержащуюся в части 3 статьи 8.1 Уголовно-процессуального кодекса [4] формулировку “подлежит преданию гласности”, которая содержит императивный характер. Можно предположить, что первая формулировка была принята по причине возможных ситуаций, когда судьи неспособны принять меры против внепроцессуального воздействия, однако в таких случаях вопрос уведомления судьей ранее названных субъектов должен решаться через исследование непреодолимых обстоятельств, не позволивших судье поступить в соответствии с требованием закона, а не быть предусмотрен в качестве изначального. Указанный опыт следует перенять и Кодексу судейской этики Республики Казахстан [5], в которой данные положения на текущий момент отсутствуют.

В целом, правовые системы Российской Федерации и Республики Казахстан стремятся к одной и той же цели - полноценной реализации принципа независимости судей. В связи с этим, помимо приведенных рекомендаций по взаимному обмену преимуществами законодательства можно предложить еще несколько преобразований законодательства, направленных на обеспечение независимости, а именно:

1. Внесение в качестве дополнения к действующему законодательству понятия «независимость», раскрывающее суть и границы данного принципа, в том числе и внутри самой судебной системы. Данная реформация должна способствовать улучшению понимания самой сути осуществления правосудия как независимого от каких-либо внешних факторов, благодаря чему давление на судей будет снижено.

2. Конкретизация формы и способов вмешательства в деятельность судей в целях определения недопустимых форм взаимодействия между судьей и иными участниками уголовного судопроизводства. Так, например С.А. Акимбекова и В.И. Капацина предлагают следующее определение вмешательства в деятельность судебных органов: «Вмешательство в деятельность судебных органов — это влияние на судью в любой форме: просьба, требование, указание, угроза, подкуп, насилие, критика судьи в СМИ до разрешения дела в связи с его рассмотрением и рассмотрением дела как и со стороны любого лица с целью воспрепятствовать выполнению ими своих служебных обязанностей или принять несправедливое решение» [7; 27 стр.]. Именно с помощью детализации форм вмешательства в деятельность судей можно определить возможные пути воздействия на них и затем разработать концепцию противодействия оказанию влияния на принимаемое судьей решение.

3. Ну и не менее важной остается необходимость формирования общественного правосознания и в том числе поддержания у судей понимания значимости их деятельности, поскольку нельзя отрицать психологический аспект в деятельности судей. Лишь в условиях, когда судья осознает всю серьезность принимаемых им решений и чувствует общественную поддержку, он может спокойно принять верное решение, не опасаясь за свою репутацию и публичное осуждение.

В заключении хотелось бы еще раз подчеркнуть важность международного взаимодействия в сфере реформирования судебной системы. На текущий момент нельзя смело утверждать о существовании идеальной правовой системы, поэтому работа по её улучшению должна продолжаться. Заимствование опыта других государств, использование позитивных наработок должно способствовать повышению качества юридической отрасли в целом. В связи с этим активное сотрудничество между Российской Федерацией и Республикой Казахстан, в том числе и в сфере реформирования судебной системы и совершенствования принципа независимости судей, должно продолжаться и развиваться.

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года. https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1005029.

2. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года No 231-V [Электронный ресурс] — Режим доступа: // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231>
4. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ // СПС КонсультантПлюс
5. Кодекс судейской этики (принят VII съездом судей Республики Казахстан 21 ноября 2016 года) [Электронный ресурс] - Режим доступа: // <https://krso.kz/ru/akt/kodeks-sudejskoj-etiki>
6. «Кодекс судейской этики» (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) // СПС КонсультантПлюс
7. Акимбекова С.А. Независимость судьи в Республике Казахстан/С.А. Акимбекова, В.И. Капацина// Вестник Карагандинского университета. Серия Право. -2021. №1. С.26-31
8. Ботагарин Р.Б. Некоторые вопросы совершенствования судебной системы Республики Казахстан на современном этапе. Вестник Атырауского университета имени Халела Досмухамедова. 2022; 64(1):102-115. <https://doi.org/10.47649/vau.2022.v64.i1.11>

**«Адам құқықтары және оларды қорғау:
теориясы, болмысы және даму тенденциялары»
адам құқықтары жөніндегі V Еуразиялық форумның
РЕЗОЛЮЦИЯСЫ**

2023 жылғы 01 желтоқсан

Астана қ.

Әзірбайжан, Германия, Қырғызстан, Ресей, Өзбекстан, сондай-ақ Қазақстанның мемлекетаралық ұйымдарын, мемлекеттік органдарын, сот органдарын, білім беру және ғылыми мекемелерінен адам құқықтары жөніндегі V Еуразиялық форумға қатысушылар,

адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясында жазылған адам құқықтарының негізгі қағидаттарын ұстана отырып,

бүкіл әлемде адам құқықтарын сақтау саласындағы жағдайды жақсарту қажеттігіне тағы да назар аудары отырып,

адам құқықтары, демократия және құқық үстемдігі елдердің дамуы көтермелеуге, адамдарды кемсітушіліктен қорғауға және барлығы үшін сот төрелігіне тең қол жеткізуді қамтамасыз етуге жағдай жасайтынын мойындай отырып,

ұлттық құқықтық жүйелерді дамытудың және азаматтық қоғам институттары мен билік құрылымдары арасында сындарлы диалог құрудың маңыздылығын назарға ала отырып,

ел ішінде де, одан тысқары жерлерде де тәуелсіз сараптамалық қоғамдастықпен және қоғамдық ұйымдардың кең тобымен адам құқықтары саласындағы өзара іс-қимылды дамыту және нығайту жөніндегі жұмысты жалғастыра отырып,

мынадай ұсынымдар қабылдады:

1. Әділдіктің, адалдықтың, парасаттылықтың процестік және адамгершілік санаттарын дамыту арқылы құқық үстемдігі мен адам құқықтарын қорғауды іске асыруды жалғастыру.

2. Азаматтардың конституциялық құқықтарын қорғаудың сапасы мен тиімділігін қамтамасыз ету мақсатында олардың конституциялық бақылау органдарына өтініш жасауына жол берудің барлық өлшемдерін сақтау, өйткені уәкілетті органның бір адамның өтініші бойынша қорытынды шешімі басқа азаматтардың құқықтары мен бостандықтарын қозғайды.

3. Мемлекеттік отбасылық саясатты дамытудың негізгі бастаулары ретінде ұрпақтардың әлеуметтік сабақтастығы қағидатын заңнамалық деңгейде бекіту, бұл мемлекет пен қоғамның ұрпақтардың өзара байланысын сақтауға және қолдауға бағытталуын қамтамасыз етеді.

4. Сот ісін жүргізудің жекелеген нысандарын жетілдірудің мынадай бағыттарын қарастыру:

4.1) әкімшілік істер бойынша сот ісін жүргізу саласында:

- әкімшілік құқық субъектілерінің заңды мүдделерінің теңгерімін ескере отырып, шет елдердің ғылыми негізделген ұсынымдары мен практикалық тәжірибесі негізінде цифрлық саладағы жария қатынастарды заңнамалық реттеу мәселелерін пысықтауға;

- келіп түскен іс бойынша соттың (судьяның) іс-әрекеттерін айқындайтын Қазақстан Республикасы Әкімшілік рәсімдік-процестік кодексінің нормаларын жетілдіру мақсатында әкімшілік талап қоюды қайтару негіздерін нақтылау тұрғысынан жол беру мәселелерін зерделеуге;

4.2) азаматтық істер бойынша сот ісін жүргізу саласында:

- сот төрелігіне қолжетімділікті кеңейту мақсатында азаматтық істер бойынша талап қоюдың бәсекелестігіне байланысты мәселелерді шешуде цифрлық технологияларды енгізу, өйткені бәсекелестіктің өзі сот қорғауының қандай да бір гипотетикалық тәсілін салыстыру тұрғысынан алғанда өте алгоритмді болып табылады;

- электрондық сот төрелігін дамыту және жеке тұлғалардың істі қараудан оңайлатылған тәртіппен бас тарту құқығын сақтай отырып, сот төрелігіне жіберу үшін әлеуметтік, білім беру және өзге де кедергілерді азайту жолымен азаматтық істердің жекелеген санаттарын оңайлатылған тәртіппен қарауды кеңейтуді көздеу;

- сот актілерінің дәлелдеу бөлігін баяндауға қойылатын талаптарды төмендетуге мүмкіндік беретін азаматтық процестік нормаларын алып тастай отырып, әділ сот төрелігіне қол жеткізу үшін құндылық ретінде сот шешімдерінің уәжділігі туралы мәселелерді заңнамалық реттеуді күшейту;

4.3) қылмыстық істер бойынша сот ісін жүргізу саласында:

- Қазақстан мен Ресейдің қылмыстық процестік заңнамаларында көзделген ақталған адамның барлық құқықтарын қалпына келтіру мүмкіндігін қарастыру;

- қылмыстық процестің сатыларына әртүрлі көзқарастардың болуын назарға ала отырып, Қазақстан мен Ресейдің ҚПК-не «қылмыстық процестің сатысы» ұғымын енгізу;

- Қазақстан ҚПК-нің балаларға қарсы зорлық-зомбылық қылмыстар жасаған кездегі куәгерлік иммунитетке қатысты ережелерін өзгерту;

- қылмыстық сот ісін жүргізуде адамдардың осал санаттарын қорғау үшін кепілдіктер әзірлеу;

- отбасылық құндылықтарды сіңіру және балаларды ұлттық құндылықтар рухында тәрбиелеу арқылы қылмыстардың алдын алуды күшейту;

- жеке адамның конституциялық құқықтары мен бостандықтарын сотқа дейінгі тергеу сатысы шеңберінде ғана шектеуге жол берілетіндігін қарастыру;

- мемлекет қаражаты есебінен қылмыстық процесті жүргізетін орган тағайындайтын адвокаттардың білікті заң көмегін көрсетуінің тиімділігін қамтамасыз ету;

- қылмыстық сот ісін жүргізуде қорғалуға құқығы бар куәнің барлық құқықтарын процестік қорғаумен заң жүзінде қамтамасыз ету;

- мүдделі тұлғалардың мүлікті тәркілеу туралы сот қаулысына шағымдану жөніндегі құқықтарын қорғауды үкім шығарылғанға дейін заңнамалық реттеуді қамтамасыз ету;

4.4) әкімшілік құқық бұзушылық туралы істер бойынша сот ісін жүргізу саласында:

- Қазақстанның қолданыстағы заңнамасына әкімшілік құқық бұзушылық туралы істер бойынша сот шығындарын өтеу мәселелері бойынша өзгерістер енгізуге бастамашылық жасау, өйткені қазіргі уақытта қорғаушының көмегіне

ақы төлеу үшін адамдардың азаматтық сот ісін жүргізу тәртібімен негізсіз жүгінуі талап етіледі. Бұл өз бетінше дербес талап қоюды және жаңа сот шығыстарын, өтеудің ұзақ кезеңін туындатады;

- балалар мен жастар арасында ақпараттық-түсіндіру іс-шараларын жүргізуден көрінетін заңнамалық та, профилактикалық да сипаттағы кешенді шаралар қабылдау арқылы азаматтарды құмар ойындарға тәуелділіктен қорғау бойынша мемлекет пен қоғамның бірлескен күш-жігерін жандандыру;

- құмар ойындар мен букмекерлік кеңселерді агрессивті насихаттау үшін заңдық жауапкершілікті енгізудің орындылығы туралы мәселені заңнамалық деңгейде қарау;

4.5) дауларды шешудің баламалы тәсілі ретінде медиацияны қолдана отырып сот ісін жүргізу саласында:

- халық арасында медиация институтын танымал етуді жалғастыру, дауларды шешудің баламалы тәсілдері туралы азаматтардың хабардар болуын арттыру. Бұл мәселеде медиация саласындағы уәкілетті органның, сот және өзге де органдардың жәрдемдесу қажеттілігі бар;

- медиация саласындағы халықаралық тәжірибені зерделеуді тереңдету, қазіргі заманғы әдістемелер мен технологияларды іс жүзінде қолдану, қолда бар негізде өз инновацияларын әзірлеу үшін медиаторлардың біліктілігін арттыру жөнінде одан әрі шаралар қабылдау. Халықаралық байланыстарды кеңейту және нығайту, бірінші кезекте Орталық Азия кеңістігінде, медиация институтын дамыту үшін бірігу және тәжірибе алмасу.

Форумға қатысушылар келесі ұсыныстарды жасады:

– адам құқықтары жөніндегі V Еуразиялық форум материалдарының жинағын жариялау;

– адам құқықтары жөніндегі V Еуразиялық форумның материалдарын оқырмандарға PDF форматында онлайн тарату;

– Еуразиялық форумға қатысушылар арасындағы адам құқықтары саласындағы ғылыми зерттеулер саласындағы өзара іс-қимыл мен халықаралық ынтымақтастықты кеңейту.

«Адам құқықтары және оларды қорғау: теориясы, болмысы және даму тенденциялары» адам құқықтары жөніндегі V Еуразиялық форумның қатысушылары 2023 жылғы 1 желтоқсанда Астана қаласында қабылдады.

РЕЗОЛЮЦИЯ

по итогам V Евразийского форума по правам человека «Права человека и их защита: теория, реальность и тенденции развития»

01 декабря 2023 года

г. Астана

Участники V Евразийского форума по правам человека, представляющие межгосударственные организации, государственные органы, судебные органы, образовательные и научные учреждения Азербайджана, Германии, Кыргызстана, России, Узбекистана, а также Казахстана,

придерживаясь основных принципов прав человека, изложенных во Всеобщей декларации прав человека,

обращая очередной раз внимание на необходимость улучшения ситуации в области соблюдения прав человека во всем мире,

признавая, что права человека, демократия и верховенство права создают условия, при которых страны могут поощрять развитие, защищать лиц от дискриминации и обеспечивать равный доступ к правосудию для всех,

принимая во внимание важность развития национальных правовых систем и выстраивания конструктивного диалога между институтами гражданского общества и структурами власти,

продолжая работу по развитию и укреплению взаимодействия с независимым экспертным сообществом и широким кругом общественных организаций как внутри страны, так и за ее пределами в области прав человека,

приняли следующие рекомендации:

1. Продолжить реализацию верховенства права и защиты прав человека путем развития процессуальных и нравственных категорий справедливости, добросовестности, разумности.

2. Соблюдать все критерии допустимости обращения граждан в органы конституционного контроля в целях обеспечения качества и эффективности защиты их конституционных прав, так как итоговое решение уполномоченного органа по обращению одного человека затронет права и свободы других граждан.

3. Закрепить на законодательном уровне принцип социальной преемственности поколений в качестве основных начал развития государственной семейной политики, что обеспечит нацеленность государства и общества на сохранение и поддержание взаимосвязи поколений.

4. Рассмотреть следующие направления совершенствования отдельных форм судопроизводства:

4.1) в сфере судопроизводства по административным делам:

- проработать вопросы законодательного регулирования публичных отношений в цифровой сфере на основе научно обоснованных рекомендаций и практического опыта зарубежных стран, учитывая баланс законных интересов субъектов административного права;

- изучить вопросы допустимости административного иска с точки зрения уточнения оснований его возвращения в целях совершенствования норм

Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан, определяющих действия суда (судьи) по поступившему делу;

4.2) в сфере судопроизводства по гражданским делам:

- внедрить с целью расширения доступа к правосудию цифровые технологии в решении вопросов, связанных с конкуренцией исков по гражданским делам, поскольку сама по себе конкуренция является весьма алгоритмичной с точки зрения сопоставления того или иного гипотетического способа судебной защиты;

- предусмотреть расширение рассмотрения отдельных категорий гражданских дел в упрощенном порядке путем развития электронного правосудия и снижения социальных, образовательных и иных барьеров для допуска к правосудию с сохранением права частных лиц отказаться от рассмотрения дела в упрощенном порядке;

- усилить законодательное регулирование вопросов о мотивированности судебных решений как инструментальной ценности для достижения справедливого правосудия, исключив гражданско-процессуальные нормы, допускающие снижение требований к изложению мотивировочной части судебных актов;

4.3) в сфере судопроизводства по уголовным делам:

- рассмотреть возможность восстановления всех прав реабилитированного, предусмотренных уголовно-процессуальными законодательствами Казахстана и России;

- принимая во внимание наличие неоднозначных подходов к стадиям уголовного процесса, ввести в УПК Казахстана и России понятие «стадия уголовного процесса»;

- изменить положения УПК Казахстана касательно свидетельского иммунитета при совершении насильственных преступлений против детей;

- разработать гарантии для защиты в уголовном судопроизводстве уязвимых категорий лиц;

- усилить профилактику преступлений посредством привития семейных ценностей и воспитания детей в духе национальных ценностей;

- рассмотреть допустимость ограничения конституционных прав и свобод личности только в рамках стадии досудебного расследования;

- обеспечить эффективность оказания квалифицированной юридической помощи адвокатами, назначаемыми органом, ведущим уголовный процесс, за счет средств государства;

- законодательно обеспечить процессуальной защитой всех прав свидетеля, имеющего право на защиту, в уголовном судопроизводстве;

- обеспечить законодательное регулирование защиты прав заинтересованных лиц по обжалованию постановления суда о конфискации имущества, до вынесения приговора;

4.4) в сфере судопроизводства по делам об административных правонарушениях:

- инициировать изменения в действующее законодательство Казахстана по вопросам возмещения судебных расходов по делам об административных правонарушениях, так как в настоящее время для оплаты помощи защитника

требуется неоправданное обращение лиц в порядке гражданского судопроизводства. Это порождает самостоятельный иск и новые судебные расходы, длительный период возмещения;

- активизировать совместные усилия государства и общества по защите граждан от лудомании посредством принятия комплексных мер как законодательного, так и профилактического характера, выражающихся в проведении информационно-разъяснительных мероприятий среди детей и молодежи;

- рассмотреть на законодательном уровне вопрос о целесообразности введения юридической ответственности за агрессивную пропаганду азартных игр и букмекерских контор;

4.5) в сфере судопроизводства с применением медиации, как альтернативного способа разрешения споров:

- продолжить популяризацию института медиации среди населения, повышать информированность граждан об альтернативных способах разрешения споров. Имеется потребность в содействии в этом вопросе уполномоченного органа в сфере медиации, судебных и иных органов;

- углубить изучение международного опыта в сфере медиации, принять дальнейшие меры по повышению квалификации медиаторов для практического применения современных методик и технологий, разработки собственных инноваций на базе имеющихся. Расширять и укреплять международные связи и в первую очередь на центрально - азиатском пространстве, объединяться для развития института медиации и обмениваться опытом.

Участники форума сформулировали следующие предложения:

- опубликовать сборник материалов V Евразийского форума по правам человека;

- распространить онлайн в PDF формате материалы V Евразийского форума по правам человека широкому кругу читателей;

- расширить взаимодействие и международное сотрудничество в сфере научных исследований в области прав человека между участниками Евразийского форума.

Принято участниками V Евразийского форума по правам человека «Права человека и их защита: теория, реальность и тенденции развития» 1 декабря 2023 года в городе Астана.

RESOLUTION

Follow-up to the 5th Eurasian Forum on Human Rights «Human rights and their protection: theory, reality and development trends»

December 1, 2023

Astana

The participants of the 5th Eurasian Forum on Human Rights, representing intergovernmental organizations, State bodies, judicial bodies, educational and scientific institutions of Azerbaijan, Germany, Kyrgyzstan, Russia, Uzbekistan and Kazakhstan, adhering to the basic principles of human rights set forth in the Universal Declaration of Human Rights,

reiterating the need to improve the human rights situation worldwide, recognizing that human rights, democracy and the rule of law create conditions in which countries can promote development, protect individuals from discrimination and ensure equal access to justice for all,

bearing in mind the importance of developing national legal systems and building a constructive dialogue between civil society institutions and authorities,

continuing to develop and strengthen interaction with the independent expert community and a wide range of civil society organizations, both within and outside the country, in the field of human rights,

Adopted the following recommendations:

1. Continue to implement the rule of law and protect human rights by developing procedural and moral categories of justice, integrity, reasonableness.

2. Comply with all criteria for the admissibility of citizens' appeals to the constitutional control bodies in order to ensure the quality and effectiveness of the protection of their constitutional rights, since the final decision of the authorized body for one person will affect the rights and freedoms of other citizens.

3. To enshrine at the legislative level the principle of the social continuity of generations as the basic principles for the development of State family policy, which will ensure the focus of the State and society on the preservation and maintenance of intergenerational relations.

4. Consider the following areas for improvement in selected forms of legal proceedings:

4.1) In administrative proceedings:

- to elaborate issues of legislative regulation of public relations in the digital sphere on the basis of scientifically based recommendations and practical experience of foreign countries, taking into account the balance of legitimate interests of subjects of administrative law;

- to examine questions of the admissibility of an administrative complaint from the point of view of clarifying the grounds for its return, with a view to improving the rules of the Code of Administrative Procedure governing the actions of a court (judge) in a case;

4.2) In civil proceedings:

Introduce digital technologies to enhance access to justice in addressing issues related to competition in civil cases, Since competition itself is highly algorithmic in comparing a hypothetical remedy;

- provide for increased simplified procedure for selected categories of civil cases through the development of e-justice and reducing social, educational and other barriers to access to justice while preserving the right of individuals to refuse to consider a case in a simplified manner;

- strengthen legislative regulation of the reasoning of judicial decisions as an instrumental value for achieving fair justice by eliminating civil procedural rules allowing for the reduction of requirements for the presentation of the reasons for the judicial acts;

4.3) In criminal proceedings:

- consider the possibility of restoring all the rights of rehabilitated persons provided for in the criminal procedure legislation of Kazakhstan and Russia;

- taking into account the existence of ambiguous approaches to the stages of criminal proceedings, introduce the concept of the «phase of the criminal process» in the Code of Criminal Procedure of Kazakhstan and Russia;

- amend the Code of Criminal Procedure of Kazakhstan on witness immunity for violent crimes against children;

- developing safeguards to protect vulnerable groups in criminal proceedings;

- strengthen crime prevention by instilling family values and educating children in the spirit of national values;

- consider the permissibility of restrictions on the constitutional rights and freedoms of the individual only at the stage of pre-trial investigation;

- to ensure that qualified legal assistance is effectively provided by lawyers appointed by the body conducting the criminal proceedings at State expense;

- ensure by law procedural protection of all the rights of protected witnesses in criminal proceedings;

- ensure legislative regulation of the protection of the rights of interested persons to appeal against a court decision on confiscation of property, before sentencing;

4.4) In administrative proceedings:

- to initiate changes to the current legislation of Kazakhstan on the reimbursement of court expenses in cases of administrative offenses, since, at present, the payment of defence counsel requires unjustified recourse by persons in civil proceedings. This creates an independent claim and new legal costs, a long recovery period;

- step up joint efforts by the State and society to protect citizens from ludomania through comprehensive measures, both legislative and preventive, in the form of information and awareness-raising activities for children and young people;

- consider at the legislative level whether it is advisable to introduce legal liability for aggressive propaganda of gambling and betting houses.

4.5) In the field of mediation proceedings as an alternative method of dispute resolution:

- continue to popularize the institution of mediation among the population, raise citizens' awareness of alternative ways of resolving disputes. There is a need to assist the authorized body in the field of mediation, judicial and other bodies;

- deepen the study of international experience in mediation, take further measures to improve the skills of mediators for the practical application of modern methods and technologies, developing their own innovations on the basis of existing ones. To

expand and strengthen international relations, especially in the Central Asian area, to unite for the development of mediation institute and to exchange experience.

The Forum participants made the following proposals:

- to publish a collection of materials of the V Eurasian Forum on Human Rights;
- to distribute online in PDF format the materials of the 5th Eurasian Forum on Human Rights to a wide range of readers;
- expand cooperation and international cooperation in the field of human rights research among the participants of the Eurasian Forum.

It was adopted by the participants of the V Eurasian Forum on Human Rights Human Rights and their Protection: Theory, Reality and Development Tendencies on 1 December 2023 in Astana.

Содержание

Ахметзакиров Н.Р. Приветственное слово	6
Пленарное заседание	9
Нурмуханов Б.М. Правозащитный потенциал Конституционного Суда Казахстан	9
Рахметулин А.Д. Обеспечение конституционных прав человека при производстве по уголовным делам	11
Исаенкова О.В. Трепетное отношение к гражданской процессуальной форме - фильтр недавних и предполагаемых изменений гражданского процессуального права	14
Самарходжаев Б.Б., Адхамов А.А. Судебная защита прав человека в свете новой редакции Конституции Республики Узбекистан	18
Афанасьев С.Ф., Токарева А.А. Влияние цифровизации на судебный порядок защиты гражданских прав	21
Сейтимова В.Х. Защита прав человека в проекции права ЕАЭС	24
Лукьянова И.Н. Судебная форма защиты как основная гарантия прав человека: сущностные характеристики	27
Рябцева Е.В. Основные направления судебной реформы в России	31
Туманов Д.А. Значение прав человека для обеспечения общественных интересов и их судебной защиты	35
Митин А.Н. Информационная безопасность и права «цифровых людей»	38
I СЕССИЯ	45
ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ	
Мусин К.К. Некоторые вопросы развития избирательной системы Республики Казахстан (1995 – 2023 годы)	45
Турсынбекова С.П. Роль омбудсмена в защите прав человека	48

Ибрагимов Ж.И. Құқық үстемдігі адам құқықтарын қорғаудың тетігі	52
Велиева Д.С. Государственная поддержка и защита семьи, материнства, отцовства и детства: конституционный аспект	57
Жатқанбаева А.Е. Критерии допустимости индивидуальных обращений по законодательству Республики Казахстан о конституционном контроле	62
Подмарев А.А. Роль Конституционного Суда России и Конституционного Суда Республики Казахстан в защите прав и свобод человека и гражданина от неконституционных ограничений	66
Липчанская М.А. Право на местное самоуправление в условиях цифровой трансформации: проблемы цифрового неравенства	72
Самович Ю.В. Экономические меры принуждения (санкции) и права человека	78
Шугуров М.В. Права человека и санкции в отношении научного сектора	84
Порохов Е.В. Налогово-правовые аспекты обеспечения реализации и защиты прав человека	91
Грибанов Д.В., Белканов Е.А. К проблеме снижения стандарта защиты прав человека в отдельных правопорядках	98
Бурбаев Т.К. Права человека: правовые ценности и правовой менталитет	104
Олейник Д. Субъективное публичное право как конституционно-обусловленная предпосылка судебной защиты прав граждан в административном судопроизводстве ФРГ	110
Несмеянова С.Э. Роль органов конституционного правосудия в защите прав человека	114
Жакаева Л.С. К вопросу о праве на судебную защиту	118
Михайлова Е.А. Защита прав человека в судебной практике арбитражных судов Российской Федерации	121

Сапаралиева С.М. Вопросы обеспечения гендерного равенства: теория, реальность и тенденции развития	124
Нұрышева Т.С. Жеке басқа қол сұғылмаушылық қағидаты және жеке тұлғаны әкімшілік ұстап алуды қолдану мәселелері	129
Соколова О.В. Проблемы процессуальной защищенности личности в суде первой инстанции	135
Калинина Е.Г. Новое законодательство о гражданстве РФ как регулирование миграционных процессов на евразийском пространстве	140
Юн Л.В. Судебная защита экологических прав юридических лиц в Российской Федерации через призму Конституционного правосудия	143
Костылева Е.Д. Современные проблемы защиты прав человека в цифровом пространстве	146
Шевко Н.Р. Кибербезопасность личности в условиях цифровизации общества	152
Ермолаева Ю.В. Понятие права на здоровье в современном мире	155
Михайлов А.Е. Защита прав человека при осуществлении процедуры медиации как альтернативной процедуры урегулирования споров в России: теория, реальность и тенденции	159
Колесникова Т.В. О практике рассмотрения дела, связанного с гражданской, административной и уголовной ответственностью	167
Бендюрина С.В. Права и свободы человека в период пандемии (сovid-19) в России	173
Островская Н.Б. Укрепление доверия розничного инвестора к финансовому рынку через усиление его защищенности: тенденции и перспективы	179
Покачалова А.С. Специфика защиты прав и законных интересов застрахованных лиц банком России и финансовым уполномоченным	182
Фролов А.А. Конституционные гарантии права на жилище в Российской Федерации и Республике Казахстан	186

Құнанбаева М.Н. Серикбаева Б.М., Сейіткерім Б.Е. Мемлекеттік басқару тарапынан ерекше балалардың ата-аналарының өмірге құштарлығын нығайту жолдары	191
Грачева С.А. Эффект soft law международно-правовых стандартов в области прав человека и вопросы юридической догматики	197
Струсь К.А., Занозина Д.В. К вопросу о цифровых правах человека	203
Акылбекова А.Б. Қазіргі әлемдегі адам құқықтары	207
Усенбаева А.Е. Государственно-правовые аспекты наследственных прав граждан Республики Казахстан. Судебная практика	210
Абилгазина А.Ж. Әкімшілік сот ісін жүргізудегі адам құқықтарын қорғау ерекшеліктері	216
Костяная Ю.С. Искусственный интеллект и соблюдение прав человека: проблемные вопросы и перспективы развития	218
Бузаканова А.Б. Механизмы защиты прав ребенка в Казахстане	225
Елеусинов А.А. Жеке тұлғаның құқықтық мәртебесінің негіздері	228
Сарлыбаева А.А. Цифрлық технологиялар дәуірінде адам құқықтарының жаңа буынын дамыту	235
Сурменева Е.А. Институт финансового уполномоченного в механизме публично-правовой защиты прав потребителей финансовых услуг	241
Павлова М.А. Государственные программы в России и Казахстане как вектор обеспечения социальной справедливости	247
II СЕССИЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ	253
Баймолдина З.Х. Мотивированность судебных решений – необходимое условие обеспечения защиты прав человека	253

Нуриев А.Г. Нотариальная форма защиты права в механизме защиты прав человека	260
Плотников Д.А. Пределы ограничения применения искового производства по гражданским делам в условиях упрощения и ускорения гражданского судопроизводства	263
Тулеев К.Д. Альтернативные суду способы урегулирования споров как элемент защиты гражданских прав: практика применения	268
Грибов Н.Д. Нравственные аспекты защиты прав человека в гражданском процессе Российской Федерации	270
Соловьева Т.В. Современные тенденции развития гражданского судопроизводства Российской Федерации	275
Нахова Е.А. Доказательственная деятельность представителя в гражданском процессе: баланс принципов состязательности и судейского руководства	279
Багыллы С.Т. Применение процедуры медиации в Российской Федерации по делам о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц	283
Саттарова З.З. Профессиональное представительство в суде: перспективы развития в гражданском процессе Российской Федерации	288
Мануковская А.Н. Защита трудовых прав граждан через механизм компенсации морального вреда	293
Хрулева В.В. Некоторые вопросы понятия злоупотребления принципом свободы договора в российском гражданском праве	299
Ульянова М.В. Защита прав супругов при разделе имущества: на примере Республики Казахстан и Российской Федерации	305
Ерохина Т.В. Некоторые проблемы защиты трудовых прав по законодательству Российской Федерации	309
Типикина Е.В. К вопросу о праве работников на поощрительные выплаты в составе заработной платы и его защите по законодательству о труде Российской Федерации	314

Борисова В.Ф. Доступность правосудия по гражданским делам в условиях цифровизации	319
Гаврилова Ю.В. Потенциал нотариата в обеспечении защиты прав человека в современном мире	323
Курманова А.К. Правовые вопросы защиты прав потребителя при оказании информационных услуг в онлайн-формате	328
Абаева Ж.М. Актуальные вопросы в сфере защиты прав потребителей в Республике Казахстан: правовое регулирование, судебная практика	335
Шайменова А.Б. Установление фактов, имеющих юридическое значение: перспектива передачи данных полномочий нотариусам. Опыт Республики Армения	341
Жакупов Ж.А. Проблемные вопросы развития профессиональной медиации и пути их решения	347
Шакаров К.К. Вопросы возмещения судебных расходов по делам об административных правонарушениях в порядке гражданского судопроизводства	350
Шайзадаев Б.А. Алдын ала жасалатын шарттарды құқықтық реттеу мәселелері	353
Дубровина Е.В. Примирительные процедуры в гражданском судопроизводстве Республике Крым. Проблемы теории и практики	357
Егембердиев Е.О. Жер дауларын медиация жолымен реттеу	362
III СЕССИЯ	366
ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	
Рамазанова Л.М. Суд присяжных заседателей как гарантия прав граждан на справедливое судебное разбирательство	366
Rozsnyai Balázs dr. The application of the cross-judicial principle of ne bis in idem	371
Загорский Г.И. Обеспечение прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве	374

Качалова О.В. Защита прав уязвимых категорий лиц в уголовном судопроизводстве	377
Марковичева Е.В. Защита прав несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в российском уголовном процессе	382
Абдрашев Р.М. Реформирование уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан в условиях применения трехзвенной модели уголовного судопроизводства	386
Бекетова Б.К. Вопросы защиты прав и безопасности лиц, оказывающих конфиденциальную помощь правоохранительным и специальным государственным органам в уголовном процессе	389
Мусабаев М.К. Современное состояние механизма реализации и защиты прав детей в Казахстане	392
Верина Г.В. Уголовно-правовая охрана собственности в условиях глобальных вызовов	398
Козубенко Ю.В. Целеполагание в уголовном судопроизводстве стран СНГ	402
Крипиневич С.С. Индивидуализация уголовно-процессуального регулирования как концептуальная основа обеспечения прав человека	407
Акимжанов Е.С. К вопросу о факторах, влияющих на уровень защищенности от домашнего насилия	413
Головачук О.С., Раменская В.С. Институт реабилитации в механизме защиты прав уголовно-преследуемого лица: сравнительный анализ УПК РФ и УПК РК	418
Артёменко Н.Н. Охрана криптовалюты уголовно-правовыми средствами	424
Амирова Д.К. Уголовно-правовая охрана права собственности: теоретический анализ и вопросы реализации	426
Бохан А.П. Право человека на жизнь как объект уголовно-правовой охраны	432
Анисимов А.А. Гарантии отправления уголовного правосудия для несовершеннолетних, установленные международно-правовыми актами	437

Грачёва О.А. К вопросу о полномочиях органов прокуратуры по предупреждению нарушений прав граждан	444
Богатова Е.В. Координационный способ защиты прав граждан органами прокуратуры	448
Чурикова А.Ю. Оценка рисков ограничения и нарушения прав человека при использовании информационных технологий в уголовном судопроизводстве	450
Кобзева Е.В. Обеспечение прав осужденных при реализации замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ)	455
Джаксыбаев А.С. Психологические аспекты работы с несовершеннолетними жертвами и свидетелями преступлений в уголовном производстве	462
Ванин Д.В., Калинин А.В., Углонова О.А. Конституционный статус личности и гарантии его обеспечения в стадии возбуждения уголовного дела	467
Мәуленов Д.Б. Кейбір шет мемлекеттердің конституциялық құқығындағы ар-намыс және қадір-қасиет тұжырымдамасы және оны қорғаудың халықаралық-құқықтық механизмдері	472
Раймханова З.Р. Основания ограничения конституционных прав граждан следственным судьёй на частную собственность, неприкосновенность жилища, частной жизни, на личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров и иных сообщений	479
Ибраимова Н.И. Кәметтік жасқа толмағандар арасында құқыққа қайшы мінез-құлықтың алдын алудың шетелдік тәжірибесі	480
Проводина Е.В. Понятие иных мер уголовно-правового характера	487
Достияров Ж.Б. Бала құқықтарын қорғаудың кейбір мәселелері	490
Ермаханов Б.А. Қылмыстық және қылмыстық іс жүргізу заңнамасының нормаларын қолдану контекстінде адам құқықтарын қорғау	493

Шахаманов С.Б. Деятельность следственных судей по защите прав человека на стадии досудебного расследования	500
Айсенова М.З. Актуальные вопросы реализации принципа презумпции невиновности обвиняемого в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан	506
Құдайбергел Е.Б. Қылмыспен келтірілген залалды өтеу барысында жәбірленуші мен кінәлі тұлғаның құқықтарын қамтамасыз ету	510
Хамитова А.А. Компенсация морального вреда при оказании некачественных медицинских услуг: обзор законодательства и практики	513
Качалов Е.В. Международно-правовые основы ограничения прав и свобод участников уголовного судопроизводства	516
Табулденова Г.Б. Проблемы защиты прав несовершеннолетних от кибербуллинга	521
Iglikova S. Foreign criminal legislation in the sphere of combating trafficking in person	527
Ғалым А.М., Маханбетов Н.К. Сотқа дейінгі тергеп-тексеруді жүргізу кезінде куәнің құқықтарын сақтау мәселелері	532
Nurpeissova M.M. Features of women's rights protection in the Republic of Kazakhstan	534
Яценко Г.Ю. Правовое положение законного представителя как участника уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних	540
Махова М.Л. Проблема ограничения прав человека в уголовном процессе	546
Елеусизова Г.К. Правовые и социальные последствия моббинга	553
Гусейнов Р.Г. Назначение судебного заседания: стадия или этап уголовного процесса?	558
Аникина М.С. Медиация как способ примирения с потерпевшим	561

Абишева С.Т., Шнарбаев Б.К. Защита прав человека в трехзвенной модели уголовного процесса в Республике Казахстан	565
Сеильбекова Н.Е., Брылевский А.В. Результаты, полученные посредством технико-криминалистических средств как доказательство в отечественном уголовном процессе	568
Досмогомбетова В.О., Брылевский А.В. Защита прав интересов отдельных категорий потерпевших при проведении досудебного расследования	573
Зиновьев А.В. Сравнительный анализ принципа независимости судей в уголовном судопроизводстве в действующем законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан	579
Резолюция	584

Ғылыми басылым
Научное издание

**«АДАМ ҚҰҚЫҚТАРЫ ЖӘНЕ ОЛАРДЫ ҚОРҒАУ:
ТЕОРИЯСЫ, БОЛМЫСЫ ЖӘНЕ ДАМУ ТЕНДЕНЦИЯЛАРЫ»**
Адам құқықтары жөніндегі V Еуразиялық форумның материалдар жинағы
(2023 ж. 1 желтоқсан, Астана қ.)

**«ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ИХ ЗАЩИТА:
ТЕОРИЯ, РЕАЛЬНОСТЬ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ»**
Сборник материалов V Евразийского форума по правам человека
(1 декабря 2023 г., г. Астана)

**«HUMAN RIGHTS AND THEIR PROTECTION:
THEORY, REALITY AND DEVELOPMENT TRENDS»**
Collection of materials of the V Eurasian Forum on Human Rights
(December 1, 2023, Astana)

З.Х. Баймолдинаның редакциялық етумен.
2024 жылғы 20 наурызда баспасөзге қол қойылды.
«Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі
академиясы» РММ баспасы, 010000, Астана қаласы,
Бейбітшілік көшесі, 46
Электронды басылым

Под редакцией З.Х. Баймолдиной
Подписано к печати 20 марта 2024 г.
Издательство РГУ «Академия правосудия при
Верховном Суде Республики Казахстан»,
010000 г.Астана, ул.Бейбитшилик,46.
Электронное издание

Edited by Z.H. Baimoldina
Signed for printing on 20 March 2024.
Publishing house of the RSI «Academy of Justice under the
Supreme Court of the Republic of Kazakhstan»,
010000 Astana, Beibitshilik street, 46.
Electronic edition